ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. Пушкина

XXIX Царскосельские чтения

В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ 1

Материалы международной научной конференции

22–23 апреля 2025 г.

Текстовое электронное издание

Санкт-Петербург
2025

УДК 378
ББК 74.48
Ц19

Редакционная коллегия: проф. В. А. Веременко,
проф. О. Р. Демидова,
проф. Н. М. Космачева,
доц. Т. Е. Лебедева,
проф. С. Л. Слободнюк,
Е. Р. Рау,
проф. М. В. Рыбкина,
проф. И.-Ф. В. Фуртай-Проскурина,
доц. М. В. Ягодкина

Ц19 **XXIX Царскосельские чтения:** материалы международной научной конференции, 22–23 апреля 2025 г., Санкт-Петербург: в 2 т. – Т. 1 / под общ. ред. Ю. И. Бушеневой. – Санкт-Петербург: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2025. – 1 CD-ROM. – Систем. требования: ПК (AMD, Intel, 1,5 ГГц); Windows 7/8/10; 2 Гб; 500 Мб; CD-ROM; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с титул. экрана. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-8290-2272-3 (т. 1)
ISBN 978-5-8290-2271-6

В сборнике представлены материалы международной научной конференции «XXIX Царскосельские чтения», в которой традиционно принимают участие ведущие российские и зарубежные учёные, преподаватели, специалисты-практики, представители общественных организаций и учреждений культуры, науки и образования.

Издание адресовано широкому кругу специалистов, в том числе научно-педагогическим работникам и административно-управленческому персоналу образовательных организаций всех уровней, аспирантам и студентам.

УДК 378
ББК 74.48

© Авторы, 2025
© Ленинградский государственный университет (ЛГУ) имени А. С. Пушкина, 2025

ISBN 978-5-8290-2272-3 (т. 1)
ISBN 978-5-8290-2271-6

Содержание

ИСТОРИЯ СТРАНЫ В БИОГРАФИЯХ ЕЕ ГРАЖДАН. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Роль Ленинградского государственного цирка
в становлении советского циркового искусства (1950–1960-е гг.)
М. С. ВАРНАКОВ 9

Применение в практике преподавания биологии жизнеописаний выдающихся
ученых-биологов с целью организации патриотического воспитания обучающихся
Д. С. МАЙОРОВ 13

Политическое значение партий ипподрома в Византии
Д. А. МАКАРОВ, О. С. МАКАРОВА 17

Правовой статус военнослужащего в Московском царстве XVII в.
Д. А. МАКАРОВ, О. С. МАКАРОВА 22

Освещение железнодорожного строительства в Туркестанском генерал-губернаторстве
в изложении газеты «Русский инвалид» в 1894–1917 гг.
В. А. МАСЛОВА 26

Изменение образа И. В. Сталина в общих работах и учебниках по истории ВКП(б)
в 1930-е гг.
Ю. Л. ТАРАСЕНКО 31

Изучение мотивов Петра Алексеевича Романова и Владимира Ильича Ленина
в рамках психоистории
А. С. ЧЕРНОВА, Н. С. СОЛОВЬЕВА 34

Повседневная жизнь офицеров Кронштадта и их семей
в конце XVIII – начале XX в., организация морского собрания
Е. Н. ШУМОВ 40

О повседневной жизни боярской семьи в Новгороде XII в.
М. И. ЯШИНА 50

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

Проблема самоидентификации русской мысли
А. Н. БАЙРОН 56

Российский правовой контент, отражающий позицию государства в области религии,
как учебный материал для поликонфессиональных образовательных учреждений
П. Ю. БЕЛОВ 59

Идентичность современных российских евангельских христиан-баптистов
О. А. БОКОВА 66

Формирование национальной идентичности в советском кино периода «оттепели»
А. Г. ГЕВОРКЯН 71

Быть – значит осуществлять свое не-алиби в бытии
О. А. КАНЫШЕВА 75

Проблема типологии религиозной идентичности
К. В. КРИНЦЮС 82

Гражданская идентичность личности как проявление компетентности педагогов
И. Е. КУЗЬМИНА 87

Атеистическое воспитание в Вооружённых силах Советского Союза:
история и современность
В. А. КУРИЛОВ 92

Влияние изменений государственной конфессиональной политики
на старообрядческое сообщество Сызрани в XVIII–XIX вв.
Н. В. КУРКИНА 99

Философская модернизация представлений о мире и войне: от премодерна к модерну
А. Д. МАРКИТАНТОВ 105

Трансформация понятия «радикальное» в индифферентном сознании
Н. В. МИРОНОВА 112

Культура коллективной памяти в контексте национальной идентичности
Е. М. МИРОШНИКОВА 115

Национальная идентичность через призму петроградского авангарда.
Художественная практика Петра Митурича
Е. Е. НЕМЕРЧУК 120

Финно-угорская мифология в войнах, политике и военной эстетике XX–XXI вв.
К. Д. НИКОНОРОВ 124

Миграция, новые идентичности и «ускользающие» границы
Т. С. ПРОНИНА 128

В поисках русского ритуала
Д. Э. ПРЫТКОВА 132

Деятельность районных архивов в годы Великой Отечественной войны
Д. Н. СПАСИБУХОВ 137

Экзистенциальная аналитика блокадного человека
(на основе мемуаров советских ученых: Д. С. Лихачева, О. Фрейденберг, Л. Гинзбург)
О. И. СТАВЦЕВА 145

Государственная политика в сфере свободы совести в СССР в 1917–1939 гг.
О. А. СУЧКОВА 149

Водские племена в составе земель Великого Новгорода в XIII–XV вв.:
к вопросу о территориальных, культурных и этнических границах
В. А. ТАРБЕЕВ 154

История в российских университетах первой половины XIX в.
(Н. В. Гоголь, М. П. Погодин)
И. А. ТУЛЬПЕ 159

Проблема сохранения религиозной идентичности представителями русской
православной эмиграции первой волны в условиях давления со стороны государства
(на примере Эстонии и других государств-лимитрофов)
Д. В. ХМЫРОВ 163

Взгляд русских эмигрантов второй волны на вопрос отделения церкви от государства
(по материалам Гарвардского проекта)
Д. С. ХОМКОВ 169

Отношение к войне и миру в философии Николая Рериха
А. П. ЧЕРНЕЕВСКИЙ 175

«Боевой киносборник»: мифологизация актера как инструмент коллективной памяти
Е. Н. ШАТОВА 179

Русская языческая тризна XXI в.: идеологический тайл
в конструировании исторической идентичности
Р. В. ШИЖЕНСКИЙ 183

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОДВИГ РУССКОГО НАРОДА, ОТРАЖЕННЫЙ В ИСКУССТВЕ И КУЛЬТУРЕ. ОТ БЫЛИННЫХ БОГАТЫРЕЙ К ГЕРОЯМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Гэсэр: образ народного героя-богатыря в творчестве бурятских художников
М. В. АСАЛХАНОВА 187

Мои наставники и учителя, художники – участники Великой Отечественной войны
С. А. КЛУБНИКИНА 194

Образ А. И. Суворова в исторической живописи В. И. Сурикова
Н. Д. ЛУКШИН 198

Реализация культурной политики государства
в выставочной деятельности художественного музея
(на примере выставки «Васнецовы. Связь поколений. Из XIX в XXI век»)
Е. В. МОРОЗОВА 203

Интертекст: военная кинематографическая «судьба» лошади
как преодоление границы в «человеческое»
Е. Н. ШАТОВА 209

Архитектурно-художественное пространство мемориальных комплексов:
культурный аспект
Л. В. ЭГЛИТ 215

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ КАК ИСТОЧНИК УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

Роль хорового пения в воспитании патриотизма школьников
А. А. КОЖЕВНИКОВА 221

Изучение творчества русских композиторов на уроках музыки
в общеобразовательной школе как средство приобщения к русской культуре
Н. В. КОЖУРКИНА 225

Природа как субъект сознания в песенном творчестве
российской паган-фолк-группы «Bjarla»
Е. В. ЛОКТЕВИЧ 229

Роль музыкальной культуры России в укреплении национального единства
О. Н. МАРКОВА-МИХАЙЛЕНКО 234

Роль вокальной студии в воспитании национальной идентичности
С. В. МИХЕЕВА 239

Образ народа в русской опере XIX в.
Е. Р. РАУ 245

Переосмысление содержания массовых песен в годы Великой Отечественной войны
В. Я. РОМАНКО, А. И. ПРАВДИНА 251

Военные марши и патриотические песни в русской музыкальной культуре
Н. М. СЕНЬКО 255

Влияние военных событий на творчество композиторов
как предмет изучения в общеобразовательной школе
Е. О. СМОЛЯНКИНА 260

Патриотическая песня как средство формирования
гражданской идентичности у школьников на уроках музыки
Л. К. ХУРУДЖИ 265

Образ защитника Отечества в кантате С. С. Прокофьева «Александр Невский»
А. С. ШЕСТАКОВА 272

Образовательный ресурс постановки этнического танца
в современном междисциплинарном дискурсе полинационального социума
ЯН СИЦЗИН, М. Д. КОРНОУХОВ 278

ТЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Рецепция «Седьмой симфонии» Д. Д. Шостаковича в отечественной поэзии:
музыка как выражение духа эпохи и объединяющая сила в борьбе с фашизмом
Л. И. ВИГЕРИНА 284

«Как войну бескровно-безденежно провести», или Образ солдата-михрютки
в сказке Саши Черного «Мирная война»
М. А. ЖИРКОВА 291

РОЛЬ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСПИТАНИИ ПАТРИОТИЗМА

Профессиональная коммуникация преподавателя иностранного языка
при формировании социокультурной компетенции
А. В. АЛЕКСАНДРОВА, Е. В. МАЛЫШЕВА 297

Воспитание гражданственности младших школьников
на внеурочных занятиях по русскому языку
З. В. АЛЬШЕВСКАЯ, В. А. ВАСИЛЬЕВА 301

Искажение истории России в контексте информационного противоборства
(по материалам американской и британской прессы)
Л. В. КОЦЮБИНСКАЯ 305

Образовательные креативные практики как инструмент формирования
социальной ответственности и патриотизма
В. А. МАЦКО 309

Модальные глаголы как средство выражения имплицитного
содержания высказывания в речи детектива
С. П. МОИСЕЕНКО 314

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО И ПАТРИОТИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА

От сленга до патриотизма: национальное единство
в контексте современной песенной культуры
А. Н. АГАПОВА 320

Концепт «Родина» в рассказе В. П. Астафьева «Далекая и близкая сказка»
Е. Л. КАЛИНИНА 324

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА В РЕКЛАМЕ И СВЯЗЯХ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Цифровые технологии как фактор формирования коммуникативной среды для воспитания духовно-нравственных ценностей у школьников 13–16 лет
Е. Н. КУЛИКОВСКАЯ 330

Отличная работа маркетологов или культурный феномен? Sold out на концерты Надежды Кадышевой
М. М. МАРКЕС 334

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

«Социалистическое отечество в опасности!» Политико-правовые основы суверенитета Советской России
Н. Г. ДАШКЕВИЧ 340

Об особых случаях прохождения военной службы РФ
А. В. ЕВСЕЕВ 344

Первые итоги деятельности Наркомата социального обеспечения РСФСР по реализации Постановления СНК СССР от 16 июля 1940 № 1269 «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям»
О. В. КАПУСТИНА 351

О дифференциации уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения на основании признаков субъективной стороны преступления
А. М. ПАВЛИК 356

Правовые аспекты приостановления и прекращения предварительного расследования в связи с призывом, прохождением военной службы или заключением контракта
А. Х. РАГАНЯН, О. Р. ШЕПЕЛЁВА 361

УСТОЙЧИВОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

Перспективы межрегиональной экономической интеграции в России
Ю. И. БУШЕНЕВА 369

Возможности развития ботелей в Ленинградской области
А. А. ДОБИЖА 374

Молодёжь и волонтёрство: как социальные инициативы способствуют укреплению единства в обществе
В. В. КЛОЧКОВА 378

Роль потребления в сбалансированности развития региона
Н. М. КОСМАЧЕВА 385

Краудсорсинг как инновационный инструмент повышения эффективности деятельности высшей школы
Е. А. КУРТОВ 390

Эффективные кадры – основа сильного государства: цифровая трансформация госслужбы
А. В. КУЩ 395

Тенденции на рынке труда в условиях специальной военной операции
Е. А. МАКЛАКОВА 399

Свободные экономические зоны и их роль в развитии экономики
Республики Таджикистан
М. Х. МАХМУДОВА 404

Влияние российского туристского бизнеса на развитие региона
на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области
О. Е. МИРОТИНА 409

Роль развития компетенций государственных служащих
в обеспечении устойчивого социально-экономического развития территории
Е. А. ПЛЕЧОВА, К. С. АФАНАСЬЕВ, А. Д. РЕЗВАЯ 416

Финансовая грамотность как критерий устойчивого
социально-экономического развития региона
Ю. Н. СТЕЦЮНИЧ 421

Инфраструктура локальной экономики и обеспечение устойчивого
социально-экономического развития территории
К. И. ТОЛСТОВ 426

Развитие сферы социального предпринимательства
как основа повышения уровня жизни граждан
Ю. В. ФИЛАТОВ 430

Устойчивое развитие автотранспортной инфраструктуры северных городов
в современных реалиях
Е. Г. ЦЫПЛАКОВА, Г. И. СИНЬКО, Ю. Г. ЯНКЕВИЧ 435

Устойчивое развитие Ленинградской области:
фактор доступности среднего профессионального образования
О. П. ЧЕКМАРЕВ 440

Региональные социально-экономические системы и национальное единство
в контексте экономики взаимоотношений
Г. В. ЧЕРКАССКАЯ 447

ИСТОРИЯ СТРАНЫ В БИОГРАФИЯХ ЕЕ ГРАЖДАН. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

УДК 79.51
ГРНТИ 18.51.09

Роль Ленинградского государственного цирка в становлении советского циркового искусства (1950–1960-е гг.)

М. С. ВАРНАКОВ

В данной статье рассматривается период «оттепели» в советской культуре, начавшийся с 1953 г. после смерти И. В. Сталина. Автором отражено влияние положительных изменений в политической и социальной жизни страны на развитие циркового искусства. В статье указаны не только изменения в содержательной образности цирковых представлений, но и технические новшества, поставившие советский цирк на новый уровень привлекательности для публики.

Ключевые слова: цирк, цирковое искусство, советский цирк, Ленинградский цирк.

После кончины И. В. Сталина 5 марта 1953 г. в стране начинается новая историческая эпоха, известная как «оттепель». Изменения во внутренней и внешней политике государства оказывали влияние и на культурное развитие. В этот период искусство стало более свободным в своём самовыражении, открывая новые горизонты для творчества. Пятидесятые – семидесятые годы стали временем, когда советский цирк пополнился такими знаменитыми артистами, как Маргарита Назарова, Ирина Бугримова, Олег Попов, Вальтер и Мстислав Запашные, Валентин Филатов и другими [Немчинский, с. 167].

Лишь после 1953 г. цирковое искусство получило возможность медленно восстанавливать насыщенную образность своих номеров и выступлений, которые были характерны для военного и послевоенного периодов. Цирк не оставался на месте и постоянно изменялся. Номера, популярные в конце XIX и начале XX в., могли бы показаться скучными и примитивными в 1950–1960-х гг. Благодаря достижениям науки и технологий, искусство цирка стало значительно более разнообразным, особенно в таких областях, как иллюзия. Кроме того, химические науки также нашли своё применение в цирке. Например, если раньше для создания эффекта «снегопада» использовали мелкие кусочки серебряной бумаги, которые сбрасывали сверху, то теперь это действительно был «настоящий» снег, хлопья которого падали в зал и таяли в руках зрителей, не оставляя после себя никаких следов [2, л. 43].

Цирк 1950–1960-х гг. представлен как «цирк новаторов». В воздушном номере под названием «Мечтатели», который возглавлял Олег Лазовик, помимо традиционных трапеций, были задействованы и воздушные качели. Это нововведение позволило артистам не только совершать горизонтальные полеты, но и

подниматься на значительную высоту. Также впечатляющая воздушная установка была представлена в номере «К звездам», которым руководил один из выпускников Государственного института театрального искусства имени А. В. Луначарского.

В этот период важную роль в развитии циркового искусства начинает играть Ленинградский цирк, художественным руководителем которого был Георгий Венецианов. За это время цирковая арена приняла множество выпускников Московского государственного циркового училища. Особое внимание следует уделить учреждению, основанному на базе Ленинградского государственного цирка во второй половине 1940-х гг. Под руководством выдающегося мастера циркового искусства Сергея Ивановича Маслюкова было подготовлено множество артистов, включая акробатов и эксцентриков, которые впоследствии находили себе применение в различных стационарных цирках по всей стране [1, л. 14].

На основе Ленинградского цирка была создана уникальная конная студия. Учебная программа здесь была очень насыщенной: теория сочеталась с практическими занятиями. Каждый учебный день начинался с ухода за лошадьми – их чистки и кормления. Затем будущие артисты осваивали верховую езду, слушали лекции и изучали гиппологию – науку, посвящённую лошадям. Кроме того, они обучались кузнечному делу и шорному ремеслу, поскольку хороший наездник должен был уметь выполнять любые работы на конюшне.

Из конной студии, где занятия вели Василий Трофимович Соболевский и его дочь Матильда Лавровская, вышли известные наездники, такие как Тамара Рокотова [Медведев, с. 87], Энгелина и Евгений Рогальские. Из студии музыкальной клоунады – Елена Амвросьева, Василий Орлов, Иван Тряпицын [Медведев, с. 103].

Множество артистов из Советского Союза имели тесные связи с Ленинградским государственным цирком. Например, здесь свои номера разрабатывал известный дрессировщик лошадей Борис Манжелли, а Эмиль Теодорович Кио занимался обновлением своих иллюзионных аттракционов [Немчинский, с. 11]. Эмиль Теодорович стал первым в своей династии, кто начал выступать именно в цирке, в то время как его предки предпочитали традиционные сценические площадки, которые позволяли скрыть некоторые элементы от внимания зрителей. Кроме того, он отказался от привычного «волшебства» и «таинственности», которые обычно сопутствовали выступлениям советских иллюзионистов. Вместо привычного восточного халата и чалмы Эмиль Теодорович выходил на сцену во фраке и очках с золотой оправой. Его иллюзионные номера отличались тем, что он стал включать клоунов в свои выступления и насыщал программу сатирическими элементами.

Кроме того, в Ленинградском цирке началось создание знаменитого аттракциона под названием «Медвежий цирк», в котором выступали дрессированные медведи под руководством Валентина Филатова. Охотники приносили ему медвежат, отловленных в лесах. В условиях нехватки пространства для репетиций на основной арене, Филатов проводил занятия в фойе или на небольшом дворе позади цирка [Медведев, с. 87].

Имя известной дрессировщицы Маргариты Назаровой неразрывно связано с Ленинградским цирком. Она впервые привлекла к себе внимание страны благодаря фильму «Укротительница тигров», в котором исполняла трюки с хищниками как дублёр актрисы Людмилы Касаткиной. Маргарита появилась на свет в Детском Селе, ныне известном как Пушкин. Её детство прошло в близости к животным, так как её отец был лесоводом и часто приносил домой различных зверей. Со временем Маргарита стала посещать кружок юннатов при Доме пионеров, что укрепило её интерес к животным [3, л. 87].

Путь Назаровой также пролегал через хореографию, где она выступала в опереттах и на эстраде. Однако её первые выступления были далеки от привычного образа дрессировщика хищных зверей. Вместо того чтобы пугать животных щелчками рожка или палкой, она нежно гладила их, что стало основой её уникального подхода к дрессировке. Тигры на её выступлениях не были укрощены и сидели на тумбах, а свободно перемещались по манежу. Это новаторство стало возможным благодаря гуманной школе дрессировки, основанной Борисом Эдером и Александром Александровым-Федотовым [Медведев, с. 121].

С именем Бориса Вяткина неразрывно связано имя знаменитого ковёрного клоуна Ленинградского цирка. В его творчестве особое внимание уделялось политической сатире, и он всегда стремился к актуальности, что и стало залогом его успеха на манеже. Вяткин умело изображал не только побеждённого генерала Гоминьдана, но и «обычного» американца, жизнь которого, как он показывал, оказывается далека от радужного описания радиостанций из-за океана. Клоун великолепно владел искусством пародии, с юмором изображая цирковых укротителей, атлетов и дрессировщиков лошадей. Он мастерски менял образы, быстро превращаясь в болтливых дам, гадалок-цыганок и певцов, не обладающих голосом. Кроме того, как и у другого известного клоуна, Карандаша, его неизменной спутницей была маленькая собачка светло-коричневого цвета по имени Манюня, с которой Вяткин начал выступать ещё до начала Великой Отечественной войны [Вяткин, с. 146].

В Ленинграде свой талант в полной мере продемонстрировал знаменитый народный артист СССР Олег Попов. Благодаря жизнерадостности и обаянию в народе его прозвали «солнечным» артистом. После окончания училища циркового искусства он освоил эквилибристику и в основном выступал как эксцентричный эквилибрист, представляя свои номера в форме сценок. В Ленинградском цирке ему предложили сыграть комическую роль в программе «Праздник на воде», а затем в «Карнавале на льду», где он выступал в паре с клоуном Борисом Вяткиным. Вместе они изображали двух весёлых парней, с которыми на протяжении представления происходили самые разные приключения. Выступления Олега Попова пользовались огромным успехом [4, л. 21].

Зрители Ленинграда постоянно наслаждались выступлениями знаменитых клоунов. В программах участвовал тонкий и ироничный мим Леонид Енгибалов, чья очаровательная проказливость гармонировала с задумчивой и грустной лирикой. Также на сцене выступали Юрий Никулин и Михаил Шуйдин, которые представляли собой яркие контрасты: Шуйдин был более живым и суетливым, в то время как Никулин выделялся своим флегматичным и молчаливым видом. Олег

Попов показывал на манеже Ленинградского цирка сатирическое обозрение «Лечение смехом». Он ставил «диагнозы» симулянтам, «лечил» лодырей, пьяниц. В конце разбрасывались листочки с «рецептом», выписанным «главврачом»: «Весельчак живёт всех дольше, смейтесь в день сто раз и больше» [Медведев, с. 146].

В Ленинградском цирке также появились номера, отражающие культурные традиции различных народов, включая грузинские, армянские, азербайджанские, литовские, киргизские, таджикские и другие. Например, на арене Ленинградского цирка выступали знаменитые джигиты из Северной Осетии, братья Кантемировы, а также канатоходцы: дагестанская группа Цовкра и узбекская семья Ташкенбаевых [Немчинский, с. 172].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что после смерти И. В. Сталина в 1953 г. цирковое искусство переживает заметные преобразования, которые включают более свободные формы самовыражения и новые возможности для творческой деятельности. Постепенно восстанавливается содержательная образность представлений, утраченная в военные и послевоенные годы. Мастера циркового искусства начинают применять новейшие научные и технические достижения, что делает программы более разнообразными и увлекательными для зрителей.

Ленинградский цирк становится центром циркового искусства, где под руководством Георгия Семеновича Венецианова развиваются новые школы и аттракционы. Здесь готовятся цирковые артисты, использующие различные навыки и методики. Первая половина 1960-х гг. отмечается также созданием уникальных представлений, таких как новые иллюзии, в которых используется не только традиционная атрибутика, но и элементы комедии и сатиры.

Значительную роль в развитии цирка играет ряд выдающихся артистов, связанных с Ленинградским цирком, таких как Маргарита Назарова, Борис Вяткин и Олег Попов, которые привносят в свои выступления инновационные элементы и глубину через характерные образы и художественные приёмы. В их работах важно сочетание традиций и новаторства, что подчёркивает разнообразие и многослойность советского циркового искусства.

Список источников

1. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф.Р-273. Оп. 2-2. Д. 103.
2. ЦГАЛИ. Ф.Р-273. Оп. 2-2. Д. 111.
3. ЦГАЛИ. Ф.Р-273. Оп. 2-2. Д. 112.
4. ЦГАЛИ. Ф.Р-273. Оп. 2-2. Д. 113.
5. Вяткин В. Б. Жизнь клоуна. – Л.: Искусство, 1975. – 134 с.
6. Медведев М. Н. Ленинградский цирк. – Л.: Лениздат, 1975. – 144 с.
7. Немчинский М. И. Путь парадоксов. Актуальная образность советского цирка. 1940–1960-е гг. // Театр. Живопись. Кино. Музыка. – 2021. – № 3. – С. 166–192.

Сведения об авторе

Варнаков Максим Сергеевич – магистрант 2 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-3048-8289, e-mail: varnakovm@yandex.ru

УДК 37.016:57
ГРНТИ 14.25.07

Применение в практике преподавания биологии жизнеописаний выдающихся ученых биологов с целью организации патриотического воспитания обучающихся

Д. С. МАЙОРОВ

В статье представлен опыт патриотического воспитания обучающихся 5–9 классов МБОУ «Кобраловская ООШ» через урочную и внеурочную деятельность по биологии. В качестве ключевого элемента данного процесса рассмотрены биографии выдающихся ученых-биологов России, Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, патриотизм, проектная деятельность, биографии.

В указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[1] подчеркнута необходимость создания к 2030 г. условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности. В то же время в силу многогранности воспитания и сложности описания его результатов не существует даже общепринятого определения понятия «патриотизм». Наиболее конструктивным, на наш взгляд, является подход С. Д. Полякова, который рассматривает патриотизм как чувство гордости за достижения в культуре и истории страны [2]. Данное определение созвучно требованиям ФГОС ООО к результатам освоения программы основного общего образования (в частности – к результатам патриотического воспитания), включающим «ценностное отношение к достижениям своей Родины – России, к науке, искусству, спорту, технологиям, боевым подвигам и трудовым достижениям народа[2]».

Согласно ФГОС, ***единство воспитания и обучения*** является одним из приоритетов развития образования, и они должны дополнять друг друга, способствовать комплексному развитию личности ребёнка. Воспитание проходит красной нитью через содержание всего школьного образования, объединяет его элементы и формирует базу мировоззрения обучающегося. Уроки биологии вносят свою лепту в этот процесс, но не являются ни единственным, ни основным ресурсом патриотического воспитания.

В содержании биологического образования наибольшим воспитательным потенциалом обладают персоналии отечественных ученых биологов. Федераль-

[1] Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» № 309 от 07.05.2024.

[2] Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования».

ная рабочая программа по биологии 5–9 классов в качестве предметных результатов обучения включает изучение вклада следующих отечественных ученых в развитие биологических наук:

1. Н. И. Вавилов,
2. И. В. Мичурин,
3. В. В. Докучаев,
4. К. А. Тимирязев,
5. С. Г. Навашин,
6. А. О. Ковалевский,
7. К. И. Скрябин,
8. И. М. Сеченов,
9. И. П. Павлов,
10. И. И. Мечников,
11. А. А. Ухтомский,
12. П. К. Анохин.

Задача учителя развить воспитательный потенциал биографий названных ученых и по возможности расширить список за счет регионального компонента, отметив выдающихся деятелей науки региона.

При организации патриотического воспитания необходимо учитывать особенности восприятия информации современными детьми: не воспринимают большие тексты, продолжительные видеосюжеты. «Дети по-иному воспринимают информацию: запоминают не содержимое, а то, где оно находится и как его найти. С одной стороны, наблюдается высокая переключаемость внимания, с другой – невозможность концентрации на одном предмете более 10–15 минут. В настоящее время появились новые уникальные свойства восприятия информации, например, способность к многозадачности» [1]. Подростки, являясь аборигенами цифрового мира и информационного века, не ценят информацию саму по себе. Она становится знанием только после критической обработки при условии значимого эмоционального окраса.

Ключевой задачей формирования патриотизма подрастающего поколения через занятия биологией является поиск точек соприкосновения богатого опыта Российской науки, заключенного в т.ч. в биографиях ученых-биологов, и интересов, ценностей обучающихся 5–9 классов.

Интерес обучающихся к биографиям биологов становится выше при понимании того, что многие из них жили и трудились на их земле. МБОУ «Кобраловская ООШ», школа, на базе которой и проводится опытная работа по формированию патриотизма, располагается на границе Санкт-Петербурга и Гатчинского муниципального округа Ленинградской области. Обучающиеся школы считают земляками прежде всего жителей своего муниципального округа:

- В. А. Догель (село Рождествено);
- И. В. Красовская (городское поселение Сиверский);
- А. С. Лутта (деревня Малое Рейзино).

В Санкт-Петербурге обучающиеся бывают регулярно в рамках выездных мероприятий, многие связаны с городом за счет родственных связей или планов на дальнейшую взрослую жизнь. В этом ракурсе полезно напомнить школьникам о деятелях науки города на Неве. Особенный отклик вызывает упоминание лауреатов Нобелевской премии по биологии: Мечникова Ильи Ильича и Павлова Ивана Петровича. Фамилии ученых из школьных учебников «оживают» во время экскурсионных выездов в город «Санкт-Петербург»:

- музеи (например, музей зоологии позвоночных и охотоведения им. А. А. Силантьева, музей лесной энтомологии им. проф. М. Н. Римского-Корсакова, музей кафедры анатомии при институте П. Ф. Лесгафта);
- институты (например, ФГБНУ Федеральный исследовательский центр Всероссийский институт генетических ресурсов растений им. Н. И. Вавилова (ВИР), Федеральное государственное бюджетное учреждение науки, Институт эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова).

Названные выше аспекты формирования патриотизма в ключе любви к малой Родине находят логическое продолжение в самостоятельной деятельности школьников. Наиболее перспективной в этом отношении является организация проектной и исследовательской деятельности. В МБОУ «Кобраловская ООШ» функционирует научное общество обучающихся, главной задачей которого является целенаправленная подготовка школьников с 5 класса к защите итогового индивидуального проекта. Сама защита проводится в 8 или в 9 классе в соответствии с индивидуальным учебным планом и планом работы наставника (научного руководителя проекта). Атмосфера научного общества подразумевает связь поколений, преемственность науки школьной и «истинной» науки.

Из опыта работы школы можно привести следующие примеры проектных работ, связанных с рассматриваемой в статье темой патриотизма:

- «Просто о сложном: открытие нового механизма хранения информации в ДНК». Результатом этой работы стал стенд (постер), выполненный в формате инфографики, содержащей ключевые нюансы открытия, пересказанные доступным для школьников языком, фрагменты интервью автора открытия М. П. Никитина и графический материал. Цель проекта – продемонстрировать современное состояние отечественной науки на примере одного открытия по биологии. Формирование патриотизма не заявлено целью, однако является логическим следствием работы над проектом;
- «История биологии в названии улиц г. Санкт-Петербурга». Результат работы – интерактивная карта города с выделенными элементами улично-дорожной сети, названными в честь ученых-биологов, и гиперссылками на краткие очерки об их биографии и достижениях в биологической науке. Примерами могут послужить Мичуринская улица, Проспект Мечникова, Улица Вавиловых, Боткинская улица и др.

Непосредственно в урочной деятельности считаем целесообразным использование высказываний названных выдающихся деятелей биологической науки, которые раскрывают их отношение к науке и познанию, характеризуют авторов

слов как глубоко идейных и высокоморальных личностей. Ярким примером являются слова И. П. Павлова «Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим, сколько позволяют мне мои силы, прежде всего моему отечеству, нашей русской науке. И это есть и сильнейшее побуждение, и глубокое удовлетворение»[1].

Обозначенные аспекты позволяют формировать нравственные ориентиры обучающихся на реальных примерах, помогают школьникам воспринимать профессиональную деятельность, в т.ч. ученую, не только в меркантильном свете заработка на жизнь, но и в форме служения Родине.

Углубить данную работу можно в рамках внеурочной деятельности в формате предметных недель (или месячника Науки). Так, межпредметные занятия, традиционно организуемые в школе в этот период, позволяют раскрыть личности заявленных ученых не только со стороны их профессиональной деятельности, но и позволяют взглянуть на них как людей своей эпохи (история), определенного склада ума (математика, география, литература), способных не только проводить научные изыскания, но и шутить или ввязываться в авантюры.

В год Защитника Отечества, в рамках работы по подготовке к празднованию 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, рассматриваемое в статье направление патриотического воспитания планируется реализовывать следующим образом:

– тематическое оформление кабинета как результат выполнения коллективного творческого дела «Всё для Победы! Труд ученых-биологов в годы Великой отечественной войны». Данная работа станет итоговым проектом для группы восьмиклассников, членов научного общества обучающихся и подразумевает не только отбор фактического материала о героических буднях медицинских работников, кинологов, работников сельского хозяйства, но и дизайнерские решения;

– подготовка серии видеороликов («Мадам пенициллин», «А. Д. Беззубов – ангел блокадного Ленинграда» и пр.), их демонстрация в рекреациях на переменах, публикация роликов на официальном сайте школы и в Госпаблике ВК в сети Интернет;

– театрализованная постановка «Баллада об энтомологе» по мотивам легенды о Шванвиче Б. Н., рассказанной в одноименном стихотворении Ильи Фонякова;

– оформление тематической экспозиции «Подвиг сотрудников Ленинградского зоопарка в годы блокады» в школьном историко-краеведческом музее. В данной работе планируется рассказать о личностях сотрудников зоопарка, о тех проблемах, которые они решали вопреки сложнейшим условиям блокадного города. Акцент на персоналиях снова задаёт ориентир для воспитания.

[1] Ответное письмо на приветствие Академии Наук СССР в связи 85-летнем (1934 г.) со дня рождения И. П. Павлова.

Подводя итог сказанному, нужно отметить огромный воспитательный потенциал, заложенный в биографиях деятелей науки, рациональное использование которого позволит повысить результативность патриотического и в целом духовно-нравственного воспитания молодежи.

Список источников

1. Купчинская М. А., Юдалевич Н. В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2019. – № 3. – С. 66–71.

2. Поляков С. Д. О проблемах патриотического воспитания // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2014. – № 6. – С. 52–56.

Сведения об авторе

Майоров Дмитрий Сергеевич – кандидат педагогических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0009-5412-3560, e-mail: maiorovds@yandex.ru

УДК 34
ГРНТИ 10.09.09

Политическое значение партий ипподрома в Византии

Д. А. МАКАРОВ, О. С. МАКАРОВА

В статье рассматривается проблематика цирковых партий – «димов» в Византии. Изучается сохранение античного политического наследия в Поздней Римской империи. Исследуется роль и предназначение цирковых партий на ипподроме в политической системе Византийской империи. Отмечается обратная политическая взаимосвязь между правителями и широкими массами населения в Византийской империи

Ключевые слова: аккламации, василевс, венеты, Византия, граждане, закон, император, ипподром, Римская империя, полис, прасины, цирковые партии, Юстиниан I.

На востоке Римской империи в IV в. значительной популярностью среди широких масс населения, как простолюдинов, так и нобилей, пользовались бега на квадригах. Закон императора Константина (годы правления 306–337) «Об аккламациях» давал право городскому населению возгласами выражать свое отношение к принимаемым нормативным актам, действиям или бездействию государственных органов и должностных лиц во время цирковых представлений. Предполагалось, что речь идет о зачтении народу законов и его праве выразить свое отношение к этим актам. Подобное правило не было новеллой императора. Граждане полисов имели право выражать свое мнение по вопросам общественной жизни. Например, в Спарте подобным образом проходило голосование в аппелле.

В результате формировались так называемые цирковые партии – «димы». Граждане, реализуя свое право народа как формального источника государственной власти, выражали свое мнение на ипподроме. Цирковые партии удовлетворяли политические потребности населения, давали ему возможность высказываться и бороться за свои интересы. Для этих целей в Константинополе, Александрии, Фессалониках, Антиохии, Лептисе, Магне, Диррахии, Никомедии, Эдессе, Лаодикии, Апамеи, Тире, Халкедоне, Оксиринхе, Кесарии Палестинской, Приене, Эмесе, Гелиополе, Эфесе, Кизике, Стратоникеи, Газе, Дамаске и Магнисии строились стадионы-ипподромы, где проводились спортивные мероприятия, которые служили фундаментом социально-религиозной жизни этих городов. Данным стадионам принадлежали функции, которым и ранее обладали агоры – городские площади, на которых собирались граждане, формируя эклессии, народные собрания. Но в эпоху Поздней Римской империи, особенно после реформ императора Диоклетиана (годы правления 285–305), значение городских собраний значительно снизилось. Избрание должностных лиц и утверждение законов во время цирковых представлений, на которых присутствовало население города, не осуществлялось. Речь шла о массовом стихийном или изначально организованном теми или иными политическими группами выражении народа своего отношения к общественным событиям.

Размеры стадионов определялись количеством потенциальных зрителей. Но не стоит впадать в заблуждение относительно численности населения античных городов. Ипподромы и другие спортивные сооружения часто могли вмещать десятки тысяч зрителей. Но они не были ежедневно функционирующими. В города во время различных религиозных и политических праздников стекались широкие массы населения из близлежащей округи. Они часто были рассчитаны на прием большего числа жителей, чем проживало в городе. Речь идет о поздней Римской империи эпохи домината, а не об античной полисной демократии. Свою позицию выражали, строго говоря, не граждане полиса, а граждане империи, пришедшие в специально отведенное для массовых мероприятий, в том числе и политических, место. Нельзя не отметить и дороговизну проводимых мероприятий. Вход на ипподром для мужчин различного социального статуса был бесплатным и свободным. Расходы оплачивала казна и крупные частные инвесторы. Нельзя забывать и о тотализаторе, ставках на бега.

Внутри провинциальных спортивных сооружений размер треков и вместимость трибун были значительно меньше, чем в столичном ипподроме, на их конструирование уходило в среднем около пяти лет [1, с. 267–279]. Каждая колесница запрягалась четырьмя лошадьми, которой управлял наездник, выдвигаемый тем или иным димом (партией игр). Зрелищная гонка сопровождалась криками «болельщиков», которые были как из высших чинов, так и из простолюдинов-бедняков.

Например, в старинном квартале Александрии «Ракотиде» базировался основной ипподром – «Лагейон», который первоначально был построен как стадион для спортивных зрелищ [2, с. 1–7]. На территории ипподрома происходили

не только спортивные мероприятия, но и партийная борьба представителей городского населения. Российский и советский византинист, академик АН СССР Ф. И. Успенский писал: «Где цирк – там и партии в том же числе и с тем и же именами. Где партии – там борьба димов, политическая интрига, бунт, беспокоящая правительство притязания» [3, с. 1–16]. Конфликтами для партий игр служили религиозные и политические споры, своеобразный фанатизм их членов доходил до ярости, направленной друг против друга, что непременно сказывалось на разрушении основ государства и общества. Нередко их вражда становилась причиной вооруженных столкновений (сокрушительное восстание «Ника») и совершения различного рода преступлений (грабеж, нанесение тяжких увечий и убийства). Важно отметить, что борьба цирковых партий не была этнической. Они не разрушали национальный мир многонациональной Византийской империи. Противоречия цирковых партий сводились к борьбе за власть различных политических группировок, стремлению свергнуть ненавистного широким массам населения правителя, опасным для сохранения государственности религиозным бунтам, несогласию с принятием того или иного закона, стремлению к социальной спарведливости и сокращению налогового бремени и т.п.

В результате борьба цирковых партий была нормальным проявлением общественной жизни в империи, она сама по себе не порождала кризисов в развитии государства. Наоборот, она служила укреплению легитимности правителей, поскольку каждый ромей жил с осознанием своего права высказать представителям верховной власти все, что он о них думает, и власть была обязана прислушиваться к его мнению. Но иногда борьба цирковых партий приводила к бунтам и мятежам. Особенно если члены различных димов объединялись против правящего Василевса. Например, широко известное восстание «Ника» в Константинополе. Оно началось 13 января 532 г. на ипподроме и стало крупнейшим в истории Византии. Причинами стали усиление налогового гнета, попытка племянников императора Анастасия сместить Юстиниана I, недовольство коррупцией высших чиновников квестора и магнифика Трибониана, префекта претория Иоанна Кападокийского и др., а также сопротивлением монофизитов, недовольных религиозной политикой Василевса. В итоге погибло около 30 тыс. жителей города, и значительная его часть оказалась разрушенной [4, с. 78–79]. Но императору удалось восстановить порядок и сохранить свою власть. Зачинщики были казнены, но Юстиниану I пришлось временно удалить в опалу Трибониана и Иоанна Кападокийского.

Основные четыре партии ипподрома делились по цветам наездников на арене. Они пользовались народной поддержкой, осуществляли политическую деятельность, их члены принадлежали к высшим слоям общества. Самая яркая конфронтация шла между партиями Венеты («голубые» – крупные землевладельцы, сенатские аристократы) и Прасины («зеленые» – купцы, промышленники). Необходимо отметить, что первоначально выделялись лидирующие партии – «красных» и «белых», которые впоследствии ослабели и присоединились к двум другим сильнейшим партиям: «красные» к «зеленым», «белые» к

«голубым». Они также были приурочены к временам года – лету и зиме. «Голубые» и «зеленые», затмившие их, соответственно, осени и весне.

Например, вот как описывал происходящее современник Прокопий Кесарийский в своем труде «Тайная история»: «…Юстиниан сам подстрекал и явно возбуждал к насилиям венетов («голубых») <…> Все и всюду было приведено в беспорядок <...> Они не стали брить ни усов, ни бороды, но позволяли им все время расти пышно, как у персов. Волосы на голове они подрезали вплоть до висков, а сзади они позволяли им свисать без всякой прически очень длинно <…> Затем все стали считать нужным носить одеяния с богатой отделкой, одеваясь более роскошно, чем это соответствовало их достоинству и положению <…> Та часть рукавов хитона, которая у них стягивалась-около кисти, была очень узкой; а отсюда и до плеча на той и на другой руке этот рукав делался несказанной ширины. И всякий раз, когда они в театрах или ипподромах поднимали крик, жестикулируя руками, или как обычно бывает, выражая кому-либо знаки поощрения, то эта часть одеяния у них безобразно поднималась кверху <…> Прежде все открыто ходили вооруженными только ночью, днем же они носили на боку двуострые кинжалы, скрыв их под одеждой. Когда начинало темнеть, они собирались группами и грабили самых мирных людей и на площади, и по переулкам, отнимая у попадавшихся им навстречу платья, пояса и золотые пряжки и все, что у них было с собою. Некоторых же они не только грабили, они считали нужным еще и убивать, чтобы они никому не могли сообщить о том, что с ними случилось <…> Так как зло длилось уже долгое время, и со стороны лиц, стоящих во главе управления народом, на таких правонарушителей не обращалось никакого внимания, то, как и всегда, дерзость этих лиц стала расти все больше и больше <…> Так вели себя венеты («голубые»). Из их противников одни перешли на их сторону из-за желания совершать преступления вместе с ними и не нести за это наказания, иные же бежали и скрывались по разным местам <…> Сначала они уничтожали своих политических противников из партии прасинов («зеленых»), но затем, обнаглев и разойдясь, они стали убивать и тех, которые лично им не были врагами. Многие, подкупив их, указывали им на своих врагов, с которыми они тотчас же и расправлялись, присвоив им имя «зеленых», хотя эти люди были им совершенно неизвестны <…> Для судьи, не обратившего внимания на предписание венетов («голубых»), наказанием была смерть…» [5, с. 295–297].

Если при императоре Анастасии покровительством пользовалась партия прасинов, то при Юстиниане, как мы видим из писаний Прокопия, все придворные и государственные посты были отданы венетам. Следует отметить, что именно императрица Феодора стала яблоком раздора. Она не смогла простить «зеленым» отказа на ее просьбу поставить на должность привратника второго мужа матери, ранее эту должность занимал умерший отец императрицы Феодоры. Поэтому всю свою поддержку она направила на партию «голубых».

Важно отметить и религиозную подоплеку существования цирковых партий. Происходил слом языческого сознания, и христианство представляло собой

множество направлений и сект, борющихся между собой. Они имели разную социальную основу, связанную с региональной, профессиональной и иной спецификой. Это отражалось на социальном составе болельщиков и приверженцев тех или иных партий. Венеты, которым благоволил Юстиниан I, были халкидонцами. Прасины были монофизитами, которые имели широкую поддержку в Александрии.

Поводом к восстанию «Ника» стала казнь Юстинианом представителей прасинов и венетов, которые просили устранить спафария Калоподия. Один из просителей был убит, двум другим удалось выжить из-за оплошности палача. Веревка оборвалась, и народ стал требовать сохранить жизнь этим лицам, увидев в произошедшем проявление божественной воли. Они были укрыты в церкви Святого Лаврентия. В дальнейшем 13 января 532 г. народные массы на ипподроме объединились против коварства императора, убившего одного из просителей и, опираясь на божественную волю, сохранившую жизнь двум другим, потребовали от императора отчета в его злодеяниях.

В результате необходимо отметить, что изначально цирковые партии базировались на сохранении определенных рудиментов полисного строя. Права граждан выражать свою позицию относительно политики, проводимой правителем. Димы были именно прообразом политических партий, поскольку являлись частью общества и отражали социальные интересы различных политических сил. Они обладали правосубъектностью. Императорам приходилось с ними считаться как с выразителями интересов отдельных социальных групп. Опора на димы означала и опору на военную, земельную, торговую элиту. Но, несмотря на высокую социальную активность населения, время полисной демократии уже безвозвратно ушло в прошлое. Византия была централизованным государством с сильной центральной властью. Оно могло силовыми мерами подавить недовольство толпы. При этом димы не исчезли, они сохранились, но уже как включенные в административный аппарат империи. Димы существовали при Ираклейской, Исаврийской, Македонской и других династиях. Различия между цирковыми партиями сгладились. Их лидеры, димархи, числились протоспафария, т.е. в формальном звании личного телохранителя императора, что соответствовало 56 рангу. Они назначались лично императорами и были подотчеты им. Они сохраняли право протеста.

Список источников

1. Хапаев В. В., Глушич А. М. Спортивная жизнь провинциальных городов Восточной Римской империи в IV–VI веках // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2022. – 14 (3). – С. 267–279.

2. Руднева М. А., Шелудченко Ю. В. К вопросу о политической роли ипподромов в истории ранневизантийской Александрии // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2024. – № 3 (71). – С. 1–7.

3. Успенский Ф. И. Партии цирка и димов в Константинополе // Византийский временник. – 1894. – Т. 1. – С. 2. (С. 1–16).

4. Кулаковский Ю. А. История Византии. 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Алетейя, 2004. – Т. 3: 602–717 годы. – 350 с. – (Византийская библиотека. Исследования) – С. 78–79.

5. Прокопий Кесарийский. Тайная история // Вестник древней истории. – 1938. – № 4 (5). – С. 271–361.

Сведения об авторах
Макаров Дмитрий Андреевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного права, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3484-4637, e-mail: Dim36817245@yandex.ru
Макарова Олеся Сергеевна – преподаватель колледжа, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-8515-3345, e-mail: m9843711@yandex.ru

УДК 34
ГРНТИ 10.09.09

Правовой статус военнослужащего в Московском царстве XVII в.

Д. А. МАКАРОВ, О. С. МАКАРОВА

В статье рассматриваются основные категории военнослужащих в Московском царстве XVII. Изучается правовое положение поместного ополчения, стрелецкого войска и «Полков нового строя». Приводятся свидетельства современников, описывающих русскую армию XVII в. Изучаются основные тенденции развития вооружённых сил в данный период.

Ключевые слова: армия, военнослужащий, жалование, Московское царство, «Полки нового строя», стрельцы, статус, устав, царь.

Правовой статус военнослужащих на протяжении всей истории России определялся реалиями социально-политического развития государства, в том числе существующая взаимосвязь между гражданским населением и действующей русской армией XVII в. Эта взаимозависимость оказывала значимое воздействие на поведение населения, верование, создание ценностей и трансформацию политических преставлений.

Общий правовой статус военнослужащего – статус лица, который наделяется определенными правами и обязанностями для обеспечения возможности выполнять специальные функции на случай военных действий. У военнослужащих в Московском царстве правовой статус фокусировался на воинской чести и являлся регулятором их поведения на боевом поприще. Наличие наград являлось делом престижа и, кроме этого, было связанно с определенными материальными благами. Награды символизировали признание заслуг перед царем. Об этом писал современник и английский дипломат Чарльз Говард Карлайл: «Когда какой-либо оказал на войне необычайную храбрость, то царь Алексей Михайлович Романов, вместе с другими вещами, дарит ему медаль, с изображением Св. Георгия на лошади. Эта медаль носится на рукаве или на шапке и это, по их мнению, есть величайшая почесть, какую только может подданный получить от своего царя» [1].

После завершения Смуты в начале XVII в. русская армия находилась в кризисном положении и состояла из четырех основ, которые отличались по социальному формированию: дворянское поместное ополчение, стрелецкие войска,

артиллерийский наряд. Нельзя забывать и о важности сохранения иррегулярных формирований казаков и различных кочевых народов, служивших московским царям. Подобная легкая, мобильная, относительно дешевая кавалерия не имела себе равных в европейских армиях. Была еще и так называемая «посошная рать», главным образом крестьянское ополчение, выполнявшее вспомогательные функции в организации системы снабжения, строительные работы и т.п.

Основные проблемы заключались как в недостатке квалифицированных кадров, так и в оснащении. Ущерб, вызванный Смутой, приводил к недостаточному материальному снабжению армии. Существовала острая необходимость в развитии теории и практики военного дела для осуществления борьбы с армиями европейских государств. Линейная тактика, обусловленная массовым распространением пороха и совершенного огнестрельного оружия, тяжело внедрялась в русской армии, которая традиционно была более ориентирована на борьбу со степными народами. В военной сфере созрела необходимость в реформировании мобилизационной системы для борьбы с западными соседями.

В первой половине XVII в. фундаментом системы вооруженных сил Московского государства являлось поместное войско. Оно включало службу князей различного происхождения, нетитулованных дворян, детей боярских т.п. Существовала и своеобразная категория однодворцев, которые, не являясь дворянством, несли службу в ополчении, как правило, пограничную на южных рубежах. За службу отечеству они получали земельные наделы, выплаты денежного жалования, льготы. Большими недостатками было отсутствие регулярного обучения военным основам, неявка на службу и нередко дезертирство. За последние два деяния без уважительных на то причин значительно понижались денежные оклады и конфисковывались поместья. Несмотря на эти недостатки, у поместного войска сохранялась вполне достойная боеспособность. Их численность, по данным «Сметы всяких служилых людей», составляла к 1631 г. 26 185 человек. В 1651 г. 37 763 дворян и детей боярских. Далее, к 1680 г. следует заметный спад, их количество уменьшилось до 16 097 человек сотенной службы [2, с. 212].

Участие в походах и сражениях принимало стрелецкое войско, которое изначально состояло из 3 тыс. человек. Оно было поделено на шесть «статей» (по 500 душ в каждом приказе). Стрельцам было назначено жалованье по 4 р. в год и поместный оклад [3, с. 36]. Полковники и другие старшие военачальники состояли из детей боярских и дворян, их жалованье составляло 30–60 р. ежегодно. Кроме того, назначался большой поместный оклад (300–500 четвертей земли) [4, с. 53].

В Москве стрельцы были расквартированы в Воробьевой слободе. В пограничных городах располагались гарнизоны городовых стрельцов (от 20 до 1000 человек), в обязанность которых входило охранять крепости, нести караульную службу на стенах, башнях, у ворот и других значимых объектах города. Стрельцы вооружались различными боевыми орудиями: пищалью, бердышом, длинными пиками, саблей или шпагой, рогом и зарядами с порохом, сумками для пуль и фитиля [5, с. 269–289]. Верхний кафтан, шапка с мехом, штаны, сапоги

являлись обязательной формой каждого военнослужащего и регламентировались определенным цветом в зависимости от того, к какому полку стрелец имел принадлежность.

Иржи Давид, чешский католический священник, автор трактата «Современное состояние великой России или Московии», высказался о войске как пешем, так и конном, таким образом: «Первый состоит из пехотинцев, второй – легкая конница, третий – конница. Пешее войско делится на солдат и стрельцов. Солдаты выше по достоинству. Солдатами называют тех, которые имеют свои избы, землю и даже деревни. Их большое множество, готовых в любое время идти воевать. Стрельцы – это те, которые живут на царское жалованье, и когда они не на службе, они занимаются механическими ремеслами. Вокруг Москвы их около двадцати тысяч. Одни живут в царском дворе, другие – в разных частях города, третьи разосланы по соседним укреплениям. Никто не носит оружия, кроме тех, кто действительно находится на службе. Последние же имеют на боку копье, ружье, бердыш или романский топор. Когда они на службе или куда-нибудь сопровождают царя, то надевают кафтаны, которые получают в своих куриях, или приказах, а по окончания службы опять сдают их туда же. Кафтанов четыре: белый, зеленый, красный и синий. Стрельцы весьма неспокойны и по любому поводу нагоняют ужас на Москву. Во главе войска, как пешего, так и конного, стоят офицеры, русские или иностранцы... В своих приказах их судят, там же они получают жалованье, туда же подают челобитные. То же относится и к офицерам. Воинские должности распределяются так: на первом месте – генерал, на втором – генерал-майор, на третьем – полковник, на четвертом – поручик-майор, на пятом – капитан конницы, на шестом – поручик или лейтенант, на седьмом – прапорщик. В прежние времена офицеры, говорят, получали большое жалованье, но сейчас вынуждены довольствоваться весьма скромным. Когда готовится военный поход, они не набирают солдат, а лишь дают указы, кому следует выступать. Сыновья воинов все остаются воинами, поэтому войско сохраняет свою численность и постоянно растет, преемственно от поколения к поколению» [6].

«Наряд» Московского царства состоял из осадной, крепостной и полевой артиллерий. Пушкари и затинщики наделялись почти одинаковым статусом со стрельцами. Отличалось оружие, они стреляли из пушек в основном чугунными ядрами. Это боевое орудие было литым и имело лафеты.

Многочисленные восстания, обостренные классовыми противоречиями, усилением феодального гнета и расширением территорий, привели к необходимости иметь регулярную армию с полной боеготовностью. Она обязана была моментально реагировать на внешние и внутренние конфликты, которые возникали по политическим и социальным причинам, и должна была находиться на полном обеспечении государства.

В начале 1630 г. в Новгород, Ярославль, Вологду и другие города стали направляться грамоты о наборе на службу беспоместных детей боярских, чтобы те прибыли в Москву. Всем прибывшим единолично назначалось жалованье в размере 5 р. в год и кормовые 3 к. в день. Таким образом, были сформированы первые «Полки нового строя» Алексея Михайловича [2, с. 230]. Создать полки

только из людей дворянского происхождения не удалось из-за малочисленности таковых, записавшихся на службу. На высшем уровне было принято решение допустить к службе вольных людей, у которых не было дворянского происхождения. Кроме этого, стали нанимать на службу иностранных офицеров и солдат. Главным образом на службу привлекались именно офицеры, как правило, с боевым опытом и стажем службы за рубежом. Служба либо ограничивалась сроком контракта, либо была пожизненной, что делало иностранца подданным московского царя. В русский военный лексикон входят иностранные воинские звания капитанов, майоров, генералов и т.п.

Но в целом эти меры не дали должных результатов и было принято решение о призыве. Так, появились «даточные люди» – рекруты на пожизненную службу с определенного числа дворов. Рекрутские наборы были введены задолго до Петра, но не имели еще подобного названия и стройной организации.

В середине XVII в. на русском языке вышло сочинение датчанина Вильгаузена – «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» [7]. Книга являлась своеобразным учебником из восьми глав, целью которой было обучение ратных людей военному делу. В ней содержались советы, наставления, способы организации построения роты и другие ценные на тот момент сведения общего характера относительно командного состава. Такой вид обучения давался весьма сложно, занятия проходили не реже 1–2 раза в неделю, прижиться эта западная система в Московском государстве не смогла. Служба имела привычный для русских солдат пожизненный срок. В мирное время ратные люди находились на охране границ, некоторых распускали по домам, привлекали только когда возникали военные столкновения. Им назначалось постоянное жалованье как денежное, так и хлебное, также они получали форму, боевые орудия и боеприпасы. Полки различались численностью и родом войск. Пехота состояла из 1 600 человек, конница из 1 000 человек. Структура каждого полка подразделялась на десять рот, где каждая из них имела по три капральства [2, с. 253].

Итак, в Московском царстве XVII в. функционировала поместная система «служилого землевладения», где военная служба являлась основным государственным институтом. Вмененная гражданская служба дворян была становым хребтом русского государства. При этом военное значение поместной конницы было уже относительно невелико. Стрелецкие войска были главной ударной силой армии на протяжении столетия. Но они были уже малоэффективны против регулярных европейских армий в силу того, что стрельцы, по сути, были лишь наполовину профессионалами. Они совмещали военную службу, длившуюся не круглый год, с различными промыслами и ремеслами, не уплачивая с них налогов. При этом они не имели привилегированного положения подобно дворянам и активно в XVII в. боролись за расширение своих прав, что становилось причиной беспорядков. «Полки нового строя» были основой будущей армии XVIII в. Они не были новеллой Петра I. Организационно они составляли не мене трети регулярных войск уже в период правления его отца и брата.

Список источников

1. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля // Историческая библиотека. – № 5. – 1879.
2. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского Государства в XV–XVII вв. – М., 1954. – 224 с.
3. Романов М. Ю. Стрельцы московские. – М., 2004. – 350 с.
4. История русской армии и флота. Т. I. – М., 1911. – 212 с.
5. Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки АН СССР. Т. 4. – М., 1938. – С. 269–289.
6. Свидетельство иностранного наблюдателя о жизни русского государства конца XVII в. // Вопросы истории. – № 1. – 1968.
7. Вальхаузен Иоганн Якоби фон. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. – М.: Печатный двор, 1647. – 225 л.

Сведения об авторах

Макаров Дмитрий Андреевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного права, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3484-4637, e-mail: Dim36817245@yandex.ru

Макарова Олеся Сергеевна – преподаватель колледжа, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-8515-3345, e-mail: m9843711@yandex.ru

УДК 94(575):070(470)“1894/1917”
ГРНТИ 03.23

Освещение железнодорожного строительства в Туркестанском генерал-губернаторстве в изложении газеты «Русский инвалид» в 1894–1917 гг.

В. А. МАСЛОВА

В статье анализируется подход к освещению железнодорожного строительства и эксплуатации дороги в Туркестанском генерал-губернаторстве в газете «Русский инвалид» в годы правления Николая II, т. е. с 1894 по 1917 гг. Авторы статей приветствуют строительство железной дороги в Туркестанском генерал-губернаторстве, в газете статьи на эту тему печатаются регулярно.

Ключевые слова: железнодорожное строительство, периодическая печать, «Русский инвалид», Российская империя, Туркестанское генерал-губернаторство, консервативная печать.

Газета «Русский инвалид» с 1862 г. являлась официальным органом Генерального штаба Российской империи, выходила ежедневно [Библиография периодических изданий России, с. 69], финансировалась за государственный счет, являлась изданием консервативного направления. Необходимость изучения публикаций этой газеты вызвана тем, что управление Туркестанским генерал-губернаторством осуществлялось военным ведомством, с момента присоединения края было определено как «военно-народное», следовательно,

входило в сферу интересов редакции. Годы правления Николая II являются значимым периодом истории нашей страны, так как в это время произошли существенные социальные изменения. Российская империя была великой и многонациональной, поэтому эти процессы отражались на ней неравномерно, однако их влияние ощущалось повсеместно.

При изучении освещения Туркестанского генерал-губернаторства в «Русском инвалиде» выявлено, что темами публикаций являются: строительство железных дорог, развитие сельского хозяйства, развитие науки, печати, образования, новшества в военном деле. Авторами газеты являлись бывшие или действующие офицеры армии, что отражается на фокусе освещения тем, так как офицерский корпус в подавляющем большинстве состоял из потомственных дворян, отличался высоким уровнем патриотизма.

Первая железная дорога в присоединяемом регионе строилась в Закаспийской области в военно-стратегических целях: «Дабы иметь возможность во всякое время передвинуть нужное количество наших войск с обозами по трудным для походов солончаковым пустыням и зыбучим пескам Закаспийского края, а с другой стороны, считая после кушкинского боя, вооруженное с Англией столкновение почти неизбежным, 20 апреля 1885 года последовало Высочайшее повеление о продолжении постройки железной дороги от Кизшг-Арвата до Аму-Дарьи» [Родзевич, с. 8], называлась она Закаспийской военной железной дорогой (ЗВЖД). Закаспийская область вошла в Туркестанское генерал-губернаторство к 1898 г. и оставалась в нём до конца существования империи, потому сведения о железной дороге в её пределах будут использованы в настоящей статье.

«В 1899 г. Закаспийскую военную железную дорогу объединили с построенной в 1898 г. Самаркандо-Андижанской (с веткой на Ташкент) железной дорогой в одну Среднеазиатскую казенную железную дорогу (САЖД) и передали в ведение Министерства путей сообщения. САЖД была открыта для движения 1 мая 1899 г. Общая протяженность по состоянию на 1 января 1905 г. составляла 2 382 версты (главная линия Красноводск – Ташкент – 1749 в., Черняево – Андижан – 306 в., Мерв – Кушка – 295 в. и др.)» [Волков, с. 94]. Дороги проходили через крупные торговые города, включая Бухару и Хиву, поэтому приобрели важное значение для транспортировки товаров. Строительство дорог продолжалось и в XX в.: «В 1900 году началось строительство железной дороги Ташкент-Оренбург, завершено в 1906 году. В результате из Ташкента в Оренбург можно было доехать за 2 суток, а до Москвы за 4 суток. В 1915 году была построена железная дорога Бухара-Карши и Термез-Карши, Шахрисабз-Китаб и налажено движение» [Шарофиддинов, с. 718–719]. Очевидно, что строительство сети велось интенсивно. Железнодорожная сеть благоприятно сказалась на развитии региона: «дороги выполняли свою историческую задачу: подключение региона к процессу модернизации» [Бочкарева, Чекрыжова, с. 87]. Дорога занималась доставкой товаров и пассажиров, связывая регион с центральными областями империи, а также внутри края, способствовала переселенческому движению.

Авторы «Русского инвалида» пристально следили за процессом строительства дорог, осознавая важность этого процесса. Делая обзор новых книг в 1899 г.,

главный редактор журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид» генерал-лейтенант Н. А. Лачинов обращает внимание на выводы книги «Кратчайший железнодорожный путь из Центральной России в Среднюю Азию» [Глинский]: «Новая дорога доставит нам следующие выгоды: она в кратчайшем направлении тесно свяжет средне-азиатские окраины с средоточием России, Туркестан продуктами нашей центральной фабрично-заводской промышленности, даст возможность развить в наших средне-азиатских областях культуру ценных земледельческих произведений (хлопка, шелка и риса), поможет снабжению этих областей русским хлебом, облегчит русскую колонизацию в Средней Азии, дозволит скорое передвижение войск из внутренних военных округов России» [Русский инвалид, 16.04.1899, с. 5].

Несколько публикаций было направлено на информирование о разных этапах строительства железной дороги. Так, в октябре 1901 г. сообщалось: «произведена закладка работ по постройке оренбургско-ташкентской железной дороги» [Русский инвалид, 24.10.1901, с. 4]; в ноябре 1902 г. «”Туркестанские Ведомости” подводят итог закончившемуся первому строительному периоду на южной части оренбурго-ташкентской железной дороги» [Русский инвалид, 13.11.1902, с. 2]; в 1903 г. – «Укладка пути южного участка энергично идет далее, и есть полное основание надеяться, что движение поездов осенью текущего года откроется до города Перовска» [Русский инвалид, 09.07.1903, с. 3]; в мае 1905 г. сообщают: «Правильное товаро-пасажирское движение на вновь выстроенной Оренбурго-Ташкентской железной дороге стало происходить с 1-го января сего 1905 года» [Русский инвалид, 13.11.1902, с. 4]. Эти заметки написаны в восторженном тоне, призваны обратить внимание читателей на важность проводимого мероприятия: «Устраиваемая дорога усилит мощь России на её южной границе и поможет развитию производительных сил Туркестанскаго края» [Русский инвалид, 09.07.1903, с. 3]. В ноябре [Русский инвалид, 31.03.1907, с. 3] и марте 1907 г. в газете сообщают о дальнейших планах постройки дороги с участием англичан, так как поднимается «вопрос о соединении Индии с Туркестаном через Афганистан рельсовым путем» [Русский инвалид, 17.11.1907, с. 7].

Ряд успехов в сельском хозяйстве редакция «Русского инвалида» связывает с развитием железнодорожной сети, в статье 1897 г. о хлопководстве автор приходит к выводу: «Продолжение закаспийской железной дороги в 1888 г. до Самарканда послужило толчком к быстрому росту названной отрасли производства» [Русский инвалид, 14.06.1897, с. 2]. Подобный вывод сделан и в отношении садоводства: «До проведения Оренбург-Ташкентской железной дороги садоводство в этом крае носило чисто любительский характер. … С проведением же железной дороги садоводство стало в Туркестане на путь интенсивно-промышленный» [Русский инвалид, 16.10.1913, с. 3].

Одна из статей – за авторством Бар. А. Таубе под названием «Из Ташкента в Смоленск» – написана в форме травелога. Автор описывает живописную природу края, окружающую его во время пути, а также сообщает о важном вкладе русских в его развитие, отмечает, что осознавать результат деятельности «особенно приятно русскому сердцу, и, прохаживаясь по городам Туркестанского

края, всегда светло и бодро смотришь вперед, видя, какой блестящий результат, при упорстве и труде, под управлением ряда талантливых руководителей, может дать в короткий период времени сила русского народного гения, культурная мощь его и способность, уважая чужие нравы» [Русский инвалид, 07.11.1902, с. 2]. Он отмечает быстрые темпы строительства дороги, а также её положительное влияние на развитие региона.

Но Барон А. Таубе является не рядовым путешественником, а генералом штаба, подполковником. Его заботит не только состояние железнодорожной сети, но и эксплуатация магистрали в военных целях. Он видит необходимость в обеспечении перемещаемых по ней армейских частей продовольствием, поэтому он полагает необходимым оснащение передвижными вагонами-кухнями, «что даст возможность вполне обойтись без постоянных продовольственных пунктов» [Русский инвалид, 07.03.1900, с. 2–3] на дороге. За несколько лет до рассуждений А. Таубе в газете уже публиковалась статья, посвященная питанию армии, передвигающейся по железной дороге. Очевидно, проблема питания стояла перед военным руководством, и была трудноразрешимой. В 1896 г. рассматривался вопрос применения «кухонь-котлов»: «В Закаспийском крае и в Самаркандской области «кухни-котлы» используются во всех войсковых частях. Но Закаспийская железная дорога не сочла возможным применить для довольствия перевозимых команд эти имеющиеся подъ руками «кухни-котлы», .. и лишь в последнее время на Закаспийской дороге, ввиду особых её условий, предполагалось приступить, как слышно, к испытанию вагона-кухни» [Русский инвалид, 01.02.1896, с. 4].

В статье 1912 г. Е. Кривцова «Туркестанские письма» появляется критика железнодорожной сети, автор полагает, что построенных дорог недостаточно для развития и обороноспособности края, он указывает на угрозу нападения со стороны Афганистана, а также возможные проблемы с доставкой на дальние рубежи армейских частей: «Край не только богатый и наделенный привилегиями, но богатеющий с каждым годом на счет России, мог бы для её защиты покрыться целой сетью удобных путей» [Русский инвалид, 21.02.1912, с. 5].

Несомненно, интересна публикация в №161 в 1889 г., повествующая о поездке по Закаспийской железной дороге британского путешественника г-на Корзона, вышедшая в журнале английского географического общества. Корзон, отмечают редакторы, сожалеет о перспективе завоевания рынков Афганистана российскими товарами, так как они могут вытеснить английскую продукцию, он «считает комерческое значение дороги еще более важным, нежели политическое и военное» [Русский инвалид, 26.07.1889, с. 4].

Общим для авторов газеты является цивилизаторский подход к освоению края, как пример, приведу слова Бар. А. Таубе: «В крае этом русский человек чувствует свою силу, свою мощь. Он наглядно видит плоды своей духовной деятельности, он видит воочию мощь русского имени, он осязает силу русского народного духа» [Русский инвалид, 07.11.1902, с. 2].

Статьи на тему железных дорог в Туркестанском генерал-губернаторстве в «Русском инвалиде» выходили постоянно, с начала появления дорог. Авторы

освещали ход строительства, ценность их для развития сельского хозяйства и достижения военно-стратегических целей. Важным является внимание редакции газеты к статье английского путешественника, высказавшего опасение расширением влияния Российской империи в регионе. Основной тон статей – восторженный, но есть и критическое замечание относительно низкой скорости строительства в статье Е. Кривцова в 1912 г., которое вызвано опасениями за обороноспособность страны. Русский вклад в развитие региона воспринимается неоспоримым благом, отмечается важность развития обороноспособности Туркестана, граничащего с опасными соседями.

Список источников

1. Библиография периодических изданий России. 1901–1916 / сост.: Беляева Л. Н., Зиновьева М. К., Никифоров М. М.; под общ. ред. В. М. Барашенкова, О. Д. Голубевой, Н. Я. Моравчевского. Л.: Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1958–1961. В 4 т. Т. 3. Р-Я. – Л.: ГПБ, 1960. – 668 с.
2. Бочкарева И. Б., Чекрыжова О. И. Оценка эффективности железных дорог в Центральной Азии как экономического института (конец XIX – начало XX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2022. – № 1 (41). – С. 86–97. [Электронный ресурс]. – URL: http://vestospu.ru/archive/2022/articles/8_41_2022.pdf. (дата обращения: 31.01.2025).
3. В журнале английского географического общества // Русский инвалид. – № 161. – 26.07.1889.
4. Волков И. В. Железнодорожные коммуникации как фактор развития Туркестана // Пространство и время. – 2013. – № 3 (13). – С. 92–98.
5. Глинский Б. Б. Кратчайший железнодорожный путь из Центральной России в Среднюю Азию. Санкт-Петербург, 1899. – 164 с.
6. Имею счастье всеподданейше донести // Русский инвалид. – № 149. – 09.07.1903.
7. Кривцов Е. Туркестанские письма // Русский инвалид. – № 40. – 21.02.1912.
8. К постройке оренбурго-ташкентской железной дороги // Русский инвалид. – № 247. – 13.11.1902.
9. Лачинов Н. А. Обзор книг // Русский инвалид. – № 85. – 16.04.1899.
10. По поводу статьи о военно-походных кухнях // Русский инвалид. – № 26. – 01.02.1896.
11. Рельсовый путь // Русский инвалид. – № 250. – 17.11.1907.
12. Родзевич А. И. Первая русская железная дорога в Средней Азии и ее значение для русско-среднеазиатской торговли. – СПб., 1891. – 77 с.
13. Садоводство в Туркестане // Русский инвалид. – № 222. – 16.10.1913.
14. Сегодня в присутствии военного министра // Русский инвалид. – № 231. – 24.10.1901.
15. Таубе А. Из Ташкента в Смоленск // Русский инвалид. – № 242. – 07.11.1902.
16. Таубе А. // Русский инвалид. – № 52. – 07.03.1900.
17. Успехи хлопководства // Русский инвалид. – № 128. – 14.06.1897.
18. Шанхай // Русский инвалид. – № 73. – 31.03.1907.
19. Шарофиддинов М. М. Строительство железной дороги Центральной Азии и появление новой экономики в Центральной Азии // Молодой ученый. – 2016. – № 12 (116). – С. 718–720. [Электронный ресурс]. – URL: https://moluch.ru/archive/116/30325/ (дата обращения: 31.01.2025).

Сведения об авторе

Маслова Вера Анатольевна – аспирант 1 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-5340-3254, e-mail: mhtrade@inbox.ru

УДК 94(47).084.92 + 930.1
ГРНТИ 03.23.55

Изменение образа И. В. Сталина в общих работах и учебниках по истории ВКП(б) в 1930-е гг.

Ю. Л. ТАРАСЕНКО

В данной статье рассматривается изменение образа И. В. Сталина в общих работах и учебниках по истории ВКП(б) в 1930-е гг. Проанализированы описания личности и деятельности И. В. Сталина в этих работах, выявлен характер изменений его образа в указанный период.

Ключевые слова: советская историография, учебники по истории ВКП(б), коммунистическая партия, культ личности.

В отечественной историографии с 1929 г. принято отсчитывать начало периода культа личности И. В. Сталина. В ВКП(б) прекратились все внутрипартийные дискуссии, все фракции и уклоны были ликвидированы, после чего в жизнь стала проводиться единая официальная линия партии. Одним из важных проявлений культа личности И. В. Сталина стало возвеличивание его фигуры как в пропаганде, так и в личном общении членов коммунистической партии [Безбородов, с. 227]. В общих работах и учебниках по истории ВКП(б) это явление имело место, но далеко не сразу образ И. В. Сталина приобрёл в них тот самый вид, который можно обнаружить в «Кратком курсе истории ВКП(б)» и который закреплялся в умах членов ВКП(б) и жителей СССР.

Одной из первых общих работ, вышедших в 1930-х гг., стала «ВКП(б)» за авторством А. С. Бубнова, увидевшая свет в 1931 г. Прежде всего, надо отметить, что это достаточно большая и обстоятельная работа на 631 страницу, опирающаяся на большой список источников, в частности историографических, который сам автор приводит в конце книги. Интересно отметить, что про И. В. Сталина здесь пишут довольно мало. Впервые он упоминается как делегат на партийной конференции в Таммерфорсе в 1906 г., в следующий раз – как член политбюро в октябре 1917 г., а затем ещё пару раз в списках фамилий членов тех или иных партийных и государственных организаций [Бубнов, с. 367]. На этом освещение деятельности И. В. Сталина в работе исчерпывается: можно отметить лишь то, что иногда его труды цитируются для объяснения тех или иных событий и теоретических положений – в первую очередь А. С. Бубнов использует сталинскую статью «Вопросы ленинизма».

В 1931 г. также выходит и десятое издание учебника В. О. Волосевича «Самая краткая история ВКП(б)». Здесь И. В. Сталин упоминается нечасто: говорится, что он был избран в ЦК на Пражской конференции в 1912 г., упоминается его доклад по национальному вопросу в Стокгольме в 1917 г. Об И. В. Сталине практически ничего не говорится и при освещении темы внутрипартийной борьбы 1920-х гг., где речь идёт про безликие ЦК, ЦКК и политбюро. Только в конце про И. В. Сталина пишут прямо и комплиментарно, что партия неуклонно

проводит «ленинскую линию» в управлении страной «под руководством своего ЦК во главе с т. Сталиным» [Волосевич, с. 150]. Однако хоть про деятельность И.В. Сталина в работе сказано мало, его труды цитируются довольно часто, начиная с X съезда РКП(б): в частности, приводится его объяснение необходимости нэпа [Там же, с. 200]. В дальнейшем И. В. Сталин цитируется всё чаще, особенно – по вопросам коллективизации и индустриализации, что вполне закономерно, ведь после окончания внутрипартийной борьбы цитировать уже больше некого.

Похожую картину можно наблюдать в «Очерках истории ВКП(б)» Н. Н. Попова, двенадцатое издание которых было публиковано в 1931 г. Первые упоминания деятельности И. В. Сталина здесь фиксируются в теме обороны Царицына в 1918 г. и последующих военных действий Южного фронта в 1919 г., тут же отмечается, что именно И. В. Сталин был помощником В. И. Ленина по военным делам [Попов, с. 58]. При описании большинства остальных моментов истории партии Н. Н. Попов ограничивается лишь упоминаниями И. В. Сталина как участника тех или иных партийных мероприятий, однако это компенсируется частыми ссылками на работы И. В. Сталина, которые также указаны в списке рекомендованной литературы в конце каждой из глав «Очерков», а также цитатами. Стоит также отметить, что здесь появляется одна особенность, которая будет характерна для последующих работ, в особенности «Краткого курса истории ВКП(б)»: если основным действующим лицом той или иной главы является В. И. Ленин, то про действия И. В. Сталина там рассказывают немного, но обязательно упоминают по шаблону: «Тов. Сталин и [кто-то ещё] поддержал Ленина» или: «И. В. Сталин написал письмо В. И. Ленину, где охарактеризовал произошедшее таким-то образом». Так, например, будет отмечен И. В. Сталин по теме обсуждения Брестского мира [Там же, с. 16], где он поддержал В. И. Ленина. Иначе гроворя, даже во второстепенных моментах И. В. Сталина обязательно выделяют среди прочих большевиков. Тогда, когда появляется возможность рассказать о совместной деятельности В. И. Ленина и И. В. Сталина, автор тоже этим пользуется: это происходит в момент обсуждения Декларации прав народов России, в создании и принятии которой И. В. Сталин действительно активно участвовал, будучи народным комиссаром по делам национальностей. В работе рассказывается, как Ленину и Сталину пришлось «выдержать ожесточённый бой» [Там же, с. 53] против их оппонентов.

В 1931 г., после письма И. В. Сталина «О некоторых вопросах в истории большевизма» в журнал «Пролетарская революция», где он потребовал «поставить историю большевизма на научные, большевистские рельсы» [Сталин, с. 84–85], начался пересмотр всех существовавших на тот момент учебников по истории коммунистической партии [Зеленов, Бранденбергер, с. 80–92]. В 1932 г. была организована специальная рабочая группа для составлена учебника по истории ВКП(б) [Там же, с. 95]. Как итог её работы, в 1934 г. увидел свет учебник «Краткая история ВКП(б)» В. Г. Кнорина. Уже в введении автор называет И. В. Сталина «лучшим учеником и соратником Ленина, величайшим теоретиком и вождём партии». Деятельность И. В. Сталина подробно освещается, начиная с его работы в Закавказье в конце XIX – начале XX в. В дальнейшем частота и

подробность упоминаний только растёт. Именно И. В. Сталин выступает центральной фигурой в теме внутрипартийной борьбы 1920-х гг. Восхваляется не только И. В. Сталин, но и активно цитируемые автором работы: «Вопросы ленинизма» в учебнике характеризуются не иначе как «величайший вклад в сокровищницу марксистско-ленинской теории» [Кнорин, с. 283].

В 1935 г. была переиздана «История ВКП(б)» Е. М. Ярославского. Кардинально переработанная, она уже в полной мере соответствует представлениям об историко-партийной работе времён культа личности И. В. Сталина. И. В. Сталин здесь – верный ученик В. И. Ленина, вождь партии, великий теоретик. В этой работе впервые появляются целые главы, посвящённые деятельности И. В. Сталина, например во времена Гражданской войны в России. Там отмечается, что именно И. В. Сталин нарушил все планы лидеров Белого движения в различных операциях: под Вяткой, под Петроградом в 1919 г. и так далее [Ярославский, с. 41–48]. При освещении внутрипартийной борьбы 1920-х гг. действия И. В. Сталина соотносятся с действиями ЦК и партийного большинства в целом. Е. М. Ярославский отдельно отмечает, что говорить о наличии «сталинской фракции» нельзя, ведь она составляла большинство ЦК [Ярославский, с. 167–168]. Иначе говоря, автор намекает, что взгляды и действия И.В. Сталина равнозначны взглядам и действиями партии. Также на И.В. Сталина очень часто ссылаются практически по всем вопросам партийной истории.

В итоге именно такой образ И. В. Сталина попадает в учебник «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», опубликованную в 1938 г. Надо начать с того, что учебник в целом очень сильно упрощает историю коммунистической партии: в отличие от предыдущих работ, там представлена не борьба разных сторон и мнений, а противостояние В. И. Ленина и И. В. Сталина противникам всех разновидностей: оппортунистам, ревизионистам и прямым врагам большевиков. В частности, рассказывается, как И. В. Сталин, верный соратник и последователь В. И. Ленина, «громил меньшевиков» и «твёрдо готовил» рабочих «к решительному бою против самодержавия» [История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, с. 79]. Важно отметить, что в этой работе, хоть и единожды, но, в отличие от предыдущих, звучит такое понятие, как «партия Ленина-Сталина», т. е. И. В. Сталин фактически ставится на одну ступень с В. И. Лениным. Всячески преувеличивается и роль И. В. Сталина во всей истории партии, в основном путём упоминания только его действий при замалчивании участия остальных. Например, только И. В. Сталин указан среди тех, кто выступил против явки В. И. Ленина на суд летом 1917 г., только И. В. Сталин и В. И. Ленин упомянуты в ходе описания вооружённого восстания 7 ноября. То есть у читателя может сложиться впечатления, что кроме В. И. Ленина и И. В. Сталина, а также некоторых других большевиков (а называются в основном фамилии тех, кто не был репрессирован, и приближённых И. В. Сталина) важных лиц в истории коммунистической партии не было.

Как итог, можно сказать, что в начале 1930-х гг. культ личности И. В. Сталина ещё не проник в полной мере в общие работы и учебники по истории ВКП(б). Ситуация начинает меняться, когда коммунистическая партия начинает ревизию существующих учебников о своей истории и разработку новых. Степень возвеличивания И. В. Сталина возрастала постепенно, до середины 1930-х гг. оставаясь относительно умеренной. На этом этапе он пока не столько вождь, сколько теоретик, учитывая нарастающую степень цитирования его работ. Привычный для периода культа личности образ И. В. Сталина как последователя В. И. Ленина, вождя и теоретика, в одиночку способного решать самые серьёзные вопросы, складывается приблизительно в 1935 г., а в «Кратком курсе истории ВКП(б)» принимает законченный вид.

Список источников

1. Безбородов А. Б. История коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политическая энциклопедия, 2013. – 671 с.
2. Бубнов А. С. ВКП(б). – М., Л.: Соцэкгиз, 1931. – 631 с.
3. Волосевич В. О. Самая краткая история ВКП(б). – Л.: Прибой, 1931. – 334 с.
4. Зеленов М. В., Бранденбергер Д. «Краткий курс истории ВКП (б)»: текст и его история в 2 ч. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 791 с.
5. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б) – М.: Госполитиздат, 1938. – 352 с.
6. Кнорин В. Г. Краткая история ВКП(б). – М.: Партиздат, 1934. – 408 с.
7. Попов Н. Н. Очерки истории ВКП(б). – М., Л.: ОГИЗ, 1931 г. – 240 с.
8. Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. – М.: Госполитиздат, 1951. – 423 с.
9. Ярославский Е. М. История ВКП(б). – М.: Партиздат, 1935. – 312 с.

Сведения об авторах

Тарасенко Юрий Леонидович – магистрант 2 курса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-0968-287X, e-mail: tar2000u@yandex.ru

УДК 159.99
ГРНТИ 15.41.21

Изучение мотивов Петра Алексеевича Романова и Владимира Ильича Ленина в рамках психоистории

А. С. ЧЕРНОВА, Н. С. СОЛОВЬЕВА

Имена таких великих правителей, как Пётр Алексеевич Романов и Владимир Ильич Ленин, знают даже те, кто в школе относился к изучению истории равнодушно. Современные исследователи в области исторических и психологических наук задаются следующими вопросами: «Как становление личности одного человека может повлиять на развитие общества в целом?», «Почему эти деятели были уверены в необходимости сокрушения прежних устоев?», «Как им удалось создать сильнейшие государства – Российскую Империю и СССР?» На эти вопросы может помочь ответить относительно молодая наука – психоистория.

Ключевые слова: психоистория, Пётр Великий, Владимир Ленин, мотивы, реформы.

В последнее время в научной среде все более популярным становится направление под названием «психоистория». Психоистория – это наука, изучающая психологические мотивы исторических событий. В начале XX в. под влиянием известного учения о психоанализе Зигмунда Фрейда возникла идея применить его для изучения исторической реальности. Психоистория начала обособляться в виде самостоятельной дисциплины в конце 1940–50-х гг. Американский историк и психолог Де Моз Л. выделяет три её основных направления: «изучение истории как среды, определяющей роль и место следующих поколений в историческом процессе, исследование революционных движений с помощью психологии и психоанализа, а также изучение национального характера с целью выяснения исторических особенностей развития отдельных наций» [2]. На сегодняшний день мнение людей о многих исторических личностях остаётся неоднозначным. Одни придерживаются мнения, что они были победителями в войнах, заступниками народа, мудрыми правителями, сумевшими поднять экономику с колен. Другие считают их жестокими тиранами, подвергавшими простых людей постоянным репрессиям и давившими любое инакомыслие. Следует подчеркнуть, что историю вершат люди, которыми в свою очередь руководит бессознательное, что и проявляется в их поведении. Тем не менее, мы часто задаёмся вопросом: почему тот или иной исторический деятель поступал так, а не иначе? Для того, чтобы разобраться в данной теме, рассмотрим двух известных и противоречивых исторических деятелей: последнего русского царя и первого императора Петра Алексеевича Романова (Великого) и создателя Советского социалистического государства Владимира Ильича Ленина (Ульянова).

В ходе анализа оценок и суждений о личности Петра Великого российский психолог Емельянова Т. П. указывает на три группы мнений: «панегиристы, считающие, что Пётр I был выдающейся личностью; обличители, утверждающие, что он разрушил сформировавшиеся русские традиции и устои; объективисты, стремящиеся сбалансировано представить и заслуги, и недостатки деятельности Петра I[1].

В первую очередь на становление личности Петра Алексеевича повлияли задатки, унаследованные им, в особенности со стороны матери. «Это было и преимуществом, и недостатком. В роду Нарышкиных был большой запас здоровья, много подвижности, энергии и настойчивости: это было, разумеется, хорошо, но необыкновенная живость темперамента нередко переходила в легкомыслие. Пётр от природы обладал чрезвычайно живым, но в то же время и весьма нервным, крайне легко воспринимающим впечатления бытия темпераментом. Если это так, то легко можно представить себе то впечатление, которое произвели на 10-летнего Петра разыгравшиеся перед ним кровавые сцены во время стрелецкого мятежа. Никогда в течение всей жизни Пётр не мог забыть этих кошмарных

[1] Емельянова Т. П. Трактовки личности Петра Первого в современной науке и коллективной памяти россиян // Горизонты гуманитарного знания – 2020. [Электронный ресурс] URL: https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1212 (дата обращения: 15.02.2025).

минут, заложивших в его душу восприимчивость к страху»[1] – отмечают авторы сборника «История России 18 века».

«За короткие 4 года, которые Алексей Михайлович успел провести рядом с Петром, царю удалось много сделать для развития в сыне первых детских вкусов, особенно связанных с военной тематикой. Будущий царь стал счастливым обладателем игрушечных лошадок, солдатиков, карабинов, булав и пистолетов, а также командовал своими сверстниками, ставшими его «потешным войском». Эти самые ранние игрушки и игры послужили благодатной почвой для дальнейшего возникновения необыкновенной любви Петра именно к военному ремеслу» – считает профессор истории Фирсов Н. Н. [4].

Первый российский император обладал характером, с которым было трудно совладать не только окружающим, но и ему самому. Деятель Петербургской Академии Наук Штелин Я. приводит следующее описание правителя: «Пётр Алексеевич был требовательным и к себе, и к своим подданным. Он не терпел, если во время церковной службы кто-либо из присутствующих разговаривал. Для наблюдения за порядком он поставил несколько надзирателей и ввёл штрафную сумку. Если знатные особы нарушали этот запрет, то при выходе должны были жертвовать по рублю на содержание бедных. Если запрет нарушал простолюдин, то он после окончания службы наказывался палками» [5].

Модернизационные реформы Петра I уникальны, во-первых, своей радикальностью, а во-вторых, тем, что преобразования инициировались исключительно сверху. Прежде ничего подобного в мире никто не предпринимал. Наиболее значимыми реформами на сегодняшний день историки считают следующие: создание армии и флота, административную (выстраивание абсолютистской модели монархии, когда все ключевые рычаги управления государством находятся в руках царя и его ближайших советников), экономическую (курс на импортозамещение и сосредоточение денежных средств внутри страны), промышленную, культурную (отказ от прежней, по мнению Петра, устаревшей культурной системы и выстраивание новой по европейскому образцу), церковную (снижение влияния церкви, а также издержек на её содержание), образовательную (создание первой в России системы профессионального образования: навигацкой, математической, пушкарской, госпитальной, приказной, инженерной и других школ). И, конечно же, основание Санкт-Петербурга.

Споры о том, была ли Россия готова к культурным преобразованиям, ведутся до сих пор. В своей статье Губжокова А. З. подмечает, что «Пётр переломил Россию через колено. Наиболее яркий пример этого перелома – известные указы о бритье бород. Для Петра борода была символом старины, архаики, которую он намеревался искоренить»[2].

---

[1] История России XVIII века. Сборник студенческих работ / ред. Т. Бухтина. М.: Студенческая наука, 2012. 971 с.

[2] Губжокова А. З. Достижения и противоречия в процессе «европеизации»: цивилизационный раскол эпохи правления Петра I. Шаг в будущее. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции студентов профессиональных образовательных организаций // Научная электронная библиотека e.LIBRARY.RU – 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=53835972 (дата обращения: 16.02.2025).

Тем не менее Пётр не был ни первым, ни единственным в России противником бород: споры о брадобритии велись задолго до него.

Историк Лиштенан Ф.-Д. считает противоречивость самой яркой чертой натуры императора: «Пётр Алексеевич – человек, сочетавший в себе несовместимое: стремление к просвещению и деспотизм, строивший и казнивший своими руками, вызывавший среди подданных ужас и обожание. Тем не менее, он, несомненно, был личностью с большой буквы, "прорубившей окно в Европу". Он создал регулярную армию и флот. Проводил активную внешнюю политику, при нем Россия утвердилась на берегах Балтийского моря. Стала расти и развиваться мануфактурная промышленность, развернулась внутренняя и внешняя торговля. Произошли перемены в области просвещения, культуры и науки. У Петра было огромное количество планов, проектов, реформ, но его жизнь оказалась коротка. Он хотел вывести Россию на мировую арену и сделать её сильной, великой. На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что ему это удалось» [3].

Исследователь Котеленец Е. А. разделяет спорящих о Ленине на три группы: «традиционалисты, центристы и радикалы. Одни полагают, что ленинизм и марксизм-ленинизм – это нечто «святое» и «непогрешимое». Другие считают, что необходимо научное, объективное, уважительное и вместе с тем критичное, свободное от стереотипов и иллюзий отношение к идеям Ленина, смелое их обсуждение и оценка. Третьи заняты доказательством едва ли не тотальной устарелости ленинизма, его ненужности и ответственности за те беды, которые пережила страна в 20 веке»[1].

Владимир Ильич Ульянов родился в 1870 г. в Симбирске (ныне Ульяновск), в семье инспектора народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова (1831–1886), Марии Александровны Ульяновой [6]. Шуралев А. В. в своём труде подмечает, что «этот город был своего рода инкубатором провинциальной интеллигенции и Родиной таких исторических деятелей, помимо Ленина, как Карамзин, Гончаров, Керенский. В 1879–1887 гг. Владимир Ульянов учился в Симбирской гимназии, которой руководил Фёдор Михайлович Керенский, отец Александра Федоровича Керенского, будущего главы Временного правительства»[2]. Кандидат экономических наук Гешель В.П. характеризует Владимира Ульянова как очень способного ученика: «Первая награда по решению педагогического совета была вручена ему уже в 1880 году, после окончания первого класса – похвальный лист и книга с золотым тиснением на переплёте: "За

[1] Котеленец Е. А. И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М.: Изд-во РУДН, 1999. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lenin-kak-politik-i-chelovek-v-noveyshih-issledovaniyah/viewer (дата обращения: 17.02.2025).

[2] Шуралёв А. В. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Россия и мировая история: учеб. пособие по истории для средних специальных учебных заведений; Интегративный учебный курс по философии для медицинских вузов (лекции, программа, методичка): учеб.-метод. пособие // Научная электронная библиотека e.LIBRARY.RU 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=41895342 (дата обращения: 07.03.2025).

благонравие и успехи". В 1887 г. окончил гимназию с золотой медалью и поступил на юридический факультет Императорского Казанского университета. Фёдор Михайлович Керенский был очень разочарован выбором Владимира, так как советовал ему поступать на историко-словесный факультет университета ввиду больших успехов младшего Ульянова в латыни и словесности» [1].

Родные люди играли в жизни Владимира Ильича огромную роль. Авторы статьи о Ленине на сайте «Википедия» подмечают следующее: «Наиболее тёплые чувства Ульянов испытывал к своему старшему брату, Александру, и выбрал его в качестве примера для подражания. Несмотря на благополучную обстановку в родительской семье, душе маленького Володи все же пришлось испытать на себе страшные потрясения. Когда Владимиру было 11 лет, в Санкт-Петербурге произошло громкое покушение. 13 марта 1879 года члены революционной организации "Народная Воля" взорвали царскую карету, а 1 марта 1881 года Игнатий Гриневицкий бросил бомбу прямо под ноги Александра 2, в результате чего царь-освободитель скончался. В итоге заговорщики были арестованы и казнены, но революционные идеи в обществе продолжили свою жизнь. Спустя 2 года после убийства императора, Александр Ульянов поступил в Санкт-Петербургский Университет, где демонстрировал незаурядные способности. Тем не менее, увлечение идеями Маркса и Плеханова сыграло с ним злую шутку. В 1887 году, 8 мая, его старшего брата – Александра – казнили как участника народовольческого заговора с целью покушения на жизнь императора Александра III. Произошедшее стало глубокой трагедией для семьи Ульяновых, не подозревавшей о революционной деятельности Александра»[1].

Владимир Ульянов провёл 17 лет своей жизни в эмиграции, поскольку правительство Российской Империи ужесточило меры против революционеров. В интернет-журнале «Секрет фирмы» авторы описывают деятельность Владимира Ильича в Европе: «В 1900 году, после окончания ссылки, Ленин отправился в эмиграцию. Жил он в Швейцарии, Великобритании и Германии. Псевдоним «Ленин» он начал использовать только в 1901 году – так он подписал одну из своих статей для своей же подпольной революционной газеты «Искра». В 1903 году Ленин готовил II съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в Брюсселе и Лондоне, для которого написал свою партийную программу. Именно на этом съезде партия раскололась на большевиков и меньшевиков. Сам Ленин тогда оценил раскол как «прямое и неизбежное продолжение... разделения социал-демократии на революционную и оппортунистическую». Позже соотношение сил между большевиками и меньшевиками постоянно менялось. В ноябре 1905 года Владимир Ленин вернулся в Россию – вскоре после того, как император Николай II подписал манифест "Об усовершенствовании государственного порядка". Гражданам даровали свободу совести, слова, собра-

[1] Ленин, Владимир Ильич // Википедия – 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD,_%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 15.03.2025).

ний и союзов и неприкосновенности личности. Обосновался Ленин в Санкт-Петербурге, где возглавил редакцию газеты "Новая жизнь". В ходе революции 1905–1907 годов он также выступал главой Петербургского комитета большевиков и призывал вступить в вооружённое противостояние с правительством. Но уже в 1906 году Ленин уехал в Финляндию, а с 1907 года опять колесил по Европе (жил во Франции, затем в Австро-Венгрии и Швейцарии). Все эти годы Ленин продолжал активно участвовать в делах РСДРП, деятельности Второго интернационала, поддерживать левые группы в европейских социал-демократических партиях и отдельных социалистов, которые выступали за активизацию революционной борьбы. Да, по сути, он вмешивался в политическую жизнь в Европе»[1].

Узнав о начале Февральской революции 1917 г. и отречении Николая II от престола, Ленин решил вернуться в Россию. Через Германию он добрался до родины в апреле – ехал в специальном вагоне для политических эмигрантов.

По возвращении в Россию Ленин озвучил своим сторонникам основные положения стратегии большевиков – вскоре они получили название «Апрельских тезисов». В них он в том числе призывал лишить власти Временное правительство в пользу Советов (куда входили представители разных социалистических партий), принять название «коммунистическая партия» и начать наконец социалистическую революцию.

В 1918 г. в стране началась Гражданская война. Почти сразу после образования Совета народных комиссаров большевиков пытались отстранить от власти и сторонники Временного правительства, и представители Всероссийского исполнительного комитета профсоюза железнодорожников, которые требовали создать правительство из представителей всех социалистических партий. В конечном счёте Ленин и его соратники установили в России однопартийную диктатуру. Созванное Учредительное собрание разогнали уже в январе 1918 года. Советское государство того периода сам Ленин характеризовал как «ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стеснённую, непосредственно на насилие опирающуюся власть». Победу в Гражданской войне одержали большевики.

Авторы статьи на сайте канала «РЕН ТВ» подмечают, что «в 1922 году народное хозяйство в России было в плачевном состоянии: страна страдала от дезорганизации, безработицы, голода и растущего недовольства рабочих, солдат и крестьян. Чтобы спасти ситуацию, Ленин отменил «военный коммунизм» и ввёл так называемую новую экономическую политику – знаменитый НЭП. Он вернул в страну частную торговлю. При этом соратники Владимира Ильича сочли это предательством интересов мировой революции»[2].

---

[1] Кто такой Владимир Ленин и что о нём стоит знать // Секрет фирмы – 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://secretmag.ru/enciklopediya/kto-takoi-vladimir-lenin.htm (дата обращения: 17.02.2025).

[2] Владимир Ленин: интересные факты из жизни вождя мирового пролетариата // РЕН ТВ – 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://ren.tv/longread/1207526-biografiia-lenina (дата обращения: 05.03.2025).

30 декабря 1922 г. благодаря Ленину на мировой политической карте появилось новое федеративное государство – Союз Советских Социалистических Республик. После образования Союза Ленин сам возглавлял Совет народных комиссаров, а также Совет труда и обороны СССР [3].

Понимание мотивов поведения исторических личностей может помочь получить ответы на многие вопросы не только в отношении людей, живших тогда, но и в отношении живущих сейчас. Проблемы, детские травмы и переломные моменты бывают не только в жизни известных правителей, но и у обычных людей. Если знать, как именно возникают мотивация или психологические проблемы, можно найти способ объяснить это, стараться предотвращать неприятные последствия для отдельного человека и общества в целом.

Список источников

1. Гешель В. П. Эволюция экономического потенциала капитала труда в аграрной сфере. – EDN YGAUJZ // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 2-1. – С. 30–47.

2. Де Моз Л. Психоистория. Классики психологии XX века. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000. – 512 с.

3. Лиштенан Франсин-Доминик. Якоб фон Штелин, придворный историограф и педагог XVIII в. / Франсин-Доминик Лиштенан // Quaestio Rossica. – 2013. – № 1. – С. 160–170.

4. Фирсов Н. Н. Пётр I Великий, Московский царь и Император Всероссийский (личная характеристика) // Пётр Великий: Pro et Contra. Личность и деятельность Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2003. – С. 391–396.

5. Штелин Я. Подлинные анекдоты Петра Великого. – М., 1789.

6. Южаков А. А. От Рюрика до Путина: история российской цивилизации: в 2 т. – Т. 1, ч. 1, 2. – 2023. – 660 с. ил. – ISBN 978-5-907568-78-5.

Сведения об авторах

Чернова Анастасия Сергеевна – студентка 4 курса, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0007-7830-3991, e-mail: cernovaa005@gmail.com

Соловьева Наталья Станиславовна – кандидат психологических наук, доцент Высшей школы лингвистики и педагогики, заведующий Лабораторией прикладной психологии, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-0376-4028, e-mail: kiseleva_ns@spbstu.ru

УДК 94(47+57)»18/19»:355.343.73
ГРНТИ 03.21.31

Повседневная жизнь офицеров Кронштадта и их семей в конце XVIII – начале XX в., организация морского собрания

Е. Н. ШУМОВ

В статье рассматривается повседневная жизнь офицеров Кронштадта и их семей в XIX – начале XX в. через призму деятельности Морского собрания. На основе архивных материалов и исторических документов исследуются особенности организации досуга, культурной и научной деятельности морских офицеров, анализируется роль Морского собрания как центра

социальной и интеллектуальной жизни военно-морской элиты. Особое внимание уделяется эволюции Морского собрания от офицерского клуба до значимого культурно-просветительского центра, формировавшего уникальную социокультурную среду главной базы российского флота на Балтике.

Ключевые слова: Кронштадт, Морское собрание, повседневная жизнь офицеров, военно-морской флот России, офицерская культура XIX в.

Кронштадт является уникальным городом в истории России, имеющим особый статус города-порта, а с недавнего времени (с 2009 г.) – и Города воинской славы, именно здесь, как отмечает Ф. А. Тимофеевский, *«сохранились следы бессмертных творений Петра Великого»* [Тимофеевский]. Расположенный на острове Котлин в Финском заливе, в 30 км от Санкт-Петербурга, Кронштадт на протяжении нескольких столетий играл центральную роль в защите морских рубежей страны и развитии российского военно-морского флота, он *«самою природою предназначался для защиты нашей северной столицы»* [Тимофеевский]. Основанный в 1704 г. по указу Петра I как крепость для защиты новой столицы Российской империи – Санкт-Петербурга, Кронштадт быстро превратился в главную базу Балтийского флота. Город стал центром кораблестроения, судоремонта, а также подготовки морских офицерских кадров. Особое значение для формирования уникальной социокультурной среды Кронштадта имело учреждение в 1802 г. Морского собрания – одного из старейших в России военно-морских офицерских клубов. Создание Морского собрания не только заложило основы четкой военно-морской иерархии и субординации, но и способствовало становлению особой бытовой и нравственной культуры, присущей офицерскому сословию, *«давней и благородной традиции»* истории российского флота, как подчеркивает В. П. Масягин [Масягин]. Морское собрание занимало свое особенное место в жизни города, являясь во многом центром общественной, культурной и научной деятельности морских офицеров и их семей. Повседневная жизнь офицеров Кронштадта и их семей в XIX – начале XX в. представляет большой интерес для исторического исследования (например, в академической литературе она изучалась В. П. Масягиным, С. Ахундзяновым, А. В. Тихомировым [Ахундзянов; Масягин]). Она отражает не только особенности быта и социальной структуры военно-морского сословия, но и дает представление о ценностях, традициях и мировоззрении людей той эпохи. Изучение этой темы позволяет глубже понять патриотический дух и высокие моральные принципы, которые были присущи российскому офицерству и которые во многом определяли развитие страны. Актуальность данной темы обусловлена также тем, что в настоящее время Кронштадт переживает новый этап развития в рамках масштабного проекта «Острова фортов», стартовавшего в 2019 г. Проект направлен на создание уникального туристско-рекреационного кластера, включающего музейные, образовательные, развлекательные и спортивные объекты, связанные с историей и традициями Военно-морского флота России. В 2023 г. число туристов, посетивших Кронштадт, составило уже 3,3 млн[1] человек. В этой связи изучение повседневной жизни офицеров Кронштадта в XIX – начале XX в. приобретает особую

[1] Кронштадт в 2023 году посетили 3,3 млн туристов // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6507062?ysclid=m7d1fwnxi3623667553

значимость, способствует сохранению и популяризации культурно-исторического наследия, развитию туристического потенциала города и патриотическому воспитанию через призму истории. Результаты исследования могут быть использованы в патриотическом воспитании молодежи, в частности курсантов военно-морских учебных заведений, для которых пример офицеров прошлого может служить образцом верности долгу, чести и любви к Отечеству.

Повседневная жизнь офицеров Кронштадта и их семей в XIX – начале XX в. была неразрывно связана с деятельностью Морского собрания, основанного в 1802 г. по инициативе небольшого кружка представителей морского общества. Как отмечается в очерке, посвященном столетнему юбилею собрания, *«учреждение морского клуба в Кронштадте»* состоялось *«по желанию небольшого кружка членов морского общества, съ Высочайшего соизволения»* [Кронштадтское морское собрание…, с. 1]. Собрание служило местом единения морского сообщества, помогая преодолеть неприглядность и монотонность повседневного быта Кронштадта конца XVIII в., когда, по свидетельствам современников, город представлял собой *«большую деревню съ немощеными улицами и болотными площадями, на которых большую часть года стояла невылазная грязь, и где не проходило ночи без грабежей и даже убийств»* [Кронштадтское морское собрание…, с. 2]. Культурных развлечений и возможностей интеллектуального досуга также практически не существовало: *«Литературою морского дела интересовались немногие, и книга вообще представлялась недоступною роскошью, так как общественной библиотеки и в помин не было»* [Кронштадтское морское собрание…, с. 2]. При этом свободного времени у моряков, особенно в межнавигационный период, было в избытке, что нередко приводило к неблагоприятным последствиям для неопытной молодежи. Осознавая эти проблемы, главный командир Кронштадтского порта адмирал Самуил Карлович Грейг в 1786 г. выступил с предложением учредить в Кронштадте клуб или благородное собрание, дабы *«уменьшить это зло»* [Кронштадтское морское собрание…, с. 3]. Эта инициатива и положила начало истории Морского собрания. Первоначально для учреждения клуба подписалось около 70 человек, обязавшихся вносить по 10 рублей ассигнациями. Торжественное открытие состоялось 11 марта 1786 г. в доме контр-адмирала Клокачева. Старшинами были избраны комендант Кронштадта генерал-лейтенант Берамин, инженер-полковник барон Пальм, капитаны бригадирского ранга Ханыков и Киреевский [Кронштадтское морское собрание…, с. 3]. Согласно установленным правилам, члены клуба могли собираться ежедневно с 5 часов вечера до полуночи. *«Для развлечения предлагались газеты, журналы, игра в бильярд и в карты, а дважды в неделю устраивались по подпискам ужины, и раз в месяц обязательно давался бал»* [Кронштадтское морское собрание…, с. 4]. По свидетельству очевидцев, *«простота нравов, взаимная любовь, дружеское обращение начальников с подчиненными и безусловное уважение последних к первым»* принесли достойные плоды: *«семейные между собою сблизились, а молодые офицеры, ознакомясь с лучшим обществом, сделались нравственнее»* [Кронштадтское морское собрание…, с. 4].

Первоначально по клубным правилам мичманы не допускались в число членов собрания, однако вскоре это ограничение было снято, и они стали приниматься по одобрению начальства без баллотировки. Число членов клуба быстро возрастало и к 1795 г. достигло 180 человек, в связи с чем встал вопрос о переезде в более просторное помещение. С разрешения высшего начальства клуб был перенесен в так называемый «депутатский» дом (дом Миниха) [Исакова]. К сожалению, бурное развитие первого Морского собрания было прервано в 1795 г. в связи с отправкой значительной части офицерского состава в длительное заграничное плавание, продолжавшееся до 1800 г. Возобновление деятельности Морского собрания после пятилетнего перерыва столкнулось со значительными трудностями. С воцарением императора Павла I *«настало самое неблагоприятное время для всяких клубов»*, поскольку *«Император их недолюбливал»* [Кронштадтское морское собрание…, с. 5]. Офицеры были обязаны посещать специально учрежденные «учебные классы» для изучения морского устава и специальных предметов. Отпуска из Кронштадта в Петербург разрешались только с особого высочайшего соизволения.

Возрождение Кронштадтского благородного собрания произошло лишь в 1802 г. благодаря энергии и настойчивости лейтенанта И. П. Бунина, служившего адъютантом при адмирале П. И. Ханыкове, ставшим к тому времени главным командиром порта [Кронштадтское морское собрание…, с. 6–9]. Обладая *«заразительно-весёлым характером, при светлом уме и солидной образованности»*, Бунин пользовался огромным уважением как среди своих товарищей по флоту, так и в высших кругах петербургского общества. Получив в январе 1802 г. Высочайшее соизволение на открытие учреждения, уже 6 февраля того же года состоялось его торжественное открытие в предоставленном для этих целей «депутатском» доме. На первоначальное обустройство собрания было собрано 2100 рублей ассигнациями в качестве членских взносов от 140 человек [Кронштадтское морское собрание…, с. 17–18]. Морское собрание разместилось в среднем этаже дома Миниха и включало в себя столовую, буфетную, газетную, две бильярдные, две гостиные и танцевальный зал: *«помещение это имело 24 окна на улицу... Парадный вход быль с Петровской площади. Все помещение было тесновато, освещалось первоначально одними свечами, горевшими в люстрах и стенных жирандолях, а позже, с 40-хъ годов, и лампами, сперва масляными, потом керосиновыми и газовыми»* [Кронштадтское морское собрание…, с. 19–20].

С самого начала Морское собрание стало центром общественной, культурной и научной жизни морских офицеров и их семей. Согласно разработанным правилам, членами Морского собрания могли быть все лица морского ведомства, проживающие в Кронштадте, а их число ограничивалось 300 в связи с тесным помещением [Кронштадтское морское собрание…, с. 20]. Однако, несмотря на относительную скромность и тесноту, собрание предоставляло своим членам разнообразные возможности приятного и полезного времяпрепровождения. Вечерние собрания и обеды назначались каждый четверг, балы и маскарады – не чаще двух раз в месяц, с заблаговременной рассылкой печатных приглашений по

Кронштадту и Петербургу. Согласно воспоминаниям современников, в первые годы существования Морского собрания ощущался недостаток дам на балах и вечерах, что даже приводило к их отмене. Чтобы исправить ситуацию, *«даже в 30-хъ годах существовал § правил, допускавши каждому члену клуба приглашать на балы и концерты неограниченное число дам, с предъявлением лишь старшинам имён осо, делавших собранно честь своим посещением»* [Кронштадтское морское собрание…, с. 21]. Однако эта мера не всегда достигала цели. В то же время вдовам и дочерям бывших членов собрания выдавались бесплатные годовые билеты для приезда на балы и танцевальные вечера [Кронштадтское морское собрание…, с. 24]. Значительное внимание уделялось организации досуга семейных офицеров: так, по четвергам проводились вечерние собрания с музыкой и обедами, на которые приглашались флотские музыканты. Плата с члена за обед составляла 50 копеек [Кронштадтское морское собрание…, с. 23]. Интересен организационный аспект проведения балов, где в качестве управляющих служили старшины: *«Боль открывается польским, начинаемым одним из дежурных старшин или старшею особою, присутствующею на бале»* [Кронштадтское морское собрание…].

Членами Морского собрания могли стать все морские офицеры, находящиеся на службе в Кронштадте. Вступительный взнос составлял 15 рублей ассигнациями, годовой членский взнос – 20 рублей (с 1836 г. – 25 рублей). Правилами собрания число членов ограничивалось 300 в связи с тесным помещением [Кронштадтское морское собрание…, с. 23]. Для молодых офицеров в первый год после выпуска из морского корпуса действовали льготные условия - взнос составлял 5 рублей ассигнациями. В начале своего существования собрание получало ограниченные доходы от членских взносов, не превышавших 6000 рублей ассигнациями в год, однако и при таких средствах умело организовывало пышные празднества и доставляло членам приятные развлечения, недоступные большинству офицеров при их скромном жалованье. На балы выписывались оркестры из флотских экипажей, а в 1840-е гг. – специально из Петербурга, за плату до 300 рублей ассигнациями [Кронштадтское морское собрание…, с. 22]. Для эстетического наслаждения членов и гостей собрания устраивались концерты лучших артистов (например, известного скрипача того времени – Саварина), при затратах до 1000 рублей ассигнациями. Повседневная жизнь офицеров и их семей в Кронштадте, таким образом, была тесно связана с Морским собранием. По воспоминаниям барона В. И. Штейнгеля, начавшего службу мичманом в 1795 г., до основания собрания свободное от службы время молодые офицеры зачастую проводили в праздности, что *«действовало губительно»*. С появлением собрания *«культурных развлечений»* стало значительно больше, что способствовало единению членов морской семьи, укрепляло взаимоотношения, соответствующие духу морской службы [Кронштадтское морское собрание…].

Административное руководство собранием было возложено на совет из 12 старшин, которых ежегодно избирали из числа самых авторитетных членов организации. В их обязанности входило *«внутреннее устройство собрания»* и

«хозяйственное об оном попечение». Особое внимание старшины уделяли соблюдению *«приличии, благопристойности и порядка»*, следя за тем, чтобы все члены общества неукоснительно следовали установленным правилам [Кронштадтское морское собрание…, с. 7]. Избрание старшин путем баллотировки происходило ежегодно 6 февраля, в день основания Морского собрания. Один из старшин исполнял обязанности казначея.

Огромную роль в интеллектуальном развитии членов собрания играл и доступ к литературе – хотя при учреждении собрания *«книга представлялась недоступною роскошью»*, а *«библиотеки и в помине не было»*, все же появилось первое собрание книг (т.н. «морская библиотека») [Кронштадтское морское собрание…, с. 24]. Согласно сохранившейся описи, в этой «морской библиотеке» имелись математические, исторические, юридические книги в количестве 185 названий, а также отдел изящной словесности из 114 названий, включавший сочинения известных русских авторов: Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, Карамзина, наряду с популярными в то время повестями Коцебу [Кронштадтское морское собрание…, с. 2]. Большое значение имела учрежденная при Морском собрании в 1832 г. библиотека, носившая поначалу название «флотской». Ее создание состоялось по инициативе капитан-лейтенанта И. Н. Скрыдлева на средства, собранные по добровольной подписке среди офицеров Балтийского флота. Современники высоко оценивали значение этого культурного учреждения. По их мнению, появление такой библиотеки *«в Кронштадте представляло в свое время очень важное явление»*, которое существенно повлияло на культурную жизнь города и, несомненно, способствовало *«улучшению нравов и привычек тогдашнего общества»* [Кронштадтское морское собрание…, с. 25], тем более, что служащие «*получали весьма небольшое жалованье*» и самостоятельно «*не имели возможности усовершенствоваться в теоретических познаниях, необходимых в их службе*» [Велвный, с. 55].

Постепенно Морское собрание становится культурным и общественным центром Кронштадта, выходя за рамки сугубо офицерского клуба. Так, морское собрание активно участвует в общественной жизни Кронштадта, организуя благотворительные акции в пользу пострадавших от пожаров и других бедствий. Документы свидетельствуют о том, что *«бедствия от часто случавшихся в Кронштадте пожаров»* неизменно находили сердобольный отклик у членов собрания, которые организовывали благотворительные вечера. Собранные средства направлялись на помощь пострадавшим, таким образом моряки стремились *«посильною лептою оказать помощь нуждающимся»* [Кронштадтское морское собрание…, с. 24]. В 1817 г. собрание посетили император Александр I и прусский король Вильгельм III. В 1827 г. по повелению Николая I над помещениями Морского собрания были устроены комнаты для пребывания императора в Кронштадте [Кронштадтское морское собрание…, с. 25].

В 1852 г. широко отмечалось 50-летие Кронштадтского Морского собрания. Специально к юбилею был написан портрет И. П. Бунина как основателя собрания, а сам он был избран его почетным членом. Высочайшим повелением этот портрет разрешено было поместить в одном из залов собрания, *«чтобы иметь*

вас, так сказать, всегда присутственным между нами», как говорилось в письме старшин к Бунину [Кронштадтское морское собрание…, с. 34]. Сами юбилейные торжества из-за траура по недавно умершему главному командиру Кронштадтского порта адмиралу Ф.Ф. Беллинсгаузену были перенесены на более поздний срок, что свидетельствует об особой культуре почтения и уважения в среде собрания.

Со временем помещение Морского собрания в доме Миниха перестало удовлетворять потребностям разросшегося морского общества Кронштадта. В 1856 г. по указанию великого князя Константина Николаевича, управляющего морским министерством, было принято решение перевести собрание в отдельный офицерский флигель, существенно расширив его площадь. На новоселье из Мраморного дворца была передана огромная 94-рожковая люстра для освещения танцевального зала. Изящная дубовая мебель от придворного мастера Тура обошлась в 14 250 рублей, оконные занавески были сделаны из пунцового трипа и желтого штофа [Кронштадтское морское собрание…, с. 42]. В новом помещении, отличавшемся простором, удобством и изяществом внутренней отделки, предусматривались обширный танцевальный зал, комнаты для карточной игры и бильярда, столовая, буфетная и ряд других помещений.

20 ноября 1858 г. состоялось освящение нового здания Морского собрания. По просьбе старшин Константин Николаевич принял на себя звание его попечителя. *«Принимая это звание с искренним удовольствием, прошу Вас объявить гг. членам Кронштадтского морского собрания, что Мне всегда будет особенно приятно находиться с ними, и Я уверен, что мы будем составлять весьма дружную морскую семью»*, – говорилось в рескрипте великого князя [Кронштадтское морское собрание…, с. 44]. Примечательно, что и здесь весь уклад Морского собрания соотносится с образом *«дружной морской семьи»*. Это высокое покровительство обеспечило необходимую поддержку всем последующим преобразованиям и усовершенствованиям в жизни собрания, превратив его в подлинную школу военно-морского дела и нравственного воспитания офицеров флота.

С этого времени Морское собрание переживает новый подъем своей деятельности. В соответствии с разработанным при ближайшем участии Константина Николаевича новым уставом, нахождение в числе членов собрания объявлялось обязательным для всех адмиралов, штаб- и обер-офицеров Балтийского флота. Было значительно увеличено ежегодное ассигнование на содержание собрания, организован постоянно действующий общий стол (табльдот) для офицеров по умеренным ценам, значительно расширена библиотека, получившая название «морской». В 1871 г. ряды данного общества пополнил князь Алексей Александрович, что свидетельствовало о престиже собрания [Коршунов]. По инициативе Константина Николаевича, с 1857 г. в Морском собрании в зимние месяцы стали регулярно проводиться лекции и сообщения, знакомившие морских офицеров с новейшими достижениями военно-морской науки и техники. С докладами по актуальным вопросам кораблестроения, навигации, морской артиллерии, минного дела выступали ведущие специалисты морского ведомства.

Организовывались военно-морские игры, читались лекции по морской истории, статистике, гигиене, естествознанию. Наряду с образовательными и научными мероприятиями, собрание продолжало оставаться средоточием культурной и светской жизни морского Кронштадта. На его сцене регулярно проводились концерты и театральные представления с участием как местных любителей, так и приглашенных из столицы профессиональных артистов. Наряду с образовательными и научными мероприятиями, повседневная жизнь Морского собрания продолжала оставаться центром культурных и светских мероприятий – торжественно отмечались юбилейные даты, принимались почетные гости, устраивались концерты с участием известных артистов, литературные и семейные вечера. В 1866 г. в собрании состоялся пышный банкет в честь американских моряков, прибывших в Кронштадт на мониторе «Миантономо» с дружеским визитом. Зал был украшен флагами, цветами и транспарантами, играла музыка, произносились взаимные приветственные тосты [Кронштадтское морское собрание…, с. 54]. Собрание стало местом единения русских моряков с их зарубежными коллегами.

Во второй половине XIX в. Морское собрание стало подлинным центром патриотического воспитания личного состава флота. В его стенах торжественно отмечались знаменательные даты отечественной морской истории, чествовались выдающиеся флотоводцы и мореплаватели. В 1872 г. в собрании торжественно отмечалось 200-летие со дня рождения Петра Великого – основателя регулярного военно-морского флота и города Кронштадта. Был устроен роскошный бал в стиле ассамблей петровского времени [Кронштадтское морское собрание…, с. 55]. Зал собрания был украшен бюстом и портретом императора-преобразователя, специально доставленными по этому случаю из Петербурга. В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Морское собрание пристально следило за действиями российского флота. Стены учреждения украсили портреты героев войны – лейтенанта Дубасова, прославившегося подвигом на Дунае, и адмирала Лесовского, отличившегося в операциях по освобождению Болгарии. Показательно, что в феврале 1877 г., когда проходила мобилизация армии и флота, 75-летний юбилей собрания отметили без пышных торжеств, в узком кругу. Такое решение было принято не случайно – собрание, *«воспитавшее в своих членах чуткость к настроению русского общества»*, не могло позволить себе масштабных празднований в дни, когда *«Государем принимались последние меры к удовлетворению мирным путём»* требований и предотвращению военного конфликта [Кронштадтское морское собрание…, с. 56].

В последней четверти XIX – начале XX в. Морское собрание продолжало играть важную роль в жизни Кронштадта и Балтийского флота. Здесь по-прежнему собиралась военно-морская элита, обсуждались насущные вопросы флотской жизни и службы, принимались важные гости. В июле 1891 г. в Морском собрании состоялся грандиозный банкет в честь прибывшей в Кронштадт французской эскадры адмирала Жерве, ставший важной вехой в истории русско-французского союза. *«Внимание всей России в то время было приковано к моби-*

лизованной армии, сосредоточенной уже под Кишинёвом и ожидавшей мановения Державного Вождя, чтобы исполнить акт исторической задачи русского народа в деле возрождения славянского мира», – писал по этому поводу «Кронштадтский вестник» [Кронштадтское морское собрание…, с. 57–60]. Банкет, данный в честь французских моряков, превратился в *«поистине роскошный банкет»*, где главенствовала атмосфера *«искренней дружбы»* и радушного гостеприимства. Важно отметить, что торжество отличалось тактичностью и дипломатичностью – оно проходило без *«малейшей примеси хвастливого шовинизма»* и каких-либо провокационных выпадов в адрес других держав [Кронштадтское морское собрание…]. В 1894 г. состоялось еще более пышное чествование французских моряков в стенах Морского собрания в связи с визитом в Кронштадт президента Франции – здесь, как отмечается, была *«красноречиво заявлена всему свету взаимность симпатии* [Кронштадтское морское собрание…, с. 57].

В начале XX в. в жизни Морского собрания появляются новые формы работы – лекции и сообщения по актуальным вопросам развития военно-морского дела. Тематический круг этих лекций, как следует из исторических источников, был достаточно широк и вбирал в себя лекции по *«морской артиллерии, минного дела, пароходной механики, корабельной архитектуры, морской тактики и т. п. предметов, которые в пору пересоздания нашего флота получили новое направление»* [Кронштадтское морское собрание…, с. 52]. Особое внимание уделялось ознакомлению членов собрания с новейшими техническими достижениями, опытом недавних войн и операций флота. С другой стороны, в исторической литературе, связанной, например, с деятельностью Машинной школы Балтийского флота в Кронштадте, отмечается недостаток квалифицированных преподавателей из офицеров: *«относительно преподавателей из инженеръ-механиковъ флота можно сказать, что недостаток их во флоте вообще особенно чувствительно отражается на школе... приобретается практикой и никак не в первый год»* [Краткий исторический очерк…, с. 122].

Морское собрание активно развивало научную и творческую деятельность своих членов. В его стенах функционировали литературные и музыкальные кружки, где участники регулярно собирались для совместного изучения новейших произведений. Особое место в культурной жизни собрания занимали масштабные литературные вечера, доступные *«для всех членов собрания и их семейств»*. Организаторы тщательно продумывали структуру таких мероприятий: в начале звучали «статьи научного содержания», затем следовали беллетристические произведения, а завершалась программа легкими, развлекательными материалами. Важной особенностью этих встреч было то, что *«каждый из участников вносил свой вкус»*, что помогало избежать монотонности и излишней академичности. Разнообразие достигалось также за счет включения в программу *«музыкальных и вокальных номеров»* [Кронштадтское морское собрание…, с. 53]. Кроме того, оно продолжало участвовать в общественном служении – например, вносило вклад в возведение Морского собора – участие офицеров выразилось не только в единовременных пожертвованиях, но и в системной финансовой поддержке – начиная с 1898 г. моряки приняли решение о регулярных

отчислениях, когда «*съ жалованья, столовых и морского довольствия"* удерживался определенный процент на строительство. Именно эти средства составили *"наибольшую часть пожертвовании»* на создание храма [Болотная, с. 4].

В 1902 г. Морское собрание широко отмечало 100-летний юбилей со дня своего основания. К этому времени оно уже представляло собой крупный культурно-просветительский центр, игравший важнейшую роль в общественной жизни Кронштадта. Здесь по-прежнему собиралась военно-морская элита российского флота, обсуждались насущные профессиональные вопросы, принимались важные решения. При этом собрание оставалось и любимым местом отдыха и развлечений офицеров и их семей, средоточием культурной жизни всего города. Изменился, во многом благодаря активной деятельности морского офицерства и развитию военно-морской инфраструктуры, и сам город, по замечанию современников: *«Кронштадт тоже довольно изменился в наружности: все что было гнило, старо – исчезло, что было не достроено, – достроилось, подкрасилось, обновилось»* [6, с. 4].

Подводя итог, можно констатировать, что на протяжении XIX – начала XX в. Кронштадтское морское собрание являлось одним из центрообразующих элементов уникальной социокультурной среды, сложившейся в главной базе российского флота на Балтике. Повседневная жизнь членов собрания была насыщена разнообразными событиями – балами, концертами, лекциями, творческими вечерами. Здесь рождались новые идеи и замыслы по совершенствованию морского дела, принимались судьбоносные решения. Деятельность Морского собрания способствовала формированию особого корпоративного духа военно-морской элиты Российской империи. Находясь в стенах собрания, офицеры флота ощущали себя членами единой *«большой морской семьи»*, объединенной общими интересами и устремлениями. Собрание играло важную роль в поддержании высокого авторитета флота и воспитании молодого поколения моряков в лучших традициях беззаветного служения Отечеству. Здесь крепла та особая нравственная атмосфера взаимного уважения и товарищества, которая всегда отличала русских военных моряков. При этом деятельность Морского собрания не замыкалась в узких рамках профессиональной корпорации. Оно было открыто для общества, активно участвовало в культурной и благотворительной жизни Кронштадта. Опыт деятельности собрания, основанный на лучших традициях флотского товарищества и беззаветного служения Родине, сохраняет свою актуальность и в наши дни, оставаясь вдохновляющим примером для новых поколений российских военных моряков.

Список литературы

1. Ахундзянов С. Из истории офицерских собраний // Вестник противовоздушной обороны. – 1991. – № 2. – С. 79–80.

2. Болотная Б. Ю. Морской собор в Кронштадте / Историческое описание. Кронштадт, 1913. – 19 с.

3. Велвный А. Ж. Исторический очерк Штурманского Училища, 1798–1871. – Кронштадт, 1872. – 275 с.

4. Исакова Е. В. Кронштадт. Архитектура. История. Фортификация / Е. Исакова, В. П. Орлов. – СПб.: Крига, 2017. – 598 с.

5. Коршунов Ю. Л. Августейшие моряки. – СПб.: БЛИЦ, 1999. – 101 с.

6. Краткий исторический очерк учреждения и деятельности Машинной школы Балтийского флота в гор. Кронштадте. 1885–1910 гг. – Кронштадт: Типо-Литография В.Д. Комарова, 1910. – 129 с.

7. Кронштадтское морское собрание. 1802–1902 гг.: Краткий очерк столетнего существования Кронштадтского морского собрания краткий очерк. – СПб.: Типография А. Бенке, 1902.

8. Масягин В. П. «Морские собрания – благородная профессиональная традиция офицеров Российского флота» (из истории Морских собраний Российского флота) // Пространство и Время. – 2013. – №2 (12). – С. 116–125. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/morskie-sobraniya-blagorodnaya-professionalnaya-traditsiya-ofitserov-rossiyskogo-flota-iz-istorii-morskih-sobraniy-rossiyskogo-flota (дата обращения: 20.02.2025).

9. Невельской В. П. Путевыя записки отъ С.-Петербурга до Кронштадта и обратно чрезъ Ораніенбаумъ и Петергофъ. – СПб.: Типография Ст. Хотинского, 1865. – 31 с.

10. Тимофеевский Ф. А. Краткий исторический очерк двухсотлетия города Кронштадта / сост. по поручению Кронштадт. гор. думы отставным ген.-майором корп. флот. штурманов Ф. А. Тимофеевским; под ред. Гор. юбил. комис. Кронштадт: Тип. т-ва «Кронштадт. Вестн». 1913. – 288 с.

Сведения об авторе

Шумов Евгений Николаевич – магистрант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: SHUMOV40129@mail.ru

УДК 94(470)
ГРНТИ 03.23.25

О повседневной жизни боярской семьи в Новгороде XII в.

М. И. ЯШИНА

Мы знаем, как примерно жили некоторые исторические деятели Новгородской земли в средние века. По летописным, законодательным, актовым и археологическим источникам можем восстановить с некоторыми огрехами их биографии, политические деяния, иногда бытовую составляющую их жизни. Эти люди – князья и бояре, епископы и архиепископы были в какой-то степени вершителями истории своего времени, и источники, оставшиеся от их жизней, скорее показывают статус, политическую деятельность, нежели чем раскрывают их домашнюю, семейную повседневность. Источников, отражающих жизнь женщин средневекового Новгорода, еще меньше, приходится обобщать найденный материал, делать выводы об их повседневной жизни, не видя в обобщающей статистике повседневность конкретных людей, их характер и личность. Цель данной статьи – охарактеризовать повседневную жизнь конкретной боярской семьи, жившей в середине-конце XII в. в Новгороде.

Ключевые слова: боярство Новгорода, повседневная жизнь, берестяные грамоты, средневековый Новгород, положение женщины.

Можем ли мы говорить о повседневности мужчин и женщин, их семей, основываясь только на обобщенном материале всего населения средневекового Новгорода? Для ответа на этот вопрос нужно рассмотреть историю конкретной боярской семьи, жившей в XII в. в Новгороде.

Речь пойдет о семье новгородского боярина Петра (Петрока) Михалковича и его жены Марии (Марены).

Наблюдения над генеалогией данного боярского рода А. А. Молчановым позволяют отнести Петра Михалковича к знатнейшему боярскому роду Гюрятиничей, который в свою очередь идет от рода Рёнгвальда Ульвсона, двоюродного брата жены Ярослава Мудрого Ингигерд. Территориально с XI в. семья была связана с Прусской и Добрыней улицами Людина, конца Новгорода [Молчанов, с. 82].

Петр Михалкович (Петрок) упоминается в 16 берестяных грамотах. Хронологические рамки бытования грамот из этого списка: примерно с 20-х по 80-е гг. XII в. Наибольшее количество писем приходится на период 30–50-е гг. (11 берестяных грамот), из чего можно сделать вывод, что середина XII в. – период наиболее активной деятельности боярина.

Территориально все письма относятся к усадьбе Е Троицкого раскопа, что могло бы свидетельствовать о месте жительства боярина и его семьи, если бы не одно обстоятельство. По роду деятельности Петрок Михалкович был представителем князя в Новгороде и участвовал от его имени в сместном суде. Так как именно на усадьбе Е находится огромное количество писем, в том числе адресованных Петру и посаднику Якуну, связанных с судебными делами за XII (23 экземпляра), многие авторы предполагают, что эти постройки были только судебными.

Тем не менее, далеко не все берестяные грамоты, найденные на усадьбе Е, относятся к судебным тяжбам. Из общего списка берестяных грамот автором выделено как минимум 54 грамоты, из которых только 23 относились к суду. Остальные же несли информацию о хозяйственных распоряжениях, личной переписке между членами данной семьи и т.п. В связи с данным фактом можно все-таки предположить, что семья Петрока Михалковича жила на усадьбе Е, либо поблизости от нее с частым времяпрепровождением в административных зданиях. Мысль эту также подтверждают и найденные здесь письма, адресованные Марене, жене Петра.

Стоит сказать, что имя Марены у исследователей вызывало вопросы, так как в источниках жена Петрока упоминается как Марена и Марья. Наиболее адекватную точку зрения об имени предлагает А. А. Гиппиус: «Могут ли имена Марья и Марена принадлежать одной женщине? Ответ на этот вопрос должен быть, безусловно, положительным. И дело не просто в формальном сходстве имен, сколько в том, что Марья – имя христианское, а Марена – языческое, причем имеющее глубокие мифологические и фольклорные корни» [Гиппиус, 2003 с. 86]. Примеры того, что человек имеет два имени – христианское и языческое – и обоими пользуется в равной степени, в берестяных грамотах превеликое множество.

Если с содержанием грамот Петра все в некоторой степени понятно – это деловые письма, связанные с родом его деятельности, то вот на берестяных грамотах, адресованных Марене, стоит остановиться подробнее.

Самой ранней грамотой с упоминанием Марены является № 849. По данному посланию можно предположить значение жены для мужа как гаранта денежной сделки. Подобного рода грамота № 798. По-видимому, Марена сама могла заключать сделки, либо собирать долги. Вероятно также то, что она могла выполнять какие-то задачи мужа в его отсутствие [Янин, т. 11, с. 61–62].

Большой интерес представляет грамота № 794: Петр просит свою жену поговорить с князем или убедить в чем-то, либо расспросить. Письмо явно носит деловой характер, что показывает вовлеченность Марены в политические дела мужа [Там же, с. 25].

Также о вовлеченности Марены в политику свидетельствует их совместное с мужем ктиторство в Софийском соборе и заказ кратиры Косты в честь свадьбы дочери Настасьи и новгородского князя Мстислава Юрьевича. Как утверждает А.А. Гиппиус, данный факт связан с борьбой боярских группировок Неревского и Людина концов Новгорода [Гиппиус, 2003, с. 93].

Далее стоит сказать о детях Петра и Марены. Большинство авторов, так или иначе затрагивавших тему генеалогии данной семьи, считают, что у четы было двое детей: уже упомянутая Настасья и Олисей Гречин, активный церковный и политический деятель будущего поколения новгородского боярства. Тем не менее, существует еще одна грамота, адресованная Марене (№ 955), в которой говорится о сватовстве Сновида к ее старшей дочери, имени которой в грамоте не называют [Янин, т. 12, с. 55–59].

Трудно сказать, идет ли в ней речь о старшей сестре Настасьи и Гречина, которая в 50–60-е гг. могла выйти замуж, или же имеется в виду Настасья, как старшая из детей в данной семье, и неудачное сватовство к ней, учитывая факт замужества с князем. Тем не менее грамота интересна и другими аспектами.

Во-первых, это прозвище Большая Коса, которым могли называть старшую незамужнюю дочь [Там же, с. 58]. Во-вторых, это отголоски свадебной обрядности того времени: пение срамных песен, диалог со свахой вел не мужчина, а женщина.

Следует отметить, как Милуша написала имя Марены – Маренко. Это не случайность и не фамильярность, как можно предположить сначала, а традиция обращения в семье: ее мужа Петра часто в грамотах называют Петрок, его отца Михалко.

Продолжая разговор о детях, стоит сказать, что о Настасье, кроме женитьбы на ней сына Юрия Долгорукого Мстислава Юрьевича в 1155 г., практически ничего не известно. Через пару лет новгородцы изгоняют Мстислава и он вместе со своей женой оказывается в Византии. [Степаненко, с. 130]. История умалчивает, удалось ли Настасье вновь оказаться в родном городе. Ее сын, Ярослав Мстиславич Красный будет править Новгородом в 1176 г.

Об Олисее Гречине, сыне Петра, мы знаем по берестяным грамотам, найденным на усадьбе А, буквально через дорогу от возможного места жительства

Петра и Марены. На 80–90-е гг. XII в. к данному комплексу строений относятся 32 берестяные грамоты. По содержанию грамот можно понять, что Олисей был неординарной личностью своего времени.

Во-первых, Гречин продолжал дело своего отца, был представителем князя в сместном суде, что иллюстрируют грамоты № 502, № 548, № 603 [Янин, т. 8].

Во-вторых, совершенно точно Гречин был священнослужителем: 26 грамот из 32 относятся к церковным делам. Большинство из них – списки имен для поминания. Отношение Гречина к религиозным должностям также подтверждает упоминание в Новгородской Первой летописи выборов архиепископа, где Олисей числился кандидатом [НПЛ, с. 231].

В-третьих, совершенно точно Гречин был художником-иконописцем, этому есть свидетельства как в берестяных грамотах, найденных в его доме (№ 553, № 549, № 558, № 602) [Янин, т. 8], где сохранились заказы на иконы, так и его росписи в церкви Положения ризы и пояса Богоматери в Кремле и в церкви Спаса на Нередице. Более подробно о данных фресках и доказательствах причастности к ним Гречина можно прочесть у А. А. Гиппиуса [Гиппиус, 2005, с. 106–107].

Также стоит упомянуть, что он, вероятнее всего, знал греческий язык (№ 552), предположительно из-за поездки в Византию вместе с сестрой и ее мужем. [Янин, т. 8, с. 25]. Кто знает, возможно, именно он помог малолетнему племяннику, Ярославу Мстиславичу, добраться обратно в Новгород. [Кузнецов, с. 140].

К сожалению, трудно сказать, был ли женат Олисей Гречин, имел ли детей. Известно лишь то, что в начале XIII в. он переселился в другую часть города, а позднее и вовсе стал монахом, игуменом Юрьева монастыря, и умер в 1230 г. [Гиппиус, 2005, с. 100].

Вокруг семьи Петра Михалковича в берестяных грамотах фигурирует еще несколько личностей, которые могли бы быть его родственниками. Так, точно установлено родство Петра Михалковича с посадником Якуном Мирославичем, вероятнее всего, они были двоюродными братьями [Гиппиус, 2003, с. 73].

Охарактеризовав, насколько это было возможно, биографии основных представителей семьи Михалковичей в XII в., сделаем выводы о повседневной жизни этих людей.

Во-первых, буквально вся повседневная жизнь данного рода связана с политикой. При чем факт вовлеченности в политику касается даже женщин: Марена могла помогать мужу со сбором долгов или податей, ее слово имело вес для князя. Также и ктиторство в Софийском соборе, противостояние двух районов Новгорода не обошлось без ее внимания. Дочь Петра и Марены, Анастасия, была замужем за представителем династии Рюриковичей, сыном Юрия Долгорукого. В совокупности с тем, что ее троюродная сестра вышла замуж позднее за следующего новгородского князя, стоит предположить попытки данного большого рода дать начало местной династии.

Во-вторых, вероятно, все члены рода Михалковичей были грамотными, судя по большому количеству писем. Также в связи с данной темой стоит упомянуть грамоту № 865 из усадьбы Е, датированную 40–60 годами. В ней, скорее всего, сохранились упражнения в письме [Янин, т. 11, с. 74].

В-третьих, известны примерные хронологические рамки жизни членов семьи. Это позволяет выяснить, с какими природными катаклизмами им пришлось столкнуться. Всего на XII в. приходится семь крупных пожаров, из которых самый масштабный был в 1194 г. Для рассматриваемой семьи она примечательна тем, что усадьба А, в которой проживал Олисей в конце XII в. сгорела в этом пожаре, после чего была отстроена и просуществовала до пожара 1209 г. [Колчин, с. 79]. Следствиями же природных катаклизмов был голод. Упоминания об одном из голодных годов можно найти в письме к Марене (№ 794) [Янин, т. 11, с. 25].

В-четвертых, пусть и с большой долей домысла, исходя из представленных выше биографий можно постараться вычленить отношения в семье и вне ее. Например, из содержания грамоты № 955 можно сделать вывод, что на Марену с замужеством начала распространяться традиция семьи Петра заканчивать имя на суффикс к (Михалко, Петрок). [Янин, т. 12, с. 55–59]. Сказать про взаимоотношения Олисея, Настасьи и их отношение к родителям практически не представляется возможным. У автора было предположение насчет того, что Олисей поминал сестру, так как имя Анастасия довольно часто встречается в грамотах из усадьбы А, но данный факт можно также объяснить и большой распространенностью имени.

В-пятых, можно отчасти затронуть религиозный синкретизм, в котором жила семья. С одной стороны, мы видим, что в берестяных грамотах Марена ни разу не упомянута по своему христианскому имени, все ее называют именем с мифологическими корнями. Здесь же можно упомянуть сватовской обряд: сговор между женщинами и цитирование срамных песен. С другой же стороны, семья проводила политическую борьбу через заказ религиозных реликвий. Также невозможно обойти стороной здесь росписи Гречиным важных храмов Новгорода и тот факт, что он был священнослужителем, выставлял свою кандидатуру на пост архиепископа Новгорода и под конец жизни стал игуменом Юрьева монастыря.

Говоря о повседневности, невозможно также не упомянуть о доме, условиях жизни и бытовых вещах. В случае рассматриваемой семьи материала такого рода найдено очень много, особенно на усадьбе А.

Археологические исследования дома Гречина широко представлены в историографии. Так, помимо берестяных грамот, на усадьбе А были найдены бытовые орудия труда, ключи от замков, амфоры, предметы для шитья и прядения, женские украшения, предметы для письма, денежные гривны, печати, нательные кресты, обувь, обрывки священнических облачений, детские игрушки, комплекс приспособлений для художественного ремесла. Все это предметы, которые окружали изучаемых нами людей, были ими каждодневно используемы [Колчин, с. 86].

Отвечая на ранее поставленный вопрос, стоит сказать, что в обобщенных данных по населению Новгорода и в истории конкретной семьи, конечно, есть общее (схожие бытовые предметы, жизнь на стыке христианских и традиционных верований), но они не тождественны. Статистика может показать лишь те или иные тенденции развития общества, но при этом вытесняет из прошлого взгляд на повседневную историю конкретного человека.

Список источников

1. Гиппиус А. А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника / отв. ред. О. Е. Этингоф. – М.: Индрик, 2005. – С. 99–114.

2. Гиппиус А. А. О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знаменье» // Новгородский исторический сборник / отв. ред. В. Л. Янин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Вып. 9. – С. 77–93.

3. Гиппиус А. А. Петр и Якша: к идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII в. // Новгородский исторический сборник / отв. ред. П. Г. Гайдуков. Вып. 9. – СПб., 2003. – С. 66–76.

4. Колчин Б. А. Усадьба новгородского художника XII века / Б. А. Колчин, А. С. Хорошев, В. Л. Янин. – М.: Наука, 1981. – 168 с.

5. Кузнецов А. А. Судьба Ярослава Мстиславича на развилке Новгородской истории (1176–1179 гг.) // Новгородский исторический сборник. Т. 19 (29). – Н. Новгород, 2020. – С. 136–157.

6. Молчанов А. А. Ярл Регнвальд Ульвссон и его потомки на Руси // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. – СПб., 1997. – С. 80–84.

7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 640 с.

8. Степаненко В. П. «Города на Дунае» в контексте русско-византийских отношений X–XII в. // Русь и Византия: Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов / отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М.: ИВИ РАН, 2008 г. – С. 129–133.

9. Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Т. VIII / В. Л. Янин, А. А. Зализняк. – М.: Наука, 1986. – 313 с.

10. Янин В. Л. Новгородские берестяные грамоты (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI / В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. – М.: Русские словари, 2004. – 290 с.

11. Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII / В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 288 с.

Сведения об авторе

Яшина Мария Игоревна – студентка, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-7750-4311, e-mail: Yashinamaria@gmail.com.

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

УДК 101.3
ГРНТИ 02.15.99

Проблема самоидентификации русской мысли

А. Н. БАЙРОН

В статье рассматривается специфика осмысления идентичности в рамках русской философии. Выявляются основные черты и проблемные моменты. Дается общая характеристика проблемы идентичности в русской мысли.

Ключевые слова: русская мысль, русская философия, проблема идентичности.

Текущий исторический момент подталкивает многих отечественных философов к разработке и осмыслению тем российской идентичности и сущности национального единства. Как внешнеполитические вызовы, так и события внутри страны побуждают мыслящие умы к формированию тех философских положений, которые могли бы отвечать на насущные вопросы. Введение в программы высших учебных заведений таких курсов, как «Основы Российской государственности» и «История религий России», демонстрирует живую актуальность темы идентичности и *много*национальной общности. Задача, которая является наиболее значимой, сводится к поиску того общего, что объединяет народы в единый, но неслиянный, организм, несмотря на все культурные и религиозные отличия.

Русская философия на протяжении всей своей истории с неугасающим интересом разрабатывала тему собственной специфики и идентичности. В рамках данной статьи мы обратимся к рассмотрению возможных ответов, которые даёт отечественная мысль на вопросы, касающиеся её природы и самобытности; той ее сущностной природы, которая глубинно объединяет людей в общность.

Можно сказать, что данный вопрос, на который до сих пор не сформулировано единого четкого ответа, на протяжении всей истории становления и развития русской мысли был «мыслеобразующим» компонентом: недаром классификация русских философов часто происходит по обозначенному признаку (славянофилы, западники, евразийцы). Поиски «русской идеи» [1], «Русского Логоса» [3], осмысление «особого пути», «третьего пути» (спецификацию славянского культурно-исторического типа, конечно, произвел К. Я. Данилевский [2], но также нельзя не упомянуть работу К. Леонтьева по данному вопросу [7]) – то, чему отечественные мыслители посвятили значительную часть своего философского творчества.

Стоит отметить, многочисленные поиски и осмысления не привели к каким-то значительным результатам: русская философия, как это ни странно, постоянно обращается к поиску собственного предмета, собственной идентичности, и намного реже занята самобытным философствованием. Пока мировая филосо-

фия озадачена вопросом, что такое философия, русская философия озадачена вопросом о русской философии. И это, пожалуй, первая значительная черта: принципиальная потребность в отделении от «другой» философии, от «иного» характера мысли, что сохраняло актуальность во все исторические эпохи российской государственности, включая советский период и текущий момент. Здесь же стоит отметить, хотя развернем мы это положение несколько ниже, что даже те, кто отстаивал представления о «несовершенстве» «нашего» (западники, либералы и т.д.), признавали его живое наличие (пускай и, по их мнению, тлетворное).

Следующей значительной чертой выступает тема «пути». Нельзя не отметить огромную любовь русской мысли к осмыслению «путей» (что отражается даже в наименовании трудов, например, журнал Н. А. Бердяева и П. Б. Вышеславцева «Путь», или же работа И. А. Ильина [6]). Устремленность в будущее – при том весьма отдаленное – так же характерна для любого момента жизни нашей страны. Также значительной чертой этой устремленности является доскональная и всесторонняя разработка возможных следствий и итогов движения, но при этом значительно оторванная от действительного момента времени. Этот бесконечный поиск пути, либо уж слишком углубляющийся в обозначение истоков, либо резко устремленный в необозримое будущее, на наш взгляд, является свидетельством положительной черты – живого движения мысли, «становления без стагнации». Западники, проповедуя необходимость стать на европейский путь, отрицая ценность самобытного пути, тем самым признавали наличие этого самого пути. Славянофилы и евразийцы, признавая ценность и верность «нашего пути», напротив, отрицали непосредственное его наличие, обозначая необходимость и возможность его развития и становления. Ускользающая сущность «самобытного» – то, что скорее интуитивно ощущалось философами, чем осмысливалось.

За время активной разработки вопроса «в чем специфика русской философии», был найден только один общепризнанный ответ – во влиянии православной культуры. Однако представления о тождественности национальной и религиозной идентичности в текущий момент времени несколько устарели, в связи с чем вновь требуется переработка и переосмысление даже этого, казалось бы, «классического» положения. Конечно, влияние православной культуры не может быть недооценено: развитие и жизнь иных религий в досоветский период находились под значительным влиянием диалога и взаимодействия с православием. И как раз этот процесс влияния и, возможно, взаимовлияния, в текущий момент времени требует значительного исследовательского интереса. «Православная культура», безусловно наличествующая и действительно сформировавшая значительную часть «российской идентичности», о которой много и часто говорится, не может быть признана разработанной философской категорией, так как недостаточно осмыслены многие принципиальные моменты.

Значительный вклад как в развитие русской философии, так и в понимание православной культуры, внес В. В. Зеньковский. В контексте нашей работы наиболее ценными трудами выступают статья «Идея православной культуры» [4] и работа «Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей» [5], некоторые мысли из которых нам стоит рассмотреть предметно.

В заключении «Идеи православной культуры» Зеньковский пишет: «В настоящем этюде, посвященном развитию идеи православной культуры, не может быть места для того, чтобы давать подробную характеристику того, как мы мыслим это понятие в его конкретном содержании, – вообще не может быть места для конкретного построения системы православной культуры. Задача моя была иная – выставить самую идею православной культуры и обрисовать ее программу как оцерковление всей жизни в духе Христовой свободы, без гнушения плотью и миром и без использования внешних путей в строительстве Царства Божиего» [4, с. 345]. И, хотя эти темы качественно разрабатываются в лоне религиозной мысли, к сожалению, значимых преемников, которые бы развили и продолжили идеи В. В. Зеньковского в философском мире, на текущий момент времени не нашлось. Хотя, на наш взгляд, учитывая интерес к изучению религий, усиление понимания значимости православия для российской культуры, в т. ч. и в контексте жизни других традиционных религий России, действительно важно разработать подробную характеристику того, что мы мыслим под «православной культурой» в ее конкретном содержании и выстроить ее конкретную систему.

Что касается труда «Русские мыслители и Европа…», то в этом качественном исследовании В. В. Зеньковский рассматривает движение русской мысли с начала XIX в., выстраивая внутреннюю логику и специфику развития. Главным вопросом этого периода Зеньковский обозначает, как это можно предположить, отношение русских мыслителей к Западу. Выводы работы следующие: «Русское самосознание неизбежно связано с проблемой Запада и его взаимоотношений с Россией – и это означает и историческую и духовную неотрываемость нашу от Запада. Радикальное антизападничество, время от времени появлявшееся у нас и довольно остро заявившее о себе в недавние годы, неверно и неосуществимо, как невозможно и исторически бесплодно и элементаризующее западничество. Именно теперь, когда вековая работа мысли коснулась всех сторон этой проблемы, мы можем и должны sine ira et studio подойти к вопросу о путях России, к вопросу об отношении нашем к Западу. <…> Наш путь, наше призвание – послужить Православию перенесением его начал, его духа в нашу жизнь; это и есть построение православной культуры, раскрытие в частной и исторической жизни заветов христианства. Задача эта так сложна и трудна, а вместе с тем именно для нас так необходима и исторически неустранима, что здесь нужно с нашей стороны чрезвычайное духовное напряжение.» [5, с. 275–276]. Зеньковский, подвергая рефлексии размышления наиболее значимых отечественных философов «о Западе», «о путях» и «о духе», сам приходит к выводам «о Западе», «о путях», и «о духе», обрывая свою мысль на самом значительном месте – на сущности идентичности мысли, на построении путей становления и развития, на разработке системы православной культуры. И, к сожалению, это типично для русских философов – рефлексировать, например, над проблемой специфики российской мысли по отношению к западной, но не обозначать саму эту специфику.

Таким образом, мы можем заключить, что отечественные мыслители выстраивали российскую идентичность исходя из разрешения вопросов о взаимодействии с Западом и Востоком; о возможных путях развития движения мысли; об отношениях с православным миром. Наработки по этим вопросам значительны: существуют самые разнообразные, от отрицающих до ставящих во главу

угла, исследовательские позиции о том, как стоит относиться к Западу и Востоку; какими возможными путями можно осуществлять развитие мысли; как следует выстраивать отношения с православным миром. Однако, следует нам заключить, размышляя и выстраивая концепции по этим вопросам, слишком мало звучит размышлений на самые основные: «что есть российская идентичность?»; «в чем специфика ее развития?»; «в чем сущность "православной культуры"?». Отсутствие этих основополагающих положений зацикливает мысль на беспрестанной рефлексии, не позволяя безусловно наличествующей самобытности раскрыться в своем полном свете.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Русская идея. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 301 с.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
3. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Русский логос I. Царство Земли. Структура русской идентичности. – М.: Академический проект, 2024. – 461 с.
4. Зеньковский В. В. Идея православной культуры // Альфа и Омега. – 1997. – № 14. – С. 325–345.
5. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа: Критика европ. культуры у рус. мыслителей / Прот. В. В. Зеньковский. – 2-е изд. – Paris: YMCA-press, 1955. – 278 с.
6. Ильин И. А. Путь к очевидности. – М.: ЭКСМО-пресс, 1998. – 909 с.
7. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. – М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерева и К°, 1885–1886. – 420 с.

Сведения об авторе

Байрон Александра Николаевна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: 0009-0008-5652-7721, e-mail: zwibel1709@gmail.com

УДК 2
ГРНТИ 21.41

Российский правовой контент, отражающий позицию государства в области религии, как учебный материал для поликонфессиональных образовательных учреждений

П. Ю. БЕЛОВ

В статье рассмотрены различные аспекты деятельности светских образовательных учреждений, направленные на формирование общегражданской идентичности в полирелигиорзном российском обществе и недопущение проявлений религиозно-мотивированного экстремизма. Предлагается использовать в качестве учебного материала адаптированный российский правовой контент, отражающий тематику правового регулирования религиозной деятельности. Использование данного правового контента в учебном процессе будет способствовать формированию у обучаемых понимания: «духа закона» в области религии; позиции российских государства и общества по актуальным проблемам, связанным с религией.

Ключевые слова: религиоведение, общегражданская идентичность, правовой контент, учебный материал, религиозная иринология.

Среди целей, к достижению которых в настоящее время стремится современное российское государство нередко декларируются следующие: формирование единой общероссийской гражданской идентичности полирелигиозного российского общества; недопущение проявлений религиозно-мотивированного экстремизма в полирелигиозном российском обществе. Применительно к образовательным учреждениям Санкт-Петербурга общегосударственные цели можно сформулировать так: формирование у участников образовательного процесса с религиозным и нерелигиозным мировоззрением чувства принадлежности к единой общегородской идентичности жителей Санкт-Петербурга как составляющей единой общероссийской гражданской идентичности; формирование эффективной системы профилактики религиозно-мотивированного экстремизма в полирелигиозном социальном пространстве образовательных учреждений Санкт-Петербурга.

Исследователь М. Ю. Смирнов отмечает, что в связи с процессами секуляризации религиозной идентичности возникают новые коммуникативные практики, консолидирующие последователей религий не доктринами, а совместными социальными действиями. Это побуждает государство устанавливать новые правовые параметры для религиозных сообществ, находящихся в мировоззренчески неоднородном социуме [4, с. 51]. Этот процесс приводит к периодическим обновлениям тематического правового контента.

Стремление к достижению упомянутых общегосударственных целей предполагает необходимость активизации просветительской деятельности в области религии. Религия – это общественное явление, охватывающее массы людей как в светских, так и в религиозных государствах. Большинство граждан России проходит через светскую систему государственного образования. В ее пространстве в постатеистические годы все больше внимания уделяется вопросам, связанным с религией, что отражается в тематическом правовом контенте. Появились специалисты, компетентные в вопросах религии, однако всё еще немало преподавателей, не разбирающихся в религиозной тематике. Следовательно, просветительская деятельность должна вестись не только в отношении учащихся, но охватывать всех участников образовательного процесса.

Активность религиозных экстремистов в молодежной среде побуждает государственную власть к ответным мерам, что приводит к образованию нового тематического правового контента. Например, согласно пп. 6. п. 36 недавно утвержденной Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации предписывается «проведение «в <…> образовательных организациях <…> обучающих профилактических семинаров и информационных мероприятий, посвященных противодействию методам вербовки в радикальные религиозные группы <…>» [2]. Представляется, что приобретение гражданами иммунитета к религиозно-экстремистской пропаганде возможно только после получения ими базовых знаний. Важны и теоретический и практический аспекты: 1) получение знаний о распространенных в России религиях, о позиции светского государства в религиозной сфере; 2) приобретение и реализация навыков межличностного

взаимодействия в социальной среде, состоящей из носителей религиозных и нерелигиозных мировоззрений. Только после успешного освоения этого комплекса можно приступать к изучению методов противодействия вербовке в религиозно-экстремистские сообщества.

Руководящие сотрудники, административные работники, педагоги, учащиеся образовательных учреждений это прежде всего люди. Их, как и всё российское общество, можно условно разделить на следующие группы: религиозные люди; атеисты; религиозно-индифферентные люди. Учитывая эту религиозную и мировоззренческую «пестроту», работник ведущий в светском образовательном учреждении просветительскую и профилактическую антиэкстремистскую деятельность в области религий, должен руководствоваться следующими принципами, отраженными в тематическом правовом контенте: 1) светского характера государства (ст. 14 Конституции РФ); 2) отделения религиозных объединений от государства (ст. 14 Конституции РФ); 3) свободы совести и свободы вероисповедания (ст. 28 Конституции РФ) [1]; 4) воздержания от использования в речи слов и словосочетаний, которые могут оскорбить чувства верующих, атеистов, или людей, индифферентно относящихся к религии. Например, из практики межрелигиозного взаимодействия известно, что употребление словосочетания «исламский экстремизм» крайне негативно воспринимается лицами, исповедующими ислам. В процессе педагогической работы периодически возникает необходимость негативной оценки деструктивной религиозной деятельности. В такой ситуации, целесообразно использовать словосочетания: с приставкой «псевдо» (*др.-греч.* – «ложный»), например, псевдохристианский, псевдоисламский и т. д. экстремизм; с приставкой «квази» (*лат.* – «будто бы»), например, квазихристианский, квазиисламский и т. д. экстремизм; 5) невыхода за рамки прав и компетенций преподавателя в процессе деятельности, направленной на профилактику религиозно-мотивированного экстремизма.

Следует четко разделять два вида разрушающего воздействия на религиозно-мотивированный экстремизм: а) работа преподавателя светского образовательного учреждения, проводимая в рамках определенных действующим законодательством, и направленная на формирование у обучаемых навыков бесконфликтного существования в полирелигиозном обществе; б) работа прошедшего специальную подготовку сотрудника правоохранительных органов, направленная на борьбу с религиозно-мотивированным экстремизмом, и его следствием, религиозно-мотивированным терроризмом. Единственное, что может и должен сделать работник системы образования в случае обнаружения проявлений религиозно-мотивированного экстремизма на территории образовательного учреждения, это незамедлительно проинформировать о происходящем (или произошедшем) соответствующие правоохранительные органы.

В процессе просветительской деятельности в области религии преподавателю целесообразно использовать тематический правовой контент. Государство «разговаривает» с обществом на языке права. Следовательно, лучше понять позицию государства в отношении того или иного общественного явления можно

ознакомившись с содержанием нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения в соответствующей области. Преподаватель должен знать и понимать содержание основных правовых норм, регулирующих отношения в сфере религии в России. Здесь речь не идет о «слепом заучивании» преподавателем содержания указанных норм. Речь также не идет о их глубоком юридическом анализе. Это профильная задача для ученых-юристов. Главное, чтобы преподаватель, ознакомившись с указанными нормами, понял общий подход государства к вопросам религии, чтобы затем объяснить его учащимся в доступной форме, в процессе тематической беседы или семинара.

В процессе противоэкстремистской профилактики работник образовательной организации не сможет качественно проводить семинары по противодействию методам вербовки в радикальные религиозные группы пока сам не получит комплекс знаний о правомерной религиозной деятельности. Не представляется возможным осознанно противодействовать противоправной религиозной деятельности, при этом не имея твердых знаний о том, что такое правомерная религиозная деятельность. Возможная в процессе семинара ошибочная квалификация религиозного сообщества как экстремистского может привести к нарушению охраняемых Конституцией РФ религиозных прав и свобод человека. Антиподами «религиозно-экстремистских методов вербовки» являются разрешенные законом методы миссионерской деятельности. Низкий уровень знаний в религиозной сфере, соединенный с деятельностью, ложно понимаемой как «борьба с религиозным экстремизмом», может сделать из «борца» правонарушителя, а иногда и преступника. Религиозные права и свободы человека защищены в России не только административным, но и уголовным законом.

В теории права существуют два базовых понятия «буква закона» и «дух закона». Буква закона – это его формальные требования. Дух закона – это смысл, цель, которую преследует закон применительно к конкретным общественным отношениям. Точнее, цель преследует не закон сам по себе, а законодатель издавший закон, то есть государство. В результате обучения учащиеся должны «почувствовать дух» правовых норм, отражающих официальную позицию Российской Федерации в сфере религии. Преподавателю светского образовательного учреждения необходим общий ориентир, который позволит не потеряться в массиве религиозных доктрин и светских мировоззрений, и, в конечном счете, добиться поставленных педагогических целей. Правовые нормы полирелигиозного, многонационального, светского, неатеистического государства, которым сегодня является Россия, и составляют такой ориентир. В первую очередь это Конституция РФ – нормативно-правовой акт, обладающий наивысшей юридической силой, а также федеральные законы, федеральные подзаконные правовые акты (указы президента, постановления правительства, приказы министерств), законы субъектов РФ, подзаконные правовые акты субъектов РФ, иные правовые документы, издаваемые региональными органами власти. В учебном процессе, направленном на формирование у учащихся правильного представления о пози-

ции современного Российского государства в отношении религии, полезно использовать метод интерпретации правового контента. В процессе применения этого метода у учащегося, прочитавшего фрагмент адаптированного текста, формируется субъективное понимание его содержания. На основе сформировавшегося понимания, учащийся истолковывает смысл прочитанного, интерпретирует текст. Он выявляет смысловую структуру текста, выделяет ключевые слова, и постепенно приходит к пониманию позиции авторов текста. Учащийся формулирует и обосновывает собственное мнение относительно авторской позиции. С определенной долей условности можно квалифицировать такую деятельность учащегося как простейший контент-анализ.

Примерное название тематической беседы или семинара может быть сформулировано так: «Выявление позиции современного Российского государства в сфере религии».

Можно предложить следующую примерную последовательность построения тематической беседы или семинара: 1) Рассказать (напомнить) учащимся об особой важности поддержания межрелигиозного и межнационального мира в полирелигиозном и многонациональном российском обществе, а также о необходимости уважительного отношения к взглядам людей, придерживающихся нерелигиозных мировоззрений. 2) Рассказать (напомнить) учащимся что религия – это одна из важных форм культуры, и следовательно, культурный человек, учащийся российского образовательного учреждения, должен быть знаком с содержанием основных российских религиозных традиций, независимо от его личного мировоззрения и отношения к религии. 3) В форме краткого обзора, придерживаясь существующей иерархии нормативно-правовых актов, перечислить учащимся названия тех из них, с адаптированными фрагментами которых предполагается ознакомиться в ходе тематической беседы или семинара. Объяснить учащимся, в доступной для них форме, логически следующие из названий назначения каждого из перечисленных нормативно-правовых актов. 4) Предложить каждому из учащихся по очереди зачитать вслух небольшой фрагмент адаптированного текста, отражающего позицию государства в вопросах, связанных с религией. После этого можно предложить учащемуся, читавшему текст, своими словами объяснить смысл прочитанного. После объяснения, преподаватель может задать учащемуся вопрос «на сообразительность». Цель вопроса побудить учащегося к размышлениям относительно позиции государства в вопросах, связанных с религией. Преподавателю целесообразно не давать учащемуся «правильный» ответ на заданный вопрос, а дать возможность другим учащимся задать вопросы читавшему текст и высказать свои мнения по поводу услышанного. 5) В завершении тематической беседы или семинара, в качестве итогового, можно предложить учащимся следующий тезис: граждан России придерживающихся разных религий и убеждений, объединяет общее чувство принадлежности к Российскому государству, чувство ответственности за судьбу России, а также приверженность базовым ценностям российского общества.

Можно предложить примерный перечень источников правового учебного контента: - «Конституция Российской Федерации»; «Уголовный кодекс Российской Федерации»; - Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»; Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон «О противодействии терроризму»; - Федеральный закона «Об образовании в Российской Федерации»; - Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; - Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; - Указ Президента России «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации»; Закон Санкт-Петербурга о стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 г. Все эти нормативно-правовые акты содержат те или иные нормы права, отражающие «дух государственных законов в сфере религии». Также представляется полезным использовать адаптированный правовой контент и иные текстовые материалы Межрелигиозного совета России. Преимущественно это будут тексты совместных заявлений и обращений религиозных лидеров по разным актуальным вопросам, отражающие консолидированную позицию религиозной части российского общества.

Следует отметить, что содержащийся в различных нормативно-правовых актах, предназначенный для регулирования общественных отношений в сфере религии правовой материал имеет много общих черт. Совпадают определения основных понятий, нередко, полностью или частично совпадают формулировки, предложения и целые абзацы нормативно-правовых актов. Наличие таких взаимосвязей норм права свидетельствует о единой позиции российского законодателя в вопросах религии. В данном случае имеет место так называемое «смысловое пересечение», при котором пересекаются не только лексика (слова, словосочетания), но и смыслы, контексты, идеи. Многократное произнесение (чтение вслух и интерпретация) учащимися текстовых фрагментов, связанных единым смыслом, помогает им лучше усвоить материал. Адаптированный учебный текст может не являться прямым цитированием. Он может содержать элементы парафраза, изъятия «второстепенных» фрагментов, и т. д. Ссылки на номера статей могут быть приведены без конкретизации их частей, пунктов, подпунктов, абзацев и т. д., так как эта информация была бы избыточной для учащихся в процессе решения главной задачи лекции или семинара.

В мире получила распространение практика проведения занятий, обучающих курсов и семинаров, направленных на развитие навыков и умений необходимых лицам, занимающимся профилактикой конфликтов, в том числе и религиозно-миротворческой деятельностью на разных уровнях, от бытового до государственного. Курсы как правило организуют общественные и религиозные объединения, которые выпускают соответствующий тематический контент [3]. Такие практикумы можно проводить и в российских образовательных учреждениях при обязательном условии соблюдения требований действующего законодательства. Практические занятия в области религиозного миротворчества

можно проводить по нескольким модулям, состоящим из смежных базовых элементов, например: знание основных форм миротворческой деятельности в области религии; развитие особых коммуникативных способностей и навыков, необходимых миротворцу для разрешения межрелигиозных конфликтов; овладение инструментарием религиозного миротворца: овладение умением общаться в полирелигиозной среде, быть медиатором межрелигиозных конфликтов, и т. д.). Представляется целесообразным развивать новую науку – религиозную иринологию в государственных образовательных учреждениях.

Выводы:

1. Среди государственных целей современной России важное место занимают формирование общегражданской идентичности в полирелигиорзном обществе и недопущение проявлений религиозного экстремизма.

2. Для достижения этих целей необходима широкая образовательная деятельность в религиозной сфере, в частности, в образовательных учреждениях, в которых не всегда имеется достаточное число специалистов компетентных в вопросах религии.

3. Приобретение гражданами иммунитета к религиозно-экстремистской пропаганде должно начинаться с получения знаний о распространенных в России религиях, с уяснения позиции светского государства в религиозной сфере, а также с приобретения навыков межличностного взаимодействия в социальной среде, состоящей из носителей религиозных и нерелигиозных мировоззрений.

4. Лицам, ведущим образовательную деятельность в отличающимся мировоззренческой «пестротой» социальном пространстве светских образовательных учреждений, необходимо руководствоваться базовыми принципами деятельности в светской неатеистической полирелигиозной среде.

5. В процессе деятельности, направленной на повышение уровня знаний в религиозной сфере, представляется целесообразным в качестве учебного материала использовать тематический правовой контент.

6. Нельзя эффективно противодействовать противоправной религиозной деятельности, не имея знаний о том, что такое правомерная религиозная деятельность.

7. Необходимо, чтобы вследствие учебного процесса учащиеся сначала почувствовали и осознали «дух российских законов о религии», и лишь затем, постепенно приобретали знания их «буквы».

8. Учебный правовой контент не должен «слепо копировать» тексты законов, а должен быть максимально адаптирован для восприятия его учащимися.

9. Заслуживает внимания вопрос о целесообразности проведения в государственных образовательных учреждениях обучающих курсов и семинаров, направленных на развитие специфических навыков и умений, необходимых лицам, занимающимся религиозно-миротворческой деятельностью.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/10103000/ (дата обращения: 05.04.2025).

2. Указ Президента России от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/ (дата обращения: 10.04.2025).

3. Peacebuilding: A Caritas Training Manual, Caritas Internationalis, Vatican, 2002.

4. Смирнов М. Ю. Религиозно-политические коммуникации в глобализирущемся обществе: общее и особенное // Ценности как сердце культуры: сборник материалов XXIV Свято-Троицких ежегодных международных академических чтения в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, 22 мая – 01 июня 2024 г. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, 2024. – С. 51–58.

Сведения об авторе

Белов Петр Юрьевич – доцент кафедры профессионального образования, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К. Д. Ушинского, e-mail: belovpy05@mail.ru

УДК 286.15
ГРНТИ 21.15.61

Идентичность современных российских евангельских христиан-баптистов

О. А. БОКОВА

В статье анализируется концепция самобытного происхождения российского евангельского христианства, прослеживается ее развитие от позднесоветского варианта до современного.

Ключевые слова: евангельские христиане-баптисты, идентичность, самоидентификация.

Одним из способов выстраивания идентичности современными российскими евангельскими христианами-баптистами (ЕХБ) является создание, как выразился исследователь А. Пузынин, «самоидентификационных повествований» [4]. Согласно им, евангельское христианство глубоко укоренено в духовной жизни россиян, а российский баптизм – явление автохтонного происхождения[1]. Евангельские идеи в разной степени проявлялись в русской культуре в разные исторические эпохи, были уяснены или порождены теми или иными личностями, движениями. На протяжении веков происходило осознание евангельских принципов, которое в конечном итоге привело к оформлению русского протестантизма. Такие рассуждения встречаются у многих баптистских авторов. Они различаются по степени развернутости: от отдельных высказываний до попыток концептуализации генезиса русского евангельского христианства-баптизма.

Наиболее яркое и развернутое видение евангельскими христианами-баптистами истории евангельского христианства в России представлено М. С. Каретниковой. Ее идеи, изложенные в ряде статей, опубликованных в газетах «Мирт»,

[1] См.: Бокова О. А. Теология российских евангельских христиан-баптистов на рубеже XX и XXI веков.: дис. … канд. филос. наук. СПб., 2011. 198 с. С. 118–139.

«Вестник» и других изданиях, были объединены в работе «Русское богоискательство. Национальные корни евангельско-баптистского движения». М. С. Каретникова обращается к истории христианства в России с целью выявить и описать те явления в нем, которые могут рассматриваться в качестве предтеч русского баптизма. Это подтверждало бы главный тезис работы: «Евангельско-баптистское движение в России имело глубокие национальные корни. Оно было подготовлено многими предшественниками. Оно не случайное и не привнесенное. Оно – библейское» [2; 5].

Начиная рассмотрение с крещения Руси, М. С. Каретникова дает высокую оценку христианизации славян, считая, что «крещение…Руси привело к образованию особого славянского сознания, христианизация оказалась пробуждением славянского духа» [Там же, 11]. По мнению Каретниковой, в Киевский период освоение христианства осуществлялось в двух формах – мистической и рационалистической. Первая представляла собой усвоение византийской традиции, отдалившейся за тысячу лет своего развития от первохристианства. Источником рационалистической, евангельской веры была работа сознания, осмысливающего Священное Писание, полученное Русью на славянском языке задолго до того, как оно стало доступным европейским народам на их национальных языках.

В Киевской Руси мистическое и рационалистическое направления мирно сосуществовали. Причем, если мистическое христианство было ближе народу, попрежнему жившему язычеством, то рационалистическое можно назвать элитарным явлением. Евангельские настроения утверждались в среде наиболее образованных, ищущих истинной веры, не полагающихся на земные авторитеты и способных к самостоятельному мышлению людей. М. С. Каретникова приводит имена приверженцев этого направления, в основном великих князей и представителей православного духовенства: митрополита Илариона, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Климента Смолятича, Кирилла Туровского. «Слово о Законе и Благодати» запечатлело, по ее мнению, переворот в сердцах и умах русских людей. Оно являло собой «евангельское учение», содержало «евангельское понимание спасения», было направлено против ветхозаветного мышления византийской церкви и вообще против византизма [Там же, с. 17–19].

По мнению М. С. Каретниковой, в Новгороде, антагонисте Москвы как центра обрядового христианства, зародилось «первое евангельское движение» – стригольничество [Там же, с. 24]. Каретникова называет стригольников первыми духовными христианами на Руси, чьи идеи продолжали жить вплоть до XX в. и повлияли на современных евангельских христиан. Излагая идеи стригольников, М.С. Каретникова отмечает, что они делали основной акцент на праве христианина думать о духовной жизни. Для них критерием истинности было соответствие Священному Писанию. На основании этого критерия они отвергали установления Православной Церкви, заимствованные из Византии. Стригольники призывали к личному общению верующих с Богом [Там же, с. 24–25].

Московское евангельское движение (так называемая ересь «жидовствующих»), широко распространившееся по Руси и даже имевшее сторонников в царских палатах, по мнению М. С. Каретниковой, было, возможно, сильнейшей

попыткой переустроить православную церковь на евангельских началах. Его черты включали критику церковного предания, отрицание монашества и посредника между Богом и человеком, убеждение, что основа веры – Писание [Там же, с. 27–28].

На стороне новгородско-московских еретиков выступили нестяжатели. В споре нестяжателей и иосифлян М. С. Каретникова видит два аспекта: это был спор, во-первых, об авторитете в вере – является ли им только Библия или все священные книги, и, во-вторых, об отношении к «еретикам». Каретникова полагает, что Собор 1504 г, который решал эти вопросы и закончился победой партии иосифлян, сделал Реформацию в России невозможной. Он утвердил истинность принципов обрядового христианства и предопределил жесткую политику по отношению к инакомыслящим [Там же, с. 32].

В XVI в., как полагает М. С. Каретникова, реформационные идеи продолжали распространяться. Огромный вклад в просвещение русского народа внес Иван Федоров, благодаря деятельности которого народ получил доступ к чтению библейских текстов. В один ряд с Федоровым она ставит многих других «протестантов»: Матвея Башкина, Ивана Пересветова, старца Артемия, Феодосия Косого, князя Острожского, князя Курбского, митрополита Макария. Каретникова характеризует их как представителей «реформационно-гуманистического движения», являвшегося «продуктом собственного, естественного развития идей» [Там же, с. 35–49].

С воодушевлением М. С. Каретникова пишет о расколе, который ею рассматривается как эпохальное событие в истории русского богоискательства. С ее точки зрения, страдали раскольники не за «аз», а за Христа. «Раскол – это наша Реформация, в русском варианте. Это действительно пробуждение сознательной религиозности… Аввакум – это наш Лютер» [Там же, с. 43]. Подобные аналогии в отношении Аввакума проводит в своей статье и М. С. Чернявский [5]. По мысли Каретниковой, Раскол ярко продемонстрировал все неверие народа в официальную церковь, которое вызревало в течение столетий, подтверждая двойственный характер русской религиозной жизни. С раскола Каретникова прослеживает развитие уже в явной форме протестантских идей: «он (раскол) стал чрезвычайно важным событием для будущего возникновения протестантства и баптизма в России. Именно в раскол уходят наши национальные корни, корни русских евангельских христиан-баптистов» [2, с. 45].

Дальнейшую историю протестантских идей в России М. С. Каретникова связывает с беспоповским течением старообрядчества. От беспоповцев у Каретниковой выстраивается линия через хлыстов, духоборов, молокан и штундистов к русскому баптизму. С мировоззрением духоборов, отраженным в «Животной книге», Каретникова связывает некоторые особенности сознания и поведения русских протестантов: приоритет нравственной христианской жизни, предпочтение живого слова Евангелия теологическим построениям, духовного и жизненного опыта пастыря – учености [Там же, с. 55].

Обращаясь к «евангельскому пробуждению» в России, когда протестантизм начал распространяться среди русских, Каретникова отмечает влияние на него

проповедей Г. Сковороды. По мысли Каретниковой, указав на роль Г. Сковороды в истории русского евангельского христианства, она восстанавливает звено в цепи событий, приведших к образованию баптистских общин, поскольку очаги евангельского пробуждения возникли там, где проповедовал Сковорода. Она полагает, что эту фигуру несправедливо обходит вниманием протестантская литература.

Непосредственных предшественников баптизма М. С. Каретникова видит в молоканах. По ее мнению, молокане были активными миссионерами [Там же, с. 68]. Они связали русский баптизм с историей русского религиозного поиска.

Известный историк русского протестантизма, кандидат исторических наук Т. К. Никольская в статье «Что такое русский протестантизм?» рассматривает историю религиозного поиска в России. По ее мнению, искренние христиане, желавшие вернуться к чистоте первохристианства и выступавшие против обрядоверия православия и попустительства греху, издавна существовали на Руси [3, с. 30]. С определенными оговорками и с известной долей осторожности она дает характеристику различным проявлениям религиозного инакомыслия на Руси: стригольникам, жидовствующим, раскольникам и другим. Т. К. Никольская, в отличие от М.С. Каретниковой, полагает, что стригольники «не были протестантами в нашем современном понимании», не отрицали церковную иерархию и таинства [Там же]. Раскол и церковные реформы Петра I Никольская считает в каком-то смысле аналогом европейской Реформации. Она отмечает, что в истории всех этих движений были и ошибки, и заблуждения. Однако решающее значение для появления взглядов, подобных протестантским, играло чтение Священного Писания. По ее мнению, «там, где верующие обращались к Библии, они приходили к тем же выводам, что и ранние европейские протестанты» [Там же, с. 31]. Молокане, на ее взгляд, ближе остальных религиозных движений стояли к протестантизму, в особенности «водные» молокане, в их среде и появились первые российские протестанты – евангельские христиане и баптисты.

Анализ баптистской литературы показывает, что идеи самобытного происхождения русского протестантизма давно занимали баптистских авторов. Из предшествующих современным воззрениям изысканий следует обратиться к изданию «История евангельских христиан-баптистов в СССР» (М., 1989), в составлении которой принимала участие М. С. Каретникова. Согласно «Истории», в евангельско-баптистском братстве существовали две точки зрения на происхождение русского протестантизма. Некоторые видные представители братства (М. Д. Тимошенко, А.В. Карев) считали, что истоки евангельского пробуждения в России – немецкие. С другой стороны, в начале XX в. В. В. Иванов и И. С. Проханов высказывали мысль о том, что молокане самостоятельно пришли к баптизму. Концепция самобытности утвердилась в результате тщательного изучения событий «духовного пробуждения» 60-х гг. XIX в., жизни первых русских протестантских общин. Таким образом, изначально главным аргументом в пользу самостоятельного происхождения русского протестантизма были особенности «духовного пробуждения». Среди них: возникновение очагов «духовного пробуждения» в разных регионах Российской империи независимо друг от друга;

религиозное рвение, которое проявляли новообращенные крестьяне, и нравственная перемена, происходившая с ними.

В «Истории ЕХБ в СССР» история отечественных протестантов излагается с точки зрения концепции самобытности. Знакомство с этим изложением позволяет проследить эволюцию концепции и уяснить специфику ее нынешнего вида. Как уже было сказано, «История» доказывает самобытность русского баптизма, основываясь на исследовании событий «духовного пробуждения». Имевшие место до него духовные искания именуются «подготовительными этапами пробуждения», отмечается, что в них не следует видеть предшественников баптистского братства: «Это – история искания истины, а не генеалогия евангельско-баптистского братства» [1, с. 13].

В «Истории» к числу искателей истинного христианства отнесены многие деятели и религиозные движения, которые ныне являются объектом пристального внимания со стороны протестантских авторов: стригольники, нестяжатели, Матвей Башкин, Феодосий Косой, Дмитрий Тверитинов, Григорий Сковорода, духоборы, молокане. Но не говорится о новгородско-московской ереси («жидовствующих»). По мнению авторов «Истории ЕХБ в СССР», не все эти движения и личности раскрывали евангельские идеалы. Так, хлыстовство было «религиозным заблуждением, вызванным незнанием Писаний, ни силы Божьей» [Там же, с. 28].

Неоднозначная и скорее отрицательная оценка дается в «Истории» расколу: «Старообрядческий раскол в Русской православной церкви не имел ничего общего с евангельским пробуждением; его побудительные мотивы носили совершенно иной характер» [Там же, с. 25]. Вместе с тем, раскол положил начало переходу от массовой религии к личной вере [Там же, с. 26]. Отмечается наличие еретического уклона в воззрениях М. Башкина [Там же, с. 24]. Отношение к богоискательским инициативам в «Истории» сдержанное: «Возникновение разномыслий и постепенное затухание религиозных движений говорят об отсутствии в них духа жизни, Духа Христова. Поиски ищущих истину обычно заканчивались не переоценкой духовных ценностей и отказом от прежнего образа жизни, а лишь подновлением родной старины, «вливанием молодого вина в мехи старые». О новом человеке, рожденном от Слова Божия и Духа Святого, люди в то время еще не помышляли, а если и помышляли, то в духе учения православия, то есть посредством таинств. Не имея Силы Духа Святого, начинатели этих движений чаще всего заканчивали отречением от своих убеждений» [Там же, с. 32]. Подобную характеристику вряд ли можно услышать из уст современных баптистских историков.

«История ЕХБ в СССР», делая основной упор на «духовном пробуждении» как главном событии в истории возникновения русского баптизма, указывает на упадочное состояние религиозного сектантства (молоканства) накануне «пробуждения» [Там же, с. 50–51], чего не делают современные протестантские авторы.

Сопоставляя эту позицию с нынешними суждениями баптистских авторов, можно отметить сдвиги внутри концепции самобытного происхождения русского протестантизма. Для современных воззрений ЕХБ характерны повышенный интерес и признание значимости далеких предшественников евангельского христианства, включение новых звеньев в цепь предтеч русского протестантизма как выразителей идей евангельского христианства (князей и представителей духовенства времен Киевской Руси, новгородско-московской ереси, беспоповцев, хлыстов), более положительные оценки различных форм религиозного разномыслия.

Список источников

1. История евангельских христиан-баптистов в СССР / под ред. А. М. Бычкова. – М.: Изд-во ВСЕХБ, 1989. – 623 с.

2. Каретникова М. С. Русское богоискательство: национальные корни евангельско-баптистского движения // Альманах по истории русского баптизма: Вып. 1 / сост. М. С. Каретникова. – СПб.: Библия для всех, 1997. – С. 3–84.

3. Никольская Т. К. Что такое русский протестантизм? // Христианское Слово. – 2010. – № 1 (137). – С. 29–32.

4. Пузынин А. Традиция евангельских христиан: изучение самоидентификации и богословия от момента ее зарождения до наших дней. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2010. – 523 с.

5. Чернявский М. С. Протопоп Аввакум - протестант восточного обряда? // Богомыслие. – 2004. – Вып. 10.

Сведения об авторе

Бокова Ольга Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-3773-2232, e-mail: bokovaO2008@yandex.ru

УДК 791.43
ГРНТИ 17.82.91

Формирование национальной идентичности в советском кино периода «оттепели»

А. Г. ГЕВОРКЯН

Данная статья посвящена исследованию сложного процесса формирования и переосмысления национальной идентичности в советском кино периода «оттепели». Отход от жёстких идеологических рамок сталинского периода позволил кинематографистам обратиться к новым темам и художественным приёмам, отражая изменения в общественном сознании и поиске новых смыслов. Анализируя такие знаковые фильмы, как «Летят журавли», «Баллада о солдате», «Журавушка», статья рассматривает, как кино «оттепели» переосмысливало опыт войны, предлагало новые модели героизма и конструировало образы «нового» советского человека.

Ключевые слова: кинематограф «оттепели», философия кино, культурная память, национальная идентичность, гуманизм, патриотизм.

Период «оттепели» в советском кино ознаменовался пересмотром устоявшихся представлений о войне и героизме. Фильмы «Летят журавли», «Баллада о солдате» и «Журавушка» выдвинули на первый план гуманистические ценности, что существенно повлияло на формирование национальной идентичности. Вместо идеализированных образов непобедимых героев, зритель увидел обычных людей, столкнувшихся с ужасами войны, переживающих горечь утрат и сложные моральные дилеммы. Акцент сместился на ценность человеческой жизни, мирных отношений, любви и сострадания. Эта гуманистическая переориентация, проявившаяся в кинематографе «оттепели», актуальна и в Год Защитника Отечества, напоминая об истинной цене мира и подвига, о важности сохранения человечности даже в самых тяжёлых испытаниях. Она способствует формированию более глубокого и многогранного понимания патриотизма, основанного не только на готовности к защите Родины, но и на стремлении к миру и сохранению человеческих ценностей.

Фильм «Летят журавли» стал поворотным моментом в советском кинематографе. В центре внимания оказывается не столько героический подвиг, сколько трагическая судьба отдельной личности – Бориса, разрывающегося между любовью, долгом и страхом. Фильм фокусируется на сложности морального выбора в экстремальных условиях войны, показывая, что даже на войне человек остаётся человеком со своими слабостями и противоречиями. Таким образом, формируется новый образ защитника Отечества – не идеализированный герой, а живой человек, переживающий глубокие внутренние конфликты и страдающий от последствий войны. Этот образ, далёкий от героического канона, демонстрирует сложность и неоднозначность человеческого опыта во время войны.

Данная кинолента не фокусируется исключительно на славе победы, а показывает её трагическую цену, подчёркивая ужасы войны и страдания обычных людей. Эта гуманистическая позиция, противопоставляющая ценность человеческой жизни абстрактным идеалам победы, стала важным элементом формирования национальной идентичности. Фильм утверждает, что истинная победа не только в достижении военного превосходства, но и в сохранении человечности, в памяти о погибших, в стремлении к миру. Это переосмысление роли войны в национальном самосознании было новаторским для советского кинематографа и сыграло значительную роль в формировании более гуманного и миролюбивого образа советского человека. Показ трагедии войны не как необходимого зла, а как катастрофы, которой нужно избегать, стал важным шагом в развитии национального самосознания.

В «Балладе о солдате» Алеша Скворцов представлен не просто как героический воин, а как обычный юноша, которому выпала тяжёлая доля воевать. Его подвиг не в количестве уничтоженных врагов или блестящих военных операциях, а в сохранении человечности, доброты и сострадания посреди ужасов войны. Он чинит крышу незнакомой женщине, помогает семье беженцев, рискует собой ради товарища. Фильм показывает, что истинная нравственная сила и гуманизм проявляются не в жажде победы любой ценой, а в заботе о других,

в способности любить и сострадать. Подвиг Алеши – это подвиг человечности, а не воинской доблести. Именно такой образ простого солдата, наделённого высокими моральными качествами, становится символом и способствует формированию национальной идентичности, основанной на гуманизме и мирных ценностях.

«Баллада о солдате» акцентирует внимание на ценностях мирной жизни, семьи и простых человеческих отношений, противопоставляя их жестокости и разрушительности войны. Эпизод с Алешей, который, получив отпуск, спешит домой, чтобы починить крышу, а затем вынужден вернуться на фронт, не увидев мать, ярко иллюстрирует эту идею. Короткие встречи с людьми на его пути – с молодыми влюблёнными, с потерявшей мужа женщиной, с нуждающимся солдатом-товарищем – подчёркивают важность человеческих связей и простых радостей жизни, которых лишает война. Именно через это противопоставление формируется национальная идентичность, основанная на стремлении к миру, сохранению семейных ценностей и гуманном отношении к людям. Война в фильме выступает не как источник славы и героизма, а как трагедия, разрушающая самое ценное – человеческую жизнь и мирные человеческие отношения.

«Журавушка» предлагает уникальный для советского кинематографа женский взгляд на войну. В центре повествования – трагическая судьба Марфы, потерявшей на войне любимого и оставшейся один на один со своим горем. Фильм показывает не героические подвиги на поле боя, а глубину страданий женщины, пережившей личную трагедию и разрушение привычного мира. Её стойкость, верность памяти любимого, попытки найти смысл жизни в послевоенной реальности формируют образ сильной духом женщины, способной преодолеть тяжелейшие испытания. Именно через призму этого женского опыта, полного боли и потерь, но не лишённого надежды, формируется национальная идентичность, подчёркивая важность сохранения человечности и духовной стойкости в лице всенародной трагедии. Фильм демонстрирует, что война – это не только фронт и сражения, но и глубокие душевные раны, которые она оставляет в сердцах людей, особенно женщин, ждущих своих близких с войны.

В фильме «Журавушка» образ главной героини Марфы тесно связан с темой исторической памяти и преодоления травмы войны. Несмотря на пережитые потери и разрушения, она не теряет веру в жизнь и любовь. Её прозвище «Журавушка» символизирует верность памяти погибшего возлюбленного, стремление к счастью и надежду на будущее. Вероника становится хранительницей памяти о войне и её жертвах, символизируя несломленный дух народа, способного преодолеть тяжелейшие испытания и сохранить человечность. Образ Журавушки подчёркивает важность исторической памяти как основы национальной идентичности и предупреждения о недопустимости повторения трагедии войны. Он несёт в себе не только боль потерь, но и веру в жизнь, любовь и мирное будущее.

«Летят журавли», «Баллада о солдате» и «Журавушка», несмотря на различия в сюжетах и характерах героев, объединены общей гуманистической направленностью. Во всех трёх фильмах акцент смещён с героизации войны и

пафоса победы на ценность человеческой жизни, страдания и потери отдельных людей. Война предстаёт не как славное событие, а как трагедия, разрушающая судьбы, семьи и мирную жизнь. Каждый фильм по-своему критикует войну, показывая её бесчеловечную природу и трагичность жертв. В «Летят журавли» это показано через внутренние терзания Бориса и трагическую судьбу Вероники. «Баллада о солдате» фокусируется на простых человеческих ценностях, которые теряются на войне, а «Журавушка» раскрывает тему женского горя и долгого пути к преодолению травмы. Это общее гуманистическое послание, проходящее красной нитью через все три фильма, делает их важным этапом в развитии советского кинематографа и формировании национальной идентичности, основанной на ценности мира и человеческой жизни.

Появление фильмов «Летят журавли», «Баллада о солдате» и «Журавушка» в период «оттепели» оказало существенное влияние на формирование национальной идентичности советского народа. Они предложили новое, более гуманистическое прочтение темы Великой Отечественной войны, сместив акцент с героизации военных действий и масштабных побед на индивидуальный человеческий опыт, страдания и потери. Это переосмысление традиционных представлений о войне и героизме, отход от героико-патриотического пафоса в сторону правдивого изображения трагедии войны, позволило обществу глубже осознать её ужасы и цену победы. Фильмы способствовали формированию более критического и рефлексивного отношения к войне, подчеркнули важность мирной жизни, ценность семьи, любви и человеческих отношений. Они заложили основы для нового типа национальной идентичности, основанного не только на памяти о победе, но и на понимании ценности человеческой жизни и стремлении к миру. Этот сдвиг в общественном сознании стал важным шагом в развитии советского общества периода «оттепели».

Гуманистические ценности, ярко представленные в таких фильмах, как «Летят журавли», «Баллада о солдате» и «Журавушка», приобретают особую актуальность для современного российского общества, особенно в контексте Года Защитника Отечества. Эти фильмы, переосмысливая традиционные представления о войне и героизме, акцентируют внимание не на милитаристской риторике, а на ценности человеческой жизни, мира и гуманизма. Фильмы «оттепели» показывают, что настоящий героизм проявляется не только на поле боя, но и в повседневной жизни, в способности сохранить человечность, сострадание и любовь в условиях войны. Это особенно актуально в Год Защитника Отечества, когда важно подчеркнуть, что защита Отечества – это не только военная служба, но и ежедневный труд по сохранению мира, забота о близких, сохранение исторической памяти. Кино, сфокусированное на человеческой драме войны, способствует развитию эмпатии у зрителей. Это особенно важно в современном обществе, где часто наблюдается рост нетерпимости и агрессии. Фильмы учат нас понимать и сопереживать другим людям, вне зависимости от их национальности, вероисповедания или политических взглядов. Фильмы «оттепели» являются важным инструментом сохранения историче-

ской памяти о Великой Отечественной войне, напоминая о её трагических последствиях и цене победы. Они помогают предотвратить искажение истории и формируют уважительное отношение к подвигу советского народа. Гуманистическая направленность кино подчёркивает важность мирного разрешения конфликтов и поиска компромиссов. В современном мире, где существует угроза ядерной войны, этот посыл приобретает особую актуальность. Фильмы напоминают нам о том, что война – это всегда трагедия, и самое важное – сохранить мир и человеческую жизнь. Гуманистическое кино способствует формированию гражданской ответственности и активной жизненной позиции. Оно вдохновляет зрителей на участие в общественной жизни, защиту прав человека и сохранение мира. Таким образом, гуманистические ценности, отражённые в кино периода «оттепели», не утратили своей актуальности и сегодня. Они способствуют формированию гармоничной личности, развитию критического мышления, противодействию экстремизму и насилию. В Год Защитника Отечества эти ценности напоминают нам о том, что истинная сила заключается не в военной мощи, а в человечности, сострадании и стремлении к миру.

Список источников

1. Аронсон О. В. Кино и философия: от текста к образу. – М.: ИФ РАН, 2018. – 108 с.
2. Базен А. Что такое кино? – М.: Искусство, 1972. – 383 с.
3. Кочеляева Н. А., Сопин А. О., Разлогов Кирилл Советское кино в мировом контексте. – М.: Альма-Матер, 2023. – 734 с.
4. Тарковский А. А. Запечатлённое время: размышления о кино. – М.: Международный институт им. Андрея Тарковского, 2024. – 285 с.
5. Фёдоров А. В. Киноискусство в структуре современного российского художественного воспитания и образования. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 1999. – 65 с.

Сведения об авторе

Геворкян Артур Грачяевич – магистрант 1 курса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0002-0629-097X, e-mail: artour.geworkyan@yandex.ru

УДК 130.12
ГРНТИ 13.07.25

Быть – значит осуществлять свое не-алиби в бытии

О. А. КАНЫШЕВА

Статья посвящена актуальной теме современной культуры, которая задана проблемой ценности человеческого бытия, определяемого нравственной установкой сознания на не-алиби в бытии. Проблема единства мира теории и жизненного мира определяется нравственной философией, которая своей задачей видит создание установки на незавершенность бытия в творческом поступании.

Ключевые слова: поступок, участность, диалог, ценность, культура, бытие.

В философии М. М. Бахтина особую ценность обретает тема поступка, которая связана с нравственной философией, которая имеет опыт единства живого сознания и теории. Философ своей задачей видит создание практической философии, которая не отрывается от жизни, а придает ей ценностные характеристики. Это связано с историей человечества, в которой накопились ценности культуры.

Современные проблемы философии связаны с отрывом теории от жизни, что приводит к обесцениванию человеческого бытия, к выходу на первый план экономических и политических аспектов его существования. Этот разрыв между повседневностью и миром идей заполняет технокультура, или виртуальная жизнь.

Человек поставлен перед фактом современной культуры: он должен переосмыслить свое отношение к миру и начать действовать иначе, чем прежде. М. М. Бахтин видит необходимость пересмотрения всей прежней философии, хотя он соглашается со многими идеями философии жизни, неокантианством, марксизмом и др. Поступок во всей его жизненности и уникальности не схватывается теоретической философией, хотя попытки сближения философии и жизни намечаются в иррациональной философии XIX–XX вв.

М. М. Бахтин намечает следующие важные аспекты практической философии: единственность и неповторимость бытия человека, временность его существования, ценностное отношение к Другому, потребность в самоосуществлении, индивидуализация времени и пространства; я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого, не – алиби в бытии, участное сознание, мир – событие, единство живого сознания и культуры.

Сложность задачи, поставленной перед философом, заключается в том, что существует необходимость сближения двух миров: мира переживаний и мира сознания, необходимость осмысления поступка в точке события, где мир жизни и мир ценностей соприкоснутся. Это место ответственности за происходящее, в которое включен человек и где он должен состояться. Человек, будучи приобщен к ценностям своей культуры, считает необходимым стать живым участником события, где обретет силу и значимость та или иная ценность культуры, так как будет индивидуально пережита и воплощена. Любовь к отечеству является ценностью, которая героически утверждается и требует от ее участника приятия Родины, как самого себя. Здесь соприкасаются жизнь и культура: они взаимообращаются через переживание уникальности поступка, который единственен. Это событие лишь мгновение бытия и не имеет места для повторения.

Здесь речь идет о нравственной ответственности, где сознание возводит в собственную ценность нравственное поведение, где поступок совершается не автоматически, не бессознательно, а как пережитое и осмысленное поведение, помысленное долженствование, как принятое решение. «Для долженствования недостаточно одной истинности, но и ответственный акт субъекта, изнутри его исходящий, акт признания в истинности долженствования, и этот акт совершенно не проникает в теоретический состав и значимость суждения» [Бахтин, с.5]. Здесь само долженствование не имеет теоретической значимости, а связано

с индивидуальной ответственностью. Долженствование связано с действенностью индивидуально пережитой мысли нравственного человека. М. М. Бахтин говорит о неисторическом субъекте И. Канта, который является субъектом вообще, или теоретическим субъектом, который время от времени становится частью реального исторического субъекта; на самом деле, они разобщены, не взаимопроникают друг в друга, не побуждают реального субъекта к осмысленному поступанию. Для этого необходимо единственное событие исторического бытия, которое соединяет в единство жизнь - содержание и идею – форму нравственного поступка в его уникальности, не отвлеченного от действительности.

Здесь знание имеет автономный характер, развивается из самого себя и отрывается от конкретных задач культуры. М. М. Бахтин мир знания сравнивает с миром техники, который, оторвавшись от конкретных исторических задач, развивается независимо от добрых, или злых целей, а сам по себе и влечет человечество стихийно к его гибели, так как техника отчуждается от человека, так как подчиняется не ему, а имманентным законам собственного развития. Мир теоретического знания исторически имеет долгий период доминирования и рассматривается как единственно верное мировоззрение, которое в XIX–XX вв. подвергается сомнению из-за отсутствия в нем поступающего субъекта, и появляются новые философские системы, которые на первый план выводят субъекта истории. Это философия жизни, экзистенциализм, неокантианство и др. Более того, происходит осознание необходимости разделения естественных и гуманитарных наук.

Методология гуманитарных наук определяется объектом исследования, которым выступает человек. В. Дильтей в XIX – начале XX в. во «Введении наук о духе» различает естественнонаучную методологию и методологию гуманитарных наук, которая имеет дело с психической жизнью человека, основанную на переживании, что требует понимания и истолкования, а не объяснения. Эта жизнь скрыта от рационального объяснения и представляет из себя иррациональную деятельность, которая в то же время целеполагает и определяется не всегда осознаваемыми действиями и мотивами поведения. При этом В. Дильтей замечает, что психология как наука опирается не естественнонаучные методы, что делает ее непригодной для гуманитарных объектов исследования. В своем понимании специфики сознания В. Дильтей опирается на учение А. Бергсона, который противопоставляет рассудку интуицию как условие схватывания психической жизни человека. В. Дильтей расширяет понятие сознания, которое со времен Р. Декарта отождествляется с мышлением, до чувственных, волевых и интеллектуальных переживаний. В работе «Сущность философии» В. Дильтей показывает в единстве опыта искусство, религию, науку и философию. В истории существовали разные формы сознания, где философское сознание является синтезирующей формой и фиксирует реальность сознания как научного факта. Науки о духе составляют комплекс гуманитарных дисциплин, выражающих глубину человеческого духа, где основой всему служит внутренний опыт, где философия становится наукой о духе как внутреннем опыте. «Внутренний опыт

является исходной точкой для логики, теории познания и всякого учения о создании цельного мировосприятия, на нем покоятся психология, эстетика, этика и родственные дисциплины, Вся описанная область всегда обозначалась названием философской» [Дильтей, с. 45]. Философия имеет дело с реальностью переживаний, в то время как естественные науки имеют дело с феноменами природы.

Целостные системы из-за своей завершенности игнорируют сам процесс становления, поступания, осуществления события, которое не может быть задано. Жизнь есть творческий процесс, в то время как теория есть завершенность, как и мир ценностей культуры, где отсутствует ценность живого бытия.

Диалогическая философия появилась как антипод трансцендентальной философии. Их отличие заключается в том, что Я в трансцендентальной философии становится главным предметом исследования и порождает монолог, в то время как диалогическая философия рассматривает Я в соотношении с Ты, как условие его существования. Взаимоотношение Я – Ты является объектом исследования и порождает различные концепции диалога: Я – Ты, Я – Бог, Я – Природа и т.д. Онтологизация диалога формирует новый способ мышления, которое невозможно без соотношения с кем-либо или чем-либо. Это говорит об особенности сознания, которое интенционально по своей природе и поэтому, по причине своей коммуникабельности, своим условием существования считает Другого. Сознание объективирует себя благодаря Другому.

Сознание диалогично по своей природе. Культура зарождается вместе с появлением сознания, где диалог связывает два мира: сакральный и профанный. История культуры – это история развития форм сознания, где соответственно существуют разные формы диалога.

Диалогическая концепция М. М. Бахтина основана на анализе гуманитарных и естественных наук, где основанием гуманитарных наук является душа человека, которая бытийствует в диалоге. Его условием является Другой. Объективация Я преднаходится в Ты. Социум представляет из себя диалогическое пространство, где каждое Я существует через всех Других и благодаря Другим. Познание бытия Другого затрудняется тем, что Другой является для нас зеркалом, в котором мы отражаемся. Диалог с Другим основан на симпатии и любви. Истолкование Другого не означает исчерпаемости диалога, который всегда остается незавершенным.

Диалог есть основание культуры, которая отражает диалогическую природу сознания. Человек развивается через диалог. Культурогенез есть открытость диалога, его актуальность и событийность. Диалог предполагает раздвоенность в единстве и напоминает закон единства и борьбы противоположностей, который перерастает из количества в качество, т.е. восхождение от чувств к мысли и представляет перспективу отрицания отрицания.

Онтология диалога в творчестве М. М. Бахтина предполагает его как условие бытия человека. Диалог пронизывает Космос. Слово диалогично в своем подражании космосу. Эта идея интуитивизма есть у Н. О. Лосского, который говорит о том, что все имманентно всему. Рассматривая космос как живой организм, с

необходимостью признаешь его взаимосвязанность, где любовь является законом его существования, так как является олицетворением этой всесвязи. Диалоги Платона являются подражанием Космосу.

Диалог – это способ взаимообращения, где человек принимает себя как человека в смысловом поле. Диалог – это объективация смысла, когда из его внутреннего переживания смысл обретает надличностный, инструментальный характер. Понятие есть результат объективации диалогического поединка. Культура рождается вместе с диалогом сознания и природы. Человек испытывает интерес к иному в себе, одновременно возвышаясь над ним.

Бахтин М. М. дает такое движение диалога, в результате которого происходит событие – поступок, который совершается в тот самый момент, когда человек вступает в диалог. Диалог – это уже событие, которое переворачивает мир. Говорить – значит любить. Слово – это дар любви. Когда я говорю, то я одновременно люблю. Или, я потому говорю, что могу любить. Кто говорит, тот любит. Первое слово человека есть дар любви. Говоря слово, я вхожу в энтелехию предмета, схватываю его и удерживаю. Предмет обретает бытие, значение и смысл как энергема. Человек соткан из энергий слов.

Бахтин М. М. рассматривает внутренний и внешний диалог, где первый интенционален, а второй – интерсубъективен. В отличие от идеализма, который ценностью своей философии делает сознание; в отличие от материализма, который своей ценностью считает материю, диалогическая философия Бахтина М. М. соединяет две стороны бытия и показывает их неразрывное единство. Борьба материализма и идеализма в рамках его философии обретает другое значение и связана со взаимообусловленностью двух сторон цельного бытия. Если рассматривать два направления с точки зрения этики, то можно сказать, что материализм подчинен задачам общества, ставит его интересы выше личных, а идеализм проявляет заботу к индивидуальности и ставит их выше общественных. Диалогическая этика основой считает связь внутреннего и внешнего, где эта связь символизирует событие, поступок, любовь. С. С. Хоружий пишет о заданности субъекта в европейской философии, в то время как М. М. Бахтин говорит о незавершенности субъекта. Сциентизм абсолютизирует субъекта познания. Ученики М. М. Бахтина В. С. Библер и С. С. Хоружий рассматривают развитие диалога внешним и внутренним способом.

Включенность теории в жизнь связана с ценностным к ней отношением эмоционально-волевого характера, с участным мышлением, где теоретическое познание в психологии, биологи, экономике еще может быть не включено в событийное бытие. «Все попытки изнутри теоретического мира пробиться в действительное бытие-событие – безнадежны, нельзя разомкнуть теоретически познанный мир изнутри самого познания до действительного единственного мира. Но из акта-поступка, а не из его теоретической транскрипции, есть выход в его смысловое содержание, которое целиком приемлется и включается изнутри этого поступка, ибо поступок действительно свершается в бытии» [Бахтин, с. 10]. Мы имеем дело здесь с ценностью отдельного человека, который единственен и

который, в свою очередь, формирует свое ценностное отношение к миру познания, что формирует эстетическое восприятие жизни. Здесь формируется методология вживания и объективации через возвращение из бессознательного в сознание, где индивидуальность осуществляет себя в переживании целостности через одновременное дистанцирование. Существует опасность раствориться в Другом, утратить ценность себя и Другого, без чего это переживание может не стать объектом осознания – осмысления. Акт самоотречения, жертвы есть героическое событие, где субъект обретает новую жизнь через событийность поступка, который обретает ценность в единстве сопричастности в переживании и осмыслении значения этого поступка для мира. Здесь любовь становится правдой единственности поступка и постижения его значения, связанного с объединением нас в переживаемом событии и участности в нем.

Участное мышление становится проблемой современной русской философии и культуры, так как человек, хоть и чувствует себя уверенно в мире культуры, когда он с уверенностью поступает от лица всех, но в то же время он поступает с неуверенностью от собственного лица. Это говорит о том, что поступок разделяется, с одной стороны, на его объективное понимание, а, с другой, на его субъективное восприятие, что означает отсутствие точного понимания поступка.

Этика решает эту проблему своеобразно, исходя из своих построений. Почти все этические системы, по мнению М. М. Бахтина, страдают теоретизмом, как материальные, так и формальные, так как предписываются извне, хотя должны исходить из индивидуального волеизъявления нравственного сознания: необходимо различать ному и теорию. Этика И. Канта исходит из теоретического сознания, которое утверждает категорический императив как закон, в котором умирает индивидуальная воля.

Живой поступок не задается разумом, который предписывает в силу своей теоретичности законы. Контекстуальность поступка определяется индивидуальной заданностью поведения и вырастает из внутреннего побуждения – ответственности, он стягивает в единое множество условий и оснований своего совершения и является подвигом, или развязкой этого контекстуального единства: смысл и факт, реальное и идеальное, индивидуальное и общее. Поступок является рациональным действием по причине его осознанности в ответственности, так как созревает внутри, а не исходит извне как физиологический, или биологический поступок. Поступок является светом сознания, которое осмысляет событие и логически, и интуитивно, и через слово, которое есть полнота бытия в своем содержательно-смысловом, наглядно-выразительном, эмоционально-волевом единстве.

В нравственном сознании мир не дается, а задается, осознается и переживается, что выражается в эмоционально-волевом тоне, выдающем участность субъекта. «Действительное поступающее мышление есть эмоционально-волевое мышление, интонирующее мышление, и эта интонация существенно проникает и все содержательные моменты мысли» [Там же, с. 22]. И хотя человек ценности

культуры воспринимает как предсуществующие, ему необходимо переоткрыть их. Он присваивает ценности культуры, делает их для себя ценностно-значимыми.

Поступок утверждается индивидуальностью как уникальный и событийный, что подтверждает ее не – алиби в бытии. Так раскрывается единственность индивидуальности как творческий акт жизни. Одно лишь мышление о моей единственности не дает права быть ее, так как это превращает меня в объект теории. Единственность задается поступком, который определяется долженствованием, осознанием уникальности своего бытия и незаменимости: кто, если не я. Так я принимаю ответственность за бытие себя в мире. «Это утверждение не-алиби в бытии и есть основа действительной нудительной данности-заданности жизни» [Там же, с. 27]. Вопрос Гамлета – «быть или не быть?» – говорит о другом аспекте бытия индивидуальности – о ее бытии в жизни. Быть значит поступать, значит стать событием бытия.

Бытие как событие жизни раскрывается через индивидуальность жеста, мысли, чувства, переживания, и постигается событие жизни как полнота бытия. Не-алиби в бытии нудительно, так как побуждает быть участником бытия. Нравственная философия ориентируется на единственность поступка в мире, где он выражает причастность бытию.

Современные события в истории русской культуры открывают мир индивидуальных поступков, где сами поступки развиваются по своим имманентным законам осуществления и порождают ценностную событийность повседневности. Герои являют миру незаменимую единственность через чувства, настроения, мысли, желания, выражающие реализующую себя ответственность события в его ценностной значимости через причастность к ценностям культуры.

Ценностью является сам человек, который становится объектом любви, смысла, значимости, раскрывающий из себя человеческое. «Человек здесь вовсе не по хорошу мил, а по милу хорош» [Там же, с. 38]. Человек как конкретное бытие является центром всей системы ценностей во всем своем индивидуальном многообразии поступков – событий, где ценность человека растет при осмыслении временности бытия человека, что оформляет его уникальность в мире.

Список источников

1. Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – М.: Изд-во Русские словари, 2003. – 955 с.
2. Дильтей В. Сущность философии / пер. с нем.; под ред. М. Е. Цельтера. – М.: Intrada, 2001. – 159 с.

Сведения об авторе

Канышева Ольга Альбертовна – кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-1202-6553, e-mail: k-55o@yandex.ru

УДК 291.14
ГРНТИ 21.31.35

Проблема типологии религиозной идентичности

К. В. КРИНЦЮС

Статья посвящена методологическому анализу типологизации религиозной идентичности. Автор рассматривает концепцию идентичности в ключе проблематизации заложенной в ней оппозиции тождества и самости. Определяется специфика этой концепции в сфере религиоведческой предметности. Фиксируется частное проявление общей оппозиции идентичности в религиозности. На основании этого конструируется теоретическая схема наиболее общих вариантов типологизации религиозной идентичности. Анализируются примеры соответствующих типологий. Определяются и обосновываются перспективы типологических разработок в данной области.

Ключевые слова: идентичность, религиозная идентичность, тождество, самость, типология, классификация, религия, религиозная вера.

Понятие религиозной идентичности обладает актуальным проблематическим значением в современном религиоведении. Познавательный потенциал этого термина для наук о религии может эффективно реализовываться, например, в социологическом анализе секуляризирующих и десекуляризирующих процессов или, например, в аксиологическом рассмотрении специфики ценностной ориентации, или, к примеру, в психологическом исследовании структуры личности в актах ее самоопределения, саморепрезентации, в механизмах мотивации и др. В интересах адекватного обобщения концепции религиозной идентичности, которое следует полагать приоритетной задачей для интегративной функции религиоведения как совокупной дисциплины, центрирующей результаты периферийных подходов к общему объекту, необходимо, с одной стороны, обосновать теоретический базис этой концепции, с другой стороны, проблематизировать способ формализации эмпирического материала, который был бы релевантен диэрезису целого. Эта вторая задача стоит в непосредственном отношении к проблеме типологизации. Общеметодологическое рассмотрение типологии религиозной идентичности способно привести не только к упорядочению уже имеющихся формализующих предпосылок теоретического анализа, но и к выявлению новых способов конструирования предметности исследуемого объекта.

Как отмечает Т. С. Пронина: «Само понятие религиозной идентичности трактуется авторами довольно широко. Разнообразие подходов определяет сложность данной темы» [Пронина, с. 155]. Прослеживая генезис понятия идентичности, авторы обычно указывают на первоочередный вклад в его обоснование, сделанный Дж. Локком и Д. Юмом, говоря, что: «… тождество стало проблемой, когда в рамках философии эмпиризма появилось сомнение в том, что называют “единством самости”» [Орлова, с. 90]. Если скептический подход Д. Юма в рамках сенсуализма неизбежно приводит к признанию иллюзорности представления

о тождестве личности, так как под идею самости невозможно подвести какого-либо обособленного и неизменного восприятия [Юм, с. 297], то рационалистический сенсуализм Дж. Локка оказывается более плодотворным для разработки этой концепции: философ классифицирует уровни идентичности по нескольким видам: 1) тождество субстанций, 2) тождество растительных организмов, 3) тождество животных, 4) тождество человека, 5) тождество личности [Локк, с. 380–388]. При этом вид тождества субстанции предполагает неизменность материальной составляющей вещи, виды тождеств растений, животных и людей объединяются на общем уровне, который предполагает неизменность телесной формы организации материи, а вид тождества личности предполагает уровень единства самосознания разумного существа. Наиболее существенным уровнем идентичности оказывается последний: лишь тождество личности, основывающееся на целостности сознания, делает человека субъектом правопорядка, которому вменяется ответственность за поступки. На этом уровне обретается истинная самость разумного индивида; однако тождество личности одного и того же разумного существа может сочетаться с переменами в других уровнях его идентичности: если одно сознание охватывает различные субстанциальные или телесные изменения, – тождество личности, по Дж. Локку, следует полагать сохраняющимся. Отсюда проистекает возможность принципиально двоякого понимания смысла идентичности в целом как заключающей в самой себе внутреннее отношение динамического и неизменного. Дж. Локк не акцентирует внимание на этом следствии и не придает ему проблематического статуса, но гораздо позднее французский философ П. Рикер, сосредоточившись именно на этой оппозиции, выстраивает оригинальную теорию идентичности, которую называет нарративной; он пишет: «Проблема личной идентичности, на мой взгляд, составляет по преимуществу точку соприкосновения между двумя основными значениями понятия идентичности … с одной стороны, идентичность как *тождественность* (латинское: *idem*; английское: *sameness*; немецкое: *Gleichheit*), с другой стороны, идентичность как *самость* (латинское: *ipse*; английское: *selfhood*; немецкое: *Selbstheit*). Я неоднократно утверждал, что самость не есть тождественность. И именно потому, что это основополагающее различие не учитывается … терпят крах решения проблемы личной идентичности» [Рикер, с. 145]. Настаивая на определяющей роли внутренней оппозиции идентичности, философ обосновывает принципиальную несводимость двух обозначенных способов толкования значения понятия друг к другу. Автор отмечает, что данная антиномичность должна быть понята в конкретном ключе, благодаря чему может состояться диалектика самости и тождественности, которая будет приводить к понятию динамической идентичности.

Итак, рассматривая концепцию идентичности, мысль неизбежно приходит к признанию двойственности смысла данного понятия; однако, если теоретизирование стремится быть конкретным, оно не должно усматривать за этим непроходимый барьер для дальнейшего изыскания, но только на основании данной двойственности и должно находить начало для плодотворного рассуждения. Как это очевидно, для науки о религии внутренняя оппозиция идентичности должна

принимать особый вид, обусловленный спецификой объекта, к которому она относится. Двойственный смысл религиозной идентичности уже не может обретаться на путях простого противопоставления разнородных начал внутри субъекта, но должен обнаруживаться теперь в субъект-объектном отношении религиозной веры. Верующий идентифицирует себя с определенной религией, и его отношение к ней может быть непостоянным и в большей или меньшей степени затрагивать различные уровни структуры его целокупной идентичности. Религия же, в свою очередь, имеет собственные вероучение и культовую практику, которые всегда предполагают некий возделываемый ими общий и неизменный тип идентичности для тех, кто эту религию разделяет. Поэтому религиозную идентичность можно определять не только с позиции человека, верующего или неверующего в ту или иную религию, но и с позиции самой религии относительно человека вообще. Иными словами, не только человек может сказать, что он соотносит себя с религией, но и религия может определять степень соответствия человека своим нормам, которые заранее ориентированы на определенный тип субъективности. В этом и обнаруживает себя двойственный смысл понятия религиозной идентичности. Хоть религия и претерпевает изменения, в сопоставлении с отдельно взятым человеком она выступает в качестве некоей фиксированной и упокоенной на самой себе данности с готовыми мировоззренческими ориентирами, которые можно принять, поэтому субъект-объектное отношение верующего к религии характеризуется гораздо большей степенью динамичности, нежели объект-субъектное отношение религии к человеку, в связи с чем, памятуя о проблематической оппозиции тождества и самости, нетрудно рассудить, что в религиозной идентичности она получает выражение в том, что полюсу самости начинает соответствовать религиозная идентичность человека, а полюсу тождества – статуарный тип антропологической ориентации религии.

Только что выявленное нами соотношение будет предопределять наиболее общие пути типологизации религиозной идентичности. Наследуя логике двойственного смысла теоретического базиса данной концепции, типологизация может осуществляться двумя различными способами в зависимости от того, какое из значений религиозной идентичности она будет ставить себе в предметное основание. Так, типология может разрабатываться либо в связи с характером идентифицирующего отношения субъекта к религии, либо, напротив, в связи с конституирующим отношением религии к субъекту.

Первый вид упорядочения получил широкое распространение в современном религиоведении. Как правило, теоретические разработки в этом направлении предполагают простое ранжирование степени вовлеченности человека в религиозную практику и уровня сознательного принятия им основ вероучения. В интересах методологической строгости стоит отметить, что итог пристального теоретического рассмотрения различий типологических и классификационных процедур, предпринятого нами ранее в статье «Пропедевтика классификационного метода в философии религии и религиоведении» [Кринцюс, с. 189–193], заставляет однозначным образом признать подобный подход классификационным, а

не типологическим, так как он предполагает дискретное деление понятия (религиозной веры) на основании абстрактной категории количества (меры конфессиональной вовлеченности). В качестве примеров такого рода деления можно привести классификацию И. Н. Яблокова: 1) верующие с приоритетом на религиозную ориентацию, 2) верующие с религиозной ориентацией, которая не является ведущей, 3) верующие с религиозной ориентацией, которая подчинена нерелигиозным мотивам, 4) колеблющиеся между верой и неверием [Яблоков И. Н., с. 130]; или, например, классификацию П. А. Баева: 1) истинно верующие, 2) прагматически верующие, 3) индифферентно верующие, 4) неверующие, но признающие культурное значение религии, 5) убежденные неверующие, или пассивные атеисты-агностики, 6) убежденные атеисты, или активные «проповедники» атеистического мировоззрения [Баев, с. 155–156]. Классификации здесь может подвергаться также и объектная ориентация религиозной веры, так, например, Е. А. Кублицкая разделяет множество верующих на: 1) индивидов с традиционной религиозностью и 2) индивидов с нетрадиционной (новой) религиозностью [Кублицкая, с. 101–103]. Отдельного внимания заслуживает типология религиозной идентичности на основе фасетного метода упорядочения, разработанная Т. С. Прониной в ее докторской диссертации «Типология религиозной идентичности: аналитика религиозности современного российского общества»; в основе выявляемых типов здесь лежат различные характеристики, такие как самоидентификация, содержание и форма религиозной практики индивидов, место и роль религиозных представлений в системе мировоззрения, влияние религии на формирование ценностной ориентации и др., различные сочетания этих характеристик образуют пересекающиеся типы, что позволяет данной типологии способствовать весьма подробному анализу в широком охвате конкретного множества вариантов религиозной идентичности.

Второй выявленный в ходе нашей проблематизации путь типологического упорядочения религиозной идентичности по отношению к современному состоянию религиоведения оказывается в большей степени потенциальным, нежели реализованным. Поэтому здесь будет уместным наметить общие черты его возможной актуализации. Типология конституирующего отношения религии к субъекту веры может осуществляться в нескольких направлениях. На предварительной ступени желательна разработка типологии, основывающейся на сравнительном анализе типа субъектности, предполагаемого религией с типами субъективности иных форм мировоззренческой тотальности, таких как идеология, философия, наука, миф. В этом направлении философская рефлексия уже успела предпринять некоторые шаги. Например, в «Диалектике мифа» А. Ф. Лосева мы можем найти сравнительное сопоставление того, какой тип самости конституируется мифом, а какой – религией: так, по А. Ф. Лосеву, миф предполагает энергийное феноменальное самоутверждение личности, тогда как религия – субстанциальное утверждение личности в вечности [Лосев, с. 233]. Однако обозначенная типологическая задача требует отдельного и самостоятельного рассмотрения. Далее открывается возможность для выявления статуарных типов идеальной антропологической ориентации различных религий. Совершенно оче-

видно, что тип субъектности, конституируемый религией буддизма, будет разительно отличаться от субъектности, утверждаемой христианством; и если взглянуть с этого ракурса на религии, то перед нами предстанет удивительное многообразие несомых ими типов идентичности, компетентное упорядочение которых может стать весьма плодотворной задачей для религиоведения. И наконец, подобно тому как упорядочивалось отношение человека к религии по степени его вовлеченности в конфессию, можно, наоборот, типологизировать отношение отдельной конфессии к различным категориям верующих; так, к примеру, исламская религия относится к язычникам как к «неверным», в то время как христиан и иудеев к этому типу относить запрещено; в христианстве значимым окажется разделение людей на крещеных или некрещеных и т. д.

Таким образом, способ проблематизации концепции религиозной идентичности, предпринятый в данной статье, привел нас не только к анализу уже имеющихся типологий, но и предопределил область перспективных типологических разработок в этой сфере.

Список источников

1. Баев П. А. Религиозное и нерелигиозное сознание российского общества эпохи перемен: проблемы типологизации // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 148–159. EDN: LIMKBH

2. Кринцюс К. В. Пропедевтика классификационного метода в философии религии и религиоведении // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2024. – № 3. – С. 184–199. EDN: JMINMD

3. Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. – 1990. – № 5. – С. 95–103. EDN: BGWJUG

4. Локк Дж. Опыт о человеческо м разумении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 1 / под ред. И.С. Нарского. – М.: Мысль, 1985. – С. 77–595.

5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». – М.: Издательский Дом ЯСК, Гнозис, 2022. – С. 53–261.

6. Орлова Э. А. Концепции идентичности / идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории. – 2010. – № 4. – С. 87–111. EDN: NQXEKX

7. Пронина Т.С. Религиозная идентичность как психосоциальный феномен. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – № 16 (2). – С. 154–166. EDN: VQFWMD

8. Рикер П. Я-сам как другой / пер. с фр. Б.М. Скуратова. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.

9. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. С. И. Церетели. – М.: Мысль, 1996. – С. 53–655.

10. Яблоков И. Н. Социология религии. – М.: Мысль, 1979. – 180 с.

Сведения об авторе

Кринцюс Кирилл Викторович – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0007-3046-039X, e-mail: krincyus@bk.ru

УДК 37.017.92
ГРНТИ 14.01.77

Гражданская идентичность личности как проявление компетентности педагогов

И. Е. КУЗЬМИНА

В данной статье представлено обоснование и исследование гражданской идентичности личности и компетентности педагогов. Использована таблица «Гражданская идентичность личности как проявление компетентности педагогов». Сделаны выводы о дальнейшем развитии гражданской идентичности личности.

Ключевые слова: ценности, ценностно-смысловая ориентация, гражданственность, патриотизм, гражданская идентичность, компетентность, семья.

В XXI в. перед образованием встала задача созидания человека в целостности его человеческих проявлений, человека в полноте его телесно-душевно-духовных измерений [Исаев, Слободчиков, 2013]. Воспитательная деятельность на уроке должна быть связана с постановкой личностных задач в субъективной сфере учащихся, с определением целей и задач учебной деятельности. Педагогический уровень изучения проблемы «ценностей» предполагает, что это интегративное образование, характеризующее целостную личность, ее направленность [Кузьмина, 2023, с. 169–178]. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что ценности имеют социальное происхождение и существуют в обществе, если они имеют для человека субъективный (личностный) смысл. Ценность, лишенная смысла, – это просто информация, не обладающая мотивирующей силой [Еремина, 2023, с. 74].

Е.В. Бондаревская определяет воспитание как процесс педагогической помощи ребенку в становлении его субъектности, в его культурной идентификации, социализации и жизненном самоопределении [Бондаревская, 2000]. Она различает «со-действие» и «воз-действие», проблематику самоопределения и субъектности, с одной стороны, и проблематику культурной идентичности – с другой [там же, 2000].

Проблема гражданской идентичности личности очень сложна. Ею занимались такие исследователи, как А. Г. Асмолов, Т. В. Водолажская, Л. М. Дробижева, М. А. Заварзина, И. В. Конода, М. А. Юшин, Э. Эриксон и другие. У ученых нет единого определения понятия «идентичность». В качестве важных выступают различные аспекты исследования. Данное понятие определяется как реализация базисных потребностей личности в принадлежности к группе (Т. В. Водолажская), как политико-ориентированная категория (И. В. Конода), как осознание принадлежности человека к общности граждан того или иного государства, имеющей для него значимый смысл (А. Г. Асмолов), как тождественность личности статусу гражданина (оценка своего гражданского состояния) (М. А. Юшин). Важно различать государственное и гражданское самосознание (Л. М. Дробижева) [Дробижева, 2018; Водолажская, 2020; Заварзина].

Структура гражданской идентичности личности включает в себя три основных элемента: когнитивный – знание о принадлежности к данной социальной общности; ценностный – наличие позитивного или негативного отношения к факту принадлежности; эмоциональный – принятие или непринятие гражданской общности в качестве группы членства (как результат действия двух первых) [Водолажская, 2020].

Проблема формирования гражданской идентичности личности, конечно же, должна быть связана с понятием компетентности педагогов. В. Д. Шадриков выделяет шесть основных компетентностей педагога, среди которых отметим компетентность в сфере личностных качеств и в постановке целей и задач педагогической деятельности [Алексеев, с. 16].

Мы исследовали понятие «гражданской идентичности личности». В этом исследовании принимали участие 47 педагогов из трех различных организаций: ГБОУ СОШ № 496 Московского района (группа 1), ГБУ ДО ДДТ Красносельского района (группа 2) и ГБУ ДО ДДТ Петродворцового района (группа 3). Исследование предполагало ответы на девять вопросов.

Рассмотрим результаты исследования, представленные в таблице.

Таблица

Результаты анкетирования
«Гражданская идентичность личности
как проявление компетентности педагогов»

№ п. п.	**Вопрос** **Варианты ответа**	***Группа 1 (февраль 2023)***	***Группа 2 (сентябрь 2023)***	***Группа 3 (октябрь 2023)***
1	***Что такое «гражданская идентичность личности»?***			
	1) чувство общности и сопричастности к гражданской нации и государству	**7 (58,3%) (1)**	**13 (68,38%) (1)**	**14 (85,5%) (1)**
	2) основной инструмент формирования гражданского общества	**4 (33,3%) (3)**	**6 (31,56%) (3)**	1 (6,25%)
	3) понимание личности и патриотизма в обществе	**4 (33,3%) (2)**	**9 (47,34%) (2)**	**6 (35,5%) (2)**
	4) технология формирования общности и единства народа	3 (27,9%)	1 (5,26%)	**3 (17,75%) (3)**
2	***Ваше отношение к понятию «патриотизм» личности***			
	1) идентификация себя со страной	**6 (49,9%) (2)**	**11 (57,86%) (2)**	**9 (52,25%) (2)**
	2) гордиться страной	**4 (33,3%) (1)**	**12 (63,12%) (1)**	**7 (40,75%) (1)**
	3) целостность, суверенитет страны	**4 (33,3%) (3)**	**8 (42,08%) (3)**	4 (23%)
	4) конкретная сопричастность к процессам, происходящим в нашей стране	**3 (27,9%)**	**6 (31,5%)**	**7 (40,75%) (3)**
	5) любовь к Родине		1 (5,26%)	
3	***Определите Ваше отношение к государству***			
	1) компетентность и эффективность власти	**6 (49,9%) (2)**	**7 (36,82%) (2)**	**8 (46%) (2)**
	2) открытость власти	**4 (33,3%) (3)**	**5 (26,3%) (3)**	**2 (11,5%) (3)**
	3) единство целей власти и общества	**6 (49,9% (1)**	**12 (63,12%) (1)**	**9 (52,25%) (1)**
	4) доверие к выборам			
	5) доверие к гражданам	4 (33,3%)	2 (10,52%) 1 (5,26%)	2 (11,5%)

Продолжение табл.

4	***Единство и бесконфликтность общества связаны с:***			
	1) взаимопомощью и поддержкой	**12 (100%) (1)**	**14 (73,64%) (1)**	**12 (75%) (1)**
	2) терпимостью к инакомыслию	**7 (58,3%) (3)**	**10 (52,6%) (2)**	**7 (40,75%) (2)**
	3) неприятием дискриминации	**8 (66,6%) (2)**	**7 (36,82%) (3)**	**5 (29.25%) (3)**
	4) справедливым социальным устройством		1 (5,26%)	
5	***С какими ценностями Вас как «человека» связаны установки Вашей жизнедеятельности:***			
	1) ценность успеха и само-актуализации	**6 (49,9%) (3)**	7 (36,82%)	3 (17,75%)
	2) зависимость успеха и благополучия от личных усилий	**7 (58,3%) (1)**	**10 (52,6%) (2)**	**7 (40,75%) (2)**
	3) личностный рост и развитие			
	4) гражданское самосознание	**6 (49,9%) (2)**	**11 (57,86%) (1)**	**8 (46%) (1)**
	5) семейные ценности	5 (41,6%) (3)	**8 (42,08%) (3)**	**8 (46%) (1)**
	6) ощущение, что ты живешь «на своем месте»		1 (5,26%)	1 (6,25%)
6	***«Религиозная идентичность» определяется как принадлежность:***			
	1) с рождения (традиционная форма идентичности)	**4 (33,3%) (2)**	**10 (52,6%) (1)**	**8 (46%) (2)**
	2) приобретается личностью (как определение собственных идеологических взглядов)	**11 (91,6%) (1)**	**10 (52,6%) (1)**	**9 (52,25%) (1)**
	3) семейное воспитание		1 (5,26%)	
	4) принадлежность к вере		1 (5,26%)	
7	***Как определяется «региональная идентичность» личности?***			
	1) место рождения и проживания			
	2) историческая родина народа	**10 (83,3%) (1)**	**11 (57,86%) (1)**	**9 (52,25%) (1)**
	3) семейное воспитание	**4 (33,3% (2))**	**6 (31,56%) (2)**	**8 (46%) (2)**
	4) ощущение родства с традициями и историей		1 (5,26%)	
	5) «малая родина»		1 (5,26%)	
	6) память о предках, которые жили в других обществах		**2 (10,52%) (3)**	1 (6,25%)
8	***Какими традициями обладает Ваша семья?***			
	1) семейные традиции	**10 (83,3%) (2)**	**9 (47,34%) (3)**	**8 (46%) (2)**
	2) дети как основа семьи	6 (49,9%)	5 (26,3%)	**4 (23%) (3)**
	3) уважение и забота старших о младших	**9 (74,9%) (3)**	**10 (52,6%) (2)**	**4 (23%) (3)**
	4) безопасность, любовь, поддержка	**11 (91,6%) (1)**	**14 (73,64%) (1)**	**11 (68,75%) (1)**
	5) сбор семьи за столом, обсуждение - помощь, забота, поддержка		2 (10,52%)	
9	***Как Вы определяете принадлежность к своей семье?***			
	1) дети и родители как основа семьи	**5 (41,6%) (1)**	**11 (57,86%) (1)**	**15 (93,75%) (1)**
	2) семейные реликвии	**4 (33,3%) (2)**	2 (10,52%)	2 (11,5%)
	3) поддержка и уважение в семье		**11 (57,86%) (1)**	**7 (40,75%) (2)**
	4) продолжение рода, семейные ценности	1 (8,3%)	1 (5,26%)	
	5) брачные узы	1 (8,3%)		
	6) взаимопонимание, принятие			
	7) русская	1 (8,3%)		

Проанализируем данные результаты.

Первый вопрос «Что такое гражданская идентичность личности?» предполагал, что в качестве ответов были использованы «чувство общности и сопричастности к гражданской нации и государству», «понимание личности и патриотизма в обществе». На второй вопрос – «Ваше отношение к понятию «патриотизм» личности» – были использованы: «гордиться страной», «идентификация себя со страной», «целостность, суверенитет страны», «конкретная сопричастность к процессам, происходящим в стране». Третий вопрос предполагал определение отношения к государству. Были получены ответы «единство целей власти и общества», «компетентность и эффективность власти», «открытость власти» и «доверие к выборам», «доверие к гражданам». Четвертый вопрос «Единство и бесконфликтность в обществе» предполагал ответы о «взаимопомощи и поддержке», «терпимости к инакомыслию». Пятый вопрос о том, «с какими ценностями Вас как человека связаны установки Вашей жизнедеятельности?», оказался связан с «личностным ростом и развитием», «зависимостью успеха и благополучия от личных усилий». На шестой вопрос «Религиозная идентичность определяется как принадлежность…» мы получили два ответа: «приобретается личностью (как определение собственных идеологических взглядов»), и «с рождения» (традиционная форма идентичности). Отсутствовали ответы, связанные с семейным воспитанием и верой. По вопросу «Как определяется «региональная идентичность» личности?» оказались получены результаты: «место рождения и проживания», «историческая родина народа», «малая родина». Последние вопросы касались традиций семьи и определения принадлежности к своей семье. Здесь были получены следующие результаты: по первому вопросу – «безопасность, любовь, поддержка», «семейные традиции», «уважение и забота старших о младших» (варианты «дети как основа семьи» и «сбор семьи за столом» – не рассматривались); по второй вопросу – «поддержка и уважение в семье», «дети и родители как основа семьи», «семейные реликвии».

О.А. Щекина считает, что в условиях цифровой трансформации общества и образования, развития и внедрения цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности повышается значимость информационного пространства в вопросах воспитания и социализации, в том числе в профилактике правонарушений, совершаемых с использованием информационных технологий [Щекина, 2023, с. 192]. Подмена видеороликами и компьютерными программами живого учителя для контроля усвоения материала приводит к отчуждению ученика и учителя [Еремина, 2019, с. 30]. О. А. Щекина предполагает, что педагогу приходится учитывать влияние семьи на развитии личности и выстраивать взаимодействие с родителями учащихся на основе партнерства и диалога. Сотрудничество с семьей, формирование опыта содружества с родительской общественностью, согласованность, скоординированность взаимодействия с родителями обучающихся во многом определяют эффективность сотрудничества семьи и школы [Щекина, 2023, с. 192].

Таким образом, мы видим, что и с формированием гражданской идентичности личности происходит то же самое. Данная проблема безусловно связана с

понятием компетентности педагога. Компетентность в сфере личностных качеств и в постановке целей и задач педагогической деятельности является главной. Информационная среда на это, несомненно, влияет. Наша задача – как следует изучить ее взаимосвязь и сформулировать советы педагогам и родителям о правилах взаимодействия с информационной средой. Но это уже дальнейшее исследование…

Список источников

1. Алексеев С. В. Инновационный потенциал постдипломного педагогического образования // Постдипломное образование: ресурсы инновационного развития: материалы международной научно-практической конференции кафедры педагогики и андрагогики. Санкт-Петербург, 9 апреля 2013 г. / под ред. С. Г. Вершловского, А. Н. Шевелева. – СПб.: Изд-во Культ-информ-пресс, 2013. – С. 16–24.
2. Бондаревская Е. В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. – Волгоград: Издательство Ростовского педагогического университета, 2000. – 352 с.
3. Водолажская Т. Идентичность гражданская // Образовательная политика. – 2010. – № 5–6. – С. 140–142.
4. Дробижева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. – 2010. – № 12. – С. 49–58.
5. Еремина Н. В. Программы внеурочной деятельности этнокультурной направленности в реализации социо-культурных потребностей обучающихся // Реализация социокультурных потребностей обучающихся во внеурочной деятельности: ценности и смыслы, роль педагога: учебно-методическое пособие / под общ. ред. Ереминой Н. В., Скоморовой Н. М. – СПб.: СПб АППО им. К. Д. Ушинского, 2023. – С. 72–83.
6. Еремина Н. В. Этнокультурные традиции семейного воспитания и антропологическая практика // Непрерывное образование. – 2019. – Вып. 2 (28). – С. 29–33.
7. Заварзина М. А. Понятие гражданской идентичности. Гражданская идентичность в ФГОС НОО // Социальная сеть работников образования [Электронный ресурс]. URL: https://nsportal.ru/vuz/pedagogicheskie-nauki/library/2016/06/27/ponyatie-grazhdanskoy-identichnosti-grazhdanskaya (дата обращения: 26.10.2024).
8. Захарченко М. В. Воспитание: содержание понятия в историко-генетическом контексте // Теория и практика духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся: теория, практика, опыт: монография / под общ. ред. М. В. Захарченко. – СПб.: СПб АППО, 2017. – С. 18–44.
9. Исаев Е. С., Слободчиков В. И. Психология образования человека: становление субъективности в образовательных процессах. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2013. – 432 с.
10. Кузьмина И. Е. Аксиологическая модель гуманитарно-педагогической культуры как основа гражданско-патриотического воспитания // «Заметки ученого». – Южный университет. – 2023. – № 7. – С. 169–178.
11. Щекина О. А. Некоторые аспекты взаимодействия семьи и образовательного учреждения в условиях информационно-цифрового пространства // Социально-педагогическая и психологическая поддержка родительства: опыт, проблемы, перспективы: сборник статей по материалам III Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 7 декабря 2023 г. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка; ред. кол.: В. В. Мартынова (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГПУ, 2023. – С. 192–196.

Сведения об авторе

Кузьмина Ирина Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-педагогического образования, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования им. К. Д. Ушинского, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-1091-5821, e-mail: Ksusha21052004@mail.ru

УДК 14.45 (47+57) : 37 (470)
DOI 10.35231/18186653_2023_1_154

Атеистическое воспитание в Вооружённых силах Советского Союза: история и современность

В. А. КУРИЛОВ

Автор проводит анализ причин и последствий инверсии советского атеистического воспитания в Вооружённых силах России. На основании исторического и современного материала автор обосновывает функциональное тождество научно-атеистического воспитания и российского «религиозного окормления». Автор приходит к выводу: применение субъектом государственной власти методов политико-административного принуждения в процессе идеологической работы (формирование отношения к религии) способствуют развитию социально-политического конфликта в сфере свободы совести.

Ключевые слова: атеистическое воспитание в Вооружённых силах Советского Союза, религиозное воспитание в Вооружённых силах России, идеологическая работа, инверсия научного атеизма, политико-административные методы.

В конце 50-х гг. XX в., особенно после XXI съезда КПСС (1959 г.) в Советском Союзе начала своё развитие идеологическая кампания, импульс которой медленно затухал весь последующий советский период отечественной истории. Программа КПСС, принятая на XXII съезде, стала внедряться партийно-государственным аппаратом в систему образования: появляются такие учебные дисциплины, как «Научный коммунизм» и «Обществоведение» – адаптированная для задач учебного процесса программа правящей партии.

Идеологическая работа КПСС после XX съезда имела два существенных основания. Во-первых, субъективное основание – необходимо было купировать воздействие на массовое сознание постановления Президиума ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий». Кроме того, стоит отметить энергичную деятельность секретаря ЦК КПСС, курировавшего «хрущёвскую идеологическую кампанию» Л. Ф. Ильичёва. Во-вторых, объективное основание – крупные народнохозяйственные и технологические успехи Советского Союза: в первую очередь, быстрое восстановление советской экономики после победы в Великой Отечественной войне. Далее: первая в мире атомная электростанция (Обнинская АЭС введена в эксплуатацию 26 июня 1954 г.); первый в мире атомный ледокол «Ленин» (3 декабря 1959 г. сдан Министерству морского флота); первый в мире искусственный спутник Земли «Спутник-1» (запущенный на орбиту 4 декабря 1957 г.); первый в мире запуск млекопитающих в Космос (полёт собак Белки и Стрелки на борту «Спутника-5» 19 августа 1960 г.) и, наконец, первый в мире космонавт – Юрий Алексеевич Гагарин, осуществивший свой полёт 12 апреля 1961 г.

Такие достижения не могли не породить могучий энтузиазм советского общества, на волне которого уже XXI съезд КПСС декларировал полную победу социализма и начало этапа строительства коммунизма [7, с. 90]. Заметный размах

получило звено партийной идеологической работы – научно-атеистическое воспитание «нового человека», сознательного строителя коммунистического общества. Согласно нормам обновлённого Устава КПСС, каждый коммунист теперь был обязан «вести решительную борьбу с религиозными предрассудками и другими пережитками прошлого» [4, с. 431].

Не могло остаться в стороне от этих политико-идеологических процессов и Главное политическое управление Советской армии и Военно-Морского флота (далее – ГлавПУР СА и ВМФ).

В 1963 г. на заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС, посвящённому формированию научного мировоззрения и атеистическому воспитанию трудящихся разбирался вопрос о специфике атеистического воспитания личного состава в вооруженных силах Советской армии и Военно-Морского флота. Председатель Идеологической комиссии ЦК КПСС Л. Ф. Ильичёв в своём докладе упрекнул начальника ГлавПУР СА и ВМФ А. А. Епишева за недостаточно поставленную работу по атеистическому воспитанию военнослужащих. В качестве аргумента он привёл случай, когда учащихся Одесской духовной семинарии призвали в армию и направили для прохождения службы в разные войсковые части. После окончания срока службы все семинаристы (21 человек) вернулись в духовное учебное заведение и продолжили своё обучение[1].

А. А. Епишев, защищая своё ведомство, объяснял непростую обстановку на атеистическом фронте тем, что большинство верующих военнослужащих прибывают в советские вооружённые силы из «областей Украины, Молдавии и Прибалтийских республик», т. е. тех регионов, которые позже других были включены в состав Советского Союза. По мнению А. А. Епишева, проблемы с атеистическим воспитанием в вооружённых силах надо решать ещё на допризывной стадии идейно-политической работы. Только на Краснознамённый Балтийский флот осенью 1962 г. в числе молодого пополнения прибыло 200 человек, открыто признавшихся в своих религиозных убеждениях[2].

Командиры, политработники, партийные и комсомольские организации должны были выявлять верующих и проводить идейно-воспитательную работу с ними в индивидуальной и массовой формах. Носителей религиозного сознания старались изолировать от своих единоверцев и оказывать на них моральное давление всем атеистическим армейским коллективом. Начальник ГлавПУР СА и ВМФ отметил множество трудностей в повышении научно-атеистического воспитания военнослужащих. Часть командного состава была положительно настроена к верующим призывникам и даже подмечала у них высокий уровень армейской дисциплины.

[1] Стенограмма заседания Идеологической комиссии ЦК КПСС по вопросу формирования научного мировоззрения и атеистического воспитания трудящихся (25 ноября 1963 г.) // РГАНИ, Ф. 72, О. 1, Д. 15, Л. 46.

[2] Там же. Л. 78.

По данным А. А. Епишева с 1962 г. и в первую половину 1963 г. за отказ от несения обязанностей военной службы по религиозным мотивам военными трибуналами было осуждено 25 военнослужащих. О слабости и малой действенности работы по научно-атеистическому воспитанию говорил и такой факт: из всех заявлений, поданных в духовные учебные заведения в 1962 г., каждое восьмое – от бывших военнослужащих[1].

Какая же аргументация оправдывала необходимость атеистического воспитания советского воина? В условиях биполярной системы международных отношений заметную роль в военно-религиозной пропаганде армий стран НАТО лежало стремление выработать у личного состава чувство «атлантической солидарности», идеологически подготовить его к столкновению с общим врагом – «безбожным коммунизмом». В 80-е гг. в армии США насчитывалось около 2,5 тысяч штатных капелланов в звании от лейтенанта до генерал-майора и несколько тысяч унтер-офицеров, подготовленных для выполнения вспомогательных функций непосредственно в подразделениях. Религиозным воспитанием военнослужащих западногерманского бундесвера занимались около 300 штатных военных священников – евангелистов и католиков [1, с. 37].

В такой ситуации политико-экономическое противостояние социалистических государств во главе с Советским Союзом и капиталистического мира принимало идеологическую форму борьбы атеизма с религиозной верой.

Во внутренней политике необходимость атеистического воспитания личного состава советских вооружённых сил обосновывалась в основном морально-нравственной аргументацией о несовместимости воинского долга с религиозными убеждениями.

Во-первых, в Советской Армии продолжала реализовываться общепартийная установка формирования научного (марксистско-ленинского) мировоззрения у всех советских граждан. Во-вторых, считалось, что религиозные взгляды порождают чувство пассивности, равнодушия и безответственности к воинскому долгу.

В-третьих, для несения воинской службы вредными были такие религиозные установки: заповедь о любви к своим врагам, отказ от принятия воинской присяги, сосредоточенность носителя религиозного сознания на личном спасении в ущерб задачам воинского коллектива, моральные нормы «неосуждения и всепрощения», увлечение молитвами в ущерб воинской дисциплине, уход от действительности, подверженность враждебной клерикальной пропаганде и идеологическим диверсиям под омофором религии.

В целом атеистическое воспитание идеологами ГлавПУР СА и ВМФ рассматривалось как одно из важнейших звеньев всей идейно-воспитательной работы в армии и флоте, цель которой (от себя добавим: весьма благородная цель) – формирование личности вооружённого защитника нашей Родины, гармонично

[1] Стенограмма заседания Идеологической комиссии ЦК КПСС по вопросу формирования научного мировоззрения и атеистического воспитания трудящихся (25 ноября 1963 г.) // РГАНИ, Ф. 72, О. 1, Д. 15, Л. 86.

развитой, общественно активной, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство [1, с. 63].

Однако декларируемое благородство цели атеистического воспитания не снимало главную проблему: реализуя идеологические задачи (преодоление религиозного сознания и замещение его научным мировоззрением), субъект государственной власти применял преимущественно политико-административные методы, тем самым трансформируя борьбу с «неправильными идеями» в борьбу с носителями инакомыслия. Выполняя установки и высочайшие атеистические постановления руководящих партийных органов, подчинённые бюрократические структуры вынуждены были в своих отчётах доказывать эффективность своей работы. А это означает, что атеистическое воспитание входило в сферу интересов местного партийно-государственного аппарата, который мало надеялся на силу убеждения, широко применял силу принуждения[1], а в некоторых случаях и прямое насилие.

Конкретизируя наш тезис, приведём трагический пример трансформации идеологической борьбы в политико-административное насилие.

О регулярности подобных случаев свидетельствует периодика самиздата Совета церквей евангельских христиан-баптистов. Эта религиозная организация развернула по всему Советскому Союзу целую сеть подпольных типографий и непрерывно печатала в своих периодических изданиях документально подтверждённые материалы гонений советской власти не только за нарушение законодательства о религиозных культах, но и за религиозные убеждения, принадлежность к баптистам «инициативникам». Самые распространённые жалобы последователей СЦ евангельских христиан-баптистов, призываемых в ряды Советской армии, на заведение уголовных дел за отказ принимать присягу (чаще всего за подобные отказы военные трибуналы приговаривали к 2–4 годам лишения свободы) и на избиения баптистов в воинских частях. Но, пожалуй, самая известная трагедия случилась в военной части 61968 «Т» с двадцатилетним рядовым-баптистом Иваном Васильевичем Моисеевым 16 июля 1972 г. в городе Керчи. Тело И. В. Моисеева обнаружили в Чёрном море на глубине 156 см со следами насилия. По официальной версии причина смерти – «механическая асфиксия от утопления». В акте экспертизы при анатомировании указана насильственная причина смерти. По мнению единоверцев, И. В. Моисеев скончался от пыток «людей в штатском» при участии командования военной части [5, с. 30–39].

Верна ли версия СЦ евангельских христиан-баптистов или нет, но факт смерти И. В. Моисеева связан с желанием субъекта государственной власти перевоспитать насильственными методами представителя стигматизированной государством религиозной группы. Очевидно, что командиры военных частей и

[1] Принуждение – это такая совокупность условий, сознательно созданных властвующим, при которой подвластный ставится в ситуацию выбора между обладанием или доступом к материальным и духовным ценностям и риском их потери, если его поведение не соответствует воле властвующего. Цит. по: Макаренко В. П. Вера, власть и бюрократия: (Критика социологии М. Вебера). Ростов: Издательство ростовского университета, 1988. С. 155.

подразделений, военные комиссары и прокуроры, политработники проблемы научно-атеистического воспитания решали политико-административными мерами, т.е. убеждали – принуждая.

Казалось бы, атеистическое воспитание с распадом Советского Союза безвозвратно ушло в прошлое, стало достоянием истории. Но так ли это?

В древнем Московском кремле, в Кремлёвском Дворце съездов 10 июля 1991 г. состоялась процедура вступления в должность Президента России. По сценарию торжественной процедуры, транслирующейся по телевидению, необходимо было создать образ исторической преемственности в развитии России. С этой целью в фойе Дворца съездов развернули выставку священных книг для православных, католических, протестантских, исламских и буддийских религиозных объединений. Впервые за 74 года существования советской власти глава союзной республики получил благословение патриарха РПЦ МП Алексия II (Алексей Михайлович Ридигер) [6, с. 644–645]. Религия стала возвращаться в идеологическую сферу внутриполитических отношений. Стоит отметить, что политико-идеологическая сфера заполнялась деятельностью только тех религиозных объединений, которые в Советском Союзе использовались партийно-государственным аппаратом, главным образом, в международных отношениях. В послевоенный период отечественной истории формировались устойчивые связи советского государства с руководством легальными религиозными объединениями, что и стало решающим основанием для возникновения клиентально-патрональной системы отношений государства к религиозным объединениям в постсоветской России. Для клиентелизма[1] характерно решающее значение личных отношений патрона с клиентом, выстраивание иерархических отношений с личной взаимозависимой заинтересованностью. Для религиозных объединений, не имеющих возможности и/или не желающих встраиваться в эти отношения, риск столкнуться с репрессивными санкциями и стать объектом технологии социальной стигматизации значительно возрастал.

Как оказалось, в постсоветской России у РПЦ МП и Вооруженных сил РФ немало общего в мировоззренческих и моральных принципах: военнослужащие ценой собственной жизни должны сохранять и защищать национальный государственный суверенитет, а РПЦ МП призвана оберегать нравственное здоровье общества, воспитывать в людях любовь друг к другу и готовность к жертвенному служению ближним. С точки зрения Московской патриархии большое значение для укрепления морального духа, обновления душевных и телесных сил имеет участие военнослужащих в богослужениях.

Решением Священного Синода РПЦ МП 16 июля 1995 г. создаётся Синодальный отдел по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными учреждениями (после 27 июля 2013 г. – Отдел по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными органами), который отпочковывается от Отдела внешних церковных связей. В настоящее время новая структура

[1] От лат. клиентела – форма социальной зависимости в Древнем Риме: взаимные правовые, экономические и социальные обязательства между патронами и клиентами.

Отдела по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными органами включает в себя 10 секторов по взаимодействию с видами и родами Вооруженных Сил, а также войсками и воинскими формированиями, не входящими в состав Вооруженных Сил (секторы Сухопутных войск, ВМФ, ВВС, РВСН, ВКО, ВДВ, Внутренних войск МВД, Пограничной службы ФСБ России, Федеральной таможенной службы, Федеральной службы охраны), 5 секторов по направлениям деятельности (секторы организационно-мобилизационный, информационно-издательский, информационно-аналитический, учебных заведений, общественных связей), сектор по взаимодействию с Министерством внутренних дел.

Среди многочисленных задач Синодального отдела по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными органами отметим следующие: координация практической деятельности по пастырскому окормлению, духовному просвещению и воспитанию военнослужащих, сотрудников органов военного управления и правоохранительных органов, членов их семей; осуществление церковно-общественной деятельности в сфере, имеющей отношение к деятельности Отдела, в том числе в области науки, культуры, образования, патриотического воспитания, взаимодействия со СМИ; по благословению Патриарха и Священного синода и в контакте с епархиальными архиереями непосредственно осуществляет пастырскую, духовно-просветительскую и церковно-общественную деятельность среди военнослужащих, сотрудников органов военного управления и правоохранительных органов, членов их семей.

Соработничество Отдела по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными органами с силовыми ведомствами и правоприменительной системой выстраивалось на основе соглашений, подписанных Русской православной церковью с силовыми министерствами и ведомствами. В своей работе синодальные структурные подразделения получают помощь и поддержку со стороны командования Вооруженных Сил и правоохранительных учреждений, а также офицеров, ответственных за воспитательную работу. Священнослужители стали штатными помощниками командиров по работе с верующими военнослужащими и помощниками начальников военных учебных заведений. Свою помощь военнослужащим клирики видят, прежде всего, в духовной поддержке – окормлении. Эта поддержка находит свое проявление во многом: совершение церковных таинств в воинских подразделениях, индивидуальные беседы с личным составом ВС РФ, нравственное совершенствование военнослужащих, расширение культурного кругозора и др. Пастырское окормление предполагает регулярные встречи с военнослужащими по вопросам духовно-нравственного и патриотического воспитания. По мнению высших органов управления РПЦ МП, силу сакрального наделения священника РПЦ МП властью от Бога признаёт и светское государство[1].

[1] Окормление военнослужащих. Русская Православная Церковь. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://patriarchia.ru/article/112469 (дата обращения: 14.04.2025).

Таким образом, речь идёт о религиозном воспитании личного состава Вооружённых сил РФ, которым при поддержке и контроле со стороны светского государства занимаются представители некоторых религиозных объединений (выбранных для этой цели Главным военно-политическим управлением ВС РФ). Символом возвращения на идеологический фронт ВС РФ Московского патриархата стал Главный храм Вооружённых сил РФ в Одинцовском городском округе Московской области, строительство которого было завершено 9 мая 2020 г.

Казалось бы, что после распада Советского Союза и завершения политико-идеологической гегемонии КПСС российское государство отреклось от советского атеистического наследия и встало на путь «религиозного воспитания» своих граждан, при этом формально оставаясь светским государством. Так что же может быть общего у атеистического воспитания в Советской армии и «духовного окормления» в ВС РФ? Во-первых, контролирует и наполняет «правильным содержанием», как в прошлом атеистическое воспитание, так и в настоящем религиозное воспитание, функционально та же самая государственная структура (Главное политическое управление Советской армии и Военно-Морского флота – Главное военно-политическое управление ВС РФ). Во-вторых, на «духовное окормление» российским государством возлагаются практически те же самые идеологические и морально-нравственные задачи, которые на атеистическое воспитание возлагал партийно-государственный аппарат в Советском Союзе. И наконец, в-третьих, идеологические задачи с неизбежностью будут реализовываться субъектом власти всё теми же политико-административными методами принуждения. Следовательно, от вмешательства государства в сферу формирования российскими гражданами своего отношения к религии можно ожидать последствий, практически тождественных результатам научно-атеистического воспитания в Советском Союзе.

Выводы. Для понимания политико-идеологических процессов важно не столько содержание идеологии, сколько знание содержания механизмов, форм и методов реализации политико-идеологических задач субъектом государственной власти в ходе управления обществом. Устойчивое воспроизводство механизмов, методов и форм государственного управления происходит на фоне смены идеологического содержания. Инверсия научно-атеистического воспитания в Советской Армии – религиозное воспитание ВС РФ создаёт лишь видимость изменений при функционально неизменной устойчивости инструментального использования идеологии с целью мобилизации граждан на выполнение управленческих решений субъекта власти. Или, другими словами, не важно, какого цвета кошка – «атеистического» или «религиозного» – важно чтобы она ловила мышей.

Централизованные, иерархично организованные структуры «традиционных религиозных объединений» гармонично воспроизводят господствующие в российском обществе клиентально-патрональные отношения. Логику обращения государства к религиозным объединениям в процессе поиска идеологической подложки очень хорошо выразила руководитель Болгарского представительства

Международного Фонда единства православных народов Е. П. Миленова: «Невозможно объединить имущих и неимущих около материальных ценностей. Консолидацию возможно ощутить лишь на базе духовного…» [2, с. 150]. Однако стремление государства к идеологическому единству, формированию отношения к религии своих граждан на практике с неизбежностью приводит к применению политико-административных методов принуждения по отношению к религиозным объединениям и отдельным гражданам, которые не могут или не хотят встраиваться в существующую систему клиентально-патрональных отношений и исповедовать то, что настойчиво предлагают государственный и церковный бюрократический аппарат. В результате стремление к идеологической консолидации российского общества на основе отношения к религии оборачивается своей противоположностью: приводит к развитию социального конфликта, причина которого заключается в применении административного принуждения в сфере свободы совести.

Список литературы

1. Ефимов Н. Н. Идеологическая борьба по вопросам войны и мира. Атеистическое воспитание советских воинов / Н. Н. Ефимов, А. В. Павлов. – М.: Воениздат, 1987. – 64 с.

2. Зоркальцев В. И. Духовное единение: (Православный мир и духовное единство народов). – М.: Издательский дом «К единству!», 2003. – 367 с.

3. Макаренко В. П. Вера, власть и бюрократия: (Критика социологии М. Вебера). – Ростов: Издательство ростовского университета, 1988. – 304 с.

4. Материалы XXII съезда КПСС. – М.: Госполитиздат, 1961. – 464 с.

5. Моисеев Иван Васильевич (1952–1972 гг.) // Вестник спасения. – 1972. – № 4. – С. 25–39.

6. Пихоя Р. Г. СССР: История власти. 1945–1991. – М.: Издательство РАГС, 1998. – 736 с.

7. Смирнов Г. Л. Уроки минувшего. – М.: РОССПЭН, 1997. – 303 с.

Сведения об авторе

Курилов Виктор Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-8419-9381, e-mail: viktor.kurilov.1983@mail.ru

УДК 2-9
ГРНТИ 03.23.31

Влияние изменений государственной конфессиональной политики на старообрядческое сообщество Сызрани в XVIII–XIX вв.

Н. В. КУРКИНА

Настоящая статья посвящена исследованию влияния изменений государственной политики по отношению к старообрядцам в Российской империи на старообрядческое сообщество города Сызрани в XVIII–XIX вв. Рассматриваются этапы ужесточения и либерализации правительственных мер, направленных на староверов, и анализируется их отражение в количественных показателях и психологических аспектах жизни раскольников. Выясняются особенности взаимодействия центральной власти с местной властью в Симбирской губернии,

благодаря анализу их официальной переписки. Проясняется, как политика единоверия влияла на «раскол» Сызрани путем анализа прихода по клировым ведомостям Единоверческой церкви.

Ключевые слова: старообрядцы, веротерпимость, единоверие.

История России как православного государства до сих пор вызывает интерес в научной среде. Историческое наследие, связанное с отношением государства к религии, всегда считалось индикатором уровня развития социальной жизни государства. В России принятие христианства в X в., разделение Киевской митрополии, Раскол Русской церкви в середине XVII в., атеизм в Советской России являются показателями мировоззрения общества и политической направленности государства. Ведь именно отношение его жителей к принимаемым властями мерам, исполнение указов на местах, в разных частях государства, по факту служило отражением реальной действительности жизни российского общества. Особенно важно отметить, что это всегда являлось двусторонним процессом, так как и старообрядцы, их жизнь и настроение, менялись в соответствии с трансформацией конфессиональной политики.

Так, изучая архивные документы, в которых содержатся данные об исполнении указов центральной власти касательно старообрядцев, можно проследить динамику меняющегося отношения к ним в части содержания этих указов. Постоянно проводился контроль числа раскольников местными властями в Симбирской губернии, которая была одним из регионов, где данный вопрос занимал одно из ключевых мест в деятельности различных институтов исполнительной власти: МВД, Симбирской епархии, до 10 февраля 1832 г. входившей в состав Казанской Епархии[1], до тех пор пока не была образована самостоятельная Симбирская Епархия. Особенно интересен период XVIII–XIX вв., когда в Российской империи наметилась тенденция веротерпимости, за которой последовало ослабление преследования всех «еретиков».

Тем не менее, начало XVIII в. было ознаменовано рядом строгих законодательных актов, регулировавших различные аспекты жизни старообрядцев – обрядовой, социальной и семейной. Их целью было уменьшить и искоренить старообрядцев как социальный слой. Так, 18 февраля 1716 г. Петр I предписал взимать подати со старообрядцев в двойном [5, с. 200], а затем и в четырёхкратном размере. Некоторые законы запрещали старообрядцам строительство новых часовен и молитвенных домов, отказывали в праве раскольников на богослужения. Браки, заключённые наставниками старообрядческих общин, согласно церковным правилам, не признавались законными. Ограничения коснулись и свободы общественной жизни, когда в 1820 г. был осуществлен запрет на выборы иноверцев на общественные должности. Следовательно, большинство законодательных актов были направлены на сокращение числа сторонников раскола.

[1] История Симбирской Епархии [Электронный ресурс]. URL: https://mitropoliasimbirsk.ru/mitropoliya/historisimbirskaya-eparhiya (дата обращения: 11.102.2025).

Однако постепенно, уходя от попыток принуждением заставить раскольников сблизиться с православной церковью, власть переходит к так называемому «увещеванию», то есть к словесному убеждению. В «Увещании» московского архиепископа Платона Левшина, составленном в 1766 г. сообщается, что «православная Церковь, хоть и защищает.... новыя книги, однако старинныя вовсе не порицает и не приказывает, даже не советует, воздерживаться от их употребления» [7, с. 130]. Так, постоянный полицейский надзор, аресты и обыски, закрытие молельных домов и изъятие икон сменились на политику приобщения старообрядцев к «согласничеству», то есть на соединение с официальной церковью при сохранении обрядов по старому образцу [8, с. 254]. Постепенно формировался принцип веротерпимости. Наказ Екатерины II от 30 июля 1767 г., данный Комиссии по разработке нового уложения, утверждал, что «гонения лишь раздражают умы людей, в то время как разрешение верить по своему усмотрению смягчает самые жестокие сердца и отвлекает их от упрямства, уменьшая споры, которые противоречат спокойствию государства и единству граждан» [4, с. 149]. Высочайший указ от 21 февраля 1803 г. признавал право жителей на собственные убеждения, призывая сохранять лишь внешние формы религиозной жизни: «не причиняя насилия совести и не углубляясь в внутренние убеждения, не допускать, однако, никаких внешних проявлений отступления от церкви» [1].

Город Сызрань, без сомнения, к середине XIX в. стал одним из центров раскола в Российской империи, который на протяжении второй половины XVII–XVIII вв. активно заселялся верующими, отказавшимися принимать нововведения, бегущими дальше от столицы, в надежде спастись от преследующих их гонений. По мере того, как число отступников-раскольников росло, внимание власти к этому небольшому торговому городу становилось все более явным. Лидирующее положение Сызрани по количеству раскольников подтверждено отчетом симбирского губернатора от 1857 г., где очевидно, что Сызрань и ее уезд с 2297 раскольниками может конкурировать только с Алатырскми уездом, где количество старообрядцев составляет 3091 человек [11, л. 9]. При этом, нужно учитывать, что в Алатырском уезде располагался известный Иргизский монастырь, который служил путеводной звездой для живших в Симбирской губернии беспоповцев. О существовании этого монастыря и его влиянии на умы старообрядцев Симбирский губернатор А. А. Долгоруков пишет в своем отчете о раскольниках и скопцах по Симбирской губернии, в котором сказано: «От 1804 и 1805 года усиливается секта раскольников, последующих правилам Ирзиского Монастыря, открытого тогда в Саратовской Губернии в Хвалынском уезде. Раскольники сим, называющиеся Старообрядцами и Богомолами, находятся в городах Алашьи, Сызрань... Они священников к себе не приемлют» [10, л. 31].

Очевидный переход центральной власти к политике веротерпимости отразился и на жизни старообрядцев в Симбирской губернии. В архивных документах МВД много подтверждений различного рода наказаний, которым подвергались раскольники за свое вероотступничество на данной территории. Так, еще в 1839 г. мы сталкиваемся с большим количеством наказаний, применяемым к старообрядцам: ссылками за погребения по раскольническому обряду:

«удельного крестьянина Емельяна Болдырева ... просить отослать прочь немедленно» [2, л. 48]. Арест также служил одним из мер борьбы, который повсеместно использовался в Симбирской губернии: «...обвиняемые в распространении раскола, или особенной к нему приверженности, содержались во время делопроизводства под арестом» [2, л. 52].

При всем при этом, когда мы говорим о контроле за количеством «раскола» в регионе, не стоит забывать, что старообрядцы желали остаться потаенными, скрытными. Ведь, будучи записными, они должны были быть готовы к пристальному надзору со стороны полиции и оплате двойного оброка, упомянутого выше. С 1826 г. по указу Николая I началось ежегодное составление ведомостей о числе старообрядцев под руководством губернаторов. Согласно этим ведомостям число раскольников, проживающих в Российской империи с 1826 по 1864 г., составляет около 1 млн человек. Однако особая «Комиссия по расколу», созданная при МВД, в 1870-х гг. насчитывала более 12 млн старообрядцев, которые поддерживали видимость «православности»[1]. Мотив получения достоверных сведений с учетом незаписных раскольников прослеживается и в постоянных требованиях со стороны МВД к уездным судам и городовым магистратам о необходимости постоянной и верной отчетности по числу старообрядцев на территории Симбирской губернии. «Предписываю Сызранскому Суду доставить к Г. Начальнику губернии непременно к 20му числу сего месяца ведомость по производившимся делам в течение первой половины 1856 г. о преступлениях раскольников против православной веры» [3, л. 40]. Подобные предписания были неотъемлемой частью полицейских документов того периода.

Интересно проследить, как Сызранский суд и губернатор реагировали на предписания Министра внутренних дел, включающие в себя не только постоянные сообщения о проведенных мерах против раскола. Очевидно, что уголовные дела с расколом идут медленно и неохотно, что МВД и отражают в своих отчетах. 10 сентября 1844 г., в ответ на очередное настояние от канцелярии губернатора о срочности и непромедлительности дел по расколу они отвечают: «служит препятствием, между прочим, медленность в производстве следствий и решений по делам о раскольниках и то, что распространители раскола, оставаясь свободными, продолжают свое вредное влияние на умы крестьянина» [2, л. 52].

И сами же губернаторы также проявляли в своих отчетах благосклонность к старообрядцам, что влекло за собой сетования министра внутренних дел Л. Н. Перовского: «Некоторые из начальников губерний, представляя во вверенное мне Министерство ведомости о раскольниках и их молитвенных зданиях, в донесении своих и самих ведомостях называют раскольников – старообрядцами, а их молитвенные здания – церквями» [2, л. 78], что, конечно же, было запрещено. Это очевидно из того же сообщения, где дальше Перовский напоминает:

[1] Виноградов А. А. Старообрядцы Симбирско-Ульяновского Поволжья середины XIX – первой трети XX вв.: основные черты хозяйства, материальной культуры, быта и семьи: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008. С. 30.

«...воспрещается раскольникам именоваться старообрядцами, скитскими общежителями, пустынножителями, и тому подобным несвойственными названиями и что в следствие особого Величайшего повеления, предписанного мною, 4 ноября 1842 года, циркулярно всем Начальникам губерний раскольнические молитвенные здания не именовать церквями...» [2, л. 78].

МВД, всегда прекрасно осознавая, что отчетность губернатора не включает в себя незаписных старообрядцев, прямо указывает на это в своих докладах: «Симбирский гражданский губернатор при доношении от 31 декабря прошлого 1811 г. предоставил ведомость о старообрядцах по тамошней Губернии доносить, что в оной показаны только те старообрядцы, о которых можно было узнать под рукою; что впрочем удостоверительно сказать можно, что иных в Симбирской Губернии находится несравненно больше» [9, л. 13].

Говоря о «вредном» влиянии, стоит отметить, что именно от настроений раскольников Сызрани зависело их положение во всей Симбирской губернии. Так, в отчете о положении раскола от 28 февраля 1869 г. сообщается: «В Симбирской губернии раскол распространен более в уездах Алатырском и Сызранском, а также в самом городе Сызрань. Город этот с уездом составляют главные пункты, и потому, вследствие взаимной связи лиц, принадлежащих к известной секте, настроение здешних раскольников должно отражаться и на настроении раскольников разных в других местностях губернии» [12, л. 66].

Политика единоверия, ставшая отправной точкой веротерпимости и получившая документальное оформление в «Правилах единоверия», утвержденных Павлом I 27 октября 1800 г., где сообщалось: «церковь старообрядцам дать, и впредь дозволять устроение сие на подобном основании» [6, с. 357], напрямую влияла на жизнь старообрядцев Сызрани. В 1859 г. Сызранским купцом 2 гильдии Симеоном Васильевичем Шамбаровым была построена деревянная единоверческая церковь, пока еще без колокольни. С началом функционирования церкви ситуация по прихожанам, не считая прихожан из Сызранского уезда, выглядела следующим образом [14, л. 9].

Таблица

В каких местах и какого звания прихожане	Число дворов	Число душ	
		Муж.	Жен.
Из города Сызрань: купцов	25	76	68
мещан	46	64	69
Удельных крестьян	17	30	29

Особенно интересно рассмотреть динамику прихожан по купцам, ведь именно они были теми, кто в значительной мере страдали в своей экономической и административной деятельности от преследования за свою веру. В 1873 г. была построена колокольня, а число купцов-прихожан незначительно, но все же постепенно росло: 55 дворов (151 м., 168 ж.) [14, л. 21]. Многие из них выбирали «смириться» с конфессиональной политикой государства, чтобы чувствовать себя более свободно в своей деятельности. Означало ли это, что они постепенно

приходили к «согласию» с официальной церковью? Не всегда. Ведь уже к концу века ситуация быстро изменилась. Заметно постепенное, из года в год, уменьшение числа купцов, которые ходили в единоверческую церковь. И уже в 1900 г. было зафиксировано всего лишь 17 купеческих дворов (42 м., 37 ж.) [14, л. 38]. Чем свободнее чувствовали себя купцы, чем меньше их предпринимательская и общественная жизнь зависела от их веры, тем меньше купцов считали необходимым «притворяться», и тем больше из них предпочитали старообрядческую молельную единоверческой церкви.

Но никогда не прекращались попытки «уговорить» раскольников обратиться к единоверию. В летописи Казанского Собора за 1884 г. сказано: «Октября 28 и 29 числа в г. Сызрани происходили замечательные беседы единоверческого священника сего города О. Кирилла Онуфриева...о существенных свойствах и принадлежностях истиной церкви...» [13, л. 21]. В номере №67 «Сызранского листка объявлений» от 29 сентября 1889 видна все та же тенденция: «Беседы со старообрядцами в Единоверческой церкви начнутся 1-го Октября и будут происходить в воскресные и праздничные дни с 4 часов пополудни» [15]. Эти «увещевания» являются неизменным доказательством изменившейся политики со стороны государства, на что непременно реагировала местная власть и церковь, когда обыски и аресты заменились на «беседы».

Однако будет ошибочным сказать, что политика веротерпимости совсем не работала. Мы видим, как постепенно, ко второй половине XIX в., отношения раскольников к официальной церкви меняется. Уже 28 февраля 1869 г. в отчете симбирского отделения МВД сообщалось: «Прекращение преследования раскольников за мнения их о вере колеблет убеждение раскольников в возможности спасения. Многие из пожилых раскольников, видавшие прежнее стеснение последователей раскольнических толков, и полагавшие в страдании за веру путь к спасению видя теперь значительную свободу в отправлении обрядов, стали высказывать сомнение, чтобы и в их вере можно было найти спасение» [12, л. 66]. С этим абсолютно можно согласиться, ведь преследования и запреты всегда воспринимались старообрядцами как путь к Спасению, идеей которого пронизана вся их психология, когда лишения, боль и борьба являлись неотъемлемым способом вернуться к Богу. Концепция веротерпимости в изменившимся мире, когда жизнь старообрядческого общества становилась все более свободной, подрывала идею личной ответственности не только за судьбу своей души, но и за судьбу всего христианского мира, заключающейся в противопоставлении незыблемости своего быта изменяемости окружающего мира. Это противостояние постепенно теряло свой смысл, а следовательно, не за что становилось страдать, не с кем бороться, что означало несостоятельность такого пути к Спасению.

Таким образом, политика сначала жестокого преследования, а затем веротерпимости, не всегда реализовывались на практике должным образом, что создавало определенные сложности в диалоге между центральной властью и властью на местах. Но все же что то, что другое, несомненно, оказывало сильное влияние на умы старообрядцев. Первое способствовало, помимо извечной борьбы, сокрытию своего сообщества, более глубокому осмыслению собствен-

ных убеждений и ценностей в рядах старообрядцев. Когда второе скорее приводило к расшатыванию их общинной сплоченности, неуверенности в выбранном ими пути к Богу, а в дальнейшем и к ослаблению их уникальной культурной самобытности.

Список источников

1. Васина Т. А. Старообрядчество и конфессиональная политика в России XVIII–XIX вв. // Культура и веротерпимость: материалы науч. конф. – СПб.: «Акционер и К», 2003. – С. 62–63.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 113. Оп. 1. Д. 334.
3. ГАУО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 509.
4. Екатерина II. Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения. – М., 1767. – 156 с.
5. Закон Российской империи № 2996 «О переписи раскольников..., и о положении на них окладов против настоящего платежа вдвое» от 18.02.1716 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е. Т. 5. – 1830. – 780 с.
6. Закон Российской империи № 19621 «О дозволении старообрядцам строить церкви» от 27.10.1800 г. // ПСЗРИ. Собрание 1-е. Т. 26. – 1830. – 875 с.
7. Платон (Левшин Петр Егорович). Увещание во утверждение истины. – СПб.: Тип. при Синоде, 1766. – 282 с.
8. Русское православие: вехи истории / Я. Н. Щапов, А. М. Сахаров, А. А. Зимин и др. – М.: Политиздат, 1989. – 719 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 195. Д. 4.
10. РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Д. 6.
11. РГИА. Ф. 1284. Оп. 213. Д. 232.
12. РГИА. Ф. 1284. Оп. 217. Д. 49.
13. Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (СФ ЦГАСО). Ф. 35. Оп. 1. Д. 7.
14. СФ ЦГАСО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 6.
15. Сызранский листок объявлений. № 67. 27.09.1889.

Сведения об авторе

Куркина Наталья Викторовна – магистрант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: spbpro2911@gmail.com

УДК 172.4
ГРНТИ 02.91.09

Философская модернизация представлений о мире и войне: от премодерна к модерну

А. Д. МАРКИТАНТОВ

В статье анализируется исторический процесс развития философского и религиозного дискурсов о специфических общественных состояниях, соответствующих миру и войне. Поскольку эти явления представляются взаимозависимыми, то состояние мира преимущественно рассматривается «апофатически», то есть от понятия «война». Фиксируется парадигмальное изменение рассматриваемых представлений, соответствующее переходу от премодерна к модерну, следующее из теорий общественного договора, процессов демократизации, секуляризации, а также из результатов промышленной революции.

Ключевые слова: мир, война, премодерн, модерн, постмодерн, демократия, демократизация, техника, техноцентризм, религия.

Дошедшие до нас сведения об учении Гераклита позволяют рассматривать их как «каноничный» пример раннеантичных представлений о войне: для Древнего мира чрезвычайно распространённым было понимать «огонь» как первопричину, либо одну из первопричин (зороастризм, миф о Прометее, милетская космогония) и при этом рассматривать войну в качестве ипостаси этой стихии, т. е. как неотменимое, фундаментальное свойство мира. Заметим, что понимание войны как неизбежной «естественности» представляется весьма распространённым даже сегодня. Гераклит также известен как создатель первой диалектики, и война как «отец всех» [Жилин, с. 15], в рамках широкого понимания процесса столкновения противоположностей, очевидно, включалась им в специфический контекст, рассматривалась как причина социального движения и претворения истины, то есть как процесс, осуществляющийся не только в большом историческом измерении, но и на «микроуровне» – «всё порождаемо в соответствии с Рознью» [Там же].

В этом онтологическом смысле во многих традиционных религиях война понимается схожим образом, однако она при этом получает, конечно, уникальную интерпретацию и контекст – рассматривается как следствие искажённости, испорченности мира (гностицизм) или человека (христианство), и при этом может обретать, особенно в рамках специфических интерпретаций, некие «благородные» формы, оправдательную аргументацию в рамках своего понимания справедливости (как война против «неверных», язычников или еретиков). Хотя в дискурсе авраамических религий конфликт зачастую не онтологизируется как положительное явление, или хотя бы необходимое – разумеется, именно состояние «мира» рассматривается как «искомое», – тем не менее, для осуществления этого «снятия» требуется «возвращение к Богу», «перерождение мира», то есть, война всё же понимается естественным состоянием для «земного» существования. В данном случае не рассматриваются новейшие формы религии, такие как «нью-эйдж» (от англ. – New Age), те, которые являются последствием того, что социолог П. Бергер назвал «десекуляризацией» [Карпов], и вокруг которых Д. Капуто строит свою теорию «слабой теологии» [Коначева], однако заметим, что война и мир могут концептуализироваться в них совершенно отличным образом – испытывая сильные влияния модернистского и постмодернистского дискурсов.

Однако, конечно, нельзя утверждать, что в культуре премодерна не существовало или не могло существовать иных представлений о войне и мире, которые можно было бы назвать «пацифистскими» или, напротив, «милитаристскими». Известны миролюбивые позиции китайского мыслителя Мо-цзы, римских стоиков (Сенека, М. Аврелий), а также чрезвычайно широкая традиция «христианского пацифизма» [Немыкин], выразителями которой были не только многочисленные мыслители и богословы (Боэций, П. Хельчицкий, Э. Роттердамский), но и целые общественно-политические христианские движения (мирное крыло анабаптистов, квакеры [Галкина]).

Можно попытаться сформулировать некую общую позицию премодерна в отношении мира и войны, которая учитывала бы не только широкую историческую практику, но также наиболее распространённое представление о ней, и, вероятно, такую позицию можно назвать «стоической», то есть не предполагающей «чрезмерного усердия» ни в войне, ни в мире, потому нет ничего удивительного, что война была неотъемлемой частью предшествовавших эпох [Попов].

Если война «естественна», то поддержание мира требует неких «неестественных» общественных трансформаций: технологических, институциональных, крайне масштабных, нередко революционных. Сегодня проблемы войны и мира изучаются в уже многократно трансформированных обществах: социологией, политологией, конфлитологией, психологией, философией. Проводятся исследования с применением теории игр для определения наиболее прагматичных, «эффективных» стратегий политического действия, исследуются разнообразные парадоксальные ситуации, возникающие в ходе политической практики («дилемма безопастности», «ловушка Гоббса»). При этом многие из современных проблем политики, конечно, были актуальны для премодерна. Так, уже Фукидид, анализируя причины Пелопоннесской войны, рассматривает в качестве таковых «страх и недоверие» [fear and distrust], помимо других факторов, таких как «жадность и честь» [greed and honor] [Daron, Wolitzky, pp. 1350–1351].

Одна же из фундаментальных и наиболее очевидных причин «неискоренимости» политического насилия заключается в том, что если один актор вознамерился осуществить свою волю с помощью насилия, то его, конечно, в какой-то момент уже невозможно остановить без насилия. Потому исторические личности и институты, даже руководствовавшиеся стремлением к миру, не могли игнорировать войну, вследствие чего обретали некую двойственность, противоречивость. Так М. Аврелий вёл, как минимум, две крупных войны – войну с Парфией (162–166 гг.), Маркоманскую войну (166–180 гг.), – а Второй Латеранский собор в XII в. «под страхом анафемы» запретил использовать «смертоносное и ненавистное Богу искусство [deadly and God-detested art] арбалетчиков и лучников против христиан и католиков» [Schroeder, p. 213]. Можно было бы посчитать, что решение католической церкви является лишь проявлением гуманности, если бы не конкретизирующее дополнение в диспозиции – «против христиан и католиков». В то же время решение представляется прагматичным: если христианские институты откажутся применять насилие, то, поскольку они не существуют сами по себе, они неизбежно исчезнут по воле тех политических акторов, которые не станут «обременять» себя такими обязательствами, и, таким образом, «дело мира», за которое католическая церковь, допустим, выступает, также окажется недостижимым. В последствии возникнет широкая историческая тенденция по разработке таких обществ, институтов и технических средств, которые бы не позволили даже возникнуть такому намерению – осуществить что-либо с помощью насилия, – это становится одной из причин появления тоталитарных государств и общества контроля [Агамбен].

Война премодерна отличалась от «модернистской», и тем более «постмодернистской», не только технологически (меч вместо винтовки) и формально, стилистически (богато украшенные доспехи вместо камуфляжа), но также телеологически (по своим целям), этиологически (по причинам), нормативно (по правилам) и социально (по структуре). Формирование национальных государств, политической нации, «народа» в современном понимании этого слова, возникновение принципа суверенитета и равенства государств, а следовательно разделения на внешнюю и внутреннюю политику – всего того, без чего невозможно себе представить ни один современный конфликт, – началось в Европе лишь после установления Вестфальской системы международных отношений, т. е. в середине XVII в. В последствии беспрестанно модернизировались военные системы призыва, мобилизации, отбора и обучения. В 1705 г. Пётр I «имплементирует» рекрутскую повинность, реформируя уже существовавший способ комплектования, в 1874 г. в Российской империи вводится всеобщая воинская повинность, что стало возможным благодаря отмене крепостного права (1861 г.) – все эти изменения соответствуют европейским тенденциям, так во Франции массовая мобилизация реализуется (фр. – levée en masse) в 1793 г. во время революции, что позднее позволит Наполеону создать свою «Grande Armée», по поводу которой французский генерал М.-С. Фуа скажет: «Нация стала армией, а армия – нацией» [Foy].

Чем более усложнялись общества, тем более усложнялась война, которую они вели, и тем более усложнялось философское осмысление, неизбежно включавшееся в контекст актуальной политической и социальной мысли. В самом широком смысле процесс «демократизации» войны, её социальное «расширение» можно считать тенденцией модерна, и в этом свете, вероятно, дополнительное измерение приобретает само понятие «демократия», политический режим, ставший наиболее распространённым в последние века. Началом модерна зачастую считают эпоху Просвещения, особенное время в том числе и для политической теории: кризис концепции власти как источника божественной воли приводит к формированию либерализма и других политических представлений, в которых божественная воля зачастую «подменяется» народной, и потому эти представления развивались в связке с «национализмом», который уже позднее начнёт отделяться от классического либерализма в XIX–XX вв. Таким образом, для понимания войны и мира в эпоху Просвещения стоит рассматривать тех мыслителей, кто разрабатывал наиболее влиятельные политические концепты того времени: Ш.Л. Монтескьё (либерализм, разделение властей), Д. Локк (либерализм, естественное право, теория общественного договора), Ж.-Ж. Руссо (прямая демократия, народный суверенитет, общенародная воля), Т. Гоббс (абсолютная монархия, теория общественного договора, правовой позитивизм) и др.

Т. Гоббс использует определение «война всех против всех» для описания «естественного состояния» – ради общего блага оно ограничивается сувереном, чья воля может быть выше божественной воли [Дмитриев]. Теория общественного договора, интегрируясь в модернистскую теорию прогресса, обуславливает специфическое «конструктивистское» понимание общественно-политического

мира, иногда даже антропологии. Французский материалист Ж.-О. Ламетри уже в середине XVIII в. создал работу со столь современным заглавием – «Человек-машина». Поскольку божественная воля уже не ставится выше общего блага, то теоретики Просвещения, фактически, начинают создавать не только политические формы, социальные механизмы, подходящие для его «добычи», но также пересматривают понимание самого блага, то есть целенаправленно расширяют границы общественной нормы (Вольтер, Маркиз де Сад, философия либертинизма), впоследствии война получает новое обоснование и содержание – как революционная. Конечно, в тех или иных формах она существовала в древности (восстание Спартака в 73–71 гг. до н. э.), однако именно в эпоху модерна революции не только становятся постоянными «спутниками» политического процесса, но также совершаются «снизу» и при этом приводят к радикальным долговременным общественным переменам, хотя и не всегда позитивным. Отчасти вследствие этой «революционности», в эпоху Просвещения происходит рассвет социального утопизма, построение политических концептов, претворение в жизнь которых привело бы к установлению «вечного мира». Так, герцог М. Б. Сюлли и аббат Ш. Сен-Пьер, фактически, разрабатывают одну из первых теорий «управляемой» глобализации. В последствии ей заинтересуется Ж.-Ж. Руссо и даже опубликует её краткое изложение – «Сокращение проекта Вечного мира». Отдельное явление представляют собой социалисты-утописты Нового времени: Ж. Мелье, Л. Сен-Жюст, Ф. Буассель и др.

В то же время заочный спор о мире и войне возник между виднейшими представителями классической немецкой философии – Г. Гегелем и И. Кантом. Используя для анализа истории свой диалектический подход, Г. Гегель рассматривал войну не только как естественное явление, но также как необходимое, даже с «нравственной» точки зрения [Зоткин, с. 27]. При этом И. Кант, напротив, до определённого времени, понимал войну в качестве преходящего, временного феномена, уповая на прогресс человеческого разума, чему посвящена его работа «К вечному миру» (1795 г.). Впоследствии, уже в «Метафизике нравов» (1797 г.), И. Кант занимает значительно более скептическую позицию, утверждая, что «вечный мир есть, разумеется, неосуществимая идея», однако при этом постулирует необходимость беспрестанного стремления к миру, в том числе понимает это стремление как «цель всего международного права».

Модерн развивался постепенно, и, хотя, по выражению М. Хайдеггера, «ядерная бомба взорвалась уже в поэме Парменида» [Братина, с. 147], некоторые сущностные представления о войне довольно долго оставались относительно «статичными», так, в эпоху И. Канта и Г. Гегеля, в том числе для них самих, война всё же велась между народами или хотя бы между фигурами, наделёнными властью, и зачастую представлялась естественным неустранимым свойством общественного мира или хотя бы определённого исторического периода. Одной из основных характеристик уже «состоявшегося» модерна XIX–XX вв., модерна «в зените», можно считать политизацию (искусства, философии, даже повседневности). Уже в рамках этой политизации возникает «требование интенсификации», оно следует из модернистского дискурса, в котором скорость нередко

становится отражением «степени рациональности», которая достигается обществом, развившим «неотступную страсть к материи». Эта «спешка» видна в модернистском искусстве (Ф. Т. Маринетти, Л. М. Лисицкий), в архитектуре, которая стремилась избавиться от непрактичных излишеств, и, конечно же, в многочисленных философско-политических концептах, которые предполагают «мобилизацию масс» для радикального переустройства не только повседневности или производства, но также и человеческой природы – например, космизм Н. Ф. Фёдорова. Особое значение также приобретает оппозиция между «бездельем», с которым часто начинают соотноситься, например, «аристократические» художественные «изыски», а также религиозная деятельность, и «трудом», непременно практичной, «осознанной» деятельностью, которая «освобождает», являясь «сущностью человека» [Маркс К., Энгельс Ф., с. 581]. Эта «невротизирующая» ситуация вынуждает модернистских философов иногда даже в некой «экзальтированной» манере устанавливать политизированные различения, предполагающие антагонистические силовые отношения (бинарные оппозиции): мораль рабов и господ у Ф. Ницше, деятельность капиталистов и пролетариев у К. Маркса. Эти оппозиции включаются в широкий нормативный дискурс, который, можно сказать, образует политизированные нормативные бинарные оппозиции, к которым относится это «требование интенсификации», противопоставляемое «требованию подрыва научно-технического прогресса».

Одно из наиболее масштабных и вместе с тем влиятельных переосмыслений войны в XIX–XX вв. происходит в рамках коммунистической философии. К. Маркс и Ф. Энгельс интерпретируют войну не как борьбу народов, но как борьбу классов, в рамках которой каждая конкретная война может быть понята, в первую очередь, либо как «империалистическая», либо как «освободительная», «пролетарская». Сама война начинает пониматься как исторический «симптом» капитализма, одна из форм «издержки» существующей формации. При этом коммунизм до некоторой степени понимается как возврат к изначальному состоянию – до государства, семьи, частной собственности. Однако этот возврат на новом витке может состояться лишь как своеобразное «изъятие» прошлого, того естественного «гармоничного» состояния, и помещение его в пространство в высшей степени технологическое, т. е. этот «первобытный коммунизм» соотносится с «подлинным» коммунизмом так же, как симметричный парк возле шато соотносится с «дремучим» сосновым бором.

Несмотря на то, что модерн, очевидно, имеет в своём основании также некий культ индивидуальности и независимости, что выражается, например, в теории М. Штирнера, а также характерно для виднейших мыслителей эпохи Просвещения, он тем не менее «заканчивается» массовым обществом, где субъект нередко становится «объектом» тоталитарной власти или индустриальной войны.

«…Ницше уже метафизически понимал, – что новоевропейская «механическая экономика», сплошной машинообразный расчет всякого действия и планирования, в своей безусловной форме требует нового человечества, выходящего за пределы прежнего человека» [Павленко, с. 74].

Рассмотренная тенденция «демократизации», очевидно, привела к «расширению» войны не только в социальном и формальном смыслах, но также, что закономерно, в фактическом, буквальном. Сформировавшись в ходе первого общеевропейского конфликта – Тридцатилетней войны, – она уже в XX в. стала, вероятно, одной из причин возникновения двух мировых войн, конфликтов невиданного прежде масштаба. Среди многих других причин этой «масштабности» выделяется также техника, поскольку технический прогресс приводит к интенсификации тех практических задач, которые субъект закладывает в технику. Таким образом, «тень» легла на ключевые понятия модерна, вокруг которых строились его политические теории. Впоследствии это привело к появлению «новой политики», формированию наднациональных международных институтов (Лига Наций, затем ООН, ВТО и пр.) и, разумеется, к масштабной философской работе по переосмыслению модернистских оснований, в которой приняли участие в той или иной мере самые разнообразные мыслители современности (Х. Аренд, Д. Агамбен, Р. Генон и пр.). Уже в середине XX в. многие заговорили о растущем пессимизме в отношении технического прогресса и даже научной деятельности – это нередко стали рассматривать в качестве одной из характеристик постмодерна. Казалось, новые философские проекты представляют собой начало эрозии прежних представлений, однако, по крайней мере по убеждению Ю. Хабермаса, снятия модернистской парадигмы не состоялось [Hutcheon, p. 186].

Отечественный исследователь А. Павлов в статье «Послесовременность войны» выделил три основных теоретических дискурса, в рамках которых осуществляется современное осмысление феномена войны – это, во-первых, попытка реактуализировать военную мысль К. фон Клаузевица, во-вторых, теория «справедливой войны» (преимущественно этическая теория), и, в-третьих, дискуссии о «новых войнах». Можно сказать, что такая характеристика косвенно подтверждает позицию Ю. Хабермаса, поскольку современный дискурс о войне преимущественно наследует парадигму модерна, рассматривая войну как явление народное и промышленное, при этом иногда в дискуссиях о «новых войнах» реализуются некоторые «постмодернистские» представления, которые зачастую связываются с понятием «информация».

Список источников

1. Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с итал.: И. Левина, О. Дубицкая, П. Соколов, М. Велижев, С. Козлов. – М.: «Европа», 2011. – 256 с.

2. Братина О. А., Марков А. В. «Оппенгеймер» К. Нолана: поэтика и риторика поступка // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2023. – № 4 – С. 142–151. EDN: CZPTVX

3. Галкина Е. В. Американские квакеры и их пацифистская деятельность // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 3. – С. 52–57. EDN: WXFLPX

4. Дмитриев Т. Политическая теология в «Левиафане» Томаса Гоббса // Социологическое обозрение – 2018. – Т. 17. – № 3. – С. 58–89. EDN: VLVIAI

5. Жилин В. И. Война как средство утверждения истины и справедливости: Гераклит // Logos et Praxis. – 2015. – № 2. – С. 13–18. EDN: UJWDKF

6. Зоткин А. А. Гегелевская критика вечного мира И. Канта // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2011. – № 3. – С. 40–51. EDN: OOWYXR

7. Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – Т. 30. – № 2. – С. 114–164. EDN: PIHQFX

8. Коначева С. «Бог без суверенитета» и «священная анархия» царства: «слабая» теология как теополитический проект // Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21. – № 2. – С. 214–229. EDN: WHAUDT

9. Маркс К. Энгельс Ф. Карл Маркс и Фридрих Энгельс – Из ранних произведений (Содержит «Экономическо-философские рукописи 1844 г.») / Сборник подготовлен Брушлинским В. К., Крыловым Б. А., Познером В. М., Прейсом И. И. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 689 с.

10. Немыкин А. Пацифизм в раннем христианстве // Философия права. – 2009. – № 5. – С. 112–116. EDN: KWSNZB

11. Павленко А. Н. Мартин Хайдеггер: сущность современной техники // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2003. – № 1. – С. 67–75. EDN: IIYZKT

12. Попов Д. С. Критика Ж.-П. Сартром стоицизма как воинской моральной философии в «Дневниках странной войны» // Манускрипт. – 2019. – Т. 12. – № 9. – С. 76–80. EDN: YDUSTE

13. Daron A., Wolitzky A. Cycles of Conflict: An Economic Model // American Economic Review. – 2014. – 104, no. 4. – Pp. 1350–1367.

14. Foy M.-S. Histoire de la guerre de la Péninsule sous Napoléon. – Baudouin frères, 1827. – T. 1, 422 p.

15. Hutcheon L. Incredulity toward Metanarrative: Negotiating Postmodernism and Feminisms // Collaboration in the Feminine: Writings on Women and Culture from Tessera. Ed. Barbara Godard. Toronto: Second Story. – 1994. – Pp. 186–192.

16. Schroeder H. J., Disciplinary Decrees of the General Councils: Text, Translation and Commentary. – St. Louis: B. Herder, 1937. – 669 p.

Сведения об авторе

Маркитантов Артём Дмитриевич – аспирант кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-2178-0480, e-mail: periovemadastra@mail.ru

УДК 291.11
ГРНТИ 02.71

Трансформация понятия «радикальное» в индифферентном сознании

Н. В. МИРОНОВА

В данной статье рассматриваются проблемы религиозного индифферентизма и его функционирования в современном мире и в российском обществе. Социальные и духовные процессы, сопровождающие трансформации религиозного сознания, становятся причиной необходимости анализа явления религиозного индифферентизма. Прослеживается, как меняется смысл понятия радикального в зависимости от степени индифферентности по отношению к религии, какое содержание вбирает в себя это понятие в разных формах и проявлениях индифферентизма.

Ключевые слова: индифферентизм, религиозность, радикальное, трансформации религиозного сознания.

Индифферентизм по отношению к религии представляет собой распространённое явление. Встроенность вопроса об индифферентизме по отношению к религии в современные богословские и философские дискуссии в России подтверждает актуальность его изучения.

Индифферентизм по отношению к религии

В социологии религии индифферентизм может определяться как отношение человека или массы людей к религии, характеризующийся ослаблением или утратой живой религиозной веры, интереса к религиозным верованиям, не переходящим в атеизм [3]. Теологические трактовки религиозного индифферентизма довольно сильно варьируются в зависимости от традиции. Так, например, в христианской и исламской традициях религиозный индифферентизм в значительно большей степени понимается как следствие личной духовной энтропии, нежели в традициях иудейской или буддистской. В Откровении Иоанна Богослова говорится: «Знаю твои дела; ты не холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3: 15–16) [1]. При этом в иудаизме гораздо ярче видно воздействие принципа общественного детерминизма на отношение к религиозной индифферентности: последняя является исторической силой, способной влиять на бытие мира через коллективный выбор народа.

Индифферентизм по отношению к религии как модулятор страха перед любой формой радикального

Религиозный индифферентизм может иметь разные исходные пункты, точки опоры и проходить путь своего становления и укрепления в разных культурных и социальных условиях. Человек в процессе своего психического и духовного развития воспринимает ценностные установки и посредством рефлексии над ними даёт ценностные ответы. Так, утрата интереса к религии вполне может иметь природу ценностного ответа. Однако встраивая свой ответ в общую мировоззренческую картину, человек уже через него начинает воспринимать и природу других ценностных явлений, в том числе и явлений внешнего мира. В этом смысле религиозный индифферентизм может выступать в качестве модулятора страха перед любой формой радикального.

Для индифферентного по отношению к религии сознания радикальное есть нечто, лишённое смыслового ядра. Явление индифферентизма не может включить в себя возможность степенного развития той или иной религиозной или антирелигиозной установки. Вопрос о вере сознательно не решается ни в одну сторону, следовательно, о степени интенсивности веры или неверия также не может быть речи. Здесь возникает некий парадокс. С одной стороны, отказавшись от выбора между верой и неверием, индифферентный по отношению к религии человек отказывается и от всего, что связано с историей напряженного развития сознания в направлении религиозного самоопределения. С другой же стороны, он продолжает существовать в социально-культурной среде, сталкиваясь с явлениями, рожденными религиозным и антирелигиозным сознаниями. Эти явления требуют ответа, и индифферентизм как отказ от выбора активирует механизм наделения религиозных установок сознания статусом «радикального». Будучи

само в себе лишённым чётких контрастов, явление индифферентизма по отношению к религии способно вызывать это «радикальное» к жизни. И здесь индифферентизм даёт ответ на требование выбора в виде страха перед любыми формами радикального: страха перед собственным небытием, потому что существование самого индифферентного по отношению к религии сознания невозможно перед лицом принятия радикальной позиции. Так, индифферентное может явить радикальное, а страх перед этим радикальным, в свою очередь, становится необходимым условием самосохранения индифферентного.

Радикальное в религиозном и индифферентном по отношению к религии сознаниях

Содержание понятия радикального различно в зависимости от того, о какой мировоззренческой установке идёт речь.

Религиозное сознание может наделять радикальное как ценностно положительными, так и ценностно отрицательными характеристиками. Для индифферентного по отношению к религии сознания радикальное неизбежно отрицательно. Так, например, аскетические подвиги во многих религиозных традициях являются показателем любви к Богу и миру, т. е. оцениваются положительно, не теряя при этом статуса радикальных. Религиозное сознание вполне однозначно может трактовать тот или иной поступок как греховный (душепагубный, вредящий карме и т. д.), не допуская внутреннего компромисса. Это недопущение может распространяться на окружающую реальность, так как, по выражению Э. Кассирера, человек всегда склонен рассматривать свое ближайшее окружение как центр мироздания и превращать свою отдельную частную жизнь в образец для всей вселенной [2]. Здесь мы можем говорить о механизме превращения радикального (в значении однозначного и бескомпромиссного) в образец религиозной нормы. Индифферентное по отношению к религии сознание не заключает в себе этого механизма: отказ от выбора между верой и неверием лишает любое абсолютное решение статуса нормы. И если для религиозного сознания формула «радикальное равно норма» в определённых случаях может быть применимой, то для индифферентного сознания она перестает работать однозначно.

Индифферентизм по отношению к религии может выступать как радикальное для религиозного сознания. Только здесь содержание понятия радикального значительно видоизменяется. Происходит коренной разворот. Вера и неверие понимаются как естественный акт выбора, а сам выбор – как органичный этап становления духа (духовного существа). В таком случае отказ от выбора становится волевым актом. Он принимает форму радикального в том самом отрицательном значении, в котором религиозный индифферентизм понимает конкретное религиозное или антирелигиозное самоопределение.

Внутри различных религиозных традиций также возможны варианты дифференцированной индифферентности. Они могут быть проявлены в догматической сфере, обрядовой и ритуальной практиках, религиозном мифе. Под дифференцированной индифферентностью следует понимать сознательный отказ от более локального выбора внутри традиции. Таковы, например, природа

безразличного отношения к ритуалам празднества при почитании самого религиозного праздника, невнимание к элементам молитвенной практики при осознании необходимости богослужения и т. д. Но дифференцированная индифферентность внутри религиозной традиции, как правило, в гораздо меньшей степени указывает на радикальность, оставаясь в общей системе взаимоотношений религиозного сознания с религиозным индифферентизмом как цельным явлением.

Тема индифферентизма по отношению к религии обычно поднимается в контексте вопроса о религиозной самоидентичности, но за пределами исследовательского зрения часто остаются проблемы соотнесения индифферентизма и радикальных форм религиозности. Зачастую они просто противопоставляются друг другу. На наш взгляд, существует тесная органическая связь между индифферентным по отношению к религии сознанием и религиозностью, между духовным контекстом и социальным содержанием религиозного, антирелигиозного и индифферентного по отношению к религии сознаний.

Список источников

1. Библия: современный перевод библейских текстов. – М.: [б. и.], 2000. – 1150 с.

2. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – 783 с.

3. Каргина И. Г. Современный религиозный плюрализм: теоретико-социологический анализ [Текст]: дис. … д-ра соц. наук: 22.00.01. – М., 2015. – 405 с.

4. Энциклопедический словарь социологии религии / Смирнов М. Ю., ред. – СПб.: Платоновское философское общество, 2017. – 506 с.

5. Харт, Дэвид Бентли. Красота бесконечного: эстетика христианской истины. – М.: Издательство ББИ, 2022. – 673 с.

Сведения об авторе

Миронова Наталья Владимировна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, e-mail: stprostaya@gmail.com

УДК 316.733
ГРНТИ 13.11.44

Культура коллективной памяти в контексте национальной идентичности

Е. М. МИРОШНИКОВА

В статье рассматриваются аспекты коллективной памяти в процессе сохранения национальной идентичности. Среди признаков национальной идентичности пространство и время занимают особое место, поскольку одной из характеристик культуры является ее понимание как «негенетической» памяти коллектива. Язык, будучи в самом широком смысле слова носителем культурных ценностей и идентичности не только объединяет людей, но и помогает им осмысливать историю. Обращается внимание на символическое значение культуры коллективной памяти на примере романа Толстого «Война и мир» и Памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы». Национализация национальной идентичности представляет собой серьезную проблему, приобретающую специфические черты на международном уровне.

Ключевые слова: культура, коллективная память, идентичность, забвение, Великая Отечественная война, анамнесис.

В год 80-летия Великой Победы проблема сохранения национальной идентичности, будучи одним из типов социальной идентичности, приобретает особое звучание. Между тем, справедливо замечено, что «на практике не существует отчетливо заданного набора признаков для определения или формирования национальной идентичности, на основе которых гарантировался бы единообразный алгоритм возникновения национальных движений, современных наций и национальных государств» [Туаева, 291]. Тем не менее феномен войны следует, несомненно, отнести к основным признакам формирования и сохранения национальной идентичности. Победа в Великой Отечественной войне придает нашей национальной идентичности достоинство, сочетающее в себе нравственное и мировоззренческое начала. Огромная роль в унаследовании этого достоинства каждым отдельным гражданином как части национальной идентичности принадлежит коллективной памяти. Одной их характерных особенностей русской культуры является ее дуальность, парадоксально сочетая в себе максимализм и минимализм. «Максимализм этот мы связываем с византийско-христианскими истоками русской культуры, которые придали ей устремление к достижению нравственно-религиозного совершенства, оставляющего тени, где-то на второстепенном плане, сознание о необходимости будничной, планомерной и всегда неизбежно ограниченной культурной “работы”»[1].

Имеем ли мы право винить нынешнее молодое поколение за незнание, например, тех или иных событий и героев Великой Отечественной войны? Или же стоит признать непонимание значимости той самой будничной и планомерной работы по передачи памяти о далекой теперь истории? Культура, как явление социальное, по природе своей является и коммуникацией, и символом. Вот почему в культуре коллективной памяти важнейшую роль приобретает язык. Он как носитель культурных ценностей и идентичности не только объединяет людей, но и помогает им осмысливать историю. В этой связи очень важны замечания отечественного культуролога Ю. Лотмана о языке в самом широком смысле слова, включающем не только письменные, но и архитектурные, визуальные, ритуальные артефакты, создающие в конечном счете феномен семиосферы, столь необходимой для понимания прошлого. В этом отношении непосредственно среди литературных памятников Ю. Лотман выделял роман Л. Н. Толстого «Война и мир» как выражение национальной идентичности. Следуя идее о значимости языка в культуре коллективной памяти, отметим, что Толстой обращал особое внимание на, казалось бы, детали в сравнении с грандиозным повествованием той эпохи. Речь идет о различии в толковании слова «мир», в том числе выражении его в славянской традиции как «миръ» и «міръ». Міръ – это сообщество, коллектив, общность народов, всего человечества, люди. Миръ – отсутствие войны, не война. Окончательный вариант знаменитого романа назывался «Война и міръ». Однако с течением времени и исторических событий слово

[1] Шмеман А. Судьба России и ее культуры всегда решалась на верхах [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravmir.ru/protopresviter-aleksandr-shmeman-sudba-rossii-i-ee-kulturyi-pochti-vsegda-reshalasna-verhah/ (дата обращения: 15.03.2025).

«міръ» было заменено на известный ныне вариант орфографии. В иностранных переводах употребляется понятие, обозначающее отсутствие войны, а не сообщество людей (Krieg und Frieden, War and Peace). При этом мы потеряли один из многочисленных вариантов культурного кода национальной идентичности, улетучился первоначальный смысл, вкладываемый писателем, считавшим, что «вся история человечества с тех пор, как мы знаем её, есть движение человечества всё к большему и большему единению. Единение это совершается самыми разнообразными средствами, и служат ему не только те, которые работают для него, но даже те, которые противятся ему» [Толстой, с. 17].

Тем самым явственно выступает необходимость серьезной работы по повышению уровня культуры коллективной памяти. В этом отношении объяснение значений символов, их понимания и переживания приобретают все большее значение. За давностью прошедших лет забвение этих символов может значительно снизить, а то и вовсе уничтожить глубокий смысл самого события и культурной традиции, в ней заложенного. Например, в романе «Война и мир» есть совсем небольшой эпизод боя, центральной фигурой которого Толстой делает офицера, ведущего своих солдат в сражение с парадной шпагой в руках. Парадная шпага чаще всего как часть обмундирования в 1812 г. являла собой красивое и дорогое оружие. Ее общая длина составляла 97 см, а вес вместе с ножнами 1,3 кг. Ее реальное применение в Бородинском сражении, ставшим местом самой масштабной для того времени артиллерийской дуэли, практически бесполезно. Но Толстой специально обращает наше внимание на эту маленькую деталь, обладающую большим смыслом, поскольку шпага (меч) – это символ воинской доблести, власти и чести. Язык коллективной памяти позволяет расшифровывать символы определенной эпохи и ее культуры. «Культура всегда подразумевает сохранение предшествующего опыта. Более того, одно из важнейших определений культуры характеризует ее как «негенетическую» память коллектива. Культура есть память… Поэтому же культура всегда, с одной стороны, – определенное количество унаследованных текстов, а с другой – унаследованных символов» [Лотман, с. 8]. Негенетическая память означает неизбежность забвения при передаче культурных традиций от одного поколения другому (культурной памяти). Вот почему неразрывность времени и пространства составляют основу национальной идентичности. Место не дает исчезнуть из коллективной памяти факта о том или ином историческом событии. И наоборот, даже в условиях измененного пространства, а то и отсутствия какого-то памятного места время, как история, сохраняет коллективную (культурную) память, укрепляя тем самым национальную идентичность.

В год 80-летия Великой Победы одним из самых узнаваемых символов в публичном пространстве стал памятник «Родина-мать зовет!» на Мамаевом кургане – величественный образ женщины, поднимающей в своей руке меч. Глядя на этот грандиозный монумент, невольно вспоминаешь того офицера на Бородинском поле с парадной шпагой в руке. Примечательно, что конкурс на создание памятника был объявлен еще в 1944 г., а открыт в 1967 г. Одним из многочисленных проектов была, например, высокая колонна со статуей Сталина

на ее вершине. Скульптор Евгений Викторович Вучетич изменил свою же, уже утвержденную концепцию памятника. Предполагалась фигура коленопреклоненного солдата, опускающего меч к ногам Родины-матери. Автор решил, что покуда война не кончилась, меч должен быть высоко в руке. Именно в контексте культуры коллективной памяти надо назвать имя архитектора Якова Борисовича Белопольского. Вместе с Вучетичем они создали памятник Воину-освободителю в Трептов-парке в Берлине. Памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане является одним из важнейших памятников национальной идентичности. И скульптурная группа, и 102-метровый Мамаев курган, и Волга – все это в комплексе создает металандшафт, передающий духовный потенциал памятника. Он не только напоминает о грандиозном сражении, но и рассказывает о людях. Именно через судьбы и истории жизни простых людей познается и, главное, понимается значимость места и времени. По прошествии 80 лет, когда уже практически не осталось непосредственных участников тех событий, история Великой Отечественной войны как существенная часть национальной идентичности из индивидуальных воспоминаний перемещается в коллективную память. И вот тут особенно важно, не просто запомнить, главное, понять. И понять не только разумом, но и прочувствовать, как далась Победа. Специфика коллективной памяти в такой ситуации может наполняться многочисленными мифами и легендами, поэтому особое значение приобретают документальные фото и видеосъемки, биографии конкретных бойцов. Посещение памятных мест, личное переживание являются необходимым элементом культуры коллективной памяти, помогающим нынешнему поколению осознать и прочувствовать свою национальную идентичность. Сталинградская битва – это начало коренного перелома не только в Великой Отечественной войне, но и Второй мировой войны. Самые кровопролитные бои с 13 сентября по 19 ноября 1942 г. до перехода советских войск в наступление проходили на Мамаевом кургане. Ключевую роль в этом сражении сыграла 62 армия под руководством генерала Василия Ивановича Чуйкова. Он прошел всю Великую Отечественную, штурмуя считавшимися неприступными Зееловские высоты, получил звание маршала в 1955 г. Похоронен Генерал Штурм, так его звали в войсках, на Мамаевом кургане. На площади Стоявших насмерть есть центральная скульптура бойца-защитника Сталинграда. Лицо этого солдата – лицо командующего армией Чуйкова. И это тоже символично. Стояли насмерть и генералы, и рядовые, плечом к плечу. В самую критическую ночь обороны с 14 на 15 сентября, когда казалось, что враг сбросит наши войска в Волгу, подразделения 13-й гвардейской дивизии генерал-майора Александра Ивановича Родимцева форсировали реку с левого берега на правый на бронекатерах, лодках, и сразу же пошли в контратаку. Эта атака была настолько дерзкой и неожиданной для противника, что уже 16 сентября удалось отбить Мамаев курган. В этот бой шли совсем еще молодые бойцы. Командирам рот было чуть больше двадцати, а самому генералу Родимцеву 37 лет. Он называл Сталинград второй Родиной. «Пройти через него и выжить – все равно что родиться заново. Там пришлось увидеть такое, чего не было ни раньше, ни

позже»[1]. До сих пор сохранена стена с надписью, сделанной в то драматическое время: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева».

Между тем неоспоримый факт для нашей национальной идентичности, что именно на советско-германском фронте был определен исход Второй мировой, далеко не всеми признан безоговорочно [Edele M]. Лишь в 1963 г. впервые президент США, союзник СССР по антигитлеровской коалиции, Джон Кеннеди признал, что «ни один народ в истории битв не страдал больше, чем Советский Союз во Второй мировой войне»[2]. Примечательно, что в открытом в 2000 г. в Новом Орлеане Музее высадки в Нормандии (D-Day Museum), преобразованном в Национальный музей Второй мировой войны, практически нет отдельного стенда о Восточном фронте. В музее есть несколько постоянных экспозиции: о войне с Японией, об американских сражениях в Европе, об американском военном производстве. Лишь в 2020 г. появилась справка о Восточном фронте [Курилла, с. 50–51]. В связи с этим культура коллективной памяти приобретает особое значение в международном контексте. Очевидно, что в деле сохранения национальной идентичности необходимо избегать опасности национализации коллективной памяти. В этой связи особое звучание приобретает феномен анамнесиса, который «в отличие от более общего понятия памяти, характеризует процесс логического и морального преображения, …учит человека превращать средства вселенской разлуки – пространство, время и инертную материю – в средства единения и гармонии»[3].

Список источников

1. Курилла И. Память о союзнике по Второй мировой войне // Неприкосновенный запас. – 2024. – № 3 (155). – С. 48–59.

2. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство-СПБ, 1994. – 526 с.

3.Толстой Л. Н. Круг чтения. – М.: РГБ 2006, ПСС, Государственное издательство «Художественная литература», 1956. Т. 41.

4. Туаева К. Г. Философские основы национальной идентичности // Вестник университета. – 2014. – № 8. – С. 287–292.

5. Edele M. Who Won the Second World War, and Why Should You Care? Reassessing Stalin’s War 75 Years after Victory // Journal of Strategic Studies. 2020. Vol. 43. № 6–7. P. 1039–1062.

Сведения об авторе

Мирошникова Елена Михайловна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCHID ID: 0000-0002-3612-3016, e-mail: miroshnikovaem@gmail.com

[1] URL: https://stalingrad.vpravda.ru/stati/bessmertnyy-podvig-gvardeycev-rodimceva-181

[2] John F. Kennedy: American University Commencement Address, 10 June 1963 (www.americanrhetoric.com/ speeches/jfkamericanuniversityaddress.html).

[3] Доброхотов А. Анамнесис – корневая мифологема Европы. URL: https://thehumancondition.mmoma.ru/page2487417.html

ГРНТИ 02.41.21
УДК 141.201

Национальная идентичность через призму петроградского авангарда. Художественная практика Петра Митурича

Е. Е. НЕМЕРЧУК

Одним из проявлений национальной идентичности стало искусство русского авангарда. Его философия была близка к идеям соборности и всеединства и отразилась в мировоззрении В. Хлебникова, получив художественное осмысление в творчестве П. Митурича.

Ключевые слова: национальная идентичность, авангард, В. Хлебников, П. Митурич, концепт Единого, пространственные иллюстрации.

Понятие национальной идентичности, которое проявляется в языковой, территориальной, религиозной и т.д. общности, особенным образом отражается и в культуре. При этом одним из важнейших её языков является искусство, и, по верному замечанию М. С. Кагана, выражает «самосознание культуры» [Каган, с. 131].

Искусство русского авангарда, выросшего на национальной почве, при всём его радикализме ментально было чрезвычайно близко к идеям соборности, космизма и всеединства, ставшим популярными в русской философской мысли рубежа XIX–XX вв. и получивших развитие в трудах Н. Ф. Фёдорова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского[1].

Концепт общности кристаллизировался в философии Велимира Хлебникова – важнейшей персоны русского авангарда и одного из основоположников его идеологии. Ключевым положением в его теории стал концепт о слитности категорий времени и пространства: «Пусть на могильной плите прочтут: он боролся с видом и сорвал с себя его тягу. Он не видел различия между человеческим видом и животными видами (...) он связал время с пространством…», пишет Хлебников о себе в 1904 г. [Хлебников, с. 250]. Время и пространство в его понимании были взаимосвязанными и взаимозависимыми категориями, и в какой-то степени Хлебникову удалось предвосхитить открытия А. Эйнштейна.

Основой мироздания в представлении Хлебникова было число: он полагал, что система управляется законами времени, выраженными в формулах, и занимался их поисками на протяжении почти всей своей жизни. «…Язык человека, строение мяса его тела, очередь поколений, стихии войн, строение толп, решетка множества его дел, самое пространство, где он живет, чередование суши и морей – все подчиняется одному и тому же *колебательному закону*», – отмечал великий будетлянин в своих заметках 1920 г. [Дуганов, с. 139].

[1] Идея объединения звучала в трудах мыслителей и философов и ранее, так, Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» описывал «русскую идею» как «живую потребность всеединения человеческого, всеединения уже с полным уважением к национальным личностям» [Достоевский, с. 148].

Еще одним постулатом для Хлебникова стало представление о тождественности таких явлений бытия, как звуки, слова («звукомые числа бытия»), а также все многообразные проявления материального мира. Хлебников смело ставит знак равенства между этими областями, более того, они все одновременно существовали для него в каждом элементе мироздания. Идеи хлебниковского концепта общности получили художественное развитие в творчестве петроградского авангардиста П. Митурича.

П. Митурич знакомится с В. Хлебниковым через В. Татлина в знаменитом сообществе петроградских авангардистов «Квартира №5», членом которого он являлся. Объединение, как и многие другие сообщества того времени, искало новые пути в искусстве, пытаясь увидеть новые характеристики мира. Молодого новатора и бывшего ученика Академии невероятно захватывает визионерство Хлебникова, и он начинает создавать работы, опираясь на «хлебниковское» понимание реальности.

В первую очередь, опыты Митурича были направлены на художественное осмысление поэзии самого Хлебникова. Для иллюстраций его стихов Митурич использует неожиданный формат – он создаёт композиции в виде пространственных объектов, где представляет зрителю самые разнообразные варианты совмещений поверхностей. Митурич работает с пластичным картоном, закручивая его, сгибая или используя сложные пересечения и создавая интересные оптические эффекты. При этом художник сопровождает свои композиции штриховкой и лаконичной абстрактной графикой, а также включает в них тексты стихотворений.

Шрифты органично вписаны в общее решение. В ряде случаев сохранён принцип построчного написания стихотворных строк с четко выделенным названием. В этих работах обращает на себя внимание подчеркнутая аккуратность написания – буквы Митурича мягкие, округлые, почти каллиграфические. Сдержанная эстетика строк транслирует ощущение бережного и уважительного подхода к написанию слова, ведь оно – важнейшая категория в системе представлений Хлебникова.

Так, «Пространственная графика» № 21 на стихотворение Хлебникова «дыть-дуть, сух; вух; слух» решена как ряд диагональных сгибов, пересечениями и вертикальными совмещениями создан объем в «Пространственном плакате» № 42 на стихотворение Н. Асеева «Объявление».

Если принять во внимание, что пространство в представлении Хлебникова мыслилось некой многослойной структурой, соединённой сетью, а иногда и осью времени, то работы Митурича вполне соответствовали этому видению. Сложнохарактерные конструкции можно рассматривать как некие оптические аналоги фрагментарных пространств многомерного мира, объединенного временем. Включение в них текстов символизировало словесную ипостась мира, а абстрактная графика отсылала к звукам мироздания. Приближаясь к хлебниковской концепции тождества всех систем хронотопа, художник сводит воедино звучащие и пластические стихии, объединяя и сопрягая по одному ему понятным ритмическим законам. Стихотворное произведение трактуется им как

единый организм, как некая система, которая имманентна каждому её элементу, будь то слово, пространство или изображение.

Опыт работы с объемными композициями художник переносит и в плоскостную графику. Идея объединения всех категорий бытия в одном образе получает продолжение в графических листах, получивших название «Графические мотивы на поэзию Хлебникова».

Композиции, созданные в плоскости, дублируют предыдущие объемные и представляют собой как бы их проекции. Здесь снова есть абстрактные элементы и пересечения пространств, кроме того, в композиции Митурич вводит силуэтные натурные изображения как аллюзии живого мира. Эти изображения органично сопрягаются с ритмикой абстрактных элементов, придавая работам особую эстетику. В многочисленных вариациях черного и белого художник добивается тончайшего контраста или глубокой нюансировки, графика играет переливами, создавая ощущение тонкой фактуры. Небольшие по размеру рисунки, выполненные в технике туши, удивляют своей элегантностью, оставаясь при этом концептуально в русле сложнейших философских идей русского авангарда.

Интересно, как найденные художественные принципы переносятся из абстрактной графики в предметную. После революции Митурич назначен эмиссаром по делам преподавания рисования в школах Северной коммуны, а также часто навещает свою учительствующую супругу в Новгородской области. В этот период он работает над графическими листами школьной серии: «В школу», «Школа», «Окно», «Дети», «Декоративный мотив с детскими головками» (1918–1919).

При всём том, что в этих работах явственно звучит тема детства, зарисовки детей выглядят довольно смело: их фигурки максимально упрощены и обозначены лишь контурными линиями. Митурич соединяет своих персонажей в единый образ, превращая, по выражению М. Чегодаевой, сюжетные истории в «символы, "знаки" детей» [Чегодаева, с. 131]. Особенно показателен лист «Дети», который выглядит некой раскадровкой сюжета катания на санках, где в одну плоскость сведены пять персонажей, одновременно участвующих в процессе.

Не менее интересными становятся и работы художника в книжной графике, которая также наследует новаторские приёмы художника. Так, рассмотренный подход к созданию единого образа из множества изображений почти буквально повторён в иллюстрациях разворотов и обложки книги Н. Пунина «Сказ грамотным детям».

Художественный язык оформления нот А. Лурье «Рояль в детской» (1920) также пронизан экспериментаторским духом. Интеграция живописи, поэзии, музыки в рамках единого жанра была свойственна культуре авангарда, и Митурич пробует себя в визуальной интерпретации музыкального произведения. Художник работает над серией иллюстраций к музыкальным пьесам, и хотя его синестезийные образы отражают стремление графически прочесть музыкальный образ, тем не менее, ему удаётся интегрировать сюжетику с абстрактно-пространственными изображениями, которые являются безусловными отсылками к единому и неделимому хлебниковскому хронотопу.

В конце 1920-х и 1930-х Митурич работает уже над оформлением советских книг. Содержание этих произведений звучит в унисон с идеологическими установками того времени, воспевая советские идеалы: коллективизм и всеобщее равенство во имя строительства нового общества, а речь идёт всё о том же устойчивом национальном концепте единения.

«Станица в столице» – почти документальный рассказ о том, как советские ребята живут и трудятся на агробиостанции, а их дружный совместный труд приближает их к счастливому будущему. В финальном рисунке Митурич вновь сливает фигуры в общее пятно, обозначая лица только штриховкой.

В 1923 г. П. Митурич приезжает в легендарный ВХУТЕМАС по приглашению ректора В.А. Фаворского. Для обучения рисунку петроградский авангардист создаёт собственный метод, который получает название «сочетательный метод». Главным принципом его становится общность и целостность натуры, обусловленная «сочетательностью» элементов, этот термин Митурич часто упоминал в беседах со студентами. Митурич настаивал на сложном мышлении и требовал его развивать через «единовременный охват множества элементов образа», который «вооружает человека способностью знать лицо мира, усваивать его образ» [Митурич, с. 125].

П. Митурич вырастил целую плеяду учеников, которым привил особый взгляд на искусство в соответствии со своим концептом. Хлебниковская идея, которая утверждала «единство и всеобщую взаимосвязь явлений и фрагментов действительности: природной, социальной, духовной (каковой является искусство), природно-духовной (человеческой)», обрела визуальное воплощение в творчестве П. Митурича и последователей его школы.

Искусство петроградского авангардиста стало проводником сложных философских концептов, соответствующих отечественным ментальным паттернам, а его художественный метод – одним из визуальных кодов, органично вписывающихся в традиции российской национальной идентичности.

Список источников

1. Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 15 т. – Л.: Наука. – Т. 13. – 740 с.
2. Дуганов Р. В. Поэт, история, природа. (К 100-летию со дня рождения В. Хлебникова) // Вопросы литературы. – 1985. – № 10. – С. 135–140.
3. Каган М. С. Философия культуры. – СПб., 1996. – 268 с.
4. Хлебников В. Творения. – М., 1986.
5. Чегодаева М. А. Заповедный мир Митуричей-Хлебниковых: Вера и Пётр. – М.: АГРАФ, 2004. – 405 с.

Сведения об авторе

Немерчук Елена Евгеньевна – доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3323-0879, e-mail: eenemerchuk@gmail.com

УДК 299.4
ГРНТИ 21.15.69

Финно-угорская мифология в войнах, политике и военной эстетике XX–XXI вв.

К. Д. НИКОНОРОВ

В статье исследуются проявления финно-угорской мифологии в военной культуре с начала XX в. до сегодняшнего дня – от завуалированных под мифологические сюжеты политических высказываний в творчестве финских романистов и наименований военной техники независимой Финляндии до финно-угорских язычников в рядах воинских формирований современности.

Ключевые слова: финно-угорская мифология, язычество, неоязычество, Калевала.

В начале XX в. наиболее острая нужда в пропагандистском использовании мифологии очевидно, была на западе финно-угорской ойкумены – молодые нации требовали инструмента для сплочения и национального выражения, коим и стали эпические сказания прошлого еще в середине XIX в., собранные и опубликованные финским лингвистом и врачом Элиасом Лённротос (1802–1884), который сюжетно связал отдельные народные эпические песни и произвёл отбор вариантов этих песен, составив из разрозненных историй стройный эпос[1].

Некоторые следы этого можно заметить еще в период Гражданской войны, когда прозвище Укки Вяйнямейнен взял для себя один из лидеров Карельского восстания – Василий Леонтьевич Левонен.

Финская нация также нуждалась во вдохновляющих и героических мифологических образах. Еще до революции в кругах финской интеллигенции стал появляться запрос на нечто исконное и аутентичное. К этому времени романтизм в Европе почти полностью сошел на нет, почти одновременно с его подъемом в Финляндии. Наиболее ярким представителем финского романтизма является Аксель Галлен-Калелла, чьи работы до сих пор являются одними из наиболее часто используемых иллюстраций для различных изданий Калевалы. По своим политическим взглядам Калелла был сторонником независимости Финляндии и панфинно-угизма (в формате «Великой Финляндии).

Сепаратистские взгляды проявились еще в его фреске «Ильмаринен вспахивает змеиное поле», выполненной для финского павильона на Всемирной выставке 1900 г. в Париже и повторенной при оформлении холла Национального музея в Хельсинки в 1928 г. Большая белая змея на фреске изображена в императорской короне, что в контексте использованного мифологического сюжета и политической обстановки того времени подразумевает необходимость избавления от присутствия «белого царя» на «землях сынов Калевы». В некотором смысле Галлена можно назвать любимым художником Маннергейма, с которым

[1] Из путевых заметок Э. Леннрота – описание северной карельской деревни Ухта. Январь 1835 г. НА РК, История Карелии в документах и материалах (с древнейших времен до начала XX века): учеб. пособие. Петрозаводск, 2000. С. 102–103.

его роднило в том числе происхождение (являясь финским шведом, Галлен видоизменил свою фамилию на финский манер – «Калелла», а затем объединил оба варианта в двойную фамилию). В должности адъютанта Маннергейма Галлен создал в том числе флаг Ухтимской (Карельской) республики, в стилистике «скандинавского креста»[1].

В период, предшествующий Второй Мировой войне, интерес к финно-угорской мифологии не угасал – это проявилось в первую очередь в названиях боевой техники финского военно-морского флота – кораблей типа «Вяйнямёйнен» (было построено два корабля «Вяйнямёйнен» и «Ильмаринен»), минный заградитель «Лоухи», подводные лодки типа «Ветехинен» («Ветехинен», «Весихииси», «Ику-Турсо»)[2]. Кроме того, к карельской мифологии отсылают и некоторые доты линии Маннергейма – «Вяйнямёйнен» и «Ильмаринен».

В самом конце Второй мировой войны из финских участников дивизии СС «Викинг» планировалось создать отдельную, финскую дивизию СС «Калевала», однако проект так и не был реализован.

Интерес представляет также иллюстрация Ангелики Расмус для книги «Finland at War: the Continuation and Lapland Wars 1941–1945»[3] 2016 г., явно отсылающая к фреске Акселя Гаеллена «Защита Сампо», на которой в образе Вяйнямёйнена изображен сам Густав Маннергейм, а на спине ведьмы Лоухи сидят красноармейцы в главе с самим Иосифом Сталиным.

На сегодняшний день как в самой России, так и среди эмигрантов существуют сообщества сепаратистской направленности, ставящие целью отделение тех или иных регионов Российской Федерации, с целью создания независимых государств или присоединения к одному из соседних (проекты «Великой Финляндии»). В контексте данной темы мы будем говорить в первую очередь об организациях, претендующих на связь с финно-угорскими этносами России.

Наиболее явные неоязыческие мотивы заметны среди сепаратистских организаций Карелии (что особо видно примере воющей на стороне ВСУ в составе РДК «Карельской группы "Норд"»/«Karjalan ryhmä "Nord"» – организации, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации) и Ленинградской области/Ингрии.

Существенный интерес к возрождению западно-финской языческой традиции проявляет и телеграмм-канал «Fennoskandia ᛝ Væringjavegr» (организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации). Создатель канала Владислав Олейник проживает в Эстонии и является язычником (хотя относится скорее к псевдоскандинавской традиции). Сообщество формально не является военной-политической организацией, однако аватар со стилизованным изображением Маннергейма, прославление финских военных частей времён Зимней войны, а также этнических финнов в составе войск

[1] Флаги Карелии. URL: https://www.vexillographia.ru/russia/subjects/karelia.htm (дата обращения: 20 мая 2025).

[2] Бойко В. Н. «Подводные лодки Финляндии» 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.simvolika.org/plf.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

[3] Vesa Nenye, Peter Munter, Toni Wirtanen, Chris Birks «Finland at War: the Continuation and Lapland Wars 1941–1945». Osprey Publishing. 2016.

Waffen-SS и близкое сотрудничество с карельскими военизированными сепаратистскими сообществами делают разговор о них уместным в рамках данной темы.

Сепаратистские сообщества, относящие себя к представителям волжских и пермских финно-угорских народов, имеют собственную специфику. В частности, в их риторике доминируют тезисы о насильственной христианизации. Интересно, что подобные претензии почти отсутствуют в риторике карельских и ингерманландских сепаратистов, хотя уровень их христианизации, в первую очередь благодаря деятельности шведских протестантских пасторов, гораздо выше. Это лишний раз подтверждает позицию историка и этнографа Валерия Александровича Тишкова о том, что тезис о насильственной ассимиляции и русификации финно-угорских народов является всего лишь удобным инструментом внешнеполитического давления Эстонии и Финляндии (а также Совета Европы) на Россию[1].

Названные выше этносы в лице марийцев, эрзи, мокши и удмуртов во многом сохранили свои традиционные верования, так что считать их неоязычниками не очень корректно. В то же время некоторые исследователи отмечают параллельное существование зародившейся среди оторванного от органичной сельской языческой традиции городского населения неязыческой традиции[2]. Однако политические взгляды и наличие воинского опыта представителей данных сообществ не исследованы.

Стоит отдельно оговориться касательно патриотического крыла финно-угорских язычников. Продолжатели непрерывной традиции какой-либо из версий финно-угорского паганизма чаще всего не имеют какого-либо общественно-политического движения, а существуют в форме общин в местах компактного проживания. Серьезных противоречий с властями РФ они не имеют и, как следствие, у них отсутствуют какие-либо заметные политизированные организации – поэтому определить их политические взгляды на данный момент не представляется возможным. Таким образом, нахождение удмуртских, марийских или эрзянских язычников в войсках РФ в зоне проведения специальной военной операции является вполне реалистичным, но не доказанным.

Затруднительным является изучение и финно-угорского неоязычества в рядах вооруженных сил Российской Федерации в зоне СВО. Однако в пользу их присутствия говорят несколько фактов.

Первым является существование «финской добровольческой группы "Карху"» которая по некоторым данным была в составе ДШРГ «Русич» и Бригады «Призрак» еще до начала СВО. В составе было около 20–25 человек. Дальнейшая судьба группы неизвестна. Этническим финном был только погибший командир группы. Название группы скорее всего отсылает к карельскому отряду

[1] Тишков В. А. ПО ПОВОДУ ПОЛОЖЕНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РОССИИ // Таллин: Библиотека Эстонии (LIBRARY.EE). Дата обновления: 02.01.2023. URL: https://library.ee/m/articles/view/ПО-ПОВОДУ-ПОЛОЖЕНИЯ-ФИННО-УГОРСКИХ-НАРОДОВ-РОССИИ (дата обращения: 17.04.2025).

[2] Напольских В. В. Заметки на полях. Неоязычество на просторах Евразии // Вестник Евразии. 2002. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zametki-na-polyah-neoyazychestvo-na-prostorah-evrazii (дата обращения: 13.04.2025).

СОБР «Карху», а нахождение в составе ДШРГ «Русич» позволяет предположить, что по крайней мере некоторые бойцы группы являлись язычниками.

Во-вторых, мною было проведено короткое интервью с автором канала «Ижорский Футуризм». Создатель канала – действующий военнослужащий в зоне СВО. По его собственным словам, он является паганистом и старается «исповедовать Уккоунско, оно же Суоменуско, это финское язычество». В то же время на данный момент в его религиозной жизни гораздо «больше германо-славянских историй, то бишь индоевропейских». Интересно, что этнически респондент определяет себя следующим образом: «… финно-угорской крови во мне нет, этнически я чистый индоевропеец … из Ингрии, родился в Петербурге». Свои политическиевзгляды он определяет как национал-большевистские, а в качестве единственной по-настоящему политической организации, с которой связан, называет партию «Другая Россия им. Э.В. Лимонова».

Несмотря на то, что положение финно-угорского язычества в военной среде не является изученным в полной мере, уже сейчас можно сделать некоторые промежуточные заметки о его характере. Финское и карельское неоязычество, несмотря на имеющиеся источники и некоторые примеры живой, не прерывающейся традиции, часто подпадает под своеобразный общемировой тренд – при попытке возрождения утерянных и оборвавшихся в результате христианизации (а иногда исламизации) традиций реконструкция производится на основе «скелета» скандинавской мифологии, в которой собственно скандинавские божества заменяются славянскими, тюркскими или, как в данном случае, финно-угорскими. Поволжские и пермские традиционные верования в этом плане отличаются на уровне сельского, аутентичного язычества, однако можно предположить, что в среде городского населения попытка возвращения к дохристианским верованиям происходит по все тому же «скандинавскому» сценарию.

Сама же финно-угорская мифология на сегодняшний день почти полностью вышла из эстетического «употребления» даже в самой Финляндии (в названиях военной техники и воинских формирований, а также их символах и эмблемах и т.д.) и на данный момент является достоянием небольшой группы людей (с обеих сторон конфликта), однако данные процессы все равно требуют более пристального и тонкого изучения.

Список источников

1. Бойко В. Н. Подводные лодки Финляндии, 2019.
2. Тишков В. А. По поводу положения финно-угорских народов России. – Таллин: Библиотека Эстонии.
3. Напольских В. В. Заметки на полях. Неоязычество на просторах Евразии // Вестник Евразии. – 2002. – № 1.
4. Vesa Nenye, Peter Munter, Toni Wirtanen, Chris Birks «Finland at War: the Continuation and Lapland Wars 1941–1945». Osprey Publishing. 2016.

Сведения об авторах

Никоноров Константин Дмитриевич – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, ORCID ID: 0009-0008-5432-8462, e-mail: c.nikonoroff@yandex.ru

УДК 327
ГРНТИ 21.41.41

Миграция, новые идентичности и «ускользающие» границы

Т. С. ПРОНИНА

В статье анализируются процессы трансформации глобального конфессионального пространства, религиозных идентичностей под влиянием миграции, де-территоризации религий.

Ключевые слова: религия, идентичность, миграция, трансформации конфессионального пространства.

Исследование процессов (им)миграции – сегодня один из ведущих трендов в социогуманитарных науках. С 1990-х гг. прочно утверждается понимание, что миграция стала важной частью социальных процессов и обнаруживает свое прямое или опосредованное влияние во всех сферах жизнедеятельности социума. Ряд исследователей называют современную эпоху «веком миграции»[1]. По данным международных организаций, занимающихся вопросами миграции, в 2020 г. в общей сложности 281 миллион человек проживал в стране, отличной от страны своего рождения, что на 128 миллионов больше, чем в 1990 г., и более чем в три раза превышает предполагаемое число в 1970 г.[2] По выражению Ю. Хабермаса, европейские города сегодня похожи на лаборатории под открытым небом, в которых различные религиозные и этнические общины вырабатывают новые формы социальной солидарности [Habermas].

Одна из ключевых теорий в изучении происходящих трансформаций – теория глобализации. Опираясь на работы одного из ведущих ее представителей А. Аппадураи, можно сказать, что возникает новый формат глобальной религиозной системы. Главное условие ее формирования – де-территоризация религий, когда последователи разных религиозных направлений, мигрируя, меняют географическую локацию своей религии. В результате религиозный ландшафт становится многообразным, формируются новые культурные и религиозные острова: мусульмане в Дании, мусульмане во Франции, буддисты в Великобритании и т.д.

По словам *Enzo Pace и Alberto Da Silva Moreira «*Де-территориализованная религия пытается восстановить свои символические границы в чужих землях»[3]. Говоря о взаимоотношениях между глобализацией и религией, Дэвид Леманн, много лет изучавший религии на межнациональном уровне, утверждает: «жизнь

[1] Appadurai, Arjun, Morley, David, New Formations/ / Decoding Diaspora and Disjuncture Available at: https://www.questia.com/read/1P3-2551912651/decoding-diaspora-and-disjuncture (accessed 12 Mach 2025).

[2] Migration Data and Research. Available at: https://www.iom.int/about-migration (accessed 12 Mach 2025).

[3] Enzo Pace, Alberto Da Silva Moreira. Introduction—Religious Diversity in a Global Religious Field. Available at: https://www.researchgate.net/publication/324009190_Introduction-Religious_Diversity_in_a_Global_Religious_Field. (accessed 12 Mach 2025).

ритуала и символизма, которая лежит в основе народных религий, сама по себе постоянно перекраивает границы, что неисчислимые формы народных религий являются сами активными глобализаторами...» [Lehmann, с. 346]. Мнение, что религии терпят ущерб от глобализации, размываются их вероучительные и культовые комплексы, формируется религиозная эклектика, верно только отчасти. Процессы носят разнонаправленный и одновременный характер. Религии не только страдают от последствий приспособления к калейдоскопическому, новому религиозному разнообразию, вызванному внешней глобализацией, но они сами являются и всегда были движущей силой глобализации, которая меняет религиозное разнообразие в современных обществах.

Особенность религиозности современного человека состоит в том, что для него культура – набор ресурсов, атрибутов, которые он осознанно использует при форимровании своей идентичности. Потому культура – это всегда конструкт, создаваемый акторами социальных взаимодействий. В эпоху миграции и глобализации культура – это ресурс для мобилизации групповых идентичностей. Ученый использует взамен статичных определений – ареал, острова – динамическое понятие «культурный поток», которое позволяет описать трансформации, происходящие под влиянием транснациональных потоков людей, интенсивного распространения и обмена информации, углубляющейся разнонаправленной дифференциации. Культура теряет статичное содержание, превращаясь в хранилище, из которого участники извлекают то, что подходит им здесь и сейчас. Возникают множественные (дефисные в интерпретации Э. Пače[1]) идентичности. Эти процессы распространяются и на религиозную сферу, или религиоскейп, если использовать аналогию с текучими пространствами Аппадураи. И религиоскейпы не следует рассматривать как статичные гомогенные образования. Это скорее постоянно изменяющиеся, «текучие» потоки, которые получают репрезентацию в интеллектуальных конструктах, по-разному выстраиваемых различными акторами: государствами, диаспорами, сообществами, семьями, индивидами. Культура утратила статичное содержание. Концепция мира И. Валлерстайна как вестернизированного единого мира глобального капитализма [Валлерстайн] сменяется концепцией «культуры как глобального контекста» Р. Робертсона [Robertson] и «текучими ландшафтами глобальной культуры» А. Аппадураи. Следуя принципам утвердившейся в современных исследованиях интерпретативной антропологии К. Гирца, и при анализе религиозности необходимо произвести «раскодирование» – понять значение культурных репрезентаций, выстраивая «иерархию наполненных смыслом структур» [Гирц, с. II–III].

[1] Enzo Pace. Politique de l’identité, religion et enjeu scolaire », Archives de sciences sociales des religions [En ligne], 121 | janvier – mars 2003, mis en ligne le 17 novembre 2005, consulté le 01 octobre 2016. Available at: http://assr.revues.org/2394 (accessed 12 Mach 2025).

Еще одна важная особенность современного религиозного ландшафта – распространение не только разнообразия религий, но и внутрирелигиозного разнообразия. С. Вертовец для описания современных уровней разнообразия населения ввел понятие super-diversity – сверхразнообразие. Он уточняет свой подход при описании британского общества, говоря, что сверхразнообразие «отличается динамическим взаимодействием переменных между возросшим числом новых, мелких и рассеянных, множественного происхождения, транснационально связанных, социально-экономически дифференцированных и юридически стратифицированных иммигрантов, прибывших за последнее десятилетие» [Vertovec, с. 1025]. Это означает, что растет разнообразие не только самих иммигрантских, этнических, религиозных меньшинств, но и внутри них. Идея диверсификации также восходит к концепции А. Аппадураи, которую он представил еще в 1990 г. в статье «Разъединение и различие в глобальной культур-экономике» [Appadurai, 1997].

Процесс диверсификации затронул и христианство, и ислам, и буддизм. Alberto Da Silva Moreira приводит в пример ОАЭ, которые, казалось бы, исторически однородны и монорелигиозны. Однако благодаря политике иммиграции, проводимой эмирами, только 20% населения составляют автохтоны. Большинство жителей по-прежнему исповедуют ислам, но различия в образе жизни, традициях, особенности религиозных практик этнических групп определяют религиозное разнообразие внутри самого ислама. Внутренняя неоднородность ислама связана с религиозным своеобразием и культурными традициями стран исхода иммигрантов[1]. Как пример, принцип дифференциации подтверждает разделение исламских общин в Италии [Сливкина, Пронина].

И православная идентичность не есть гомогенное образование, она расщепляется на множество коллективных типов и индивидуальных проявлений. Содержание каждого типа формируется из разных ресурсов – исторических предпосылок, актуальных культурных смыслов, фундируется политическими факторами, социокультурным статусом религии, ее влиянием на общество и артикулируется интеллектуалами, отражающими интересы разных акторов.

Используя цитату З. Баумана, можно сказать, что происходит новое «перекраивание карт» – границы как таковые становятся условными или «плавающими» [Бауман, с. 50]. И это касается не только границ между государствами, как, например, в едином пространстве Евросоюза. Размываются также границы между социальными группами – по возрасту, полу, профессиональной, культурной, религиозной принадлежности.

Сегодня локальное и глобальное находятся в состоянии многочисленных пересечений, нелинейных взаимодействий: глобальные транснациональные потоки людей, носителей локальной культуры, которая на новом месте подвергается воздействию самих глобальных потоков информации. Потому,

[1] Enzo Pace, Alberto Da Silva Moreira. Introduction—Religious Diversity in a Global Religious Field. Available at: https://www.researchgate.net/publication/324009190_Introduction-Religious_Diversity_in_a_Global_Religious_Field. (accessed 12 Mach 2025).

религиозность (им)мигрантов есть во многом результат новых социальных взаимодействий, коммуникаций и интерпретаций. Она имеет «гибридный» характер, обнаруживая заимствования из разных религиозных и нерелигиозных источников.

Таким образом, формирование национальной идентичности – это не простое символическое расширение локальной или региональной идентичности. Новая национальная идентичность отражает особенности проживания иммигрантов в определенном районе, городе, характеристики их работы, личных связей, специфику посещения ими местной религиозной организации. Эта мозаика идентичностей не замещает общую национальную идентичность, но является способами ее презентации на уровне индивидуализированного бытия. Сторонником такого подхода является Ch. Hirschman, изучающий феномен американской нации: «Американская идентичность, как и американское общество и культура, – пишет он в книге «Роль религии в возникновении и адаптации групп иммигрантов в Соединенных Штатах», – это не монолитная историческая память, а скорее изменчивая мозаика регионального, национального происхождения, социального класса и религиозных убеждений, обычаев и привязанностей» [Hirschman, с. 1209].

Время приобретает нелинейный характер, а история интерпретируется рекурсивно – сколько людей, столько историй: «кусочки всех времен одновременно здесь, распределенные между людьми и их мечтами»[1]. Современные культурные пространства – это не просто мозаики из кусочков историй и культур, это сети коммуникаций, информации и ее интерпретаций, обмена и репрезентаций символических систем, фундированные обычными человеческими нуждами и надеждами. Переиначивая название статьи Ханны Арендт «Мы беженцы» [Arendt], справедливо сказать, что «*мы все мигранты»*.

Список литературы

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2004.
2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. Н. Тюкиной. – М., 2006.
3. Гирц К. Интерпретация культур. – М., 2004.
4. Сливкина В.А., Пронина Т.С. Африканская миграция в Италию: мотивы, локальные этнические группы, процессы интеграции // Восток (Orients). – 2020. – № 4. – С. 102–112.
5. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minnesota, 1996.
6. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Global Culture. Bristol, 1997. P. 195–310.
7. Arendt, H. We Refugees // Altogether Elsewhere: Writers on Exile. Ed. By M. Robinson. London: Faber and Faber, 1994. Pp. 110–119.
8. Habermas J. Solidarietà fra estranei. Milano, Guerini e Associat, 2002.
9. Hirschman Ch. The Role of Religion in the Origins and Adaptation of Immigrant Groups in the United States. Center for Migration Studies of New York, 2004.

[1] Павич М. Хазарский словарь: роман-лексикон в 100 000 слов. Мужская версия. [Электронный ресурс]. URL: http://flibusta.site/b/572685/read (дата обращения: 12.03.2025).

10. Lehmann, David. 2004. Religion and Globalization. In Religions in the Modern World. Tradition & Transformation. Edited by Paul Fletcher, Hiroko Kawanami and David Smith. London: Routledge, pp. 345–64.

11. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture, Sage, London, 1992.

12. Vertovec, Steven. 2007. Super-diversity and its Implications. Ethnic and Racial Studies 30: 1024–1054.

Сведения об авторах

Пронина Татьяна Сергеевна – доктор философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-8902-9154, e-mail: tania_pronina@mail.ru

УДК 215
ГРНТИ 21.31.55

В поисках русского ритуала

Д. Э. ПРЫТКОВА

В статье предпринимается попытка выявить русский ритуал. В процессе его поисков определены и отделены такие термины, как «ритуал», «обряд», «обычай», «традиция», «праздник», «церемония» и «таинство». В качестве русских ритуалов выделены и рассмотрены свадебный, похоронный и банный ритуалы.

Ключевые слова: ритуал, обряд, обычай, традиция, русский ритуал, религия.

Идентичность нации может проявляться в различных вещах и явлениях. Мы, руководствуясь курсом государственной политики на консолидацию общества и укрепление государства, предлагаем провести поиски российской идентичности в религиозной среде, а именно в религиозном ритуале, что обосновано его функциями социализации, инкультурации, трансляции традиционных ценностей и нематериального культурного наследия народа.

В ходе поиска объединяющего русского ритуала, помимо искомого словосочетания, можно натолкнуться на множество других, от «славянских традиций» и «старинных обрядов языческих славян» до «русских традиций», «традиций народов России» и «традиционных ритуалов».

Например, на портале гуманитарного просветительского проекта «Культура.РФ» в рамках заголовка и подзаголовка соседствуют «традиции», «ритуалы», «суеверия» и «обряды»: «Славянские традиции. Ритуалы на все случаи жизни, история ремесел и суеверий, обрядовая одежда и развлечения по календарю»[1].

А на сайте «Astro7» в разделе, посвященном ритуалам русского народа, этот термин употребляется наравне с «обычаями» и «обрядами»: «Особая часть культуры древних славян – соблюдение ритуалов <…> Многие старинные обычаи

[1] Славянские традиции. [Электронный ресурс]. URL: https://www.culture.ru/s/slavyanskie-tradicii/?ysclid=m7xfpxaz3f170238762 (дата обращения: 02.04.2025).

связаны с природными явлениями, главным образом с солнцестояниями. Эти периоды считались наиболее благоприятными для проведения различных ритуалов. Ниже рассмотрим разные категории старинных обрядов языческих славян»[1]. Там же можно найти ряд контекстных синонимов, состоящий из «обрядов», «традиций», «обычаев» и «праздников».

Подобную взаимозаменяемость терминов «традиции», «обряды», «ритуалы» и «обычаи» встречаем и на книжном рекомендательном сервисе Лайвлиб в статье о языческих традициях дохристианской Руси: «Древние языческие традиции дохристианской Руси имели религиозные корни. У восточных славян был собственный пантеон. Он включал в себя множество божеств, которых в целом можно описать как могущественных духов природы. Обряды, ритуалы и обычаи славян соответствовали культам этих существ»[2].

Такое терминологическое разнообразие ставит перед исследователями теоретическую проблему и заставляет прежде всего определиться, о чем мы говорим, когда используем термины «ритуал», «обряд», «обычай», «традиция» и «праздник», а также связанные с ними термины «церемония» и «таинство», поскольку в приведенных примерах и множестве других источников их объяснения и соотношения зачастую отсутствуют.

Для решения этой проблемы обратимся к различным словарям и начнем с классических толковых словарей русского языка Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова.

Ритуал в словаре Ушакова понимается как «установленный порядок обрядовых действий при совершении какого-нибудь религиозного акта»[3], а также как «церемониал, выработанный обычаем порядок совершения чего-нибудь»[4]. Словарь Ожегова эти определения и связи преимущественно повторяет, но не содержит связи ритуала с обычаем и вводит связь с таинством[5].

Обряд трактуется Ушаковым в качестве «церемонии, чина; ряда строго определенных обычаем действий, сопровождающих и оформляющих совершение актов преимущественно культового характера»[6]. Ожегов повторяет часть про обычай, добавляет детерминированность обряда ритуалом, вводит связь с традицией, а также подчеркивает не только религиозный, но и бытовой характер обряда[7].

---

[1] Обряды и традиции русского народа. [Электронный ресурс]. URL: https://astro7.com/online-journal/luchshie-stati/russkie-obryady.html (дата обращения: 02.04.2025).

[2] Языческие традиции дохристианской Руси: описание, обряды, ритуалы и интересные факты. [Электронный ресурс]. URL: https://www.livelib.ru/group/109/post/29014-yazycheskie-traditsii-dohristianskoj-rusi-opisanie-obryady-ritualy-i-interesnye-fakty (дата обращения: 02.04.2025).

[3] Ритуал. [Электронный ресурс]. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=66518 (дата обращения: 08.04.2025).

[4] Там же.

[5] Ритуал. [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27151 (дата обращения: 08.04.2025).

[6] Обряд. [Электронный ресурс]. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=38356 (дата обращения: 08.04.2025).

[7] Обряд. [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17821 (дата обращения: 08.04.2025).

Обычай в обоих толковых словарях содержит схожее определение: это общепринятые, установившиеся, традиционные, привычные правила или порядки общественного и бытового поведения[1].

Традиция имеет две почти идентичные и у Ушакова, и у Ожегова трактовки: как «то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений»[2] и как «обычай, установившийся порядок в поведении, в быту»[3].

Праздник в обоих словарях обладает несколькими определениями, больше всего из которых в рамках нашего исследования интересны два первых: праздник как «день или ряд дней, отмечаемых церковью в память религиозного события или святого»[4] и как «день торжества в память какого-нибудь выдающегося исторического, гражданского события, отмечаемый публичными собраниями, парадами, демонстрациями и т. п.»[5].

Церемония понимается в толковых словарях как торжественный обряд, порядок совершения чего-нибудь по установленным правилам[6].

Наконец, и в словаре Ушакова, и в словаре Ожегова таинство определяется в качестве церковного христианского обряда, который имеет чудодейственную силу и сообщает верующим особую благодать[7].

Теперь обратимся к авторитетному в религиоведческой среде «Энциклопедическому словарю социологии религии» [Энциклопедический словарь …]. В нем определения ритуала, обряда и праздника сущностно совпадают с определениями из толковых словарей, а определения обычая и традиции имеют существенные различия. Факультативные по сути нашего исследования определения церемонии и таинства в данном словаре отсутствуют.

Так, обычай в словаре социологии религии трактуется исключительно в религиозном контексте как «поведение верующих, основанное на их устойчивых представлениях о необходимых поступках и эмоциональных реакциях, которые должны сопровождать те или иные действия религиозные наряду с соблюдением официальных предписаний исповедуемого религиозного учения» [Там же, с. 217].

---

[1] Обычай. [Электронный ресурс]. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=38929 (дата обращения: 08.04.2025); Обычай. [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17984 (дата обращения: 08.04.2025).

[2] Традиция. [Электронный ресурс]. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=77648 (дата обращения: 08.04.2025); Традиция. [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=32116 (дата обращения: 08.04.2025).

[3] Там же.

[4] Праздник. [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23280 (дата обращения: 08.04.2025).

[5] Праздник. [Электронный ресурс]. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=55785 (дата обращения: 08.04.2025).

[6] Церемония. [Электронный ресурс]. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=84533 (дата обращения: 08.04.2025); Церемония. [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34746 (дата обращения: 08.04.2025).

[7] Таинство. [Электронный ресурс]. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=76138 (дата обращения: 08.04.2025); Таинство. [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=31343 (дата обращения: 08.04.2025).

Традиция же определяется тоже с точки зрения религиозности и представляет собой «способ бытия, воспроизводства и передачи информации (как вербальной, так и невербальной) и форм религиозного опыта от одного поколения к другому» [Там же, с. 446].

Говоря о взаимосвязях между указанными терминами, мы, руководствуясь вышеуказанными источниками, соотносим их следующим образом: ритуал – это вид обряда, который отличает культовость (используется для отправления религиозного культа); обряд – это последовательность установленных обычаем действий, в которых воплощаются различные представления (религиозные, мифические, магические) и/или бытовые традиции (религиозные обряды устанавливаются церковной традицией); таинство – это особый церковный/христианский обряд (они находятся на одном уровне); церемония – это торжественный (зрелищный, масштабный) обряд (они находятся на одном уровне); обычай – это безусловный образец поведения, который основывается на культурной традиции (при длительной повторяемости и преемственности обычай может превращаться в традицию, а при формализации и включении в канонический порядок религиозной жизни – в религиозный обряд); традиция – это сложившийся стереотип публичного поведения, апробированный обществом на опыте многочисленных поколений (традиция ценностно и содержательно аккумулирует в себе обычаи, ритуалы и культовые практики); праздник не имеет прямых связей с четырьмя основными терминами (во время религиозных праздников совершаются обряды, а также таинства и церемонии, ритуалы; праздник может быть закреплен обычаем или традицией).

Из приведенных определений и соотношений, а также статьи Е. В. Доброниченко [Доброниченко], можно вывести, что характерными чертами ритуала являются: акциональность, константность и структурированность, выражение потребности верующих в связи со священным, преимущественно религиозный и сакральный характер, внеповседневность, неутилитарный характер, символизм, экзальтация.

Вооружившись этим теоретическим знанием, перейдем наконец к поиску русского ритуала, который понимается нами как установленный порядок обрядовых действий при совершении какого-либо (преимущественно религиозного) акта. Русским же, согласно «Современному толковому словарю русского языка» [Современный толковый …, с. 711], можно считать ритуал, который принадлежит русским, создан русскими или свойственен русским.

На основании этого определения нами были отобраны 3 ритуала, которые чаще всего употребляются с эпитетом «русский»: свадебный, похоронный и банный ритуалы.

Свадебный ритуал, как и любой ритуал перехода, состоит из трех частей: предсвадебной, собственно свадьбы и послесвадебной. В первую часть входят сватовство (достижение согласия всех близких будущего жениха и невесты о создании ими своей семьи), смотрины (более близкое знакомство молодых и их родителей, решение имущественных вопросов), помолвка (достижение

окончательного согласия о заключении брака и публичное объявление о нем), девичник (подготовка невестой в кругу подруг приданого и переселения в дом будущего мужа) и молодечник (прощание жениха со свободой в кругу друзей). Ко второй части относятся гадания (на характер избранника и совместную жизнь молодоженов), повивание (смена прически и головного убора с девичьих на замужние), выкуп (шуточные испытания и символическое выкупание невесты у ее семьи), венчание (христианское благословение жениха и невесты, изъявивших желание жить как муж и жена всю жизнь). Послесвадебные действия включают в себя пир (гуляния, веселье) и хлебины (поход молодого супруга с дружками после первой брачной ночи к теще на блины).

В современной русской свадьбе можно встретить не все описанные действия. Что-то изменилось со временем, с новыми условиями жизни и технологиями, а что-то ушло окончательно. Тем не менее, сегодня можно проследить тренд на проведение свадьбы в ее традиционном, исконно русском виде.

Похоронный ритуал, также будучи ритуалом перехода, имеет трехчастную структуру: предпогребальные действия, погребальные действия, поминки. Он включает в себя не так много актов: подготовку тела (омовение умершего и одевание его в специальную одежду), прощание с покойным, отпевание, погребение и поминки, главная часть которых – трапеза.

В отличие от свадьбы структура похорон к нашему времени претерпела минимальные изменения и отклонения, что связано преимущественно с медленно меняющимися представлениями о смерти, подготовкой усопшего к загробной жизни, а живых – к жизни без него.

Банный ритуал представляет собой ритуал очищения и состоит из четырех частей: подготовки к парению (прием душа для предварительного очищения, разогревания и настраивания), парения с вениками, контрастных процедур (единичное или повторяющееся охлаждение для укрепления сосудов, стимулирования иммунитета и заряда бодрости), чайной церемонии и отдыха (восстановление физических сил и водного баланса).

Отметим, что банный ритуал сегодня носит скорее культурный, а не религиозный характер, что не мешает ему эффективно объединять и сплачивать людей, быть своеобразным символом страны.

Итак, хотя понятия «ритуал», «обряд», «обычай» и «традиция» часто путаются, употребляются в качестве синонимов, определяются друг через друга, на основании научно-исследовательской литературы их возможно определить, отделить друг от друга, понять взаимосвязи и закономерности между ними.

Что касается русского ритуала, то три рассмотренных в нашей статье словарно не могут считаться полностью русскими (сущностно это три мировых ритуала перехода, которые не принадлежат русским, не созданы ими, но свойственны русским), но их общественно интегративная функция позволяет считать, что цель исследования выполнена: объединяющий русский ритуал найден. Рассмотрение и поиск исконно русских ритуалов (которые созданы и принадлежат русским, носят локальный, а не общий, государственный, мировой характер) может послужить темой дальнейших исследований.

Список источников

1. Доброниченко Е. В. Функционально-семантические границы ритуального пространства: к вопросу об определении понятий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 6. – С. 7–12. EDN: RCNUTX

2. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2007. – 960 с.

3. Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. – СПб.: Платоновское общество, 2017. – 508 с. EDN: RTXECI

Сведения об авторе

Прыткова Дарья Эдуардовна – аспирант, специалист по учебно-методической работе научного отдела, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3388-2439, e-mail: dariya.prytkova@yandex.ru

УДК 930.25
ГРНТИ 03.23.55

Деятельность районных архивов в годы Великой Отечественной войны

Д. Н. СПАСИБУХОВ

Данная статья направлена на раскрытие деятельности местных архивных учреждений. Райархивы сыграли ключевую роль в сохранении исторической памяти для нашей страны. Не имея квалифицированных кадров, специализированных помещений, подвергая жизнь своих сотрудников опасности, архивы проявили стойкость и мужество при эвакуации и консервированию тех материалов, которые были жизненно необходимы Советскому государству для понимания ситуации в почти потерянных городах и сёлах Ленинградской области. Не стоит забывать, что отчаянный героизм работников данных учреждений помог отстоять бесценный фонд источников, рассказывающих не только о положении сельского хозяйства, образования, народонаселения районов и о жизненно важных военно-стратегических объектах, магистральных путей сообщения. Также, Ленинградская область – важнейшая культурно-историческая территории России, чьё развитие способствовало формированию отечественной идентичности и именно здесь хранились документы, выражавшие краеведческие особенности многих народностей.

Ключевые слова: райархивы, фонд, единица хранения, ревизии, концентрация материала, поступления.

Быстрые наступательные операции нацистов на территории Ленинградской области серьёзно подорвали работу местных архивариусов и их подопечных. Фактически, систематическая работа по обработке и фондообразованию остановилась. Но деятельность многих архивов (не считая полностью уничтоженных) не ограничивалась этими функциями, и учреждения продолжали работать, прежде всего на государственное информирование о состоянии района.

Архивный Отдел Народного Комиссариата Внутренних дел по Ленинградской Области был полностью дезориентирован во время немецкого блицкрига. Ставился вопрос о выяснении реального положения местных архивов. Инспектора, зачастую рискуя жизнью, выезжали в опасные прифронтовые зоны, вели подробные конспекты уведенного. Главной целью их поездок было оценивание материально-технического состояния самих зданий и хранящихся там бумаг. Проверяя тот или иной регион, уполномоченные выявляли:

1) подвергались ли материалы архива гибели или порче, в связи с обстоятельствами военного времени;

2) пострадало ли по тем же причинам помещение;

3) имеет ли архив постоянного работника;

4) составлен ли план работы на 1942 (или 1943) год [1, л. 15].

Ответы на эти вопросы на местах получались довольно неоднозначные. Из многих мест приходили неутешительные вести: сообщалось, что архивного отдела, к примеру, при Мстинском, Тихвинском РО НКВД более не существовало. Нередко это происходило из-за бомбёжек или боёв, при которых архивы погибали, сожженные воинскими частями при оккупации сел (как это было в Демянске). Многие населённые пункты находились под контролем немецко-фашистских захватчиков, организации попросту не функционировали и не предоставляли никаких материалов. Действующие материалы за 1941–1942 гг. были эвакуированы вместе с учреждениями в районы Ленинградской области: Пестово, Валдай, Ефимовское.

Но многие сообщали, что в начале войны 1941 г. архивные материалы были сброшены со стеллажей и сожжены бывшими заведующими, что говорит о безысходности людей, не получавщих инструкций от начальства. Многие россыпи валялись на полу кучей. Часть материалов пребывала в полусгнившем и негодном состоянии. Нужно отметить, что, всё же, до самовольного уничтожения учреждений доводились немногие архивы. Всеволожский архив был уничтожен 19 августа 1941 г. председателем Всеволожского райсовета, которым было дано распоряжение в течение одних суток уничтожить архив путём сжигания. Из документации Райсовета за 1941 г. сохранились протоколы и приказы. За 1942 г. документы сохранились, сформированы дела, но не имелось окончательного оформления. Документация за 1943 г. велась правильно и находилась в хорошем состоянии. В отделе Нархозучёта сохранились сведения по переписи населения 1939–1940 гг., сведения об урожайности за те же года [2, л. 18].

Основной массив материалов всё же был эвакуирован, согласно директивам и распоряжениям Архивного отдела, и важнейшие документы остались в безопасности. Показательными был Опеченский архив, где материалы не подверглись гибели и порче в связи с обстоятельствами военного времени, но подвергались вывозу в 1941 г. 25 октября по распоряжению бывшего начальника РО НКВД. Весь райархив был подготовлен, часть его уничтожена как не подлежащая хранению, остальная его часть вывезена за пределы района в Ефимовское

РО НКВД, за исключением дел лишенцев в количестве 152 единиц. Райархив размещался в каменном здании, принадлежавшем Опеченской Профтехшколе, после вывоза материалов здание заняло Военное Политическое училище. Работа, в связи с вывозом материалов, не велась.

При этом Архивный отдел УНКВД ЛО просил принять все необходимые меры по охране в отношении архивных материалов Опеченского района, которые хранились в кладовой Ефимовского РО НКВД в хорошем состоянии, а именно – выделить ответственное за сохранность лицо, наложить на помещение, где сложены архивные материалы, печать, требовать регулярной проверки состояния помещения. Причём заместитель начальника Ефимовского РО отказал в приёме по акту и сказал, что хранить его будут, но без принятия по акту [3, л. 29].

Необходимо добавить, что архивы в основном состояли из одного человека – заведующего (большая часть их была женщинами). Основная работа заведующих была связана с упорядочением архивных материалов, производился разбор листовой россыпи по фондам, структурным частям и годам. Часто имелась площадь не более 30 кв. м и несколько стеллажей (при удачном стечении обстоятельств). Помещения были сырыми и не имели освещения, а многие во время эвакуации в октябре 1941 г. были перемещены в Кировскую область (Дрегельский райархив), где часть из фондов была уничтожена путём сожжения, согласно актам. Помещение для архива имелось, но в силу того, что архив находился в постоянном передвижении, постоянного работника держать оказалось нецелесообразно.

Что касается списка дел, отобранных заведующими в макулатуру, то он утверждён быть не мог, так как в нём значились или материалы постоянного хранения (как, например, протоколы по всем сельсоветам), или такие, которые требовали более чёткого и ясного обозначения (к примеру, есть дела с названиями «переписка разных дел», «разная переписка»).

Важными, с точки зрения дальнейшего приведения в порядок работы данных организаций, являлись замечания и рекомендации, полученные директорами архивов от инспекторов районов. В частности, при проверке Оятского района говорилось, что ответственность за руководство архивом было возложено на делопроизводителя Оятского ЗАГСа. Учреждение находилось в неразобранном виде, фонды сложены в одном месте. Актов приёма и передачи не было, как и списков фондов. Никакой текущей работы не проводилось.

При этом обнаруживались ценнейшие материалы, оставшиеся нетронутыми. На хранении оказались документы за 1940–1941 гг. (планы работы отделов, полугодовые и годовые отчёты, директивы, протоколы сессии Райсовета и заседания Исполкома, материалы к докладам и землеустроительные дела). Дела за 1942 г. подотделов Исполкома депутатов трудящихся сохранены полностью. Текущее делопроизводство требовало более тщательного оформления – не везде имелись наименования фондообразователя, не были вынесены даты заведения и окончания дел, не все дела были пронумерованы и имели заверку.

В связи с этим рекомендовалось уделять внимание двум вопросам, до получения подходящего здания:

1) обследованию состояния архивов и текущего делопроизводства сельских советов и колхозов;

2) приёму архивного материала бесхозных, независимо от их состояния [4, л. 19].

Необходимо было, кроме того, обеспечивать приёмку в Архив документальных материалов всех сельских советов и колхозов, а также других районных учреждений, если эти материалы утратили оперативное значение, в том числе принимать единицы времени Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками.

К концу оккупации Ленинградской области и самого Ленинграда центральные учреждения управления сыграли важнейшую роль в восстановлении функциональной деятельности местных архивов. В целях проведения итоговых работ по восстановлению райархивов в районах Ленобласти и для обмена опытом работы проводились совещания заведующих райархивов. С 1 по 22 декабря 1945 г. организовывались курсы повышения квалификации заведующих, на которые отводилось 3541 руб. К концу году такое обучение прошли 27 районов. Учебный план занятий данных курсов состоял из следующих элементов:

1) теоретические занятия;

2) прохождение практики в отделах Государственного Архива Октябрьской революции;

3) цикл лекций по истории СССР [5, л. 32].

Началось формирование библиотеки текущей политической литературы. Готовилось общежитие для прибывших на совещание. Заведующие в эти дни посещали академические театры.

Основным вопросом в деле восстановления районных Государственных архивов явилось обеспечение их подготовленными кадрами. Поэтому в первую очередь нужно было подобрать соответствующих работников на должность заведующих (были проблемы – многие начальники отнеслись к этому несерьёзно, пришлось напоминать по несколько раз). Так, в Мгинском районе на 1944 г. не был набран персонал, в Винницком районе только в октябре 1944 г. удалось подобрать заведующего. На 1 января 1945 г. штатами заведующих укомплектованы были лишь 25 райархивов. В Мгинском, Оредежском, Каннельярвском и Коивистовском районах это сделать не удалось. Всего 22 заведующих имели среднее образование.

Также в 15 районах удалось наладить составление книг и списков учреждений и организаций, находящихся на территории районов. В этих районах учтено 2145 учреждений. В 447 учреждениях проведены обследования. Выяснилось, что в сохранности остались некоторые документы за период 1937–1943 гг. Основной работой архивных служащих здесь явилась деятельность по сохранению и упорядочению материалов.

Важно было срочно заняться сохранностью документов, касающихся периода Великой Отечественной войны, поэтому по районам проводились следующие виды работ:

1) Красносельский район систематически проводил обследования и добивался выполнения требований. Именно благодаря такой работе были выявлены серьёзные нарушения, как, например, было установлено, что важнейшие документы свалены на полу, никто не следил за их сохранностью. К сожалению, с первого раза нарушения не были устранены и только повторное требование помогло сдвинуть дело с мёртвой точки;

2) в Лужском районе за ноябрь-декабрь 1944 г. было проведено 30 обследований. Заведующий архивом помогал учреждениям в организации архивной работы, подготовке материала к сдаче. Работу тормозила лишь невозможность складировать материалы из-за отсутствия помещения;

3) в Павловском районе за ноябрь-декабрь 1944 г. было проведено 26 обследований, из них 3 повторных. Оказалось, что первичные требования в данном районе не были выполнены. Назначен специальный сотрудник для контроля. Выработана номенклатура дел за 1940–1941 гг. Такое же положение было в Усть-Ижорском и Антропшинском поселковых советах.

4) в Парголовском районе было проведено 67 обследований, установлено наличие документов, нуждающихся в сдаче в райархивы. Большинство документов к сдаче было подготовлено;

5) в Волховском районе – поступили на хранение материалы трёх поселковых советов, одного сельсовета и двух райорганизаций. Часть из них уже были сданы в АОР [6, л. 17].

Было установлено, что систематическая работа по концентрации материалов в райархивах поставлена только в Тихвинском, Капшинском, Волховском, Всеволожском районах. В ряде районов документальные материалы подготовлены к сдаче, но из-за отсутствия помещения и оборудования не могут быть приняты.

Многим районам, где количество гибели материалов превышало большое значение, необходимо было составить акты о гибели документальных материалов. В актах требовалось указывать причину гибели. Если документы были сожжены, то обязательно указывалось, по чьему распоряжению. Акт должен был быть составлен в четырех экземплярах. Один экземпляр оставался на месте, два акта высылались в Архивный отдел, 1 акт отсылался в Райисполком. Также должны были быть составлены акты о гибели документальных материалов и организаций в пяти экземплярах. Один отсылался в Райисполком, один в учреждение, один в райархив, два в Архивный отдел. В итоге к 29 марта 1945 г. всего было отправлено 14 пакетов документов с 14 районов.

Общий план постановки районного архивного дела, в обобщённом виде, выглядел следующим образом:

1) мероприятия по ремонту и оборудованию помещения;

2) проведение первичных и повторных обследований организаций, колхозов и т.д. К плану прилагались списки организаций и даты обследований;

3) проведение инструктивных совещаний с работниками учреждений о порядке хранения материалов и ведение текущего делопроизводства. Указывалось количество и сроки проведения совещаний;

4) концентрация документальных материалов. К плану должны были быть приложены списки учреждений, из которых поступили дела, указаны сроки приёмки;

5) мероприятия по упорядочению документальных материалов и подготовке их к сдаче в Государственный Архив Октябрьской революции. К плану прилагались списки фондов, намеченных к передаче и сроки их передачи в АОР [7, л. 19].

Прошедший период работы был, по словам начальника организационно-методического отделения Архивного отдела, организационно-восстановительным. Большинство архивных работников справились с поставленной задачей, хотя некоторые организации и архивы не предоставляли отчёты о работе своевременно.

При проведении обследования недостаточно было уделять внимание ведению текущего делопроизводства. Нужно было требовать правильной постановки делопроизводства в учреждениях. На местах оказалась недостаточно авторитетно поставлена работа инструктивных совещаний. Необходимо было этот пробел устранить. Опыт работы говорил о том, что в отдельных районах было недостаточно настойчивости и инициативы в деле добывания помещения для райархива. Товарищам нужно было учесть опыт других районов, которые уже получили помещения. Требовалось прежде всего установить контакт в работе с начальниками РО НКВД и с ними совместно разрешать организационные вопросы».

В третьем квартале 1945 г. заведующие райархивами должны были добиться принятых решений Райиссполкома о выделении помещений по архивам и о приведении в порядок документальных материалов, но заведующие Кингисеппского, Тосненского, Ордежского, Петрокрепости, Раутовского райархивов, несмотря на то, что инспектор Архивного Отдела УНКВД ЛО вместе с ними составляла проекты решений, так и не добились вынесения решений Райисполкома.

В ряде случаев заведующие ограничивались тем, что решение вынесено, и мало интересовались, дошло ли это решение до тех, кто должен был его выполнять. На предыдущих совещаниях заведующих ставился вопрос о рассылке формы №9 – о наличии документальных материалов на местах, но не все архивисты выполнили требования, а Ефимовский, Капшинский и другие разослали, но не собрали их. Ссылка на то, что на местах имеются документальные материалы только за 1943–1944 гг., не являлась достаточной, важно было знать точное количество имеющихся дел на местах [8, л. 11].

Учёт работы был налажен далеко не всеми заведующими, дневники велись неаккуратно. Не везде имелось упорядоченное делопроизводство. Не были сформированы фонды (в Капшино акты всех обследований сложили в одну папку;

отсутствовала правильная система расположения документальных источников на полках и стеллажах во Всеволожском районе).

В течение оставшегося периода необходимо было полностью закончить все организационные мероприятия и подготовиться к зиме. Наставало время поставить вопрос о том, чтобы архивы стали самостоятельными действующими районными учреждениями. Необходимо было сделать хотя бы картонную вывеску, с указанием времени приёма, также знать, когда, в какие дни и часы заведующий учреждением бывает на месте – консультирует, выдаёт справки, принимает документы.

Необходимо было это согласовать с начальником РО НКВД и строго соблюдать установленный порядок. Принять меры, чтобы организации имели вид культурного учреждения и в первую очередь следить за чистотой. Здесь необходимо было стремиться к тому, чтобы сконцентрировать в райархивах, а затем сдать в Государственный архив Октябрьской революции и соцстроительства лишь те документальные материалы, которые отражают деятельность местных и сельских учреждений и организаций, колхозов, совхозов и т.д., не допуская засорения архива ненужными единицами денежно-материальной отчётности.

За период немецко-фашистской оккупации погибли документальные материалы в количестве 204455 тысяч единиц хранения, отражавшие работу районных и сельских учреждений и организаций колхозов и совхозов. Почти все архивы были восстановлены, кроме Мгинского, Вознесенского, Каннельярвского, Ясскинского и Кексгольмского районных архивов, где ещё предстояла работа. В 21 районе области Исполнительным Комитетом Райсоветов депутатов трудящихся было принято решение об улучшении постановки архивного дела в районе. К 1945 г. не добились принятия решений Райисполкомы Кингисеппской, Оредежской, Петрокрепости, Раутовской и Тосненской территорий. В 22-х регионах были предоставлены помещения, однако ремонт был полностью окончен всего лишь в 14 из них.

В 1-м полугодии 1945 г. работа заведующих райархивов была в основном направлена на завершение организационных мероприятий по восстановлению. Там, где управляющие проявили необходимую настойчивость, им удалось добиться получения помещения для райархива, удалось эти помещения отремонтировать и хотя бы элементарно оборудовать.

Всего было проведено 1310 (хотя организаций 2307) обследований в 25 районах, в том числе 348 повторных. К примеру, в Волховском районе из 224 организаций обследовано 40 и 25 повторно; в Гатчине – из 143 проверено 41 и 23 повторно; в Луге – из 239 проверено 54 и 11 повторно. Рекомендовано было проводить 15–20 обследований в месяц [9, л. 10].

Также по районам было проведено всего лишь 32 инструктивных совещаний, в присутствии 402 человек. Систематическая работа по комплектованию фондов происходит в 11 районах. Было принято всего лишь 12136 единиц за период с 1928–1943 гг.

Данные говорят, что лидирующие позиции по выполнению задания занимали Волховский, Всеволожский и Киришский районы, в которых эвакуация происходила форсированными темпами. Ставилась непростая задача – усилить темпы комплектования райархивов документальными материалами. В связи с чем был составлен следующий план:

1) каждый заведующий должен был разработать график приёма документальных материалов от учреждений и организаций района. Нужно было добиться, чтобы единицы хранения сдавались в точно установленный срок;

2) при проведении обследований нужно было учесть, что документы денежно-материальной отчётности с истёкшими сроками хранения должны быть оформлены как материалы, не подлежащие хранению;

3) документальные материалы, принятые на хранения в райархивы должны были быть правильно оформлены;

4) после приёмки материалов следовало внести их в книгу фондов [10, л. 22].

Таким образом, Великая Отечественная война серьёзно нарушила функционирование местного архивооборота и подорвала магистральные пути источников фондообразования, которые хранили в себе ценнейшие материалы по хозяйственно-административной деятельности учреждений и предприятий районов. Уничтожив сотни тысяч важнейших материалов, война всё же не смогла полностью блокировать работу районных архивов по упорядочению дел. Именно благодаря эвакуации и дальнейшей работе в приграничных или тыловых районах по сбору и хранению документов была обеспечена сохранность культурно-исторического наследия нашей страны.

Список источников

1. Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 892. Оп. 6. Д. 16.
2. ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 6. Д. 37.
3. ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 6. Д. 20.
4. ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 6. Д. 15.
5. ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 7. Д. 24.
6. ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 11. Д. 59.
7. ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 11. Д. 18.
8. ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 11. Д. 61.
9. ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 11. Д. 59.
10. ЦГА СПб. Ф. 892. Оп. 11. Д. 18.

Сведения об авторе

Спасибухов Даниил Николаевич – магистрант 2 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0001-5932-7919, e-mail: danikimige@mail.ru

УДК 141.319.8; 141.132
ГРНТИ 02.00.00

Экзистенциальная аналитика блокадного человека (на основе мемуаров советских ученых: Д. С. Лихачева, О. Фрейденберг, Л. Гинзбург)

О. И. СТАВЦЕВА

В статье представлена попытка экзистенциального анализа блокадного человека на основе мемуарных материалов советских ученых Д. С. Лихачева, Л. Я. Гинзбург, О. М. Фрейденберг. Блокада Ленинграда – важное историческое событие, память о котором создает идентичность современных россиян. Выявляется потенциал экзистенциальной философии для анализа опыта блокадного человека, ставится задача реконструкции философской антропологии на основе произведений Гинзбург. Бытие блокадного человека с точки зрения экзистенциальной философии может быть описано как пребывание человека в пограничной ситуации, в которой он подведен к границе своего существования. Пребывание ленинградцев в такой ситуации постигается как подвиг.

Ключевые слова: экзистенциализм, блокадный человек, Д. С. Лихачёв, Л. Я. Гинзбург, О. М. Фрейденберг, философская антропология.

В силу особенностей своего телесного устройства и редукции инстинктов в поведении человек приспосабливается к среде и выживает в ней посредством культуры как способе внебиологической адаптации к действительности. Наличие сознания вынуждает человека определиться, кто он, в чем его цели, ценности, интересы. Большую роль в формировании образа самого себя как индивидуального, так и коллективного играет прошлое и способы его осмыслить, извлечь уроки, задуматься об ошибках и передать память о нем следующим поколениям. Историческая память – основание идентичности человека. Для россиян XX – первой четверти XXI в. важнейшим историческим событием, вокруг которого формируется идентичность, является Победа в Великой Отечественной войне. Эта война коснулась каждой семьи и каждой местности. Если рассуждать о Великой Отечественной войне с точки зрения нашей региональной принадлежности, то воспоминания о событиях войны для жителей Санкт-Петербурга – это нелегкие дни блокады.

Тяжелую страница нашей памяти представляет собой блокада Ленинграда, унесшая с собой множество жизней ленинградцев, ужаснувшая до предела, никогда не уходящая из памяти. В этой статье мы попытаемся проанализировать опыт блокадного человека, как он представлен в мемуарах советских ученых с точки зрения экзистенциальной философии, разработавшей инструментарий для анализа бытия человека в пограничных ситуациях. В наши задачи не входит давать социальную оценку этого великого исторического события, а только лишь рассмотреть представленный в мемуарах опыт людей сквозь призму философской антропологии. Для анализа блокадного опыта мы используем мемуары советских ученых Д. С. Лихачёва, Л. Гинзбург, О. Фрейденберг. По нашему мнению, экзистенциальный анализ блокадной повседневности позволит еще раз

обратиться к памяти тех дней, вспомнить подвиг ленинградцев, выживших в тяжелейших условиях, а также подчеркнуть возможности экзистенциальной антропологии для анализа бытия человека в предельно тяжелых условиях войны, блокады, осады.

Экзистенциальная философия разработала свод понятий, который можно применить для анализа бытия блокадного человека. Этот инструментарий составляют следующие понятия: экзистенциальное переживание, существование, бытие-в-мире, отчаяние, тревожность мира, совместное бытие (бытие-с-другим), коммуникация, ситуация, пограничная ситуация, страх и ничто, бытие-к-смерти, трансценденция и др. Предпринимаемый нами экзистенциальный анализ опыта человека в тяжелых ситуациях основывается на произведениях основных представителей философии экзистенциализма, а также на исследованиях, применяющих эту философию к анализу катастрофических событий [см. Пронин].

Экзистенциальная философия рассматривает человека как погруженного в конкретную ситуацию, с которой он справляется в силу своих способностей и умений на основе своей свободной воли. Поскольку исход ситуации неясен, принципиально открыт и не определен никем, человек может переживать тяжелые чувства, такие как отчаяние, страх, надежду, может обретать религиозную веру. В ситуации человек сталкивается с другими людьми, общается с ними в разных модусах, враждует, получает поддержку, помощь, любовь и т.д. Эти модусы переживания своей общности, совместного бытия с другими играют важную роль в жизни человека. Одной из значимых тем экзистенциализма считается тема смерти, экзистенция понимается как бытие к смерти [Хайдеггер], а смерть – как одна из возможностей экзистенции, завершающая ее. Переживание возможности прекращения своего бытия, по мысли экзистенциалистов, является освобождающим от наносного, ненужного, открывает путь к подлинному существованию. Экзистенциальная философия обращает внимание на принципиальную конечность человеческого бытия.

Если приложить эту экзистенциалистскую схему к опыту жизни человека в блокаде, то можно описать бытие блокадного человека следующим образом. Человек всегда связан с ситуацией, которая в условиях блокадного бытия накладывает на него сильные ограничения, создает огромные трудности, при этом возможность их преодоления тоже ограничена в силу обстоятельств: голода, холода, болезней, артиллерийских обстрелов. Эта ситуация предстает как чуждая, враждебная, угрожающая, что отражается на настроении людей – отчаяние, страх, переживание бессилия от невозможности изменить ситуацию. Такие радикальные ситуации описываются экзистенциалистами как пограничные. К характерным чертам пограничной ситуации относятся: «сам факт принципиальной заточенности в ситуацию, возможность умереть, предоставленность случайности, необходимость поддержания внешней и внутренней борьбы» [Больнов, с. 84–85]. Опыт блокадного человека может быть описан как пребывание человека в пограничной ситуации, в которой он подведен к границе своего существования. В таких ситуациях ярко высвечивается несовершенство бытия человека,

которое не имеет личного характера, а является структурным моментом и отражает несовершенство и негармоничность мира. Одним из выходов из пограничной ситуации является обращение к трансценденции, реализующееся в религиозной вере. Человек, проживающий свою жизнь в благополучные эпохи, не переживает столь остро свое существование, что делает опыт блокадного человека ценным для понимания особенностей бытия человека вообще. Центральное значение для философии экзистенциализма играет тема времени. Различие субъективного и объективного времени коренится в разнице переживаемых человеком событий и их объективной длительности. Исследовательница блокады П. Барскова так описывает моменты переживания времени в блокаде: манипуляции со временем в стремлении «обмануть голод и страх»; замедление хода времени из-за затруднения обычных действий (трудно достать воды, тяжело пройти по городу из-за слабости, отсутствия транспорта, бомбежек, завалов и т.п.); попытки дисциплинировать хаос блокады с помощью рабочего графика и бытовой размеренности; чувство изолированности настоящего, вневременности блокадной жизни, дереализации прошлого и будущего; напряженность переживания длительности (ожидание опасности, возможности гибели) – все это составляет время радикальной субъективности человека на пределе экзистенциальных возможностей [Барскова].

Попробуем применить описанную нами схему экзистенции человека на антропологию блокады, описанную в биографической литературе.

Мемуары и записи советских ученых, рассматриваемые нами, написаны в разное время – О. М. Фрейденберг (1890–1955) начала вести блокадный дневник в мае 1942, прервала в апреле 1944 г. после смерти матери, возобновила в июне 1945 г. Д. С. Лихачёв (1906–1999) написал воспоминания о блокадной жизни вместе со своей супругой в 1957 г., чтобы рассказать потомкам и прежде всего своим детям о блокаде. Семья Лихачёвых пробыла в блокадном Ленинграде до июня 1942 г. Л. Я. Гинзбург (1902–1990) делала записи и заметки во время блокады, позднее она редактировала и придавала литературную форму этим записям, которые в итоге имеют сложную структуру и стали образцом психологической прозы. Сама она ставила такую датировку при первой публикации своих записей: «1942–1962–1983» [Гинзбург, с. 545].

Идея ведения дневников, мемуарных записей соответствует общей установке гуманитарной науки, в том числе герменевтике и экзистенциальной философии, на поиск смысла, извлечения смысла из прожитого опыта. Исследователи отмечают, что Л.Я. Гинзбург в 1960-е гг. при литературной обработке своего блокадного опыта обращалась к понятийному инструментарию экзистенциальной философии, но при этом полемизировала с ней (Гинзбург, с. 549). На популярность экзистенциалистских идей, особенно произведений А. Камю, в Ленинграде конца 1950–1960-х гг. указывает С. Савицкий [Савицкий, 2002, с. 96–113]. Полемика Л. Я. Гинзбург с экзистенциализмом заключалась в ее неприятии характеристики отношения мира и человека как абсурдного. Концепт «абсурд», столь значимый для концепции А. Камю, Гинзбург не принимала. Важна была уста-

новка на извлечение смысла. На понимание исторического наблюдателя как рационального у Л. Я. Гинзбург указывает тоже С. Савицкий [Савицкий, 2006, с. 489], который связывает основы антропологии Гинзбург с философией эпохи Просвещения и идеями марксизма. Некоторые отсылки к экзистенциалистским авторам и их концептам (А. Камю, М. Хайдеггер, С. Кьеркегор, Ф. Достоевский) делает Гинзбург в «Записках блокадного человека» и заметках, связанных с ними, идею бессмысленности жизни она преодолевает осознанием этой бессмысленности и воплощением ее в текстах, а также переживанием общности с другими людьми [Гинзбург, с. 445–452]. Важность экзистенциализма Гинзбург видит в том, что он показал «историческую несвоевременность эгоизма» [Гинзбург, с. 452]. На наш взгляд, гинзбурговскую антропологию и ее философские основы еще предстоит реконструировать.

Все рассматриваемые нами авторы пишут о страданиях и гибели ленинградцев, об ужасающих тяготах блокадного быта, об утешении, которое люди находили в работе и помощи близким. Так, Лихачёв работал над книгой «Оборона древнерусских городов», Л. Я. Гинзбург работала редактором городского радиокомитета, Фрейденберг преподавала античную литературу. Все эти авторы потеряли в блокаду родителей. Лихачёв потерял отца, Фрейденберг и Гинзбург – матерей, которые умерли от истощения. Связи с близкими, как и память о них, были наиболее ценными переживаниями людей в таких тяжелых условиях. Гинзбург на основе анализа блокадного опыта создает концепцию неиндивидуалистической личности, человека коллектива, нацеленного на ценности общности, а не на эгоистические ценности.

Важно сказать и религиозном опыте блокадных людей, о вере в чудо, в счастливый случай. Фрейденберг пишет о «мессианстве, рождающемся на глазах, о вере в торжество обновления и справедливости», о том, что люди приходили к религии [Фрейденберг, с. 29]. Лихачёв пишет о раскрывшейся в людях религиозности: «Все было настоящее. Разверзлись небеса, и в небесах был виден Бог. Его ясно видели хорошие. Совершались чудеса» [Лихачёв, с. 395]. Картину Л. Чупятова «Покров Богородицы над осажденным городом» Лихачёв считает отражением души блокады. Исследовательница Григорьева считает воспоминания о блокаде «женской поминальной литературой, уходящей корнями в жанр плачей и причитаний» [Григорьева, с. 446]. Возможно, опыт блокадного человека нужно анализировать, применяя теорию травмы, обращающую внимание на трагизм войны и блокады. Отчасти такой взгляд на блокаду был воплощен в дневниках Фрейденберг, описывающей современные события сквозь призму античного мира, создавшего трагедию и понимавшего ее как высший жанр искусства.

Воспоминания советских ученых о блокаде позволяют нам сделать вывод о свойствах человека – его хрупкости и силе, отчаянии и мужестве, способности переживать ужас и быть свободным. Слова из воспоминаний Лихачёва: «Были ли ленинградцы героями? Не только ими: они были мучениками» [Лихачёв, с. 418] представляются нам лучшим завершением этого рассуждения о блокадных днях ленинградцев.

Список источников

1. Барскова П. Настоящее настоящее. О восприятии времени в блокадном Ленинграде. // Неприкосновенный запас – 2011. – № 2 (76). https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/76_nz_2_2011/article/18864/ (дата обращения: 12.04.2025).
2. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма. – СПб.: Издательство «Лань», 1999. – 224 с.
3. Гинзбург Л. Я. Записки блокадного человека // Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. – М.: Новое издательство, 2011. – С. 311–422.
4. Григорьева Н. Человечное, бесчеловечное: Радикальная антропология в философии, литературе и кино конца 1920-х – 1950-х гг. Издательский Дом «Петрополис». – СПб., 2012. – 624 с.; 20 с. илл.
5. Лихачёв Д. С. Блокада // Мысли о жизни. Воспоминания. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – С. 355–419.
6. Пронин М. А. Экзистенция: забытый Чернобыль. Записки ликвидатора. – М.: Канон +; Реабилитация, 2016. – 224 с.
7. Савицкий С. Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы. – М.: Новое литературное обозрение. 2002. – 153 с.
8. Савицкий С. Марксизм в «Записных книжках» и исследованиях Л. Гинзбург // История и повествование: сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – С. 474–506.
9. Фрейденберг О. М. Осада человека // Минувшее. Исторический альманах. 3. – М.: Прогресс, Феникс, 1991. – С. 7–44.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Издательство «Ad Marginem», 1997. – 451 с.

Сведения об авторе

Ставцева Ольга Ивановна – кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-0257-3430, e-mail: stavtseva_olga@mail.ru

УДК 172.3
ГРНТИ 21.41.41

Государственная политика в сфере свободы совести в СССР в 1917–1939 гг.

О. А. СУЧКОВА

В статье рассматривается процесс отделения церкви от государства, начавшийся после революций 1917 года. Политика большевиков, направленная на полное отделение религии от государства и ограничение ее влияния в обществе, включала антирелигиозную пропаганду и законодательно закрепленные ограничительные меры. Данные процессы отражают последовательную стратегию советского государства, направленную на построение атеистического общества.

Ключевые слова: религия, свобода совести, религиозная политика.

В начале XX в. Российская империя представляла собой многоконфессиональное общество, в котором православная церковь занимала доминирующее положение. Февральская революция 1917 г. привела к кардинальным изменениям в политической и религиозной сферах. Свержение монархии и установление

Временного правительства способствовали декларированию свободы совести и прав различных конфессий, что инициировало процесс секуляризации и отделения церкви от государства. Тем не менее, православная церковь выступала против этих изменений, осознавая утрату своих традиционных привилегий и влияния.

В ноябре 1917 г., после Октябрьской революции и прихода к власти большевиков, началась активная политика, направленная на полное отделение церкви от государства и ослабление ее социального влияния. Были приняты законы о национализации церковной собственности и ограничении деятельности религиозных организаций. Это стало началом новой эпохи, в которой советская власть, опираясь на принципы марксистско-ленинской идеологии, активно выступала против религии как таковой, рассматривая ее как пережиток прошлого и как препятствие для прогресса советского общества.

Ленин высказывался о священнослужителях как об источнике масштабного лицемерия: «У церквей и монастырей – около шести миллионов десятин земли. Наши попы проповедуют крестьянам нестяжание, да воздержание, а сами набрали себе правдой и неправдой громадное количество земли...» [В. И. Ленин об атеизме …, с. 45]. В таком же свете он отзывался о «христианском правительстве», которое дало рабочим право на отдых в выходные и праздничные дни, однако после этого сократило само количество этих праздников [В. И. Ленин об атеизме …, с. 19]. Из этих высказываний становится понятно, что дальнейший вектор религиозной политики социал-демократической партии, вставшей у руля огромной страны, будет развиваться в рамках перманентной критики религии.

Несмотря на то, что Конституция РСФСР 1918 г., опираясь на социал-демократические принципы свободы совести, формально допускала как религиозную, так и антирелигиозную пропаганду [Конфессиональная политика … (Кн. 2), с. 7], верующие фактически оказались в заведомо проигрышном положении из-за государственной поддержки антирелигиозной кампании. Последующая инструкция «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» лишь усилила контроль над деятельностью религиозных организаций, ограничивая их возможности.

События 1918 г. обострили и без того напряженные отношения между православной церковью и советским государством. Послание патриарха Тихона Совнаркому с призывом к миру и прекращению кровопролития, в условиях Гражданской войны и распространения в кругах Белого движения, было воспринято властями как контрреволюционное действие. Это привело к домашнему аресту патриарха и дальнейшему ухудшению отношений, превратив православную церковь в политического оппонента. Во время Гражданской войны Белое движение получало поддержку не только от православных, но и от других религиозных групп. Так, сибирские старообрядцы выражали желание «очистить святыню русскую от коммунистической мерзости» [Конфессиональная политика … (Кн. 1), с. 49]. Письма поддержки приходили и от мусульман[1].

[1] ГАРФ. Ф. 10073, оп. 1, д. 196, л. 1-1 об.

После X съезда РКП(б) в 1921 г. советская власть усилила антирелигиозную пропаганду, стремясь заменить религиозное мировоззрение научным. Красиков отмечал необходимость создания альтернативных книг и учебников для этой цели. Однако, в середине 1921 г. сильная засуха вызвала голод в некоторых регионах страны, заставив правительство на время смягчить антирелигиозную политику. Патриарх Тихон, к этому времени уже придерживавшийся нейтральной позиции по отношению к власти, призвал церкви собирать продовольствие, медикаменты и ценные вещи, не используемые в богослужении, для помощи голодающим.

23 февраля 1922 г. выходит декрет, уже обязывающий служителей отдавать из церковного имущества предметы из золота, серебра и камней, которые не являются существенными для служб. По всей видимости, именно вопрос, какие именно предметы, «изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа», заставило патриарха Тихона писать очередное предостерегающее послание церквям. Л. Троцкий, который занимался вопросом изъятия церковных ценностей, используя ситуацию в Шуе, где произошел мятеж со стороны священников и местных жителей, во многом поспособствовал ускорению этого изъятия. Через ситуацию с церковным имуществом планировалось ускорить раскол в православных кругах, чтобы в дальнейшем на зачаточном уровне предотвратить обновление церкви лояльными священниками. Первая половина 1922 г. стала временем развития обновленческого движения внутри Русской православной церкви, лояльного власти, в дальнейшем утратившего свою лидирующую позицию после возвращения патриарха Тихона из-под ареста.

На XIII съезде РКП(б), прошедшем в мае 1924 г., вновь была поднята тема антирелигиозной работы, особенно в сельской местности, и особое внимание было уделено сектантам – молоканам, староверам и другим. Главной проблемой, по мнению делегатов съезда, было сотрудничество сектантов с кулаками, а также их «религиозная темнота», которую было необходимо преодолеть посредством тщательно разработанной идеологической работы. При этом стенограммы съезда указывают на важный нюанс: в учениях некоторых религиозных общин присутствуют идеи об отказе от частной собственности, что перекликалось с коммунистической идеологией. Сама резолюция съезда, касающаяся религиозных вопросов, отличалась относительно дружелюбным и демократичным подходом к верующим. В итоговых документах XIII съезда особо отмечалась необходимость обратить внимание на сектантов, подвергавшихся жестоким преследованиям в царской России. Подчеркивалось, что в условиях советской власти эту энергию необходимо направить в конструктивное экономическое русло. Была поставлена задача «умелым подходом добиться того, чтобы направить в русло советской работы имеющиеся среди сектантов значительные хозяйственно-культурные элементы» [Попов, с. 50].

Согласно резолюции, антирелигиозная пропаганда в деревне должна была вестись осторожно, без оскорбления религиозных чувств верующих, но на основе материалистических и научных знаний. Признавалось, что победа в этом

направлении может быть достигнута только благодаря длительной и систематической просветительской работе. Эти тезисы во многом основывались на докладе М. И. Калинина, которого активно поддерживал В. Д. Бонч-Бруевич, являвшийся не только революционером и деятелем большевистской партии, но и ученым, исследовавшим сектантское движение в СССР. Идея поддержки сектантских общин не была новой: в начале 1920-х гг. на их базе создавались сельскохозяйственные коммуны и артели. Этот период можно назвать «золотым» временем для религиозных меньшинств в советской России, однако он начал подходить к концу с 1925 г.

В январе 1925 г. был выпущен циркуляр «О сектантском движении и об антирелигиозной пропаганде», который ставил перед ответственными лицами задачу отслеживать политические взгляды лидеров сектантских организаций. В 1926 г. на общесоюзном совещании были сформулированы предложения, регулирующие деятельность сектантских общин. Религиозная политика в этот период постепенно ужесточается, достигнув своего пика в законодательстве 1929 г. Этому усилению контроля способствовало подключение НКВД и ОГПУ к надзору за деятельностью религиозных организаций.

Рост напряженности в отношениях между государством, общественными организациями и религией закономерно привел к введению ряда ограничительных поправок в законодательство и утверждению новых законов. В мае 1929 г. на XIV Всероссийском съезде Советов была принята новая редакция статьи 4 Конституции РСФСР, которая запрещала верующим религиозную пропаганду. Одновременно с этим был издан закон «О религиозных объединениях», призванный систематизировать существующие циркуляры для более эффективного применения на практике.

Начало 1930-х гг. ознаменовалось усилением административного давления на религиозные организации. В частности, практиковались выборочное изъятие имущества у священнослужителей, отправка их на принудительные работы, а также чрезмерное налогообложение.

К середине 1930-х гг., согласно Е. С. Токаревой, в СССР осталось крайне мало католических священников, а въезд иностранным католикам был запрещен. Священников обвиняли в «шпионаже или террористической деятельности по заданию Ватикана». Несмотря на это, в 1933–1934 гг. наблюдается «потепление» с некоторыми странами, где католицизм был доминирующей религией. Установление дипломатических отношений с США в 1933 г. сопровождалось обращениями по религиозному вопросу, а именно – предоставить американским гражданам, получившим право на въезд в СССР, возможность удовлетворять свои духовные потребности. В то же время, образ Ватикана в советской прессе оставался негативным: его представляли как сторонника и защитника фашизма. В свою очередь, итальянская печать требовала освобождения русского народа от «антихристианского рабства» и «московской тирании» [Токарева, с. 299].

В конце 1936 г. была предпринята попытка П. А. Красикова, который на тот момент являлся председателем комиссии по культовым вопросам, внедрить про-

ект нового союзного закона о культах, защищающего верующих от грубых нарушений прав и свобод. Так как Комиссия была посредником между государственной властью и верующими, именно она первая получала тысячи жалоб. Само же государство занимало пассивную позицию относительно несоблюдения законов на местах. По этой причине Комиссия в лице Красикова пыталась наладить связь с властью. В 1937 году был разработан и отправлен в директивные органы проект закона «Об отправлении религиозных культов и о молитвенных зданиях». Однако дважды запрос был проигнорирован. Более того, через год сама Комиссия была упразднена, так как ей не нашлось места в формируемом тогда Верховном Совете СССР.

Историк М. И. Одинцов полагает, что эта ситуация означала курс на ликвидацию каких-либо контактов между правительством и религиозными организациями, что стало закономерным следствием политики «безрелигиозного общества» [Одинцов, с. 286]. Единственной ведомственной структурой, курировавшей религиозный вопрос, был Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД), который, как уже известно, придерживался ограничительных мер, видя в религиозных организациях в первую очередь классового врага социализма. По приказу НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» за 1937–1938 гг. были репрессированы тысячи представителей духовенства и верующих. Кроме этого, к концу 30-х годов были закрыты тысячи храмов и монастырей, многие культовые здания были изъяты и перепрофилированы под нужды государства.

В период с 1917 по 1939 г. в Советской России наблюдалась последовательная и жесткая антирелигиозная политика, развивавшаяся в контексте классовой борьбы и социального переустройства. Эволюция государственной политики в отношении религии сопровождалось эскалацией конфликта, вызванного социальными трансформациями и непримиримым идеологическим противостоянием. Ужесточение репрессивных мер в 1930-е годы, сопровождавшееся отказом от диалога с религиозными структурами, отражало не только стремление к построению атеистического общества и утверждению монополии власти, но и стратегию по установлению контроля над религиозными организациями. Подобная политика привела к значительному ослаблению религиозных сообществ в стране.

Список источников

1. В. И. Ленин об атеизме, религии и церкви / общ. ред. А. Ф. Окулова; сост. А. Андриенко, М. М. Персиц. – М.: Мысль, 1980. – 405 с.

2. Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. – Т. 1. – Кн. 1. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 646 с.

3. Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. – Т. 1. – Кн. 2. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 670 с.

4. Одинцов М. И. Живущие надеждой. Церковь христиан-адвентистов седьмого дня в России 1886–1991 гг. История и люди, факты и события, уроки и новые возможности. – М.: Росспэн, 2022. – 575 с.

5. Попов В. А. Христианские коммуны Проханова // Наука и религия. – 1990. – № 7. – С. 48–51.

6. Токарева Е. С. Ватикан в фокусе советской политики и пропаганды. 1921–1941. – М.: «Весь мир», 2023. – С. 282–299.

Сведения об авторе

Сучкова Олеся Александровна – преподаватель-исследователь, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-8179-6834, e-mail: aboveall@yandex.ru

УДК 93
ГРНТИ 03.23.25

Водские племена в составе земель Великого Новгорода в XIII–XV вв.: к вопросу о территориальных, культурных и этнических границах

В. А. ТАРБЕЕВ

В статье придпринимается попытка определить территориальные, культурные и этническихе границы Водской земли в составе земель Великого Новгорода в XIII–XV вв. Выводы исследования основаны на анализе основных письменных источников, относящихся к изучаемому периоду, а также на заключениях ведущих специалистов по данной проблеме, – в первую очередь археологов.

Ключевые слова: финно-угры, водь, чудь, Великий Новгород, северо-запад Руси, Средневековье, археология.

На северо-западе Руси в XIII–XV вв. происходило активное социальное, экономическое, культурное и политическое взаимодействие как между финно-угорскими племенами и Великим Новгородом, так и между отдельными племенами финно-угров, такими как водь, чудь, ижора, карелы. Эти народы, благодаря своему географическому положению, оказались на пересечении важнейших торговых, военных и культурных коммуникаций и приняли в них активное участие.

В рассматриваемый период наблюдались значительные процессы политической консолидации – земли, занятые финно-угорскими племенами, постепенно включались в зону влияния Великого Новгорода. Водские земли стали важным объектом экспансии, а их включение в состав новгородской земли послужило укреплению стратегически значимого северо-западного порубежья.

Стоит признать, что вопрос о границах территории, занимаемой вожанами в XIII–XV вв., весьма сложный и остаётся открытым. Известно, что северо-западные земли, подконтрольные Новгороду, в частности южный берег Финского залива и Ижорское плато, в то время назывались Водской землёй и, согласно территориальному делению Господина Великого Новгорода, входили в Водскую пятину. Впервые термин «Водская (или «Вотская») земля» зафиксирован в летописи и датируется 1338 г. [Новгородская первая летопись …, с. 349]. Но чётко выделить конкретно водские поселения, основываясь на археологических

источниках, не всегда является возможным в силу довольно раннего влияния русского пришлого населения на вожан.

Водской землёй, судя по всему, называли территорию, соотносящуюся с Ижорской возвышенностью, а центром водской земли к XIV в. становится Копорье, которое в конце XIII в. превращается уже в мощную каменную крепость [Древнерусские княжеские уставы …, с. 150]. При этом, в данном вопросе присутствуют весьма дискуссионные моменты. Дело в том, что письменные источники XIII–XIV вв. не содержат конкретных сведений о размежевании тех земель. Выводы о территориях, занимаемых в то время водью, основываются, помимо археологических источников, лишь на данных Новгородских писцовых книг [Новгородские писцовые книги …, с. 102]. Проблема заключается в том, что эти источники были составлены в более поздний период, а именно в конце XV в. и в начале XVI в., т. е. после присоединения Новгородских земель к Московскому государству. Однако есть все основания полагать, что территориальное деление водских земель сохранялось с более раннего времени [Рябинин, 2001, с. 102].

Также при рассмотрении вопроса о вхождении водских племён в состав Новгородских земель необходимо подчеркнуть, что в восточной части Финского залива, как культурном пространстве, зачастую сложно достоверно установить прямую связь между археологическими находками и этнической принадлежностью изучаемого народа.

По мнению ряда исследователей, большинство из финно-угорских племён на северо-западе Древней Руси не представляли из себя цельных, монолитных общностей. Родственный язык, общие топонимы, постоянные контакты даже не столько между племенами, сколько между соседними общинами – всё это способствовало «размытию» культурных границ между такими народами, как ижора, водь, чудь и др. [Михайлова, с. 174].

При работе с археологическими источниками исследователь, как правило, может выявить культурные особенности той или иной языковой группы древнего населения. Однако провести на карте чёткие культурные границы, которые определили бы территорию расселения именно этнически однородной общности, практически нереально. При этом представляется вполне возможным на основе материальной культуры выявить общие черты конкретного финно-угорского населения, но преимущественно в контексте политической или религиозной принадлежности [Там же, с. 182].

Весьма интересно то, что очагом формирования водской народности считается не сама Ижорская возвышенность, а территория к западу от неё. Данная территория встречается в источниках как «погосты в Чуди» [Рябинин, 1997, с. 20].

Стоит сделать небольшое отступление и упомянуть, что термин «чудь» довольно расплывчатый и неоднозначный, но, насколько нам известно, в то время характеризующий древних эстонцев. Чудью также называли и вепсов, но значительно позже – с XVIII в.

Свидетельством того, что древние водские племена являются ближайшими родственниками северных эстов, служат как обширные археологические материалы, так и лингвистическое родство водского и эстонского языков. Несомненно,

в силу географического положения и, соответственно, политической ситуации, с XII–XIII вв. вожане и древние эстонцы развивались обособленно друг от друга. Проследить в этом смысле самостоятельность культуры водских племён возможно по локальным разновидностям украшений, архаическим типам прибалтийско-финских изделий и полному отсутствию ряда предметов материальной культуры, характерных для Юго-Восточной Прибалтики [Там же, 1997, с. 45].

В связи с этим в определённой степени является справедливым утверждение о том, что водские племена представляют из себя часть древних северных эстонцев, которые, начиная с XIII в., попали под сильное культурное, политическое и социально-экономическое влияние Новгорода и находились с новгородскими поселенцами в тесном контакте, постепенно интегрировавшись в русское население [Стасюк].

Представляется важным проследить, на основе чего сделано предположение об очаге формирования води как народности. Вывод о том, что именно с тех мест, а именно к западу от Ижорского плато, вышли вожане, подкреплён в первую очередь многочисленными археологическими памятниками. Наиболее широко их осветил и проанализировал в своих трудах Евгений Александрович Рябинин [Рябинин, 1992], под чьим руководством в 1970-х гг. работала Ижорская археологическая экспедиция. На основе полученных материалов при археологических раскопках в районе деревень Великино, Валговицы, Котлы и Кайболово (Кингисеппский р-н) Евгений Александрович изучил, описал и охарактеризовал множество погребений и остатков водских поселений XI–XV вв.

Таким образом, применительно к периоду XIII–XV вв. под термином «водь» понимается древнее население Ижорского плато и южного побережья Финского залива. Местное население данных территорий не обязательно было этнически однородным, но однозначно имело общие культурные особенности и зачастую действовало сообща, участвуя в политических процессах.

Местная региональная культура складывается на упомянутых выше территориях начиная с середины XII и на протяжении всего XIII в. Обратившись к археологическим источникам, интересно проследить процесс интеграции нового населения в местные племена. В первую очередь это можно выявить на основе различий в традициях погребального обряда. Например, сидячие погребения, появление которых на Ижорском плато предположительно сопоставляют с миграцией населения из восточных районов земель Новгорода, датируются не ранее конца XII – серединой XIII в. [Лесман].

Евгений Александрович Рябинин, глубоко проанализировав водские захоронения, сделал следующий вывод: «Неоднозначность проявления этого обряда [сидячие захоронения] в разных могильниках, а также прослеживаемая его корреляция с половой принадлежностью умерших на ряде памятников свидетельствуют о взаимосвязи специфического похоронного обычая с притоком в формирующуюся среду населения Ижорского плато носителей новых погребальных традиций. Отсутствие в женских захоронениях типичных для региона украшений – ромбощитковых и многобусинных колец – предполагает включение в

процесс культурогенеза популяций, не обладавших такого рода этнографическими признаками. Это же подтверждается бедностью и разрозненным составом отдельных категорий инвентаря женских ингумаций» [Рябинин, 2001, с. 109–110].

Безусловно, ассимиляции местных племён также способствовала политика, проводимая новгородской администрацией, особенно во время княжения Александра Невского. Как известно, в тот период велась непрерывная борьба за северо-западные новгородские земли между, собственно, Новгородом и немецкими крестоносцами. В связи с этим новгородской власти было необходимо укрепить своё влияние на местные племена, в том числе через активное насаждение православия в противовес римско-католической церкви захватчиков.

В частности, в тот период на порубежье Ижорской возвышенности новгородцами была создана целая сеть погостов с православными церквями, призванная стать опорой в миссионерской деятельности православной церкви в водских землях [ПСРЛ …, с. 449]. Таким образом, погосты становились не только административным округом в составе Новгородских земель, но и брали на себя важнейшую функцию округа церковного [Тихомиров].

Так, согласно материалам Писцовой книги Водской пятины [Новгородские писцовые книги …, с. 93], к 1500 г. в Водскую пятину входило 59 погостов, в 39 из которых имелись церкви.

Тем не менее, несмотря на все усилия Новгорода распространить православие среди вожан и таким образом вытеснить старые финно-угорские традиции, полностью искоренить язычество не удавалось ещё долгое время. Судя по всему, в период XIII–XV вв. в водской земле существовала система двоеверия, лишь с поверхностным влиянием христианской обрядности [Рябинин, 1997, с. 41–42].

Такое положение дел, насколько известно, продолжалось вплоть до XVI в. Например, в посыльных грамотах новгородских архиепископов Макария и Феодосия об искоренении язычества на севере Новгородской земли, датированных первой половиной XVI в., называется Толдожский погост (к юго-западу от Копорья), крестьяне которого «к церквам к божественному пению не ходят,... ко отцам своим духовным, ко шуменам и попам, на покаянье не приходят, а молятца деи по скверным своим молбищом древесом и каменью... и призывают деи на те свои скверные молбища злодеевых отступник арбуев Чюдцкых, и мертвых своих они кладут в селах по курганам и по коломищем с теми же арбуи, а к церквам деи своих умерших оне не возят сохраняти» [Дополнения к актам историческим …, с. 28].

Новгородское духовенство в первую очередь было недовольно тем, что в финно-угорской среде продолжали использовать местный, ещё, по сути, языческий обряд погребения. Деятельность новгородской администрации вместе с церковными представителями не смогла до конца разрушить традиции водских племён, что особенно характерно для поселений финно-угров, расположенных на некотором удалении от центральных погостов. Так называемые «коломища» («калма» – диалектное «смерть») – т. е. «земля мертвых» – могилы с каменными выкладками, упоминаемые в средневековых письменных источниках, продолжали функционировать как основная форма погребения вплоть до середины XVI в. [Попов, с. 67–68].

К концу XV в. большая часть Ижорской возвышенности была освоена русским населением. Местные водские племена в основном ассимилировались с пришлым славянским населением, постепенно растворившись и став частью нового этнического образования [Рябинин, 1997, с. 60].

Таким образом, основываясь на синхронных археологических и более поздних письменных источниках, можно соотнести летописную водскую землю с Ижорской возвышенностью и прилегающими к ней окрестностями.

Что же касается культурных и этнических границ, то необходимо подчеркнуть, что в восточной части Финского залива как культурном пространстве провести на карте чёткие этнические и культурные границы, которые определили бы территорию расселения именно этнически однородной общности, практически нереально.

При этом, представляется возможным на основе материальной культуры лишь выявить общие черты конкретного финно-угорского населения, но преимущественно в контексте политической или религиозной принадлежности.

Список источников

1. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. – 446 с.
2. Древнерусские княжеские уставы. XI–XV вв. / Я. Н. Щапов, отв. ред. Черепнин Л. В. – М.: АН СССР, Ин-т истории СССР; Наука, 1976. – 240 с.
3. Лесман Ю.М. О сидячих погребениях в древнерусских могильниках // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 164: Славяно-русская археология. – Л., 1981. – С. 52–58.
4. Михайлова Е.Р. Из истории изучения славяно-финских отношений в Ингерманландии и в Водской земле // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э. – М.: ИА РАН, 2021. – С. 172–185.
5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Акад. наук СССР, Ин-т истории; [под ред. и с предисл. А. Н. Насонова]. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 641 с.
6. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. 3: Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года. Первая половина. – СПб., 1868. – 500 с.
7. Попов А. И. Следы времен минувших: Из истории геогр. назв. Ленингр., Псков. и Новгор. обл. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. – 206 с.
8. ПСРЛ, изданное Постоянной историко-археографич. комиссией АН СССР. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 3. Продолжение Суздальской летописи по академич. списку. – Л., 1928. – 577 с.
9. Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований, 1971–1991 гг.) / Е.А. Рябинин; Рос. акад. наук. Ин-т истории матер. культуры. – СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2001. – 260 с.
10. Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т истории матер. культуры РАН. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. – 260 с.
11. Рябинин Е. А. Чудь Водской пятины // Древности славян и финно-угров. – СПб., 1992. – С. 143–151.
12. Стасюк И. В. Происхождение и ранняя история води: старые дискуссии и новые находки // Этнография – № 3 (21)/2023. – СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2023. – С. 68–89.

13. Тихомиров С. А. Черты церковно-приходского и монастырского быта в Писцовой Книге Водковской пятины 1500 года (в связи с общими условиями жизни) / Архимандрит Сергий (Тихомиров). – СПб.: Тип. М. И. Акинфеева, 1905. – XXX, 456, 115. с.

Сведения об авторе

Тарбеев Владислав Александрович – студент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0009-9374-4474, e-mail: XIIIcrusaderXIII@ya.ru

УДК 821.161.1
ГРНТИ 03.29.07

История в российских университетах первой половины XIX в. (Н. В. Гоголь, М. П. Погодин)

И. А. ТУЛЬПЕ

Историческое образование и просвещение – одна из важных основ формирования идентичности. Большое значение в этом процессе имела система просвещения, высшей ступенью которой были университеты и приравненные к ним образовательные учреждения. На примере двух публикаций в «Журнале Министерства народного просвещения» (1834) показаны цели университетских курсов всеобщей истории, сформулированные их авторами.

Ключевые слова: история, просвещение, университеты, Н. В. Гоголь, И. Н. Погодин.

В 1802 г. в рамках реформ Александра I было учреждено Министерство народного просвещения (МНП). Согласно «Предварительным правилам народного просвещения» (1803 г.) были созданы шесть учебных округов (Москва, Петербург, Дерпт, Вильно, Харьков, Казань) с университетами во главе и четырехступенчатая система образования (приходские школы, уездные училища, гимназии и университеты). Московский Императорский университет, учрежденный в 1755 г. Указом императрицы Елизаветы Петровны, в 1804 г. был передан в ведение Министерства народного просвещения (Императорский Московский университет). Устав 1804 г. наделил университеты широкой автономией и свободой преподавания.

В 1817 г. МНП стало частью Министерства духовных дел и народного просвещения, усилившего – в борьбе с «вольнодумством» – контроль за содержанием образования. «Необходимость бдительного надзора за преподаванием в университетах признавалась руководящими деятелями Министерства после 1816 г. также единодушно, как прежде составителями уставов 1804 г. свобода преподавания считалась одним из главных условий процветания университетов» [Рождественский, с. 125]. Обсуждались вопросы, требовать ли от назначаемых профессоров программ по наукам, диссертаций для суждения об их знаниях и направлении; об исключении некоторых наук, особенно, философии, из круга университетского преподавания. В 1826 г. было решено, что «курс философских наук, очищенный от нелепостей новейших философов, основанный на истинах

христианского учения и сообразный с правилами монархического правления, необходим в наших высших учебных заведениях» [Рождественский, с. 127]. Начал вырабатываться новый тип школы – гимназия высших наук или лицей, соединявший гимназический и университетский курсы. Такими училищами были, в частности, Царскосельский лицей (основан в 1811 г.) и Нежинская гимназия высших наук (основана в 1820 г.) [Рождественский, с. 74–79]. По проекту (1816 г.) князя А. Н. Голицына (1773–1844) Санкт-Петербургский педагогический институт был преобразован в Главный педагогический институт, ставший по статусу близким к университету. Устав указывал специальное назначение института «в образовании учителей, магистров, адъюнктов, профессоров для всех училищ в Империи, подведомственных Министерству Просвещения и независящих от оного, наставников для частных учебных заведений или пансионов, и для домашнего воспитания» [Рождественский, с. 120]. Представленный С.С.Уваровым (1786–1855) проект преобразования Главного педагогического института в Санкт-Петербургский университет был утвержден в 1819 г. Недруги приписывали проекту цель «отвергнуть всякое нравственное и христианское образование», его считали «несогласным с духом правительства» [Рождественский, с. 123].

Министерство духовных дел и народного просвещения просуществовало до 1824 г. Возвращение МНП в пределы, установленные общим учреждением министерств 1811 г., началось при министре А.С. Шишкове (1754–1841). Шишков считал, что народное образование должно быть национальным, оберегать юношество от заражения «лжемудрыми умствованиями, ветротленными мечтаниями, пухлою гордостию и пагубным самолюбием»; что «науки, изощряющие ум, не составят без веры и без нравственности благоденствия народного»; что науки полезны только тогда, когда «употребляются» и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и «по надобности каждого звания». Излишества, как и недостаток наук, равно противны истинному просвещению. Обучение грамоте всего народа или несоразмерного его числу количества людей принесет больше вреда, чем пользы. [Рождественский, с. 167].

С. С. Уваров, занимавший пост министра дольше своих предшественников (1833–1849), успел провести принципы своей программы в ряде преобразований, затронувших все стороны учебной системы. В их числе: ограничение университетской автономии (ректоры назначались правительством, усилен надзор попечителей) и академической свободы университетов, утверждение «классицизма» (латынь, греческий, закон Божий) как основы общего образования; более строгое сословное разграничение разных степеней школ, подчинение частных заведений и домашнего образования правительственному контролю и т.д. [Рождественский, с. 224]. Реформа 1835 г., по словам министра, преследовала две главные цели: (1) «возвысить университетское учение до рациональной формы, и поставив его в степень, доступную лишь труду долговременному и постоянному, воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному вступлению в службу молодежи еще незрелой»; (2) «привлечь в университеты детей высшего класса в империи и положить конец превратному домашнему воспитанию их иностранцами; уменьшить господство страсти к иноземному образованию, блестящему по

наружности, но чуждому основательности и истинной учености, и, наконец, водворить, как между молодыми людьми высших сословий, так и вообще в университетском юношестве, стремление к образованию народному, самостоятельному»[1] [Рождественский, с. 244–245].

Очевидно, что в первой половине XIX в. образовательная политика Министерства народного просвещения балансировала между просветительскими идеалами и контролем со стороны государства.

В 1834 г. вышел первый номер ежемесячного «Журнала Министерства народного просвещения» (ЖМНП), две публикации в котором представляют особый интерес.

Выпускник Нежинской гимназии высших наук Н. В. Гоголь (1809–1852) переехал в Петербург, где завязались важные для него литературные знакомства. Здесь он работал преподавателем в Патриотическом институте (1831–1835) и недолго в должности адъюнкта в Петербургском университете (1834–1835). Через В. А. Жуковского Гоголь представил С. С. Уварову рукопись «Плана преподавания всеобщей истории»[2].

Всеобщая история – не набор событий, а единый процесс развития человечества от истоков до современности, преодоление свободным духом человека невежества, природы и препятствий. Ключ к пониманию истории – география, которая объясняет влияние природы на характер народов, их нравы, законы и формы правления. Важно выделять всемирно значимые события, показывая их причины и далеко идущие последствия. Эти «маяки истории» – основа понимания всего процесса. Исходя из этого, структура курса определена Гоголем следующим образом: (1) набросать эскиз всей истории, чтобы показать единство процесса. Изобразить Восток: колыбель цивилизации с её патриархальными царствами, где лишь финикийцы связывали разрозненные культуры, а персы – первые объединители, подчинившие народы, но сохранившие их традиции. Изобразить как возник греческий народ с «его республиканским духом, поэтической религией, ясными, живыми идеями» и попыткой «одного честолюбивого грека» соединить Восток с Европой. Мировая монархия падает со смертью Александра, но знаменитый «александрийский век» опять смешивает народы. «Железная сила» Рима поглотила мир, но пала под грузом внутреннего разложения, уступив место христианству и новым народам. Показать как «новый сильный народ» на Аравийском полуострове, движимый «совершенно восточной» религией, «магометанством», из завоевателя делается просветителем с «роскошной фантазией» и глубокими мыслями, но вдруг «затмевается» «выходцами из-за Каспийского моря». И почти в то же время норманны грабят и овладевают целыми государствами, при этом прибавив Европе «свои силу и нравы». Писатель и будущий профессор лаконично живописует крестовые походы, возвышение

[1] В 1849 г. Уваров был уволен, новым министром в 1850 г. Николай I назначил князя П. А. Ширинского-Шихматова (1790–1853).

[2] Подробнее см.: Замыслова Е.Е. Н. В. Гоголь в «Журнале министерства народного просвещения»: историк, преподаватель, публицист // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2009. С. 119–134.

папства, экономическое могущество Венеции, сокрушенное «генуэзским гражданином», открывшим Новый свет. Подобно и августинский монах Лютер сокрушил власть папы. В конечном счете автор доходит до войн Наполеона (на погибель свою вторгнувшегося в Россию), до просвещения, которое начинает «разливаться даже в низшем классе народа» и т.д.; (2) разобрать порознь историю государств и народов, «составляющих великий механизм всеобщей Истории» – возникновение, пик могущества, причины упадка, наследие; (3) сделать обзор каждой части света и показать отличия их и народов в них находящихся. Такой обзор необходим, чтобы «те же предметы» показать с новой стороны, «чтобы наводить на мысли и заставлять слушателей думать. Ум тогда быстрее развивается, когда сам предлагает себе великий и поэтический вопрос»; (4) рассмотреть «одним разом» весь мир по столетиям, обозначив каждое ключевой фигурой или народом [Гоголь, с. 195–204]. Особое внимание Гоголь обращает на способ изложения материала: каждая лекция – законченное целое, как поэма, где ясно видна связь причин и следствий. Слог должен быть страстным и ясным. Необходимо учитывать возраст слушателей – время сильных впечатлений и энтузиазма. Цель – воспитать слушателей на опыте истории, сделав их стойкими в принципах, способными противостоять любым испытаниям и «быть верными Отечеству и Государю» [Гоголь, с. 209].

В лекции «О всеобщей истории», прочитанной при вступлении в должность ординарного профессора Московского университета, М. П. Погодин[1] рассуждает об истории и ее познании. Он утверждает, что история это процесс, управляемый высшими законами, которые сочетают в себе необходимость и свободу человеческой воли. Погодин проводит параллели между историческими событиями разных эпох и народов, показывая, что в них прослеживаются общие закономерности. Так, в Европе государства начинаются одинаково – «от бракосочетания победителей с побежденными», и у всех происходит одно явление – феодализм, и переход от феодализма к «Единодержавию». Истории восточно-европейских государств не сходны с западными, но сходны между собой, «сходно» теряя политическую независимость. Основание России – среднее между основаниями западных и восточных государств. Если человечество сохраняется, то для чего-нибудь, т. е. имеет цель «в себе ли, вне ли» [Погодин, с. 34–36]. «Верно, дух человеческий так же постепенно возделывался, как и природа; верно, действия его составляют такую же непрерывную цепь, какую составляют естественные произведения. Верно и для сотворения природы нравственной есть вторые шесть дней творения, коих историком должен быть новый Моисей» [Погодин, с. 40]. Соединение законов необходимости с законами свободы – «такое же таинство, как соединение мысли с словом, как соединение души с телом» [Погодин, с. 41]. Особое внимание он уделяет роли Провидения в истории, утверждая, что за кажущейся хаотичностью событий стоит божественный замысел. Погодин также критикует догматический подход некоторых философов, претендующих на

[1] М. П. Погодин (1800–1875), выпускник словесного отделения Московского университета, на первом курсе которого с 1825 по 1828 год он преподавал всеобщую историю. С 1828 по 1833 г. был адъюнктом на этико-политическом отделении, (позднее преобразованном в юридический факультет), где читал исторические курсы.

«полное понимание» истории: когда не встречаю ни на одной странице никакого сомнения, недоумения, вопроса; когда я вижу, что автор ее все знает, в противоположность Сократу, который под конец своей мудрой жизни узнал, что ничего не знает, то «я теряю доверенность к его умствованию». «Неужели находить в науке приятнее, чем искать?» – задает он (риторический) вопрос [Погодин, с. 42]. В заключение он обращается к слушателям, призывая их ценить время учёбы как период чистого стремления к знаниям и духовного роста, видя в этом основу будущего счастья и смысла жизни.

Оба автора опубликовали в ЖМНП еще некоторое количество статей на темы истории, но в данном случае нет цели рассматривать/оценивать исторические воззрения (концепции) того и другого. Принципиально важным является отношение их к задачам преподавания – наводить на мысли, заставлять слушателей думать, видеть истинное наслаждение для учёного не в обладании знанием, а в его поиске.

Список источников

1. Гоголь Н. В. План преподавания всеобщей истории // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1834. – Ч. 1. – № 2. – С. 189–209.

2. Замыслова Е. Е. Н. В. Гоголь в «Журнале министерства народного просвещения»: историк, преподаватель, публицист // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2009. – С. 119–134.

3. Рождественский С. В. (сост.) Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. – СПб.: М-во нар. прос., 1902. – 785 с.

4. Погодин М. П. О всеобщей истории. Лекция г. Погодина при вступлении в должность ординарного профессора в Императорском Московском университете // Журнал Министерства народного просвещения. – 1834. – Ч. 1. – № 1. – С. 31–44.

Сведения об авторе

Тульпе Ирина Александровна – доктор философских наук, доцент, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID 0000-0001-7010-6175, e-mail: tulpei@yandex.ru

УДК 93/94
ГРНТИ 03.23.55

Проблема сохранения религиозной идентичности представителями русской православной эмиграции первой волны в условиях давления со стороны государства (на примере Эстонии и других государств-лимитрофов)

Д. В. ХМЫРОВ

На впервые вводимых в научный оборот материалах анализируется проблема сохранения религиозной идентичности представителями русской православной эмиграции первой волны в условиях радикальной антирусской и антиправославной политики государств-лимитрофов.

Ключевые слова: православие, русская православная эмиграция, русская церковная эмиграция, Русская Православная Церковь за границей, Архиерейский Синод, митрополит Антоний (Храповицкий), Эстония, государства-лимитрофы, русофобия, религиозная идентичность.

Русская православная эмиграция после 1917 г. столкнулась со многими трудностями, прежде всего в области выстраивания отношений с государствами-реципиентами. В ряде стран, территория которых ранее входила в состав Российской империи, наблюдались схожие явления. Например, в Польше жесткими методами проводилась политика полонизации этнических русских православных, существенно была сужена религиозная свобода национальных меньшинств, бывших российских граждан, государственная политика проводилась в духе русофобии[1].

В другом лимитрофе, некогда входившем в состав Российской империи, в Эстонии, наблюдались аналогичные явления. О фактах антирусской и антиправославной политики говорится в письмах прихожанки М. Н. Трапезниковой от 1/14 февраля и 9/22 февраля 1935 г. к митрополиту Антонию (Храповицкому), отправленных в Сремские Карловцы (Югославия) через Иерусалим. Автор откровенно характеризует новую религиозную политику как «гонение на православие, организованное эстонскими русофобами, может быть и немногочисленными, но очутившимися у власти»[2].

10 мая 1920 г. Эстонская Церковь получила автономный статус, а в сентябре ее Собор избрал архиепископом Таллиннским и всей Эстонии протоиерея Александра Паулуса. Оба решения были санкционированы Святейшим Патриархом Тихоном. Под прямым давлением эстонских политических властей и националистической части эстонского духовенства, стремившихся к разрыву с Москвой, 23 сентября 1922 г. Собор автономной Эстонской Церкви обратился к Константинопольскому Патриарху Мелетию IV (Метаксакису) с просьбой предоставить статус автокефалии.

С 7 июля 1923 г., согласно томосу, утверждался новый статус Эстонской Православной Церкви, преобразованной в автономный церковный округ в составе Константинопольского Патриархата под названием «Эстонская Православная Митрополия». Данное неканоническое деяние, к тому же совершенное во время пребывания Патриарха Тихона в заключении, не было признано священноначалием Русской Церкви. В июле 1926 г. Эстонская Православная Церковь получила официальное наименование «Эстонская Апостольская Православная Церковь» (ЭАПЦ). В это время общее количество православных в Эстонии достигало 210 тыс., из них 130 тыс. эстонцев и 80 тыс. русских.

---

[1] См. об этом: *Хмыров Д. В.* Взаимодействие иерархов Русской Зарубежной Церкви с высшими церковными и государственными властями в странах Европы в 1930-е гг.: По материалам переписки митрополита Антония (Храповицкого) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2025. № 1. (В печати)

[2] ГАРФ. Р-6343. Оп. 1. Д. 288. «Переписка Архиерейского синода с церковнослужителями по разным вопросам. 1932–1941». Л. 105–112 об.

Как считают некоторые современные исследователи, среди русских жителей Эстонии митрополит Александр имел высокий нравственный авторитет и пользовался любовью прихожан[1]. В 1934 г. приходы получили государственную компенсацию за национализированную в начале 1920-х гг. церковную землю, им были предоставлены права юридического лица. Однако можно заметить, что в целом процессы, последовавшие за обретением автономии Эстонской Церковью, повлекли за собой немало неприятностей для русских православных эмигрантов и вызвали негативную реакцию с их стороны. Так, автор письма, М. Н. Трапезникова, возлагает на митрополита Александра (Паулуса) немалую вину за тяжелое положение православных в Эстонии, особенно русской паствы Нарвской епархии. «К гонению этому, как это ни звучит нелепо, руку приложил и сам именующий себя Главою Эстонской православной апостольской церкви, митроп[олит] Александр (родом эстонец), который, как всякий предатель, перебарщивает в своем усердии…» [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 105]. В качестве примера она передает слова товарища министра внутренних дел Г. Кукке, давшего разъяснение относительно нового Закона о церквах и вероисповедных обществах, который четко предписывал переход на новый стиль в Православной Церкви осуществить с начала нового церковного года, т. е. с сентября 1935 г. Однако митрополит Александр «спешит требовать от приходов» перейти на новый стиль в совершении богослужений намного ранее установленного законом срока – уже с 24 декабря 1934 г. [ГАРФ. Р-6343. оп. 1, д. 288, л. 105].

Автор с невыразимой болью пишет о беззащитности этнических русских православных людей, бывших псковичей, оставшихся в новой Эстонии, о попрании церковных канонов, о прямом вмешательстве государства во внутреннюю жизнь Русской Православной Церкви и о поддержке им неканонического раскола русского православия, о единственной оставшейся надежде на митрополита Антония, как авторитетного иерарха в православном мире того времени:

> И всякому эстонскому православному, кто поднимет не только у меня в Эстонии, но хотя бы и за границей голос свой против этого чудовищного закона, попирающего священное предание и каноны, какими церковь только и жива, грозят, как нарушителю общественного спокойствия, всяческие репрессии.
>
> Бедный, несчастный православный Русский люд в Принаровье и Обозерье, бывшие Псковичи. Кто встанет на защиту малых сих? Кто отведет руку, поднятую на них, чтобы убить в них веру отцов, дух их?
>
> Каюсь, чтение всех этих сообщений причинило мне такую нестерпимую боль, что хочется кричать в голос на весь мир: «Помогите, кто в Бога верует! Погибаем!» Но голос мой мал и слаб и подобен жужжанию мухи. К кому же мне обратиться, как не к Вам, архипастырь и Отец: Помогите! Помогите!
>
> Умом, конечно, я сознаю, что делается это не без попущения Божия, но ведь и вид утопающего, тоже, конечно, не без попущения Божия, заставляет же видящих его принимать необычные даже иногда меры к его спасению [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 106].

[1] Александр (Паулус), митрополит // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravenc.ru/text/64276.html (дата обращения: 8.03.2025 г.)

К письму приложены ряд номеров издания «Старый Нарвский листок», где опубликована новая законодательная база в отношении Православной Церкви в республике.

Первым в списке правовых актов религиозной направленности стоит Закон о задержании опасных для государства лиц, подписанный лично главой государства. В соответствии с ним, чиновникам, отвечающим за национальную безопасность – главнокомандующему армией, а также министру внутренних дел предоставляется право ограничивать свободу лиц, угрожающих «государственному строю или общественному спокойствию» [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 107]. Это может быть арест в виде содержания под стражей в тюрьме или в других назначенных правительством местах, а также высылка из страны.

Нам представляется важным комментарий М.Н. Трапезниковой, говорящий, что данная публикация следует за сообщением о созыве Собора представителей православных приходов, повестка которого предполагала обсуждение вопроса об устройстве церковной жизни, о реорганизации приходских советов и пр. Поскольку государство сомневалось в политической лояльности этнических русских православных, чьи гражданские и религиозные права были ущемлены, то данная публикация была явным намеком и предупреждением всем несогласным с государственной политикой [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 107].

Следующая публикация, Закон о церквах и вероисповедных обществах, имел большое значение в глазах государства, о чем говорит широкое обсуждение его проекта в 1934 г. на уровне особой правительственной комиссии под председательством эстонского лидера [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 108]. В итоге 24 декабря 1934 г. новый закон вступил в силу.

Большое место в документе отводилось собственно организации внутрицерковной жизни. В соответствии с законом существенно урезались права Приходских советов, хотя документ провозглашал право самоуправления всех церквей и религиозных общин страны. Однако на практике выходило, что церковные приходы, объединяющие свыше 100 человек, должны были утверждаться правительством. В случае, если численность прихожан была ниже, устав регистрировался на уровне министра внутренних дел. Все священнослужители должны были иметь эстонское гражданство. Новшеством для русской православной традиции явилось введение обязательного членского взноса каждым членом прихода, а в случае своевременной неуплаты вводился принудительный порядок взыскания долга. Заметим, что в Православной Российской Церкви никогда не было подобных обязательных для прихожан платежей, все пожертвования всегда носили добровольный характер.

Вместе с тем каждый приход получал статус юридического лица. Выборы приходского совета осуществлялись посредством голосования всеми совершеннолетними прихожанами. Министр внутренних дел имел возможность отменить любое церковное постановление, в случае несоответствия государственному законодательству в области религии [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 109].

В правовом акте подробно описана процедура избрания главы Эстонской Православной Церкви. Избранный Собором кандидат вначале утверждается министром внутренних дел, после чего тот предлагает избранного кандидата к утверждению главой государства, который в свою очередь мог отклонить избранное лицо и потребовать повторных выборов [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 109].

Закон предусматривал процедуру урегулирования спорных вопросов посредством судопроизводства. «Для решения спорных вопросов предусмотрены две инстанции церковного суда (религиозная и административная). В случае, если церковный суд, согласно своим правилам, вынес обвиняемому известный приговор, то дело виновного рассмотрению в гражданском суде не подлежит» [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 109].

Таким образом, решение церковного суда имело юридическую силу в светском правовом поле. Данный правовой акт являлся выражением большой вовлеченности государства во внутрицерковную жизнь. Решение политических задач и контроль за духовной жизнью подданных являлись главной целью нового государственного объединения в области религии.

Третий нормативный документ 1934 г., подписанный главой государства К. Пятсом, был посвящен строгой регламентации национальных и религиозных праздников и связанных с ними выходных дней [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 110–110 об.].

Согласно закону, работа во всех учреждениях и заведениях прекращалась в 12.00 часов дня в Страстную Субботу, в Сочельник, в канун Нового года, накануне Троицы и накануне праздника Победы[1] (за исключением сельского хозяйства) [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 110].

Также на законодательном уровне были запрещены различные увеселения и собрания: в день поста и молитвы, в Великий Четверг, в 1-й день Пасхи, в день поминовения усопших, в 1-й день Рождества, и с 18.00 часов – в Рождественский Сочельник, в Великий Четверг и в Страстную Субботу [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 110 об.]. По воскресным и праздничным дням, за исключением 1 мая, различные увеселения и общественные собрания были запрещены во время проведения богослужений – в городе с 9.30 до 12.00; в деревне с 10.30 до 13.00 [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 110 об.]. Исключение допускалось только с особого разрешения министра внутренних дел.

Указанные нормы представляются не только выражением тотального участия государства в религиозной жизни своих граждан, но в большей степени – заботой об удобстве и комфорте верующих, а также, возможно, некоей духовной миссией среди нерелигиозных людей. Заявленные рамки, вне всякого сомнения,

[1] 23 июня в Эстонии отмечается государственный праздник – День победы в Выннуском сражении. В этот день в 1919 г. эстонские войска отразили нападение немецких войск Ландесвера и одержали победу в городе Вынну (Северная Латвия), что явилось одним из главных сражений в ходе Освободительной войны за независимость прибалтийских государств.

являлись живым отголоском патриархальной традиции дореволюционного российского общества, которые представить сегодня в России и тем более в Европе уже невозможно.

Имеющиеся документы дают возможность ознакомиться с оценкой религиозной политики со стороны государства. Товарищ министра внутренних дел господин Г. Кукке дал в печати ряд разъяснений по поводу нового Закона о церквах и вероисповедных обществах. Чиновник заявил, что «данный закон является незаурядным событием в нашей государственной жизни, т. к. дает возможность развития церкви под покровительством государства и взаимного сотрудничества» [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 111]. Государство, по его словам, признало, что религиозная жизнь является значительным фактором в деле морального воспитания граждан.

В понимании государства, по новому закону Церкви предоставляются широкие права для самостоятельного строительства – права самоуправления и самоорганизации. Однако государство определяет наименование Церкви, форму облачения духовенства, очерчивает рамки прав верующих на совершение богослужений на своем национальном языке и т. д. По нашему мнению, последнее говорит как раз о вмешательстве во внутреннюю жизнь Церкви [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 111].

Эстонская Апостольская Церковь была вынуждена принять предложенные ей правила.

Перечисленные законодательные акты и изложенные в них новые нормы широко публиковались на страницах гражданской печати.

Чиновники отмечали, что «по новому закону церковь не имеет теперь второстепенного значения в жизни эстонских граждан, как это было раньше при законе о регистрации вероисповедных обществ» [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 111].

Тех же лиц, которые не разделяли новую политику, – инакомыслящих, заблуждающихся, потенциальных и открытых врагов нового государственного строя – уголовное право преследовало по всей строгости. С этой целью были внесены поправки в уложение о наказаниях, согласно которым, «наказанию исправительным домом или тюрьмой на срок не свыше 3 лет подвергаются эстонские граждане, которые за границей в печати или речах неуважительным образом отзываются об эстонской республике, о господствующем в ней государственном строе или о действующей власти, с целью вызвать среди иностранцев отрицательное отношение к эстонскому государству, его строю и власти» [ГАРФ. Р-6343, оп. 1, д. 288, л. 112].

Таким образом, в глазах эстонского государства Церковь, а шире – религия, приобрели первостепенное значение в качестве идеологического инструмента морально-нравственного воспитания нового гражданина в сугубо националистическом духе.

В наши дни эти события столетней давности выглядят особенно актуальными, поскольку уровень русофобии в современной Эстонии неуклонно растет. Так, игумения Пюхтицкого ставропигиального женского монастыря Филарета

заявила на международной конференции в Таллине (6 ноября 2024 г.), что монастырь стал заложником столкновения политических сил и это угрожает его существованию. А в начале 2025 г. эстонским парламентом был принят законопроект об изменениях в законе о церквях и приходах. Теперь Эстонская Православная Церковь Московского Патриархата, переименованная по требованию государственной власти в Эстонскую Христианскую Православную Церковь, должна полностью отказаться от связей с Русской Православной Церковью.

Список источников

1. ГАРФ. Р-6343. Оп. 1. Д. 288. «Переписка Архиерейского синода с церковнослужителями по разным вопросам. 1932–1941». Л. 105–112 об.

Сведения об авторе

Хмыров Денис Владимирович – кандидат исторических наук, кандидат богословия, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-0951-0181, e-mail: Hmyrovdenis@mail.ru

УДК 291.1
ГРНТИ 21.41.45

Взгляд русских эмигрантов второй волны на вопрос отделения церкви от государства (по материалам Гарвардского проекта)

Д. С. ХОМКОВ

На основе интервью Гарвардского проекта по советской социальной системе в статье анализируется отношение представителей второй волны русской эмиграции к проблеме церковно-государственных отношений. Различные факторы исторического контекста и социального опыта эмигрантов объясняют позитивное восприятие бывшими советскими гражданами отделения церкви от государства.

Ключевые слова: русская эмиграция, Гарвардский проект по изучению советской социальной системы, отделение церкви от государства, послевоенный период.

Гарвардский проект по изучению советской социальной системы – комплексное интервьюирование советских беженцев в 1950–1951 гг., проведенное специалистами из Гарвардского университета, можно по праву назвать уникальным источником для изучения истории русской эмиграции второй волны. Материалы интервью дают возможность исследовать самые разные аспекты социального опыта, психологии и ценностных ориентиров бывших советских граждан, включая их восприятие вопроса церковно-государственных отношений.

Для изучения данной проблемы мы обратились к устным социологическим интервью Гарвардского проекта, известных как интервью серии «А». Их обширное содержание было разбито на разделы: «Коммуникация», «Образование»,

«Семья», «Правительство», «Философия жизни» и «Работа». Нас интересует раздел «Философия жизни», восьмой вопрос которого был непосредственно посвящен прояснению взгляда респондентов на взаимоотношения церкви и государства. Формулировку этого вопроса мы можем найти в «Приложении С» к Руководству по использованию материалов интервью серии «А». Она звучала следующим образом: «Какими, по вашему мнению, должны быть отношения между церковью и государством?»[1]. Далее следовало четыре конкретизирующих вопроса, рассматривающих проблемы вмешательства государства в религиозные вопросы, государственной политики в отношении «неправильных» религиозных взглядов, помощи церкви от государства, а также роли церкви в государстве [Хомков, 2021, с. 97]. Респондентам самим предлагалось определить, существуют ли «неправильные» (например, отличающиеся от ортодоксальных) религиозные воззрения.

Объем ответов эмигрантов, как и количество уточняющих вопросов интервьюеров, сильно разнятся в каждом интервью. Например, рассказ студента 1925 года рождения о его взглядах на церковно-государственные отношения в интервью 518 занимает более трех страниц текста, набранного на пишущей машинке. Разнообразны и заданные ему дополнительные вопросы, такие как: «Если вы исповедуете одну религию, а я – другую, то должны ли мы пытаться изменить друг друга?»; «Должно ли государство помогать всем конфессиям, которые обращаются к нему за помощью?»; «Должно ли государство помогать религиозному меньшинству?» и др[2].

Напротив, в интервью 107 ответы работницы колхоза ограничиваются шестью предложениями при отсутствии уточнений со стороны интервьюера[3]. Разумеется, разница в объеме и детальности интервью зависела от множества факторов, включая уровень образования респондента, его готовность давать развернутые ответы, заинтересованность интервьюеров в работе с конкретным опрашиваемым в силу его профессии или социального опыта.

Однако эти факторы не всегда складываются предсказуемым образом. Например, объем ответов упоминавшегося студента из интервью 518 превосходит объем ответов майора РККА, сотрудника Министерства внешней торговли СССР в Берлине, бежавшего в ФРГ в мае 1950 г.[4] Очевидно, что последний должен был представлять куда большой интерес для интервьюеров, учитывая его эксклюзивные знания о послевоенном положении в СССР и в оккупированной Германии, а также готовность давать подробные ответы. Однако его рассуждения о церковно-государственных отношениях занимают чуть больше двух страниц.

[1] HPSSS Online. Qualitative File Manual of A-Schedule Materials. Second-Run Edition. P. 17. Available at: https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:5646842$1i (accessed 07 April 2025).

[2] HPSSS. Schedule A. Vol. 26. Case 518. P. 72–75.

[3] HPSSS. Schedule A. Vol. 8. Case 107. P. 23–24.

[4] HPSSS. Schedule A. Vol. 28. Case 532. P. 75-77.

Однако, несмотря на различный объем ответов, все упомянутые участники исследования сходятся в том, что церковь должна быть отделена от государства. Это наиболее распространенное мнение, встречающееся в подавляющем большинстве интервью Гарвардского проекта. Приведем в качестве примера несколько типичных ответов, данных представителями различных социальных, профессиональных и гендерных групп опрошенных.

Женщина, 25 лет, студентка, среднее образование; театральная школа: «Между церковью и государством не должно быть никакой связи. Политика и религия должны быть полностью отделены друг от друга»[1].

Мужчина, 27 лет, водитель, незаконченное среднее образование: «Я считаю, что церковь должна быть отделена от государства и что государство не должно вмешиваться в дела церкви. Церковь, которая вмешивается в политические процессы, больше не является церковью»[2].

Женщина, 36 лет, бухгалтер, среднее образование: «Государство и церковь не должны мешать друг другу... церковь не должна вмешиваться в государственную политику»[3].

Мужчина, 42 года, административный работник (Наркомат финансов, Наркомат легкой промышленности, Наркомат строительства), высшее образование: «Религия должна быть свободной, государство может помогать, но не вмешиваться [в религиозные вопросы]»[4].

Мужчина, 50 лет, полковник РККА, профессиональное военное образование: «Я думаю, будет правильно, если церковь будет полностью независима от государства... Оно [государство] не должно предпринимать никаких действий в сфере религии или церкви, никакого вмешательства»[5].

Женщина, 55 лет, учитель русского языка и литературы, Высшие женские курсы (педагогический профиль): «Не должно быть государственной церкви. Церковь должна быть отделена от государства, и должна существовать полная свобода совести»[6].

Каким образом объясняется это совпадение во мнениях среди самых разных категорий бывших советских граждан, участвовавших в Гарвардском проекте? В первую очередь мы должны обратиться к их довоенному опыту жизни, а точнее – к их восприятию модели церковно-государственных отношений в Советском Союзе. Уже в первом параграфе декрета СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 23 января 1918 г. фиксировалось отделение церкви от государства. Документ утверждал приоритет гражданских обязанностей над религиозными нормами: «Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей» [Декреты Советской власти. Т. I, с. 373–374]. Мы можем достаточно уверенно говорить,

[1] HPSSS. Schedule A. Vol. 32. Case 642/(NY)1109. P. 45.
[2] HPSSS. Schedule A. Vol. 21. Case 417. P. 43.
[3] HPSSS. Schedule A. Vol. 18. Case 355. P. 30.
[4] HPSSS, Schedule A. Vol. 20. Case 396. P. 35–36.
[5] HPSSS. Schedule A. Vol. 13. Case 175. P. 66–67.
[6] HPSSS. Schedule A. Vol. 7. Case 91. P. 51–52.

что ключевая идея декрета – отделение церкви от государства принималась большинством эмигрантов второй волны. Наиболее отчетливо данный вывод подтверждает интервью учителя математики и физики 1915 г.: «В свое время коммунисты поступили правильно, когда отделили церковь от государства. Однако, как обычно, они зашли слишком далеко»[1].

Здесь мы переходим к другой важной для эмигрантов стороне взаимоотношений между церковью и государством в СССР, а именно антирелигиозной политике. Из ответов участников Гарвардского проекта отчетливо следует, что для них была значима идея свободы совести и вероисповедания. В качестве иллюстрации можно привести интервью единственного православного священника, участвовавшего в исследовании. Он заявлял, что «между учениями церкви и государства не должно быть противоречий», всем должна быть предоставлена свобода совести, без каких-либо преследований[2].

Таким образом, идеалом эмигрантов было отделение церкви от государства при условии соблюдения действительной свободы вероисповедания, что, разумеется, было противоположно положению в СССР. Иными словами, советская модель служила для респондентов негативным примером системы, где государство контролирует церковь и применяет к ней репрессивные меры. Ярко выраженное отрицательное отношение к вмешательству советского государства в церковные дела зафиксировано в интервью юрисконсульта 1877 года рождения, одного из самых пожилых участников Гарвардского проекта. Он говорил о том, что в СССР церковь контролируется партией и обслуживает государственные интересы. В подтверждение своих слов он привел факт того, что патриарх Алексий I был награжден орденом Трудового Красного Знамени в 1946 г.[3]

В эмиграции бывшие советские граждане оказались в странах, где церковь была отделена от государства, что в целом производило на них положительное впечатление. Это можно назвать еще одним фактором, объясняющим поддержку эмигрантами идеи церковно-государственного разделения. В социологических интервью серии «А» приняли участие 276 эмигрантов из лагерей для перемещенных лиц в Баварии и 53 человека в Нью-Йорке [Кодин, с. 71]. Западная Германия и непосредственно Мюнхен, где развернула свою работу экспедиция Гарвардского университета, были главными центрами русской эмиграции второй волны. В немецком законодательстве отделение церкви от государства и отсутствие государственной религии впервые появились в 137 статье Веймарской конституции. Эти положения были закреплены и в гораздо более близком для эмигрантского опыта Основном законе ФРГ 1949 г. [Михалева, с. 282–283]. Позитивное восприятие положения религии в Германии отражено в некоторых интервью. Например, репрессированный зажиточный крестьянин 1894 года рождения объяснял, что в Германии ему оказалось гораздо проще исповедовать православие, чем в

[1] HPSSS. Schedule A. Vol. 13. Case 166. P. 62.
[2] HPSSS. Schedule A. Vol. 7. Case 96. P. 52–53.
[3] HPSSS. Schedule A. Vol. 33. Case 454/(NY)1350. P. 40.

СССР, также он одобрительно дополнял, что «в Германии детей учат религии, и они ходят в церковь»[1].

Однако в качестве образца конструктивных отношений между религией и государством эмигранты второй волны чаще приводили США, а не Германию. «Церковь должна быть отделена от государства, как в Соединенных штатах», – утверждал преподаватель университета из интервью 343[2]. Аналогичным образом высказывался военнослужащий РККА 1921 года рождения[3]. Интересно, что эти суждения озвучивались респондентами из Мюнхена, а не участниками Гарвардского проекта в Нью-Йорке. Однако даже проживание в США не гарантировало отсутствие идеализации и нехватки объективной информации о положении религий в этой стране. Наглядно эту ситуацию отражает следующий диалог интервьюера с бывшим корабельным кочегаром 1919 года рождения, проживавшим в США в течение года на момент интервью. Мы приведем его полностью в том виде, как он сохранен в архиве Гарвардского проекта:

Респондент: «В Америке отношения между церковью и государством являются идеальными».

Интервьюер: «Но вы бы хотели, чтобы в Белоруссии существовало 500 религиозных сект, как у нас в Америке?»

Респондент: «Сколько? 500? [Респондент очень удивлен]. Нет, я бы не хотел, чтобы так было»[4].

Одним из немногих примеров отличной от отделения формы церковно-государственных отношений для эмигрантов могла быть дореволюционная Россия. Как известно, в Российской империи русское православие имело статус государственной религии. При этом контроль государства над церковью был зафиксирован не только на юридическом и организационном уровнях, но и в области экклезиологии, где церковь полностью признавала свое подчинения верховному суверену – императору [Костюк, с. 222–223]. Это положение часто вызывало негативные оценки у русских эмигрантов второй волны. «В царской России православные священники были государственными чиновниками... Любой, кто был против православия, считался преступником», – заявлял инженер-механик 1912 года рождения[5]. Похожие мысли озвучивали респонденты старшего возраста, имевшие опыт жизни в дореволюционной России. Медсестра 1895 года рождения говорила, что в царское время, когда «церковь была подчинена правительству, люди хотели ее отделения от государства»[6]. Упоминавшийся юрисконсульт из интервью 454/(NY)1350, живший при трех императорах, также говорил о негативном восприятии государственной церкви: «Церковь и государство

[1] HPSSS. Schedule A. Vol. 32. Case 176/(NY)1173. P. 19.
[2] HPSSS. Schedule A. Vol. 18. Case 343. P. 32.
[3] HPSSS. Schedule A. Vol. 26. Case 521. P. 61.
[4] HPSSS. Schedule A. Vol. 34. Case 380/(NY)1460. P. 53.
[5] HPSSS. Schedule A. Vol. 32. Case 385/(NY)1241. P. 48.
[6] HPSSS. Schedule A. Vol. 25. Case 490. P. 36.

должны быть отделены друг от друга. В царской России самодержавие и православие были неразделимы»[1].

Наконец, еще одно подтверждение популярности идеи отделения церкви от государства среди бывших советских граждан мы находим в программных документах политических организаций русской эмиграции второй волны. Упоминания религии в документах двух влиятельных эмигрантских политических объединений – Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР) и Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) подробно рассматривались в отдельной статье [Хомков, 2023]. В программе СБОНР 1957 г. декларировалось «отделение всех религий от государства и право на их свободное исповедание», в политическом манифесте ЦОПЭ также шла речь об отделении церкви от государства [Там же, с. 83–84]. Не была исключением и программа Национально-трудового союза – организации солидаристов, объединяющей представителей первой и второй волн эмиграции. В 36 главе документа утверждалось, что «церковь и другие религиозные организации различных вероисповеданий, в целях их наиболее полного и свободного развития, юридически отделены от государства и никакой принудительной властью не обладают» [Программа Национально-трудового союза, с. 56].

Обширные данные Гарвардского проекта показывают нам, что в среде русских эмигрантов второй волны доминировала идея о том, что церковь должна быть отделена от государства. Этой точки зрения придерживались представители различных социальных групп эмиграции, она также отражалась в программных документах эмигрантских политических организаций. Мы привели несколько объяснений таких взглядов, среди которых довоенный опыт жизни в СССР, включая негативное отношение эмигрантов к антирелигиозной политике советского государства, особенности церковно-государственных отношений в странах проживания представителей «второй волны», а также память о государственной политике в отношении церкви в Российской империи. Для эмигрантов второй волны, переживших множество общественных потрясений XX в. и хорошо представлявших себе функционирование тоталитарных систем, наиболее приемлемым казался вариант где будет существовать реальная свобода совести и вероисповедания, вмешательство церкви и государства в дела друг друга будет минимальным и не будет существовать насильственного контроля и подавления религии государственным аппаратом.

Список источников

1. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Политиздат, 1957. – С. 373–374.

2. Кодин Е. В. Гарвардский проект. – М.: РОССПЭН, 2003. – 207 с.

3. Костюк К.Н. История социально-этической мысли в Русской православной церкви. – СПб.: Алетейя, 2013. – 448 с.

4. Михалева А. В. Церковно-государственные отношения в Германии // Антиномии. – 2005. – № 6. – С. 281–289.

[1] HPSSS. Schedule A. Vol. 33. Case 454/(NY)1350. P. 40.

5. Программа Национально-трудового союза (российских солидаристов). – б. м.: б. и., 1951. – 67 с.

6. Хомков Д. С. Гарвардский проект по советской социальной системе как религиоведческий источник // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2021. – Т. 37. – С. 93–99.

7. Хомков Д. С. Контексты упоминания религии в материалах политических организаций русской эмиграции второй волны в конце 1950-х – начале 1960-х годов // XXVII Царскосельские чтения. Год педагога и наставника: материалы международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. – С. 82–87.

Сведения об авторе

Хомков Дмитрий Станиславович – аспирант 4 курса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0002-5279-3076, e-mail: KhomkovDS@yandex.ru

УДК 130.2
ГРНТИ 02.51.15

Отношение к войне и миру в философии Николая Рериха

А. П. ЧЕРНЕЕВСКИЙ

Николай Рерих считал главной целью своей творческой и политической деятельности сохранение культурных ценностей. Война и мир для Рериха – это духовная битва человечества за единство и культурность каждой отдельной нации и всего мира. Духовная битва – это духовные усилия по направлению к красоте и достоинству духа. Война как насилие – бескультурье и отсутствие духовности. России и российской культуре Рерих отводил особую роль, поскольку в этой национальной культуре есть ростки универсального этического понимания общемировой культуры, основы которой заложены в учении Живой этики. Николай Рерих и его современные последователи сохраняют патриотическое отношение к России.

Ключевые слова: культура, духовное измерение, Россия, патриотизм, война и мир.

Николай Константинович Рерих получил известность как художник после того, как коллекционер П. М. Третьяков выкупил для своей галереи картину «Гонец. Восстал род на род» в 1897 г. – сразу после её создания и успешного дебюта на 25-й выставке Товарищества передвижников. Третьяков оценил символизм и силу исторического сюжета картины, на которой изображен гонец, плывущий на лодке в ночном лунном свете с целью предупредить свой народ о надвигающихся тревожных событиях. Возможно, молодой художник предчувствовал будущие потрясения двадцатого века, а также свою будущую жизнь, полную путешествий и работы на сохранение мира и культуры в годы двух мировых войн.

В начале XX в. Николай Рерих становится одной из ключевых фигур культурной жизни Санкт-Петербурга. Период (1900–1917) был для него временем творческого расцвета, активной общественной деятельности и формирования философских взглядов. Рерих сближается с Сергеем Дягилевым, Львом Бакстом

и Александром Бенуа, участвует в художественном объединении «Мир искусства». Благодаря этому работы художника экспонировались в Париже, Берлине и Рерих получает европейскую известность. С 1906 по 1917 гг. Николай Рерих – директор Императорского общества поощрения художеств. После Октябрьской революции Рерих с семьей покидает Россию, но он никогда не принимал гражданства другой страны, показывая этим свою принадлежность к мировой культуре. Николай Константинович писал художественные и научные тексты на русском языке, подчеркивая ценность русской культуры. «А хорошо быть русским, хорошо говорить по-русски, хорошо мыслить по-русски. Сколько народов слилось в этом необъятном понятии, и вышла дружная семья всесоюзная, победоносная во благо человечества» [4, с. 298] – так писал Николай Рерих в письме сотрудникам в 1946 г.

Пик известности Николая Рериха приходится на 1920-е гг., когда проходят выставки картин в Нью-Йорке, Чикаго и Сан-Франциско, вызвав сенсацию. Политические инициативы Рериха поддерживают Р. Тагор, М. Метерлинк, А. Эйнштейн и другие деятели культуры, также, например, министр сельского хозяйства США Генри Уоллес в начале 1930-х гг. вел переписку с Николаем Рерихом и был сторонником его идей.

Философия Николая Рериха – это скорее мировоззрение, «миро-чувствие», основанное на принципах «Живой Этики», религиозно-философского учения, которое записано в четырнадцати томах в форме «беседы с учителем». По большей части текст учения записывала Елена Рерих, жена художника, причем как сообщается, автором «Живой Этики» является некий «Махатма» – «Учитель Востока». В таком умалчивании автора учения скрывается религиозный принцип учения – «имя Бога не произносится». Учение посвящено проблемам этики в контексте «Беспредельности», космоса, экологии. Николай Рерих в своих научно-публицистических произведениях крайне редко упоминал учение Живой этики, однако мог его цитировать, иногда в кавычках без указания источника, например в книге «Культура и цивилизация». Тональность учения Живой этики – постоянная борьба духа, творческая борьба, завоевание нового.

Живописное творчество Рериха также наполнено символами борьбы духа, радости познавания, подвижничеством. Рериха называют «мастером гор», возможно, он – лучший в мире художник, который изображал горы, изображал в символистской и импрессионистской манере. Горы для человека всегда были символом беспредельной красоты и духовного восхождения. Рерих обычно добавляет к горному пейзажу облака, усиливая впечатление яркими пурпурными или синими цветами. Это символизирует вечную борьбу неба и земли, высшего и низшего. Облака и горы не дают картину безмятежности, пейзажи художника всегда полны напряжением духовной борьбы. Борьба духа, подвижничество, активное творчество, сила знания – вот тональность всех работ Николая Рериха, который является борцом за мир. Без борьбы, без устремления к красоте, без культуры мир невозможен, либо это будет иллюзорный мир лицемерия. «В основе всякого ужаса и разрушения лежит невежество. Потому-то ближайшим долгом человечества есть внесение усиленного Просвещения. Мир через Культуру.

А кто же не стремится в сердце своем к миру, к возможности мирного и творящего труда, к претворению жизни в Сад Прекрасный?» [2, с. 167].

Самая известная общественно-политическая инициатива Рериха – «Пакт Рериха» – первый в истории международный договор о защите культурных ценностей во время войн и конфликтов. Пакт подписали в Белом Доме в США страны Латинской Америки и Соединенные Штаты. В Европе и Азии инициатива Рериха не была принята, однако ЮНЕСКО имеет аналогичные цели и была создана на десять лет позднее. Пакт Рериха обязует государства сохранять неприкосновенность культурных объектов (музеи, храмы, университеты) в годы войны и в мирное время.

Идея о необходимости сохранения памятников культуры возникла у Николая Рериха еще в 1899 г. При проведении археологических раскопок молодой художник осознал необходимость сохранения памятников старины. С 1903 г. Рерих занимает активную позицию по охране и защите памятников археологии. Во многом благодаря его усилиям в Петербурге в 1909 г. учреждается «Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». Рерих в своих публицистических произведениях призывает помнить о важности сохранения памятников культуры. В годы первой мировой войны обостряется необходимость сохранения культурных ценностей. «В 1914 году Н. К. Рерих обращается к верховному командованию русской армии и правительствам Франции и США с идеей заключения международного соглашения об охране культурных ценностей во время военных действий» [5, с. 293]. Рерих пишет картину «Зарево», чем выражает протест против мировой войны, также создает плакат «Враг рода человеческого», на котором осуждается разрушение памятников культуры. В 1915 г. Н. К. Рерих направил доклад императору Николаю II, в котором призвал принять меры по охране государственных культурных сокровищ. Николай Рерих был убежденным противником насилия, он считал причиной любых войн человеческое невежество и жестокосердие. Причина невежества – отсутствие просвещения, потому Рерих поддерживал любые просветительские начинания.

В годы Второй мировой войны семья Рерихов поддерживала Советский Союз в его борьбе против нацизма. Как только началась война, Юрий и Святослав Рерихи обратились к советскому послу И. М. Майскому в Лондоне с просьбой отправить их добровольцами в Красную армию. В начале 1942 г. под руководством Н. К. Рериха в Соединенных Штатах была создана Американо-Русская Культурная Ассоциация (АРКА), главной целью которой стала пропаганда русской культуры на Западе. Организовывались выставки русского искусства, проводились концерты, распространялись материалы русского посольства в США. Также преподавался русский язык, в постоянной экспозиции были картины Н. К. Рериха. Главное помещение АРКА располагалось в Нью-Йорке, но были филиалы в других городах с большим количеством русских эмигрантов. Особое значение имела работа АРКА по укреплению морального духа военнослужащих и гражданского населения через демонстрацию единства целей России и США и культурных ценностей. Ассоциация стала важным мостом между

двумя культурами в сложный военный период. Несмотря на сложности, связанные с началом холодной войны и ростом русофобии в 1946–1948 гг., АРКА продолжала свою деятельность вплоть до 1949 г., оставаясь верной своим принципам культурного сотрудничества и поддержки военных усилий союзников.

Патриотизм Н. К. Рериха проявлялся во многих аспектах его жизни и творчества. Будучи горячим патриотом России, художник глубоко знал историю и культуру своей Родины, что отразилось в его творчестве. Творческое наследие Рериха включает несколько значительных серий картин, посвященных России. В годы Второй мировой войны он создал такие работы, как «Богатыри проснулись», «Партизаны», «Победа», «Настасья Микулична», «Александр Невский», «Земля славянская». Эти картины носили ярко выраженный национальный характер и были проникнуты верой в победу русского народа.

Общественная позиция художника была последовательной и активной. Даже находясь за границей, Рерих активно пропагандировал достижения русской культуры на международном уровне. Во время Второй мировой войны вместе с сыном Святославом он организовывал выставки и продавал свои картины, направляя вырученные средства на изготовление самолетов для Красной армии и в пользу Международного комитета Красного Креста.

Культурная миссия Рериха была неразрывно связана с патриотическими идеями. Он считал оборону Родины непреходящей культурной ценностью. Для него понятия патриотизма, героизма и подвига были тесно связаны с культурой любимой Родины, так как именно культура формирует национальный характер и индивидуальные черты народа. Вот как пишет о своей родине Николай Константинович Рерих в письме писателю Всеволоду Иванову: «Оборона Родины есть долг человека. Небрежение к родине было бы прежде всего некультурностью. <…> Защита Родины есть защита и своего достоинства. Защита Родины есть и оборона культуры. <…> Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах – мы будем оборонять» [3, с. 317].

Противостояние фашизму также стало важной частью патриотической позиции Рериха. Несмотря на нападки фашистских газет за его поддержку достижений русского народа, художник открыто выступал против фашизма и верил в героическое будущее русского народа, что отразил в своих статьях и картинах военного периода.

Таким образом, патриотизм Н. К. Рериха проявлялся через его творчество, общественную деятельность, защиту культурных ценностей и активную поддержку своей Родины как в мирное, так и в военное время. Елена Ивановна Рерих писала о своем муже: «Он был таким патриотом, так глубоко любил свою Родину. Все помыслы его всегда были около страны чудесной, он верил в великую судьбу ее народа! И, конечно, именно этой стране должно принадлежать его художественное наследство» [1, с. 241].

Николай Константинович Рерих – один из тех граждан России, кто сохранял патриотическое отношение к своей родине, в своем творчестве постоянно напо-

минал о роли России в мировой культуре, но при этом Рерих постоянно путешествовал и большую часть жизни прожил вне границ России. Николай Рерих – это символ могущества России, могущества русского языка и культуры.

Список источников

1. Рерих Е. И. Письма. Том VIII (1948–1950 гг.) – М.: МЦР, 2008. – 496 с.
2. Рерих Н. К. Культура и цивилизация. – М.: МЦР, 1997. – 200 с.
3. Рерих Н. К. Нерушимое. – Рига: Uguns, 1936. – 349 с.
4. Рерих Н. К. Листы дневника. Том третий. – М.: МЦР, 1996. – 688 с.
5. Томша Э. А. Петербургские истоки Пакта Рериха // 75 лет Пакту Рериха: материалы международной научно-общественной конференции. – М., 2010. – С. 287–297.

Сведения об авторе

Чернеевский Алексей Петрович – кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-1662-9040, e-mail: cherneevski@yandex.ru

УДК 101.1
ГРНТИ 02.15.61

«Боевой киносборник»: мифологизация актера как инструмент коллективной памяти

Е. Н. ШАТОВА

Автор окружает вниманием семиотические феномены мифологизации актера и «текста в тексте» в выпусках «Боевого киносборника» (1941–1942). Исследование представило мифологизацию актера как инструмент коллективной памяти, использованный в условиях дискретности кинотекста.

Ключевые слова: отечественная философия культуры, семиотика культуры, Ю. М. Лотман, актер, герой, текст в тексте, «Боевой киносборник».

В статье с семиотических позиций анализируется кинематограф, подобная характеристика материала отражает принципиальные позиции авторских исследований: а) объектную – кино (преимущественно отечественное), б) методологическую – семиотическое изучение культуры.

Эмпирической базой исследования выступил «Боевой киносборник» (1941–1942), главной функцией которого зачастую видят «агитационно-пропагандистскую» [Ананьев, с. 27], выпуски наглядно свидетельствуют о выработке в условиях военного времени «идеологического, функционального, пропагандистского подхода» к кинематографу, искусству, духовной жизни. И это, действительно, так. Означает ли подобная характеристика киноальманаха, призванного «немедленно донести патриотические идеи и настроения до самого широкого, а значит, и самого *неискушенного зрителя* (курсив – Е. Ш.)» [Гращенкова, с. 7], его художественную невыразительность, банальность? Автор видит в выпусках сборника, с одной стороны, корпус пропагандистских текстов, анализ которых

актуален в соизмерении с жизненными реалиями (80-летие праздника Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне; новые политические вызовы и угрозы, возрождение фашистских настроений в мире и др.), с другой стороны, киносюжеты представляют собой художественные тексты, интересные с точки зрения использования широких возможностей киноязыка, в частности, знаковых ситуаций: а) мифологизации киноактера, б) «удвоения» как «осознанно-структурного конструирования» текста [Лотман, 1992, с. 156]. Именно подобное целеполагание автора организует логику материала.

Теоретико-методологическая основа исследования: а) семиотика культуры Ю. М. Лотмана, отдельно отметим его взгляд на знаковую природу кинематографа [4; 5], б) метатеоретические построения, предпринимаемые автором вокруг отечественной семиотической традиции с 2014 г. [7; 8; 9; 10; 11].

Отправная точка рассуждений – положение главы «Проблема киноактера» в лотмановской «Семиотике кино и проблемах киноэстетики» (1973). Основатель тартуско-московской семиотической школы посмотрел на «образ человека на экране» как на «сообщение очень большой сложности, смысловая емкость которого определена разнообразием использованных кодов, многослойностью и сложностью семиотической организации» [Лотман, 2005, с. 362]. Данное положение стало посылкой в нашем уже вопрошании: кого зритель видит на экране – героя или актера, возможно, бесконечную череду их перевоплощений – «семантических метаморфоз» (в материале 2015 г. мы их увидели пять), далее обратимся к двум – «актер – герой», «бытовое поведение – актер – герой» [Шатова, 2015, с. 180]. Необходимым условием искомых метаморфоз выступает природа кинотекста, его дискретная структура (в отношении целостного мира), благодаря которой любой «структурный элемент» наделяется «правом быть свободным» [Шатова, 2018, с. 295]. В сюжетах «Боевого киносборника» подобными детерминативами секулярного свойства выступили киноактер, персонаж / киногерой, его песня, их семиозис реализован в границах «нового» (идеального, условного) текста, нетождественного, несмотря на очевидную соотнесенность «старому», тексты (довоенный и военный) инвариантно разноуровневы [Шатова, 2023, с. 151].

В выпусках альманаха зритель видит большое количество актеров, некоторые из них встречаются не один раз, переходят из сюжета в сюжет: Борис Чирков (№ 1, 3), Марк Бернес (№ 8, 9), Зоя Федорова (№ 4, 6), Николай Черкасов (№ 10, 12), Любовь Орлова (№ 4, 5) и др. Актеры уже до начала войны были не просто хорошо известны широкому зрителю, их горячо любили, созданные ими образы давно жили своей «свободной» жизнью – исполненные ими песни пели всей страной, их фразы «ушли в народ»[1]. Это обстоятельство важно. Особо отметим трех актеров, выступивших в роли мастеров интермедии – Бориса Чиркова (№ 1),

[1] См. фильмы с участием: Б. Чиркова – «Юность Максима», 1934, «Возвращение Максима», 1937, «Выборгская сторона», 1938; М. Бернеса – «Человек с ружьем», 1938, «Истребители», 1939, «Последняя очередь», 1941; З. Федоровой – «Гармонь», 1934, «Подруги», 1935, «Ночь в сентябре», 1939, «Станица Дальняя», 1940; Н. Черкасова – «Депутат Балтики», 1936, «Александр Невский», 1938, «Ленин в 1918», 1939; Л. Орловой – «Веселые ребята», 1934, «Цирк», 1936, «Волга-Волга», 1938 и др.

Зою Федорову (№ 6) и Любовь Орлову (№ 4). Далее ограничим эмпирическое пространство исследования до четвертого выпуска киносборника (реж. Г. Александров, В. Пронин, Е. Арон), в котором связующим звеном между сюжетами («Британский флот», «Патриотка», «Приказ выполнен») стала не звезда советской предвоенной кинокомедии, а персонаж любимой зрителем ленты «Волга-Волга» (1938) – письмоносица Авдотья Петрова – деревенская девушка, которую многие зовут Дуня, чаще – Стрелка. Именно под этим именем персонаж был выведен на экран в сентябре 1941 г. По какой причине выбор создателей выпуска пал не на актрису, а на ее героиню – Стрелку, любимую советским зрителем?

«Поэтика массового восприятия, – отмечает Лотман в «Семиотике кино и проблемах киноэстетики», – напоминает фольклорную: она требует повторения уже известного…» [Лотман, 2005, с. 360]. Реализация данного требования «перенесла» Стрелку из мирных сначала провинциального Мелководска, затем столицы в события первых месяцев войны (знаковая ситуация «бытовое поведение – актер – герой»). Персонаж в условиях дискретности кинотекста, став свободной структурой, превратился в самостоятельный текст – «старый», уже известный. Его введение в новый текст (выпуск сборника) запустило «механизм обновления всей культуры» – памяти – как условия «нового тексто- и смыслообразования» [Шатова, 2022, с. 129]. Интересно воспоминание анализируемой нами семиотической метаморфозы создателями выпуска – Л. Орловой и Г. Александровым, видевшими в Стрелке (перевоплощение «герой – актер») «простую русскую советскую девушку, веселую, трудолюбивую и талантливую», теперь «развозившую фронтовые письма», показывающую согражданам «хроникальные очерки об упорной битве с врагом»[1]. Дуня довоенного фильма демонстрировала «расцвет личности в стране победившего социализма» [Туева, с. 1047], подобный персонаж стал жизненно необходимым и для военного кино, и для всей страны, которая неминуемо одолеет, разгромит сильного врага. В выпуске сборника не случайно много женских образов – работниц тыла, приближающих победу своим каждодневным трудом, ждущих ушедших на фронт мужчин. Стрелка – одна из них, персонаж «рассеивается» в каждой женщине тех лет, олицетворяя их судьбу, в вербальном нарративе, вложенном в уста Дуни, отсутствует местоимение «Вы», она говорит от лица «Нас»: «Женщины, гражданки великой страны, матери, жены и сестры, мы знаем, что Победа будет нелегкой. Так пусть же сердце каждой *из нас* (курсив – Е. Ш.) будет неиссякаемым источником мужества. Пусть каждая *из нас*, провожая на битву любимого мужа, сына или брата, вселяет в него уверенность и спокойствие» (11.55. – 12.40.).

Связующей нитью в жизни персонажа в довоенной ленте и киноальманахе 1941 г. стала «Песня о Волге» (музыка И. Дунаевского, стихи В. Лебедева-Кумача). В кинокомедии песня выступила сквозным нарративом, по мере развития сюжета звучащим громче, убедительнее, переросшим из робких сольных интонаций (первое исполнение) в гражданское хоровое звучание, раздающееся со

[1] Александров Г. В. Эпоха и кино. [Электронный ресурс]. URL: https://bookshaker.net/b/epoha-i-kino-grigoriy-vasilevich-aleksandrov (дата обращения: 5.04.2025).

всех сторон – с кораблей, спортивных праздников, из радиорубок. Особый акцент в финале фильма сделан на строки, показывающие специфику самой песни, ибо о Волге, действительно, «пропето» много; песня Дуни «солнцем советским согрета», она не только «зазвенела над Волгой-рекой», она звучит в геральдическом обрамлении Советской страны (исполнение на конкурсе), сама становясь ее важным символом, если не государственным, то поистине народным. В выпуске «Боевого киносборника» семиозис песни поставлен в условия культурного (знакового) разрыва[1], в результате которого возник новый, военный, пространственно-временной контекст, наделивший и персонаж, и песню иным, новым значением. Культурный ареал[2] первых военных месяцев «потребовал» новых стихов для мелодии И. Дунаевского, которые зрители выпуска слышат с первых кадров. Новая «старая» песня и обрамляет весь сборник, и связывает друг с другом все его истории, она звучит в исполнении Стрелки, бойцов на фронте, тружениц тыла, ее поют сольно и хором, она «рассказывает» о жизни советского народа в военное время и лишь мелодией, звучащей за кадром, зритель, даже не запомнив новый текст, мысленно напевает слова того, старого, довоенного текста.

Песня Дуни, с одной стороны, стала новым текстом культуры, порожденным военными реалиями, с другой стороны, она живет и в том, светлом, мирном прежнем довоенном варианте. Песня, напоминая о мирном «вчера» советской страны («На наш народ, трудовой и веселый напала черных злодеев орда…»), зовет на борьбу за мирное советское «завтра» («Чтоб ни минуты в сердцах не остыло одно святое желанье победить»). Дуня и ее песня, как «старая», так и «новая» – тексты культуры, полностью вписавшиеся в «тематические приоритеты» советского кинематографа, духовной культуры 1930–1950-х гг., создают образ Советской страны как «уникального жизненного пространства», «поэтизируют и героизируют» любовь к ней, предлагают «мифологические и агиографические» взгляды на историю [Зябликов, с. 55].

Подведем итоги. 1. Важнейшим инструментом художественного семиозиса в кинематографе военных лет (в частности в «Боевом киносборнике») стала мифологизация киноактера – нередко на экран «нового» текста создатели фильма выводили не актера, а полюбившийся персонаж – героя «старого» текста. Необходимое условие возможности подобной семантической метаморфозы – дискретная природа кинотекста. 2. Герой «старого» фильма, введенный в «новый» текст, выступал инструментом культурной памяти, и отсылающим к довоенному времени, и отражающим реалии первых месяцев войны, и зовущим на борьбу за светлое, мирное будущее. 3. Мифологизация актера – выведение на экран любимого довоенного героя – семантический механизм, широко используемый авторами кинофильмов военных лет. Данный инструмент сталкивает «старый» (реальный) и «новый» (условный, идеальный) тексты культуры, оставляя разноуровневыми.

---

[1] «Культурный (знаковый) разрыв – перенесение знака из одной культурной эпохи в другую» [Шатова, 2016, с. 134].

[2] «Культурный ареал – пространственно-временной контекст семиозиса … знака, наделяющий его определенным значением, превращающий знак в определенный культурный код» [Шатова, 2016, с. 133].

Список источников

1. Ананьев Д. А. Великая Отечественная война в освещении советского и российского кинематографа: основные тенденции и проблемы // Международный журнал исследований культуры. – 2020. – № 4(41). – С. 26–39. DOI 10.52173/2079-1100-2020-4-26.
2. Гращенкова И. Н. Неизвестное кино войны и Победы // Вестник ВГИК. – 2010. – № 3–4. – С. 6–20.
3. Зябликов А. В. Формирование советской идентичности средствами отечественного кинематографа в 1920–1950-х гг.: к постановке проблемы // Вестник Костромского государственного университета. – 2022. – Т. 28. – № 3. – С. 52–62. DOI 10.34216/1998-0817-2022-28-3-52-62.
4. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: Искусство, 2005. – 704. – С. 288–372.
5. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1992–1993. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – 1992. – 479 с. – С. 148–160.
6. Туева В. В. Принципы построения комического в музыкальной кинокомедии Григория Александрова как обновление жанровой традиции советского смехового искусства // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13. – № 4. – С. 1043–1047.
7. Шатова Е. Н. Кинотекст как концепция дискретности мира // Книга в современном мире: Проблемы рецепции: материалы международной научной конференции / науч. ред. Т. А. Тернова. 2018. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2018. – С. 293–297.
8. Шатова Е. Н. Коллективная память как механизм культуры: семиотический анализ // XXVI Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2022. – Т. I. – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2022. – С. 127–130.
9. Шатова Е. Н. Семиотическое метатеоретизирование: «идеальное – реальное» – тема диалога Ю. Лотмана и Э. Ильенкова // Вестник Гуманитарного университета. – 2023. – № 3(42). – С. 1412–153. DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.3(42).13
10. Шатова Е. Н. Философия культурного текста: практика семиотической интерпретации: учеб.-метод. пособие. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. – 252 с.
11. Шатова Е. Н. Философия культурного текста: «Человек на игровом экране» – герой или актер // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 2. – № 2. – С. 170–180.

Сведения об авторе

Шатова Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-6859-5424, e-mail: komascha@mail.ru

УДК 299.572(470)
ГРНТИ 21.15.69

Русская языческая тризна XXI в.: идеологический тайл в конструировании исторической идентичности

Р. В. ШИЖЕНСКИЙ

В статье на примере опубликованных источников рассматриваются особенности поминальной обрядности (тризны) в современном русском языческом движении. Определены системообразующие элементы траурной церемонии и круг причастных (сочувствующие, отдельные представители и руководители младоязыческих общин).

Ключевые слова: современное русское язычество, обрядовая практика, идеологи, конструирование традиции, тризна.

Современное русское язычество с момента частных теоретических воззваний и первых обрядовых практик находится в стадии непрерывной поминальной традиции. Тайлы[1] младоязыческой тризны: потерянный Золотой век дохристианской Руси, славянские племена – поборники старой веры (вятичи, руяне) и «субъекты» поклонения – старые боги[2], в XXI в. дополнились элементами иного порядка. Поминальный культ напрямую затронул самих создателей современного языческого мировоззрения (служителей культа, идеологов, пропагандистов «традиции»)[3].

Источниковую базу исследования составили опубликованные эпитафии, посвященные языческим идеологам двух поколений – А. А. Добровольскому (Доброславу), Л. Р. Прозорову (Озару Ворону) и археологу, специалисту по древней и раннесредневековой истории Руси академику Б. А. Рыбакову. Авторами изданий выступили языческие сообщества (общины: «Родолюбие», «Триглав», «Коляда вятичей», «Велесов круг»), отдельные представители движения, группы заинтересованных (сочувствующие, независимые эксперты).

Переходя к внутренней критике источников, отметим ряд особенностей, формирующих смысловую архитектуру сборников. В иерархии разделов тризн можно выделить: биографическую и библиографические справки; панегирики, включающие стихотворные славления и прозаические тексты; фрагменты, пересказы наиболее значимых положений концепций адресатов тризны; прижизненные интервью, непосредственные описания обряда[4].

Принадлежность к сообществу, как и пропаганда исследования языческого мира, – своеобразный догмат-пропуск-посвящение. Так, в работе, посвященной Б. А. Рыбакову, волхв Велеслав (И. Г. Черкасов) подчеркивает: «Истинный Патриот Земли Русской, имевший смелость открыто и во всеуслышанье заявлять, что Русь началась вовсе не во время кровавого “крещения”, как это и по сей день

---

[1] «Тайл (англ. tile) – буквально «плитка» – это небольшие изображения одинакового размера, из которых, как из кусочков пазла, складывается игровое поле: трава, вода, дорога, стены и так далее <...> Тайловые текстуры – повторяющиеся текстуры, организующие бесшовное игровое поле» – Терентьева А. О чем говорят художники в геймдеве – словарь терминов от А до Я // SmirnovSchool. [Электронный ресурс]. URL: https://smirnov.school/blog/3d-and-ue/slovar-cg-hudozhnika/ (дата обращения: 07.04.2025).

[2] Приведем фрагмент сказа 1971 года поэта И. И. Кобзева – предвестника сегодняшнего русского языческого движения, посвященный свержению идола Перуна в Киеве – «А теперь былого царя небес // Примотали к паскудной лошади, // И с похабным криком: «Изыди, бес!» / Потащили по людной площади <…> Лишь грозились людям его персты: // Погодите, хлебнете горюшка, // Как на ваши благостные кресты // Грянут коршуны из-за морюшка!» [Кобзев, 2009, с. 43–44].

[3] Одна из первых младоязыческих тризн «Об идолах и идеалах» принадлежит перу Доброслава и посвящена памяти Д. Боровикова (Коловрата) [Доброслав, 2007, 89 с.].

[4] В издании, посвященном Озару Ворону, содержится также фотоматериал с обряда прощания [Тризна по Озару Ворону, 2020, с. 27–30].

тщатся доказать иные, но задолго до прихода иудейско-византийской религии на Землю Русов и Славян – в пору нашей славной и самобытной Языческой Древности» [Тризна по Борису Александровичу Рыбакову, 2002, с. 14] или «Помнишь [обращение к Л. Р. Прозорову], хоронили на реке твоих домашних Чуров, пришедших в негодность? <…> Доброй тебе дороги, мой друг. Пусть Велес уступит пока тебе мое место в его небесной библиотеке, ведь ты отличный писатель! Передавай Доброславу привет, ну и присмотри за нами, как сможешь» [Тризна по Озару Ворону, 2020, с. 15–16].

«Славления» в честь ушедших, как правило, представляют собой стихотворный образец языческого «новояза» – концепта, содержащего священные тексты, специальную религиозную терминологию, материалы по новой языческой истории, источниковедческую базу «традиционалистов»[1]. Данный элемент тризны включает как обращения к покойному, так и информацию по языческой мифологии в разрезах проспекции/ретроспекции[2].

Преамбула, описание обряда, послесловие – в некоторой степени событийный авторский дневник, содержащий пояснительную формулу обряда[3], воспоминания, «пошаговый» сценарий тризны: (1. набор ритуальных действий участников тризны; 2. импровизированное капище; 3. сакральную атрибутику: рушники, свечи, изображения богов, обрядовую одежду, «дары» (приношения); 4. поминальную трапезу; 5. поминальную обрядность (обряд проводов души) [Тризна по Озару Ворону, 2020, с. 20–26].

При поминовении ушедших представители заинтересованной стороны обращают внимание на внешний портрет и черты характера, особенности личного знакомства, мировоззрение, творчество и, самое главное, бескорыстную, фанатичную приверженность отстаиваемой идеологической системе[4].

---

[1] Подробнее см.: [Шиженский, 2017, с. 25–33].

[2] «Светлой Памяти // Внука Даждьбожьего Доброслава! // С миром еси упокойся прахом, // С Родом Небесным сречайся Духом, // Бело убелися во Свете Ирийском, // В Круге Великом от страха к новому // Стезею Предков славных идя! //Во славу Рода! Гой!» [Влх. Велеслав, 2014, с. 251].

[3] «Языческое Погребение – это праздник не погибели, но Жизни. Поэтому на нем не бывает уныния и обессиливающей скорби, и так мало слез, – кроме чистых слез разлуки, которые невольно навертываются на глаза родным и близким Ушедшего. Отдавая тело Огню, мы прославляем Бессмертие Духа, а лучшим памятником Ушедшему на Земле будут те, кто продолжит его Род и его Дело. И над ними Дух его распахнет свои нетленные крыла» [Влх. Богумил, 2014, с. 253].

[4] К примеру: «Ибо из трудов Б. А. Рыбакова фактически следует, что наше древнее Языческое Знание восстановимо <...> наконец, он доказал, что древние славяне признавали существование Верховного Бога Рода … Появление же такого Первотворца делает язычество значимой Духовно-религиозной системой. [Тризна по Борису Александровичу Рыбакову, 2002, с. 22, 26–27], «Озар был язычником, религиозным деятелем. Одержимым деятелем. Но если может быть «научное славянское язычество», то это было оно. Восстанавливал по крупицам. Там, где крупиц недоставало, – домысливал. Но он и не утверждал, что занимается наукой. Он возрождал «Родную веру» [Тризна по Озару Ворону, 2020, с. 6], «Доброслав ушел по огню … Он любил Природу, как верный и преданный сын любит свою мать. И Природа отвечала ему – золотордяными Закатами и Восходами над русалочьими затонами, и

Тризна по носителям языческого мировоззрения, людям, по мнению религиозных нативистов, связанных с движением, способствующих его популяризации, кроме прямой, непосредственной функции поминовения (дань памяти), выполняет еще одну не менее важную миссию. Тризна – яркий фрагмент искомой историчности, необходимый атрибут конструируемой идентичности рассматриваемого сообщества. Запечатлённая в нарративах и апробированная в обрядах поминальная традиция становится, наряду с праздничным «коло» (годовым циклом празднично-обрядовых мероприятий), задокументированными совместными заявлениями русских язычников и представителей «классических» верований (непрерывной языческой религиозности), методиками «новояза», посредством которых сегодняшние авторские прочтения славянских культов внедряются (вплоть до полного слияния) в источниковую базу, признанную историографию вопроса, становятся очередным «реальным тайлом», формирующим и утверждающим новую русскую языческую историю.

Список источников

1. Влх. Богумил. Пламя Доброслава // Шиженский Р. В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава. – Н. Новгород: Поволжье, 2014. – С. 253–255.
2. Влх. Велеслав. Доброслав // Шиженский Р. В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава. – Н. Новгород: Поволжье, 2014. – С. 251–253.
3. Доброслав. Об идолах и идеалах. – Б.м.: Новая земля, 2007. – 89 с.
4. Кобзев И. Падение Перуна. – СПб.: АНТТ-Принт, 2009. – 60 с.
5. Тризна по Борису Александровичу Рыбакову / под ред. М. В. Тресвятского – М.: Институт общегуманитарных исследования, 2002. – 40 с.
6. Тризна по Озару Ворону / под ред. В. Бондаренко. – Рязань: Библиотека хором Велеса и Марены, 2020. – 52 с.
7. Шиженский Р. В. Особенности нового языка («новояза») русских язычников XXI века // Научное мнение. – СПб.: Санкт-Петербургский университетский консорциум. – 2017. – № 11. – С. 25–33.

Сведения об авторе

Роман Витальевич Шиженский – доктор философских наук, доцент, главный науч. сотрудник научно-исследовательского центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-8765-2241, e-mail: heit@inbox.ru

Огненными Таинствами Купалы, и тихим шепотом Шабалинского Лешего, и известным лишь ему одному – и Родным Богам – волнением струн его непростой души, «опростившейся», очистившейся от суемудрых знаний века сего ради Откровения ВЕЧНОСТИ» [Влх. Велеслав, 2014, с. 256–257].

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОДВИГ РУССКОГО НАРОДА, ОТРАЖЕННЫЙ В ИСКУССТВЕ И КУЛЬТУРЕ. ОТ БЫЛИННЫХ БОГАТЫРЕЙ К ГЕРОЯМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

УДК 76.03
ГРНТИ 18.31.51

Гэсэр: образ народного героя-богатыря в творчестве бурятских художников

М. В. АСАЛХАНОВА

Исследуется образ богатыря Гэсэра, главного героя бурятского народного героического эпоса «Гэсэр» в изобразительном искусстве Бурятии. Отдельное внимание уделено образу Гэсэра в нескольких живописных и графических работах бурятских художников разных поколений.

Ключевые слова: народный богатырь, Гэсэр, образ героя, бурятский эпос, бурятские художники, современность.

Среди главных задач современного художественного образования следует отметить приобщение обучающихся к культуре и искусству своего Отечества, к ценностям национальной культуры, воспитание чувства патриотизма и служения своей Родине, уважения к образам национальных героев. Сегодня для народов, населяющих территорию многонациональной России, особенно важно сохранить свой язык, самобытность и культуру [Асалханова]. Одна из основ самобытности и культуры бурятского народа – героический эпос «Гэсэр», сказание о подвигах богатыря Гэсэра (Гэсэра-хана, Абай Гэсэра).

Созданные народной фантазией образы богатырей и эпических героев существуют у многих народов (Илья Муромец, Давид Сасунский, Манас, Джангар, Нюргун-боотур). Эти образы – воплощение лучших черт народного характера. У бурят такими героями были Гэсэр (Гэсэр-хан, Абай Гэсэр), Аламжи – мэргэн, Алтан Шагай Хубун, Хулдай-мэргэн батор, Шоно-бато. Это лучшие представители родового коллектива, защищающие общие интересы народа, выражающие его разум и силу, победители врагов человечества (страшных чудовищ, стихийных бедствий, голода и т. д.).

Существует несколько вариантов происхождения слова «богатырь», ряд исследователей указывают на восточное происхождение (М. Фасмер, П. Я. Черных и др.). По мнению М. Фасмера данное слово заимствовано из древнетюркского языка (*«багатур»* в переводе на русский язык обозначает – доблестный воин, герой). Историко-этимологический словарь П. Я. Черныха указывает на наличие данного слова во многих языках (в частности, в тюркском, монгольском, бурятском языках и т.д.).

Бурятский народный героический эпос «Гэсэр» является уникальным произведением поэтического творчества бурят, культурным наследием не только

многонациональной России, но и эпическим памятником мирового значения. Это главное достояние эпического наследия не только бурят, но и других народов, населяющих Центральную Азию (калмыков, алтайцев, монголов, тувинцев, тибетцев и т.д.). Среди многочисленных версий данного произведения у других народов бурятский «Гэсэр» занимает особое место как максимально сохранивший «своеобразие первозданного духа и взгляда «младенческого периода» этноса [Гэсэр, с. 5]. Высоко оценивая бурятского «Гэсэра», академик Б. Я. Владимирцов называл его «колоссальной бурятской эпопеей, далеко превосходящей размером «Илиаду» [Там же, с. 7].

Главный герой эпоса по имени Гэсэр – народный богатырь, самый почитаемый у бурят сказочный герой (батор), благородный защитник угнетенных и бедных людей, борец за мир и благополучие на земле. Вся его жизнь представляется одним большим подвигом во имя благороднейших целей (дать людям свободу и мирную жизнь, избавив их от несчастий и бед). Его путь – борьба титанического размаха на земле, небе и в подземном мире. Гэсэр – не простой смертный, он – «сын неба», сын небесного божества, который послан на землю для борьбы со злом. Для этого заново рождается на земле (второе рождение) и становится земным по происхождению. В финальном сюжете после всех подвигов герой не возвращается на небо, желая остаться обычным человеком. Он навеки полюбил и землю, и ее людей.

Образ Гэсэра – идеальное воплощение этических, эстетических и философских понятий народа, образец цельных внутренних человеческих качеств [Гэсэр]. Он не честолюбив, не стремится к славе, не жаждет крови: «Отец, с рождения самого и до старости я сражался с врагами. Так провел я всю жизнь» [Там же, с. 7]. Идти на бой его вынуждают вероломные враги, посягающие на родную землю. Все усилия героя направлены на окончание войны и возвращение мирной жизни: «Хорошее время пришло – колчан и стрелы убрали, спокойное время вернулось – лук и стрелы убрали» [Там же, с. 8]. Но и ему свойственны страхи и сомнения. Зная свои возможности, в критической ситуации действует осторожно (например, перед битвой с Гал Нурман-ханом, хочет перенести сражение, так как понимает, что пока уступает противнику в силе).

Свою гуманную миссию на земле Гэсэр понимает намного шире, чем только борьбу с противниками. Богатырь стремится очистить землю от «всякой скверны», утверждая в конце жизни, что «не оставил на земле ни одного злодея или зловредного существа, т. е. полностью выполнил свою «очистительную» миссию» [Там же, с. 7].

Из характерных особенностей бурятского эпоса следует отметить героический гуманизм, четкое разделение на положительных и отрицательных героев, жизнеутверждающий пафос, оптимизм, идеальное представление о мире и покое. Очередная победа героя отмечается всенародным праздником: «Хорошее время вернулось, мирное время пришло» [Там же, с. 6]. Гэсэр не только герой эпоса, но и «самый популярный персонаж всего фольклора бурят» [Там же, с. 8].

Изучением различных версий данного литературного памятника, открытого еще в 1722 г., в разные годы занимались многие исследователи (В. В. Стасов,

В. Ф. Миллер, А. Н. Веселовский, Г. Н. Потанин, Б. Я. Владимирцов, А. М. Позднеев, М. Н. Хангалов, С. П. Балдаев, Ц. Ж. Жамсарано, А. И. Уланов, С. Ш. Чагдуров, Н. О. Шаракшинова, Б. С. Дугаров, В. А. Солоухин, К. М. Герасимова, И. С. Урбанаева, Л. Л. Абаева и др.). Варианты бурятских сказаний о подвигах Гэсэра известны с давних времен и записаны на берегах озера Байкал от общепризнанных мастеров – улигершинов. Но и начале XX в. выявлялись целые бурятские районы и поселения Предбайкалья и Забайкалья, где эпос, уже давно известный науке и зафиксированный в письменном виде, продолжал существовать в устной традиции и живом исполнении улигершинов. В переводе с бурятского языка слово *«улигершин»* означает «сказитель –песенник», который не только исполнял известные сказания (*улигеры*) в жанре героико-исторического эпоса (речитативом или пением под аккомпанемент национального смычкового или щипкового инструмента), но и изображал подвиги богатырей и сцены сражений[1].

В 1959 г. девять ветвей (глав) «Гэсэра» были опубликованы на бурятском языке (сводный текст Н. Г. Балдано). Бурятский драматург Н. Г. Балдано более пятнадцати лет отдал работе над различными вариантами улигера и созданный им сводный текст эпоса выдержал несколько успешных изданий. На русский язык эпос полностью переведен мастером слова, поэтом В.А. Солоухиным.

Образ Гэсэра – создание народной фантазии и самое крупное художественное обобщение. Известно, что основы живописной «Гэсэриады» заложены художником и мыслителем Н. К. Рерихом (серия «Замки Гэсэра», варианты картины «Меч Гессар-хана», «Гэсэр-хан»). Главный герой «Гэсэра-хана» – не могучий победитель. Он представлен в виде маленькой фигуры – силуэта всадника, стреляющего из лука в облака огненного цвета, облик которых принимает чудовище.

Гэсэр – «душа народа», рядовой воин не в тяжелых богатырских доспехах, а в легком облачении монгольского конника. Композиция с изображением необъятных монгольских просторов символична, подчеркивает масштаб надвигающегося вражеского зла, мужество и силу духа Гэсэра, идущего на битву с врагом, многократно превышающим его по силе. «Картина, написанная в 1941 г., не могла не стать откликом на трагические события Второй мировой, а затем и Великой Отечественной войны»[2].

В изобразительном искусстве Сибири существует несколько подходов к визуализации образа Гэсэра. В творчестве бурятских художников разных поколений героический эпос и образ его главного богатыря занимают особое место (Ц. С. Сампилов, Ф. И. Балданов, Р. С. Мэрдыгеев, Г. Е. Павлов, А. Сахаровская,

[1] Асалханова М. В. Истоки сценографии бурятского театра: от обряда до первых профессиональных спектаклей: дис. … канд. искусствоведения: 17.00.01 / Санкт-Петербургская академия театрального искусства. СПб., 2005. 200 с.

[2] Белогурова С. А. Образ Гэсэра в творчестве художников XX–XXI веков: к постановке проблемы [Электронный ресурс]. URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/obraz-gesera-v-tvorchestve-hudozhnikov-xx-xxi-vekov-k-postanovke-problemy (дата обращения: 10.03.2025).

Д. Д. Дугаров, С. Р. Ринчинов, Д. Г. Пурбуев, Ч. Б. Шенхоров, С. В. Ханхаров, Т. С. Манжеев, Д. Т. Олоев, Е. А. Болсоноев и др.).

В годы Великой Отечественной войны тема Гэсэра приобретает особую актуальность и значимость. В этот непростой период эпос и образ его главного героя – воина, борца со злом понятен и близок каждому жителю Бурятии. Гэсэр приобретает новую силу и звучание, поднимает патриотический дух народа и укрепляет веру в победу.

Государственный заказ бурятским художникам на создание иллюстраций к «Гэсэру» был получен еще в 1940 г. и был приурочен к Декаде культуры и искусства Бурят-Монгольской республики, проходившей в Москве. Работа над иллюстрациями началась, но не была завершена. В июне 1941 г. началась Великая Отечественная война. Несмотря на то, что некоторые художники были мобилизованы на фронт, работа над иллюстрированием продолжалась. И в 1959 г. крупнейшие художники (Ц. С. Сампилов, Ф. И. Балдаев, Р. С. Мэрдыгеев) представили свои произведения к Декаде культуры и искусства Республики в Москве. В этом же году эти работы были опубликованы в издании «Гэсэра». Первым из художников приступил к созданию иллюстраций Ц.С. Сампилов (несколько его произведений датируются 1940 г.). Его «Гэсэриада» – серия работ, состоящая из нескольких групп: 1. Гэсэр и его воины. 2. Разные типы чудовищ. 3. Битвы героя с чудовищами. 4. Бытовые этнографические сцены. Пятьдесят листов из данной серии выполнены акварелью, гуашью и тушью. Гэсэр в работах художника – могучий защитник со сверхъестественной силой, способный одолеть любого врага и вместе с тем вполне реалистичный воин- труженик с закрученными усами, простодушный и добрый герой, не выходящий за пределы улуса.

Обращение к иллюстрированию эпоса для Ф. И. Балдаева было неслучайно. Художник с детства помнил исполнение улигеров сказителями – улигершинами в родном улусе. «Гэсэриада» Ф. И. Балдаева включает в себя два цикла. В частности, первый цикл посвящен второму рождению, детству богатыря, началу подвигов Гэсэра – младенца с обязательным победным содержанием (младенец отрывает голову чудовища или расправляется с чудовищами, разгоняя их плеткой и т.д.). Работы художника созданы в 1944 г. и чудовища здесь – ассоциация с общим врагом, фашизмом. Стаи хищных птиц в композициях напоминают силуэты бомбардировщиков. И победа над чудовищами – это твердая вера в неминуемую победу над фашизмом. Рисунки 1944 г. выполнены тушью и пером. Позднее в 1958 г. художник изображает Гэсэра в облике стройного юноши и выполняет работы в технике гуаши.

Р. С. Мэрдыгеев – один из первых художников, профессионально занимавшихся изучением этнографии бурят; член Восточно-Сибирского отдела Российского географического общества (ВСОРГО) и участник экспедиций ВСОРГО по Бурятии и Иркутской области. Работы художника с изображением Гэсэра-младенца, дополненные подробностями национального быта, этнографически точны. Тема фольклора и устного народного творчества живописцу, графику, театральному художнику Г. Е. Павлову также была знакома с детства, так как в каждом улусе Иркутской области был свой улигершин, знавший сказание о

Гэсэре. Сохранившиеся эскизы Павлова к эпосу связаны с небесной тематикой и отражают сказочно-возвышенный образ главного героя. Акварельная техника позволяет автору передать тонкие тоновые переходы, подчеркивая романтизм сильного, справедливого богатыря Гэсэра[1].

Всех этих талантливых художников старшего поколения, стоявших у истоков бурятской профессионального искусства, объединяет этнографически-романтический образ Гэсэра. Детство и юность этих авторов, хорошо знавших быт и жизнь бурят начала XX в., прошли практически в тех условиях, которые описаны в эпосе. Этнографизм изображения, возвышенный романтизм в изображении богатыря – все это характерно для визуализации образа Гэсэра в изобразительном искусстве Бурятии до начала 1960-х гг.

Последующее поколение художников (А. Н. Сахаровская, Д. Д. Дугаров, С. Р. Ринчинов) поднимают бурятское искусство на новый уровень, придавая образу Гэсэра эпическое качество с высокой степенью авторского переосмысления и художественного обобщения. «Гэсэриада» А. Н. Сахаровской – результат напряженного многолетнего труда. Многочисленные графические работы художницы, выполненные в технике линогравюры, разделены на несколько серий, каждая из которых имеет название: 1. Сражение витязей. 2.Поединки героев с чудовищами. 3. Парадное шествие войска баторов. 4. Передвижение войска с небес на землю. 5. Сцены охоты и народные празднества[2]. Образ Гэсэра лаконичен. Его лицо всегда сосредоточено и серьезно, выделено крупным планом. Художница придает герою значимость, подчеркивая в каждой композиции монументальность его фигуры и величественность движений («Гэсэр верхом на коне впереди монолитного войска», «Гэсэр, сражающийся с чудовищами», «Гэсэр, увлеченный охотой» и т.д.). Поисковые варианты художница выполняла другими материалами и техниками (акварелью, гуашью, карандашом), но именно «суровая» черно-белая линогравюра позволила передать драматизм происходящего, эпический размах подвигов Гэсэра, показать борьбу света и тьмы, победу добра над злом.

В основе работ Сахаровской глубокое знание отечественной и национальной истории, культуры и традиции, детские воспоминания (художница слышала сказания о Гэсэре из уст великих улигершинов), обращение к народному лубку, графике выдающегося художника и мастера гравюры В. А. Фаворского и вместе с тем мощное авторское переосмысление образа народного героя-победителя. Линогравюры Сахаровской – выразительное лаконичное авторское обобщение с метафоричностью и смысловыми подтекстами, композиционное построение со

[1] Алексеева Т. Е. История коллекции изобразительной «Гэсэриады». Национальный музей Республики Бурятия. [Электронный ресурс]. URL: https://https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-kollektsii-izobrazitelnoy-geseriady-natsionalnyy-muzey-respubliki-buryatiya (дата обращения: 02.03.2025).

[2] Художественный образ и наследие «Гэсэра» в творчестве Александры Никитичны Сахаровской [Электронный ресурс]. URL: https://uumuseum.ru/journey_to_vu/detail.php?ID=874&ysclid=m9hfgjtfwb36863737 (дата обращения: 03.03.2025).

сложной ритмикой линии и штриха, этническое своеобразие лиц и разнообразная орнаментика национальных костюмов и оружия. Иллюстрации, выполненные в технике линогравюры, были опубликованы в московском издании «Гэсэра» в конце 1960–1970 х гг. [Бороноева]. Позднее в 1985 г. художница, обращаясь к другому стилю, выполнила иллюстрации к «Гэсэру» гуашью (к двухтомному изданию эпоса 1986 г.). Многие профессиональные живописцы и графики занимались иллюстрированием текста эпоса, но именно А. Н. Сахаровская полностью оформила печатное издание книги.

Ассоциативные «Иллюстрации к эпосу» Д. Г. Пурбуева – сочетание европейской школы и национальных традиций, традиционных печатных техник и иконописи, мотивов дацанской ксилографии и буддийской символики с изящной орнаментикой. Его Гэсэр в виде седовласого мудрого старика с властным взглядом – воплощение эмоциональной энергии.

Живописные работы Ч. Б. Шенхорова, в отличие от графики А. Н. Сахаровской, яркие, сочные и контрастные по цвету. Его Гэсэр – могучий, добрый богатырь, но не суровый воин. В основе авторских работ, выполненных в смешанной технике – буддийская религиозная живопись (танка). Вместе с тем в сценах с изображением сражений («войн») Гэсэра с чудовищами (демонами) художник предлагает новое прочтение образа богатыря (1994 г., «Война Гэсэра с Абарга Сэцэн мангадхаем», «Война Гэсэра с хозяином тайги Орлоги», «Война Гэсэра с Лойр Хара Лобсоголдоем» из серии «Абай Гэсэр Богдо хаан»). Выразительно и общее декоративно-орнаментальное композиционное решение этих сцен (стилизация с сохранением национального характера, тщательнейшая детализация, символичный яркий диск солнца на темном фоне: красный диск – сцены войн и битв, желтый диск – сцены мирной жизни). Противник по размеру и силе значительно превышает Гэсэра, фигура которого невелика и поэтому не сразу обращает на себя внимание. Таким образом, художник подчеркивает: важна не мощь богатыря, а его смелость, отвага, мужество, ловкость и находчивость. Временами герой стоит спиной, его лица не видно, но благодаря данному авторскому решению зритель становится неотъемлемой частью композиции. И герой, стоящий между нападающим чудовищем и зрителем, защищает зрителя и наш мир. Художник, подобно улигершину, вовлекает зрителя в происходящее[1].

Часть работ изобразительной «Гэсэриады» Ц. С. Сампилова, Ф. И. Балданова, Р. С. Мэрдыгеева, Г. Е. Павлова, А. Н. Сахаровской, Д. Д. Дугарова, С. Р. Ринчинова, Д. Г. Пурбуева, Ч. Б. Шенхорова, Д. Т. Олоева, Е. А. Болсоноева и других талантливых авторов входят в собрание Художественного музея имени

[1] Белогурова С. А. Образ Гэсэра в творчестве художников XX–XXI веков: к постановке проблемы. [Электронный ресурс]. URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/obraz-gesera-v-tvorchestve-hudozhnikov-xx-xxi-vekov-k-postanovke-problemy (дата обращения: 10.03.2025).

Ц. С. Сампилова (Улан-Удэ, Республика Бурятия) Более двухсот из них составляют графическую коллекцию музея[1]. В 2020 г. в музее был представлен выставочный проект «На земле предков», главной темой которого был образ Гэсэра в живописи, графике, скульптуре, декоративно-прикладном искусстве Бурятии. И этот проект показал различные авторские концепции в визуализации образа богатыря, разнообразие материалов, приемов и техник в произведениях художников разных поколений, в которых большое значение имеет и время создания. На выставке также были представлены произведения молодых авторов, что свидетельствует об актуальности образа героя-богатыря в современном искусстве. Авторы нашего времени находятся в активном поиске образа Гэсэра и новых выразительных средств, форм и современных материалов в реализации своих идей.

Идеи эпоса и образ Гэсэра, его походы, подвиги и чудесные превращения питают творчество не только художников, но и писателей, композиторов, режиссеров. На основе данного эпоса созданы балеты «Гэсэр» и «Сын земли» Ж. А. Батуева (либретто – Н. Г. Балдано), опера «Гэсэр» (по материалам симфонической поэмы «Гэсэр» А. А. Андреева), два фрагмента для симфонического оркестра к эпосу «Гэсэр» Б.Б.-Д. Дондокова, симфоническое произведение «Истоки людских судеб» В. А. Усовича (к первой ветви эпоса); фильм «Эпос «Гэсэр» – путь к будущему» (режиссер О. Л. Юмов); онлайн-спектакль, приуроченный к 1025-летию эпоса «Рождение Гэсэра» (2020 г., режиссер О. Л. Юмов). Героико-мистический образ Гэсэра использован С. В. Лукьяненко в «Дозорах» (Гесер, один из персонажей, он же Борис Игнатьевич, Светлый Иной, начальник Ночного Дозора Москвы).

Обращаясь к теме Гэсэра, художники прививают интерес новых поколений к бурятской культуре, раскрывают глубину народного эпоса и образа настоящего героя-победителя, способствуют воспитанию чувства патриотизма. Образ Гэсэра в работах бурятских художников многолик и многогранен (от младенца и юноши в доспехах – до седовласого старика; от реалистичного воина-труженика с этнографически точной детализацией и сказочно-романтичного образа богатыря – до величественного, монументально-эпического героя, готового к битвам титанического размаха с любым врагом на земле, небе и в подземелье). Но всегда у всех авторов неизменно одно: положительная трактовка героя, идеальный образ героя-богатыря, настоящего защитника своей земли и своего народа.

Список источников

1. Асалханова М. В. Традиции национальной культуры в художественном образовании и современном искусстве // Искусство в образовании, образование в искусстве: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Пермь, 2022. – С. 404–410. EDN: TZNNGM

[1] Алексеева Т. Е. История коллекции изобразительной «Гэсэриады». Национальный музей Республики Бурятия. [Электронный ресурс]. URL: https://https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-kollektsii-izobrazitelnoy-geseriady-natsionalnyy-muzey-respubliki-buryatiya (дата обращения: 02.03.2025).

2. Бороноева Т. А. Образы Гэсэриады в книжной графике Бурятии в 1960–1990-е гг. // Труды Национального музея Республики Бурятия / редкол.: Т. А. Бороноева, Б. Ц. Гомбоев. – Улан-Удэ, 2014. – С. 5–7.

3. Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1986. Т. 1. – 288 с.

Сведения об авторе

Асалханова Марина Викторовна – кандидат искусствоведения, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: m.v.asalhanova@mail.ru

УДК 76.03
ГРНТИ 18.31.51

Мои наставники и учителя, художники – участники Великой Отечественной войны

С. А. КЛУБНИКИНА

В статье исследуется биография и творчество наставников-учителей, преподавателей Академии художеств, художников-фронтовиков Великой Отечественной войны (М. В. Бунчин, Б. М. Лавренко, Б. С. Угаров).

Ключевые слова: учителя, художники-фронтовики Великой Отечественной войны, М. В. Бунчин, Б. М. Лавренко, Б. С. Угаров.

В жизни каждого художника и человека вообще встречаются люди, о которых вспоминаешь с особой благодарностью. К таким людям в большей степени относятся мои учителя. Не учителя вообще, с которыми тебе приходилось сталкиваться на протяжении жизни (хотя, наверное, каждый в той или иной степени оставил свой след в тебе), а учителя, которые действительно обронили в твою душу зерно и которых ты будешь всегда вспоминать с благодарностью. Такими были мои наставники, мои учителя, каждый из которых принес в мою профессиональную деятельность толику своего мастерства, научил видеть мир глазами художника. Сами же они прошли тяжелый опыт Великой Отечественной войны, став поистине выдающимися мастерами.

Мое поколение еще застало тех, кто дал нам дышать полной грудью в стране, победившей фашистскую Германию. Ветеранам Великой Отечественной было в ту пору не так уж и много лет по современным меркам – лет 50–60. Художники тоже внесли свой вклад в победу: кто с оружием в руках, кто в агитотрядах. Все они хлебнули тяготы фронтовых дорог. Художники народ эмоциональный, до конца жизни многих не отпускала тема войны и страдания народа, перетерпевшего неисчислимые беды от фашистского нашествия.

Мне посчастливилось учиться у замечательных художников, которые были ветеранами войны. Конечно, они несли гуманизм, человеколюбие старались открыть нам красоту в каждом дне, прожитым под мирным небом.

Одним из первых моих учителей был скромный, замечательный человек, художник Михаил Васильевич Бунчин. Более тридцати лет он преподавал в Пензенском художественном училище им. К. А. Савицкого. Это старейшее учебное заведение выпустило много талантливых художников и по сей день славится своей высокой профессиональной подготовкой.

Бунчин Михаил Васильевич – живописец, член Союза художников СССР, наследник русской художественной традиции. Художник широко известен в Пензе, где он и провел большую часть своей жизни. Он родился и провел самое раннее детство в Ростове-на-Дону, затем его семья перебралась с Пензенскую губернию. Страсть к рисованию в нем поселилась в детские годы. Учителем Бунчина был Николай Филиппович Петров – замечательный мастер живописи, ученик И. Е. Репина.

Михаил Васильевич учился в Пензе, продолжил свое обучение в Ленинградской академии художеств. С дипломного курса ушел на фронт добровольцем.

Прошел всю войну с 1941 по 1945 г., был рядовым. В 1941 г. под Москвой перед атакой из штаба принесли ему пакет с отправкой студентов Академии художеств в город Самарканд, куда выехала само учреждение. Как известно, в то тяжелое время весь цвет нашей культуры обрел там убежище, благодаря узбекскому народу. Михаил Васильевич отказался, сказал, что ему стыдно уезжать в безопасное место, когда его товарищи идут сегодня в бой. Такой он был бескомпромиссный, чистый и верный человек. Война пощадила его, он не получил ни одного ранения за всю войну.

Удостоился правительственных наград: орден «Красной звезды», орден «Отечественной войны II степени», медаль «За боевые заслуги» и медаль «За отвагу». Творчество Михаила Васильевича Бунчина – это путешествие в мир эмоций и чувств. Его картины, наполненные яркими цветами и тонкими нюансами, раскрывают внутренний мир человека, его мечты и переживания. Каждый штрих – это история, каждый цвет – эмоция.

Михаил Васильевич был подвижником в искусстве, каждый день его можно было встретить с этюдником за плечами. Зимой ходил на пленэр, выдерживая до -15 C^0 мороза. Любил итальянскую оперную музыку. Я с глубоким чувством благовения вспоминаю его. Когда я поступила в Академию Художеств он прислал мне большое письмо с наставлениями, которые направили меня в профессиональном русле становления как художника – живописца. Картины художника бережно хранятся в Пензенской художественной галерее.

Много лет Михаил Васильевич работал над картиной «Прощание». Этот эпизод войны не давал покоя художнику. На холсте он изобразил последние минуты советских солдат перед расстрелом. Зима, суровое прощание бойцов, обнявшихся перед смертью, вдалеке немцы как свора волков. Очень эмоциональная, сильная картина.

Михаил Васильевич был несгибаемым в своих убеждениях гуманистом. Таким запомнили его ученики.

В Академии художеств работал прекрасный художник – профессор Борис Михайлович Лавренко, который также был моим преподавателем. Родился художник в 1920 г. в Ростове-на-Дону. Закончил Ростовское художественное училище. В 20 лет с пятого курса был призван в Красную армию. Окончив курсы артиллеристов, участвовал в 1941 г. в качестве командира орудия в обороне Москвы. Воевал на Центральном и 1-м Белорусском фронтах. Войну закончил в Берлине старшим сержантом. После войны пришел учиться в Академию Художеств. Своим учителем считал Бориса Иогансона и Рудольфа Френца. Являлся народным и заслуженным художником России. Работы этого талантливого художника находятся в собраниях Государственного Российского музея и Государственной Третьяковской галереи.

Пройдя всю войну, испытав на себе трудности и лишения этих страшных лет, художник не писал героические баталии или трагичные сцены из жизни партизан. Он писал человека, чья жизнь была потрясена и расколота войной. Только по происшествии пятнадцати лет со дня Победы он решился обратиться к теме войны.

Многие художники обращались к теме «Проводы на фронт». Тема прощания с родными, с матерью, с родной страной была больным воспоминанием на всю жизнь. Есть суровая правда: мрачный пейзаж, простые лица, и лишь красный платок на голове девочки, которая прижимается к матери, является цветовым акцентом. В картине выражена вся боль человеческого горя, которое и является сущностью войны.

Одна из самых светлых и теплых работ называется «Лето». Образ девочки в белом платьице и белой церкви на берегу реки воплощает образ Родины. Казалось бы, в таком небольшом жанровом сюжете высказана художником вся любовь к родной земле, которую он отстоял в боях с фашистской человеконенавистнической машиной, оставаясь человеком, художником с большим сердцем. Это был добрый, спокойный, приветливый человек, всегда готовый прийти на помощь студентам и советом, и, если видел, что студент крайне нуждается, помогал финансово. Когда я вступала в Союз художников России он был первым, кто дал мне рекомендацию.

Борис Михайлович считается одним из крупнейших представителей ленинградской школы живописи, и это большое счастье – учиться у такого мастера. С огромной благодарностью вспоминаю этого скромного, но сильного человека и художника.

После окончания Академии художеств меня пригласили в творческую мастерскую академика, действительного члена Академии художеств Виктора Михайловича Орешникова. Работа над картиной, сбор материала и поездки, все это происходило под патронажем Академии и ее ведущих мастеров. Моим выбором стал Русский Север, куда на протяжении многих лет мы с подругами-художниками каждую осень уезжали. После ухода из жизни Виктора Михайловича Орешникова руководителем творческой мастерской стал академик, действительный член и президент Академии художеств Борис Сергеевич Угаров. Это был заме-

чательный живописец, хранитель лучших традиций русской живописи, наследник Валентина Серова и Константина Коровина. Он имел редкий дар колориста, был замечательным портретистом и пейзажистом. Интеллектуал и прекрасный рассказчик. В 18 лет после окончания школы ушел добровольцем на фронт, участвовал в боях на Ленинградском, Волховском фронтах, в Карелии, а затем и на Дальнем Востоке. Именно в тяжелые военные годы Борис Уваров осознал, что искусство его призвание, что он обязательно станет художником. В победном 1945 г. он поступил в Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

Учился на живописном факультете в мастерской под руководством И. Э. Грабаря, В. М. Орешникова (живопись), А. А. Мыльников (рисунок).

Б. С. Угаров – выдающийся мастер русской живописной школы второй половины XX в. Автор исторических полотен: «В колхоз 1929 г.» (1955), «Октябрь» (1964), «Возрождение» (1980). Всенародное признание и любовь получила его картина «Ленинградка» (1941). Годы войны сформировали в нем мужественный характер.

Знаток мирового искусства, он передавал нам свои знания, открывал новые, еще не изведанные нам имена художников, много объяснял, что важно в искусстве, чтобы мы, еще молодые художники, шли правильным путем, который по высшей планке проложили наши классики живописи.

Хотелось бы остановиться на одной из его главных картин – «Ленинградка». Созданию картины предшествовал долгий путь. Образы войны, ее трагедии и подвиги возникают не сразу, иногда проходят десятилетия, чтобы родился тот самый сюжет, который художник вынашивал в своем сознании. Но все оттуда, из тех тяжелых дней, которые отпечатываются в сердце художника навсегда.

Борис Сергеевич вспоминал, что его часть стояла под Ижорским заводом, у станции Понтонная. «Мы двигались к передовой, а на встречу нам шли ленинградцы, возвращавшиеся с рытья окопов, в основном это были женщины. Враг затягивал кольцо блокады, шел первый снег, мороз начинал сковывать Неву». По этим воспоминаниям был сделан первый набросок: дорога от Понтонной к фанерному заводу, слева железнодорожный мост. «Идут бойцы, а на встречу им – женщины».

Приступить к картине он смог только через 15 лет будучи уже зрелым мастером. Постепенно замысел уточнялся. Однако окончательная композиция сложилась уже при работе над самим холстом и продолжалась в течение года.

Лицо героини доминирует в картине, является ее психологическим центром. Неслучайно лицо героини сдвинуто к краю холста. Мы воспринимаем всю атмосферу промозглого зимнего воздуха, холодной Невы и дорогие каждому ленинградцу дома, напоминающие стены крепости своей суровостью. Холодное белое и холодное черное в их жестком контрасте – цвет мороза, цвет голода, цвет блокады – вот колористический ключ картины.

Впервые картина была показана в 1961 г. в Русском Музее, где и находится по сей день.

Последняя моя встреча с Борисом Сергеевичем была случайной на Караванной улице, он шел такой незаметный, такой простой гражданин, но который много сделал для великого города, для своих учеников.

Вечная память о наших дорогих учителях останется в наших сердцах. Они подарили нам возможность жить, учиться и творить под мирным небом.

Сведения об авторах

Клубникина Софья Анатольевна – доцент кафедры культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: m.v.asalhanova@mail.ru

УДК 75.044
ГРНТИ 18.31.09

Образ А. И. Суворова в исторической живописи В. И. Сурикова

Н. Д. ЛУКШИН

В статье исследуется эволюция героического идеала в русской исторической живописи. Автор анализирует художественное воплощение подвига русской армии, связь фольклорных и исторических образов в картине В. И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы» (1899).

Ключевые слова: Василий Суриков, Александр Суворов, историческая живопись, героический эпос, русское искусство, национальный герой, Швейцарский поход.

Целью данной статьи является комплексный анализ художественных особенностей картины В. И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы» в контексте традиций русской исторической живописи. Основные *задачи* исследования: а) выявить композиционные и колористические особенности произведения, б) проанализировать образную систему (центральный герой и массовые сцены), в) выявить связь произведения с былинными традициями в изображении героического подвига, г) охарактеризовать место данной работы в развитии исторического жанра в русском искусстве второй половины XIX в. *Методология исследования* определяется как перекрестье искусствоведческого и семиотического подходов, взаимосвязь которых, с одной стороны, «открывает перспективы широкого диалога дисциплин» [Шатова, 2022, с. 145], с другой стороны, ставит вопрос о «специфике семиотического аспекта анализа художественного текста» [Шатова, 2024, с. 166].

Тема героического подвига занимает центральное место в русской культуре – от былинных богатырей до героев Великой Отечественной войны. В искусстве XIX в. эта традиция нашла отражение в исторической живописи, где реальные события переосмыслялись как эпические сказания. «В 70–80-е годы исторические живописцы – и среди них прежде всего Суриков – передавали трагедию истории», – отмечает исследователь [Сарабьянов, с. 21]. Одним из ярких примеров такого подхода стала картина В. И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы»

(1899), где полководец предстает не просто как военачальник, но и как воплощение национального духа.

Швейцарский поход 1799 г. под командованием Александра Суворова стал легендой еще при жизни полководца, превратившись в символ несгибаемой воли и воинского мастерства. Этот беспрецедентный переход через Альпы в условиях превосходящих сил противника, предательства союзников и суровой горной природы воспринимался современниками как подвиг, достойный античных героев. К концу XIX в., когда Василий Суриков обратился к этой теме, образ Суворова в народном сознании окончательно трансформировался из блестящего стратега в былинного богатыря, воплощение русской духовной силы.

Суриков в своей картине «Переход Суворова через Альпы» сознательно отошел от традиционного парадного изображения полководца. Его Суворов – не императорский генерал в орденах, а простой вождь, ведущий своих солдат через невозможное. Художник строит композицию на мощной динамической диагонали, создающей ощущение стремительного движения вниз по склону. Этот прием не только передает физический спуск войск, но и символизирует преодоление непреодолимого. Фигура Суворова смещена от центра вправо, что создает живую асимметрию, характерную для народных сказаний.

Многофигурная композиция картины тщательно продумана – зритель будто «прочитывает» полотно, следуя взглядом за движением солдат. Особое внимание художник уделил психологической достоверности: на картине представлена целая галерея характеров – от юных испуганных новобранцев до бывалых гренадеров, спускающихся с хладнокровной отвагой. Контраст между крутым обрывом на переднем плане и туманной далью вверху усиливает ощущение головокружительной высоты и масштаба подвига.

Исторический контекст события придает картине особую глубину. Поход стал испытанием не только военного мастерства, но и человеческого духа – солдатам пришлось преодолевать не только врага, но и саму природу: ледяные пропасти, отвесные скалы, отсутствие провианта. Сурикову удалось передать этот вселенский масштаб противостояния, создав не просто батальное полотно, а настоящий эпический гимн мужеству. Образ Суворова в картине перекликается с фольклорными героями вроде Ильи Муромца – его сила заключена не в физической мощи (художник изображает полководца немолодым и невысоким), а в несгибаемой воле и способности вести за собой людей.

Картина, созданная к столетию похода в 1899 г., стала художественным памятником не только конкретному историческому событию, но и вечным ценностям – товариществу, долгу, способности человека побеждать самые невероятные обстоятельства. Суриковский «Переход» – это визуальная поэма о русском характере, где документальная точность деталей сочетается с былинной мощью образов. Через сложную композицию, игру света и тени, тщательную проработку лиц и фигур художник сумел передать вневременную суть подвига – когда духовная стойкость оказывается сильнее любых преград.

Колористическое решение картины представляет собой глубоко продуманную систему визуальных контрастов, где каждая цветовая гамма несет важную смысловую нагрузку. Доминирующая холодная палитра – пронзительные серо-голубые тона скал, мерцающие свинцовые оттенки облаков и ледяная белизна снега – создает ощущение пронизывающего до костей альпийского холода. Эти цвета буквально «вымораживают» пространство картины, визуально передавая экстремальные условия, в которых оказалась русская армия.

Этому ледяному царству Суриков противопоставляет теплые, почти огненные пятна солдатских мундиров. Охристые, терракотовые и киноварные тона словно вспыхивают на фоне всепоглощающего холода, создавая мощный цветовой контраст. Художник использует богатейшую градацию красного – от нежных розовато-коралловых оттенков до глубоких бордово-багряных тонов. Эта сложная игра теплых цветов выполняет несколько функций: визуально выделяет человеческие фигуры на фоне природы, создает динамику в восприятии картины, и главное – становится символом неугасимой жизненной силы, противостоящей безжалостной стихии.

Особое внимание стоит уделить тому, как Суриков работает с фактурой красочного слоя. Скалы написаны плотными, пастозными мазками, создающими ощущение грубой каменной поверхности, в то время как снег и облака решены более прозрачными, размытыми тонами, что усиливает эффект холодной дымки. Мундиры солдат, напротив, прописаны сочной, насыщенной краской, что делает их визуально «теплыми» даже на расстоянии.

Образ Суворова в этой цветовой системе занимает особое место. Его темно-зеленый мундир с золотым шитьем становится своеобразным цветовым мостом между холодными фоновыми и теплыми передними тонами. Суриков избегает парадного изображения полководца – его Суворов лишен традиционных атрибутов героического портрета. Вместо этого художник делает акцент на психологическом состоянии: лицо, изборожденное морщинами, выражает не триумф, а предельную концентрацию. Глубоко посаженные глаза внимательно следят за спуском войск, в них читается и усталость 69-летнего человека, и несгибаемая воля.

Интересно, как Суриков обыгрывает физические характеристики полководца. Невысокий рост (художник специально помещает фигуру Суворова чуть ниже линии горизонта), сутуловатая поза – все это подчеркивает человеческую, а не былинную природу образа. Но при этом сквозь внешнюю простоту проступает внутренняя мощь: твердая постановка ног, решительный жест руки, собранность фигуры – все говорит о невероятной силе духа.

Цветовое решение образа также символично: золотое шитье на мундире мягко мерцает, перекликаясь с желтоватыми оттенками скал на заднем плане, что создает ощущение органичного единства полководца с окружающим пространством. В этом проявилась гениальность Сурикова – показать Суворова не как памятник самому себе, а как живого человека, чья духовная сила преображает реальность вокруг. Важно отметить, что художник изображает Суворова без тра-

диционных атрибутов воинской славы – вместо парадного мундира на нем походная одежда, что усиливает народный характер образа. «В реалистической системе живописи конца XIX в. историческое являло себя исключительно пассивно, – отмечает исследователь, – историзм присутствовал в картине лишь посредством костюма» [Зауст, с. 186]. В многофигурной композиции картины Суриков создает настоящую энциклопедию русского воинского характера, где каждый образ тщательно выписан и психологически достоверен. Художник мастерски передает не просто внешнее разнообразие типов, но целую гамму душевных состояний, охвативших солдат в этот критический момент.

Центральная группа воинов представляет собой сложный динамический ансамбль. Вот молодой солдат, почти мальчик, с широко раскрытыми от страха глазами – его бледное лицо контрастирует с алым кантом мундира, а неуверенные движения выдают первую встречу со смертельной опасностью. Рядом – бывалый гренадер с окладистой бородой: его поза устойчива, во взгляде читается спокойная решимость, а мощные руки уверенно держат ружье. Особенно выразителен образ солдата, скользящего по обрыву, – его тело напряжено в неестественном изгибе, пальцы судорожно впиваются в скользкую поверхность, лицо искажено смесью ужаса и сосредоточенности.

Суриков виртуозно передает пластику движений: одни фигуры замерли в осторожной неподвижности, другие динамично развернуты в пространстве, третьи образуют сложные переплетения. Художник использует прием «остановленного момента», когда кажется, что вот-вот раздастся скрежет подков о камень или сдавленный возглас испуга.

Интересно, как решены групповые взаимодействия: в правой части картины двое солдат поддерживают раненого товарища – в этом эпизоде нет патетики, только суровая солдатская правда. Левее старый унтер осторожно страхует молодого бойца – в этом жесте читается преемственность поколений. Особое внимание привлекает фигура солдата, снимающего шапку перед Суворовым, –этот почти незаметный жест вносит важный акцент преданности и уважения. Цветовое решение фигур усиливает их выразительность: теплые охристые и красные тона мундиров не просто выделяют людей на фоне пейзажа, но и создают сложную ритмическую структуру. Суриков варьирует оттенки – от приглушенных кирпичных до ярких алых, что позволяет каждому образу сохранять индивидуальность в общей массе.

Фактурная проработка деталей заслуживает отдельного внимания: грубый холст ранцев, блеск металлических деталей амуниции, мягкие складки ткани – все это создает эффект почти осязаемой реальности. Художник избегает идеализации – мы видим и порванные мундиры, и усталые лица, и потертые сапоги, что делает образы по-настоящему живыми.

Эти тщательно выписанные характеры не просто составляют исторически достоверную сцену – они воплощают собирательный образ русского воинства, где личное мужество каждого сливается в едином порыве. Суриков показывает не абстрактных «героев», а живых людей, чья сила – в способности преодолевать

страх и слабость перед лицом смертельной опасности. Этот прием создает ощущение массового подвига, где каждый участник вносит свой вклад в общее дело. «Суриков одним из первых ввел в отечественную историческую живопись детально проработанную массовую сцену», – отмечает исследователь [Зауст, с. 190].

Связь с былинной традицией проявляется в нескольких аспектах. *Стойкость* – как и былинные богатыри, преодолевающие нечеловеческие испытания, суворовские чудо-богатыри (как их называли современники) противостоят не только врагу, но и самой природе. Суриков усиливает этот мотив, изображая непокоренные Альпы как мифического противника, которого нужно победить. *Народность* – художник избегает официальной трактовки события, показывая его через призму народного восприятия. Солдаты изображены не как безликая масса, а как представители разных социальных слоев, объединенные общим подвигом. Этот прием восходит к традиции былин, где герой всегда представлял весь народ. Суриков, как отмечает А. С. Маджаров, «видел в русской истории динамичное созидательное, героическое начало – освоение и защиту Родины…» [Маджаров, с. 88]. *Символичность* – многие элементы картины имеют двойное значение. Альпы становятся символом всех испытаний, выпавших на долю русского народа. Красные мундиры ассоциируются с жизненной силой и жертвенностью. Даже снег в картине – не просто погодное явление, а символ очищения и преодоления.

Историческая живопись как направление в творчестве Сурикова имеет ряд характерных особенностей. *Документальная точность* – художник тщательно изучал исторические материалы, включая мемуары участников событий и иконографические источники. *Психологизм* – вместо парадных изображений исторических персонажей Суриков показывает их в моменты душевного напряжения, раскрывая внутренний мир героев. *Народная точка зрения* – события показаны не с позиции официальной историографии, а через восприятие простых участников событий. *Синтез реализма и символизма* – при точной передаче исторических деталей художник наполняет свои работы глубоким символическим содержанием. *Эпическая масштабность* – даже сравнительно небольшие по размеру работы Сурикова воспринимаются как монументальные полотна благодаря композиционному и образному решению.

Картина «Переход Суворова через Альпы» занимает особое место в русской исторической живописи, соединяя традиции реализма XIX в. с глубинной народной эстетикой. Сурикову удалось создать не просто историческое полотно, а настоящий национальный эпос в красках, где конкретное событие приобретает вневременное звучание. Этот подход стал характерной чертой русской исторической живописи, для которой важна не столько точная реконструкция событий, сколько раскрытие их духовного смысла и связи с национальным самосознанием. Сурикова по праву называют «укорененным» в живописи, «как поэт в слове», художником, «сохраняющим и освобождающим дух реальности» [Ленящин, с. 65].

Список источников

1. Зауст С. К. Исторический костюм в реалистической системе живописи И. Е. Репина и В. И. Сурикова // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сборник научных статей по итогам VII Международного научного форума / отв. ред. И. И. Горлова. Москва, 2023. – М.: Институт наследия, 2023. – С. 185–193.
2. Леняшин В. А. В. И. Суриков – феномен позднего творчества // Научные труды. – СПб.: СПбАХ им. И. Е. Репина, 2013. – С. 56–66.
3. Сарабьянов Д. В. История русского искусства конца XIX – начала XX века. – М.: АСТ-Пресс: Галарт, 2001. – 301 с.
4. Маджаров А. С. «Русская история» В. И. Сурикова и отечественная историография второй половины XIX в. (к 165-летию со дня рождения художника) // Известия Иркутского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 87–105.
5. Шатова Е. Н. Семиотика и искусствоведение: проблема методологических взаимоотношений (по страницам «Трудов по знаковым системам») // XXVI Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 2022. – Т. 1. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. – С. 143–146.
6. Шатова Е. Н. Семиотика: прикладная наука или новая методология гуманитарного знания // XII Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: материалы международной научной конференции, 22 мая 2024 г./ отв. ред. Т. В. Седлецкая. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. – С. 163–166.

Сведения об авторе

Лукшин Никита Дмитриевич – аспирант кафедры культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-1013-8548, e-mai: looksheen@gmail.com

УДК 069.1
ГРНТИ 13.51.07

Реализация культурной политики государства в выставочной деятельности художественного музея (на примере выставки «Васнецовы. Связь поколений. Из XIX в XXI век»)

Е. В. МОРОЗОВА

В статье рассматривается возможность реализации задач, поставленных в Стратегии развития государственной культурной политики, в выставочной деятельности художественного музея.

Ключевые слова: культурная политика, выставка, былинный герой, Васнецовы, русская идея, национальная культура, воспитательный потенциал музея, соборность, патриотизм.

В 2024 г. в Третьяковской галерее была организована масштабная выставка «Васнецовы. Связь поколений. Из XIX в XXI век», посвящённая известной творческой династии. На выставке были показаны работы Виктора Михайловича Васнецова, его внука Андрея Владимировича и его брата Аполлинария Михайловича. Как и многие другие, эта выставка была приурочена к памятным датам, связанным с биографиями художников. В 1924 г. отмечался столетний юбилей

со дня рождения А. В. Васнецова, а 2023 г. был связан со 175-летитем со дня рождения В. М. Васнецова и 90-летием со дня смерти его брата. Кроме того, 2024 г. указом президента был объявлен Годом семьи.

Кураторы выставки поставили перед собой сложную задачу, заключающуюся в попытке собрать воедино различные творческие подходы, которые реализовывали в своей живописи прославленные мастера: сказочные мотивы Виктора Васнецова, исторические пейзажи его брата – Аполлинария Васнецова и жанровые сцены внука художника – Андрея Васнецова, выполненные в суровом стиле. Однако не только тема семейных уз оказалась для данной выставки связующим звеном. На наш взгляд, тема семьи была раскрыта и на более высоком уровне, где под семьёй подразумевается весь русских народ. Это предположение позволяет нам говорить о реализации в выставочном пространстве задач, обозначенных в Стратегии развития государственной культурной политики на период до 2030 г. В данном документе перед социокультурными институтами ставятся различные задачи, среди которых можно выделить: сохранение единого культурного пространства, исторического и культурного наследия народов Российской Федерации и его использование для воспитания и образования; укрепление гражданской идентичности; передачу от поколения к поколению традиционных для российского общества ценностей, норм, традиций и обычаев [О стратегии…]. Рассмотрим, как эти задачи могут быть реализованы при организации выставки в художественном музее.

Входящий на выставку «Васнецовы. Связь поколений. Из XIX в XXI век» посетитель сразу погружается в мир прошлого, созданный кистью В. М. Васнецова. Знакомые с детства сказочные герои, сцены исторических битв древних славян, образы былинных богатырей создают фундамент для русского менталитета. Характер человека формируется с детства, поэтому такое важное значение приобретают сюжеты и герои русских сказок, с которыми мы знакомимся в раннем возрасте. Бесстрашный и готовый на подвиг ради возлюбленной Иван-Царевич, близкая к природе и тонко её чувствующая сестрица Алёнушка, прекрасная невеста Царевна-Лягушка и пр. Известный исследователь русских сказок В. Я. Пропп отмечал: «Многие мотивы сказки, правда, объясняются тем, что они отражают некогда имевшиеся институты» [Пропп, 2000, с. 9]. Поэтому посредством сказки мы можем составить представление о некоторых элементах жизненного уклада наших предков, погрузившись в увлекательную, полную приключений историю. Посредством сказок формируются и архетипичные образы в славянской культуре. Так, мы можем узнать, какими качествами должна обладать царевна, что делает её прекрасной в глазах добрых молодцев, и какие добрые молодцы могут претендовать на внимание царевен. Образ чистой женской красоты и образ героической мужественности (архетипы анимы и анимуса), создаваемые в русских сказках, наглядно воплощаются на полотнах Виктора Васнецова. В условиях размывания гендерных границ в современных социокультурных реалиях подобные образы представляются значимыми для формирования подрастающего поколения.

Не менее важным воспитательным потенциалом обладают образы былинных богатырей. В. Я. Пропп писал: «Народ «участвует» в истории и «отражает» ее в своих песнях. С нашей современной точки зрения народ не просто участвующая, а ведущая сила истории, и в своей поэзии он не воспроизводит историю как бесстрастный регистратор, а выражает в ней свою историческую волю, свои вековые стремления и идеалы» [Пропп, 1999, с. 28]. Картина «Витязь на распутье» олицетворяет непростую судьбу русского богатыря, который вынужден жертвовать семейным счастьем ради защиты своей земли от врагов. А. Л. Баркова полагает, что смерть былинного героя всегда несёт в себе черты самоубийства. Обычной смерти богатырь сыскать не может, так как обладает двойственной природой: он одновременно принадлежит и к миру людей, и к иному миру, поэтому только собственное решение может привести его к окончанию земного пути [Баркова, с. 383]. Герой как будто отдаёт свою магическую силу (в былинах об Илье Муромце главный герой раздаривает простому народу найденные под плитой богатства, теряя вместе с ними свою жизненную силу), поэтому становится уязвимым в людском мире и погибает. Однако, несмотря на кажущийся выбор, путь у истинного героя только один. Возможно, именно поэтому на том варианте картины, который представлен на выставке, мы можем прочитать только одну надпись: «Как прямо ехати, живу не бывати, нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролетному». В русской традиции подобное решение согласуется с понятием жертвенности, которая является одной из черт, составляющих основу русской культуры, в том числе и благодаря православной религии, центральной идеей которой является жертва Христа.

Разнообразие русского народа воплощено в картине «Богатыри», на которой мы видим трёх разных героев: сильного и мощного Илью Муромца, интеллигентного и рассудительного Добрыню Никитича, хитрого и проворного Алёшу Поповича. Все трое олицетворяют качества, которые могут быть полезны в борьбе с врагом. Образы, созданные в разные периоды истории, на картине Васнецова собраны в единую композицию, олицетворяющую консолидацию русского народа. О. Шпенглер в своём труде «Закат Европы» высказал идею о том, что именно образ Ильи Муромца воплощает в себе суть русско-славянской культуры с её широтой души и братской любовью [Зимовец, с. 46]. Образ братской любви и согласия мы и видим на картине «Богатыри». Хотя сами герои родственниками не являются, однако их объединяет желание служения своему Отечеству. Продолжая эту мысль, мы можем утверждать, что картины «Витязь на распутье» и «Богатыри» интуитивно понятны каждому жителю нашей страны и подсознательно воспринимаются как воплощение русской души. Автор картин писал В. В. Стасову: «Я всегда был убежден, что в жанровых и исторических картинах, в сказках, песне, былине, драме и проч. сказывается весь цельный облик народа. Внутренний и внешний – с прошлым и настоящим, а может быть, и будущим. Только больной и плохой человек не помнит, не ценит и не любит своей истории…» [Васнецов, с. 150].

Эпические и сказочные образы В. М. Васнецова соседствуют на выставке с историческими – «После побоища Игоря Святославича с половцами», «Бой скифов со славянами», «Царь Иван Васильевич Грозный». Такое экспозиционное

решение способствует созданию единого смыслового пространства, где исторические события романтизируются и воспеваются в литературных произведениях, становясь частью национальной культуры. Примером такого единства могут служить эскизы костюмов к пьесе «Снегурочка» А. Островского, созданные В. М. Васнецовым для членов Абрамцевского кружка – участников домашней постановки. Однако Васнецов не ограничился этим, а разработал также декорации для спектакля. Всему вышеперечисленному предшествовала серьёзная исследовательская работа – художник изучил образцы народной вышивки и традиционного костюма, древнерусские орнаменты, искусство деревянной резьбы [Прокаева, с. 45–46]. Особое внимание Васнецов уделил изучению пейзажа, сделав его полноправным участником событий.

Образ русской природы занимает важное место в творчестве обоих братьев Васнецовых. У Виктора Михайловича он служит необходимым дополнением, позволяющим раскрыть идейное содержание сюжета. Например, на картине «После побоища Игоря Святославича с половцами» пейзаж создаёт мрачную атмосферу смерти, в то время как в «Алёнушке» мы ощущаем не только некую грусть, но и умиротворение от гармоничного слияния человека и природы. О значимости ландшафта для понимания населяющего определённую географическую территорию народа писал ещё Л. Н. Гумилёв в своей пассионарной теории этногенеза [Гумилёв]. Действительно, на ранних этапах развития человек очень зависим от природы, так как изначально мало к ней приспособлен, поэтому этническая культура несёт в себе черты связи с окружающим миром. Созерцание природы, осознание её влияния на человека в прошлом может помочь в понимании наших культурных истоков. Схожие идеи высказал уже упомянутый ранее О. Шпенглер. Размышляя над спецификой русско-славянской души, немецкий исследователь культуры отметил её широту, воплощённую в образе равнины. Шпенглер писал: «Да и для крестьянина родина – не его деревня, ландшафт его рождения, а дальние русские равнины» [Цит. по Зимовец, с. 46].

Следует отметить, что восхищение красотой местной природы также роднит нас с предками. В связи с этим заслуживает отдельного рассмотрения пейзажный жанр, также представленный на выставке. В этом случае на первый план выходит творчество Апполинария Васнецова. Много путешествующий художник отразил на полотнах прекрасные просторы необъятной страны, среди которых есть и его родные места – вятское село Рябово, виды Урала, красоты Крыма. Примечательно, что одному из пейзажей художник дал название «Родина». На полотнах художника нашла отражение его любовь к природе, которая перерастает в любовь к своей стране. Этим чувством проникаются и посетители выставки.

А. М. Васнецов был не только талантливым живописцем, но и увлечённым историком, жаждущим воплотить в своих полотнах достоверные образы прошлого. Его работы с видами Москвы сложно отнести к традиционным жанрам, так как в них можно увидеть и изображение природы, и городские панорамы, и бытовые сцены. При этом художник, как и его брат, тщательно готовился к написанию своих работ. Например, в самом начале работы А. М. Васнецов изображал план-карту местности, а затем переходил ко множеству эскизов, черпая вдохно-

вение от прогулок по улицам Москвы [Гусакова, с. 92]. Рассматривая данные работы в рамках темы статьи, мы можем отметить тот факт, что Московская Русь XVI в. представляла собой государство, совсем недавно освободившееся от гнёта монголо-татарского ига. При этом сама Москва выступала в роли центра объединённых земель, лидера городов русских, а также сосредоточением власти и культурных традиций. Укрепление позиций Москвы в политическом плане позволило городу задавать тон и в культурной сфере – по образцу соборов Московского кремля строятся храмы в других городах. Образ этой сильной Москвы – новой столицы, в критический момент взявшей инициативу в свои руки, зачастую становится олицетворением русской культуры в целом. Современный посетитель выставки может увидеть столицу в момент её победоносного становления, получить удовольствие от узнавания знакомых объектов. При этом на образ современного мегаполиса словно накладывается образ героического прошлого Москвы, создавая приятное чувство причастности к прошлым победам и вызывая ощущение гордости за своих предков. Именно эти чувства и лежат в основе патриотизма.

И, наконец, финальным аккордом в выставочном пространстве первого этажа становятся эскизы к росписям Владимирского собора в Киеве, выполненные В. М. Васнецовым. Серьёзный заказ, за который взялся художник, был приурочен к 900-летию крещения Руси, в связи с чем имел чёткую программу, суть которой заключалась в показе истории русской веры. В получившихся эскизах мы видим отражение всех прежних идейных исканий автора. В сцене апокалипсиса узнаются героические образы из былин и сказок, в образе Богоматери запечатлена вечная женственность (архетип матери), русские князья и княгини воплощают страницы русской истории, а сцена оплакивания Христа близка изображению падших воинов на поле битвы. Можно утверждать, что В. М. Васнецов использовал весь накопленный творческий опыт и разработанные ранее идеи, чтобы создать чётко выстроенное пространство смыслов, основой которого является единение русского народа на базе общих истории и веры.

Идея соборности, как утверждает Э. В. Пастон, является краеугольным камнем всех росписей данного храма. В ней заложен смысл единения интеллигенции и простого народа перед Богом [Пастон, с. 153]. Это проявляется, на наш взгляд, в искусном сочетании современных орнаментальных мотивов модерна (используются для ветхозаветных образов Адама и Евы), понятных утончённым аристократическим натурам, со стилистикой сказочных иллюстраций, близких простому народу. В свою очередь, соседство евангелических образов с древнерусскими самодержцами, трактованными в духе былинных и сказочных героев, как будто воплощает в зрительные образы знаменитую триаду, сформулированную графом С. С. Уваровым – православие, самодержавие, народность. Помимо этого, соборность отсылает нас к «философии общего дела» Н. Ф. Фёдорова с её акцентом на развитии братской любви в масштабах всего человечества и необходимости единения с предками [Фёдоров].

Рассмотрев смыслы, заложенные в отдельные части выставочного пространства, и пройдя мысленно по предполагаемому маршруту осмотра экспозиции, мы можем констатировать, что организованная в залах Третьяковской

галереи выставка имеет мощнейший воспитательный потенциал, суть которого заключается в раскрытии отдельных идейных составляющих гражданской идентичности, среди которых архетипические образы сказочных героев, героические образы былинных витязей, славные страницы истории русского народа, элементы традиционного быта, образы малой родины и родной природы, идея соборности и особой роли русского народа в мировой истории. Ещё одним звеном в этой цепочке смыслов становится обособленная часть выставки, посвящённая творчеству внука В. М. Васнецова – А. В. Васнецова. Один из основателей сурового стиля в советской живописи Андрей Васнецов в своём творчестве воплощает ещё одну грань русской идеи – умение претерпевать невзгоды и нести свой крест. Лаконичные, почти монохромные картины показывают тяготы жизни, которые воспитывают твёрдый характер русского человека, готового идти к намеченной цели, если она представляется значимой для общества в целом.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы можем отметить, что в залах Третьяковской галереи в рамках выставки Васнецовых была показана судьба русского народа, атмосфера, в которой формировался и продолжает формироваться образ русского человека.

Список источников

1. О стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р // Министерство культуры Российской Федерации [сайт]. – URL: http:www.mkrf.ru

2. Баркова А. Л. Введение в мифологию. – М.: РИПОЛ классик, 2019. – 528 с.

3. Васнецов В. М.: Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников / [Вступ. ст., с. 6–37, сост. и примеч. Н. А. Ярославцевой]. – М.: Искусство, 1987. – 496 с.

4. Гумилёв Л.Н. Теория пассионарности и этногенеза: этногенез и биосфера Земли. Конец и вновь начало. – М.: АСТ, 2016. – 934 с.

5. Гусакова В. О. Московский Кремль Апполинария Васнецова: историческая реконструкция или художественный образ // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2023. – № 1 (21). – С. 85–96.

6. Зимовец Л. Г. О. Шпенглер о русской культуре // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2010. – № 1(77). – С. 45–50.

7. Пастон Э. В. «Соборный идеал» В.М. Васнецова. Работа художника во Владимирском соборе в Киеве (1885–1896) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. – 2019. – № 36. – С. 151–162.

8. Прокаева О. Н. Древняя Русь в отечественном декорационном искусстве конца XIX – начала XX века // Наследие веков. – 2019. – № 4. – С. 44–51.

9. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / науч. ред., текстологический комментарий И. В. Пешкова. – М.: Издательство «Лабиринт», 2000. – 336 с.

10. Пропп В. Я. Русский героический эпос. – М.: Лабиринт, 1999. – 636 с.

11. Федоров Н. Ф. Сочинения в 2 ч. Ч. 2. Философия общего дела. Статьи, письма. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 267 с.

Сведения об авторах

Морозова Елена Витальевна – кандидат культурологии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0004-6517-8325, e-mail: t000011378@lgumail.ru

УДК 101.1
ГРНТИ 02.15.61, 18.67.91

Интертекст: военная кинематографическая «судьба» лошади как преодоление границы в «человеческое»

Е. Н. ШАТОВА

Автор исследует военную «судьбу» лошади на примере кинематографа «оттепели». Важнейшими характеристиками «судьбы» представлены: связь с человеком, корнями уходящая в культуру, противопоставление в границах оппозиции «мир – война».

Ключевые слова: отечественная философия культуры, семиотика культуры, семиотика искусства, «оттепель», «Жеребенок», М. А. Шолохов, В. А. Фетин, лошадь.

Публикация допущена автором и как письменный материал, и как устное сообщение, обращенное к зрителю, размышляющему о кино, говорящему с автором, иным зрителем, исследователем.

Теоретические основы рассуждения сложно, да и не следует, отделять от ***методологического сопровождения***. Материал – результат семиотического взгляда на текст культуры, здесь в его роли представлены кинофильмы. С середины 60-х гг. XX в. в отечественной философии предпринимается попытка разработки *междисциплинарной методологии* в границах гуманитарного знания. Автор придерживается данного методологического исследовательского вектора, устремленного в пространство культуры, к человеку. Развитие отечественной *семиотической традиции* в наши дни, во-первых, способствует «обновлению научного знания» на основе имманентной знаковости культуры, во-вторых, «открывает перспективы широкого диалога дисциплин», не грозящего «утратой … самостоятельности», в-третьих, «способствует постановке и решению новых научных задач» [Шатова, 2022, с. 145].

Центральное понятие, организующее рассуждение, – «интертекст» как «межтекстовый диалог» – предложено Юлией Кристевой, представителем французской семиотической традиции. Опираясь, главным образом, на учение М. М. Бахтина о культуре как пространстве диалога («бахтинский диалогизм»), исследователь заговорила о «новом подходе к поэтическому тексту», который сегодня не может читаться как «научный, монологический, нарративный» [Кристева, с. 435, 436]. Таким образом, современный художественный текст – пространство бесконечного множества смыслов, несводимое к единственному значению. Итак, современные тексты взывают к интертекстуальности как процедуре и культуре чтения. Это – искомая нами теоретическая основа движения далее, отобранные кинофильмы осмыслены как интертекст.

Замысел публикации «навеян» четвертым фильмом (*«Лётна»,* 1959) Анджея Вайды, классика польской школы кино, современного кинематографа. Приведем интересный факт из автобиографических «Записок режиссера», почерпнутых в ставшем давно классическим исследовании И. И. Рубановой.

Вайда рассказал о черновом замысле – титры должны были содержать фотоизображение уланов, идущих в атаку. «Это уланы, – свидетельствует режиссер, – … те, что в 1939 году сражались против танков» [Рубанова, с. 91]. Зритель, знакомый с творчеством Вайды, прочитав эти строки, сразу воскрешает из своей памяти фильм «Лётна» (так и произошло с нами), в котором как раз и была рассказана эта история, но дана она уже не фотографиями в начале картины, она стала сюжетной линией повествования.

Фильм о подвигах легкой кавалерии, где главная «героиня» – лошадь, смотреть сложно: пламя войны обжигает не только людей, танки «колесят» все и всех, попадающихся у них на пути. Перед зрителем – большое количество страшных эпизодов гибели лошадей в бою. Тяжелое впечатление от картины порождает и показанная модель восприятия уланами красавицы Лётны, лошадь для них – объект соперничества, удали, зависти. Белая лошадь, заметная на поле боя, зачастую меняла ездока в каждом сражении, улан, не успев оплакать гибель однополчанина, друга, устремлялся к животному, желая первым вскочить в седло. Так на протяжении всего фильма зритель видит лошадь не «привязанную» к человеку. Читателю отечественного интертекста трудно прочувствовать и принять подобную историю. Нам захотелось очертить интертекстуальное пространство, рассказывающее о «судьбе» лошади в военное время, в котором будет и наше, зрительское видение, позволяющее сказать: «Да, у лошади есть „судьба“, как у человека». Сразу вспомнились отечественный фильмы.

Эмпирическую базу исследования составили *фильмы «оттепели»*, принесшей, если сравнивать с лентами военных лет и первого десятилетия мира, и новое прочтение темы войны, и новую киностилистику. «Новое кино, – отмечает исследователь, – было доверительным, почти интимным, в том смысле, что делалось оно, прежде всего, о людях… » [Белынцева, с. 320]. Далее речь пойдет о трех картинах кинематографической «оттепели» – «Жеребёнок» (1959, реж. Владимир Фетин), «Белая лошадь» (1966, реж. Барас Халзанов), «Годен к нестроевой» (1968, реж. Владимир Рогов).

Картина ***«Жеребёнок»*** вывела на экран историю, подаренную читателю М. А. Шлоховым (одноименный рассказ, 1926), о событиях Гражданской войны. В эскадроне появился Жеребенок, рождение которого «ломало» режим военного времени, от «обузы», мешающей движению воинского подразделения, необходимо избавиться. Приказ, отданный командиром, сложно реализовать – пристрелить Жеребенка не поднимается рука. Кульминация истории – переправа через Дон, с противоположного берега летят пули неприятеля. Трофим (Е. Матвеев) бросается на помощь Жеребенку, угодившему в водоворот реки, за состязанием стихии и красноармейца встревожено следят с обоих берегов – свои и чужие. Неприятель прекратил огонь, но как только Жеребенок оказался вне опасности, вражеский выстрел сразил Трофима.

Фильм ***«Белая лошадь»*** повествует о жизни бурятской деревни в годы Великой Отечественной войны. В большинстве городов и селений остались женщины, дети и старики. Сюжетная «пружина» истории – отбор лошадей для

фронта. Со слезами жители расстаются с животными, помогающими по хозяйству. На первый план рассказа выведена бездетная семья стариков, у которых есть лишь одно создание, взлелеянное с материнской и отеческой любовью, – красавица – Белая лошадь. Старик добровольно отдает животное, желая помочь фронту. Со временем он встречает лошадь в расположении армейского капитана, приезжавшего в деревню отбирать животных на фронт. Радость встречи и гнев от обмана наполняют сердце старика.

Лента ***«Годен к нестроевой»*** знакомит зрителя с военной судьбой юноши, добровольно ушедшего на фронт, до войны игравшего на виолончели. Сослуживцы шутят над Володей, не зная, к какому делу «пристроить», в итоге он приписан к лошади. Животное, которым новобранец все же научился управлять, вскоре погибает, подорвавшись на мине. Боец отправился в тыл к неприятелю, желая выполнить приказ, – где угодно достать новую лошадь. В вражеском табуне Володю «выбирает» белый конь, уткнувшийся мордой ему в плечо. В отряде «разгадывают» довоенную цирковую судьбу животного. Федя, такое имя дали коню, и Володя становятся неразлучны, понимают друг друга, разговаривают друг с другом, устраивают музыкально-цирковые представления. Трагедия истории – слепота Феди, возникшая от тоски по Володе, находящимся в госпитале. Приговор военного времени неумолим – больное животное – бремя для отряда. Лишь эпизод весенних работ в поле – женщины и дети впряглись вместо лошади и пашут землю – показывает, что расставание отряда с Федей неминуемо, но будущее и у животного, и у селян все-таки есть.

Во всех фильмах демонстрируется похожее отношение к лошади, рассмотрим его характеристики на примере первого фильма. Картина «Жеребёнок» подчеркивает ***связь лошади с человеком***. С рыжей кобылой Трофим всегда *разговаривает*, в данном случае как с любимой, но «беспутной женщиной», увидев жеребчика, он говорит кобыле: «У-у-у, ух… Нагулялась… Так, отелилась. Нашла время, неча сказать » (5.45. – 6.30.), «Ну куды я с ним денусь» (8.05. – 8.30.). Кобыла смотрит на Трофима, не боится, фырчит – отвечает ему, когда-то ласково, иногда и пререкаясь. На протяжении всего фильма по отношению к лошади боец использует притяжательное местоимение («Кобылу мою не видал?», 3.35. – 3.41.; «Ты мою рыжую не примечал», 4.25. – 4.30.). Отметим, что в рассказе автор говорит о «Трофимовой кобыле» [Шолохов, с. 223].

В «Жеребенке» бойцы видят *дитя*, творение божие. Младенец помимо того, что вскармливается «мамкой», играет и озорничает. Особенно пронзительно это показано в сцене попыток Трофима пристрелить животное, главный герой находит малыша в конюшне с мешком на голове, в который тот угодил из любопытства (13.30. – 14.00.). Командир эскадрона, отдавший приказ пристрелить Жеребенка, воспринимает маленькое создание, несмотря на показную суровость, подобным образом. Он сворачивает с пути, идет смотреть на животное (12.35. – 13.05.), в это время закадровый музыкальный нарратив ведет мирную тему (см. далее).

Зритель видит на экране несколько сцен обсуждения судьбы Жеребенка. В первых двух (1. Трофим сообщает о рождении детеныша, командир отдает приказ пристрелить его; 2. боец докладывает о неисправности ружья, что не позволяет выполнить приказ, командир плетет половничек для вареников) участвует ребенок «хозяйки» (мальчик играет с военным биноклем, 9.00. – 9.09.; ружьем, 18.00. – 18.50.), напоминая о том, что в мире, даже в условиях войны, есть рождение новой жизни, которую важно лелеять, хранить, беречь.

В первой сцене важен ракурс изображения на экране. Мы видим командира, сидящего за столом, пьющего чай из большой кружки, затем он встает, идет в горницу, открывая зрителю фрагмент пространства ранее сокрытый его спиной – красный угол избы, икону и рушник. Визуальный ряд (икона) сталкивается с вербальным, в этот момент командир рассуждает о возможной негативной реакции командующего на Жеребенка. (8.43. – 10.44.). Именно здесь дан приказ командира эскадрона пристрелить детеныша: «А ежели командующий, что тогда? Приедет командующий осматривать полк, а он перед фронтом танцевать будет?! И Хвостом этак?! На всю Красную армию стыд и позор… Я даже не понимаю тебя, Трофим, как ты мог допустить, в разгар гражданской войны и вдруг этакое распутство. Даже совестно. Это даже совестно» (10.00. – 10.44.). В этот момент пространство кадра расширяется за счет звука, мы слышим мычание коровы, вступающей в беседу, как бы говорящей: «Что за ерунду ты гутаришь», ропот, несогласие животного – окружения за кадром – не смолкает. Лишь хозяйка, ставшая свидетелем всего разговора, сначала тихо улыбающаяся, не верящая в серьезность приказания, к концу эпизода открыто, звонко смеется, смех как бы говорит: «И чтобы теперь, вояки делать-то будете против жизни» (11.15. – 11.35.).

Во второй сцене ребенок играет с незаряженным ружьем Трофима (18.00. – 18.50.), тоже самое ранее делал Жеребенок. Боец отвел животное в поле, отчаявшись найти силы для исполнения приказа, он садится на «железяку», напоминающую о мирном труде, кладет ружье на колени, поднимает ком земли с цветущим полевым растением с надломленным стебельком. Жеребенок в это время теребит ружье, не видя опасности ни в самом оружии, ни в вооруженном человеке (15.40. – 16.35.).

Третья сцена состоялась после сражения, в котором Жеребенок путался у всех под ногами. Командир признается Трофиму: «Жеребца своего изничтожь, наводит панику в бою. Как увижу, рубить не могу, рука слабнет. А все через то, что вид у него домашний, на войне подобный не полагается. Сердце из камня обращается в мочалку. (Улыбается – Е. Ш.). Между прочим, истоптали поганца в атаке (Трофим тоже улыбается – Е. Ш.)». Приказание командира звучит подчеркнуто риторически, он лишь сетует, признавая чуждость Жеребенка войне. Младенец слышит разговор о себе и где-то там, невдалеке, за кадром реагирует смелым, веселым ржанием (22.55. – 24.05.).

Показательна последняя сцена фильма. Трофима сражает белогвардейская пуля, закадровый голос автора рассказа заключает: «…И жесткие посиневшие губы, пять лет не целовавшие детей, улыбались». В рассказе боец принимает

смерть «в двух шагах от жеребчика» [Шолохов, с. 231], что и объясняет последнюю его улыбку, дитя его Рыжей спасено.

Сближение человека и животного в фильме не абсолютно. ***Отношение к войне***, ее допустимость – вот, то, что для природного, животного противоестественно. Этот мотив в фильме дается ритмическими рядами[1], приобретая форму *оппозиции «мир – война»*, данную всеми средствами выразительности (изображение, слово, звук), порождающая пару противопоставления «животное – человек». Указание на оппозиционную организацию текста – методологический лейтмотив семиотики, предлагающей анализ «двоичных оппозиций» (их структур и семантики, генетики) как основы универсальных образов» [Шатова, 2022, с. 145]. Укажем несколько эпизодов.

Появление Жеребенка дано в фильме звуковым нарративом, ржанием, зритель видит лишь высокое небо, по которому плывут чудесные облака. В центре кадра появляются, постепенно поднимаясь, как бы становясь на ноги, буквы названия, так дано имя младенцу (00.10. – 00.27.). Обратимся к тексту рассказа: «Ужас был первым чувством, изведанным тут, на земле. Вонючий град картечи с цоканьем заставил мать жеребенка – рыжую Трофимову кобылу – вскочить на ноги…» [Шолохов, с. 223]. В киноленте ужас Жеребенка дан визуально. Выстрел, отразившийся в небе, концентрируется в разрушительный ритмический ряд: падает фонарь, разбит кувшин на заборе, разорвана тыква, разбегаются куры, продолжением данного речитатива становятся испуг Жеребенка и встревоженность его мамы. Затем камера плавно выстраивает иной ритмический ряд, он синхронен по отношению к первому: бойцы как бы не замечают выстрелов, находясь далеко от них, не в бою, невозмутимо разговаривают, шутят, наводят марафет, в этот ряд введен и Трофим, он тоже спокоен (3.05. – 3.25.). Интересно, что такого противопоставления в рассказе нет, данная оппозиция – творческое решение создателей фильма.

Пронзителен следующий эпизод. Весь экран отдан облакам, вдруг камера «падает» вниз, находит сухую корягу в воде, на которой растянута, как гирлянда на новогодней елке, пулеметная лента. Камера выбирается на берег, видит взрослое, «доброе», раскидистое, сильное дерево; неподалеку молодое деревце, оно еще не окрепло, только-только зазеленело; звуковым фоном визуального ряда дана светлая спокойная, мирная народная мелодия (1.35 – 2.25). Ритмический ряд – своеобразный эпиграф фильма, представляет ретроспективный взгляд на жизнь: коряга – ее гибельный итог, на что указывает плен пулеметной ленты, когда-то коряга была сильным, могучим деревом, выросшим, как и все иные, из хрупкого деревца. Отметим, что один из элементов ритмического ряда – коряга – дан в конце фильма, после выстрела, сразившего жизнь Трофима, но могучее дерево и деревце уже не рифмуются, они заменены Кобылой и ее детенышем, спасенным главным героем, улыбающимся бойцом.

[1] «Ритмический ряд – повторение одного и того же предмета на экране, порождающее отделение знака предмета от его видимого значения» [Шатова, 2016, с. 140].

Обратимся к фольклорной мелодии предыдущего эпизода, в котором она звучит за кадром первый раз. В фильме мелодия представляет отдельный ритмический ряд, как бы собирая светлые, мирные сцены, как бы подсказывая зрителю то, что в итоге составляет должное в жизни и человека. Народный мотив сопутствует эпизоду первой встречи Трофима с Жеребенком, ведя «линию мира» (5.20. – 6.30.). Затем звучит выстрел – вступает «линия войны», Трофим сворачивает кисет, так и не закурив, он осознает, что война и Жеребенок несовместимы (6.30. – 6.34.). Вновь вступает в игру «линия мира», музыка становится смелее: в кадре – Жеребенок, Трофим ведет Кобылу, детеныш бежит за ними (6.34. – 7.15.). Меняется музыка, она утрачивает ярко выраженные народные интонации, звучит подобно маршу, зритель видит солдат… (7.15. – 7.40.). И так на протяжении всей картины.

Оппозиции «мир – война», «животное – человек» даны и в эпизоде последней отчаянной попытки Трофима выполнить приказ командира – пристрелить Жеребенка. Последний раз Трофим прицелился, позиция выгодная, Жеребенок, стоящий на высоких тонких, еще шатких ножках, в поле ничем не прикрыт, не схорониться от выстрела. Преградой пули, так и не вылетевшей из ружья, становится трава, она ропщет, клонится к земле, умоляет ружье молчать. Налетевший ветер сминает траву, разбегаются куры в деревне, трепещет на ветру калитка, открывая стихии дорогу в хату, в которой сидит командир эскадрона (16.35. – 17.00.) Именно здесь показано истинное его лицо: «Черт с ним, пускай при матке живет. Временно и так далее. Кончится война, на нем еще того, пахать. А ежели командующий, на случай чего войдет в его положение, потому что молокан и должен сосать… Раз такой обычай, ну, и шабаш» (18.50. – 19.50.).

Подведем итоги. 1. В отечественной кинематографии периода оттепели очевидно обнаруживается интертекст, анализ которого позволяет выявить концептуализацию военной «судьбы» лошади в военное время, опирающуюся на фольклорные коды, генетически организующие культуру. 2. Магистральная характеристика военной «судьбы» лошади глубоко антропологична: животное представлено в системе характеристик человека, мир людей зачастую дан «глазами» животного. 3. Человек и лошадь не только сближаются, наделенные общей судьбой, они и противопоставляются друг другу: животное никогда не начинает войны, по этой причине зачастую создатели фильмов выводят на экраны Белую лошадь (амбивалентный символ – несет то ли погибель, то ли Спасение).

Список источников

1. Белынцева К. В. Великая Отечественная война в освещении советского кинематографа периода «оттепели»: основные киноработы // Регионы России в военной истории страны: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Вып. IV. Йошкар-Ола, 2022. – Йошкар-Ола: Марийский НИИ языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, 2022. – С. 320–327.

2. Кристева Ю. Бахтин. Слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 427–457.

3. Рубанова И. И. Польское кино. Фильмы о войне и оккупации. [1945–1965]. – М.: Наука, 1966. – 210 с.
4. Шатова Е. Н. Семиотика и искусствоведение: проблема методологических взаимоотношений (по страницам «Трудов по знаковым системам») // XXVI Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. – Т. I. Санкт-Петербург, 2022. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. – С. 143–146.
5. Шатова Е. Н. Философия культурного текста: практика семиотической интерпретации: учеб.-метод. пособие. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. – 252 с.
6. Шолохов М. А. Жеребенок // Шолохов М. А. Собрание сочинений в восьми томах. – М.: Художественная литература, 1956–1960. – Т. I. Рассказы. – 1956. – 350 с. – С. 223–231.

Сведения об авторе
Шатова Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-6859-5424, e-mail: komascha@mail.ru

УДК 712
ГРНТИ 13.11

Архитектурно-художественное пространство мемориальных комплексов: культурный аспект

Л. В. ЭГЛИТ

В статье рассматриваются вопросы планировочной структуры мемориальных регулярных парков и мемориальных парков-курганов в контексте их культурного звучания и архитектурно-художественного наполнения, а также их роль в сохранении исторической памяти и культурной идентичности.

Ключевые слова: регулярные мемориальные парки, мемориальные парки-курганы, планировочная структура, культурная идентичность, культурные коды.

Мемориальные парки существуют во всех странах мира как места памяти о великих и скорбных событиях истории народа. Русская земля многократно полита кровью вражеских солдат и наших защитников, поэтому закономерно стремление народа воздать дань благодарности героям сооружением величественных и торжественных мемориальных пространств. Мемориальные парки как особый тип ландшафтной архитектуры были известны еще во времена античности – греческие мемориальные сады-герооны, посвященные героям. В новой истории всплеск интереса к мемориальным паркам начался после Первой мировой и Великой Отечественной войн. Данные объекты ландшафтной архитектуры призваны сохранить и увековечить память о героических сражениях, нечеловеческих тяготах, значимости жертв, мужестве и доблести героев.

Существуют различные типы мемориальных парков: от традиционных кладбищ-парков до современных мемориальных комплексов. Как правило, территория непосредственно связана с историческим событием и перед закладкой мемориала прошла комплексный анализ на пригодность ее в этой роли с точки

зрения архитектурно-художественных достоинств. Оцениваются природные особенности места, их выразительность, характер рельефа, существующие пространственные связи, живописность, историческая и эстетическая ценность расположенных на ней природных объектов. Принято, что объекты торжественного звучания, символизирующие победы, являющиеся материальным воплощением гордости народа, должны доминировать на местности, хорошо просматриваться со всех сторон. Для этого они размещаются на возвышенности. Хорошим примером такого типа мемориальных парков являются курганы. Если же основной лейтмотив мемориала трагический, то пространство подбирается равнинное, оно не должно доминировать над окружением.

Курганы возникли ещё в далёкие времена, когда древние народы использовали их в качестве погребальных сооружений. Эти земляные насыпи хранили в себе не только останки людей, но и служили местом для ритуальных обрядов. В XX в. курганы вновь стали актуальными, на этот раз как мемориалы, увековечивающие память о жертвах войн и трагических событий. В этих сооружениях символизм курганов выходит за рамки просто физического присутствия. Они становятся знаками скорби и гордости. Эта тема находит отражение в архитектуре и планировке многих памятников в историческом прошлом советского народа. В качестве примера можно привести мемориал «Курган Славы» в Минске и Мамаев курган в Волгограде. Курган Славы был построен в 1969 г. в честь советских солдат, защищавших большую Родину и Минск во время Великой Отечественной войны. Он является частью большого мемориального комплекса, который включает в себя обелиски, памятники и зелёные зоны. Главная особенность Кургана Славы – это его символическая высота, которая поднимает мемориал над городом, делая его видимым из многих точек. Курган Славы достигает высоты 30 м и представляет собой земляную насыпь с грандиозной стальной конструкцией – монумент из четырех символических штыков, олицетворяющих освобождавшие Минск армии. Вокруг кургана расположены аллеи, создающие зоны для отдыха, пространства для размышлений и уединения. Зеленые насаждения дополняют атмосферу памяти, скорби и гордости. Памятник стал местом, где проходят торжественные мероприятия и памятные акции. Сюда приходят не только те, кто хочет почтить память погибших, но и местные жители для прогулок.

Мамаев курган, расположенный в Волгограде, является одним из самых известных мемориалов в России. Он посвящён памяти советских солдат, павших в Сталинградской битве с сентября 1942 по январь 1943 г. Его строительство началось в 1959 г. и завершилось в 1970. Этот мемориал служит символом стойкости и мужества защитников города во время одной из самых кровопролитных битв в истории человечества. На территории существуют братские и индивидуальные могилы 35 тысяч советских солдат. Основной архитектурный элемент парка «Героям Сталинградской битвы» – статуя «Родина-мать зовёт!», достигающая 85 м в высоту и являющаяся одной из самых высоких статуй в мире. От подножья кургана до его вершины ведут 200 гранитных ступеней – по числу дней Сталинградской битвы. Мамаев курган не только величественен по своим размерам, но и

уникален в архитектурно-планировочном решении – парк имеет сложную планировку. Вокруг кургана множество мемориалов и стел, которые рассказывают о событиях Великой Отечественной войны и героях, оставивших свой след в истории.

Окружает Курган расположенный у подножья Парк Победы, созданный посадкой сотен деревьев в память о близких, не вернувшихся с войны. По его территории проложена сеть аллей и дорожек, которые ведут к различным памятникам. Скульптура «Стоять насмерть» или «Скорбящая мать», горельеф «Память поколений» – каждая деталь мемориала наполнена глубоким смыслом. Посещение Зала воинской славы, места с вечным огнем и выгравированными именами погибших солдат, и трагически-величественных Стен-руин сопровождается музыкальным звучанием, придающим большую значимость и глубокую одухотворенность.

В парке есть Аллея России, начинающаяся со Сталинградского тополя. Это саженец, полученный из биоматериала тополя, сохранившегося в Сталинградских развалинах после ожесточенных боев. Есть в парке и Аллея Мира, ведущая от подножья Кургана и принимающая тематические выставки-экспозиции. Также недалеко расположен большой зеленый амфитеатр. Пространство парка насыщено декоративными растительными композициями и цветниками, работает здесь и светомузыкальный фонтан. Это очень важные культурные посылы: жизнь продолжается, мы помним и чтим героев, мы помним, что они погибли за светлое будущее для своих потомков. Однако рекреационная функция мемориального комплекса не должна играть большой роли – мемориал имеет свое назначение и доминирующее звучание.

Планировочная структура мемориалов по типу курганов строится в свободном стиле – величие формируется за счет доминирующего положения на местности монументальных скульптурных групп. Подход к вершине кургана часто выполняется по прямой от подножья к вершине, что позволяет еще больше усилить впечатление грандиозности сооружения и заложенных в нем смыслов за счет перспективных ракурсов. Устремление ввысь подчеркивается чистой геометрией пирамидальных аллей, усиливается дублированием сети дорожек вверх по кургану формованными живыми изгородями. На сложном рельефе большое внимание уделяется пространственным связям, организации близких и дальних перспектив.

Если мемориальные комплексы располагаются на ровном рельефе, они не возвышаются над местностью, но имеют, как правило, большие по площади размеры. На первый план выходит фронтальная композиция планировки. Чаще всего планировочное решение базируется на принципах регулярного стиля, позволяющего придать пространству строгую организованность и порядок. Чистые геометрические формы подчеркивают масштаб пространства, а следовательно, и события. Это объекты скорбных страниц нашей истории, память о тяжелых испытаниях и потерях. На территории мемориальных парков с траурным содержанием не применяется размещение рекреационно-развлекательных зон и элементов. Монументы, скульптуры, обелиски, братские могилы – осязаемое

напоминание о трагических событиях войны. Особое значение имеют имена, высеченные на плитах и обелисках. Это конкретные судьбы людей, отдавших свои жизни за Родину. Чтение этих имен заставляет задуматься, ощутить личную сопричастность к событиям войны. В таких парках часто проводятся торжественные церемонии, возложения цветов, встречи ветеранов. Они становятся местом, где поколения могут отдать дань уважения героям, почтить память погибших и осознать цену мира. Архитектурное решение мемориальных парков тщательно продумано. Планировка, выбор растений и материалов – все подчинено созданию атмосферы тишины, скорби и уважения. Аллеи, ведущие к монументам, словно пути памяти, а тихие уголки, где можно посидеть и поразмышлять, становятся местом личного переживания. Часто в мемориальных парках располагаются музеи или экспозиции под открытым небом, где представлены артефакты времен войны: оружие, техника, письма, фотографии. Эти экспонаты помогают глубже понять масштаб трагедии и героизма народа. Мемориальные парки в регулярном стиле представляют собой уникальное сочетание скорби и порядка, где строгая геометрия и симметрия своей статичностью призваны подчеркнуть вечность памяти. Здесь скорбь встречается с красотой, а память обретает форму объемно-пространственного порядка. В отличие от пейзажных мемориальных комплексов, здесь доминируют четкие линии аллей, аккуратно подстриженные кустарники и геометрически правильные клумбы. Аллеи расходятся от центральной точки, создавая перспективу, уходящую в бесконечность. Монументальные памятники и скульптуры, размещенные вдоль этих аллей, служат визуальными акцентами, напоминая о жизни и достижениях ушедших. Пространству присуща строгая иерархия – центральная аллея, ведущая к главному монументу, является самым важным местом, где проводятся торжественные церемонии и возложение цветов. Боковые аллеи, ведущие к индивидуальным захоронениям, предоставляют посетителям возможность для уединения и личной скорби. Каждая скамейка, каждый фонарь и каждая урна должны быть тщательно подобраны и размещены в соответствии с общей концепцией. Материалы, используемые в строительстве и отделке, как правило, отличаются высоким качеством и добротностью, что подчеркивает долговечность памяти об ушедших. Выбор растений также подчинен принципам симметрии и гармонии. Вечнозеленые кустарники и деревья, подстриженные в форме шаров или конусов, образуют живые скульптуры, придавая парку строгий и торжественный вид. Цветочные клумбы, выполненные в пастельных тонах, вносят нотку нежности и деликатности. Важную роль в создании скорбно-величественной атмосферы отведено освещению. Мягкий рассеянный свет, исходящий от фонарей, установленных вдоль аллей, подчеркивает красоту архитектурных форм и растительности. В ночное время парк приобретает особую торжественность и загадочность, напоминая о вечной природе памяти. Мемориальные парки в регулярном стиле – это не просто места захоронений, а тщательно продуманные пространства, где каждая деталь имеет свое значение. Они служат напоминанием о том, что жизнь – это ценный дар, который нужно беречь и ценить. Это память и боль народа.

Пискаревское мемориальное кладбище – одно из самых значимых и печальных мест, посвящённых памяти всех жителей и защитников блокадного Ленинграда, размещенное на месте массовых захоронений. «Влево и вправо от боковых дорожек Центральной аллеи уходят печальные холмы братских могил с плитами, на каждой из которых высечен год захоронения, листочки дуба – символ мужества и стойкости, серп и молот – на могилах жителей, пятиконечная звезда – на могилах воинов, сбоку плиты выбит номер могилы. В 186 братских могилах и шести тысячах индивидуальных воинских захоронениях покоятся 420 тысяч жителей Ленинграда, погибших от голода, холода, бомбежек и артобстрелов, а также 70 тысяч воинов – защитников Ленинграда»[1].

Еще один пример мемориального регулярного парка – Мемориальный комплекс «Хатынь». Он был создан в память о сожженных нацистскими захватчиками во время Второй мировой войны жителях 217 белорусских деревень. Одной из них деревень была Хатынь. Мемориал расположен в спокойной лесистой местности, живая природа которой контрастирует с трагическим наполнением мемориала, подчеркивая атмосферу скорби.

На территории Ленинградской области есть мемориальный парк «Большое Заречье» в Волосовском районе. Это наша Хатынь. Здесь в октябре 1943 г. фашисты заживо сожгли 66 человек, в том числе и 19 детей. Сегодня это небольшой обелиск и пережившие своих владельцев дома, безжизненные печные трубы, разбросанные на живописном лугу. Чисто выбеленные, как и положено у хороших хозяев, эти печные остовы ужасают своей безжизненной обыденностью и нарядной белизной на фоне свободно растущих трав, деревьев и кустарников. Нацисты и их приспешники за годы Великой Отечественной войны полностью уничтожили более 10 тысяч деревень в России.

В Гатчинском районе Ленинградской области есть небольшой мемориальный парк «Строганов мост», посвященный жертвам фашисткой оккупации в годы Великой Отечественной войны. Территория расположена в черте частной застройки поселка Сиверский на месте массовых расстрелов населения и советских солдат. Нами был разработан проект благоустройства данного мемориального парка. Планировочное решение территории продиктовано ее содержанием. Мы провели смысловое разделение парка на две самостоятельные зоны: величественно-торжественную, с уже установленным памятником-монументом «Крест» архитектора Кинцурашвили; и зону тихой скорби непосредственно на месте массовых расстрелов и захоронений советских воинов и мирных жителей. Территории спланирована таким образом, чтобы ее мемориальный характер определялся предельно четко с обнимающих парк с двух противоположных сторон автомобильных дорог. Расположение растительных объемов в этой зоне призвано открыть вид на памятник-монумент и одновременно перекрыть фасады и крыши строений, попадающие с ним в одну картину. Зона тихой скорби содержит православный крест и памятный камень. Архитектурно-планировочное решение ее мы подбирали, отталкиваясь от визуального образа разорванной в виде

[1] Пискаревское мемориальное кладбище. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://pmemorial.ru/about

креста стены – так выглядит памятник (рисунок). Линии разлома появляются на мощении и усиливаются высадкой в щели почвопокровников. Плакучая ива склоняет свои ветви в знак скорби, огораживая зону со скамей от посторонних взглядов. Цветовая гамма подбираемых в проект растений ограничена бело-зеленой парой. Центральная аллея планируется березовой, белоснежные стволы деревьев будут подчеркивать и усиливать впечатление от кипельно-белого монумента-памятника. Кустарниковые посадки подобраны исходя из принципа обеспечения спокойной зелени, со вспыхивающими белыми акцентами цветения.

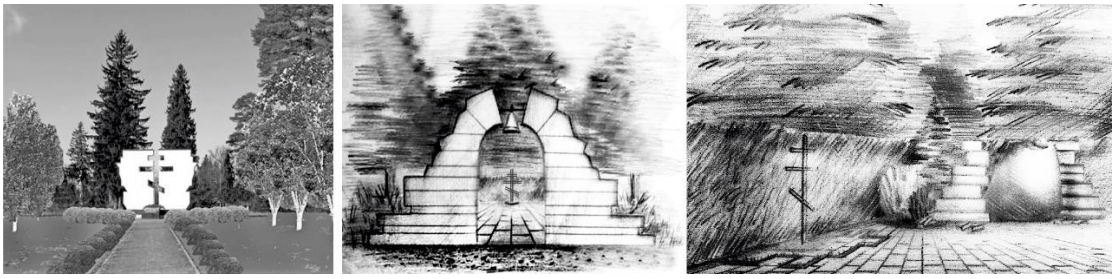

Рисунок. Проектные предложения по благоустройству мемориала «Строганов мост».
Эглит Л. В., Толоконникова К. С.

Мемориальные парки в России и других странах служат важным пространством для сохранения исторической памяти и культурной идентичности. Они представляют собой места памяти, среду, где закладываются культурные коды. Часто они служат площадками для проведения культурных мероприятий, таких как концерты, театрализованные представления и выставки, что помогает интегрировать историческую память в современную культуру. Прогулка по мемориальному парку может быть метафорой поиска смысла, что создает более глубокую духовную связь посетителей с местом. Использование различных материалов и форм передает эмоциональную нагрузку, что становится частью культурного кода, способствует формированию общественного сознания и идентичности. Эти коды выражаются в пространственных, визуальных и социальных аспектах, создавая многослойный и глубокий опыт для посетителей.

Список источников

1. Ожегов С. С. История ландшафтной архитектуры: учеб. для вузов. – М.: Архитектура-С, 2004.

2. Чернявская Е. Н. Градостроительство с основами архитектуры. Современный этап: учебное пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2025. – 72 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-20031-7. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/557480 (дата обращения: 15.04.2025).

Сведения об авторах

Эглит Лилия Владимировна – кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: lisandrig@mail.ru

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ КАК ИСТОЧНИК УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

УДК 355.233.231.1
ГРНТИ 13.11.28

Роль хорового пения в воспитании патриотизма школьников

А. А. КОЖЕВНИКОВА

В статье рассмотрена важность хорового пения как средства воспитания патриотизма у школьников. Цель работы – разобраться в таких понятиях как хоровое пение и патриотизм, установить важность взаимодействия этих двух понятий, а также дать ответ на вопрос, возможно ли считать патриотическое воспитание полноценным, исключив из него хоровое пение. Автор изучает влияние хорового пения на воспитание патриотизма на основе схожих личностных качеств человека, формирующихся в процессе занятий хором, без которых невозможно стать патриотом.

Ключевые слова: образование, воспитание, патриотизм, хоровое пение, личность.

В наше время учителей в школах, а также в учреждениях дополнительного образования обязывают говорить с детьми о патриотизме. В общеобразовательной школе появился предмет «Разговоры о важном», где часто поднимается тема патриотизма, любви к Родине. В учреждениях дополнительного образования раз в квартал стабильно требуют дать патриотический концерт. Зачастую выполнение данных учебных планов со стороны выглядит как сухое следование инструкциям, которое не несёт за собой особо трепетного смысла и духовной наполненности, а педагог и ученик могут иметь различное мнение на счёт важности участия в мероприятиях патриотической направленности. Данная работа представляет собой взгляд на эту проблему со стороны педагога дополнительного образования.

Уместным было бы начать с определения понятий патриотизма и хорового пения.

Патриотизм – это политический принцип и социальное чувство, осознанная любовь, привязанность к Родине, преданность ей и готовность к жертвам ради неё, осознанная любовь к своему народу, его традициям[1]. Хочется добавить, что патриот не только готов на жертвы (в разных их проявлениях), но и стремится свою Родину сделать лучше: не отобрать, а дать, не схитрить, а помочь, и необязательно всей стране, можно и просто своему ближнему.

Важно отметить, что патриотизм предполагает чувство гордости за достижения и культуру своей Родины, поддерживает желание сохранять культурные особенности и идентификацию себя (особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям) с другими

[1] Патриотизм // Словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/ozhegov/патриотизм (дата обращения: 20.03.2025).

представителями своего народа, стремление защитить интересы родины и своего народа[1].

На примере оперного творчества таких композиторов как А. П. Бородин (историко-героическая опера «Князь Игорь»), М. И. Глинка («Иван Сусанин») можно предположить, что определение патриотизма, данное выше, уходит корнями далеко в прошлое, где было принято воспевать подвиг народа, восхвалять героев-защитников, жалеть бедный и обделенный народ и показывать, что общность, единение – это сила и мощь. И композиторы, например, «Могучей кучки» зачастую отдавали хору главенствующую роль в своих операх. В этом мы можем убедиться, познакомившись с оперой «Борис Годунов» М. П. Мусоргского, где хор рисует картину народной жизни, сопровождая всё действие оперы. В опере «Князь Игорь» А. П. Бородина хор воплощает образ народа, его чувства, думы, выступает и комментатором, и фоном, и, конечно, передаёт идею сплочённости всего русского народа.

Исследователь Е. В. Александрова считает, что хоровое пение, как и патриотизм, имеет многовековую историю и является традицией, корни которой уходят далеко в прошлое. Александрова утверждает, что хоровое пение – это верный показатель здоровья нации; народ, воспитанный на одухотворенной песне, благороден и велик. Россия всегда славилась многоголосным хоровым пением. Это было естественным содержанием нашей природы, нашей внутренней потребностью [Александрова, с. 314–317].

Если рассматривать определение хорового пения в разрезе коллективной деятельности, то важно упомянуть о том, что истоками его является фольклор – коллективное устное народное творчество. Издревле люди объединялись, в процессе жизни и труда создавая тот самый культурный пласт обычаев, традиций, который сейчас мы именуем фольклором. По сути, это и есть исток патриотизма, смысл которого – объединяться, созидать, гордиться и преумножать. Само по себе фольклорное пение и есть прародитель современного хорового искусства. Люди собирались вместе на народных гуляниях, либо во время полевых работ и исполняли песни собственного сочинения или песни, переданные из уст в уста от предков к потомкам. Таким образом, духовные традиции русского хорового пения представляют собой сплав культурных ценностей и характеризует собой религиозное (система символов, моральных правил, обрядов и культовых действий, исходящая из представления хористом общего порядка бытия), нравственное (внутренняя установка хориста действовать согласно своей совести и свободной воле), преемственное (сохранение национального самосознания), эстетическое (отношение хориста к происходящему вокруг с позиции прекрасного и возвышенного, его отношения к природе, искусству и художественному творчеству) и интеллектуальное (предвидение возможных последствий предпринимаемых действий, способность предупреждать и избегать ненужных решений)

[1] Патриотизм // Словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/ozhegov/патриотизм (дата обращения: 20.03.2025).

содержание[1]. Для детей школьного возраста хоровое пение прежде всего выполняет развивающую функцию, образовательную, а также функцию формирования умений и личностных качеств, о которых будет упомянуто далее. Прежде всего, хоровое пение обеспечивает музыкальное развитие. По мере овладения певческими навыками, когда пение в хоре становится понятным и привычным занятием для ребёнка, участие в данном процессе начинает не только улучшать музыкальные навыки, но и формировать такие качества личности как осознанность, духовность, чувство ответственности и умение взаимодействовать с партнёром.

В ходе написания данной работы был проведен опрос, выявляющий мнения учащихся средней общеобразовательной школы (СОШ) и детской музыкальной школы (ДМШ) о важности хорового пения в жизни ребёнка и, в целом, человека. Ученикам обоих учебных заведений (возраст 11–12 лет) были заданы следующие вопросы:

1. Как часто в стенах вашего учебного заведения вы участвуете в хоровом пении?

2. Нравится ли вам процесс репетиций и выступлений?

3. Интересен ли предлагаемый педагогами репертуар? Насколько он актуален для вас?

4. Как вы оцениваете важность наличия хорового пения в образовательном процессе?

5. Какие по вашему мнению важные качества личности в вас воспитало хоровое пение?

Ответы учащихся СОШ, в основном, были односложными. Дети посещают уроки музыки. Хоровому пению, как правило, уделяется время в конце каждого урока. Репертуар следующий: патриотические / военные песня, композиции из советских фильмов, эстрадные песни разных десятилетий. В период изучения на уроках музыки фольклорных жанров детям предлагается исполнение аутентичных композиций из русского народного творчества для более качественного погружения в тему. Как отмечают учащиеся, актуальность материала для них не всегда высока (исключением являются тематические композиции в процессе подготовки к школьным праздникам) и большой симпатии к нему они не выражают в связи с иным кругом интересов. Оценить важность хорового пения в образовательном процессе школьники затрудняются, так как они относятся к этому как к обычным урокам, но, в основном, о репетициях и совместных выступлениях дети отзывались положительно, опираясь на то, что данный процесс сближает, и при совместном исполнении они меньше волнуются, чем выступая сольно. Также учащимися было отмечено, что совместное пение им интереснее, чем изучение исторических фактов.

Ответы учащихся детской музыкальной школы оказались более развёрнутыми. В ДМШ дети, обучающиеся не на хоровом отделении, посещают хоровой

[1] Шарипова А. Р. Сущность русского хорового пения как духовного феномена культуры: дис. … канд. филос. наук. Казань, 2010. 175 с.

класс 1–2 раза в неделю. Процесс репетиций включает в себя распевки, упражнения и непосредственную работу над произведениями различной направленности. Как правило, в основе лежит классический детский хоровой репертуар. Некоторые дети даже назвали любимые произведения, ими оказались «Солнышко проснётся» С. Баневича, «Горные вершины» А. Рубинштейна, «Песня о криницах» А.Эшпая. Об актуальности материала учащиеся высказались неоднозначно: кому-то не совсем понятен смысл таких произведений, а кто-то, напротив, считает, что исполнение классического репертуара повышает их культурный уровень и позволяет оказываться на более интересных концертных площадках, например, выступать в Капелле.

Исходя из ответов школьников, можно сделать вывод о том, что хоровое пение детям нравится, их удовлетворяет как процесс, так и результат. Чётко прослеживается понимание детьми смысла данной деятельности.

Так ли важен выбор репертуара для хора в целях обретения необходимых навыков и формирования личностных качеств? Естественно, ведь хоровое пение является не только инструментом музыкального образования, но и деятельностью, участвующей в формировании и воспитании личности. Таким образом, материал должен быть подобран тот, который способен научить детей, а не просто их развлечь, как в наше время это делает поп-музыка. Следовательно, педагогам нужно опираться на классический хоровой материал: русскую и зарубежную классику, народную песню, возможно также включение в репертуар старинной музыки и произведений современных композиторов. Это та база, на которой учащиеся смогут выстроить наиболее точное понимание хорового искусства, что является важным в формировании певческих навыков и личностных качеств человека.

Подведем итог о взаимосвязи патриотизма и хорового пения. Патриотизм как качество личности вбирает в себя следующие черты: осознанность, чувство единства и гордости за свою Родину, осознанная любовь к ней. Хоровое пение как раз и формирует осознанность, нравственные качества личности, кроме того, оно воспитывает чувство товарищества, важности каждой детали в общей системе, умение работать в коллективе.

Личный педагогический опыт автора позволяет утверждать, что дети, перешедшие из младшего вокального коллектива в старший, становятся более надежными участниками команды, по сравнению с теми, кто приходит во взрослый коллектив без опыта участия в детском хоре. Развивать вышеперечисленные качества в человеке лучше в детском возрасте, так как ребёнок легче откликается на всё новое, впитывает в себя происходящее вокруг, выстраивает для себя модель поведения в коллективе и, в будущем, в обществе. Это доказывает важность преемственности поколений, о которой было упомянуто выше. Таким образом, музыкальное воспитание ребёнка есть не что иное как передача опыта из уст в уста. Впоследствии этот участник коллектива так же будет принимать, а, возможно, и обучать детей из младших коллективов. В данной ситуации мы можем наблюдать проявление таких воспитанных хоровым пением качеств, как осознанность, ответственность, преемственность, забота о ближнем. Все эти качества, безусловно, являются фундаментом в воспитании патриотизма.

Хоровое пение занимает важное место в жизни каждого школьника, в его патриотическим воспитании. Совместное исполнение музыкальных произведений формирует у детей чувство единства и сплоченности, развивает эмоциональный интеллект и личностные качества. Данная форма обучения создаёт условия для формирования гражданской ответственности и уважения к культурному наследию своей страны. Хоровая деятельность способствует воспитанию уважения к законам и традициям, что является важным аспектом в развитии патриотизма. Хоровое пение становится не только инструментом музыкального образования, но и средством для формирования социальных и духовных ценностей, что играет важную роль в укреплении государственной целостности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что без хорового пения и качеств, им прививаемых, невозможно в полном объеме дать ребёнку представление о патриотизме и включённых в него понятиях.

Список источников

1. Александрова Е. В. Хоровое пение в системе социокультурного воспитания личности // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2009. – № 3. – С. 314–317.

Сведения об авторе

Кожевникова Алиса Алексеевна – студентка 4 курса факультета философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-9605-1290, e-mail: alisa1897@icloud.com

УДК 372.878
ГРНТИ 14.25.09

Изучение творчества русских композиторов на уроках музыки в общеобразовательной школе как средство приобщения к русской культуре

Н. В. КОЖУРКИНА

Данная статья посвящена изучению творчества русских композиторов на уроках музыки в общеобразовательной школе как важному инструменту приобщения учащихся к богатому наследию русской культуры. Рассмотрены педагогические подходы и методы, способствующие глубокому погружению школьников в музыкальное наследие России. Отмечается, что включение произведений русских классиков, таких как П. И. Чайковский, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков и др., способствует формированию эстетического вкуса, воспитанию патриотизма, морально-нравственных качеств и более полному осознанию культурной идентичности.

Ключевые слова: русские композиторы, русская культура, уроки музыки, общеобразовательная школа, музыкальное воспитание, педагогические подходы, эстетическое воспитание, культурная идентичность, патриотизм.

Изучение творчества русских композиторов на уроках музыки в общеобразовательной школе играет важную роль в приобщении учащихся к культурному наследию России. Через произведения отечественных авторов школьники изучают глубокие традиции русской музыки, учатся понимать и ценить духовные и художественные ценности своей страны, что способствует формированию у них чувства национальной гордости и уважения к родной культуре.

Музыка – это мощное средство эмоционального и культурного воздействия, которое позволяет детям не только услышать национальные мотивы, но и прочувствовать дух своей страны, ее историю, традиции и культуру. Русская музыкальная культура, представленная творчеством таких выдающихся композиторов, как Михаил Иванович Глинка, Петр Ильич Чайковский, Николай Андреевич Римский-Корсаков, Сергей Васильевич Рахманинов и многие другие, является духовным наследием, которое служит основой национального единства.

Формирование национального мировоззрения школьников происходит через глубокое погружение в художественный мир музыки, в ее исторический и культурный контекст. Например, слушая оперу М. И. Глинки «Иван Сусанин», дети знакомятся с образом героя, пожертвовавшего своей жизнью ради Родины. Через эту музыку транслируется идея патриотизма, готовности к самопожертвованию ради будущего страны. Глинку часто называют «отцом русской музыки», так как он первым сумел создать произведения, в которых национальные черты выражены особенно ярко. Его творчество демонстрирует, как музыка может стать отражением народного духа, привычек и менталитета.

Дети, изучающие творчество П. И. Чайковского, проникаются более глубоким пониманием красоты русской природы и эмоционального мира человека. Композитор на мировом уровне прославил русское искусство, создав произведения, способные говорить на универсальном языке чувств, понятном каждой культуре. Например, балеты «Щелкунчик» и «Лебединое озеро» просты для понимания юных слушателей, так как объединяют в себе волшебство, вдохновение и эмоциональность. Сочетание народных мотивов и уникального композиторского стиля Чайковского способствует восприятию русской духовности, помогает найти отклик в сердцах людей разных эпох и культур. Школьники через такую музыку учатся осознавать значимость принадлежности к родной культуре.

Н. А. Римский-Корсаков в своих произведениях, таких как опера «Снегурочка» или симфоническая сюита «Шехеразада», раскрыл русскую культуру через сказочные и народные образы. Его интерес к национальному музыкальному наследию подчеркивает важность обращения к истокам. Это особенно важно для юного поколения, ведь музыка становится не только слушательским опытом, но и уроком истории. Как отмечал музыкальный критик Герман Ларош, искусство Римского-Корсакова «соединяет прошлое с настоящим» и пробуждает интерес к национальным традициям, что крайне важно для формирования вовлечённости в культуру своей страны [Ларош, с. 174].

С. В. Рахманинов, с его глубоким лиризмом и мощным эмоциональным накалом, является примером того, как можно тонко выразить национальное мировоззрение через музыку без явного обращения к народным мотивам. Его Второй концерт для фортепиано с оркестром стал символом русской души, глубокого

размышления о человеческих чувствах: тоске, любви, гордости за свою Родину. Прослушивание таких произведений на уроках музыки в общеобразовательной школе помогает обучающимся развивать эмоциональную чуткость, формировать эстетический вкус и осознавать уникальность русской культуры, которая нашла столь яркое воплощение в великих произведениях.

Исследования педагогов и музыковедов также подтверждают, что изучение музыки русских композиторов способствует развитию у школьников чувства принадлежности к своей нации. Например, философ и культуролог Николай Бердяев писал о том, что искусство является способом постижения духа народа, и это особенно ярко проявляется в музыке. Через произведения русских композиторов школьники учатся осознавать себя частью великой культуры, унаследовавшей богатую историю и многовековые традиции [Бердяев, с. 236].

На уроках музыки изучение произведений русских композиторов способствует решению сразу нескольких педагогических задач. Во-первых, это формирование художественного вкуса и музыкальной грамотности. Музыка русских классиков отличается богатством мелодики, разнообразием форм и жанров, что дает учителю возможность продемонстрировать детям различные музыкальные направления. Например, педагог может использовать фортепианный цикл «Времена года» П. И. Чайковского для знакомства учащихся с особенностями программной музыки, иллюстрируя, как средства музыкальной выразительности передают смену времен года и эмоциональные состояния человека. Непрограммные инструментальные произведения, такие как прелюдии Рахманинова, позволяют обсудить особенности музыкального языка и средств выразительности.

Кроме того, педагог может использовать произведения русских композиторов для привития любви к своей родной культуре и ее традициям. Так, при изучении народных песен в аранжировке Глинки или Римского-Корсакова учащиеся получают представление о русских музыкальных истоках, об особенностях народной музыки и ее влиянии на классическое творчество. Эти произведения не только учат детей понимать национальную музыку, но и воспитывают чувство гордости за культурное наследие Отечества.

Важной частью является практическая реализация перечисленных целей через активное участие детей. На уроках музыки учителя часто применяют различные методы практического обучения: это может быть вокальное исполнение, игра на музыкальных инструментах (или даже самостоятельное сочинение мелодий на основе изученных), анализ произведений, использование игровых форм работы и т. д. Например, разучивание «Польки» из балета Чайковского «Щелкунчик» может помочь в знакомстве обучающихся с особенностями ритма и танцевальности мелодии.

Применение современных технологий в образовании также способствует популяризации и изучению русской музыкальной культуры. С помощью интерактивных презентаций, прослушивания в высоком качестве, просмотра видеозаписей постановок опер или балетов дети могут лучше воспринимать и анализировать классику. Такие формы работы, как викторины, интерактивные задания, позволяют в игровой форме познакомить детей с историей русской музыки, народными песнями и творчеством отечественных композиторов.

Также важно отметить межпредметную связь на уроках музыки. Великая музыка русских композиторов, таких как С. С. Прокофьев или Д. Д. Шостакович, связана с исторической реальностью их времени. Ученики могут изучать такие произведения, как симфония № 7 (Ленинградская) Шостаковича, параллельно обсуждая историческую эпоху, повлиявшую на создание этого шедевра. Это способствует не только лучшему пониманию музыки, но и углублению знаний в области истории и литературы.

Так, например, Ленинградская симфония Шостаковича – это не просто музыкальное произведение, а символ стойкости духа и веры в победу. Исполнение симфонии во время блокады Ленинграда объединило ленинградцев, измученных голодом и обстрелами. Знакомство школьников с историей написания произведения, судьбами музыкантов, которые исполняли его в осаждённом городе, может помочь формированию понимания ценности жизни и гордости за свой народ.

Особое внимание на уроках музыки следует уделять эмоциональной составляющей произведений русских композиторов, ведь музыка – это универсальный язык чувств. Педагог может работать с такими произведениями, как «Картинки с выставки» Мусоргского, чтобы объяснить, как музыка способна создавать художественные образы – например, передавать вид «Старого замка» или «Богатырских ворот». Данные примеры развивают воображение учеников, учат объяснять услышанное и находить в музыке отражение своих собственных эмоций и впечатлений.

Особое внимание стоит уделить и народной музыке, которая служит не только источником вдохновения, но и мощным нравственным ориентиром. Народные песни, такие как «Ой ты, русская сторонушка» или «Во поле берёзонька стояла», часто наполнены глубоким содержанием, которое отражает такие ценности, как трудолюбие, уважение к старшим, любовь к родной земле и т. д. Эти произведения способствуют воспитанию уважения к культурным традициям своей страны. Мелодика и лиризм народной музыки органично соединяют в себе простоту и глубину, что делает её доступной и понятной для восприятия школьников любого возраста.

Кроме того, русская музыка часто затрагивает темы высокой нравственности. Анализ и обсуждение подобных произведений помогает школьникам формировать собственное мнение о том, что такое добро, а что зло, развивать эмпатию и стремление к самосовершенствованию. Это оказывает глубокое влияние на нравственное развитие личности.

Важной чертой русской музыки является её связь с историей и судьбой народа. Школьники, слушая патриотические произведения, такие как «Славься» из оперы «Иван Сусанин» М. И. Глинки, переживают чувство гордости за свою страну, её историю и достижения. Эти произведения вдохновляют школьников и способствуют формированию чувства патриотизма – важной составляющей мировоззрения. Как отмечал Д. Б. Кабалевский, музыка не только передаёт эмоции, но и воспитывает у слушателя духовную стойкость и нравственную красоту [Кабалевский, с. 42].

Нельзя также забывать об уникальной роли русской духовной музыки, которая находит отклик в сердце школьников. Духовная музыка способствует воспитанию внутренней культуры ребёнка, учит добру, чистоте мыслей и идей, помогает найти в себе силы для преодоления трудностей. Она воспитывает нравственные качества, такие как ответственность и любовь к ближнему.

Произведения духовной музыки могут вызывать у школьников различные эмоции, раскрывающие весь спектр чувств по отношению к Родине. Сочинения рассказывают о переживаниях человеческой души, заставляют задуматься о своём месте в мире и смысле жизни, тем самым укрепляя патриотический дух. Важно на уроках музыки не только предлагать прослушивание духовной музыки, но и включить в урок анализ текста, разобрать исторический контекст. Это поможет глубже понять передаваемые в произведениях ценности, которые лежат в основе патриотизма.

Таким образом, изучение творчества русских композиторов на уроках музыки в общеобразовательной школе играет важную роль в приобщении учащихся к богатому наследию русской культуры. Оно способствует не только развитию музыкального вкуса и художественного восприятия, но и формированию у школьников национального самосознания, уважения к традициям и историческому прошлому своей страны. Следовательно, музыкальное образование в общеобразовательных школах становится эффективным инструментом воспитания культурной, грамотной и духовно развитой личности.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. – М.: Наука, 2020. – 542 с.

2. Кабалевский Д. Б. Как рассказывать детям о музыке: педагогические. – М.: Просвещение, 2021. – 224 с.

3. Ларош Г. А. Опера. Избранные статьи. – М.: Юрайт, 2025. – 345 с.

Сведения об авторе

Кожуркина Надежда Владимировна – магистрант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0004-2074-5111, e-mail: kozhurkinan@mail.ru

УДК 82.02/.09+82-192
ГРНТИ 02.15.21, 18.41.85

Природа как субъект сознания в песенном творчестве российской паган-фолк-группы «Bjarla»

Е. В. ЛОКТЕВИЧ

В статье образ Природы-Матери осмысляется как субъект сознания и речи песенной поэзии А. Куприяновой (группа «Bjarla»). В фокусе теории Б. О. Кормана анализируется субъектная организация текстов, эмоциональный тон и динамика хронотопических зон. Рассматривается роль собственно автора в конструировании диалога между лирическим героем, героем-повествователем и природой.

Ключевые слова: субъектная организация, субъект сознания, собственно автор, лирический герой, образ, фольклор.

Песенная поэзия паган-фолк-группы «Bjarla» (автор текстов и вокалистка – Александра Куприянова) демонстрирует оригинальный синтез традиционных мифологических образов и символических образов современной синтетической культуры. Исследование субъектно-образной структуры фолк-альбомов коллектива показывает, что художественная философия «Bjarla» конструируется вокруг пространственно-временных зон синкретического образа *Матери-Природы*, участвующей не только в оформлении эмоционального тона произведений, но и в трансформации субъектной организации. Образы природы в песенном творчестве А. Куприяновой – постоянные участники художественного и психологического нарратива, это объекты сознания с субъектной функцией, объединенные лирической сферой, созданной *собственно автором* (термин Б. О. Кормана), который проявляется опосредованно через сюжетно-композиционное построение вербального «тела» песни, образные маркеры, коммуникативные стратегии, философию эстетического мира произведения. По традиции функционирования *синкретического типа художественности* лирическое «Я» здесь растворяется в межсубъектном «Мы» или в безличных формах (повествовательная лирика), что можно проследить в песнях «Над туманами», «Тайбола», «Путеводная сила» и «Духи гор».

Роль собственно автора проявляется и в оформлении образной сферы, в создании эмоционального тона, в выборе субъектной стратегии, определяющей голоса-доминанты и потенциал вторичных субъектов сознания и речи, которые, например, в жанровой парадигме *заклинания* сливаются воедино: «Снова в путь! / Ветер, / Встречным будь! / Силой обернись, / Вьюга! / Мы идем вдаль»[1]. Присутствие природы (/ Север, Тайбола) как субъекта сознания интенционально выражено в сакральной лексике («духи гор», «путеводная сила», «притча древних сказаний», «старец-пророк»), ритуальном / психологическом повторе («Тихо по лесу, Тайбола», «Природы мир, великий мир», «столько смерти, столько жизни»), аудиальных маркерах (на вербальном уровне – использование звуковых образов, на невербальном уровне – этнических инструментов, имитирующих звуки леса и ветра). Так, на страничке группы «Bjarla» в ВКонтакте подчеркивается, что в музыке коллектива «народные мотивы рисуют образы заснеженных просторов, вечнозеленых лесов и природных контрастов», а «звуки мандолин, гитар, флейт, йоухикко, лиры, тальхарпы, варгана и других этнических инструментов переплетаются с текстами на различную тематику»[2].

Важный кросс-культурный маркер пейзажа в песенной поэзии А. Куприяновой – это взаимодействие разных природных ландшафтов в фокусе мифологического дискурса. Индивидуализация звука с сохранением его синкретических,

[1] Лирика [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-146504690_36537264 (дата обращения: 11.04.2025). Здесь и далее тексты песен приводятся из этого источника.

[2] Bjarla [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/bjarla (дата обращения: 11.04.2025).

фольклорно-языческих маркеров продуцирует сегодня «поиск собственного звукового спектра для каждого сочинения», который «стал также важен, как поиск собственной интонации» исполнителя [Некрасова, с. 40]. По мнению И. М. Некрасовой, расширение границ звука и выявление в нем скрытого потенциала привели к тому, что в ландшафте современной музыки «значительное место заняли два важных информативных элемента – шум и тишина» [Там же, с. 40], которые обретают «новую значимость и эстетическую ценность» [Там же, с. 43]. Индивидуально-авторское видение *тишины / молчания* русской природы проявляется в текстах А. Куприяновой в фокусе динамики бытия Тайболы: «*Вздохом немым* провожают деревья нас, / Треском поленьев*, молчанием птиц*» (курсив наш. – Е. Л.). Природа / Тайбола в песнях «Bjarla» обретает черты субъекта сознания, она дышит, поет, зовет, хранит, танцует и через это вступает в диалог с лирическим субъектом и реципиентом: «Ветром в поле вышивала / Ароматный след, / Редкой птицей напевала / И ждала ответ». Очевидно, что этот субъект сознания выступает еще субъектом речи, так как реализуется в диалогической среде прямо-оценочной и косвенно-оценочной точек зрения: «Сторожит и ветру песнь поет / Природы мать», «Сыпал с неба дождь ручьистый, / Заливал траву», «След густых лесов и блеск вершин, / Золотые своды в небесах, – / Природы мир, великий мир», «Обжигается об утро ночь» и др. Отсутствие открытой фразеологической оценочной позиции не исключает тут формирование и функционирование коммуникативной зоны с несколькими нарративными траекториями: собственно автор → лирическое «я=мы» (лирическое начало), собственно автор → герой-повествователь (эпическое начало), собственно автор: лирическое «я=мы» ↔ герой-повествователь ↔ реципиент (драматическое начало).

Безусловно, межкультурный диалог определяется самим выбором источников вдохновения: «природа, история, мифология, культуры разных народов мира»[1] позволяют и четче представить национальные образы, и показать уважительное отношение к иным, типологически сходным песенным традициям. В условиях диалогичности разных (суб)культур посредством лирического образа природы русская культура видится не только богатой своими уникальными чертами, но и толерантной по отношению в другим национальным традициям: «музыкальное искусство с невероятной обнаженностью и непосредственностью выражает национальный характер, активность чувств, коммуникабельность, толерантность народа» [Петелин, Сунь, с. 125]. Главные черты русской музыки – «самобытность, уникальность, самостоятельность, “могучее дыхание”, размах, простор, доброта, патриотизм, оптимизм, основанный на ясном уме и замечательном свободолюбии» – в полной мере предстают в субъектно-образной сфере песенного творчества группы «Bjarla» [Там же, с. 126]. Ценностные конвергенции с синкретическими традициями других культур просматриваются в «собирательном» субъектном начале, выраженном образами природы, через посредство ее частного бытия: «Душно в груди и туманит сознание, / Кронами кружится темная высь. / Выбраться бы, да помогут нам боги, / Мы грели

[1] Bjarla [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/bjarla (дата обращения: 11.04.2025).

надежду, и мы добрались». Межкультурный контекст земного бытия (жизнь) и небытия (смерть) также преобразует пространственную и временную точки зрения, формируя благодаря высшему субъекту сознания (собственно автору) прямо-оценочную, субъектную точку зрения: «Сколько смерти, сколько жизни / Буреломы, ветры слышат. / Столько жизни, столько боли / У земли под сердцем скроет». «Я» лирического героя сливается с взаимозаменяемым образом Тайболы, образуется психологический параллелизм, усиленный анафорическими рефренами: «Тихо по лесу убегаю *я*, / Тихо по лесу, *Тайбола*» (курсив наш. – Е. Л.).

Взаимодействие субъектов и объектов в языческом фольклоре реализуется посредством *взаимозаменяемого типа субъектной организации*, который в синкретических произведениях транслирует ритмическо-мелодические начала и указывает на силу эмоционального, а не содержательного элемента [Веселовский, с. 178]. Лирический субъект способен к взаимозаменяемости с объектами природы (параллелизмы), что формирует нераздельное субъект-субъектное единство: «Разольется жизнь в оврагах да в сухих, / Всем пировать! // Сторожит и ветру песнь поет / Природы мать». В образной сфере фольклорных параллелизмов, в своей динамике переходящих в сравнение / метафору / символ, образ звучащей природы обретает самостоятельное значение: «В нем полей широких череда, / След далеких синеоких льдин, / отражение моря в небесах, – / Природы мир, великий мир». Так высший субъект сознания (собственно автор) и первичный субъект сознания и речи (лирический субъект) ретранслируют как в вербальном «теле» песни «весь комплекс звучащей партитуры окружающей человека природы и культуры», так и в рецепции «музыки и собственно музыкального творчества» [Ришмави, Тимошенко, с. 21]: фиксация прямо-оценочной и косвенно-оценочной точек зрения продолжается в диалогическом хронотопе песни.

Субъектная организация лирики предполагает наличие первичного (непосредственный носитель речи) и вторичного (опосредованные голоса) субъектов сознания, чье взаимодействие формирует оценочную позицию произведения [Корман, с. 62]. В песне «Тайбола» первичным субъектом выступает собственно автор, чье сознание оформляет диалог лирического субъекта с Тайболой (дорога в тайге, тропа через болотистую местность), представленной вторичным субъектом. Однако граница между субъектами размывается: Тайбола не просто объект, воспринятый повествователем, но и самостоятельный участник диалога, чьи действия через образы *тумана, леса, трав, моря* и *ветра* («стелется мглистой тяжелою поступью», «кручит бурьянами ветхими, старыми», «острой хвоей шелест ветра» и др.) направляют, ориентируют героя. Так актуализируется *многоголосье*, при котором голос героя сливается с голосом природы, формируя косвенно-оценочную точку зрения, направленную на субъектно-объектную рефлексию пространства, времени и речи [Корман, с. 178].

Единство субъекта сознания с сознанием Тайболы подтверждается и символом *туманности*, который объединяет два сознания, сливающиеся в один голос с единой душой и единым сердцем: «Семь ночей метет слепая мгла, / Закаляет души свысока», «Бродит по чаще туман до зари. <…> Душно в груди и туманит

сознание», «Столько жизни, столько боли / У земли под сердцем скроет». Антропоморфизм природы здесь достигается через олицетворение и метафоризацию (туман бродит по чаще, деревья провожают вздохом немым, море утонет в тени), синтаксический параллелизм («Редкими грозами, мокрыми слезами, / Свитый полотнами в гуще лесов, / Сорными травами, зельями пряными, / Тихо впрядается в стрелки часов»). Эти художественные приемы трансформируют природные образы в субъекты сознания, обладающие волей и рефлексией, что коррелирует с языческим мировоззрением, где природа – равноправный партнер в сакральном диалоге: «Кругом сознание, эх, потерялись мы, / Воздуха мало, вкусить бы глоток».

В вербальном субтексте песни «Над туманами» *Природа-Мать* также наделяется субъектным статусом, но ее роль смещается от «проводника», транслирующего пейзажи Тайболы, к «хранителю» тайной красоты Севера. Дикие тропы, поля, леса, травы и вершины гор («Сторожит и ветру песнь поет / Природы мать») фиксируют интенции коллективной памяти, что прослеживается в использовании собственно автором и героем-повествователем архетипических образов («золотые своды в небесах», «путь ветров», «дождь ручьистый», «берег чистый» и др.). Лирический субъект здесь уже не индивидуализируется, а выступает только частью природы: его сознание растворяется в хронотопе фольклорно-языческого цикличного инобытия («За рассветами вновь закружит / Бескрайний танец, путь ветров»). Кроме того, повторы (психологические, синтаксические, бытийные), которые оформляют композицию песен, образно воссоздают миф о «вечном возвращении» [Элиаде, 1994, с. 72], который в творчестве «Bjarla» адаптирован к реалиям антропоцена как «эпохи глобальной и главной роли человечества в изменении окружающей среды» [Шешнёв, с. 200], и следы присутствия которого как беспрецедентно тотального явления обнаружить «в нашей повседневности непросто» [Чистякова, с. 176]. Таким образом, песенная поэзия А. Куприяновой выступает художественной зоной-дисплеем между синкретическим сознанием и «антропоценовой» реальностью, пребывание в которой для лирического героя означает сохранение *идейно-субъектной пограничности*, определяющей синтез его философских и эстетических идей и воззрений, формирующей его межсубъектность на разных уровнях (образном, стилистическом, лингвистическом, сюжетном).

Песенное творчество группы «Bjarla» предлагает модель постпостмодернистского неоязычества, в рамках которого миф не реконструируется, а переосмысляется с целью решения актуальных философско-эстетических и духовно-нравственных проблем современной русской культуры. Оригинальная субъектно-образная структура вербального субтекста песен демонстрирует индивидуально-авторский подход А. Куприяновой к построению коммуникативных стратегий, оформлению экзистенции лирического образа, синтезу разных парадигм художественности и разных хронотопических зон. И такой подход важен для укрепления диалога общехристианской культуры с фольклорно-языческой традицией русского Севера, а также для поддержания коммуникации с реципиентом, готовым слышать голос предков, сохраняя его в культурной памяти нации.

Список источников

1. Веселовский А. Н. Избранное: Историческая поэтика. – СПб.: Университетская книга, 2011. – 687 с.

2. Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы / предисл. и составл. В. И. Чулкова. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1992. – 236 с.

3. Некрасова И. М. Диалектика звука. К проблеме поэтики современной музыки // Музыкальная культура современной России / ред.-сост. Л. П. Казанцева, Г. П. Овсянкина. – Курск: Планета+, 2020. – С. 40–44.

4. Петелин А. С., Сунь Ю. Русская музыкальная культура как предмет исследования // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 2 (63). – С. 124–127.

5. Ришмави О., Тимошенко А. Звуковые краски Палестины // Голос в культуре: Музыка природы: Звукоподражание в обряде и искусстве: сб. статей. Вып. 4 / ред.-сост. И. А. Чудинова, А. А. Тимошенко – СПб.: Российский ин-т истории искусств, 2013. – С. 19–25.

6. Чистякова М. Г. Постантропоцентричный поворот в современном искусстве // Koinon. – 2022. – Т. 3. – № 2. – С. 173–190. DOI: 10.15826/ koinon.2022.03.2.022

7. Шешнёв А. С. Что такое «антропоцен»? // Известия Саратовского университета. Сер. Науки о Земле. – 2017. – Т. 17. – Вып. 3. – С. 200–206. DOI: 10.18500/1819-7663-2017-17-3-200-206.

8. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. – М.: МГУ, 1994. – 144 с.

Сведения об авторе

Локтевич Екатерина Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, ORCID ID: 0000-0001-8357-9019, e-mail: lichorad.kat@mail.ru

УДК 316.75
ГРНТИ 13.11.46

Роль музыкальной культуры России в укреплении национального единства

О. Н. МАРКОВА-МИХАЙЛЕНКО

В статье исследуется роль и место музыкальной культуры России в укреплении национального единства, а также роль российской песенной музыкальной культуры в воспитании патриотизма у подрастающего поколения. Рассматривается влияние народной музыки на подъем национального самосознания.

Ключевые слова: музыка, единство, патриотизм, воспитание, культура, искусство.

Музыкальное наследие играет ключевую роль в сближении народа и закреплении чувства государственной принадлежности. Патриотизм как фундаментальный элемент оказывает влияние на всю общественную жизнь, в том числе в области музыкального творчества. В условиях современной России акцент на патриотических ценностях становится все более заметным, что находит свое отражение в музыкальной индустрии. Отечественные артисты активно вкладывают

свой творческий потенциал и авторитет с целью поддержания и развития государственного духа и патриотических чувств. Военная песня как особый жанр служит ярким отображением патриотической направленности в российской музыке.

Жанр военных песен занимает особое место в российском музыкальном наследии, превосходя временные рамки и сохраняя высокий уровень популярности до настоящего времени. Музыкальные произведения, посвященные героическим моментам в истории России, самоотверженности солдат и защитников Родины, внушают чувство национальной гордости и восхищение мужеством российских граждан. Патриотические композиции играют ключевую роль в формировании единства среди населения, являясь сильным фактором социокультурной связи. Они не только касаются чувств на индивидуальном уровне, но и сплачивают общество, подчеркивая принадлежность к общим ценностям и истории [Дмитриева, с. 100].

Исполнение патриотических гимнов во время государственных торжеств, спортивных мероприятий или национальных праздников способствует укреплению национального единства и сплоченности граждан. Такие музыкальные произведения могут служить источником вдохновения для людей, мотивируя их к героическим поступкам и активному служению интересам Родины. Лирика этих композиций часто воспевает знаменательные исторические эпизоды, отвагу выдающихся личностей или восхваляет национальную гордость и честь. Подобные музыкальные нарративы могут активизировать патриотический настрой среди населения, способствуя более активному вовлечению в социальную и политическую жизнь страны, а также поддержке прав и свобод нации. Современные композиторы и исполнители продолжают создавать патриотическую музыку, отображая в ней стремления и достижения нации.

Патриотические песни вдохновляют и напоминают о таких важных качествах, как гражданская преданность и чувство гордости за Отечество. Важно помнить, что музыкальный патриотизм – это не только изображение подвигов и великих достижений страны. В такой музыке исполнители выражают значимые политические и социальные позиции и взгляды. Патриотизм в музыкальных произведениях – это как отражение привязанности к Отечеству, так и инструмент выражения и моделирования настроений в обществе.

Русская музыка берет своё начало в древности, в ее основе лежат народные песнопения, которые исполняются под аккомпанемент национальных музыкальных инструментов, например, гуслей, балалайки или свирели. Знакомство подрастающего поколения с народной музыкой способствует развитию ощущения национального единства. Именно фольклор объединяет историю, культуру и отражает дух народа в неповторимых мелодиях и гармониях.

Русская народная музыка представляет собой фундаментальный элемент искусства и культурного наследия России, отражая богатство её традиций и истории. Эта музыка пронизана глубокой эмоциональностью и чистотой, способна выражать широкий спектр переживаний и жизненных состояний. Она играет ключевую роль в поддержании самобытности и национальной идентичности рус-

ского народа, обеспечивая связь между современностью и историческими корнями. Русская народная музыка является не только источником национальной гордости, но и ценным вкладом в мировое культурное наследие, выходящим за рамки развлекательного жанра [Налепин, с. 48].

Погружаясь в мир русской народной музыки, мы получаем возможность пережить широкий спектр эмоций, которыми жили и живут русские: от тоски и терпкости утрат до радости и светлой веры в будущее. Благодаря этому искусству мы имеем духовную связь с прошлыми поколениями. Русская народная музыка, уходящая корнями в глубину столетий, продолжает завоевывать сердца слушателей современности. Она представляет собой бесценное наследие, которое необходимо бережно хранить и передавать из поколения в поколение как символ российской идентичности, воплощающий в себе историческое многообразие и духовное единство, которые присущи культуре и народу России.

В процессе музыкального образования формирование ценностной системы учеников происходит через привитие понятий патриотизма, международной солидарности и высоких моральных качеств. Основная цель музыкального обучения заключается в обогащении духовного мира детей знаниями о национальной музыкальной культуре. Эмоциональная насыщенность уроков, активное творческое участие и эстетическое восприятие музыки являются необходимыми аспектами музыкального образования. Эффективность воспитательного процесса в музыке зависит от комплекса факторов: при групповом обучении важно учитывать индивидуальные способности каждого ученика; выбор музыкального репертуара должен соответствовать возрастным характеристикам учащихся; каждый элемент урока должен способствовать интеграции учеников в мир музыкального искусства.

Музыкальный фольклор, включающий в себя эпические произведения, паралитургические тексты, народные шуточные песни, лирические баллады и песни, основанные на исторических событиях, оказывает значительное влияние на формирование патриотических настроений среди детей и молодежи. Народное музыкальное наследие, которое Н. В. Гоголь описывал как «звучащую историю» и «мелодичные, оживленные анналы», служит мощным инструментом культурного и национального самоопределения.

Воспитание патриотизма может эффективно осуществляться через включение в образовательный процесс прибауток, календарного и игрового фольклора, а также через народные игры, сопровождаемые пением и танцами. Эти элементы культуры способствуют обогащению духовного мира ребенка. Через игровую активность дети развивают музыкальные способности, такие как умение воспринимать и воспроизводить музыкальные ритмы и интонации. Эти игры способствуют не только умению выразить художественный образ через движение, но и важнее всего, обучают детей общению и взаимопомощи, приобщая их к богатым традициям народной культуры. Обращение к наследию народного музыкального творчества и обычаям народа закладывает основу для формирования моральных ценностей и патриотических чувств, наследуемых от старшего поко-

ления. Таким образом, в процессе обучения активизируются важные аспекты духовного развития ребенка, такие как воля, интеллектуальное совершенствование, а также формирование мировоззрения, моральных и патриотических принципов.

Интерпретация народно-музыкальных произведений способствует формированию непрерывной цепи мыслительных процессов, признанию важности и уникальности национального культурного наследия в контексте глобального духовного прогресса, а также культивированию уважения и открытости к культурным традициям других этносов. Это возможно только при наличии глубокой, осознанной страсти к собственной истории и культуре, что, в свою очередь, ведет к почтительному отношению к национальным ценностям и чувствам других народов.

Фольклор стал неиссякаемым источником вдохновения для создателей музыкального искусства как прошлого, так и наших дней. Интеграция патриотического воспитания со знакомством учеников с выдающимися достижениями мировой культуры обязательно должна идти рука об руку. Изучение жизненного пути и творческого наследия великих отечественных композиторов и исполнителей позволяет осознать их вклад в развитие культурного пространства нашей страны.

Интеграция школьников в область патриотической музыкальной деятельности требует от учителя большой аккуратности при отборе произведений композиторов для изучения. Подбор адекватного репертуара, включающего произведения как отечественных, так и иностранных композиторов, а также примеры народной музыки, способствует развитию у детей привязанности к своей малой родине, уважения к людям, чувства гордости за историческое наследие своей страны и её выдающихся деятелей, и внушает оптимистическую уверенность в личных силы и светлом будущем своей страны и народа. Обеспечение успешной педагогической работы с учениками старших классов предполагает включение их в виды социально значимой деятельности, соответствующие психологическим нуждам их возраста и наполняющие жизнь старшеклассников содержательными и интересными занятиями.

Изучение и исполнение русского народного музыкального наследия представляет собой увлекательную деятельность для учащихся старших классов и студентов высших учебных заведений. В современной образовательной и культурной практике акцентируется внимание на значении музыкального фольклора в процессе воспитания подрастающего поколения. Это подтверждается организацией обширного количества методических семинаров, научных конференций, а также созданием специализированных центров народного творчества, детских и молодежных артистических групп. Кроме того, активно ведется издательская деятельность, направленная на публикацию литературных и нотных изданий, посвященных этой теме [Назаров, с. 15].

Учителя несут значительную ответственность за формирование ценностей у молодежи, используя в этом процессе музыку как невероятно мощный инструмент влияния на моральные и эстетические устои учащихся. Это искусство ключевым образом способствует развитию нравственности, обладая уникальной

способностью эмоционально трогать душу, направляя формирование чувств гражданской ответственности и патриотизма. Применение музыки в образовательных целях позволяет углубленно и эмоционально осмысливать музыкальные произведения, освоить идею и художественное послание, зашитое в них. Особенно эффективными окажутся те песни, которые вызывают сильный эмоциональный резонанс, вызывают чувство сопереживания, понимания, способные стимулировать развитие чувства гражданской идентичности и любви к Родине.

Важную роль в воспитании у обучающихся патриотических чувств играет прослушивание симфоний и опер классических и современных композиторов. В качестве примера можно привести такие выдающиеся произведения, как Седьмая («Ленинградская») симфония Д. Д. Шостаковича, театрально-музыкальное произведение «История солдата» И. Ф. Стравинского, кантата «Александр Невский» С. С. Прокофьева. Большую роль в воспитании патриотизма у школьников играют музыкальные произведения А. Н. Пахмутовой – песни «Поклонимся великим тем годам», «Горячий снег», «Неизвестный солдат». Патриотическая оратория Д. Б. Кабалевского «Реквием» призывает людей не только помнить о жертвах войны, но и бороться за мир на земле. В. Гаврилин написал вокально-симфоническую поэму «Военные письма» и вокально-инструментальный цикл «Земля», которые посвящены героизму простого русского крестьянина, без колебания исполнившего свой гражданский долг. В. Плешак создал ораторию «Когда звонят колокола» в рамках музыкально-исторической эпопеи «Русский мир». Оратория отражает многолетнюю работу композитора над военно-патриотической темой. Смысловыми узлами произведения являются история России в военные периоды, победа и те страдания человеческой души, которыми она достигнута.

Важную роль в патриотическом воспитании подрастающего поколения играет и хореографическое искусство. Вокальный и танцевальный ансамбль имени Александрова исполняет большое количество солдатских танцев, принадлежащих к разным историческим периодам; многие танцевальные номера сопровождаются хоровым пением. В уроки музыки в школе следует включать просмотр танцевальных номеров выдающегося чеченского мастера хореографии Махмуда Эсамбаева, который в годы Великой Отечественной войны вместе с ансамблем песни и пляски давал концерты в госпиталях и на линии фронта. В общей сложности он дал более 400 концертов перед бойцами Красной Армии. Среди известных образов Махмуда Эсамбаева – «Любовь к родине» (русский народный танец).

Для формирования и развития гражданско-патриотических ценностей через музыкальное искусство, актуально интегрировать в образовательный и воспитательный процесс разнообразные подходы к организации музыкальной активности и креативности учащихся. Это может включать проведение патриотических песенных конкурсов и музыкальных фестивалей, организацию тематических музыкальных концертов, вечеров, а также создание литературно-музыкальных работ. Важную роль здесь играет обеспечение взаимодействия участников и

аудитории через современные интернет-платформы, предоставляющие возможность обмена мнениями и опытом в реальном времени.

Следовательно, музыкальное искусство играет ключевую роль в культивировании почтения и привязанности к национальному наследию, способствует развитию глубоких патриотических чувств и активной жизненной позиции. Выступления учащихся служат мощным инструментом для передачи духовных ценностей и формирования патриотизма.

В современном музыкальном пространстве России патриотизм занимает ключевое место в формировании чувства национальной принадлежности. Он способствует поддержанию духовных ценностей и содействует укреплению солидарности среди граждан. Музыка выступает эффективным средством для вдохновения патриотических настроений и поддержки общественного единства, сплачивающим народ вокруг общей любви к Родине и стремления к ее развитию и благополучию.

Список источников

1. Дмитриева Л., Черноиваненко Н. Методика музыкального воспитания в школе. – М., 2000. – 240 с.

2. Назаров Л. Введение в песенный фольклор // Народное творчество. – 1999. – № 6. – С. 22; 2000. – № 1. – С. 15.

3. Налепин А. Два века русского фольклора. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 502 с.

Сведения об авторе

Маркова-Михайленко Ольга Николаева – доцент кафедры музыкальных дисциплин, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0007-8343-1621, e-mail: zmmon@mail.ru

УДК 784
ГРНТИ 14.27.21

Роль вокальной студии в воспитании национальной идентичности

С. В. МИХЕЕВА

Национальная идентичность является ключевым понятием в жизни общества, воздействующим на понимание исторически сложившихся культурных традиций своего народа, а также его базовых ценностей. В данной статье освещается роль вокальных студий как учреждений, создающих благоприятную среду для становления и укоренения национальной идентичности посредством приобщения подрастающего поколения к вокальному искусству. Рассматриваются способы и приёмы организации такой атмосферы в вокальной студии, которая поможет детям почувствовать свою принадлежность к национальным истокам своей страны и развить патриотические чувства.

Ключевые слова: национальная идентичность, глобализация, вокальная студия, критическое мышление.

В современных условиях глобализации, когда взаимопроникновение культур разных стран оказывает всё большее влияние на становление личности, первоочередной задачей для любого государства становится сохранение народных традиций и укрепление национальной общности. Россия – это многонациональная страна, поэтому музыка, являясь универсальным, понятным для всех языком, играет первостепенную роль в формировании этнической самобытности, она не только объединяет людей всех возрастов и социальных статусов, но и позволяет человеку почувствовать себя важной и значимой частью своего народа.

В данной работе проведён анализ того, как вокальная студия может поднимать дух патриотизма и укреплять чувство национальной общности, каким образом обучение детей вокалу помогает создать связь молодого поколения с традиционной культурой России.

В наше время, когда традиционные ценности под воздействием процессов глобализации могут быть деформированы или, возможно, утеряны, вопрос о создании благоприятных условий для укрепления народного единства стоит особенно остро. Воспитание национальной идентичности напрямую связано с сохранением традиций своей нации, так как имеет несколько составляющих: защиту родной речи, обычаев, культуры, ценностей и убеждений, обрядов и многих других уникальных особенностей этноса. Михаил Ломоносов как-то сказал: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего»[1], иными словами: человек без знания своей истории подобен дереву без корней. Именно поэтому формирование национальной идентичности становится сегодня фундаментом в воспитании детей, которые должны знать и уважать свою историю, чтобы передать её будущим поколениям.

Искусство, включая вокальное, является благодатной средой для передачи норм культурных традиций и ценностей. Песни, народные мелодии, сказки, прибаутки, литературное творчество, живопись – всё это является отражением неповторимых составляющих жизни народа: его мировоззрения, жизненного уклада, устоев и обычаев.

Идентичность изучают такие науки, как психология [Эриксон], социология [Барышникова], этнология [Карлов] и др. Анализируя различные подходы к определению идентичности, можно сделать вывод, что она заключается в представлении о личной идентификации человека, при которой он сознательно принимает те правила, которые позволяют ему чувствовать свою принадлежность к определённому коллективу и отличаться от других групп.

Существует множество видов идентичности: возрастная, культурная, профессиональная, территориальная, гендерная и др. В данной статье обсуждается национальное тождество. Оно включает в себя различные социокультурные факторы. Эти аспекты связывают людей и позволяют чувствовать себя частью определённой нации. Символы, обычаи, фольклор, различные артефакты – это те составляющие, которые создают крепкие связи между людьми.

[1] Ткаченко А. Кто не знает своего прошлого... [Электронный ресурс] // Стихи.ру. URL: https://stihi.ru/diary/alexsandr44/2019-12-16 (дата обращения: 02.04.2025).

Творческая деятельность в формировании национального самосознания имеет огромное значение. Она не просто помогает человеку проявлять себя, а служит мощнейшим инструментом для передачи культурных ценностей и традиций от одного поколения к другому. Рассмотрим подробнее, как искусство связано с идентичностью, и какую роль в культурной трансмиссии играют музыка и вокал.

В творчестве человека отражается всё, что происходит в обществе. Искусство подобно художнику, который набирает на кисть краски, смешивает на палитре и запечатлевает на холсте исторические события, религиозные сюжеты, пейзажи и портреты. Рассматривая картины, созданные литературой, архитектурой, музыкой и другими искусными «художниками», мы понимаем, как различные социальные группы воспринимают себя и своё место в мире. Стоит только вслушаться в текст социально-бытовых или ритуальных песен русского фольклора и перед нами возникают картины, передающие специфику жизни и мировоззрения народа, различных обычаев и обрядов. Например, песни Масленичной недели живо рисуют картины народных гуляний, выпекания блинов и сжигания чучела, символизирующего богиню Морену, а похоронный плач несёт в себе информацию о тяжёлой жизни и печальном положении семьи, потерявшей добытчика.

В русской живописи национальная идентичность проявляется через разнообразные темы, стили и образы, отражающие дух и культуру страны: пейзажи Шишкина, жанровые картины Перова и Репина, исторические полотна Сурикова и др.

Яркими примерами выражения русской самобытности в музыке являются такие шедевры, как эпические оперы Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова, Бородина и других композиторов. Стоит подчеркнуть, что не только в исторических музыкальных шедеврах можно увидеть отражение менталитета и национальных особенностей русского народа. Лучшие образцы народных песен помогают глубже понять загадочную русскую душу, проникнуться красотой природы и полюбить национальные традиции.

Живопись, музыка, литература, декоративно-прикладное творчество – всё это является демонстрацией уникальности и многообразия русской культуры, а также того, как искусство может служить выражением национального самосознания. Рассмотрим более детально, как музыка, в частности совершенствование вокального мастерства способствует укреплению народного единства.

Пение – это наиболее доступный человеку вид музицирования. Все люди поют, независимо от возраста и социального статуса. Песня сопровождает человека на протяжении всей жизни. Первые звуки музыки малыш слышит, когда мать напевает ему колыбельную, далее ребёнок подрастает, становится взрослым и в моменты грусти и радости, за праздничным столом и даже во время работы его окружают самые различные мелодии.

Кроме того, пение не требует дополнительных финансовых затрат на покупку музыкального инструмента, ведь голос не занимает много места, как рояль, и не нуждается в специальном футляре, он есть у каждого человека, и всегда

с ним. В связи с этим роль певческих школ в формировании национальной идентичности возрастает, так как они способны охватить наиболее широкие слои населения.

Вокальная студия – это пространство, где люди разных возрастов и уровней подготовки могут не только учиться пению и повышать свои навыки в области певческого мастерства, но и практиковаться в концертной деятельности. Цель таких объединений – это содействие в развитии вокальных навыков участников, создание сплочённого коллектива и знакомство с культурными традициями посредством музыки. В рамках студии могут быть организованы различные группы, как детские, так и взрослые. К тому же предоставляется возможность выбора направления: академический вокал, народное пение, эстрадное искусство.

Процесс обучения в таких певческих мастерских строится на сочетании теоретических и практических методик. Участники осваивают основы вокальной техники, сценического движения, нотной грамоты и актёрского мастерства. Для достижения наилучших результатов применяются методы индивидуальных и групповых занятий, совершенствование дыхательной техники и ритмики, а также работа над эмоциональной выразительностью.

Одна из основных целей воспитания национального самосознания – это формирование у подрастающего поколения чувства патриотизма. Это означает, что необходимо воспитывать в детях любовь к Родине и гордость за свою страну. Проанализируем, как формируется российская идентичность в условиях вокально-эстрадной студии.

Безусловно, самым действенным элементом воспитания будет правильно подобранный учебный и концертный репертуар, предусматривающий знакомство с историей русской музыки. Включение в образовательную программу компонентов фольклора становится не только важной составляющей обучения вокальным основам, но и действенным способом знакомства с традициями, обычаями и культурой своего народа. Концерты и мероприятия, посвящённые Родине, дают благодатную почву для формирования уважительного отношения к культурному наследию и помогают участникам осознать свою идентичность.

Советский и российский учёный в области изучения мозга, психолингвистики и теории сознания – Татьяна Владимировна Черниговская, в своей лекции «Музыка и мозг» говорит: «Как вид искусства музыка создает миры и помогает прожить непрожитый опыт»[1]. Следовательно, обучение в вокальной студии, при котором уделяется должное внимание музыке своего народа, позволяет не просто прикоснуться к истории своей страны, но и прожить опыт предков. Сложно оспорить тот факт, что то, что человек сумел прожить, навсегда становится не просто пережитой эмоцией, но и частью его самого.

Сплочённость русского народа имеет глубокие исторические корни. Долгое время Россия сталкивалась с вторжением других держав и империй, её границы

[1] Черниговская Т. В. Музыка и мозг [Электронный ресурс]. URL: https://rutube.ru/video/027423b2c02c695d1005ab44f882a181/ (дата обращения: 27.03.2025).

постоянно менялись, а жители находились в состоянии войны. Народ был вынужден объединяться, чтобы защищать свою территорию и расширять границы. Можно сказать, что стремление к объединению заложено в генетической памяти русского народа[1]. Именно поэтому в воспитании национальной идентичности важную роль играют коллективные занятия, следовательно, пение в вокальном ансамбле становится не только частью обучения, но и важным символическим актом сплочения.

В 2022 г. на базе вокально-эстрадной студии «Радуга» г. Сосновый Бор Ленинградской области было проведено исследование, посвященное анализу влияния занятия музыкой на формирование национальной идентичности у участников вокальной студии в возрасте от 7 до 30 лет. Эксперимент проводился в течение года, и акцент был сделан на изучение произведений русских композиторов и народной музыки.

В процессе работы использовался интегрированный подход, включающий погружение в исторические, культурные и социологические аспекты изучаемого материала. Учащиеся занимались как индивидуально, так и в составе ансамблей, что отлично способствовало созданию чувства общности и единства.

В ходе исследования было создано несколько концертных номеров, в которых участвовали все группы студии. Подготовка каждого произведения предварялась изучением истории создания данного сочинения, а также биографии композитора. Проходили беседы о значимости песни в русской истории и культуре. После концертов обязательной практикой стало обсуждение и анализ выступления, где участники могли делиться своими впечатлениями и осмыслением той или иной работы.

В конце творческого сезона было проведено анкетирование, состоящее из открытых и закрытых вопросов. Анализ полученных данных показал, что образовательный процесс в школе вокала, построенный на музыкальном материале русских композиторов, а также народной музыки, является действенным методом формирования национальной идентичности. На основании года наблюдений можно выделить несколько важных результатов:

1. Увеличился интерес к русской культуре: около 80% участников отметили, что исполнение музыки своего народа пробудило желание изучать родную историю и культуру. Многие из учащихся начали самостоятельно исследовать жизненный путь композиторов и задавать вопросы об истории создания произведений. Особое внимание привлёк поиск глубинных, сакральных смыслов народных песен.

2. На протяжении эксперимента участники почувствовали себя наследниками ценных культурных традиций. Особенно ярко это проявилось во время выступления на народных гуляниях в Масленицу, где артисты студии не только выступали в качестве исполнителей, но и получили возможность лучше узнать

[1] Петров И. П. Сплоченность русского народа: причины и значение [Электронный ресурс] // Электронный научно-практический журнал «История и археология». URL: https://www.9111.ru/questions/77777777723282900/ (дата обращения: 27.03.2025).

обряды своего народа. Исполнение фольклора в эстрадных обработках вызвало неподдельные эмоции, которыми участники ансамбля с удовольствием делились друг с другом.

3. При анализе анкет было отмечено, что погружение в русскую музыку и глубокое изучение народных традиций – это хорошее решение для образовательного процесса, так как у членов вокальной студии появилось более критическое отношение к зарубежной культуре. Полученные знания и опыт помогли им лучше осознать свою идентичность. Это, безусловно, способствовало повышению патриотических настроений и уважению к отечественным традициям.

4. Проведение совместных концертов и мероприятий укрепило дружеские отношения между участниками. Около 75% респондентов заявили о том, что их взаимосвязь значительно улучшилась благодаря общему делу.

Одним из ярких примеров в ходе исследования стало выступление группы в честь Дня России, где участники исполняли патриотические и русские народные песни. После концерта артисты студии признались, что эта музыка вызвала у них гордость за свою страну.

По итогу проведённого опыта было установлено, что занятия в вокальной студии, основанные на изучении русской культуры, могут стать эффективным методом формирования национальной идентичности.

Участники эксперимента смогли лучше понять свою культуру, стали проявлять больший интерес к славянским корням, укрепились межличностные связи. Таким образом, певческое искусство становится не просто художественной самореализацией, а важным инструментом воспитания национального самосознания у молодёжи.

Список источников

1. Барышникова И. В. Понятие идентичности в социологическом дискурсе // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2009. – № 2. – С. 166–171.

2. Карлов В. В. Этническая идентификация в системе идентичностей глобального мира: тенденции изменений // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию акад. В. А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. – С. 469–474.

3. Куруленко Э. А. Национально-культурная идентичность в условиях глобализирующейся реальности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. – № 1. – С. 231–234.

4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. – 197 с.

Сведения об авторах

Михеева Светлана Вячеславовна –студентка 4 курса факультета философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-1066-5844, e-mail: svva2@yandex.ru

УДК 782.1
ГРНТИ 18.41.09

Образ народа в русской опере XIX в.

Е. Р. РАУ

В статье представлено исследование образа народа в русской классической опере XIX в. Прослеживаются основные тенденции трактовки образа, а также эволюция композиторского подхода к изображению народа на протяжении развития жанра русской оперы в XIX – начале XX столетия. Выявлена взаимосвязь трактовки образа народа с историческими реалиями, закономерностями развития оперного жанра, особенностями индивидуального стиля композиторов.

Ключевые слова: образ народа, русская опера XIX в., эпический герой, драматический герой, музыкальная культура России XIX в.

XIX столетие известно как золотой век отечественной культуры. Именно в этот период сформировалась русская национальная школа в большинстве видов искусства, в том числе в музыке, литературе, театре и др. Шедевры, созданные в это время композиторами, поэтами, писателями и художниками России, по праву вошли в сокровищницу мировой художественной культуры. На протяжении XIX в. русская музыка творчески освоила все крупные жанры, прежде сформировавшиеся в европейской традиции: оперу, балет, симфонию, программную симфоническую увертюру, концерт и т. д. Эти уже полностью сложившиеся жанры были не просто заимствованы отечественным искусством, но отчасти им переосмыслены, благодаря чему они приобрели яркую национальную специфику. Характерными чертами русской музыки стали стремление к реализму и отражению художественной правды, а также народность как способность выражать общенациональные интересы, психологические черты и мировоззрение самых широких слоев общества.

XIX в. подарил России особый тип художника (в широком смысле) – человека, который не просто творит, но стремится воздействовать своим искусством на мир, эпоху и общество. «Я не Поэт, а Гражданин», – утверждает декабрист Кондратий Рылеев[1]. Вторит ему Николай Некрасов: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»[2]. Созвучна этим знаменитым цитатам мысль М. П. Мусоргского, ставшая его жизненным кредо: «Искусство есть средство беседы с людьми, а не цель»[3]. Именно поэтому в русском искусстве, в том числе

[1] К. Рылеев. Стихотворения [Электронный ресурс]. URL: http://cfrl.ruslang.ru/poetry/ryleev/texts/vol1/47.htm (дата обращения: 10.04.25).

[2] Николай Алексеевич Некрасов. Поэт и гражданин («Опять один, опять суров…») [Электронный ресурс]. URL: http://nekrasov-lit.ru/nekrasov/stihi/083.htm (дата обращения: 10.04.25).

[3] Каратыгин В. Г. М. П. Мусоргский. 1839–1881: 28 выпуска (1856 г.) из Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (Николаевского кавалерийского училища): [биографический очерк]. Петроград: издание Николаевского кавалерийского училища, 1916. [Электронный ресурс]. URL: https://www.prlib.ru/item/956737 (дата обращения: 10.04.25).

оперном, есть место не только традиционным сюжетам: любовным, мифологическим, комическим, – но и поднимаются исторические, социальные, философские и религиозные вопросы.

Характерной чертой русской оперы XIX в. стало появление в ней образа народа – как коллективного персонажа, изображаемого хором, так и персонифицированного в отдельных героях. Более того, во многих русских операх именно народ можно назвать главным действующим лицом. Начиная с «Жизни за царя» М. И. Глинки, общепризнанно считающейся первой классической отечественной оперой, изображение народа стало одной из ведущих тем национального оперного искусства. Однако способ этого изображения, драматургическая и музыкальная трактовка образа несхожи у разных композиторов. Можно говорить не только о разнице в индивидуальных авторских подходах к воплощению образа народа в русской опере, но и об определенной эволюции в понимании данного образа в русской музыкальной культуре в целом и в опере XIX столетия в частности. Рассмотрим в качестве примеров трактовку образа народа в различных русских операх этого периода.

«Жизнь за царя» (1836) стала первой национальной русской оперой. Глинка дал ей жанровое определение «отечественная героико-трагическая опера» [Глинка, 1952, с. 305]. Однако в центре внимания автора – не только история о самопожертвовании ее главного героя. Как писал Б. В. Асафьев: «… за ним, за крестьянином села Домнино Сусаниным, встает русский народ» [Асафьев, с. 213]. Изначально Глинка был движим стремлением создать оперу на национальный исторический сюжет, и после того, как Жуковский предложил ему тему подвига Сусанина, у композитора сложился целостный музыкально-драматургический план будущего произведения. В «Записках» Глинка вспоминал об этом так: «… как бы по волшебному действию вдруг создался и план целой оперы, и мысль противупоставить русской музыке – польскую; наконец, многие темы и даже подробности разработки – все это разом вспыхнуло в голове моей» [Глинка, 1988, с. 64]. Интересно, что в описании первоначального замысла будущая опера трактована именно как противостояние двух народов. Гениальная мысль Глинки – изобразить две конфликтующие культуры не только с точки зрения черт их национального музыкального языка, но и путем жанрового сопоставления (через оппозицию песенность – танцевальность) – нашла свое дальнейшее продолжение и развитие во множестве образцов русской музыки. Однако поставленная автором сверхзадача – показать оперу не как конфликт индивидов, а как столкновение наций – потребовала от него не только музыкального сопоставления, но и выведения на оперную сцену народа как главного действующего лица сюжета.

Задача эта была решена Глинкой двумя способами. Первый типичен для оперно-ораториального творчества, где народ традиционно изображается с помощью хора. В «Жизни за царя» хоровым сценам отведена важнейшая роль. Хоры оперы представляют собой многообразный детальный портрет русского народа, воплощение его различных качеств. Характерно замечание Глинки о хоре из интродукции: «Сей хор, идущий фугою, должен выражать силу и беззаботную неустрашимость русского народа» [Глинка, 1952, с. 306]. Хоровые сцены

образуют своего рода каркас, на котором держится драматургия оперы. Наиболее ярко образ народа раскрывается в интродукции «В бурю, во грозу», финальном хоре III действия «На врага!» и грандиозном хоровом эпилоге «Славься».

Однако не только хоровые сцены призваны создать оперный портрет русского народа. И сольные партии, образы отдельных персонажей «Жизни за царя» представляют прежде всего не столько индивидуальные характеры, сколько различные черты народа. Каждый из четырех главных героев – это грань народного характера. Глинка в плане оперы описал их следующим образом: «Иван Сусанин (бас) – характер важный; Антонида, дочь его (сопрано) – нежно грациозный; Собинин, жених Антониды (тенор) – характер удалый; Сирота, 13 или 14-летний мальчик (альт) – характер простосердечный» [Там же, с. 305]. Композитор не только решается вывести в качестве всех главных героев оперы людей из простого народа, он еще и подбирает для каждого из них соответствующую интонационную характеристику на основе жанров русского музыкального фольклора. Музыкальный материал Собинина основан на интонациях героических солдатских и разбойничьих песен; партия Антониды отсылает к звуковому облику лирической протяжной песни и городского романса; на интонациях протяжной песни (главным образом, грустного характера) построен и музыкальный образ Вани. Заглавная партия оперы представляет собой квинтэссенцию национальных черт русской музыки. Образ Ивана Сусанина – это сплав героики и интонаций православного богослужебного пения. Из всех персонажей оперы характер Сусанина раскрыт наиболее многогранно: это и заботливый и нежный отец; и сын своей Родины, переживающий за ее судьбу в трудное время; и отважный герой, готовый к подвигу; и в то же время невинный страстотерпец, отдающий жизнь «за други своя». Однако, несмотря на столь разностороннюю трактовку характера главного героя, Сусанин – прежде всего персонаж-символ, воплощающий в себе лучшие народные черты. Это народ, сконцентрированный в отдельной личности. Недаром в сцене с поляками, где решается его судьба (и судьба русского государства в то же время), Сусанин почти дословно повторяет тему из хоровой интродукции: «Страха не страшусь, смерти не боюсь, лягу за царя, за Русь!» Мелодия арии Сусанина «Ты прийдешь, моя заря» – главного музыкального портрета героя – обладает несомненным интонационным родством с темой хора «Славься». Таким образом, Сусанин – это и конкретный, индивидуальный характер, и обобщенный, идеализированный символ русского народа.

Говоря о трактовке образа народа в опере, стоит отменить, что типологические особенности характеристики этого коллективного героя во многом совпадают с типами трактовки индивидуальных персонажей оперы. Отечественное музыковедение при анализе жанровой природы оперы особое внимание уделяет специфике рода искусства (эпоса, лирики и драмы). Видовые характеристики каждого из родов искусства определяют жанровую разновидность оперы и специфику изображения ее действующих лиц. Чисто лирический тип трактовки крайне редко встречается в опере, больше для этого музыкального жанра характерно наличие ярких черт драмы или эпоса. Драматический и эпический герои отличаются друг от друга. Как пишет музыковед О. В. Комарницкая: «Характер драматического героя двойствен, психологически сложен, все его существо охвачено бурной страстью, он способен к самопознанию и глубокому чувству, одарен

богатой эмоциональной вибрацией, обречен на страдание»[1]. Для драматического героя характерна многомерность, неординарность, противоречивость. Как правило, образ драматического героя оперы проходит определенную эволюцию в процессе действия, раскрываясь зачастую с противоположных сторон. Эпический герой, напротив, характеризуется внутренним единством и непротиворечивостью, его психология не осложнена антитезами, он универсален и слит с природой, обществом, историей. В русской опере XIX столетия можно увидеть как эпическую, так и драматическую трактовку образа народа.

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что образ народа в опере «Жизнь за царя» М. И. Глинки имеет эпическую природу. Он внутренне непротиворечив, несмотря на то, что показан с разных сторон. Образ народа (выраженный как в индивидуальных, так и в коллективных героях) достаточно статичен и слит с окружающей природой. Для Глинки неразрывность с природой была очень значима, он неоднократно упоминает об этом в набросках оперы. Образы леса, реки, весны, вьюги служат оттенками характеристики народа. Статичность характеристике придают и используемые композитором приемы работы с музыкальным материалом, среди которых преобладают монументальные полифонические и вариационные формы. Интересно, что изображение народа практически не меняется от интродукции к эпилогу. По меткому замечанию Е. В. Бериглазовой, хоровые сцены оперы иллюстрируют «динамику обретения мощи (но не динамику действия!) – не путём борьбы, а путём повторения и разрастания» [Бериглазова, с. 23].

Однако в русской оперной литературе XIX в. есть примеры и противоположной, драматической трактовки образа народа. Первым опытом подобного изображения народа стала опера М. П. Мусоргского «Борис Годунов» (1869/1872). Сам композитор утверждал, что именно народ является главным действующим лицом произведения. В авторском посвящении при издании клавира второй редакции оперы, Мусоргский высказал свою художественную цель следующим образом: «Я разумею народ как великую личность, одушевленную единою идеею; это моя задача. Я попытался разрешить ее в опере» [Мусоргский, с. 326].

Народ у Мусоргского многолик и, так же, как и в опере Глинки, изображен и с помощью хора, и как портреты индивидов-персонажей. Индивидуальные представители народа во многом типизированы и отражают его отдельные черты: Варлаам – олицетворение необузданной силы, Мисаил – стремления к свободе, Юродивый – народной совести, Пимен – мудрости и исторической памяти. Для характеристики героев Мусоргский пользуется тем же приемом «обобщения через жанр», что и Глинка. Музыкальный портрет персонажей строится на интонациях народных песен – военных, обрядовых, разбойничьих, плачей и причетов, комического фольклора и т. д. Однако, хотя герои и типизированы, многие образы внутренне противоречивы и раскрываются в динамике. Мусоргский писал: «Варлаам с Мисаилом … вызывали смех, пока не показались в сцене “бродяг”: тогда смекнули, какие опасные звери эти, по-видимому, смешные

[1] Комарницкая О. В. Русская опера XIX – начала XXI веков. Проблемы жанра, драматургии, композиции: дис. … д-ра искусствоведения. М., 2011. 757 с.

люди» [Там же, с. 235]. В опере нет однозначно положительных и однозначно отрицательных героев – практически все образы двойственны и лишены идеализации.

Несомненным новаторством Мусоргского является воплощение драматической трактовки образа народа в хоровых сценах. Композитор не видит народ абстрактной неделимой массой, этот коллективный образ имеет высокую степень детализации. Мусоргский использует новаторские приемы работы с хором: создание хорового речитатива, разделение хора на группы, выделение из общей народной массы отдельных героев, обладающих ярким запоминающимся характером (Митюха, 2-й крестьянин, 1-я баба, 2-я баба и др.). Кроме того, образ народа в хоровых сценах на протяжении оперы заметно эволюционирует. Вехами этой эволюции можно назвать три хоровых сцены: Пролог, сцена у собора Василия Блаженного и сцена под Кромами. Народ проходит путь от покорной и в общем-то безразличной толпы, через отчаянную нужду и гнев по отношению к царской власти до сметающей все на своем пути стихийной бунтующей силы. Таким образом, драматическая трактовка образа народа проявляется не только в двойственности и внутренней противоречивости его характера, но и в том, что образ имеет динамическую природу, раскрывающуюся и развивающуюся на протяжении всего произведения.

Подобный дифференцированный подход к изображению народа можно встретить и в другой опере Мусоргского – «Хованщине». Композитор запечатлевает здесь не только отдельные народные типы, но и целые социальные группы: стрельцов, бояр, раскольников, петровских солдат. С помощью интонационных средств эти группы ярко обособлены и зачастую конфликтуют друг с другом. Столь детальное воплощение образа народа и яркая драматическая его трактовка подтверждают жанровое определение «народная музыкальная драма», данное Мусоргским своим историческим операм.

В дальнейшем развитии жанра русской оперы образ народа принимал то эпическую, то драматическую трактовку. Так, эпический подход характерен для некоторых опер Римского-Корсакова («Псковитянка», «Садко», «Снегурочка»). Драматический характер образа народа раскрывается в «Сказании о невидимом граде Китеже и деве Февронии», где народ представлен в том числе через символику города (Великий и Малый Китеж), а также в «Князе Игоре» Бородина. Интересно, что трактовка образа народа не всегда совпадает с жанровым определением самой оперы. Так, например, «Жизнь за царя» с точки зрения жанра опера-драма, однако народ трактован в ней с эпической точки зрения.

Еще одна важная деталь касается не только образа народа в отдельной опере, но и целостной тенденции к эволюции этого образа в русском оперном искусстве. Больше всего это заметно на примере темы взаимоотношений народа и власти. На протяжении примерно пяти-шести десятилетий изображение отношений между народом и властью проходит несколько этапов. От народа, деятельно и гармонично слитого с властью в «Жизни за царя», к остро драматическому конфликту между народом и властью в «Борисе Годунове» и, наконец, к рабски покорному и пассивному народу в «Золотом петушке». Подобная эволюция отражала реалии русской истории и настроения общества второй половины XIX в.: постепенное разочарование в идее самодержавной царской

власти, спад общественного воодушевления, вызванного победой в Отечественной войне 1812 г., и общее накопление социального напряжения в России к концу столетия.

Анализируя особенности воплощения образа народа у разных авторов русских опер XIX в., можно выделить черты сходства и различия. Прежде всего, стоит отметить в целом усиление внимания к теме народа, выведение народа на важную роль в оперном действии. С точки зрения музыкального языка образ народа, как правило, воплощался через обращение к интонациям разных жанров русского музыкального фольклора, прежде всего песенным. У разных авторов это могло выразиться как в цитировании, так и в создании собственных тем, стилистически отсылающих к народному искусству. Общим является и широкое использование вариационности как типичного национального способа работы с музыкальным материалом. Часто для изображения отдельных граней народного характера композиторы используют прием «обобщения через жанр».

Различие проявляется прежде всего в избранной каждым автором оперы эпической или драматической трактовке образа народа, которая выражается в наличии или отсутствии противоречивости в его воплощении, а также тенденции к внутренней динамике и эволюции образа. Другим аспектом, по-разному трактованном композиторами, является воплощение их взглядов на проблему взаимоотношения народа и власти. Народ может быть един с властью (причем это единство у разных композитора может иметь как положительную, так и отрицательную оценку), либо находиться с властью в состоянии более или менее острого конфликта. Проблема взаимоотношений народа и власти становится наиболее зримой в операх конца XIX столетия и рубежа веков.

Обращение к образу народа стало яркой характеристикой отечественного оперного искусства, отсутствующей во многих европейских культурах. Оно отражает черты национального менталитета: коллективность, соборность, стремление к достижению единства. Русские композиторы XIX в. впервые вывели на оперную сцену уникального героя – наш народ во всем его неповторимом многообразии и духовной красоте.

Список источников

1. Асафьев Б. М. И. Глинка. – Л.: Музыка, 1978. – 311 с.
2. Бериглазова Е. В. Русские и поляки в опере М. И. Глинки «Жизнь за царя»: специфика взаимоотношений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведения. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5 (43): в 3 ч. – Ч. III. – С. 22–25.
3. Глинка М. И. Записки. – М.: Музыка, 1988. – 222 с.
4. Глинка М. И. Литературное наследие / под ред. В. Богданова-Березовского. – Т. 1. Автобиографические и творческие материалы. – М.-Л.: Гос. муз. изд-во, 1952. – 512 с.
5. Мусоргский М. П. Литературное наследие. Кн. 1: Письма, биографические материалы и документы / сост. А. А. Орлова. – М.: Музыка, 1971. – 400 с.

Сведения об авторе

Рау Евгения Робертовна – кандидат искусствоведения, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0008-9279-347X, e-mail: rauevgeniya@mail.ru

УДК 784.6
ГРНТИ 18.41.09

Переосмысление содержания массовых песен в годы Великой Отечественной войны

В. Я. РОМАНКО, А. И. ПРАВДИНА

В статье изучается первоначальное содержание песен, ставших впоследствии музыкальными символами Великой Отечественной войны. Освещена история создания произведений, раскрыт их замысел. Авторами выбрано пять известных песен, каждая из которых имеет свою историческую и художественную ценность. В статье проведен сравнительный анализ произведений, выявлены черты сходства и различия разобраны предпосылки к обретению известности во время Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: песня, Великая Отечественная война, история создания, содержание, замысел.

В настоящее время песни, ставшие символами Великой Отечественной войны, вошли в сокровищницу отечественной музыкальной культуры. Они до сих пор остаются популярными у исполнителей и слушателей. Однако многие из них, сегодня прочно связанные в сознании слушателя с темой Великой Отечественной войны, сначала имели иное содержание. Данная работа посвящена рассмотрению изначального смысла данных песен, а также исследованию причин их популярности в военные годы. В качестве примеров было выбрано пять произведений.

Первая песня – это «Катюша». Произведение раскрывает образ девушки, ждущей со службы солдата-пограничника. Прямой связи с Великой Отечественной войной эта работа не имеет, поскольку написана она была М. Блантером и М. Исаковским в 1938 г. Поэт быстро написал два первых четверостишия, но после этого работа застопорилась. Вдохновения не было, и недосказанная история о любящей девушке на какое-то время осталась пылиться на полке. Однако вскоре Исаковский познакомился с Блантером, известным композитором военной тематики, поведал ему о недописанной «Катюше» и показал Блантеру стихи. Композитору так понравился текст, что он почти моментально написал музыку для него. Это вдохновило поэта закончить стихотворение, и вскоре песня была полностью завершена[1]. Она обрела огромную популярность в период Великой Отечественной войны, поскольку отражала близкий каждому молодому бойцу образ любимой женщины, которая обязательно его дождется и встретит живым и невредимым. Также популярность этой композиции связана с распространением миномета БМ-13, имеющим прозвище «Катюша». Версия о связи этого оружия и песни довольно убедительна. Первое официально зарегистрированное боевое применение «Катюш» было осуществлено батареей капитана Флёрова

[1] Двадцать второго июня, ровно в четыре часа… // Родина [Электронный ресурс]. URL: www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=1580&n=1#selection-289.1-289.44 (дата обращения: 10.04.2025).

14 июля 1941 г. по Базарной площади города Рудня [История Великой Отечественной войны, с. 66]. Обстрел осуществлялся с высокой крутой горы, и у бойцов вполне могла возникнуть ассоциация с уже известной тогда песней. Таким образом, песня прославила миномет, а миномет – песню. Известно также, что «Катюша» завоевала внимание и бойцов войск противника. Например, испанская «Голубая дивизия» – добровольческий отряд, воевавший на стороне гитлеровской Германии – сделал своим гимном песню «Primavera», мотив которой отчетливо напоминал мелодию песни Матвея Блантера. Примечательно, что текст песни «Primavera» менее жизнеутверждающий, чем «Катюша»: в нем поется об усталости от войны, а не о надежде на скорую победу. Существует даже легенда[1], что однажды советские бойцы в боях под Керчью услышали «Катюшу», звучащую из немецких окопов.

Следующее произведение – «Синий платочек». Эту песню написал Ежи Петербурский в 1940 г. Она стала популярна еще до войны, впервые прозвучав в исполнении польского эстрадного ансамбля «Голубой Джаз» во время гастролей. У композиции был очень запоминающийся мотив, поэтому она быстро стала известной. За небольшой период ее исполнили многие знаменитости того времени: Вадим Козин, Михаил Гаркави, Лидия Русланова и другие. И когда наступила война, эта песня все еще звучала в памяти бойцов, совсем недавно вальсировавших под нее со своими избранницами. Хотя к тому моменту стали создаваться значительно более серьезные, патриотические песни, такие как «Священная война», оставалась необходимость поднимать боевой дух солдат теми песнями, которые уже были ими любимы. Однако в оригинале текст «Синего платочка» не был прямо связан с ходом боевых действий. Изначально темой произведения была тоска от разлуки с любимой, в нем ничего не напоминало о войне. В 1942 г., когда Клавдия Шульженко взяла эту песню в свой репертуар для выступлений перед бойцами со своим джаз-ансамблем, на одном из концертов к певице подошел сотрудник газеты «В решающий бой!» Михаил Максимов и предложил ей немного измененный текст «Синего платочка»[2]. Он добавил в песню строчки: «Строчит пулеметчик за синий платочек, что был на плечах дорогих». Шульженко понравился новый вариант текста, и в дальнейшем она пела эту песню только с сочиненными Максимовым строчками. Эта небольшая текстовая правка сделала песню «Синий платочек» одним из главных символов любви, не гаснущей под пулями. Клавдия Шульженко еще много лет после окончания войны не убирала эту композицию из своего репертуара, а образ певицы с повязанным на шее платком стал культовым на долгие годы.

Третьим примером может служить песня «Три танкиста». В 1938 г. мир уже находился в преддверии Второй мировой войны. Шла война в Испании, только

[1] «Катюша» на все времена. Как была создана легендарная песня? // Аргументы и факты [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/society/history/katyusha_na_vse_vremena_kak_byla_sozdana_legendarnaya_pesnya (дата обращения: 10.04.2025).

[2] История песни Катюша // 9Мая.ru [Электронный ресурс]. URL: http://www.9maya.ru/2009/06/06/istoriya-pesni-katyusha.html (дата обращения: 10.04.2025).

что произошла оккупация Австрии. На Дальнем Востоке в этот период произошли события, которые позже назвали Хасанскими: в районе озера Хасан начались бои между японскими войсками и Красной армией, так как Япония активно оспаривала принадлежность Советскому Союзу некоторых территорий Дальнего Востока [Советская историческая энциклопедия, с. 543]. Однако японская армия, несмотря на свою мощь, столкнулась с очень сильным сопротивлением и была разгромлена советскими войсками. Во многом успех Красной армии был обусловлен отличной подготовкой и героизмом танковых экипажей. Именно на озере Хасан впервые проявили свою эффективность и мощь эти бронированные машины – военная инновация того времени. В честь этого события и была написана песня «Три танкиста». Ее авторы – Б. Ласкин и братья Покрасс. Существует предположение[1], что у героев песни есть реальный прототип – это экипаж танка БТ-7: командир В. М. Агарков, механик-водитель С. Н. Житенев и стрелок С. М. Румянцев. Позже эта песня прозвучала в фильме «Трактористы», и очень быстро стала шлягером. В период Великой Отечественной войны фильм показывали солдатам, и, конечно, песня стала любимой для танкистов, так как она вдохновляла их на подвиги и воспевала их смелость и отвагу.

Четвертое произведение – «Тачанка». Эта известная песня рассказывает о некогда мощном и незаменимом в бою оружии. Тачанка – это конная четырёхколёсная повозка со станковым пулемётом, направленным назад по ходу движения. Пулемётная тачанка была грозной «боевой колесницей» в годы гражданской войны. Позднее тачанку заменили автомобили и танки. Тачанка была запечатлена на картине Митрофана Грекова. Считается, что именно «Тачанка» Грекова вдохновила Михаила Исааковича Рудермана в 1936 г. на написание стихов к будущей песне. Сам поэт эту версию не отрицал, но говорил, что был впечатлен несущейся тачанкой еще в подростковом возрасте у себя на родине, в Харькове, во время Гражданской войны[2]. Стихотворение было опубликовано в газете «Правда», и там его увидел композитор Константин Листов, который также в свое время служил в красной коннице. Будучи вдохновлен стихами, он написал музыку к ним. Так и родилась песня «Тачанка». Впервые она прозвучала 18 декабря 1937 г. в Большом зале Московской консерватории в исполнении Краснознамённого ансамбля песни и пляски под управлением А. Александрова. Песня мгновенно стала популярной и оставалась такой во время Великой Отечественной войны. Произведение рисует образ бойца, мчащегося навстречу смерти, но полном решимости и воли к победе. Заводной мотив и подвижный темп ободряли солдат и настраивали на нужный лад перед боем. Эта песня восхваляет образ солдата, слившегося со своим оружием на поле битвы, не знающего страха и сомнений и не теряющего оптимизма даже в самые трудные минуты. Поэтому она наряду с другими песнями тоже стала ассоциироваться с Великой Отечественной войной.

---

[1] «Три танкиста – три веселых друга». История реального экипажа, ставшего прототипом легендарной песни [Электронный ресурс] // Дзен. URL: https://dzen.ru/a/Y4izyZfTJhWLNV8g?ysclid=m9cteukrty675493574 (дата обращения: 10.04.2025).

[2] История песни «Тачанка» // Социально-культурный центр Павловского сельского поселения [Электронный ресурс]. URL: https://skc.pavkult.ru/item/734977 (дата обращения: 10.04.2025).

Пятым произведением является «Смуглянка». Эта песня получила огромную известность после выхода фильма «В бой идут одни старики» в 1973 г. Но, как и «Тачанка», «Смуглянка» изначально была посвящена событиям Гражданской войны. Написана она была в 1940 г. «Смуглянка» задумывалась как часть сюиты Анатолия Новикова, посвященной герою Гражданской войны Григорию Ивановичу Котовскому [Цицанкин, стб. 7]. Он был участником военных действий на территории Молдавии и Одесской области в 1918–1921 гг. В песне воспевался образ девушки-партизанки времен Гражданской войны. Окончить сюиту помешало начало Великой Отечественной войны. Композитор собрал черновики, закончил песню и попытался отправить ее на радио в первые месяцы войны, но получал отказы, поскольку, на взгляд властей, песня о любви была неуместна в такой тяжелый для страны период. Однако «Смуглянка» все же прозвучала во времена Великой Отечественной войны, но значительно позднее – в 1944 году, когда настроения были совсем другими, боевой дух был на высоте, ведь Красная армия в тот момент уже вовсю громила войска нацистской Германии. С композитором связался Александр Александров, руководитель ансамбля песни и пляски Советской армии, с целью получить новые песни для репертуара своего ансамбля. В числе прочих композитор продемонстрировал и «Смуглянку». Именно она и понравилась Александрову, и коллектив тут же приступил к разучиванию песни. Впервые она прозвучала 4 ноября 1944 г. в Концертном зале имени Чайковского. Текст песни был воспринят слушателями как рассказ о воинах, освобождавших Молдавию в тот же год. «Смуглянка» полюбилась народу и зазвучала на каждом привале. Так эта композиция стала символом Великой Отечественной войны, ведь личные истории солдат разных войн похожи друг на друга.

У всех этих песен можно проследить общие черты, которые, несомненно, повлияли на их популярность и распространение:

1. Почти все эти песни так или иначе изначально были связаны с военной тематикой, но в условиях Великой Отечественной войны они приобрели актуальность, ведь патриотизм, тоска по родине, по любимым людям, отвага в бою – всё это близко героям любой войны.

2. Эти песни легко запоминаются, у них достаточно простая мелодия, гармония и текстовое содержание, понятное слушателю с любым уровнем интеллекта и образования. Они доступны для исполнения даже непрофессиональным певцом или инструменталистом. Приближенность к рядовому слушателю тоже стала одним из факторов популярности этих песен. И, безусловно, эти песни были написаны наполнены глубочайшим смыслом и являются шедеврами музыкального творчества. Их песни можно назвать гениальными в своей простоте.

3. В период Великой Отечественной войны появилась острая потребность воспевать дружбу, любовь, верность, Родину, ведь эти понятия помогали бойцам идти в бой, ради них совершались подвиги и брались города. И именно об этих вещах поется в песнях, примеры которых были разобраны в статье. Благодаря самым близким для каждого военного и труженика тыла темам, эти песни остались звучащими спустя почти девяносто лет после их написания.

4. Период создания этих песен также значительно повлиял на их известность. Они не были написаны строго во время Великой Отечественной войны, но хронологически они были близки к этому периоду, поэтому они очень органично вписались в эпоху войны: они были на слуху, совпадали с тематикой искусства того времени, и отражали историческую реальность эпохи. Авторы словно предвидели предстоящие военные события, и песни в определенном смысле стали пророческими.

Подводя итоги, можем сказать, что военная песня была и остается сплачивающим элементом для патриотически настроенного общества. Темы, поднимаемые в песнях, связанных с военной тематикой, остаются актуальными для эпохи любого военного конфликта. Их наполнение отражает самые значимые для людей понятия: любовь, верность, Родина, дружба. Эти сочинения всегда понятны и доступны обычному слушателю, они лишены элитарного пафоса и далеки от интеллектуального снобизма. Они написаны «в нужное время в нужном месте», и нередко являются пророческими и предвещают предстоящие события.

Список источников

1. История Великой Отечественной войны. – Т. 2. – М.: Воениздат, 1961. – 680 с.
2. Хасан // Советская историческая энциклопедия / редколл., гл. ред. Е. М. Жуков. – Т. 15. – М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1974. – С. 543.
3. Цицанкин В. Тернистый путь «Смуглянки» // Красная звезда. – 2001. – 30.06. – Ст. 7.

Сведения об авторах

Романко Вячеслав Яковлевич – ассистент кафедры музыкальных дисциплин, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0002-4145-9072, e-mail: Slawa5f@yandex.ru
Правдина Арина Игоревна – студентка 4 курса факультета философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-9598-0899, e-mail: ariena.pravdina@yandex.ru

УДК 785.13:398.81:78.067(470+571)
ГРНТИ 18.41.45

Военные марши и патриотические песни в русской музыкальной культуре

Н. М. СЕНЬКО

В статье раскрывается значение военных маршей и патриотических песен в музыке России с XVIII по XXI в. Изучается происхождение и история развития этих жанров русской музыки. Рассматриваются особенности музыкального языка (стилистика, метроритм, особенности мелодии), задачи в обществе (призыв к действию, передача ценностей, сохранение памяти о событиях, включение в ритуалы), а также место этих жанров в общей памяти народа.

Ключевые слова: патриотическая песня, русская музыка, марш, военная музыка, общая память, советская музыка.

Военные марши и патриотические песни – важные жанры русской музыки, в которых отражена история страны, национальное самосознание и характер народа. Появившись из разнообразных народных песен, эти жанры становятся очень важны в поворотные моменты истории, например, во время войн с Наполеоном в начале XIX в. Они стали свидетельством роста патриотического чувства в критические моменты русской истории.

Музыка всегда сопровождала армию, выполняя как практические (сигнальные), так и ритуальные и обучающие задачи [Тутунов, с. 6–7]. Веками военная музыка была не только способом управлять войсками, но и важным средством формирования чувства национальной гордости, воспитания патриотизма и сохранения общей памяти народа. Изучение истории этих жанров помогает понять непростые связи между искусством, обществом и властью в России. Важность темы сегодня остается высокой, так как вопросы национального самосознания, исторической памяти и политики символов продолжают волновать общество, а музыка все так же играет в них большую роль [Королев, с. 223]. Задачи этой статьи – рассмотреть развитие, функции и основные признаки военных маршей и патриотических песен в русской музыке; проследить исторический путь этих жанров от зарождения до сегодняшних форм; выявить характерные музыкальные черты; определить место в обществе в разные времена; изучить, как повлияли на развитие жанра ведущие композиторы и их самые известные работы.

Русские военные марши и патриотические песни берут свое начало в фольклорной традиции, где встречается много лирических и героических тем, прославляющих храбрость, смелость и любовь к родине. Эти народные мотивы стали основой для профессионального композиторского творчества. Уже в XVIII в., во время реформ Петра I и появления постоянной армии, создается основа для военной музыки. Указ 1711 г. устанавливал правила присутствия музыкантов (гобоистов и барабанщиков) в полках [Кривцова, с. 402]. В этот начальный период музыка решала в основном практические задачи: передачу команд звуком и сопровождение для маршировки и ритуалов.

Настоящий период активного развития и появления собственного стиля в военной и патриотической музыке начинается в XIX в. События Отечественной войны 1812 г. привели к росту патриотизма, что отразилось во всех видах искусства. Военные марши и солдатские песни этого времени становятся зеркалом настроений эпохи. Патриотическая тематика начинает привлекать ведущих композиторов. Примерно с 1830-х гг. в русской музыке складывается ясный национальный стиль, во многом опирающийся на мелодические обороты, ритмы и лады народных песен и танцев. Происходит своего рода синтез: композиторы начинают использовать как традиционные русские музыкальные мотивы, так и достижения западноевропейской музыки, например, итальянское пение bel canto. Это соединение национального и общеевропейского стало базой для последующего развития русской музыкальной классики.

Главную роль в этом процессе сыграл Михаил Иванович Глинка. Признанный основоположник русской классической музыки, он отразил в своих произведениях ритмические и мелодические особенности русского фольклора. Его

творчество дало возможность следующим поколениям композиторов изучать и использовать национальные темы, в том числе в жанрах военной и патриотической музыки, что сделало их значимой частью русского музыкального репертуара.

С середины XIX в. развитие жанров военной музыки продолжалось в работах композиторов разных стилевых направлений. С одной стороны, было Русское музыкальное общество, следующее западным образцам, под руководством Антона и Николая Рубинштейнов. С другой, стала известной «Могучая кучка» (М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков, А. П. Бородин, Ц. А. Кюи, М. А. Балакирев). Кучкисты хотели обновить русскую музыку, в том числе военные марши и песни, используя фольклор, церковную музыку, темы из русской истории и героических сказаний. Работа композиторов «Могучей кучки» способствовала последующему усилению национального начала в русской военной музыке и укреплению ее связи с пониманием русской культуры [Тутунов, с. 142]. В этот же период улучшается устройство военных оркестров, увеличивается количество инструментов, репертуар становится более сложным и разнообразным.

В конце XIX – начале XX в. остаются любимыми патриотические романсы и песни, что свидетельствует о сильной связи этих жанров с русской культурой и военной историей. В первой половине XX столетия в стране возникли специализированные ансамбли, которые в дальнейшем приобрели мировую известность. Наиболее известный из них – Ансамбль песни и пляски Российской армии имени А. В. Александрова, который стал значимой частью отечественной музыкальной культуры. Таким образом, в России можно было проследить исторический процесс развития жанров военной музыки. Некоторые ключевые характеристики этих жанров стоит отметить далее.

Музыкальный стиль. Стиль русских военных маршей и патриотических песен связан с национальными музыкальными традициями. Для патриотических песен характерны яркие, запоминающиеся мелодии, способные выразить различные эмоции – от грусти и теплоты до уверенности и гордости. Жанр военного марша соединяет четкий порядок и ясный ритм, присущие военной музыке, с силой чувств и мелодичностью, типичными для русской музыки в целом. Аранжировка для оркестра обычно предполагает обычный набор духовых инструментов, иногда дополняющийся звучанием народных русских инструментов, что придает звучанию национальную окраску.

Мелодия и темпоритм. Для русских маршей и патриотических песен характерно ритмическое разнообразие, усиливающее их эмоциональное воздействие. Главным жанровым признаком будет выступать характерный маршевый ритм, призванный изначально сопровождать мерную ходьбу строем. Как правило, это четырехдольный метр с использованием пунктирного ритма. Мелодия зачастую имеет решительный характер со многими повторами. Темп может быть разнообразным: от медленных, торжественных до очень быстрых (140–200 ударов в минуту и выше), особенно в маршах для конницы и для атаки. Отдельно можно отметить, что в маршах используются характерные ритмические и мелодические рисунки, которые схожи с барабанной дробью и фанфарными сигналами.

Темы и культурный контекст. Темы произведений связаны с историей и особенностями жизни и культуры России. В текстах и музыке изображаются главные события национальной истории, прославляются храбрость солдат, подвиги, любовь к Родине, упорство в борьбе. Многие произведения наполнены чувством национальной гордости и силы. Часто тем, что побуждает к творчеству, служат темы и герои из русской литературы (например, стихов Пушкина, Лермонтова) или народных произведений (старинных сказаний о героях, песен о прошлом). Эта связь с национальной культурной средой дает возможность произведениям обретать понимание и интерес у многих поколений и сохраняться надолго в памяти народа.

Включение в ритуальные практики. Военные марши и патриотические песни являются важной частью государственных ритуалов в России. Они исполняются во время смотров войск, общих праздничных дней, важных событий, ритуалов памяти и других событий в честь прошлого. Применение этой музыки в ритуалах служит не только музыкальным оформлением, но и важным способом создать особое настроение, добиться сплочения народа, показать связи поколений и обратиться к общей памяти об исторических событиях прошлого.

Многие русские композиторы внесли вклад в историю военной и патриотической музыки. Среди них можно отметить М. И. Глинку, композиторов «Могучей кучки», П. И. Чайковского, О. А. Козловского, Д. С. Бортнянского, А. А. Алябьева и др. В качестве яркого примера военных жанров стоит вспомнить старейший и самый известный марш русской гвардии – Преображенский. Традиция связывает его с Петром I, но документальных подтверждений этому нет. Мелодия и стилистические черты (близость к канту) указывают на возможное происхождение этого марша в первой четверти XVIII в. Он стал символом русской армии [Кривцова, с. 411; Тутунов, с. 77]. Из ранних маршей еще нужно отметить Гатчинский марш, написанный Д. С. Бортнянским, когда он служил капельмейстером «малого двора» наследника Павла Петровича в Гатчине. В этом марше удивительным образом сочетается стиль композитора и традиции петровских кантов. Позже появилось много не менее запоминающихся военных маршей, авторами которых являлись Чернецкий, В. Агапкин, Н. Иванов-Радкевич. Многие образцы военной музыки стали символом эпохи. Например, марш В. Агапкина «Прощание славянки», который для многих ассоциировался с упорством, патриотизм и веру в возвращение. Помимо собственно военной музыки, множество маршевых тем использовалось в операх и больших произведениях для оркестра. Примерами могут служить марш из балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро», эпизод нашествия из «Ленинградская симфония» №7 Д. Д. Шостаковича, марш из оперы «Млада» Н. А. Римского-Корсакова.

В советское время большое значение приобретает массовая патриотическая песня. Среди создателей лучших образцов этого жанра В. П. Соловьев-Седой, М. И. Блантер и др. Патриотическая песня «Катюша», написанная М. Блантером, стала олицетворением русской песни XX столетия. А А. В. Александров написал не только главную музыку страны – Гимн СССР, но и песню «Священная война», игравшую особую роль в период Великой Отечественной войны.

Жанры «военный марш» и «патриотическая песня» являются действенными средствами для выражения патриотических чувств. Слушатели испытывают многообразные переживания: радость от победы, грусть за потерянных товарищей, преданность Родине и желание быть участником исторических событий. Таким образом, жанры военной музыки способствуют общенациональному сплочению. Марши и патриотические песни хранят память народа о прошлом и становятся символом определенного времени, исторических битв, побед и поражений. Исполнение этой музыки во время памятных событий и праздников усиливает взаимосвязь между прошлым и настоящим.

Стоит отметить, эти жанры очень многозначны и их смысл может быть объяснён разными факторами. Важно понимать, что военная музыка выполняет не только функцию объединения народа, но и может быть рычагом для пропаганды (например, образ «врага» для русского народа). Обсуждение понимания смысла военных маршей и песен может вызывать большие споры в обществе о любви к своей нации, самосознании, об исторической достоверности и значении данной музыки в жизни общества. На стиль военной музыки воздействовали и продолжают воздействовать разные факторы: географическое положение страны, ее история, религия и идеология. Все это объясняет историческое и стилевое разнообразие военных песен и маршей.

Военные марши и патриотические песни – это историческое явление, которое изменяется вместе с русской музыкой. Пройдя долгий путь от фольклорных образцов и сугубо прикладной музыки эпохи Петра I до современных произведений, эти жанры всегда выполняли важные общественные задачи, отражая характер народа, являясь средством воспитания и призыва к действию, а также способом сохранения исторической памяти. Произведения известных авторов – от Глинки и Чайковского до Прокофьева, Шостаковича и современных композиторов стали классикой русского и мирового искусства. Несмотря на общественно-политические изменения и смену мировоззрения, лучшие образцы жанра по-прежнему обладают непреходящей художественной ценностью. В настоящее время в России военные марши и патриотические песни остаются важными составляющими музыкальной культуры. Эти произведения учат любить свой народ, историю, природу. Кроме того, в музыке отражаются эмоции и идеи, которые волнуют общество. Поэтому интерес к данной тематике не мог не найти отражение у авторов музыкальных произведений. Эти жанры звучат на концертах, парадах и других событиях в русской культуре, объединяя народ и напоминая о том, что любовь к Родине и уважение близких, память о других – вечные ценности в нашем мире.

Список источников

1. Королев К. М. Патриотическая песня вчера и сегодня: коллективная память и поиски общих символов // Новое прошлое / The New Past. – 2023. – № 4. – С. 223–242. DOI 10.18522/2500-3224-2023-4-223-242.

2. Кривцова Н. Г. Русская военная музыка в конце XVIII в. // История военного дела: исследования, источники. – 2019. – Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. – Ч. III. – С. 400–440.

3. Тутунов В. И. История военной музыки России: учебник / под общ. ред. Е. С. Аксёнова. – М.: Музыка, 2005. – 496 с.

Сведения об авторе
Сенько Надежда Максимовна – студентка 4 курса факультета философии, культурологии и искусств, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-6366-4415, e-mail: mobuto96@yandex.ru

УДК 78:371
ГРНТИ 18.07.21

Влияние военных событий на творчество композиторов как предмет изучения в общеобразовательной школе

Е. О. СМОЛЯНКИНА

В статье исследуется отражение военных событий в творчестве отечественных композиторов в качестве предмета изучения в общеобразовательной школе. Описываются методы знакомства обучающихся с произведениями, которые были написаны композиторами под влиянием военных и революционных событий. В итоге делается вывод о значимости изучения подобной музыки в образовательном процессе школы.

Ключевые слова: русская и советская музыка, композиторское творчество, урок музыки в общеобразовательной школе, война, воспитание патриотизма.

В современных условиях, с учетом развития информационных конфликтов, особенно связанных с событиями, начавшимися в 2022 г., важность патриотического воспитания молодежи в России значительно возросла. В музыке, привлекающей современную молодежь, часто преобладают элементы, которые больше напоминают псевдоискусство и псевдокультурные проявления, нежели подлинные достижения искусства и культуры. Изменение интересов молодежи, акцент на досуг, потребление и развлечения приводит к искажению представлений об основных человеческих ценностях, таких как справедливость, мораль, любовь, правда, добро и красота. Знание истории собственной страны, размышления о таких понятиях как «Родина», «Отечество», «мораль», «патриотизм» оказываются недостаточно распространенными среди молодежи и могут стать неактуальными в будущем. Важную роль в патриотическом воспитании играет знакомство с выдающимися достижениями культуры, включая литературу, поэзию, изобразительное искусство, музыку [Щербакова, с. 13].

Патриотические чувства, проявляющиеся в стремлении вносить вклад в развитие и благополучие Родины, формируются не спонтанно, а являются результатом целенаправленного воспитания с младшего возраста. В связи с этим образовательные стандарты, включая последние изменения Федерального государственного образовательного стандарта для школ, акцентируют внимание на значимости патриотического воспитания в учебном процессе [Третьякова, с. 26].

Одним из эффективных методов воспитания любви к Родине и укрепления качеств, связанных с патриотизмом, считается интеграция в обучение музыкальных произведений, созданных под влиянием военных событий. Такая музыка не

только обогащает эмоциональный и культурный кругозор учащихся, но и вдохновляет их на проявление глубокого чувства патриотизма и преданности своей стране, особенно в трудные периоды истории [Человек и духовно-культурные основы возрождения России, с. 102].

Дисциплины в рамках образовательной сферы «Искусство» представляют собой мощный инструмент воспитательной работы, эффективность которого достигается при отходе от устаревших взглядов на искусство как на элемент развлечения. Эффективное образование начинается там, где традиционные методы педагогики, сосредоточенные на передаче информации, уступают место педагогике, акцентирующей на важности значения и смысла, а искусство вплетается в фундамент образовательного процесса, превращая его в пространство для формирования моральных ценностей и гармоничного развития личности. Основой образовательной структуры в современных школах должно стать художественное образование и эстетическое развитие личности, строящееся на обучении дисциплинам, дающим знания и навыки восприятия мира через призму литературы, изобразительного искусства, музыки, что способствует эмоционально-образному восприятию культуры [Шишлянникова, с. 175].

Искусство выступает ареной, где происходит преобразование духовного наследия и опыта множества поколений в форму, воспринимаемую через чувства и отраженную в символике. Эмоциональный и неповторимый характер этих ценностей, принадлежащих сфере человеческого переживания, позволяет искусству стать каналом для их выражения. Произведения искусства, порождаемые эмоциями и интроспекцией художника, обращаются к глубинам человеческой души. Искусство, в его истинном проявлении, призывает к самоисследованию, помогая осмыслению собственных чувств и мыслей в контексте окружающего мира. Через восприятие и интерпретацию работы автора художественного произведения человек обогащает свой внутренний мир, что способствует развитию критического мышления, эмоциональной глубины и умения строить взаимоотношения. В то же время страсть к искусству не возникает самопроизвольно: она требует вдумчивого руководства от образованных в этой области учителей, чтобы стать средством формирования нравственных качеств (в том числе и развития чувства патриотизма) в молодом поколении.

Привлечение школьников к прослушиванию военной музыки имеет ключевое значение в контексте патриотического воспитания. Все виды искусств отражают мир природы, общества и личный опыт человека, но музыка делает это наиболее тонко и глубоко, создавая особые связи с эмоциональным миром личности и объединяя высокое личное с общественным. Так, патриотическая музыка способствует внедрению универсальных ценностей правды, добра и красоты в сознание слушателя, поднимая его личные впечатления на уровень переживания о судьбах людей, своей страны и всего человечества. Д. Б. Кабалевский отмечал всепроникающую силу музыки в образовательном процессе, подчеркивая ее важность для духовного и культурного развития молодежи [Программы общеобразовательных учреждений…, с. 17].

В рамках анализа перспектив и подходов к преподаванию музыки, созданной под влиянием военных событий, нами была разработана и реализована серия занятий для учащихся 5–7 классов общеобразовательной школы. Уроки были посвящены произведениям отечественных композиторов на данную тематику.

Так, в серии занятий предметом изучения стала опера «Князь Игорь» А. П. Бородина. Перед знакомством с музыкой учащимся был проведен краткий экскурс в историю создания и содержание данной оперы, которая была вдохновлена эпизодом из старинного русского воинского эпоса «Слово о полку Игореве», повествующем о неудачном военном походе князя Игоря против разорявших русские земли половцев.

После внимательного прослушивания арии из оперы «Князь Игорь» и последующего её анализа, учащиеся смогли представить характер главного героя – Игоря Святославича. Они проникли в глубину его внутреннего мира, ощутив тяжесть душевных терзаний, которые переживал князь Игорь, находясь в заточении у кочевников-половцев. Также ученики отметили его несгибаемую волю к освобождению Русских земель (анализ акцентировался на первой и третьей частях арии). Изучив фрагмент: «О дайте, дайте мне свободу, ... Я Русь от недруга спасу!», учащиеся совместно с преподавателем на практике постарались воспроизвести отрывок арии, передавая в своём исполнении настроение решимости и героизма главного героя.

На следующем уроке музыки была представлена для анализа ария Кончака – главы половцев, держащих в плену русского князя Игоря. Обучающиеся сопоставили музыкальные портреты Кончака и князя Игоря, отметив в мелодии Кончака восточные мотивы. Несмотря на попытки хана уговорить Игоря перейти на сторону половцев и тем самым предать Родину, русский князь смело отверг предложенные ему изобилие и блеск восточной жизни, выбрав в итоге бегство из плена, сохранив верность своей стране.

На вопрос о причинах, по которым половецкий правитель так обращается с плененным, ученики предложили такие объяснения: «Он высоко оценивает его боевые качества и воинское мастерство», «Стремится завербовать столь отважного воина в свои ряды». В ответ на вопрос, по какой причине князь Игорь отказался оставаться у половцев, несмотря на обещания роскоши и богатства, были даны следующие ответы: «Игорь стремился выполнить свой долг перед Отечеством», «Его ведущая цель – изгнать половцев и освободить Русь», «Чувство ответственности за судьбу своей земли и народа». Через беседу о характеристиках музыкальных персонажей оперы у учеников воспитывается патриотическое чувство уважения к защитникам Родины.

На завершающем тему уроке по музыке ученики писали короткое эссе о творчестве Александра Порфирьевича Бородина. Они выразили восхищение его способностью отразить черты русской души через свои произведения: «Эта музыка для меня является отражением души России, выражает национальный пафос, является символом русской культуры!»; «Все отличительные черты русского менталитета нашли свое отражение в образе князя Игоря. Он остался верен принципам чести, не согласился на сделку с ханом Кончаком ценой предательства своей Родины. Его отвага, сила, храбрость – это воплощение идеала русского героя!»

В другом классе в ходе урока учащимся представили Симфонию № 11 «1905 год» Дмитрия Шостаковича. Это произведение состоит из четырех частей и является музыкальным отражением событий Первой русской революции. Было организовано полное прослушивание IV части «Набат», которая подводит итоги предшествующих разделов. До начала прослушивания ученикам было кратко рассказано об исторических событиях, послуживших вдохновением для создания этого музыкального произведения. Во время занятия были представлены отрывки из первых трех частей, с акцентированием внимания на характерных особенностях музыкального языка Шостаковича. Первая часть, «Дворцовая площадь», погружает в атмосферу тревоги и предвосхищения последующих событий. Во второй части «9 января» с помощью музыкальных средств композитор изображает движение народа, нарастающую эмоциональность просьбы и затем жестокость расстрела, изображенную диссонансами и агрессивной тембральной окраской медных инструментов. Третья часть «Вечная память» создает атмосферу траура, в ней звучит реквием в память павших, пронизанный мотивами печали и скорби.

Перед прослушиванием четвертой части симфонии «Набат» был поставлен вопрос о характере музыки, предполагаемом на основе ее названия. Были высказаны предположения о тревожном и героическом облике музыки. Объяснение этому коренится в традиции использования набатного колокольного звона для сбора народа в неблагоприятные периоды истории. Эмоциональное воздействие музыки, насыщенной интонациями революционных песен и колокольного звона, ментально переносит слушателей в эпоху породивших ее событий, заставляя их ощутить себя участниками драматических моментов истории. Отклики на музыкальное произведение выражают глубокую связь с историческим наследием от осознания трагедии расстрела мирных жителей, до полного осмысления происходящего в истории через погружение в художественный мир музыкального произведения.

Слушая тему нашествия из Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича, созданной в период блокады Ленинграда, семиклассники анализируют музыкальное изображение вторжения нацистских сил. Дети обращают внимание на характерные черты этого фрагмента: отсутствие мелодичности и маршевый характер темы; диссонирующие, пронзительные звуки, постепенно заглушающие главную тему, придают произведению жестокость, грубость и отчужденность, что усиливается с помощью звучащих фоном инструментальных тембров, напоминающих скрежет металла. При обсуждении данной темы одна из учениц отметила, что в момент кульминации слушателя охватывает чувство ужаса перед лицом бездушного врага.

С. С. Прокофьев, знаменитый советский композитор, в своих произведениях активно воплощал темы, связанные с Россией и отечественной героикой. В своей великолепной кантате «Александр Невский» и опере «Война и мир», созданной на основе романа Л. Н. Толстого, Прокофьев глубоко погружается в исследование национальной гордости и патриотического духа. В процессе занятий с учащимися особое внимание было уделено изучению хора «Вставайте, люди русские» из кантаты «Александр Невский». Произведение начинается с мотивирующей,

призывной интонации кварты, которая затем плавно переходит в проникновенную лирическую мелодию, воспевающую Родину.

Погружаясь в звучание хоровой музыки, оркестра и колокольного звона, слушая истории о деяниях Великого князя, борца за земли Руси против ливонской угрозы в XIII в., а также знакомясь с картиной П. Корина «А. Невский» и поэмой К. Симонова «Ледовое побоище», учащиеся смогли приобщиться к историческому наследию. Созданная в 1941 г. кантата по праву стала символом русского патриотизма, связывая эпоху Александра Невского с событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и олицетворяя единство борьбы за свободу Родины на протяжении веков.

Балет «Гаянэ», созданный А. Хачатуряном в 1942 г., воспевает героический облик советских людей и их беспрекословную преданность Отечеству в борьбе за его свободу. Концепция произведения заключалась в иллюстрации общенародной мобилизации и сплочённости в ответ на угрозу внешнего вторжения, что естественным образом вписывалось в идеологию того времени. Балет предназначался для поднятия патриотических чувств, подчёркивая идеи любви к Родине и непоколебимости перед лицом трудностей. По специальному заказу театра, Хачатурян внёс дополнения в уже завершённое музыкальное произведение, добавив «Танец курдов», который в дальнейшем получил известность как «Танец с саблями». Этот элемент немедленно привлек внимание, вызвав восторг среди музыкантов и танцоров, а также аудитории во время первых репетиций и премьерного показа, демонстрируя не только мастерство композитора, но и исключительную способность произведения затрагивать сердце и ум зрителей.

Знаменитые музыкальные творения русских и советских композиторов занимают значимое место в мировом культурном достоянии. Эти произведения обладают непреходящей художественной ценностью. В XXI в. их музыка продолжает впечатлять своей энергичностью и актуальностью. Тематика русской и советской классической музыки часто была связана с идеями патриотизма и защиты Отечества, подчеркивая важность обороны, а не агрессии. Эти произведения воспитывают моральные качества и патриотические чувства у слушателей.

Любовь к Родине и обязанность защищать свою страну от агрессии противника веками входили в культурное наследие россиян. Это является основным выводом, к которому удалось прийти после уроков, посвященных анализу произведений русских композиторов. Вот несколько письменных откликов учащихся: «Русская музыкальная традиция отличается неповторимой глубиной и эмоциональностью, отражая бескрайние просторы страны и уникальный национальный менталитет»; «Ее характер тесно связан с особенностями российской души, делая произведения отечественных композиторов особенно резонирующими с чувствами жителей этой страны»; «Произведения таких мастеров как А. П. Бородин, П. И. Чайковский, С. С. Прокофьев и других воплощают силу, надежду, и позволяют на более глубоком уровне осмыслить историческое наследие, почувствовать гордость и любовь к своей Родине. Их творчество является зеркалом, отражающим чувства и мысли народа, его связь с родной землей и культурными корнями».

Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что образовательный процесс, включающий изучение патриотической музыки, затрагивающей эпохи и композиторов, чьё творчество было вдохновлено военными событиями, оказал значительное влияние на эмоциональный мир учащихся. Это происходит по причине того, что музыкальное искусство, воздействуя на эмоциональный аспект личности, позволяет глубже осмыслить исторические события. Музыкальные произведения русских композиторов вызывают у подростков переживание любви к Родине и вместе с тем воспитывают чувства гордости, силы и отваги. Именно в русской музыкальной традиции мы находим отображение всего спектра чувств – от лирического восприятия природы до восхищения героическими защитниками Отечества, что делает её бесценным инструментом для патриотического воспитания школьников.

Список источников

1. Программы общеобразовательных учреждений. Музыка 1–8 классы / под руководством Д. Б. Кабалевского. – М.: Просвещение, 2006. – 225 с.

2. Третьякова Л. С. Советская музыка: кн. для учащихся старших классов. – М.: Просвещение, 1987. – 174 с.

3. Человек и духовно-культурные основы возрождения России / под ред. Г. П. Выжлецова, В. Т. Пуляева, В. Н. Сагатовского. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. – 288 с.

4. Шишлянникова Н. П. Потенциал произведений русских композиторов в воспитании любви к Отечеству у подростков // Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития: материалы Международной науч.-практ. конф., посвященной 130-летию со дня рождения А. С. Макаренко / под ред. Е. И. Артамоновой. – М.: МАНПО, 2018. – С. 174–178.

5. Щербакова А. И. Феномен музыкального искусства в воспитании подрастающего поколения // Музыкальное искусство и образование. – 2013. – № 3. – С. 13–17.

Сведения об авторе

Смолянкина Елизавета Олеговна – студентка 4 курса факультета философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0007-7264-7291, e-mail: modzolevskaya2@mail.ru

УДК 37.035.6: 372.878
ГРНТИ 14.25.05

Патриотическая песня как средство формирования гражданской идентичности у школьников на уроках музыки

Л. К. ХУРУДЖИ

В статье рассматривается роль патриотической песни в формировании гражданской идентичности у школьников на уроках музыки. Анализируется теоретический и практический аспекты использования патриотической песни в образовательном процессе с целью воспитания чувства патриотизма, любви к Родине и уважения к истории и культуре страны.

Ключевые слова: патриотизм, гражданская идентичность, гражданское самосознание, патриотическая песня, уроки музыки.

В условиях современных геополитических вызовов и социокультурных трансформаций особую значимость приобретает формирование гражданской идентичности у подрастающего поколения. Патриотизм – это одна из основных доминант гражданского самосознания и необходимое условие для устойчивого развития государства. Учитывая происходящие в настоящий момент на международном уровне и в российском обществе политические и экономические процессы, актуальным становится поиск и использование эффективных средств и методов патриотического воспитания, которые способны сформировать у молодого поколения четкое понимание своей принадлежности к стране, народу и культуре.

Одним из таких средств является патриотическая песня, которая, благодаря своему эмоциональному воздействию, способна объединять людей на основании общих ценностей и идеалов. Формирование чувства принадлежности к стране, гражданского самосознания является важной задачей образования. В связи с этим уроки музыки предоставляют широкие возможности для использования патриотической песни в формировании гражданской идентичности у школьников.

Формирование гражданской идентичности представляет собой достаточно сложную, многогранную деятельность, которая является предметом исследований многих ученых. Современные тенденции в изучении гражданской идентичности обусловлены актуализацией трансформационных процессов на уровне гражданской общности, вследствие усиливающихся геополитических разногласий. Кроме того, важно учитывать и тот факт, что на формирование гражданской идентичности большое влияние оказывает процесс глобализации, который приводит к размыванию национальных границ и усилению культурного обмена. В этих условиях особенно актуальным становится вопрос о сохранении национальной самобытности, укреплении социальных норм и культурных традиций. Гражданская идентичность, являясь осознанием принадлежности к определенному сообществу, подразумевает не только формальное наличие гражданства, но и наличие общих ценностей, исторической памяти и чувства ответственности за судьбу своей страны.

Одним из ключевых элементов в формировании гражданской идентичности выступает патриотизм. В своих работах О. Ю. Малинова рассматривает конструирование смыслов патриотизма в современной России, акцентируя внимание на роли различных членов общества и используемых ими стратегиях. Патриотизм как сложное социально-политическое и духовно-нравственное явление, представляет собой любовь к Родине, преданность своему народу, гордость за его достижения и готовность к защите его интересов. Однако, понимание патриотизма может быть различным: от конструктивного, ориентированного на созидание, до деструктивного, основанного на национальном превосходстве и неприязни к другим народам [Малинова]. Автор отмечет, что дискурс о патриотизме может использоваться как для консолидации общества и укрепления национальной идентичности, так и для манипулирования общественным сознанием, подчерки-

вая, что патриотизм – это не статичное понятие, а динамично развивающееся явление, которое переосмысливается в зависимости от политического контекста, социокультурных изменений и идеологических установок.

Анализ национальных ценностей, их структура, динамика и связи с социальными установками представлены в работе Н. Е. Тихоновой. Изучение структуры ценностей позволило автору выявить доминирующие тенденции в общественном сознании и определить основные направления формирования гражданской идентичности. Результаты исследования показали, что патриотизм является одной из базовых ценностей, разделяемых большинством граждан России [Тихонова]. При этом, по мнению автора, понимание патриотизма может существенно различаться в зависимости от возраста, уровня образования, социального статуса, региона проживания и других социально-демографических факторов.

Важно понимать, что формирование гражданской идентичности – это длительный процесс, который берет начало в раннем возрасте и продолжает свое формирование в сознании и поведении человека на протяжении всей его жизни, он обусловлен особенностями среды существования личности. Основным этапом и отправной точкой данного процесса является школьное образование, в ходе которого школьники приобретают необходимые навыки и компетенции для успешной социализации и интеграции в общество. В современной ситуации образовательные учреждения играют ключевую роль в становлении гражданской идентичности личности. По этой причине значительное число ученых, работающих в сфере образования (педагогов, социологов и психологов), считают формирование гражданской идентичности учащихся одной из главных задач школы.

При этом формирование гражданской идентичности у молодого поколения – это сложный процесс, подверженный влиянию различных обстоятельств и характеризующийся специфическими чертами, зависящими от возраста (см. табл.).

Таблица

Возрастные особенности формирования гражданской идентичности у школьников

№	Уровень образования/Возраст	Особенности
1	Начальное общее образование (1–4 кл.) / младший школьный возраст (6–10 лет)	– Восприятие мира в этом возрасте отличается эмоциональной окраской, свойственно стремление к идеализации и персонификации окружающей среды. – Особую важность приобретает влияние взрослых – учителей и родителей – как основных источников информации об обществе и государстве. – Начинают формироваться базовые представления о Родине, связанные с ее символами и ключевыми событиями прошлого. – Появляется интерес к общественным делам, возникает желание принимать участие в различных мероприятиях

Продолжение табл.

2	Основное общее образование (5–9 кл.) / средний школьный возраст (11–14 лет)	– Развивается критическое мышление (начинают анализировать информацию, формировать собственные суждения). – Растет интерес к политической жизни (возникает желание выражать свою гражданскую позицию). – Важное значение приобретает взаимодействие со сверстниками, формируются групповые нормы и ценности
3	Полное общее образование (10–11 кл.) / старший школьный возраст (15-17 лет)	– Формируется система ценностей, убеждений, мировоззрение. – Осознанно определяют свою гражданскую позицию, делают выбор в пользу активного участия в жизни общества или пассивного созерцания

Формирование гражданской идентичности у школьников играет важную роль в развитии гражданского и патриотического самосознания, а также способствует духовно-нравственному становлению личности и позволяет:

– сформировать представление о Родине, родной культуре и моделях поведения, необходимых для успешной адаптации в обществе;

– приобщить подрастающее поколение к ключевым ценностям национальной и мировой культуры;

– сформировать у обучающихся собственную жизненную позицию для решения социально значимых задач.

Важным средством формирования гражданской идентичности является патриотическая песня. Этот жанр музыкального искусства обладает уникальным потенциалом для воздействия на эмоциональную сферу человека и формирования его ценностных ориентаций, что делает его мощным инструментом в формировании гражданской идентичности. Патриотическая песня способна пробуждать чувство гордости за свою страну, уважение к её истории и культуре, а также готовность к защите её интересов.

В своих методических рекомендациях Е. В. Емельянова подчеркивает значимость патриотического воспитания школьников средствами музыкального искусства, предлагая конкретные методы и приемы использования музыки на уроках [Емельянова]. Автор акцентирует внимание на том, что музыкальные произведения патриотической направленности оказывают глубокое воздействие на сознание и чувства детей, способствуя формированию у них чувства принадлежности к своему народу и ответственности за будущее своей страны.

Рассматривая музыкальное воспитание как средство формирования патриотических чувств у младших школьников, И. В. Захарова отмечает важность использования народной музыки, песен о Родине и героических музыкальных образов [Захарова]. Автор подчеркивает, что музыка способствует формированию эмоциональной связи с родной землей и уважения к своей истории и культуре. Особое внимание при изучении патриотического воспитания уделяется роли учителя, который должен уметь подбирать музыкальный материал, соответствующий возрасту и интересам детей, а также использовать разнообразные

формы и методы работы с песней, такие как хоровое пение, слушание музыки, музыкально-дидактические игры и творческие задания.

Анализируя роль патриотической песни в формировании духовно-нравственных ценностей школьников, О. А. Иванова акцентирует внимание на важности отбора репертуара и методики работы с песней. По мнению автора, патриотическая песня должна быть не только музыкально красивой, но и содержать глубокий смысл, отражающий исторические события, подвиги героев и ценности народа. Важно, чтобы песня вызывала у детей эмоциональный отклик, побуждала к размышлению о своей роли в обществе и ответственности за судьбу своей страны [Иванова].

Практический опыт использования патриотической песни на уроках музыки и внеурочной деятельности играет важную роль в формировании гражданской позиции и духовно-нравственных ценностей школьников. Опытный педагог Е. В. Волкова делится ценным опытом патриотического воспитания, предлагая конкретные примеры использования песенного материала и эффективных методических приемов [Волкова]. Автор подчеркивает необходимость создания особой эмоциональной атмосферы на музыкальных занятиях, которая способствует восприятию патриотических идей. Для этого рекомендуется использовать визуальный материал (например, иллюстрации, фотографии, видеоролики), а также активно вовлекать школьников в процесс музицирования, делая их не просто слушателями, а сотворцами музыкального произведения.

Специалисты-практики в процессе работы с патриотической песней на уроках музыки и внеурочной деятельности рекомендуют использовать комплексный подход, включающий следующие методы и приемы, направленные на всестороннее осмысление произведения:

1. Анализ текста песни: обсуждение смысла песни, выявление ключевых слов и образов, связанных с патриотическими чувствами и ценностями.

2. Исторический контекст: изучение истории создания песни, событий и личностей, которым она посвящена.

3. Музыкальный анализ: рассмотрение музыкальных особенностей песни, выразительных средств, создающих эмоциональное воздействие.

4. Исполнение песни: хоровое пение, сольное исполнение, использование аккомпанемента и других музыкальных инструментов.

5. Творческие задания: сочинение стихов или музыки на патриотическую тему, создание иллюстраций к песне, инсценировка эпизодов из истории.

На основании анализа теоретических источников и обобщения педагогического опыта нами были разработаны следующие методические рекомендации по использованию патриотической песни на уроках музыки и во внеурочной деятельности, направленные на эффективное формирование гражданской идентичности у детей:

1. Тщательный отбор репертуара, состоящего из музыкальных произведений патриотической направленности с учетом возрастных особенностей, музыкальной подготовки и интересов школьников. Важно при формировании репертуара учитывать психофизиологические особенности и возможности

школьников, знать, какую главную тематику патриотического содержания нужно представлять в каждой возрастной группе. Музыкальные произведения должны быть доступны для понимания и чувственного восприятия, а также способны затрагивать глубинные эмоции той или иной возрастной группы школьников.

Репертуар должен быть разнообразным и включать в себя как образцы народной музыки, так и широко известные патриотические песни, вызывающие эмоциональный отклик и чувство гордости за свою страну, её историю, культуру и достижения. На основе изучения патриотических песен в молодом поколении формируются качества, во все времена отличавшие русский характер: доброта, открытость, достоинство, сострадание, что приобщает к великим ценностям, к сохранению народных традиций и духовности. Песни, которые в состоянии глубоко затронуть внутренний мир человека, вызвать сильный эмоциональный отклик, могут стать действенным средством в формировании гражданственности и патриотизма у школьников.

2. Применение различных форм и методов работы с патриотической песней. Воспитание гражданской идентичности и патриотизма на уроках музыки и во внеурочной деятельности должно происходить через эмоционально-чувственное переживание произведений музыкального искусства. Чтобы сделать процесс обучения более интересным и эффективным, необходимо применение разнообразных форм и методов работы, таких как хоровое и ансамблевое исполнение, объединяющее детей, формирующее чувство общности и сопричастности; прослушивание патриотических песен, которое позволяет познакомить школьников с различными интерпретациями и стилями исполнения, а также глубже осознать художественную ценность произведения; анализ текста песен, позволяющий понять их смысл, выявить основные идеи и ценности; обсуждение исторических событий, отраженных в песне, что помогает школьникам лучше понять смысл песни и ее значение для истории страны; применение музыкально-ритмических движений, соответствующих характеру песни, помогающих детям глубже прочувствовать ее эмоциональное содержание и выразить свои чувства через танец. При этом возможно использование нетрадиционных уроков: уроки-путешествия, музыкально-творческие, уроки с использованием видеоматериалов.

3. Проведение культурно-массовых мероприятий (школьных и внешкольных) гражданско-патриотической направленности, стимулирующих интерес школьников к изучению патриотической песни и способствующих формированию гражданской идентичности. К таким мероприятиям можно отнести тематические вечера и праздники, посвященные памятным датам и событиям истории Отечества, родного края, семейным традициям; конкурсы патриотической песни, концерты и фестивали, литературно-музыкальные композиции, смотры песни и строя; посещение музеев и исторических мест; общение участников и зрителей музыкально-патриотических мероприятий в интерактивном режиме посредством интернет-технологий.

Участие школьников в такого рода музыкальных мероприятиях является одним из эффективных способов патриотического воспитания через музыку. При

этом создаются условия, позволяющие детям почувствовать себя частью чего-то большего, чем просто их класс или школа, формируется чувство единства и общности, способствующее распространению духовных ценностей и патриотических идей.

4. Привлечение к работе с патриотической песней родителей и общественности. Вовлечение родителей и общественности в процесс гражданского воспитания школьников позволяет создать единое воспитательное пространство, оказывающее положительное влияние на формирование личности ребенка. Родители могут помочь в подготовке концертов и мероприятий, а также поделиться своими воспоминаниями о событиях истории страны. Приглашение ветеранов, представителей общественных организаций и деятелей культуры на мероприятия, посвященные патриотической тематике, оказывает сильное эмоциональное воздействие на детей и укрепляет их связь с историей и культурой своей страны.

Разработанные методические рекомендации могут быть использованы учителями музыки, педагогами внеурочной деятельности для повышения эффективности работы по гражданскому воспитанию школьников, формирования у них чувства патриотизма, гордости за свою страну и готовности к защите ее интересов. Применение данных рекомендаций позволит сделать процесс обучения более интересным, эффективным и целенаправленным, что, в свою очередь, будет способствовать формированию гармонично развитой личности гражданина России.

Патриотическая песня, несомненно, представляет собой мощный инструмент формирования гражданской идентичности у школьников, особенно в контексте уроков музыки. Её воздействие выходит далеко за рамки простого заучивания текста и мелодии. Грамотно подобранный репертуар, охватывающий различные исторические эпохи и культурные традиции России, в сочетании с продуманной методикой работы способен пробудить в юных сердцах глубокие чувства патриотизма, искренней любви к Родине, неподдельного уважения к её богатой истории и многообразной культуре.

Важно подчеркнуть, что работа с патриотической песней должна быть комплексной и включать в себя не только разучивание и исполнение, но и анализ текста, обсуждение исторического контекста, выявление нравственных ценностей и идеалов, заложенных в произведении. Педагог должен умело направлять дискуссию, помогая школьникам осознать глубинный смысл песни, почувствовать её эмоциональный заряд и соотнести с собственным опытом и пониманием мира.

Необходимо активно и систематически использовать потенциал патриотической песни в образовательном процессе, не ограничиваясь рамками уроков музыки. Интегрирование патриотических песен в другие учебные дисциплины и внеурочную деятельность позволит создать целостную систему формирования гражданской идентичности и патриотического сознания у подрастающего поколения. Только так мы сможем воспитать поколение граждан, любящих свою страну, знающих её историю, уважающих её культуру и готовых нести ответственность за её будущее.

Список источников

1. Волкова Е. В. Патриотическое воспитание на уроках музыки: от теории к практике // Музыка в школе. – 2022. – № 2. – С. 34–39.
2. Емельянова Е. В. Патриотическое воспитание школьников средствами музыкального искусства: методические рекомендации. – М.: Просвещение, 2015. – 80 с.
3. Захарова И. В. Музыкальное воспитание как средство формирования патриотических чувств у младших школьников // Начальная школа плюс До и После. – 2016. – № 11. – С. 51–54.
4. Иванова О. А. Патриотическая песня в формировании духовно-нравственных ценностей школьников // Педагогический вестник. – 2018. – № 3. – С. 45–49.
5. Малинова О. Ю. Конструирование смыслов патриотизма в современной России: основные акторы и стратегии // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 6. – С. 9–27.
6. Тихонова Н. Е. Ценности россиян: структура, динамика, связь с социальными установками // Социологические исследования. – 2013. – № 9. – С. 27–39.

Сведения об авторе

Хуруджи Лариса Константиновна – магистрант факультета философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: 0009-0003-1981-8646, e-mail: lorik1604@bk.ru

УДК 784.5
ГРНТИ 18.41.09

Образ защитника Отечества в кантате С. С. Прокофьева «Александр Невский»

А. С. ШЕСТАКОВА

В сатье рассмотрена история создания, а также анализ текстовых и музыкально-драматургических особенностей кантаты С. С. Прокофьева «Александр Невский». С разных сторон рассматривается героический образ Александра Невского как воплощение идеала защитника Отечества. Делается вывод о причинах современной актуальности кантаты Прокофьева.

Ключевые слова: С. С. Прокофьев, С. С. Эйзенштейн, «Александр Невский», образ защитника Отечества.

Музыка – великая движущая сила, которая может сплачивать народы вокруг достижения больших целей. В сложные времена людям свойственно интуитивно объединяться и искать лидера, которому можно было бы верить и следовать за ним. Наша страна многократно переживала трудные периоды, рождавшие таких сильных лидеров. Имена великих русских политических деятелей, полководцев, народных вождей, прославленных крепкой верой, мужеством и терпением, прочно вошли в историю. Образ героя отражен в русских сказках и былинах – историях о подвигах славных богатырей-витязей. С детства мы знакомимся с образом героя – строгого, но доброго; храброго, но разумного; сильного, но милосердного.

В классической музыке достаточно примеров воплощения русского историко-героического эпоса. Среди них встречаются такие музыкальные произведения, которые моментально находят отклик в сердцах людей любого поколения. Полюбившиеся части произведений могут стать самостоятельными хоровыми и сольными номерами, войти в репертуар профессиональных, ученических, любительских коллективов, стать узнаваемыми для массового слушателя.

Одним из таких узнаваемых и ярких примеров историко-героической тематики в русской музыке является кантата С. С. Прокофьева «Александр Невский». Несмотря на достаточную популярность жанра кантат «на случай» в советский период, идея создать музыкальное произведение пришла к композитору спонтанно. Следует отметить, что эта кантата является первым примером, когда написанная для кинофильма музыка впоследствии становится полноценным вокально-симфоническим произведением.

Почему кантата С. С. Прокофьева «Александр Невский» заслужила такое внимание в советское время и не утратила свою актуальность в наши дни? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к истории создания этого музыкального шедевра, отраженной в воспоминаниях современников.

Появление кантаты в преддверии Великой Отечественной войны стало одним из знаменательных событий музыкальной истории. Знаменитые слова: «Вставайте, люди русские, на славный бой, на смертный бой», – остались в памяти у многих ветеранов ВОВ. Один из участников обороны Севастополя вспоминает: «Потрясающее впечатление производила песня “Вставайте, люди русские”, усиленная резонансом подземелья, она властно захватывала душу»[1].

Вероятно, и то, что мы никогда бы не услышали величественную музыку С. С. Прокофьева, если бы не было особого государственного заказа Мосфильма С. Эйзенштейну на создание патриотического фильма. Сотворчество композитора и кинорежиссёра было очень плодотворным. Заказ был выполнен блестяще, фильм быстро набирал популярность, а многочисленные трансляции кадров из него на фронте поднимали боевой дух. Сама идея, реализованная в сотворчестве двух гениальных личностей, отражена в словах С. М. Эйзенштейна: «Мы хотим, чтобы наш фильм не только ещё больше мобилизировал тех, кто находится в самой гуще борьбы против фашизма в мировом масштабе, но чтобы он вселил бодрость, мужество и уверенность и в те части народов мира, которым кажется, что фашизм … несокрушим…» [Эйзенштейн, с. 161]. В творческом тандеме авторы фильма и музыки шли совершенно новым путем, наперекор традиционным формам драматургии. Современное музыкознание называет их методы предвидением или чувством будущего. А метод работы со звукозрительным

[1] Лебедева О. В. Образ святого благоверного князя Александра Невского в искусстве [Электронный ресурс]. URL: https://kostromamitropolia.ru/upload/iblock/2ae/2ae03b55d642aa2f5198b30cb198dacc.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

контрапунтом стал новым открытием, и до сих пор является основным способом создания музыки к фильмам[1].

Популярность фильма кроется не только в успешном воссоздании героического образа Александра Невского, устрашающего облика крестоносцев и впечатляющих картин Ледового побоища средствами кинематографа. Особое значение в работе над фильмом имела музыкальная составляющая. Сверхъестественное чутье композитора, будто бы «расшифровывало» отголоски прошлого, переводя их на современный музыкальный язык. Удивительным фактом было не только написание музыки к конкретному кадру, но и наоборот, спонтанная импровизация композитора, иногда четко вписывающаяся в новое построение сюжета: «…в ряде случаев готовые куски музыки иногда толкали на пластически образные разрешения, ни им, ни мною заранее не предусмотренные. Многие из них настолько совпали по объединяющему их “внутреннему звучанию”, что кажутся сейчас наиболее “заранее предусмотренными”»[2].

Зачем композитор решился на создание самостоятельного произведения из музыки к уже успешно состоявшемуся фильму С. Эйзенштейна «Александр Невский»?

Сергей Прокофьев считал, что «кинематограф – искусство молодое, очень современное, предоставляющее композитору новые возможности, которыми надо пользоваться…» и добавлял: «…любые кинодеятели – даже при самых лучших намерениях не в состоянии распоряжаться музыкой в той мере, как это сделает сам композитор»[3].

Можно предположить, что проделанная масштабная работа, зримость образов, музыкальные находки стали требовать от автора воссоздания единого музыкального полотна. Возможно и то, что у композитора существовало некоторое самолюбие авторства и желание «укоренить» музыку классическим способом и тем самым пополнить кладезь отечественной культуры.

Прокофьеву, как человеку прагматичному, знающему цену времени и каждой написанной ноте, новое искусство кинематографа не внушало ощущения надежности и уверенности, казалось требующим больших доработок. Как известно, первоначально аппаратура не отличались хорошим качеством записи звука, что «скрадывало» большую часть труда композитора. Более того, утвержденная И. В. Сталиным версия фильма С. М. Эйзенштейна понесла большие потери в звукозаписи.

Исходя из вышесказанного можно предположить, что у композитора возникло естественное желание обособить свое творчество, чтобы предстать перед

---

[1] Зырянов М. Л. «Александр Невский» С. Прокофьева и С. Эйзенштейна: начало истории саундтрека [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/Admin/Desktop/aleksandr-nevskiy-s-prokofieva-i-s-eyzenshteyna-nachalo-istorii-saundtreka.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

[2] Там же (дата обращения: 10.04.2025).

[3] Гороховский Е. Гений киномузыки // Камертон [Электронный ресурс]. URL: https://webkamerton.ru/2011/10/genij-kinomuzyki (дата обращения: 10.04.2025).

слушателем в новом для себя жанре героико-эпической кантаты. Ради этого Прокофьеву пришлось немало потрудиться, чтобы дополнить, объединить и свести все фрагменты в единое музыкальное полотно.

Итак, в 1939 г. состоялась премьера кантаты С. С. Прокофьева «Александр Невский», спустя год после выхода на экран одноименного фильма С. М. Эйзенштейна. Каждое произведение искусства заняло прочную нишу в своем виде искусства. Сегодня кантату С. С. Прокофьева именуют символом русской гордости и силы, а облик Александра Невского служит примером мужества и патриотизма.

Рассмотрим детально образ Александра Невского в кантате. Произведение состоит из семи частей:

I. Русь под игом монгольским (оркестр);
II. Песня об Александре Невском (хор и оркестр);
III. Крестоносцы во Пскове (хор и оркестр);
IV. Вставайте, люди русские (хор и оркестр);
V. Ледовое побоище (хор и оркестр);
VI. Мёртвое поле (меццо-сопрано, оркестр);
VII. Въезд Александра во Псков (хор и оркестр).

Обратим внимание на литературный текст кантаты. Попробуем соединить II, IV, VII части (Песня об Александре Невском; Вставайте, люди русские; Въезд Александра во Псков) в единое целое. Можно заметить, что получится достаточно логичный стихотворный текст, представляющий собой не только повествование, но и обращение Александра Невского к русскому воину.

А и было дело на Неве-реке,
На Неве-реке, на большой воде.
Там рубили мы злое воинство,
Злое воинство, войско шведское.

Ух, как бились мы, как рубились мы!
Нашу кровь-руду не жалели мы
За великую землю русскую.

Не уступим мы землю русскую
Кто придет на Русь, будет насмерть бит
На Руси большой не бывать врагу
Поднимайся, встань,
Мать родная Русь!

Вставайте, люди русские,
На славный бой, на смертный бой.
Вставайте, люди вольные,
За нашу землю честную!

Врагам на Русь не хаживать,
Полков на Русь не важивать!
Путей на Русь не видывать,
Полей Руси не таптывать.

На великий бой выходила Русь
Ворога победила Русь
На родной земле не бывать врагу
Весилися, пой, мать родная Русь! [Прокофьев]

В тексте мы не встречаем самого героя, не видим ни одного слова описания его внешности или характера, не встречаем слов прославления. Текст написан простым русским словом, единственное сравнение кровь-руда (др.-инд. rudhira ср. "кровь") может означать родство «в нас течет одна кровь». В тексте широко используется местоимение мы: «Ух, как бились мы, как рубились мы! Нашу кровь-руду не жалели мы»; обилие глаголов-призывов «Вставайте, люди русские, на славный бой, на смертный бой»; использование инфинитивов в повелительном наклонении носит народный характер, предупреждающий врагов «не хаживать», «не важивать», «не видывать», «не таптывать». Последняя строка «Весилися, пой, мать родная Русь!» придает еще больше уверенности в русском воине-защитнике, крепко любящем свою Родину.

Хорошо сказал русский критик Бестужев-Марлинский А. А.: «Истинное мужество немногоречиво: ему так мало стоит показывать себя, что самое геройство оно считает за долг, не за подвиг» [Словарь афоризмов русских писателей, с. 10]. Эти строчки дают понимание, что образ героя не стоит искать во внешнем физическом проявлении, он стоит за текстом, за музыкой. Как и все святые земли русской, Александр Невский являет пример подлинного христианского духа любви к ближнему и готовности преодолевать любые жизненные трудности ради Христа и Евангелия. Об этом свидетельствуют знаменитые слова Александра Невского, вписанные в текст произведения: «Кто придет на Русь, будет насмерть бит», это отсылка к цитате из Евангелия от Матфея 26:52: «Все, взявшие меч, мечом погибнут».

Интересно раскрывается образ защитника в VI части кантаты («Мёртвое поле»). Перед нами единственная ария в женском исполнении, и не случайно считается, что эта самая пронзительная часть кантаты. Женский голос вещает о свершившимся, о мужественной жертвенности такими словами: «Напоили они кровью алою землю честную, землю русскую». Мы не слышим рыдания и причитаний, мы слышим откровение: «Кто погиб за Русь смертью доброю, поцелую того в очи мертвые, а тому молодцу, что остался жить, буду верной женой, милой ладою». И добавляет: «Не возьму в мужья красивого – красота земная кончается, а пойду я за храброго». Как известно, храбрость – это сила духа человека. Мы можем назвать ее волевым устремлением, крепостью, стойкостью. В христианстве сила духа подкрепляется верой, которая помогает человеку преодолеть самые сложные испытания.

Не менее увлекателен музыкальный язык кантаты «Александр Невский». Музыка С. С. Прокофьева всегда отличалась особой зримостью образов, эмоциональностью и четкостью выражения мысли. Б. Яворский свидетельствовал: «… в наше время поголовно андантных композиторов …он (Прокофьев) является единственным представителем того, что очень удачно определяется словом «четкость»[1]. В кругах крупнейших исследователей современной гармонии и гармонического языка С. С. Прокофьева можно услышать такие выражения: «тональная логика Прокофьева» или «прокофьевская тональность» [Холопов, с. 443].

Рассмотрим тональные соотношения между частями кантаты «Александр Невский».

I. c-moll
II. **B-dur**
III. cis-moll
IV. c-moll – Es-dur
V. c-moll – cis-moll – **B-dur** – Des-dur
VI. c-moll
VII. B-dur

Каждая тональность имеет свою смысловую нагрузку и достаточно «четкий» образ.

I. c-moll – непростая судьба русского народа, «плачущая Русь»;
II. **B-dur** – образ Александра Невского;
III. cis-moll – образ Крестоносцев;
IV. Es-dur – образ возвышенной торжественности, патетической героики, победы добра над злом;
V. Des-dur – «усталость идущих, жертвенность ради других, вера».

Прокофьев намеренно закрепляет образ за тональностью, чтобы слушатель не смог упустить сюжет, который следует выстроенному плану. За общей четкостью сюжета стоит музыка. Музыкальный язык кантаты насыщен эмоциональными гармониями, острыми диссонансами, переменной ладовой окраской, интонациями русского фольклора. Особый колорит придают специфичные политональные сочетания. Например, в III части, в приближении крестоносцев, мы слышим отголоски темы I части «судьба Руси», а в железный устрашающий ход врага, неожиданно врывается пронзительная тема арии «Мертвое поле»; в VII части кантаты закрепляется образ Александра Невского темой из II части и дополняется торжеством победы из IV части «Вставайте люди русские». Вкрапления и отголоски тем в разных частях кантаты оправданы, они служат объединению, а также средством выразительности.

Сегодня кантата С. С. Прокофьева «Александр Невский» является одним из самых ярких патриотических примеров отечественного искусства. Популярные части кантаты стали широко исполняемым репертуаром ученических и профессиональных хоров, интересным музыкальным материалом для учащихся музыкальных и общеобразовательных школ, народным достоянием и средством

[1] Ставцева Ю. П. Гармонический язык современной музыки и его воплощение в музыке С. Прокофьева [Электронный ресурс]. URL: https://kimdshi.tls.muzkult.ru/media/2018/09/13/1217978925/Stavceva_Yu.P.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

воспитания молодежи. Об этом свидетельствует всероссийский проект Т. Ведерникова «Нас не отменить! Шедевры русской культуры»[1], среди произведений которого самым популярным является хор «Вставайте люди русские».

Цель проекта – сохранять и популяризировать культурное наследие России через исполнение знаменитых произведений на российских интернет-площадках. Проект объединяет как начинающих, так и профессиональных музыкантов, хоры, ансамбли и солистов разных возрастов из более чем тридцати городов России.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод, что героическая кантата С. С. Прокофьева «Александр Невский» не только стала частью российского культурного наследия, но и остается актуальной в наше сложное время. Стране необходимы хорошая отечественная музыка, литература, фильмы. Россия нуждается, прежде всего, в тех произведениях искусства, которые несут веру, надежду и любовь. Кантата Сергея Прокофьева способствует духовно-нравственному, патриотическому и эстетическому воспитанию. Она служит примером мужества, крепости духа и несокрушимой веры, свидетельствуя о том, что невозможно победить страну, когда в ней есть такая музыка и такие герои.

Список источников

1. Прокофьев С. С. Александр Невский кантата для меццо-сопрано [клавир]. – М.: Музыка, 1971. – 88 с.
2. Словарь афоризмов русских писателей / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под рук. А. Н. Тихонова. – М.: Рус. яз.-Медиа, 2004. – 627 с.
3. Холопов Ю. Н. Современные черты гармонии Прокофьева. – М.: Музыка, 1967. – 476 с.
4. Эйзенштейн С. М. Патриотизм - моя тема // Избранные произведения. – Т. 1. – М.: Искусство, 1964. – С. 161–164.

Сведения об авторе

Шестакова Анна Станиславовна – магистрант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0008-4787-0755, e-mail: Shestakova.lady-ann89@yandex.ru

УДК 37.022
ГРНТИ 14.15.07

Образовательный ресурс постановки этнического танца в современном междисциплинарном дискурсе полинационального социума

ЯН СИЦЗИН, М. Д. КОРНОУХОВ

В статье музыкальная культура отдельного этноса выступает как ценный образовательный ресурс укрепления национального единства многонационального и многоконфессионального государства. Этнический танец имеет свои характерные особенности, особенно значимые для продвижения идеи национального единства. Например, междисциплинарность музыкального фольклора, проявляемая, в частности, в его театрализации. Это некое обрядовое действо со множеством глубинных символов, аллюзий, метафор. Также имеет значение визуальный ряд танца – стилистика не только движений, но и костюмов, внешнего вида и макияжа его

[1] Нас не отменить! Шедевры русской культуры [Электронный ресурс]. URL: https://rutube.ru/plst/290502/ (дата обращения: 10.04.25).

героев-участников. На примере нескольких монгольских танцев раскрывается художественное своеобразие и патриотичность данного репертуарного сегмента. Постановка этнических танцев в учебном процессе хореографического класса педагогических вузов даёт возможность формирования у будущих специалистов ключевых междисциплинарных компетенций, соединяя в единое целое режиссуру, выбор музыкального материала, обращение к национальной истории, пластику движений, художественное содержание, тем самым существенно расширяя выразительные средства современного танцевального искусства. Кроме того, на музыкальном фольклоре воспитываются эстетические, патриотические и нравственные качества педагога-хореографа. А это очень важно, учитывая специфику музыкально-педагогической профессии, её объединяющую и направляющую роль в преемственности поколений, осознания ими гражданской свободы и национального единства.

Ключевые слова: музыкальное образование, хореографический класс, этнические танцы, национальное единство, просветительский аспект.

Российская и китайская музыкально-образовательные системы имеют, при всех исторических, культурологических, конфессиональных и прочих отличиях и немало общего. Это, например, значительные социально-политические потрясения XX в., повлиявшие на все сферы общественной жизни, в том числе, и на образование. Это и традиционно значимый просветительский компонент в музыкальном обучении, его массовый характер [Шумилова]. Но есть ещё один немаловажный объективный фактор, значимость которого все более возрастает в современном глобальном мировом пространстве, где стираются привычные государственные границы, языковые и культурные барьеры [Громова]. И Российская Федерация, и Китайская Народная Республика являются многонациональными и многоконфессиональными государствами, в которых музыкальная культура отдельного этноса выступает как ценный образовательный ресурс укрепления национального единства.

В этом контексте, этнический танец имеет свои характерные особенности, особенно значимые для продвижения идеи национального единства. Эти спецификации свойственны фольклору любого народа [Ли Чицян]. Например, междисциплинарность музыкального фольклора. В жанре этнического танца это проявляется, в частности, в его театрализации. Это некое обрядовое действо со множеством глубинных символов, аллюзий, метафор. Для Китая, страны, в которой проживают более пятидесяти различных народностей, имеет значение визуальный ряд танца – стилистика не только движений, но и костюмов, внешнего вида и макияжа его героев-участников.

Музыкальный компонент – это, как правило, монодийное пение под аккомпанемент остинатных ударных и свободно-импровизированных струнных инструментов [Тянь Цзинцзин]. Каждая деталь имеет символическое значение. Один их самых распространённых вариантов – аллегорические образы животных, птиц, растений. Все они несут смысловые нарративы своего народа, его истории и культуры. Как не может полноводная река существовать без множества притоков и ручейков, так и эти малые народности «вливаются» в единое государственное «русло», не теряя при этом своей идентичности [Ван Хуади]. Постановка этнических танцев сегодня имеет громадное значение в профессиональной подготовке китайских педагогов-хореографов. Эти компетенции (музыкально-

репертуарные, режиссерско-постановочные, пластические, театральные, организаторские) очень востребованы в их будущем трудоустройстве в качестве руководителей детских танцевальных коллективов [Сяо Сухуа].

Рассмотрим это на примере крупнейшей автономной области Китая – Внутренней Монголии. Монгольский народный танец отличается самобытным стилем, отражающим повседневный труд, религиозные верования, праздники, обычаи, коммуникацию данной этнической группы. Кроме этого, на стиль движений и музыкальные характеристики влияет география и климата. Монгольский народ очень любит пение и танцы. Это национальная культурная традиция проведения различных празднеств. Монголы очень гостеприимны и часто приглашают на праздники своих друзей и родственников, чтобы наполнить чаши вином, петь и танцевать. Своеобразным культурным брендом этого региона является танец Андай, занимающий важное художественное положение и культурную ценность в истории монгольской народной песенно-танцевальной культуры [Фань Цзин].

Существуют две основные формы традиционных танцевальных постановок – большой Андай и малый Андай. Первый носит развлекательный характер, проводится в основном в конце лета и осенью, представления обычно длятся от одной до трёх недель, иногда даже больше, причем количество людей не ограничено. Малый Андай ориентирован на «изгнание духов», оздоровительный эффект, а время и масштаб мероприятия зависят от состояния пациента и пожеланий его семьи. Традиционный Андай в основном состоит из пения и дополняется танцами. Он характеризуется тем, что пение ведет один человек, а все остальные повторяют вспомогательные слова, такие как «Бенбулай» и «Ахаха», почти без инструментального сопровождения (за исключением барабанов).

В дальнейшем, танцевальная составляющая (выражающая повышенный эмоциональный градус) постепенно увеличивалась. Танцор «Бо», играющий главную роль в исполнении малого Андая, это шаман, который развивает и стандартизирует движения первоначально простого танца. В настоящее время это настоящий кроссдисциплинарный фестиваль музыкального этноса часто с многотысячной аудиторией зрителей. Причём исторически акцент художественного содержания смещался с образов жертвоприношения и шаманства в сторону декоративной театрализации и массовых народных развлечений, доминирования образов местной природы, в частности, знаменитых лугов Хорцин [Вэй Лили]. Аутентичными остаются основные мелодии и движения, персонажи и сюжеты, которые, тем не менее, подверглись значительным корректировкам и трансформациям в аранжировках современных китайских композиторов и хореографов-постановщиков. По характеру, это, в основном, чистые, радостные и веселые эмоции и традиции «танца вокруг» и «шага и танца», отражающие жизнерадостный и оптимистичный характер простых монголов. Эти нарративы можно условно разделить на три смысловых вектора – «воспевание национальных чувств», «выражение личных чувств» и «прославление хорошей жизни».

Пример первого – мужской групповой танец «Борец – мужской ветер», в котором моделируется сцена боя. Танцоры имитируют позы летящего орла, бегущего льва и других характерных образов. Концепция этого танца подняла художественные элементы монгольского танца, формирование зримого образа персонажа и жесткой танцевальной харизмы на высоту своеобразного воплощения духа нации и стиля эпохи.

Другой образец – мужской групповой танец «Монгольские шахматы», воссоздающий игру боевого строя и духа на полях сражений, а также монгольскую национальную силу и мудрость. Монгольские сянци – разновидность шахмат, популярных в древнемонгольском обществе. Доска и фигуры – черные и белые, причем «слон» вырезан в виде верблюда, а «пешки» – изображения собак. Хореограф включает образ и символику «сянци» в мужской танец, где участники стоят лицом друг к другу, но одеты в одинаковые костюмы, нарушая правила игры. В обе стороны наступления и отступления, в атаку и оборону, в круговой путь, чтобы показать приобретение и поражение, эти две стороны объединены с мужским и женским хором в единый визуальный и слуховой огромный сценический ряд, богатый полной игрой танцевальных характеристик, дающий зрителям больший простор для воображения.

Также в монгольской народной музыке и танцах широко представлены произведения, выражающие личные эмоции. Семейная привязанность, любовь, дружба, самые искренние и простые эмоции – все это проникает в произведения искусства. Так, например, известный монгольский танцовщик Баузана создал свой сольный танец «Материнская любовь», основываясь на личном опыте. Это произведение было создано после смерти его матери, и он, как хореограф, ярко и творчески воплотил в танцевальных движениях и музыкальном оформлении свои глубокие чувства к матери и её образ. Этот танец произвел фурор, когда был впервые исполнен на сцене. В нём есть такое действие – танцовщица сравнивает свое тельце с младенцем, держа его на руках и раскачивая из стороны в сторону. В это время звучит монгольская народная песня «Нуонжия», и такое взаимодействие языка тела и языка музыки приводит к кульминации. Танец показывает все этапы – от рождения ребенка, до того, как мать может носить, держать, вести, вырастить, отослать в деревню как выражение роста любви матери к ребенку. В момент расставания мать вытирает слезы манжетами – это самая обычная сцена в жизни, и хореограф уместно использует ее в танцевальном языке, производя потрясающий художественный эффект.

В целом, оптимистический склад характера монгольского народа выражается в прославлении счастливой жизни средствами танца и пения. Специфическая экологическая среда, хозяйственный аграрный уклад и культурное происхождение монгольского народа обусловливают его типично кочевой образ жизни и соответствующую культуру. Именно поэтому монгольские люди, поколениями живущие на пастбищах, отличаются естественной простотой и невинностью, а их восхваление хорошей жизни символически относится к чистым белым облакам и голубому небу как характерным танцевальным образам.

Яркая иллюстрация этого – групповой «Ордосский танец», вобравший в язык танцевальных движений сцены пастушеской жизни, такие как «дойка буйволиц», «езда верхом на лошадях», «расчесывание волос». Это характерная «тряска плечами» и «вскидывание рук». Более обрядовую направленность имеет «Танец Чама», передающий буйный темперамент нового поколения монгольской молодежи со времен основания Китая с помощью больших взмахов рук у мужчин, а у женщин – «жесткое плечо», «поворот запястья внутрь и наружу». Музыкальное оформление одновременно легкое и необузданное, создающее радостную атмосферу, демонстрирующее стремление к новой жизни, жизнерадостный настрой и любовь к родине.

Постановка этих и многих других этнических танцев в учебном процессе хореографического класса педагогических вузов даёт возможность формирования у будущих специалистов ключевых междисциплинарных компетенций, соединяя в единое целое режиссуру, выбор музыкального материала, обращение к национальной истории, пластику движений, художественное содержание, тем самым существенно расширяя выразительные средства современного танцевального искусства [Ануфриева]. Кроме того, на музыкальном фольклоре воспитываются эстетические, патриотические и нравственные качества педагога-хореографа [Макарова]. А это очень важно, учитывая специфику музыкально-педагогической профессии, её объединяющую и направляющую роль в преемственности поколений, осознания ими гражданской свободы и национального единства.

Список источников

1. Ануфриева С. Г. Выразительные средства в современной хореографии / С. Г. Ануфриева, А. А. Ситникова // Искусство. Педагогика. Культура: сб. науч. и науч.-метод. ст. Вып. 5 / Санкт-Петербург, отделение об-ния педагогов фортепиано «ЭПТА»; Санкт-Петербург. Центр развития духовной культуры. – СПб.: Издательство «НИЦ АРТ», 2022. – С. 30–35.

2. Ван Хуади. Исследование эстетического аспекта в преподавании танца / Ван Хуади. – Чжэцзян: Форум аналитических центров, 2018. – 208 с. (на китайском языке)

3. Вэй Лили. Музыкально-эстетическое воспитание подростков средствами этнического танца в образовательных организациях КНР: дис. … канд. пед. наук. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. – 200 с.

4. Громова Е. В. Динамика целеполагания хореографического образования в сфере народной художественной культуры // Вестник СПбГИК. – № 1(42). – СПб.: СПбГИК, 2020. – С. 128–137.

5. Ли Чицян. Разговор о хореографии. – Ханчжоу: Чжэцзянское народное издательство, 1981. – 110 с. (на китайском языке)

6. Макарова В. Г. Выразительность в исполнительском искусстве хореографии и метод её развития // Педагогика искусства: сетевой электронный научный журнал. – 2020. – №1. – С. 104–110. – URL: http://www.art-education.ru/sites/default/files/journalpdf/makarova 104-110

7. Сяо Сухуа. Теория и техника современной хореографии / Сяо Сухуа. – Пекин: Издательство Китайского университета Минзу, 2012. – 272 с. (на китайском языке)

8. Тянь Цзинцзин. Музыкальный компонент обучения будущих педагогов-хореографов в педагогических университетах современного Китая // Человеческий капитал. – № 11. – 2022. – С. 170–176.

9. Фань Цзин. Создание культурных брендов как музыкально-просветительская образовательная модель развития культуры этнических меньшинств в современном Китае // Музыка. Культура. Педагогика: материалы VI междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2019. – С. 145–150.

10. Шумилова Е. Н. Просветительский компонент профессиональной подготовки музыканта-педагога в вузе: учеб. пособие / Е. Н. Шумилова, М. Д. Корноухов. – СПб.: Астерион, 2022. – 64 с.

Сведения об авторах

Ян Сицзин – аспирант кафедры фортепиано, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: sobaka.mk@mail.ru

Корноухов Михаил Дмитриевич – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры музыкальных дисциплин Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: sobaka.mk@mail.ru

ТЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

УДК 821
ГРНТИ 17.82.33

Рецепция «Седьмой симфонии» Д. Д. Шостаковича в отечественной поэзии: музыка как выражение духа эпохи и объединяющая сила в борьбе с фашизмом

Л. И. ВИГЕРИНА

В статье исследуется поэтическое отражение Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича в произведениях блокадников, поэтов-фронтовиков. С использованием интермедиальной и интертекстуальной методики анализа текста рассматриваются вопросы «перевода» Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича с языка музыкального искусства на язык словесного, особенности ее поэтического истолкования. Делаются выводы о значении Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича для национальной культуры в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. как важнейшего музыкального произведения, отразившего напряженную борьбу советского народа с фашизмом, уверенность в грядущей победе над врагом.

Ключевые слова: «Седьмая симфония», Д. Д. Шостакович, интермедиальность, вербальная музыка, Ю. Воронов, Н. Савков, М. Матусовский, А. Межиров.

Создание «Седьмой симфонии» Д. Д. Шостаковичем и ее исполнение 29 марта в Москве под управлением С. Самосуда, а позднее – 9 августа того же 1942 г. в блокадном Ленинграде оркестром под управлением К. И. Элиасберга стали важнейшими событиями не только национальной истории, но и мировой.

Первому исполнению Ленинградской симфонии в блокадном Ленинграде придавалось государственное значение: командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров руководил операцией «Шквал» по огневому подавлению противника во время исполнения Седьмой симфонии в Большом зале Ленинградской филармонии, солдаты-музыканты были откомандированы с фронта для пополнения оркестра, партитуру симфонии доставили в Ленинград на военном самолете.

Восприятие Седьмой симфонии Шостаковича и ее первые исполнения в Москве и блокадном Ленинграде нашли широкое отражение в отечественной художественной культуре (изобразительном искусстве, кино, балете), литературе и публицистике: фильм «Ленинградская симфония» (1957) режиссера З. Аграненко, восьмисерийный телефильм «Ленинградская симфония» (2021) режиссера А. Котта, балет И. Д. Бельского «Ленинградская симфония» (1961), балет Б. Г. Ауюханова «Ленинградцы, дети мои, ленинградцы, гордость моя!» (2009), повесть Т. С. Цинберг «Седьмая симфония», блокадная лирика, публицистика военного времени А. Н. Толстого, Е. Петрова, О. Берггольц, Г. П. Макогоненко и др., дневники и воспоминания, переживших блокаду (В. Инбер «Почти три года. Ленинградский дневник», О. Берггольц «Говорит Ленинград»).

В данной статье будет представлен анализ стихотворений Ю. П. Воронова, Н. В. Савкова, А. П. Межирова, М. Л. Матусовского, посвященных Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича. Актуальность исследования определяется, с одной стороны, отсутствием в литературоведении подобных работ на указанном материале, с другой – интересом современной науки к проблеме взаимодействия литературы и музыки.

Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича, ее первому исполнению в блокадном Ленинграде посвятил свою **«Балладу о музыке» Ю. П. Воронов** (1929–1993), сам переживший блокаду еще подростком.

Выбор балладной формы поэтом определяется спецификой темы, к которой он обратился: концерт в блокадном Ленинграде, который фашисты считали уже мертвым.

Жанр баллады, как указывает С. Н. Бройтман, «восходит к весенним хоровым и плясовым песням, имевшим ритуальный смысл: они должны были помочь возродиться тому, что умерло на зиму, – земле, росткам, покойникам. Позже одним из архетипических балладных сюжетов станет приход мертвеца в мир живых…» [Теория литературы, с. 330].

В стихотворении Ю. П. Воронова изображается «израненный город», умирающие, но не сдающиеся жители Ленинграда: музыканты, зрители. Сюжетом стихотворения является сюжет воскресения («лица людские воскресли»): музыка вдохнула жизнь, музыка неслась над городом, над миром, «крушила безмолвие» и была залогом будущей победы сил добра над злом.

Связь с жанром баллады поддерживается в стихотворении также за счет обращения к исторической тематике, к трагическим страницам национальной истории. Обостренный интерес к балладному жанру наблюдается обычно в литературе в кризисные периоды истории. М. Л. Гаспаров совершенно справедливо указывал, что «в советской поэзии форму баллады часто получали стихи о подвигах в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов…» [Гаспаров, с. 45].

Отметим, что баллада, балладные мотивы используются и в блокадной лирике (например, Лифшиц В. Баллада о черством куске).

В «Балладе о музыке» Ю. П. Воронова, как и в каноне фольклорной баллады, есть «рассказ о чудесном, сверхъестественном» [Теория литературы, с. 330] событии, а также присущие литературной балладе таинственность и трагизм [Гаспаров, с. 45]. Правда, чудесное, сверхъестественное здесь – это то невозможное, с обычной точки зрения, что совершают защитники Ленинграда, музыканты симфонического оркестра блокированного города, каждый из которых от страшного голода, холода, пережитых испытаний мог скончаться на сцене, поэтому «в последнем ряду посадили врача, / А рядом, / На случай возможной замены, / Стояли / Ударник и два скрипача».

Эпический сюжет в стихотворении имеет балладный характер: напряженное противостояние людей слепой (иррациональной) стихии холода, мрака, вихря, смерти.

Своеобразие «Баллады о музыке» состоит в сочетании конкретно-исторического и мифологического, мистериального. С одной стороны, поэт вводит конкретные приметы времени и пространства, разворачивая сюжет из блокадной жизни. Как справедливо пишет К. Бикбулатова, стихотворение «начинается с нескольких подчеркнуто прозаических подробностей выступлений знаменитого блокадного оркестра «под гул канонады» в полутемном зале Филармонии. Трагические реалии быта: саночки, на которых музыканты везли через заледеневший город валторны и скрипки, врач, сидящий «на всякий случай», в последнем ряду выступающих, представители в случае горькой необходимости «возможной замены», ушанки и пальто на старинном бархате кресел» [Бикбулатова]. С другой стороны, художественное пространство и время расширяются до образа мира, вселенной, где борются стихии мрака и света, смерти и жизни, бытия и небытия. Метафора «звуки (оркестра) обрушили свой водопад» вводит архетипический образ воды, «источника воды живой» и наряду со словом «воскресли (лица)» формирует сюжет возрождения, воскресения в стихотворении. Образ воды здесь может быть рассмотрен как в фольклорном контексте (образ живой воды в русском фольклоре), так и в библейском (евангельском, «источник воды живой» (Ап. 21, 6)): «Но лица людские **воскресли**, / Лишь звуки настройки / Нестройною песней / Внезапно обрушили свой **водопад**…».

Исполнение симфонии оркестром изображается как напряженная борьба со стихией Зла, со Смертью, стремящейся уничтожить жизнь, музыку, музыкантов:

Им холод
Кровавит застывшие губы,
Смычки выбивает из рук скрипачей.
Но флейты поют,
Надрываются трубы,
И арфа вступает,
Как горный ручей.
И пальцы
На лёд западающих клавиш
Бросает, не чувствуя рук, пианист…

В балладе стихии и абстрактные явления обретают персонифицированный вид благодаря использованию метафор и олицетворений: холод кровавит, выбивает смычки из рук скрипачей, арфа вступает. Так возникает символическая картина поверх конкретно-исторического сюжета.

Седьмая симфония Шостаковича в поэтическом прочтении Ю. Воронова – это музыка о духовной победе ленинградцев, о торжестве сил добра, правды в мире и реквием по погибшим. Поэт находит точную поэтическую формулу для определения характера тональности Седьмой симфонии Шостаковича и основного ее смысла, а также масштаба осмысления войны как конфликта, от разрешения которого зависит судьба мира:

Над вихрем
Бушующих вьюг и пожарищ
Их звуки
Победно и скорбно неслись…

Риторический вопрос, которым завершается баллада, обращен к читателю, делает его причастным рассказываемому событию, ставит читателя на место жителей блокадного города: «Вы так бы смогли, / Если б вы умирали?..»

Последние строки отсылают к известному стихотворению В. В. Маяковского «А вы могли бы?»: «А вы / Ноктюрн сыграть / могли бы / на флейте водосточных труб?», – и устанавливают интертекстуальную связь между ними, подчеркивающую, с одной стороны, эстетическую общность позиций поэтов (использование гиперболических образов, романтическая устремленность к идеалу, интерес к сильной личности), а с другой – различие: абстрактному образу художника-максималиста у Маяковского противопоставлены образы музыкантов, которые выполняют высокую миссию: игра оркестра изображается как подвиг, сопряженный с жертвенностью, музыка – как сила в борьбе со злом (крушила безмолвие, мрак).

Н. В. Савков (1921–1977), участник операции «Шквал», которая обеспечивала безопасность Ленинграда во время исполнения Ленинградской симфонии Д. Д. Шостаковича, отразил в стихотворении «Ленинградская симфония» (1942) непосредственное впечатление современника от первого исполнения этого произведения.

Поэт создает «литературную имитацию музыки посредством слов» (вербальную музыку» (по терминологии С. П. Шера)), с помощью которых он стремится «раскрыть конкретное музыкальное произведение, его композицию и впечатление, производимое на слушателя» [Брузгене, с. 95].

Н. В. Савков передает с помощью средств словесного искусства борьбу двух музыкальных тем симфонии – войны и мира:

Люди города-фронта симфонии строгой
Сердцем слушают звуки, прикрыв глаза.
Показалось на миг им безоблачным небо.
Вдруг… В симфонию звуки грозы ворвались.
<…>
Симфонию мужества город слушал,
Забыв о войне и вспомнив войну…

Поэт подчеркивает единство слушателей, завороженных музыкой, слившихся с ней в едином переживании, чувстве:

Показалось на миг им безоблачным небо.
Вдруг… В симфонию звуки грозы ворвались.
И сразу лица, полные гнева,
И пальцы до боли в кресла впились.

Музыка вдохновляет на борьбу, «ярость благородная» закипает в груди тех, кто слышит в музыке Шостаковича, как «что-то железное идет по человеческим костям», как «чудовище с цинковой мордой…неумолимо и методично шагает» [Петров, с. 52–53], уничтожая все на своем пути.

Если в первой части стихотворения (1–3 строфы) речь идет о концерте, о Седьмой симфонии Шостаковича, то во второй части – об операции «Шквал» по защите города от артобстрелов во время исполнения симфонии.

Поэт соотносит Ленинградскую симфонию Шостаковича и симфонию артиллерийских орудий, защищающих Ленинград. Эта эквивалентность придает образу музыки значение силы, борющейся с врагом:

И в зале шквал, и по фронту шквал…

Поэт обыгрывает название военной операции «Шквал» под командованием Л. А. Говорова, в которой он участвовал, используя в стихотворении метафору «шквал» в зале и «шквал» на фронте.

В стихотворении отражен подвиг тех, благодаря которым концерт состоялся:

И не знали они (слушатели – Л. В.), что, когда в знак начала
Дирижерская палочка поднялась,
Над городом-фронтом, как гром величаво,
Другая симфония раздалась.
Симфония наших гвардейских пушек,
Чтоб враг по городу бить не стал,
Чтоб город Седьмую симфонию слушал,
И в зале шквал, и по фронту шквал…

Бойцы исполнили свою задачу, как и музыканты оркестра, чтобы музыка наполнила защитников Ленинграда «высокими и гордыми чувствами», дала им веру в Победу:

А когда разошлись по квартирам люди,
Полны высоких и гордых чувств,
Бойцы опустили стволы орудий,
Защитив от обстрела площадь Искусств.

А. П. Межиров (1923–2009) ушел на фронт 18-летним юношей, воевал на Западном и Ленинградском фронтах.

В стихотворении «Музыка» трагизм войны изображается с помощью музыкальных образов и ассоциаций.

Образ натянутой струны выражает накал борьбы с фашизмом, напряжение всех сил народа в деле освобождения родины:

И через всю страну струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души и тела топтала.

Шостакович и Бетховен предстают в стихотворении как выразители духа двух народов: русского и немецкого. Однако автор подчеркивает и разницу между ними. Шостакович предстает в стихотворении голосом своего народа:

Стенали яростно, навзрыд,
Одной– единой страсти ради
На полустанке – инвалид,
И Шостакович – в Ленинграде.

Бетховен же, как писала немецкая газета «Берлинер Цайтунг» в 1946 г., – «идеалистом-одиночкой» [цит. по: Третьякова, с. 151]:

Солдатам голову кружа,
Трехрядка под накатом бревен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.

Поэт противопоставляет народную песню и симфонию Шостаковича как выражение духа и аксиологии русского национального мира, объединяющей силы народа – музыке Бетховена как выражению духа романтической личности.

Поэт-фронтовик А. Межиров в своем стихотворении подчеркивает особое значение Шостаковича и его Седьмой симфонии для судьбы страны, связь композитора с народом, которая и обусловила появление такого музыкального произведения, которое смогло выразить, по словам А. Н. Толстого, народное понимание происходящего, национальный дух: «Седьмая симфония возникла из совести русского народа, принявшего без колебаний смертный бой с черными силами. <…> Национален в симфонии сам Шостакович, национальна его русская рассвирепевшая совесть, обрушившая седьмое небо симфонии на головы разрушителей» [Толстой, с. 373].

В стихотворении **М. Л. Матусовского** (1915–1990) «Седьмая симфония в Москве» передано восприятие музыки, но не индивидуальное, а характерное для всего народа, частью которого поэт себя чувствует:

Как будто из мрака ночей
Дошли к **нам** порывы метели…

Он обращается к участникам концерта в Москве в феврале 1942 г.:

Наверное, помните **вы**,
Как стужа тогда пронизала
Ночные кварталы Москвы,
Подъезды Колонного зала.

Зрительный зал изображается как единый организм, захваченный общим переживанием:

Над миром взрывалась гроза.
Еще никогда на концерте
Так близко не чувствовал зал
Присутствия жизни и смерти.

Музыка побеждает хаос, стихию мрака, метели, холода, стужи, смертельного огня, противостоит смерти:

Ей пламя дышало в лицо,
Глушила ее канонада.
Она прорывала кольцо
Блокадных ночей Ленинграда.

Мгла, хаос «расписаны», подчинены музыкальным законам композитором:

И эта ненастная мгла,
В траншеях свиставшая хмуро,
Никем до него не была
Расписана, как партитура.

Музыкальное произведение интерпретируется как победа композитора над Хаосом.

Борьба, изображенная в симфонии, в поэтической интерпретации М. Л. Матусовского, имеет космический, всемирный масштаб: это извечная борьба добра и зла, хаоса и космоса, дисгармонии и гармонии.

Поэт подчеркнул действенность музыки: пробивала блокадное кольцо, гудела в глухой синеве, летела в Москву, превращалась в Москве в сирену воздушной тревоги.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы.

Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича в поэтической рецепции поэтов военного времени являлась выражением трагизма переживаемой исторической эпохи, реквиемом по погибшим, обвинением фашизма и уверенности в будущей победе, торжестве человечности.

Поэты средствами словесного искусства стремились передать тональность, ритм музыки Шостаковича, используя синтаксический параллелизм, анафоры и эпифоры и некоторые другие приемы. В стихотворениях зеркально отразилась многослойность содержания симфонии: конкретно-историческое событие XX в. приобретает символический характер, масштаб мистерии, апокалиптическую трактовку.

Седьмая симфония Шостаковича осмыслена поэтами как объединяющая народ сила в едином стремлении к победе над разрушительными силами зла.

Список источников

1. Бикбулатова К. Воронов Ю. П. // Электронное издание «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век». URL: https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/v/voronov--374 (дата обращения: 13.04.25).

2. Брузгене Р. Литература и музыка: о классификациях взаимодействия // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 6. – С. 93–99.

3. Гаспаров М. Л. Баллада // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.

4. Петров Е. Торжество русской музыки. На репетиции Седьмой симфонии // Дмитрий Шостакович. – М.: Советский композитор, 1968. – 536 с.

5. Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 2: Бройтман С. Н. Историческая поэтика. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.

6. Третьякова Л. С. Дмитрий Шостакович. – М.: Советская Россия, 1976. – 240 с.

7. Толстой А. Н. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. – М.: Художественная литература, 1986. – 511 с.

Сведения об авторе

Вигерина Людмила Ивановна – кандидат филологическихских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-4919-2343, e-mail: livigerina@yandex.ru

УДК 82
ГРНТИ 17.82.90

«Как войну бескровно-безденежно провести», или Образ солдата-михрютки в сказке Саши Черного «Мирная война»

М. А. ЖИРКОВА

В сказке Саши Черного «Мирная война» невзрачный и тщедушный солдат – михрютка оказывается подлинным героем: помогает королям, не знающим, как выйти из сложившейся конфликтной ситуации, и спасает два королевства от наметившейся было войны. Простой солдат себя ведет как настоящий военный стратег и тактик, именно он определяет дислокацию войск на границе государств, отдает распоряжения на самом «поле боя», объясняет правила, следит за их соблюдением и разъясняет исход «поединка».

Ключевые слова: Саша Черный, литература русского зарубежья, образ солдата, сказка, комическое, ирония, юмор.

«Солдатские сказки» Саши Черного (Александр Михайлович Гликберг, 1880–1932) вышли после смерти автора – в 1933 г. Сборник отражает опыт самого писателя, служившего во время Первой мировой войны в госпитале. Действие многих сказок связано с казармой, госпиталем, звучат различные воинские звания, упоминаются сестры милосердия, лекари. В тексте сказок присутствуют отсылки к реалиям войны, но сами военные действия не изображаются. Это комические социально-бытовые сказки, в которых обозначена принадлежность героя к определенному сословию, дан широкий социальный срез: от царей и королей, генералов и полковников до крестьян и солдат; сохраняются сословные и внутриармейские отношения, бытовые реалии народной жизни и армейского уклада. Чудесное в «Солдатских сказках» связано с крестьянским бытом, народной и солдатской средой. Сказочная условность – это необычность, нелепость или анекдотичность бытовых ситуаций, в которые попадают герои А. Черного; реже проявляется какое-либо волшебство. Смеховое начало пронизывает различные слои сказок: сюжет, героев, стиль, язык. Комический модус определяется легкой иронией и мягким юмором, отчасти фривольностью. Смех становится позитивным началом: с юмором подается военная обстановка, солдатский быт.

Образ главного героя сказок А. Черного – солдата – неоднороден. Он, с одной стороны, близок фольклорному герою бытовых народных сказок: наивный, простодушный, но смекалистый и удачливый. А с другой – есть персонажи отличные от него: незадачливый и неловкий, застенчивый и стеснительный, мечтатель и фантазер, любитель женского пола и вина. Солдаты А. Черного не совершают героические подвиги, не участвуют в военных сражениях, но они спасают и помогают, правда, иногда сами попадают в неловкие ситуации.

Один из типов в «Солдатских сказках» Саши Черного – солдат – михрютка. Так назван герой сказки «Мирная война»[1], упоминается такой тип и в другой – «Лебединая прохлада». Словари дают несколько значений слова «михрютка»:

[1] Первая публикация состоялась в рижской газете «Сегодня» от 27 апреля 1930 г.

1) домосед, бирюк, нелюдим [Даль, с. 336; Фасмер, с. 630]; 2) неловкий, неуклюжий, увалень [Даль, с. 336; Фасмер, с. 630]; 3) тщедушный, невзрачный, замухрышка [Современный словарь, стлб. 1065]. Несмотря на негероические определения, такой солдат – михрютка в сказке «Мирная война» помогает королям, не знающим, как выйти из сложившейся ситуации, и спасает два королевства от наметившейся было войны. Сюжет сказки прост: из-за жульничества во время игры в шашки возникает ссора между королями, и мирные до этого королевства готовятся к никому не нужной войне. Спасение, предложенное солдатом Лукашкой, портным в мирной жизни, выручает всех, и сказка заканчивает всеобщим примирением.

«Два махоньких королевства», похоже, годами жили мирно, короли между собой дружили. На границе между государствами установлен павильон, объединяющий оба: одна половина стоит на территории одного королевства, другая на территории соседнего. Короли и их королевства мало чем отличаются друг от друга, разве что один король постарше и уже сед, а другой – младше и еще русоволос, да солдатские мундиры разного цвета: у одного солдаты в синих штанах, у другого – в желтых. Занятия у них похожие и описаны без разделения между королевствами: «Дел на пятак: парад на лужке принять, да кой-когда, – министры ежели промеж собой повздорят, – чубуком на них замахнуться» [Черный, с. 269].

Конфликт возникает скорее от скуки, но никто уступить друг другу не хочет, королевские амбиции оказались важнее признания ошибки. Один король другого каптенармусом обозвал. Каптенармус – это «должностное лицо в роте (батарее, эскадроне, эскадрилье), ведающее получением, учетом, хранением и выдачей оружия, одежды, снаряжения и другого имущества» [Ганичев, с. 121], получается что-то вроде кладовщика или хозяйственника – обидно такое услышать королю, стоящему во главе государства.

Развитие конфликта за шашками, и сами короли описаны комически: вместо королевской мантии на младшем короле халат надет, полой которого он в пылу ссоры смахивает шашки с игрового поля; второй король хватается за чубук, который у него за пояс заткнут, вместо меча; стража тоже не может оказать им поддержку, никакого оружия, ввиду тихой и мирной жизни, она с собой не носит.

Подготовка к войне жителями воспринимается по-разному. Для детей предстоящая война всего лишь игра, забава: «Кто на пике, заднюю губернию заголив, верхом скачет... Иные друг против дружки стеной идут, горохом из дудок пуляют. Кого в плен за волосья волокут, кому фельдшер прутом ногу пилит» [Черный, с. 270]. Взрослое население серьезно, насколько это возможно в сказке, готовится к войне. Мужики чистят оружие, маршируют, бабы чинят обмундирование: «Стучат-гремят по обеим сторонам кузнецы – пики куют, мечи правят. Старички из пушек воробьиные гнезда выпихивают, самоварной мазью медь начищают. Бабы из солдатских штанов моль веничком выбивают, мундиры штопают, – слезы по ниткам так и бегут. Мужички на грядках ряды вздваивают, сами себе на лапти наступают» [Черный, с. 269–270]. Согласимся с А. С. Ивановым, что описание подготовки к войне перекликается с военными приготовлениями в Белгородской крепости в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» [Иванов,

с. 447], с эпизодом, когда Иван Игнатьич «вытаскивал из пушки тряпички, камушки, щепки, бабки и сор всякого рода, запиханный в нее ребятишками». Однако, в отличие от драматической пушкинской истории, в сказке Саши Черного доминирует комическое начало.

Иронический эффект создается за счет соседства рядом с военными атрибутами мирных, далеких от войны: самоварная мазь, грядки, лапти. Все это характеризует мирную жизнь народа до этой ссоры: и моль завелась, и птицы гнезда в пушках свили, и мужики маршировать разучились. Все это происходит в каждом королевстве, переживания и неготовность одинаковы для всех. Короли сами не хотят воевать, а как выйти из положения, не знают: «Призадумались короли. Однако по ночам не спят, ворочаются, – война больших денег стоит. А у них только на мирный обиход в обрез казны хватало. Да и время весеннее, боронить-сеять надо, а тут лошадей всех в кавалерию-артиллерию согнали, вдоль границы укрепления строют, ниток одних на амуницию катушек с сот пять потребовалось. А отступиться никак невозможно: амбицию свою поддержать кажному хочется» [Черный, с. 270].

Помощь предлагает солдатик Лукашка, что фуражки шьет: «смотреть не на что: из себя михрютка, голенища болтаются, фуражка вороньим гнездом, – даром что сам мастер» [там же]. Примечательно, что Лукашка, занимаясь мирным ремеслом, назван не по роду занятия – портной, а по воинскому званию. Даже в описании одежды указаны те ее предметы, которые можно отнести к воинскому обмундированию: *голенища* сапог, *фуражка*[1]. У него и прозвище есть подходящее – трынчик, т.е. узкий ремешок для крепления, например, ружейного ремня к ложу винтовки или седельных сумок к седлу [Словарь, т. 4, с. 404][2]. По-видимому, военная служба у него осталась в прошлом, а вот восприятие героя как причастного к ней сохранилось. Но солдатишка он *завалящий*, т.е. «долго пролежавший без употребления; плохой, ненужный» [Словарь, т. 1, с. 499]. Он тщедушный и невзрачный, простой солдат, портной, единственное у него занятие для души – лечебница для живой твари: «Галчонок, скажем, из гнезда выпадет, ушибется. Я подлечу, подкормлю, а потом выпущу…» [Черный, с. 270]. Кажется, что герой полностью соответствует словарным определениям. Даже зовут его не Лукой, а Лукашкой. Однако он совсем не так прост, как кажется вначале, например, он инициативен, сам приходит с предложением помощи, перед королем не робеет, «смотрит весело, не сморгнет». Примечательна его характеристика: «Молоканского толку, не пьет, не курит, от говяжьей порции отказывается», которая вызывает положительную реакцию короля: «Молокане, они умные бывают» [Черный, с. 270].

Молоканство – одна из христианских духовных сект в России, которую, по преданию, организовал крестьянин из Тамбовской губернии, тоже портной по

[1] Все выделения курсивом принадлежат автору данной статьи.

[2] Возможно, трынчик – это уменьшительно-ласкательное от слова «трынка» – старинная мелкая монета, копейка серебром, позже три копейки [Словарь, т. 4, с. 420]. В каждом своем значении прозвище акцентирует малость и незначительность человека.

роду занятий [Буткевич, с. 281]. Сложно сказать, знал ли Саша Черный историю секты, можно предположить встречу писателя с ее последователями во время его службы в госпитале в Первую мировую войну. Тамбов упоминается в «Солдатских сказках» единожды и только в этой. С тамбовскими уездами рассказчик истории «Мирной войны» сравнивает в начале сказки размеры королевств: «За синими, братцы, морями, за зелеными горами в стародавние времена лежали два махоньких королевства. Саженью вымерять – не более двух тамбовских уездов» [Черный, с. 268]. В тамбовской губернии молоканство зародилось в XVIII в. и оттуда получило распространение по России. По учению молокан, пост не связан с отказом от конкретной пищи, они не различают скоромную от постной [Буткевич, с. 365], важен отказ от любого питья и пищи в пост, который для них определяется чувством греховности и преобладанием плоти над духом, а не конкретными днями. Поэтому то, что герой сказки отказывается от мясной пищи – это его личное решение. Но учение молокан действительно осуждает употребление вина [Там же, с. 365]. Зато «сущность поста они полагают в воздержании от грехов и в делании добра» [Там же, с. 365]. Ссора королей происходит весной и, возможно, приходится на Великий пост перед Светлой Пасхой. Но «Солдатские сказки» Саши Черного лишены религиозного подтекста, предложение солдата, скорее всего, продиктовано его доброй душой, изобретательностью и смекалкой.

Несмотря на свою невзрачность и мизерность, солдат себя ведет как настоящий военный стратег и тактик, именно он отдает распоряжение: «Пошлите, ваша милость, суседскому королю с почтовым голубем эстафет: в энтот, мол, вторник в семь часов утречком пусть со всем войском к границе изволят прибыть. Оружия ни холодного, ни горячего чтоб только с собой не брали, – наши, мол, тоже не возьмут…» [Черный, с. 270]. На протяжении всей подготовки к решающей встрече королевских войск солдат не раскрывает секрет своего замысла, «как войну бескровно-безденежно провести» [там же]. В дальнейшем именно Лукашка определяет дислокацию войск на границе государств: отдает «зычным голосом» распоряжения собравшимся, объясняет правила, следит за их соблюдением; ему подчиняются все: от полковника, генерала до короля. Предложение разрешения конфликта перетягиванием каната, каким бы неожиданным, абсурдным или нелепым ни казалось, вызывает у участников предполагаемого бескровного сражения радость: «Ухмыльнулись короли, улыбнулись полковники, осклабились ротные, у солдат – рот до ушей. Пондравилось!» [Черный, с. 271]. В перетягивание каната включились все, азарт такой, что даже короли не усидели на месте. Лукашка же разъясняет исход «поединка», поскольку канат неожиданно разорвался посередине, так и не определив победителя: «Ничья взяла. Полное примирение с обеих сторон. Кажный король суседское войско угощает. А на завтра, проспавшись, все, значит, по своим занятиям: кто пахать, кто торговать, кто толокно хлебать» [Черный, с. 272].

Финал сказки оказался полной противоположностью ее начала: ссоре противопоставлено примирение, обиде – ликование, жульничеству в шашках – честная и благородная игра, пикам, мечам и пушкам – столы для общего пира, неприметный портной, солдат-михрютка генералом разъезжал перед войсками.

Ирония и юмор сказки не отменяют героизм солдата, именно он, михрютка, такой невзрачный и тщедушный, является подлинный героем сказки. Его готовы слушаться короли, ему подчиняются генералы и полковники. Можно обратить внимание, как меняются обозначения главного героя в сказке: солдатишка завалящий, михрютка, Чудак Иванович, галчонок, Ерой Иванович, блаженный дурак. Неприметный, нелепый и смешной михрютка вырастает до героя, получает почет и уважение от королей. При этом он бескорыстен, отказывается от предложения дома «с точеным крыльцом», хотя слова солдата приоткрывают его неукоренность в быту, которая, правда, ему не в тягость: «Дом у меня везде. Где я нужен, там и мой дом»; отказывается от красавицы жены, жалея и ее, и себя: «Красавицы мне не надо, из себя я мизерный, ей будет обидно. Да и мне она, человеку кроткому, не с руки» [Черный, с. 272]. Единственная плата, которую Лукашка просит у королей, это отдать приказ, чтобы ребята птичьи гнезда не разоряли. Между тем именно этот неприметный в жизни человек ведет действие в сказке и проявляет подлинный героизм, благодаря смекалке ему удается предотвратить военный конфликт и остановить так и не начавшуюся войну. В сказке нет идеализации героя, он так и остается внешне неприметным, неловким, но зато есть раскрытие его возможностей, *завалящий солдатишка* оказывается человеком характера доброго, мягкого и сильного одновременно. Спасал для души живую тварь, а понадобилось – и королевства спас.

Перед нами комическая социально-бытовая сказка, в которой доминирует не сатира, а юмор, писатель в комическую ситуацию ставит, как правящих королей, по-детски ссорящихся и растерянных, так и самого главного героя, смелого перед королями, но робкого перед женщинами. Комический эффект возникает из-за обманутых ожиданий и перевернутых с ног на голову отношений, когда высокое и значительное показано иронически сниженно, а низкое оказывается героически значимым: у королей халат вместо мантии, чубук вместо меча, социально-низкого героя послушались все, а у него свои страхи. Авторская ирония проявляется и в легкой фривольности, когда в конце сказки выясняется, что солдат Лукашка пусть косвенно, но причастен к разрастанию семейств в королевствах: «У других от войны население изничтожается, а здесь прибавка не малая вышла. Потому, когда бабы по густым кустам-буеракам разбрелись, – портки полопавшиеся на воинах пострадавших чинить, – мало ли чего бывает. Крестников у Лукашки завелось, можно сказать, несосветимое число!» [Черный, с. 272–273].

Таким образом, главного героя сказки «Мирная война» можно определить как героя и спасителя, фантазера и изобретателя. Своим забавным разрешением конфликта сказка перекликается с ранним рассказом Саши Черного «Замиритель» (1925), в котором ефрейтор Егор Пафнутьев предлагает фантастический план прекращения войны путем захвата германского кайзера Вильгельма II в плен с помощью аэроплана. Как мы уже отмечали, писатель любит своих фантазеров и мечтателей, как бы сумасбродны и нелепы их мечты и планы ни были [Жиркова, с. 125]. Они вызывают не только улыбку у читателя, но и гордость у писателя за своих, пусть немного нелепых и смешных героев. Писатель, как и в народной сказке, утверждает победу простых солдат, героизм в повседневной жизни, храбрость, изобретательность и смекалку человека из социальных низов.

Список источников

1. Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков. – Харьков: Тип. Губернского правления, 1910. – 607 с.

2. Ганичев П. П. Воинские звания. – М.: ДОСААФ, 1989. – 144 с.

3. Даль В. И. Толковый словарь великорусского живого языка. Т. 2. – СПб., М.: Изд-е книгопродавца М. О. Вольфа, 1881. – 807 с.

4. Жиркова М. А. Несерьезные рассказы Саши Черного. – М.: Флинта; Наука, 2015. – 160 с.

5. Иванов А. С. Комментарий // Черный Саша. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3: Сумбур-трава. 1904–1932. Сатира в прозе. Бумеранг. Солдатские сказки. Статьи и памфлеты. О литературе / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. – М.: Эллис Лак, 1996. – С. 444–449.

6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. Яз., Полиграфресурсы, 1999.

7. Современный словарь русского литературного языка: в 17 т. Т. 6. Л-М / ред. Э. И. Коротаева и Л. В. Омельянович-Павленко. – М.; Л.: Наука, 1957. 1460 стлб.

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 (Е-Муж) / пер. с нем. О. Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с.

9. Черный С. Солдатские сказки // Черный Саша. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3: Сумбур-трава. 1904–1932. Сатира в прозе. Бумеранг. Солдатские сказки. Статьи и памфлеты. О литературе / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. – М.: Эллис Лак, 1996. – С. 197–336.

Сведения об авторе

Жиркова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петенрбург, Российская Федерация, e-mail: manp@mail.ru

РОЛЬ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСПИТАНИИ ПАТРИОТИЗМА

УДК 372.881.111.1
ГРНТИ 14.35.09

Профессиональная коммуникация преподавателя иностранного языка при формировании социокультурной компетенции

А. В. АЛЕКСАНДРОВА, Е. В. МАЛЫШЕВА

Изучение иностранных языков в современном мире необходимо для межкультурного взаимодействия, где преподаватель выступает «проводником» как в мир родной культуры, так и в мир иноязычной культуры. Профессиональная коммуникация педагога влияет на мотивацию обучающихся и их восприятие изучаемого предмета. Проведенное анкетирование и опрос обучающихся факультета иностранных языков позволили выявить как положительные (похвала, поддержка), так и негативные (ирония, критика) примеры в коммуникации преподавателей со студентами. Далее авторами были разработаны рекомендации для создания благоприятной профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, социокультурная компетенция, мотивация, обратная связь, образовательная среда.

В современном мире изучение иностранных языков выходит за рамки простого освоения грамматики и лексики. Обучающиеся должны освоить целый набор навыков: рецептивные (аудирование и чтение) и продуктивные (письмо и говорение), с помощью которых в дальнейшем будет возможно осуществлять межкультурную коммуникацию с представителями различных культур как с теми, для кого иностранный язык (в нашем случае английский) является родным языком, так и с теми, для кого иностранный язык является иностранным языком. Преподаватель иностранного языка выступает культурным посредником, чей способ общения напрямую влияет на формирование социокультурной компетенции обучающихся, позволяя им не только эффективно выстраивать коммуникацию на родном и изучаемом языках, а также взаимодействовать в мультикультурной среде, поскольку язык – это не только средство коммуникации, но и отражение культуры.

Азимов Э. Г. и Щукин А. Н. дают следующее определение компетенции – «совокупность знаний, навыков, умений, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплине, а также способность к выполнению какой-либо деятельности на основе приобретенных знаний, навыков, умений» [Азимов, Щукин, с. 107].

Среди видов компетенций при обучении иностранному языку в школе можно выделить речевую, языковую, компенсаторную, метапредметную и социокультурную компетенции. Под социокультурной / межкультурной компетенцией понимается «приобщение к культуре, традициям реалиям стран / страны изучаемого языка в рамках тем и ситуаций общения, отвечающих опыту, интересам, психологическим особенностям учащихся основной школы на разных её

этапах; формирование умения представлять свою страну, её культуру в условиях межкультурного общения»[1]. Развитие этой компетенции позволяет обучающимся: успешно общаться в различных ситуациях и контекстах, понимать культурные нюансы в общении и избегать недоразумений, развивать эмпатию и толерантность к другим культурам, адаптироваться к новым культурным условиям, повышать мотивацию к изучению языка и культуры.

После школы в учреждениях высшего образования у обучающихся должны быть сформированы универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. ФГОС по направлению 44.03.01 Педагогическое образование перечисляет следующие универсальные компетенции:

«УК-1 Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач;

УК-2 Способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений;

УК-3 Способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде;

УК-4 Способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах);

УК-5 Способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах;

УК-6 Способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни;

УК-7 Способен поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности;

УК-8 Способен создавать и поддерживать в повседневной жизни и в профессиональной деятельности безопасные условия жизнедеятельности для сохранения природной среды, обеспечения устойчивого развития общества, в том числе при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций и военных конфликтов;

УК-9 Способен принимать обоснованные экономические решения в различных областях жизнедеятельности;

УК-10 Способен формировать нетерпимое отношение к проявлениям экстремизма, терроризма, коррупционному поведению и противодействовать им в профессиональной деятельности»[2].

[1] Примерная рабочая программа среднего общего образования. Английский язык (14 октября 2022 г.)

[2] Приказ об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование от 22 февраля 2018 г. № 121 (ред. от 08.02.2021).

Мы видим, что сформированная до определенного уровня в школе социокультурная компетенция продолжает развиваться в вузе в процессе формирования УК-3, УК-4, УК-5. При этом в высшем учебном заведении обучающийся не просто общается с преподавателями на разных языках, а готовится к будущей трудовой деятельности, начинает общение на профессиональные темы.

На факультете иностранных языков ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина» в 2024–2025 учебном году был проведен опрос студентов с целью выявления особенностей профессиональной коммуникации между преподавателями и студентами. Данные мероприятия были проведены среди студентов III курса, будущих учителей иностранных языков. Было выявлено, что коммуникация преподавателя на занятиях играет решающую роль в восприятии предмета, преподавателя и мотивации студентов, а также заставляет студентов задуматься об особенностях выстраивания продуктивного профессионального общения на разных языках в последующей профессиональной деятельности.

В рамках опроса студенты привели примеры профессиональной коммуникации преподавателей вуза. При этом студенты должны были оценить конкретные слова преподавателей как положительные и негативные, а также привести возможные желаемые и не желаемые способы предоставления им обратной связи во время проведения занятий в вузе.

Были выявлены следующие положительные примеры профессиональной коммуникации:

- Слова и выражения: “Good”, “Well done,” “Correct”, “Perfect”, “You did that very well”, “I think you’ve got it now”, “Indeed”, “I know you can do it”, “You’re on the right track now!”, “Way to go!” и др. Такого рода высказывания создают положительную атмосферу во время занятия и мотивируют студентов на дальнейшее выполнение заданий, так как они ощущают себя успешными, ощущают поддержку со стороны преподавателя;
- конструктивная обратная связь: обратная связь должна быть индивидуальной и детализированной, должна быть подкреплена конкретными советами, что повышает мотивацию студентов и способствует формированию авторитета преподавателя.

Были выявлены следующие негативные примеры профессиональной коммуникации:

- ирония и сарказм: “That kind of work makes me very happy,” “You really make this fun,” – эти фразы, хотя и кажутся положительными, в контексте могут восприниматься как ирония и демотивировать студентов;
- критика и сравнение с другими обучающимися в аудитории или со всеми предшествующими обучающимися: “I’ve never seen anyone do it worse,” “That’s the best you’ve ever done!” – эти высказывания могут унизить студента и вызвать отторжение;
- обесценивание и отсутствие уважения: “Shame on you,” “Enough,” “That’s all? (негативное удивление),” “(Thank you), next” – такие высказывания разрушают доверие и негативно сказываются на учебном процессе;

• преподавание свысока: “Я ведь (количество) раз говорила / объясняла это”, “Вы что-то отстаете”, “Когда получишь диплом, тогда и будешь говорить” – подобные высказывания подрывают авторитет преподавателя и создают ощущение некомпетентности у обучающихся;

• невербальное проявление негативных эмоций: стук кулаком по столу, цоканье, выражение неудовольствия – все это воспринимается крайне негативно и может расцениваться как запугивание и унижение;

• отсутствие обратной связи приводит к тому, что обучающиеся не понимают, двигаются ли они в правильном направлении, что способствует развитию неуверенности.

Анализ полученных данных позволил составить практические рекомендации по профессиональной коммуникации для педагогов высшей школы, преподающих иностранный язык. Использование собственного примера как эталона поведения и коммуникации во время проведения занятий будет способствовать формированию социокультурной компетенции у обучающихся.

Рекомендации сводятся к следующему:

• фокус на позитивной и конструктивной обратной связи (используйте конкретные и детализированные высказывания по отношению к обучающимся, указывая на достижения студентов и области для улучшения);

• предоставление обратной связи своевременно и индивидуально, учитывая особенности каждого студента;

• обращайте внимание на невербальные сигналы (контролируйте свою интонацию, мимику и жесты, так как они могут передавать не только информацию, но и эмоции);

• создавайте поддерживающую среду, атмосферу доверия и уважения (поощряйте дискуссии и дебаты, в которых студенты могут свободно выражать свое мнение, содействуйте групповой работе и сотрудничеству, где студенты могут учиться друг у друга и поддерживать друг друга);

• избегайте негатива (сарказм, ирония, унижения и сравнения с другими), будьте внимательны к формулировкам, избегайте категоричных суждений, при необходимости используйте “сэндвич-метод”: начинайте с похвалы, затем предлагайте конструктивную критику и завершайте позитивным ободрением;

• не забывайте и обучать своих студентов выстраиванию правильной коммуникации, используйте для коммуникации и русский и английский, чтобы сформировать у обучающихся представление о качественном и продуктивном общении в разных речевых культурах, используйте коммуникативные упражнения, ролевые игры и аутентичные материалы, чтобы создать ситуации, приближенные к реальному межкультурному общению;

• постоянно развивайте свои профессиональные навыки (необходимо изучение функции профессиональной коммуникации преподавателя, ее роли в обучении и выстраивании коммуникации с обучающимися разного возраста).

Как показало опытное обучение, профессиональная коммуникация преподавателя является неотъемлемой частью формирования социокультурной компетенции. Применяя на практике вышеперечисленные рекомендации, преподаватели могут создать благоприятную образовательную среду, повысить мотивацию студентов и способствовать их дальнейшему успешному межкультурному взаимодействию.

Список источников

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения). – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.

Сведения об авторах

Малышева Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой романо-германской филологии и лингводидактики, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9913-2051, e-mail: e_malysheva@mail.ru

Александрова Анастасия Владимировна – магистрант 2 курса факультета иностранных языков, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: nastyaalexandrova555@gmail.com

УДК 372.881.161.1
ГРНТИ 14.25

Воспитание гражданственности младших школьников на внеурочных занятиях по русскому языку

З. В. АЛЬШЕВСКАЯ, В. А. ВАСИЛЬЕВА

В статье рассматривается один из подходов к формированию гражданственности у младших школьников в ходе дипломного исследования студентки специальности «Преподавание в начальных классах» по методике преподавания русского языка. Описана апробация цикла внеурочных занятий «Знакомые незнакомцы» о заимствованных словах в русском языке. Представлена организация кружка в начальной школе, который способствует проявлению познавательного интереса к русскому языку.

Практическая значимость заключается в готовой разработке цикла внеурочных занятий (кружка) с цифровыми ресурсами, которые могут использовать учителя начальных классов.

Ключевые слова: гражданственность, внеурочные занятия, русский язык, заимствованные слова, цифровые образовательные ресурсы.

В последние годы в связи с преобладанием в обществе материальных ценностей над духовными, низким уровнем гражданской позиции молодежи, в связи с происходящими в мире событиями воспитание патриотического сознания подрастающего поколения стало особо значимым.

Студенты Выборгского филиала ЛГУ им. А. С. Пушкина тоже активно работают в этом направлении. В связи с особенностью специальности среднего профессионального образования «Преподавание в начальных классах» важной

является связь с профессией. Для будущих учителей необходимо уметь воспитывать гражданственность и патриотизм у младших школьников.

Патриотизм – одна из важнейших черт всестороннего развития личности. Высшим уровнем его достижения считается стойкая гражданская позиция и активная деятельность человека на благо Отечества [1]. Но, чтобы достичь этого уровня, надо пройти большой путь, начать который надо начать с формирования у младшего школьника чувства гражданственности, принадлежности к группе людей с единой родиной, традициями, языком и культурой. Намного позднее чувства проявятся в деятельности.

Каждый студент представляет по-разному подход к патриотическому воспитанию младших школьников.

Так Васильева Виктория считает, что не только большие мероприятия способствуют формированию гражданственности, но и на каждом предмете можно найти этому место. Она выбрала для этого внеклассные занятия по русскому языку, роль которого подчёркивается в основных документах: федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования, федеральной образовательной программе начального общего образования.

В них указано, что целями изучения родного (русского) языка являются: «осознание русского языка как одной из главных духовно-нравственных ценностей русского народа, понимание значения родного языка для освоения и укрепления культуры и традиций своего народа… формирование познавательного интереса к родному языку и желания его изучать, любви, уважительного отношения к русскому языку, а через него – к родной культуре»[1].

Выбор внеурочной формы обучения обоснован тем, что «это один из основных факторов, который действенно помогает настоящему изучению русского языка, свободному и активному овладению учащимися русской речью, это мощное средство формирования у них интереса к русскому языку как учебному предмету и лингвистическому явлению, эффективная форма расширения и углубления знаний, приобретаемых на уроках» [2, с. 51]. Она имеет также большое воспитательное значение.

Опыт нашей совместной исследовательской деятельности, организованной в ходе дипломной работы, я хочу представить.

В теоретической части исследования раскрыты роль русского языка и внеурочной деятельности в образовании и воспитании младших школьников; описан процесс пополнения русской лексики заимствованными словами и раскрыты его причины.

В качестве практической части дипломной работы был разработан и апробирован цикл внеурочных занятий «Знакомые незнакомцы» в 4 классе. Для апробации разработок студентка выбрала небольшую школу, удаленную от города, в посёлке Вещево Выборгского района Ленинградской области. Было проведено 12 занятий (по 1 часу в неделю).

[1] Федеральная образовательная программа начального общего образования: приказ Министерства просвещения Российской Федерации № 874 от 30 сентября 2022 г.

В начале занятий обучающиеся узнавали, какие исторические или культурные события влияли на появление в нашем языке ряда слов из других стран. Так происходило осознание, что развитие языка тесно связано с историей нашей страны, что слова могут рассказать об истории нашего народа.

На занятиях учащиеся отправлялись в прошлое. Сначала они узнали о жизни славян, исследовали общеславянские слова, затем древнерусские. Говорили о крещении Руси и влиянии его на письменную речь, сравнивали древнерусские слова и старославянские, по приметам учились различать их, обращались к фольклору.

На занятии «Привет из Голландии» ученики узнали о заслугах Петра Первого по укреплению России на Балтийском море, о создании им флота, о развитии науки и просвещения, в связи с чем русский язык пополнился словами голландского, немецкого, французского и английского происхождения.

Причины укоренения большого количества немецких слов в русском языке в разные времена школьники узнали, изучая тему «Немецкие слова такие разные»: это сотрудничество с немецкими ремесленниками, становление новых отраслей промышленности (горнорудное, литейное, печатное дело), правление Екатерины Великой.

На занятии «Мода Франции в нашем языке» познакомились с причиной появления в XVIII и XIX вв. большого числа заимствований из французского языка.

Так постепенно ученики узнавали, что из Англии пришло в русский язык много слов на тему спорта, а из Италии на тему «Музыка», научная лексика пришла из латыни и греческого языка.

На занятии «Их знают и понимают все», моделируя самостоятельно слова из аффиксов и корней, которые звучат сегодня одинаково на многих европейских языках, четвероклассники пришли к выводу, что их появлению способствовали расширяющиеся в XX в. международные связи, научно-технический прогресс. А привести примеры заимствований, связанных с формированием глобального информационного пространства в XXI в., современным школьникам не составило труда.

Интересным для детей был тренинг, который проводился для осознания важности сохранения самобытности и чистоты русского языка. Они учились определять, какие из заимствованных слов оправданы, а какие засоряют речь. Так, например, учащиеся достаточно легко объяснили нецелесообразность употребление заимствований: уикенд (weekend) – выходной, респект (respect) – уважение, лол (lol) – смех, шеймить (shame) – стыдить, фейк (fake) – подделка и подобрали синонимы этих слов.

Не секрет, что занятие русским языком не является для большинства младших школьников интересным занятием. В связи с этим мы выбрали занимательный для современных детей подход: использование на занятиях разнообразных цифровых образовательных ресурсов (далее ЦОР). Студентка хорошо владеет информационными технологиями, поэтому использовала разнообразные ЦОР и платформы: Wordwall, LearningApps, Online Test Pad, Smart, CapCut и конвектор

голоса, Survio, Google Forms, PowerPoint. Ресурсы, созданные для занятий, использовались и на этапе открытия нового знания, и в ходе закрепления и тренинга, и на контроле.

Например, на наших занятиях с использованием онлайн-конструктора учебных тренажеров «еТреники», его шаблона «Картофан», создали карту путешествия по странам, откуда слова заимствованы.

С помощью универсального ресурса – Wordwall были созданы различные тренировочные задания в увлекательном формате. Игры и упражнения тут динамичные, создающие впечатление компьютерной игры. В данном ресурсе можно работать как индивидуально, так и в команде.

Использован конструктор OnlineTestPad, с помощью которого созданы разнообразные онлайн-задания: тесты, кроссворды, сканворды, логические игры. Это помогало обучающимися осваивать новую информацию увлекательно, быстро, вызывало интерес к изучению русского языка.

Результативность проведённого цикла внеурочных занятий была доказана в ходе сравнения констатирующего и контрольного экспериментов.

Учащимся было предложено тестирование в программе Survio. Было дано 15 вопросов, которые можно разделить на 3 блока: древнерусские и старославянские слова, заимствованные слова, история появления заимствованных слов.

Динамика овладения изученными темами в ходе кружковой работы оказалась достаточно высокой: по первому блоку результаты возросли на 43%, по второму на 72%, по третьему на 74%. Представим сравнительные результаты констатирующего и контрольного этапов эксперимента в виде диаграммы на рисунке.

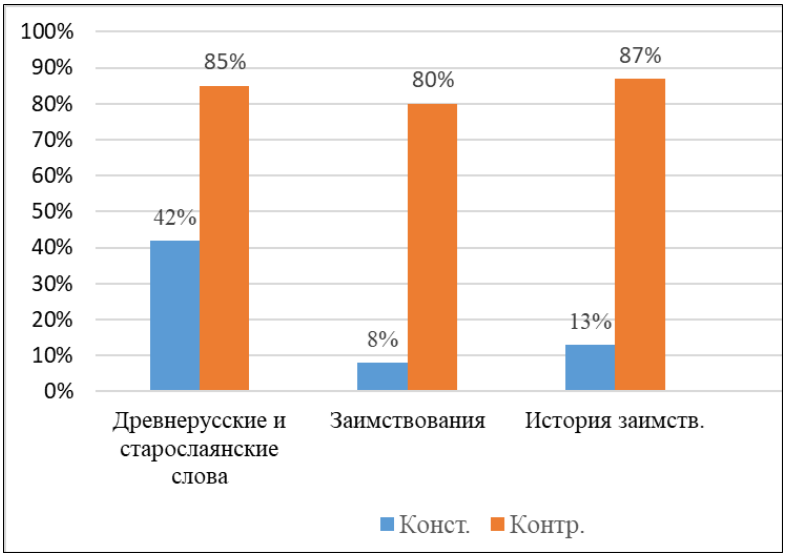

Рисунок. Сравнительные результаты эксперимента

Индивидуальные результаты тоже хорошие: из максимальных 42 баллов обучающиеся набрали от 26 до 42 баллов.

Занятия кружка «Знакомые незнакомцы» помогли младшим школьникам понять:

- русский язык отражает историю, богатство культуры, традиций, накопленных нашими предками;

русский язык – это живое явление, изменяющееся под влиянием исторических и культурных процессов, происходящих в нашей стране и во всём мире;

- русский язык с течением времени обогатился большим количеством заимствований, но при этом сохранил свою самобытность и красоту;

- необходимо различать, какие заимствования отражают прогрессивное явление, какие засоряют нашу речь;

- что задача именно их (нынешних учеников) – сохранить русский язык, его чистоту, донести его до будущих поколений.

Надеемся, что проведённая работа внесла свой вклад в воспитание позитивного отношения младших школьников к русскому языку, зародила ростки желания сохранить его уникальность, точность, красоту.

Следует отметить, что апробированный Васильевой Викторией цикл внеурочных занятий представляет собой полностью готовую разработку кружка, которая заинтересовала учителей начальных классов, и может использоваться студентами и учителями в воспитательно-образовательном процессе.

Список источников

1. Титова В.В. Нравственно-патриотическое воспитание младших школьников // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 2311–2315.

2. Насырова Г.Ф. Внеурочная деятельность по русскому языку в начальной школе // Аллея науки. – 2020. – Т. 1. – № 5 (44). – С. 150–154.

Сведения об авторах

Альшевская Зинаида Владимировна – преподаватель методики русского языка, Выборгский институт (филиал) Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, г. Выборг, Российская Федерация, ORCID: 0009-0008-0154-3601, e-mail: az-azv@mail.ru

Васильева Виктория Алексеевна – студентка 4 курса, Выборгский институт (филиал) Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, г. Выборг, Российская Федерация, ORCID: 0009-0007-0975-5951, e-mail: vvika7724@gmail.com

УДК 378.016:811.1
ГРНТИ 14.35.07

Искажение истории России в контексте информационного противоборства (по материалам американской и британской прессы)

Л. В. КОЦЮБИНСКАЯ

В статье выявляются источники информационных угроз п истории России, рассматриваются способы их нейтрализации и укрепления российских духовно-нравственных ценностей. Анализируются пути обеспечения информационной безопасности молодого поколения.

Ключевые слова: фальсификация истории, духовно-нравственное воспитание, информационная безопасность.

Важной составляющей духовно-нравственного развития является история. Она помогает людям понять моральные ценности, уважать прошлое, бережно относиться к культуре и традициям своего народа. Через осознание прошлого, как замечает В. Удальцов, складывается отношение к действительности, формируются ценностные ориентиры, появляется уверенность в будущем [Удальцов]. В условиях современной геополитической ситуации история России является ключевым аспектом внешнеполитической стратегии. Закономерно, что президент В. Путин обосновывает и объясняет основные направления внешней политики России, используя исторические факты.

Сказанное выше обусловливает выбор истории России в качестве мишени информационных атак со стороны так называемого коллективного Запада. Перепрограммирование системы ценностей, как показывают специальные наблюдения, происходит посредством фальсификация истории, мифологизации и выборочного представления исторических фактов. Иллюстративным примером служит переписывание западными странами итогов Великой Отечественной войны. Так, 46-й президент США Джо Байден, «выступая на мероприятии по случаю 80-летия высадки союзников в Нормандии, не упомянул о роли Советского Союза в победе во Второй мировой войне»[1]. В то же время по всей Европе активно демонтируются памятники советским воинам. В 2022 г. демонтируется памятник солдатам Красной армии в Хжовице (Польша) с надписью на обелиске: «Вечная слава героям Советской армии, павшим за свободу народов в 1945 году». В том же году сносятся памятники советским воинам в Литве: городе Кедайняй и на кладбище Шета. В 2023 г. в Болгарии демонтируется памятник Советской армии, установленный в центре Софии. В 2024 г. болгарскими властями начал обсуждаться вопрос о сносе самого известного в Восточной Европе памятника «Алеша», установленного советскому солдату-освободителю в Пловдиве.

Уничтожение памятников приведет к серьезным негативным последствиям: к разрушению мирового культурного наследия, неспособности извлечь опыт из прошлого, формированию искаженного мировоззрения [Шахнович, с. 43]. Разрушение памятников российским воинам, замалчивание решающей роли Советского Союза в разгроме Третьего рейха, отсутствие российских официальных лиц на международных мероприятиях, приуроченных к важным датам Второй мировой войны – все эти факты говорят о желании ряда стран «отменить» вклад России в разгром нацизма. Важно подчеркнуть, что искажение исторических фактов затрагивает не только Вторую мировую войну, но и другие ключевые события XX в. Так, например, министр иностранных дел России С.В. Лавров обращает внимание на то, что фальсификации подвергаются события 1917 г.: *«“Сейчас остро стоит задача выработки сбалансированной, объективной*

[1] Байден в Нормандии не упомянул о роли СССР в победе во Второй мировой войне [Электр. ресурс] // РИА Новости: интернет-издание. URL: https://ria.ru/20240606/bayden-1951065673.html (дата обращения: 20.03.2025).

оценки тех событий, тем более в условиях, когда, особенно на Западе, находится немало желающих использовать эту дату для новых информационных атак на Россию, представить революцию 1917-го в виде какого-то варварского переворота, чуть ли не столкнувшего под откос последующую европейскую историю", – пишет С.В. Лавров»[1].

Сохранение исторической памяти и передача ее молодому поколению – это одно из условий сохранения государственного суверенитета РФ. Одним из существенных шагов в этом направлении стал единый государственный учебник по всеобщей истории и истории России. Этот учебник, по заявлению президента, «призван быть правдивым, а не обслуживать интересы других стран»[2]. Однако западные страны начали кампанию по дискредитации данного учебника: *«"Очень много было вымыслов. Была развязана информационная война, атака на учебник. Эта атака координировалось, можно с уверенностью сказать, со стороны западных спецслужб. Не хотят, чтобы наша система была суверенной. И чтобы в учебнике были объективные факты", – подчеркнул министр просвещения России Сергей Кравцов»*[3].

Анализ текстов англоязычных СМИ показывает, что дискредитация учебника осуществлялась с помощью монархической метафоры, в рамках которой Россия изображалась как авторитарное государство, где контролируются все сферы, включая образование: «*The Kremlin has tightened its control over the historical narrative in schools under Vladimir Putin»; «Russia has unleashed an unprecedented crackdown on dissent during its Ukraine offensive, which has extended into education»*[4]. В изображаемом западной прессой государстве подавляется инакомыслие, а придерживающиеся других взглядов люди покидают страну: *«There has also seen an exodus from Russia of prominent historians and philosophers who disagree with the war in Ukraine»*[5].

Основное назначение учебника, по мнению зарубежных СМИ, оправдать «вторжение» на Украину: *«defend Russia's invasion of Ukraine», «praise Ukraine invasion»*[6], а также удовлетворить монархические амбиции В. Путина: «*But the drastic transformation of Russia's portrayal of Ukraine and the rest of the world illustrates Putin's fierce determination to sweep aside the dark pages of Russia's past and,*

---

[1] На перекрестке ключевых тенденций Документ дня: Сергей Лавров об исторической перспективе внешней политики России [Электр. ресурс] // Lenta.RU: интернет-издание. URL: https://lenta.ru/articles/2016/03/03/lavrovtext/ (дата обращения: 20.03.2025).

[2] Путин объяснил появление нового учебника по истории [Электр. ресурс] // ТАСС: интернет-издание. URL: https://tass.ru/obschestvo/19537813 (дата обращения 20.03.2025).

[3] В России появится государственный учебник истории [Электр. ресурс] // TVSPB.RU: интернет-издание. URL: https://tvspb.ru/news/2023/11/24/v-rossii-poyavitsya-gosudarstvennyj-uchebnik-istorii (дата обращения: 20.03.2025).

[4] Russia releases history schoolbook praising Ukraine invasion [Электр. ресурс] // The Guardian: интернет-издание. URL: https://www.theguardian.com/world/2023/aug/08/russia-releases-history-schoolbook-praising-ukraine-invasion (дата обращения: 20.03.2025).

[5] Там же.

[6] Там же.

quite literally, write himself into history as a victorious conqueror»[1]. Кроме того, авторы учебника должны убедить общество в том, что Россия – жертва, а не агрессор: *«It is also part of an extraordinary gaslighting campaign in which Putin has tried to convince his own people – and the world – that Russia is a victim rather than the aggressor in Ukraine …»*[2].

В целом зарубежные СМИ квалифицируют новый учебник как недостоверный источник информации, распространяющий ложные сведения, в частности, о событиях в Крыму в 2014 г., санкциях западных стран против России, сущности украинского государства:

•*«It includes telling sections that include "confrontation with the West," "Ukraine is a neo-Nazi state" and "Russia is a country of heroes," according to scans of the new book posted by Russian state media»*[3].

•*«The book features sections on Russian soldiers "saving peace" in 2014, when Moscow annexed the Crimea peninsula from Ukraine, which is repeatedly labelled as a "nazi state". It also denounces western sanctions, describing them as worse than Napoleon, who marched on Russia in 1812»*[4].

Для усиления воздействия на читателя авторы статей используют прием ссылки на мнение авторитета, который помогает создать видимость объективности и достоверности информации. В анализируемом материале к ссылкам на авторитеты прибегают как британские, так и американские журналисты. Авторитетное мнение высказывается бывшими учителями истории. Разница заключается в том, что в британской статье упоминается имя анонимного источника (*Aleksei),* а в американской нет:

«Aleksei, a former history teacher at an elite school outside Moscow who quit last April after a disagreement with management over the new "patriotic" curriculum, described the new history textbooks as "total fiction"[5].

«"Here history is once again used by the authorities to push a certain agenda, to solve certain political problems," a school history teacher told The Washington Post, speaking on the condition of anonymity because critics of the Russian government often face retribution»[6].

---

[1] Russia's new history textbooks teach Putin's alternate reality [Электр. ресурс] // The Washington Post: интернет издание. URL: https://www.washingtonpost.com/world/2023/08/13/russia-history-textbook-revision-ukraine/ (дата обращения: 20.03.2025).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Russia releases history schoolbook praising Ukraine invasion [Электр. ресурс] // The Guardian: интернет-издание. URL: https://www.theguardian.com/world/2023/aug/08/russia-releases-history-schoolbook-praising-ukraine-invasion (дата обращения: 20.03.2025).

[5] Russia releases history schoolbook praising Ukraine invasion [Электр. ресурс] // The Guardian: интернет-издание. URL: https://www.theguardian.com/world/2023/aug/08/russia-releases-history-schoolbook-praising-ukraine-invasion (дата обращения: 20.03.2025).

[6] Russia's new history textbooks teach Putin's alternate reality [Электр. ресурс] // The Washington Post: интернет издание. URL: https://www.washingtonpost.com/world/2023/08/13/russia-history-textbook-revision-ukraine/ (дата обращения 20.03.2025).

По утверждению некоего Алексея, новый учебник содержит вымысел, несоответствующий действительности: *«“They are rewriting both the past and the present,” Aleksei told the Guardian, speaking on condition of anonymity».* А судьба будущего поколения, воспитанного на лживых фактах истории, вызывает у него беспокойство: *«“I worry for the children that will be brought up by lies”»*[1].

Отражение подобных информационных атак является одним из приоритетных направлений российского государства. Задача правительства, по утверждению Мещерякова, создать условия для формирования личности, которая обладает традиционными российскими духовно-нравственными ценностями: патриотизмом, гражданственностью, готовностью служить Отечеству и брать ответственность за его судьбу [Мещеряков, с. 201].

Будущее страны определяется активностью молодых людей, их духовно-нравственными ориентирами. Современное поколение должно быть способно распознавать и противостоять информационным угрозам, включая фальсификацию и мифологизацию исторических фактов.

Список источников

1. Мещеряков Д. А. Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей как условие обеспечение национальной безопасности России // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2023. – № 18-1. – С. 200–202.

2. Удальцов В. Г. Функции истории в жизни общества // Государственная служба. – 2014. – № 3 (89). – С. 106–109.

3. Шахнович И. С. Продвижение русского языка за рубежом как средство сохранения исторической памяти / И. С. Шахнович, И. А. Попп // Педагогическое образование в России. – 2020. – № 2. – С. 41–50.

Сведения об авторе

Коцюбинская Любовь Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, e-mail: l.kocubinskaya@lengu.ru

УДК 37.06
ГРНТИ 14.33.05

Образовательные креативные практики как инструмент формирования социальной ответственности и патриотизма

В. А. МАЦКО

В статье раскрывается роль образовательных креативных практик в формировании социальной ответственности и патриотизма у студентов. Рассматриваются теоретические основы и описывается опыт реализации данных практик в Выборгском институте (филиале) ЛГУ имени А. С. Пушкина.

Ключевые слова: креативные практики, патриотизм, социальная ответственность, гражданская идентичность, воспитательная работа, проектная деятельность, креативность.

[1] Russia releases history schoolbook praising Ukraine invasion [Электр. ресурс] // The Guardian: интернет-издание. URL: https://www.theguardian.com/world/2023/aug/08/russia-releases-history-schoolbook-praising-ukraine-invasion (дата обращения: 20.03.2025).

В условиях динамичной трансформации социальных отношений особую значимость приобретает формирование у поколения современных обучающихся ценностных ориентиров, способствующих активному участию в жизни общества и осознанию личной ответственности за его благополучие. Патриотизм, социальная активность и ответственность – важнейшие качества личности, формирование которых является одной из первоочередных задач современного педагогического, воспитательного процесса. Трактовка же данных понятий в последнее время претерпевает эволюцию, что обусловлено изменением социокультурных реалий и появлением новых теоретических подходов.

Существующие подходы к определению социальной ответственности многогранны и акцентируют внимание на различных аспектах данного феномена. В классическом понимании, восходящем к работам М. Вебера, рассматривается концепция ответственности как подотчетности: человек всегда ответствен перед самим собой, кем-то другим либо перед какой-либо инстанцией за свои действия. В данном контексте социальная ответственность рассматривается как совокупность обязательств, налагаемых обществом на индивида, и проявляется в соблюдении норм и правил поведения, принятых в данном обществе [Вебер]. Альтернативный подход акцентирует внимание на добровольном принятии индивидом ответственности за свои поступки и их последствия для окружающих [Аппель, Канке]. Современные концепции социальной ответственности, наряду с обязательствами перед обществом, включают в себя осознание личной роли в решении социальных проблем, готовность к проявлению инициативы и внесению вклада в улучшение качества жизни [Калениченко, Белов].

Для русской картины мира концепт «патриотизм» имеет особое значение, поскольку он не только объединяет людей в общности национального самосознания, но также олицетворяет знаковую социальную доминанту, влияющую на поведение и мировоззрение человека [Мусса, с. 76]. В современном российском обществе патриотизм является ключевой ценностью, а его понятие перманентно переосмысляется и эволюционирует. Традиционное понимание патриотизма, связанное с безусловной любовью к Родине и готовностью к её защите, в наше время дополняется осознанием гражданской ответственности за её будущее, уважением к культурному наследию и стремлением к улучшению качества жизни. Содержание патриотизма в современном российском обществе включает в себя ряд компонентов. Первым из них является гражданственность как осознание личностью своих обязанностей и прав, уважение к законам и общественным институтам государства, готовность к участию в жизни социума и защите традиционных российских ценностей. Вторым компонентом является духовность, под которой в данном контексте понимается приверженность моральным принципам и нравственным идеалам, сохранение и развитие культурного наследия родины, уважение к традициям и обычаям. Третьим компонентом становится нравственность, заключающаяся в соблюдении моральных норм и правил поведения, готовность к проявлению взаимопомощи, милосердия, сострадания. Четвертый компонент – культурная идентичность как осознание своей принадлежности к

российской культуре, уважение к её разнообразию и стремление к сохранению и развитию культурно-исторического наследия.

Образование играет центральную роль в формировании социальной ответственности и патриотизма у молодого поколения, его ценностных ориентаций, гражданской позиции и готовности к активному участию в жизни общества будущих выпускников.

Роль образования в формировании социальной ответственности и патриотизма многоаспектна. Она заключается, во-первых, в трансляции культурных ценностей и норм, в рамках которой образование обеспечивает передачу культурно-исторического наследия, морально-нравственных принципов и идеалов от поколения к поколению. Во-вторых, образование занимает значимую нишу в формировании гражданской идентичности, способствуя осознанию личности обучающегося своей принадлежности к российскому государству и обществу, формированию уважения к законам и социальным институтам. Кроме того, роль образования заключается в стимулировании социальной активности обучающихся, поощрении участия студентов в общественной жизни, добровольческой деятельности, социальных акциях, процессах создания и реализации общественно значимых проектов.

В условиях динамично развивающегося общества возрастает потребность в формировании у подрастающего поколения креативного и критического мышления, способности к инновациям и готовности к решению нестандартных задач. Это обусловливает необходимость интеграции в образовательный процесс креативных практик. Креативность, рассматриваемая как способность к созданию нового, оригинального и ценного, приобретает особую значимость в современную эпоху инноваций и прогресса. Креативные практики в образовании рассматриваются как эффективное средство активизации познавательной деятельности, развития способностей и навыков, формирования личностного отношения к изучаемым явлениям. Специфика образовательных креативных практик заключается в их направленности на развитие активности, индивидуальности, воображения, фантазии, ассоциативного мышления, умения находить нестандартные решения, выражать свои мысли, идеи и интегрировать их в практическую деятельность, решая реальные проблемы и создавая прикладные продукты.

В контексте современных социально-политических вызовов проблема формирования патриотизма и социальной ответственности у студенческой молодежи приобретает особую актуальность. Традиционные методы воспитания зачастую оказываются недостаточно эффективными для вовлечения молодого поколения в активную общественную жизнь и формирования устойчивых ценностных ориентиров. В связи с этим возрастает значимость использования креативных образовательных практик, способных активизировать познавательную деятельность студентов, развить их творческий потенциал и сформировать осознанное отношение к истории, культуре и социальным проблемам своей страны.

Спектр креативных образовательных стратегий, применимых для развития патриотизма и социальной ответственности личности студентов, достаточно ши-

рок. Особую эффективность демонстрируют проектные методы, предполагающие самостоятельную исследовательскую деятельность студентов по изучению истории, анализу социальных проблем и разработке проектов, направленных на их решение. Использование игровых технологий, таких как деловые игры и ролевые моделирования, позволяет студентам погрузиться в различные социальные ситуации, примерить на себя роли представителей разных социальных групп и научиться принимать ответственные решения. Методы проблемного обучения стимулируют критическое мышление и способствуют формированию аналитических навыков, необходимых для оценки социальных явлений и выработки собственной позиции.

В Выборгском институте (филиале) ЛГУ им. А. С. Пушкина реализуется полноценный системный комплекс практик, направленных на развитие у обучающихся социальной ответственности и формирование гражданской и патриотической позиции. Реализация данных процессов происходит посредством включения студентов в разнообразные формы креативной деятельности, обладающей воспитательным потенциалом и опирающейся на ценности активного гражданства, социальной полезности и культурной преемственности.

К числу устойчиво функционирующих форм данных практик относятся: организация и проведение волонтерских и патриотических акций, реализация авторских социокультурных проектов, участие в театральных постановках, литературных гостиных и музыкальных вечерах, создание собственных инициативных исследовательских и просветительских форматов. Участие в данных практиках является добровольным и часто инициируется самими обучающимися при поддержке кураторов, преподавателей и институциональных структур. Содержательное наполнение данных инициатив отличается тематическим разнообразием, однако объединяется единой ценностной основой – стремлением к осмыслению собственной сопричастности к истории страны, города, семьи, а также к выстраиванию этически и гражданско значимой личной позиции.

Одним из структурных компонентов воспитательной работы является деятельность волонтерского клуба «Открытое Сердце», функционирующего на базе института под руководством преподавателей К. О. Поляковой и М. В. Горовой. Работа клуба выстраивается не только вокруг оказания адресной помощи, участия в благотворительных инициативах, но и в сфере этико-нравственного воспитания, направленного на развитие эмпатии, чувства сопричастности и готовности к общественно значимым действиям. Регулярное проведение благотворительных ярмарок демонстрирует высокую степень социальной зрелости студенческого сообщества, его готовность к активной гражданской позиции в условиях современных вызовов.

Особое место в системе патриотического воспитания занимает деятельность гражданско-патриотического клуба «Патриот» под руководством преподавателя Н. Н. Гордеевой. Данный клуб выступает как генератор и координатор целого ряда значимых проектов и мероприятий, включающий уроки мужества, мемориальные встречи, участие в федеральных патриотических акциях, создание тематических выставок и фотовыставок, приуроченных к памятным датам

отечественной истории. Так, например, передвижные фотовыставки, посвящённые блокаде Ленинграда, Сталинградской битве, Нюрнбергскому процессу, становятся своеобразными «визуальными уроками истории», оживляющими события прошлого в восприятии молодежи.

Участники клуба ежегодно создают один из самых значимых проектов института – «Книгу памяти», в которой собирают памятную информацию об участии в Великой Отечественной войне представителей своих семей.

«Книга памяти» стала вдохновением для создания проекта «Капсула Памяти» – уникальной инициативы по созданию «живого архива» личных писем, размышлений и свидетельств, передающихся от студента к студенту в формате символической капсулы. Этот проект стал не просто формой вовлечения молодежи в изучение исторических событий, но и пространством для рефлексии, формирования внутренней мотивации к сохранению памяти о войне, выстраиванию индивидуальной гражданской и патриотической идентичности. Проект получил признание на всероссийском уровне, став победителем научно-исследовательских конкурсов, что подтверждает его инновационный потенциал и социальную значимость.

Проектная деятельность института также реализуется в формате создания в качестве продуктов документального кино. Так, фильм «Выборг. Эхо войны» направлен на визуальную реконструкцию утраченного архитектурного наследия города, пострадавшего в годы Великой Отечественной войны. Через сочетание архивных источников и 3D-технологий фильм фиксирует масштаб утрат, формируя у зрителя чувство бережного отношения к культурному облику родного города. Дополняет эту линию фильм «Выборг помнит: места памяти о Великой Отечественной войне», акцент которого сделан на сохранении материальных и нематериальных свидетельств военного прошлого, таких как площади, мемориалы и фортификационные сооружения. Еще одним важным медиапроектом является «Под мирным небом Выборга: голоса Победы» – серия интервью с жителями города, чья судьба была сопряжена с военными событиями. Все три кинопроекта объединяет стремление к сохранению живой памяти, восстановлению эмоциональной связи поколений и утверждению идеи исторической преемственности.

Образовательные креативные практики, реализуемые в институте, представляют собой эффективную модель формирования социальной ответственности и патриотизма, способную не только вовлекать молодежь в процесс изучения истории и общественно полезной деятельности, но и формировать устойчивые ценностные ориентиры, актуальные для современного гражданина. Эти процессы протекают неформально, в контексте личного интереса и творческого самовыражения, что обеспечивает их высокую эффективность в воспитательном аспекте.

Список источников

1. Аппель К. О. Понятие первичной взаимоответственности как предпосылка планетарной макроэтики. – М.: Философия без границ, 2001. – С. 24.

2. Белов А. В. Понятие социальной ответственности в современной социальной философии // Известия ВГПУ. – 2010. – № 3. – С. 13–17.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия. – М.: Избранные произведения, 1990. – С. 697.
4. Канке В. А. Современная этика. – М.: Омега-Л, 2007. – С. 213.
5. Мусса М. А. Динамика концепта «патриотизм» в русской лингвокультуре // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2025. – Т. 11 (77). – № 1. – С. 76–88.

Сведения об авторе
Мацко Виктория Александровна – преподаватель, Выборгский институт (филиал) Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, г. Выборг, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0004-1528-9625; e-mail: matsko.v.science@gmail.com

УДК 811.111
ГРНТИ 16.21.65

Модальные глаголы как средство выражения имплицитного содержания высказывания в речи детектива

С. П. МОИСЕЕНКО

В статье рассматриваются понятия модальности и модального глагола. Особое внимание уделяется модальным глаголам и их функционированию в разных ситуациях в процессе допроса с целью выявления коммуникативно-прагматических особенностей их употребления.

Ключевые слова: модальность, модальный глагол, детектив, допрос, имплицитное содержание.

Обращение к личности говорящего продиктовано антропоцентрической направленностью современного языкознания, где на первое место выдвигается изучение языка в конкретных ситуациях общения, что позволяет сосредоточить внимание на языковых фактах. В центре высказывания находится взаимодействие говорящего и слушающего, где со стороны говорящего реализуется определенное сообщение, а со стороны слушающего – обработка полученной информации. Процесс обработки информации может носить скрытый, имплицитный характер, так как сообщение может быть воспринято слушающим неоднозначно. Разграничение эксплицитного и имплицитного содержания позволяет слушающему наиболее полно раскрыть информацию и самостоятельно определить цель, с которой было произнесено высказывание. В связи с этим одним из интересных аспектов для исследования является коммуникативное намерение детектива и подозреваемого, основанное на их взаимодействии в конкретной ситуации общения, где значительную роль играет категория модальности.

Категория модальности связана с ментальными процессами и исследуется в рамках коммуникативной и когнитивной лингвистики, где особый интерес представляют высказывания с имплицитным содержанием, выраженные модальными

глаголами, так как они представляют собой знания, которые были получены в процессе рассуждения или логического умозаключения детектива.

Цель данной статьи заключается в выявлении коммуникативно-прагматических особенностей употребления детективом модальных глаголов в процессе расследования преступления.

Материалом исследования послужили модальные глаголы, употребляемые детективом Питером Уимзи в детективном произведении британской писательницы Дороти Ли Сэйерс «Неестественная смерть». Иллюстративный материал был отобран приемом сплошной выборки, где главным критерием отбора стало наличие возможности проанализировать использование модальных глаголов с целью выявления имплицитного содержания.

Смысл высказывания формируется на основе взаимодействия эксплицитного и имплицитного содержательных компонентов, где второй компонент высказывания связан с дополнительным смыслом и эмоциональным содержанием, что находит свое отражение в значениях категории модальности. Рассмотрим подробнее определение модальности в трудах исследователей.

В словаре Т. В. Жеребило модальность определяется как грамматическая категория, которая отражает отношение содержания высказывания к реальности через следующие средства выражения: формы наклонения глаголов, интонация, вводные слова, модальные глаголы и другие [Жеребило, с. 199]. Еще одно определение представлено в лингвистическом энциклопедическом словаре, где модальность характеризуется как функционально-семантическая категория, отражающая различные типы отношения высказывания к реальности, а также разнообразные способы субъективной оценки передаваемой информации [Лингвистический энциклопедический словарь, с. 303]. Несмотря на наличие различных определений модальности, ученые продолжают находить новые аспекты для изучения этой синтаксической категории.

Категория модальности рассматривается лингвистами как выражение реальности или нереальности высказывания. По мнению И. Р. Гальперина, категория модальности – это категория текста, которая может быть объективной и выражать характер отношения сообщаемого к действительному или же субъективной, выражая отношение говорящего к сообщаемому [Гальперин, с. 114].

Большой вклад в формирование концепции модальности внес В.В. Виноградов, сформулировав основные теоретические положения по вопросу исследования синтаксической категории модальности. Исследователь указал на то, что «модальное значение, является отношением содержания сообщения к действительности и присуще каждому предложению» [Виноградов, с. 55]. Ученый также отметил, что модальность может быть выражена разными интонационными и морфологическими средствами [Виноградов, с. 55].

Ш. Балли, основоположник западноевропейской лингвистической теории модальности, утверждает, что модальность – это «синтаксическая категория, в выражении которой первостепенную роль играют модальные глаголы» [Балли, с. 57]. По мнению исследователя, любое высказывание состоит из двух частей:

основного содержания (диктума) и модальной части (модуса). Диктум соответствует восприятию, полученному через чувства и память, тогда как модус выражает эмоциональную, интеллектуальную и волевую оценку говорящим основного содержания. Модусы, являющиеся выражением модальности, подразделяются на эксплицитные и имплицитные.

Если обобщить различные подходы к определению модальности, можно утверждать, что модальность является многоплановой категорией, располагающей различными способами выражения и функционирования в языке. Ключевыми понятиями будут являться: достоверность, возможность, уверенность и вероятность. И поскольку процесс расследования преступлений сопровождается выдвижением предположений с различной степенью достоверности, интересно проследить, каким образом значения модальности репрезентируются в речи детектива, в том числе как выдвигаются и опровергаются догадки, гипотезы и т.д.

В детективном романе «Неестественная смерть» основными средствами выражения имплицитного содержания высказывания являются модальные глаголы и модальные словосочетания. Всего было выделено 194 примера употребления модальных глаголов, к ним относятся: must, may, might, can, could, will, would, shall, should.

Наиболее частотным маркером проявления модальности в данном художественном произведении является модальный глагол will, обозначающий «долженствование, которое связано с выполнением каких-либо обязательств; проявление воли, внушения» [Palmer, с. 132]. Частотность употребления данного модального глагола составляет 34 примера (18 % от общего количества модальных глаголов). Стоит отметить, что было выявлено девять примеров, показывающих личный интерес детектива, когда он настойчиво отстаивает свою позицию и убеждает собеседника. Например: This is a pure matter of business, course, – said Wimsey, rather rapidly, – and you will let me have a note of the expenses in your usual business-like way [Unnatural Death, p. 17].

Пример демонстрирует то, как детектив настаивает на том, чтобы ему предоставили необходимую информацию, при этом не имеет значение, хочет этого подозреваемый или нет. Важно отметить, что его предложение звучит весьма учтиво и деликатно.

Некоторые предложения детектива могут звучать как ненавязчивое предложение своих услуг, например: Christchurch, near Bournemouth, – said Lord Peter. – I'll run you down straight away, if you like. It will save time [Unnatural Death, p. 62].

В данном предложении детектив Уимзи предлагает помощь Миссис Кропер, которая заключается в том, чтобы довезти ее до места предполагаемого допроса. Его предложение звучит ненавязчиво, и его спутница не может ему отказать.

В детективном романе представлено три примера предложений, в которых проявляется крайняя степень волеизъявления. Это объясняется тем, что детектив настраивает себя на положительный исход расследования. Он не привык проигрывать и во что бы то ни стало добьется положительного результата расследования. Приведем пример одного из них: Well, damn it all, I'll risk it, – thought Wimsey. – I must and will know what it's all about [Unnatural Death, p. 109].

Модальный глагол would передает значение «возможности или вероятности воплощения содержания высказывания в объективной действительности» и сопровождается простым инфинитивом [Palmer, p. 323]. Частотность использования модального глагола would достаточно высокая и составляет 17 % от общего числа всех модальных глаголов в детективном романе, где большинство примеров предают желание или намерение детектива что-то сделать.

В процессе анализа детективного произведения было выявлено восемь примеров, где would используется в контексте настоящего времени для выражения нереальности происходящего, страха, сомнения. Приведем пример: The niece wouldn't be in league with the lawyer to get herself disinherited [Unnatural Death, p. 12].

Пример демонстрирует, что Питер Уимзи размышляет, и его одолевают сомнения по поводу сговора племянницы с адвокатом, детектив не уверен, но принимает эту информацию к сведению.

Наиболее частотным маркером проявления модальности является модальный глагол must, значение которого указывает на предположение, основанное на фактах или знаниях [Palmer, p. 53]. Данный модальный глагол обладает высокой степенью вероятности, так как достоверность высказывания основана на дедукции детектива и исходит из подтвержденных фактов. Приведем несколько примеров:

We must get hold of her and warn her [Unnatural Death, p. 35]. Детектив Питер Уимзи собрал информацию о том, что на одного из свидетелей преступления готовится нападение, и попросил помощников найти и предупредить этого человека, чтобы избежать еще одной трагедии.

But surely there must be something which kills without leaving a trace, - pleaded Lord Peter, when at length informed that the persecution must cease [Unnatural Death, p. 136]. Данный пример демонстрирует то, что у детектива достаточно большой опыт в расследовании преступлений, и по мнению Уимзи, преступник не может не оставить следов на месте преступления.

В следующем примере must используется в более категоричной форме с целью достичь желаемого результата и повлиять на собеседника: Of course, you mustn't appear to be inquiring. You must find some good gossipy lady living in the neighborhood and just get her to talk in a natural way. You must pretend to be gossipy yourself- it's not in your nature, I know [Unnatural Death, p. 16].

В приведенном примере, сила убеждения детектива проявляется в употреблении конструкции «Of course» с модальным глаголом, что воспринимается собеседником как ультиматум, и собеседник может почувствовать, что его мнение не имеет значения, что впоследствии повлечет негативную ответную реакцию.

В процессе анализа детективного произведения «Неестественная смерть» было выделено 25 предложений с модальным глаголом can и 29 предложений с модальным глаголом could. Большая часть утвердительных предложений передает значение возможности или вероятности (1). В то же время отрицательные

предложения сигнализируют о невозможности или крайне низкой степени вероятности происхождения того или иного события, что основано на уверенности детектива (2).

1. The only thing we can absolutely prove her to have done is the burgling that house on Hampstead Heath and stealing the coal [Unnatural Death, p. 154].

2. It can't do any harm, as you say [Unnatural Death, p. 34].

Использование модального глагола can в вопросительной конструкции может быть связано раздражением детектива из-за невозможности быстро получить нужный ответ. Приведем пример: Now, now, – said Wimsey, – now we're feeling better, do you think you can answer our question, Mrs. Forrest? [Unnatural Death, p. 47]

Другой пример демонстрирует нетерпение детектива получить необходимую для расследования информацию: Well, now, is there any little odd, out-of-the-way incident you can think of that might throw light on the thing [Unnatural Death, p. 22].

Модальные глаголы may и might играют важную роль в речи детектива, так как они передают объективную вероятность или невозможность соответствия высказывания реальной действительности. Употребление модального глагола might передает предполагаемую возможность, которая является менее реальной. В тексте детективного романа было выделено девять предложений, которые показывают рассуждения Питера Уимзи, выдвижение предположений:

Mary Whittaker may easily have seen it too [Unnatural Death, p. 102].

She might have quarreled with Mary Whittaker and wanted to leave her money elsewhere [Unnatural Death, p. 53].

Приведенные примеры демонстрируют, что Питер Уимзи не знает всей информации по делу, он не уверен точно, поэтому предполагает, что в случае ссоры с Мэри Уиттакер (ближайшей родственницей потерпевшей), потерпевшая должна была оставить наследство кому-то из других родственников.

Стоит подчеркнуть, что глагол might в утвердительных предложениях может иметь значение осуждения или неодобрения. Рассмотрим следующий пример: We might get it as an attempt to murder Trigg, or at least to inflict grievious bodily harm [Unnatural Death, p. 132].

В качестве маркера неуверенности детектива в реализации какого-либо действия в будущем были выделены модальные глаголы shall и should. Приведем пример: Consequently, I shall proceed to make my statements good [Unnatural Death, p. 32].

Пример использования shall подтверждает то, что детектив, имея большой опыт расследования преступлений, предполагает определенное развитие события дела и полагает, что найдет подтверждение показаниям свидетеля, однако есть шанс, что этого не произойдет.

Модальный глагол should выражает некое сомнение, что определяется недостатком доказательств или причин. В том случае, если события развиваются согласно ожиданиям детектива, можно утверждать, что пропозиция высказывания соответствует истине. Например: I shouldn't wonder if she's in his pay [Unnatural Death, p. 75].

Анализ детективного романа показал, что в художественном произведении можно наблюдать большое разнообразие употребления модальных глаголов. Детектив Питер Уимзи использует модальные глаголы с целью выражения:

1) личной заинтересованности и уверенности в своих действиях;

2) сомнения;

3) предсказания (предположения), которое основано на доказательствах и богатом личном опыте;

4) осуждения;

5) раздражения из-за невозможности быстро получить ответ;

6) разочарования из-за невозможности доказать или проверить важный для расследования факт.

Подводя итог, стоит отметить, что модальные глаголы являются одним из средств выражения модальности. Имплицитное значение модальных глаголов является важным компонентом коммуникации, где учитывается конкретная речевая ситуация. Особая роль отводится скрытому смыслу сообщаемой информации и «погружает» читателя в деятельность детектива.

Список источников

1. Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. – 180 с.

2. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Исследования по русской грамматике: избранные труды. – М., 1975. – С. 53–87.

3. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.

4. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.

5. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

6. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

7. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.

8. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.

9. Biber, D. Longman Grammar of Spoken and Written English. – Pearson Education Ltd., 1999. – 1204 p.

10. Palmer F. R. Mood and Modality. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 236 p.

11. Sayers D. L. Unnatural Death. – New York: Harper & Row, 1930. – 260 p.

Сведения об авторе

Моисеенко Светлана Павловна – преподаватель, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: fedortseva2011@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО И ПАТРИОТИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА

УДК 81'373
ГРНТИ 16.21.33

От сленга до патриотизма: национальное единство в контексте современной песенной культуры

А. Н. АГАПОВА

Статья посвящена анализу современной песенной культуры как отражения социокультурных процессов в России. В ней рассматриваются два ключевых аспекта: влияние молодежного сленга и укрепление национальной идентичности через патриотические мотивы. Автор подчеркивает, что эти явления, несмотря на кажущуюся противоположность, взаимодействуют, создавая новые формы культурного диалога. В статье отмечено, что современная песенная культура – это зеркало социальных трансформаций, где противоречия между маргинальностью и патриотизмом, глобальным и национальным формируют новый культурный ландшафт.

Ключевые слова: сленг, языковая норма, заимствование, разговорная лексика.

Современная песенная культура отражает сложные процессы, происходящие в обществе: от языковой трансформации через молодежный сленг до укрепления национальной идентичности через патриотические мотивы. Эти два явления, на первый взгляд противоположные, тесно переплетаются, формируя новые формы культурного диалога.

Использование уголовного и молодежного сленга (например, *«ауф», «пацанский мув», «бухнуть под кустом»*) отражает кризисные явления в обществе. Такая лексика, с одной стороны, создает иллюзию «своей» среды, объединяя слушателей вокруг общей субкультуры, с другой – противопоставляет их традиционным ценностям, размывая границы между нормой и маргинальностью.

Современная молодежь, слушая музыку, не только развлекается, но и усваивает модели поведения, ценности и нормы, заложенные в текстах. Как отмечают исследователи, сленг служит средством выражения протеста против формализма и стремление к творческой свободе [Крысин, 2004, с. 372].

Сейчас среди молодежи очень популярны: Моргенштерн, Ольга Бузова, Karna.val, INSTASAMKA, Егор Крид, Даня Милохин, Артур Бабич, Алена Швец, Фогель, Миа Бойко, Егор Шип, SHAMAN, группа «Булки» и др. Рассмотрим языковую структуру песен, которые исполняют вышеперечисленные представители современной эстрады.

Стремительное обновление языковых средств, прежде всего лексики современного русского языка, естественно, оказывает определенное влияние и на язык песни. Для современной русской языковой жизни характерно активное влияние на литературный язык нелитературных социальных вариантов общенародного языка: «Для нашего времени характерно вхождение в публичную жизнь таких

слоев и групп, представители которых в своих привычках и пристрастиях связаны с разного рода формами нелитературной речи. Кроме того, отход в области социальной жизни от жестоких канонов и норм советского прошлого, провозглашение свободы как в общественно-политической и экономической сфере, так и в человеческих отношениях сказываются, в частности, на новых оценках некоторых языковых фактов и процессов, и то, что раньше считалось принадлежностью социально непрестижной среды, начинает приобретать права гражданства наряду с позиционными средствами литературного языка» [Крысин, 2002, с. 372].

Заимствования из английского *(«make-up», «cash», «mood»*), гибридные формы *(«эмэмдэнсить», «флексить»*) демонстрируют влияние глобальной культуры. Это может угрожать сохранению русского языка как основы национального единства, но также показывает его адаптивность в условиях меняющегося мира.

*Ты в **Louis**, а я босиком по лужам*
Кроме друг друга нам никто не нужен
(Даня Милохин «Лав»)

Я подбираю наказание
*Новый тренд – это **make-up** со слезами под глазами…*
(Karna.val «Глупенькая девочка»)

Смешение англицизмов и сниженной лексики формирует язык, далекий от литературных норм, но близкий цифровому поколению.

Жанры вроде рэпа, электронной музыки или *K-pop* доминируют в мировых чартах, вытесняя локальные стили. Например, русские исполнители копируют западные клише:

Я твой Гарри Поттер, я ловлю ее как снитч
*Я расту в **TikTok**е, пока ты творишь там дичь*
(Артур Бабич «Парень простой»)

Здесь ощущается отсылка к глобальной платформе как символу успеха. Соцсети и стриминговые сервисы делают молодежь частью глобального комьюнити, где ценится не национальная принадлежность, а соответствие интернациональным трендам *(«хайп», «мемы», «тренды»*).

В эпоху Интернета сленг эволюционирует еще быстрее: сокращения («*ща*» вместо «сейчас»), игровые трансформации слов *(«аффтар»* вместо «автор») становятся частью сетевой коммуникации, а затем переносятся в музыкальные тексты. Это формирует новую эстетику, где «примитивизация» речи превращается в коллективную игру. Однако именно через сленг молодежь выражает свою принадлежность к глобальным трендам, сохраняя при этом локальную идентичность.

Поведение молодежи во многом определяется содержанием песен, которые они слушают ежедневно. Часто качество данных «произведений» сомнительно, но молодежь привлекает их эмоциональность и доступность для исполнения и восприятия. Некоторые песни содержат тексты, подрывающие межнациональное согласие и пропагандирующие экстремизм:

Пустынны улицы аварского села.
В молчанье грозном ночь сюда пришла.
Но знает, знает русская орда,
Что ждет их там жестокая беда.
(Тимур Муцураев «Аварское село»)

Такие строки сеют ненависть, противопоставляя народы.

Бей чертей, всех уничтожь
Цунар пришел в класс
А за ним весь аул и Кавказ
За тобою только двор
И дубина и возмездия топор
(Коррозия металла «Бей чертей»)

Агрессия, направленная на конкретные группы, разрушает социальную сплоченность.

Сколько же стоит твоя свобода
Презрительный взгляд и плечи в погонах
(Психея «Убей мента»)

Подобные тексты подрывают доверие к государственным институтам, что критично для патриотического воспитания. Язык вражды в музыке формирует у молодежи искаженное восприятие «другого», угрожая межнациональному и социальному миру.

Спорность содержания не отменяет роль песен как инструмента консолидации. Современная песня широко включает в свой состав прецедентный текст. Обращение к образам, знакомым широкой аудитории, создает чувство общности. Например, цитаты из классики или отсылки к национальным символам (как в патриотических песнях) объединяют поколения. В песне «Родина-мать зовёт!» и современных треках, таких как «Встанем» SHAMAN, повторяется мотив защиты «материнской земли». Этот архетип, восходящий к народным былинам, транслирует идею коллективной ответственности.

Парадоксально, но сленг и патриотизм не всегда противоречат друг другу. В ряде современных треков артисты сочетают разговорную лексику с патриотическими образами:

Мы меняем гимны, герба, знамена
Кто-то за кордон прет, за лучшие доли
Но мы возвращаемся опять сюда
Великая Россия, родина моя
(Баста «Россия»)

Эта песня заставляла взглянуть на родные места чуть по-другому, ощутив странное, новое, но очень теплое чувство дома.

Ох, да силушка твоя богатырская
Только душенька твоя, как слеза, чистая
Над тобой Солнце взойдет золотистое
Ах, люблю тебя, Россия моя
(MIA BOYKA «Богатырская»)

В песне Россия – это страна, где богатырская сила сочетается с духовной чистотой, а природа становится метафорой национальной идентичности.

Тишины послушать вволю,
По тропинке в лес густой,
Поболтать с березкой вдоволь
Про него и про любовь.
Матушка Земля,
Белая березонька,
Для меня Святая Русь,
Для других занозонька.
(Татьяна Куртукова «Матушка»)

В песне Родина представлена как пространство личной веры и утешения, где природа и традиции становятся альтернативой внешнему миру. Автор не идеализирует Россию, но подчеркивает, что ее истинная ценность открывается только через глубокую, почти мистическую связь с землей. В отличие от «Богатырской», здесь нет пафоса силы – вместо него звучит тихая уверенность в том, что Родина может быть одновременно и нежной, и колючей, но для верного сердца она всегда остается святой.

Национальные символы в патриотических песнях – это мосты между эпохами. Через гимны, военные марши, природные метафоры и фольклорные образы музыка создает «эмоциональные якоря», которые объединяют людей независимо от возраста.

Молю, разреши мне быть воином Твоим
Прошу, разреши петь песни голосом Твоим
На коленях я стою, на моей земле дым
Тихо плачет океан, ну а с ним и весь мир
(MIRAVI «Воин»)

Песня становится молитвой для тех, кто ищет надежду в трудные времена, особенно в контексте военных событий.

Встанем
И вспомним всех тех, кого в этом огне потеряли
Кто шёл умирать за Мир, а не за медали
Я знаю, что мы обязательно встретимся с вами
Встанем
(SHAMAN «Встанем»)

Песня «Встанем» пронизана глубоким патриотизмом, духовностью и идеей коллективной памяти. Ее текст можно интерпретировать как гимн героизму, жертвенности и единству народа перед лицом испытаний.

«Молодость сгорает ярко как бензин… Мама, я – рок-звезда» (Даня Милохин) – здесь бунт против шаблонов перекликается с идеей самореализации, что может стать основой для новых форм патриотизма через личный вклад в культуру.

Однако есть и риски. Чрезмерное увлечение сленгом может размывать смысловую нагрузку патриотических текстов, превращая их в поверхностные лозунги [Крысин, 2004. с. 372].

Современная песенная культура – это поле диалога между традицией и новаторством, где сленг и патриотизм выступают двумя сторонами одной медали. Если патриотические песни сохраняют национальную идентичность, то сленг позволяет молодежи выражать свою уникальность в рамках глобального мира. Баланс между этими элементами – ключ к укреплению единства в условиях культурного многообразия.

Список источников

1. Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 32–41.

2. Крысин Л. П. О лексике русского языка наших дней // Русский язык в школе и дома – 2002. – № 1 – С. 7–16.

3. Крысин Л. П. Молодежный жаргон // Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. – М., 2004. – С. 372–376.

4. Подлесная О. О чем кричит Интернет // Московские новости. – № 43. – 2006. – С. 12–15.

Сведения об авторе

Агапова Анастасия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и филологического образования, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: agapovaan@inbox.ru

УДК 811.161.1
ГРНТИ 16.41.21

Концепт «Родина» в рассказе В. П. Астафьева «Далекая и близкая сказка»

Е. Л. КАЛИНИНА

В статье рассматривается проблема реализации концепта «Родина» в рассказе «Далекая и близкая сказка» В. П. Астафьева. Анализируется наполнение различных слоев когнитивной структуры, раскрывается взаимосвязь концепта с образной системой произведения, его роль в авторской картине мира.

Ключевые слова: архетип, концепт, лексема, метафора, образ, олицетворение, описание, символ.

С рассказа «Далекая и близкая сказка» начинается повесть «Последний поклон» В. П. Астафьева. Сам автор назвал данный цикл автобиографических новелл повестью, а в последние годы жизни – повестью в рассказах [Чжэн]. Уникальность повести заключается в том, что работу над ней В. П. Астафьев продолжал всю жизнь. Данное произведение является вершиной творческого и мировоззренческого развития писателя, постоянного философского поиска, языковой эволюции. Примечательно, что изменяя композицию повести, дополняя ее различными новеллами, автор неизменно открывает повествование рассказом

«Далекая и близкая сказка», в котором намечаются все основные композиционные «скрепы»: образ главого героя – Виктора Потылицына, его бабушки по материнской линии, образы родственников, односельчан и, наконец, образ Родины.

Высокая художественная ценность повести обусловливает развитие литературоведческих и лингвистических исследований. Литературные аспекты представлены в работах А. Н. Мешалкина (мир детства в повести) [Мешалкин], А. И. Смирновой (проблема философии природы) [Смирнова], С. В. Переваловой (образ автора в повести)[1], Я. Чжэн (история создания повести) [Чжэн] и др. Лингвистическая проблематика отражена в работах Л. Н. Падериной (проблема оформления авторской речи) [Падерина], И. В. Ревенко (исследование выразительных языковых средств) [Ревенко], Ю. Г. Бобковой (проблема народного слова) [Бобкова] и других авторов. Исследования ключевых концептов в творчестве В. П. Астафьева, в частности в повести «Последний поклон», представлены в гораздо меньшем объеме: концепты «жизнь» и «смерть» анализируются в работах Е. А. Макаровой [Макарова], А. А. Осиповой [Осипова], концепт «любовь» рассматривается М. Р. Желтухиной, О. А. Михайлушкиной [Желтухина], специфика концепта «дом» раскрывается в работе И. В. Ревенко [Ревенко]. Недостаточная разработанность когнитивного направления в астафьеведении обусловливает актуальность нашего исследования. Целью данной статьи является исследование особенностей реализации концепта «Родина» в тексте рассказа «Далекая и близкая сказка» В. П. Астафьева.

В исследовании применялась методика, основанная на принципах Кемеровской школы концептуальных исследований[2]. Алгоритм разноуровневого описания концепта включает: 1) выявление репрезентирующих лексем; 2) описание понятийного слоя концепта с помощью анализа словарных дефиниций; 3) определение образной составляющей концепта на основе исследования соответствующих метафор; 4) описание символической реализации концепта; 5) исследование текстового сценария реализации концепта.

Лексемы, репрезентирующие концепт.

Ключевым словом-репрезентантом является имя существительное «родина», которое встречается в тексте шесть раз [Астафьев, с. 14, 15, 16, 21]. Однокоренные лексемы также играют важную роль в ткани произведения, демонстрируя взаимосвязь понятий Родина – родители – место рождения. В рассказе используется существительное «родители» и глагол «родился». Приведем один из примеров: «Бабушка, чтобы скорее отвязаться от меня, бегом рассказала, что в земле этой далекой взбунтовались люди против русского царя, и их к нам, в Сибирь, сослали. Родители Васи тоже были сюда пригнаны. Вася родился на подводе, под тулупом конвоира» [Астафьев, с. 17].

[1] Перевалова С. В. Творчество В. П. Астафьева. Проблематика. Жанр. Стиль: учеб. пособие по спецкурсу. М.: Флинта, 2016. 96 с.

[2] Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // СибСкрипт. 2013. №2 (54). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-kontseptov-i-etapy-kontseptualnogo-issledovaniya (дата обращения: 22.06.2024).

Понятийный слой концепта.

Понятийное ядро концепта, выделенное на основе сравнительного анализа статей «Большого академического словаря русского языка» [3, с. 708–709] и «Толкового словаря русского языка»[1], включает следующие значения: 1) страна, в которой человек родился и гражданином которой является; 2) место рождения кого-либо, родной край (малая родина). В тексте рассказа реализованы все значения, зафиксированные в словаре. Образ малой родины в восприятии главного героя – мальчика Вити Потылицына, представлен в следующем фрагменте: «А Енисей, не спящий даже иочыо, крутолобый бык на той стороне, пилка еловых вершин над дальним перевалом, молчаливое село за моей спиной, кузнечик, из последних сил работающий наперекор осени в крапиве, вроде бы один он во всем мире, трава, как бы отлитая из металла, – это и была моя родина, близкая и тревожная» [Астафьев, с. 16]. В финале повести солдат Виктор Потылицын во время Великой Отечественной войны, оказавшись в одном из польских городов, переживает уже иное, зрелое чувство любви к Родине, чувство ответственности за нее: «…старая музыка повернулась иной ко мне стороною, звучала древним боевым кличем, звала куда-то, заставляла что-то делать, чтобы потухли эти пожары, чтобы люди не жались к горящим развалинам, чтобы зашли они в свой дом, под крышу, к близким и любимым, чтобы небо, вечное наше небо, не подбрасывало взрывами и не сжигало адовым огнем» [Астафьев, с. 21].

Кроме зафиксированных в словаре значений понятийный слой концепта «Родина» в рассказе дополняется коннотативным значением: Родина – место, с которым человек ощущает духовную связь. Данное значение реализуется в истории Васи-поляка. Приведем в качестве примера фрагмент размышления Васи-поляка над произведением «Полонез Огинского», который он часто исполнял и который связывал его с далекой Польшей: «– Эту музыку написал мой земляк Огинский в корчме – так называется у нас заезжий дом, – продолжал Вася. – Написал на границе, прощаясь с родиной. Он посылал ей последний привет. Давно уже нет композитора на свете. Но боль его, тоска его, любовь к родной земле, которую никто не мог отнять, жива до сих пор» [Астафьев, с. 15].

Образная объективация концепта.

В структуре образной объективации концепта было выделено два ключевых элемента. Объективация образа малой Родины связана с описанием сибирского села Овсянка и его окрестностей. Основную роль здесь играют эпитеты и прием олицетворения. Приведем один из фрагментов пейзажного описания в качестве примера: «Крыгши у караулки не было. Хмель запеленал ее так, что напоминала она одноглазую косматую голову. Из хмеля торчало трубой опрокинутое ведро, дверь открывалась сразу же на улицу и стряхивала капли дождя, шишки хмеля, ягоды черемухи, снег и сосульки в зависимости от времени года и погоды» [Астафьев, с. 8].

[1] Толковый словарь русского языка: в 4 т. [Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков]. Т. 3. П – Ряшка // Povto.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ushakova/tom-1/ushakov-tom-1_0002.htm (дата обращения: 11.03.2025).

Объективация образа великой Родины связана с мотивами защиты родной страны во время войны. Важнейшим выразительным средством в данном фрагменте является развернутая антитеза «война – мир» на основе метафорических оппозиций: звуки взрывов как символ войны и смерти – звуки музыки как символ мира и жизни. «Последней военной осенью я стоял на посту возле пушек в небольшом, разбитом польском городе. <…> Он ничем не отличался от разрушенных городов России. <…> Над городом мрачно стоял купол пожара. Он слабел, опускался к домам, проваливался в улицы и переулки, дробился на усталые кострища. Но раздавался долгий, глухой взрыв, купол подбрасывало в темное небо, и все вокруг озарялось тяжелым багровым светом. <…> Неожиданно в доме, стоявшем через улицу от меня разлились звуки органа. <…> Музыка властвовала над оцепенелыми развалинами, та самая музыка, какую, словно вздох родной земли, хранил сердце человек, который никогда не видел своей родины, но всю жизнь тосковал о ней» [Астафьев, с. 21].

Символический слой концепта.

Концепт «Родина» относится к классу социальных концептов (классификация М. В. Пименовой[1]) и связан с системой традиционных символов. Подобные символы хранятся в коллективном сознании, а на уровне фольклорных контекстов могут быть зафиксированы в виде архетипов. В славянской культуре концепт «Родина» связан символом Матери-Земли. Процитируем в этой связи наблюдение М. В. Пименовой, Е. А. Мошиной – авторов публикации «Мифологема Мать-сыра-Земля в русской языковой картине мира»: «Для русской лингвокультуры свойственна родиноцентрическая модель мира. Метафоры рождения закрепляют обусловленную ассоциацию: Родина-мать и Мать-земля. В мифологеме Мать-сыра-земля также заложен смысл Родины…»[2]

Символический слой исследуемого концепта в рассказе связан с архетипическим образом Матери, который воплощается в контекстных ассоциациях, реализованных на уровне персонажей. Для мальчика Вити Потылицына – это родное село, могила матери, родная природа, великая река Енисей. Для Васи-поляка – это воспоминания о родителях, их могилы, Полонез Огинского; для выросшего Виктора Потылицына, солдата, защищающего Родину, – это семья, родные и близкие, родная страна и музыка детства, дающая силы для борьбы.

Сценарная реализация концепта.

В событийном отношении композиция рассказа основана на автобиографических мотивах: в произведении описывается трагическая судьба односельчанина В. П. Астафьева – Васи-поляка, раскрываются детали быта и жизни сибирского села, описываются тяжелые переживания мальчика-ситроты Вити

[1] Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // СибСкрипт. 2013. № 2 (54). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-kontseptov-i-etapy-kontseptualnogo-issledovaniya (дата обращения: 22.06.2024).

[2] Пименова М. В., Мошина Е. А. Мифологема Мать-сыра-Земля в русской языковой картине мира // Сибирский филологический журнал. 2021. №3. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mifologema-mat-syra-zemlya-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira (дата обращения: 10.04.2025).

Потылицына, его тоска по матери. В финале рассказа перед читателем предстает взрослый Виктор Потылицын в роли защитника Отечества, и страшная картина разрушенного войной польского городка.

Концепт «Родина» в сценарном отношении выстраивается в пространственной перспективе «далекое – близкое», что отражается и на уровне названия рассказа. В начале произведения далекой является родина Васи-поляка – загадочная Польша. Далее, эта страна ассоциируется у главного героя со скрипачом Васей. В финале рассказа взрослый Виктор Потылицын переносится в маленький польский городок, и далеким для него становится уже родное сибирское село – часть большой Родины, которая нуждается в защите.

Анализ реализации концепта в рассказе «Далекая и близкая сказка» позволил сделать ряд выводов. Во-первых, концепт «Родина» является одной из важнейших когнитивных составляющих рассказа. Перспективы дальнейшего анализа данного концепта связаны с исследованием его роли в художественной ткани всей повести «Последний поклон».

Во-вторых, анализ образного слоя концепта позволил выявить важную роль пейзажных описаний. В этой связи представляется важным дальнейшее исследование взаимосвязи концепта «Родина» и природных концептов в повести «Последний поклон».

В-третьих, исследование символического и сценарного слоя концепта позволило проследить автобиографические мотивы. Дальнейший анализ символического и сценарного воплощения концепта в повести также представляет научный интерес.

Список источников

1. Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 4. Последний поклон: Повесть в рассказах. Кн. 1, 2. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – 464 с.

2. Бобкова Ю. Г. Живое слово в народной речи в художественном стиле В. П. Астафьева // Астафьевские чтения: материалы Междунар. науч. конф. – Пермь: Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», 2003. – С. 37–38.

3. Большой академический словарь русского языка: в 27 т. / под ред. У. В. Буторовой, Л. Е. Кругликовой, Е. А. Левашова. – Т. 23. Расплыв – Розниться. – М., СПб.: Наука, 2014.

4. Желтухина М. Р., Михайлушкина О. А. Индивидуально-авторский концепт «любовь» в художественном дискурсе В. П. Астафьева (на примере повести «Веселый солдат» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2016. – № 3 (23). – С. 63–70.

5. Макарова Е. А. Лексическая экспликация художественного концепта «жизнь» в идиостиле В. П. Астафьева // Новая наука: стратегии и тактики развития. – 2017. – Т. 3. – № 4. – С. 84–90.

6. Мешалкин А. Н. Заветная книга В. П. Астафьева: мир детства, добра и красоты в повести «Последний поклон» // Литература в школе. – 2007. – № 3. – С. 18–22.

7. Осипова А. А. Образные вербализаторы концептов «жизнь» и «смерть» в творчестве В. П. Астафьева // Творчество В. П. Астафьева в контексте мировой культуры. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. – Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева, 2012. – С. 153–161.

8. Падерина Л. Н. Приемы стилизации авторской речи в произведениях В. П. Астафьева // Эпоха науки. – 2019. – № 19. – С. 139–145. DOI: 10.24411/2409-3203-2019-1933.

9. Ревенко И. В. Выразительные средства языка произведений первого периода творчества В. П. Астафьева // Все произведения В. П. Астафьева. Первый период творчества (1951–1969): сб. науч. ст. – Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева, 2018. – С. 92–103.

10. Ревенко И. В. Реализация составляющих концепта «дом» в «Последнем поклоне» В. П. Астафьева // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. – 2017. – № 4 (42). – С. 168–177. DOI: 10.25146/1995-0861-2017-42-4-32.

11. Смирнова А. И. В. П. Астафьев и музыка // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. – 2013. – № 12. – С. 14–19.

12. Чжэн Я. «Последний поклон» В. П. Астафьева: история создания. Жанр. Система персонажей: монография. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 140 с.

Сведения об авторе

Калинина Елена Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и филологического образования, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-6358-5595, e-mail: K5822022@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА В РЕКЛАМЕ И СВЯЗЯХ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 373.24
ГРНТИ 14.25.05

Цифровые технологии как фактор формирования коммуникативной среды для воспитания духовно-нравственных ценностей у школьников 13–16 лет*

Е. Н. КУЛИКОВСКАЯ

В статье рассматриваются цифровые и дискурсивные методы формирования духовно-нравственных ценностей у школьников поколения Z, анализируются результаты анкетирования и предлагаются практики, способствующие развитию коллективизма и патриотизма.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, Указ № 809, патриотизм, коммуникативная среда, цифровая технология, школьники.

Согласно Указу Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г., одной из ключевых задач государственной политики является сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, включая коллективизм, патриотизм, гуманизм и приоритет общественных интересов над личными. Общеизвестно, что у старших школьников (12–16 лет), относящихся к поколению Z [Кулакова, 2018], наблюдается смещение ценностных ориентиров в сторону индивидуализма. Это проявляется в стремлении к самореализации, независимости, самоопределению и личной свободе и подтверждается многочисленными исследованиями (см., например: [Тренина, Неволина, Харлова, 2022]).

Тем не менее, несмотря на преобладание индивидуалистических тенденций, представители поколения Z также демонстрируют потребность в социальной принадлежности и взаимодействии. Они ценят открытое общение, конструктивную обратную связь и признание своих достижений [Teamly, 2025].

Нами было проведено анкетирование 107 учащихся 8 и 9 классов средней общеобразовательной школы № 511. Анкета включала опросник, состоящий из 17 вопросов, призванных оценить проявленность 17 духовно-нравственных ценностей в мировоззрении школьников. Вопросы были сформулированы таким образом, чтобы быть понятными школьникам. Предлагалось выбрать одно из двух утверждений: один вариант соответствовал коллективным духовно-нравственным ценностям (согласно Указу № 809), другой – противоположной (индивидуалистической, материалистической) идеологии.

* Благодарность выражается директору ГБОУ СОШ №511 Короваевой Ларисе Евгеньевне и заместителю директора Богайцевой Марине Викторовне за активное участие в проведении анкетирования учащихся, а также генеральному директору ООО «Неолоджик» Тимохиной Наталье Николаевне за предоставление программного обеспечения для исследования.

Анкетирование выявило, что школьники в целом отдают предпочтение традиционным духовно-нравственным ценностям (65,51%), однако и ценности индивидуализма представлены широко (34,49%). При этом распределение ценностей неоднородно: в частности, 60,58% школьников предпочли патриотические утверждения утверждениям с противоположным значением, а 81.19% выразили готовность защищать Отечество при необходимости, в то время как 19% выбрали утверждение «Я ничего не должен своей стране». Итак, патриотизм преобладает: школьники осознают значимость этой ценности.

Данные опроса приведены в таблице:

	А	Б	Не действительный
Жизнь	96	11	0
Достоинство	71	36	0
Права и свободы человека	66	41	
Патриотизм	63	41	3
Гражданственность	73	31	3
Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	82	19	6
Высокие нравственные идеалы	70	37	0
Крепкая семья	67	36	4
Созидательный труд	56	47	4
Приоритет духовного над материальным	41	61	5
Гуманизм	28	78	1
Милосердие	82	20	5
Справедливость	63	38	6
Коллективизм	70	33	4
Взаимопомощь и взаимоуважение	77	29	1
Историческая память и преемственность поколений	67	34	6
Единство народов России	83	16	8
	1155	608	1763

*А – высказывание, в котором утверждается указанная ценность, В – высказывание, в котором данная ценность отрицается.

Из всех 17 ценностей только две – гуманизм и приоритет духовного над материальным – демонстрируют перекос в нежелательную сторону. Тем не менее, для воспитания как духовно-нравственных ценностей в целом, так и патриотизма в частности, эти две ценности представляются совершенно необходимыми. Дело в том, что без внутренней готовности поставить благо другого выше сиюминутной личной выгоды, как и без способности видеть в человеке прежде всего личность, а не функцию или источник ресурсов, невозможно формирование подлинных патриотических чувств. Патриотизм, не укоренённый в гуманизме и духовности, легко превращается в формальность или социально одобряемую декларацию, тогда как настоящий выбор – между собой и другими, между деньгами и смыслом – нередко делается не в пользу высоких идеалов.

Примеры вопросов:

(патриотизм)

А. Я горжусь своей страной и люблю её.

Б. Мне неважно, в какой стране жить, главное – жить хорошо.

(служение Отечеству и ответственность за его судьбу)

А. Если потребуется, я буду защищать свою страну от врагов.

Б. Я ничего не должен своей стране.

(гуманизм)

А. Я убеждён, что каждый человек заслуживает внимания и поддержки.

Б. Мне не всегда важно заботиться о чувствах других людей.

(приоритет духовного над материальным)

А. В своей жизни я хочу создать что-то важное для других людей.

Б. Я хочу иметь много денег, чтобы тратить их на удовольствия, модные вещи и гаджеты.

В настоящее время существуют известные практики воспитания духовно-нравственных ценностей: «Разговоры о важном», молодёжные проекты, интеграция тематического блока, связанного с духовно-нравственными ценностями, в учебный процесс и др. Применительно к школьной среде особенно актуальны игровые методы, вовлекающие детей во взаимодействие друг с другом. В связи с этим важно упомянуть дискурсивно-оценочный метод [Сафиоллин, 2022]. Изначально разработанный для нужд военных и силовых структур, метод доказал свою значимость, а его фундаментальные принципы – такие как открытое обсуждение, групповая оценка поведения, поощрение нравственного выбора и формирование устойчивых моральных ориентиров – имеют большой потенциал для адаптации в школьной среде. Центральным элементом этого подхода является формирование обратной связи в коллективе и этическое осмысление поступков, что актуально для подростков, находящихся в активной фазе личностного становления.

Другой метод, построенный на обратной связи, представляют цифровые технологии, позволяющие оценивать вклад члена сообщества. В России подобную технологию представляет программа «3D-коммуникации», изначально созданная для управления трудовыми коллективами, однако применимая для любых типов коллективов [Мариничев, 2024]. Суть технологии заключается в том, что участники передают друг другу благодарности при помощи специального приложения для смартфона. При отправке благодарности участник выбирает: 1) кого он благодарит (из списка фамилий), 2) за что он благодарит (из списка ценностей), 3) пишет комментарий (по желанию) [Куликовская, с. 1194].

Список ценностей вызывает особый интерес, поскольку он может быть сформирован для любых нужд. В перечне корпоративных ценностей, как правило, указываются профессионализм, доброжелательность, командная работа и др. Применительно к духовно-нравственным ценностям и школьным коллективам список может быть сформирован как набор словосочетаний, представляющих собой продолжение высказывания «Я благодарю за / за то, что ты…». Например:

– поддержал в трудную минуту,

– мужество,

– доброта,

– честность,
– достоинство,
– защитил слабого,
– справедливость,
– помощь.

Правильно составив список ценностей, мы задаём рамку для формирующегося мышления школьников, призывая их не просто размышлять над тем, что заложено в этих ценностях, но и ежедневно, в ходе повседневного взаимодействия, оценивать действия своих одноклассников и друзей с точки зрения нравственности. Следует также отметить, что название цифрового коммуникативного акта сформулировано как «акт благодарности» (не оценивания, похвалы или голосования, а именно благодарности). Благодарность сама по себе относится к числу традиционных российских духовно-нравственных ценностей, глубоко укоренённых в русской культуре и православной этике. Что касается аналитики получаемых данных, то технология является ещё и диагностическим инструментом, позволяющим в динамике наблюдать ценностную картину, визуализировать социальные взаимодействия и др.

Итак, интеграция ценностей коллективизма возможна через создание среды, поддерживающей как личностное развитие, так и коллективное взаимодействие. В случае со школьниками эта среда должна содержать необходимый игровой элемент.

Список источников

1. Кулакова А. Б. Поколение z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. – 2018. – № 2 (42). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-teoreticheskiy-aspekt (дата обращения: 14.04.2025).

2. Куликовская Е. Н. К семантике глагола «благодарить» и его производных в корпоративном этикетном общении // LII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой 19–26 марта 2024 г. – СПб.: СПбГУ, 2024. – С. 1193–1195.

3. Мариничев Ю. Б. От сущего к должному через благодаримое // Прагмема. 2024. – URL: https://www.youtube.com/live/dAMC8MHbKcg (дата обращения: 13.04.2025).

4. Работа с поколением Z: особенности и ценности сотрудников-зумеров // Блог Teamly. 2025. – URL: https://teamly.ru/blog/rabota-s-pokoleniem-z (дата обращения: 13.04.2025).

5. Сафиоллин А. М. Дискурсивно-оценочный метод в системе государственного управления и контроля: моногр. / под ред. П. И. Юнацкевича / Серия книг: Теория и методика профессионального обучения и воспитания взрослых. – СПб.: Институт нравственной культуры, 2022. – 254 с.

6. Тренина П. Е., Неволина К. А., Харлова К. А. Особенности личностных черт поколения Z // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2022. – № 2(78). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnostnyh-chert-pokoleniya-z (дата обращения: 13.04.2025).

Сведения об авторах

Куликовская Екатерина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и общественных коммуникаций, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; ассоциированный научный сотрудник Лаборатории исследований социотехнических систем, Социологический институт Российской академии наук (филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-1489-3562, e-mail: kulikovskaya.eka@yandex.ru

УДК 330.15
ГРНТИ 06.35.31

Отличная работа маркетологов или культурный феномен? Sold out на концерты Надежды Кадышевой

М. М. МАРКЕС

В статье исследуется популярность концертов народной артистки Надежды Кадышевой как важный социальный феномен, связанный с активизацией глубинных поведенческих механизмов в условиях культурных изменений и социальной неопределенности. В качестве теоретической основы работы используются принципы поведенческой экономики, такие как фрейминг, подталкивание, эффект дефицита, социальное доказательство, эвристика и архетипическое мышление. Анализируется, как культурные продукты, нацеленные на патриотическую тематику, оказывают значительное влияние на массовое поведение и формируют устойчивые предпочтения среди аудитории.

Работа также выявляет механизмы, с помощью которых в рекламе и связях с общественностью можно эффективно использовать элементы культурного патриотизма для формирования позитивных общественных настроений. Конкретно на примере концертных мероприятий демонстрируется, как стратегически интегрировать патриотические мотивы в рекламные и PR-кампании, чтобы не только продвигать продукт, но и воспитывать чувство национального единства и гордости.

Ключевые слова: поведенческая экономика, когнитивные механизмы, эвристика, фрейминг, маркетинг, продажи.

В статье рассматривается феномен, который ярко демонстрирует, как можно взаимодействовать с массами через рекламу и связи с общественностью, а также как патриотизм может стать мощным инструментом в этой коммуникации. Концерты Надежды Кадышевой, которые в последнее время приобрели ошеломительную популярность, служат отличным примером того, как культурные события могут не только объединять общество, но и быть успешной финансовой моделью. Билеты на концерты распродаются за несколько месяцев до их проведения, что свидетельствует о высоком интересе и доверии аудитории к продукту.

В этом контексте будут использоваться принципы поведенческой экономики, такие как фрейминг, эффект дефицита, социальное доказательство и другие когнитивные механизмы, чтобы объяснить, как они влияют на поведение людей в массовых коммуникациях и рекламе. Также объясняется, почему такие феномены возможны и каким образом их можно адаптировать для создания эффективных рекламных и PR-стратегий, которые не только вызывают эмоциональный отклик у аудитории, но и позволяют извлечь финансовую прибыль.

В работе демонстрируется, как этот подход можно использовать для укрепления патриотизма в обществе, и для достижения коммерческого успеха в различных рекламных кампаниях. По нашему мнению, использование культурных ценностей и обращение к патриотическим темам в массовых коммуникациях

позволяет формировать долгосрочные отношения с аудиторией, а также создавать прибыльные и эффективные бизнес-стратегии.

Безусловно, первое, о чем стоит сказать, что образ Надежды Кадышевой действительно дождался своего времени. Более благоприятного момента сложно представить.

Образ идеально вписывается в запрос современного общества, которое переживает не самые стабильные и спокойные времена. В условиях неопределенности и социальной тревожности люди интуитивно ищут опору и защиту, и этот образ с архетипами «матери», «берегини» и «героини» предоставляет такую опору. Это не просто фигура артистки, а символ стабильности и культурных ценностей, которые, на фоне изменений в мире становятся особенно актуальными.

В такие моменты именно подобные фигуры вызывают доверие и служат опорой для эмоционального автоматического восприятия, когда люди подсознательно ищут утешение и уверенность в будущем.

Музыка Кадышевой для людей, которым сейчас около 40 лет и старше, является важной частью коллективной памяти. Для них её песни ассоциируются с более стабильным временем, с теми моментами жизни, когда всё было проще: дачи, домашние застолья, общение с близкими. Эти песни стали символом уюта и домашних радостей, связанных с бабушками, мамами, семейными праздниками. Вспоминаются те моменты, когда мир был стабильным, а жизнь – понятной и предсказуемой. Даже для более молодого поколения её музыка связана с теми тёплыми воспоминаниями о детстве, что также создаёт устойчивую эмоциональную связь.

В связи с этим образ Надежды Кадышевой и её музыка становятся культурным укрытием в период глобальных перемен. Эти архетипические образы сливаются с личными воспоминаниями и ассоциациями, создавая мощный эмоциональный отклик у аудитории. В условиях тревожности и культурной дезориентации такие культурные символы и традиции помогают людям вернуть ощущение устойчивости и связи с чем-то родным и знакомым. Это становится ещё одним доказательством того, как важно в рекламе и связях с общественностью использовать такие архетипические образы для формирования доверия и стабильности, особенно в моменты неопределенности.

Поведенческие подталкивания, которые активно используются для формирования устойчивого спроса на концерты Надежды Кадышевой, хотя и не ограничивают свободу выбора, оказывают мягкое воздействие на восприятие, побуждая человека принять определённое решение. Формулировки вроде «Поддержи свое», «Вместе сильнее», «Вернемся к корням» – это классические примеры поведенческого подталкивания. Они не диктуют действия, но, мягко направляя эмоции, активируют нужный отклик, заставляя человека почувствовать, что это значимо и нужно.

Важно отметить, что визуальная коммуникация, афиши, стиль одежды исполнителей, язык, на котором они выступают, – всё это также работает как поведенческие подсказки. Они значительно снижают когнитивную нагрузку, облегчая восприятие информации и принятие решений. Когда человек видит

афишу, на которой изображены певцы в народных костюмах или традиционных нарядах, а слоган звучит как призыв к возвращению к истокам, ему становится ясно: здесь тепло, родное, безопасно. Это пространство, где можно получить эмоциональное удовлетворение и почувствовать себя частью чего-то большего. И, что важно, такой формат позиционирования делает само посещение концерта социально одобряемым и, следовательно, почти не требующим размышлений. Люди не задумываются над тем, стоит ли идти, потому что это стало естественным и нормализованным действием, что ускоряет процесс покупки билетов.

Еще одним важным поведенческим механизмом является эффект социального доказательства. Мы все знаем, что, если все вокруг делают что-то, это воспринимается как нормальное и правильное поведение. В случае с концертами Кадышевой наблюдается эффект социального доказательства, который идеально подкрепляется видеороликами, которые регулярно выкладывают на различных платформах, в том числе и на тех, что сейчас находятся под запретом в России. В этих роликах видно, как весь зал танцует, поёт, веселится. Молодёжь и взрослые, мужчины и женщины – все они поглощены атмосферой праздника. Среди зрителей можно увидеть и тех, кто приходит в народных костюмах, в кокошниках и платках, что вызывает ностальгию у зрителей, особенно у тех, кто давно не переживал таких эмоций. Для людей, которые 20 лет назад участвовали в «белых вечеринках», это вновь становится актуальным и востребованным.

Эта атмосфера становится мощным инструментом для создания чувства общности и принадлежности, когда люди чувствуют, что делают что-то важное и правильное. Здесь срабатывает ещё один психологический эффект – эффект дефицита. Под каждым видео о концертах люди пишут, что «еле купили билеты». Это создаёт ощущение срочности, люди начинают ощущать, что они должны успеть попасть на концерт до того, как все билеты будут раскуплены. Эта техника работает чрезвычайно эффективно, потому что побуждает к быстрому действию.

Площадки тоже выбираются вполне логично: чем меньше зал, тем быстрее билеты распродаются, и, следовательно, тем выше их ценность в глазах аудитории.

Ограниченное количество мест и повышенные цены на билеты создают искусственный дефицит, который стимулирует людей действовать быстрее и не откладывать покупку. Все эти механизмы работают совместно, создавая мощный маркетинговый эффект: если все идут, значит, это важно. Таким образом, эффекты социального доказательства и дефицита действуют на зрителей, формируя в их подсознании нужное восприятие – они не только идут на концерт, но и вовлекаются в общую культурную атмосферу, наполненную эмоциями и воспоминаниями.

Концерты Надежды Кадышевой – это не просто музыкальное событие, это событие, которое активно работает на укрепление культурной идентичности. Они пронизаны иллюстрацией доступности и ностальгии, создавая у зрителей особое ощущение связи с детством, традициями и семейными праздниками. Музыка, которую она исполняет, ассоциируется у многих с уютными застольями, с моментами радости и тепла, которые можно вспомнить из семейных встреч или

праздников. Это действительно очень мощная культурная матрица, которая собирает людей разных возрастов и разных поколений, создавая уникальную атмосферу, в которой зрители ощущают себя частью одной большой семьи. Это приводит к чувству единения, которое очень часто наблюдается на концертах: целые семьи приходят поддержать певицу, разделяя этот момент.

Важно подчеркнуть, что такое событие не подаётся как нейтральная культурная активность. Это не просто концерт, это культурный выбор, и каждый человек, который решает на него пойти, подтверждает свою принадлежность к коллективной идентичности. Процесс фрейминга, который происходит через медиа, делит мир на «свои» и «чужие». Это бинарная оптика, упрощающая выбор. Участие в концерте является своего рода утверждением своей связи с корнями, традициями, с тем, что было «своим» всегда. Это не просто представление искусства, это целая культурная идентификация. Фреймируется этот выбор очень чётко: либо ты с корнями, либо ты чужой. Система выборов становится настолько простой, что человек не задумывается, а скорее действует, следуя за общим потоком.

Интересно, что в обсуждениях концертов очень часто возникает сопоставление Надежды Кадышевой с другими звёздами, которые уже уехали и ушли с культурной сцены. Это также работает как важный элемент фрейминга, который усиливает позицию «своих». Когда рядом с её именем упоминаются те, кто покинул сцену или ушёл в другое культурное поле, автоматически создаётся контраст, подчеркивающий её значимость и актуальность. Это усиливает восприятие концерта не как просто очередного культурного мероприятия, а как события, которое помогает укреплять свои культурные позиции. В контексте такого восприятия фрейминг становится ещё более мощным инструментом: концерт Кадышевой – это не просто отдых, это возвращение к истокам, ценностям, которые ассоциируются с тем, что было всегда «своим». И такой подход активно работает на формирование коллективного чувства принадлежности и идентичности.

Еще один пункт, касающийся моральной лицензии, поднимает важный аспект социального поведения, который заслуживает внимательного рассмотрения. Множество исследований подтверждают, что участие в акте социальной значимости или моральной ценности часто может уменьшать мотивацию к дальнейшим действиям, которые могут потребовать усилий или вовлеченности. Простыми словами, после того как человек совершает что-то «хорошее» или «правильное», например посещает патриотическое мероприятие в традиционном костюме, он ощущает, что заслуживает передышку от других активностей, в том числе от тех, что касаются более глубокой гражданской вовлеченности.

Концерт Надежды Кадышевой может служить именно таким актом, своего рода моральной регуляцией: «Вот, я сходил на мероприятие, я поддержал культуру, я был там с семьей, оделся как положено, теперь я могу немного расслабиться». Это, безусловно, вызывает опасения, потому что в такой ситуации патриотизм может превратиться в формальность – разовое событие, которое не

продолжает активную гражданскую позицию. Это становится еще более актуальным, если мы стремимся к усилению патриотизма в массах. Важно, чтобы такие акты не становились лишь лёгким способом оправдания без дальнейшего вовлечения в социальные или гражданские процессы.

Феномен концертов Надежды Кадышевой – это не просто рекламная акция для певицы или её музыкального имиджа. Это не просто продвижение личности исполнителя, как мы можем видеть по показателю её социальных сетей. Несмотря на огромный интерес к её концертам, её социальные сети остаются достаточно скромными по числу подписчиков – около 60 тысяч, что для артиста такого уровня действительно мало. Однако на самом деле это свидетельствует о глубинном взаимодействии с культурными архетипами, бессознательными механизмами социальной подстройки и автоматическим реагированием аудитории. На наш взгляд, это яркий пример того, как в условиях неопределенности, социального стресса и культурных изменений аудитория не столько выбирает, сколько реагирует на предложенные сигналы и образы.

Эти концерты, как и сам имидж певицы, являют собой точку схождения глубинных культурных и психосоциальных механизмов, которые используются для того, чтобы управлять массовым вниманием. Примечательно, что главную роль в этом процессе играет не сама звезда как личность, а именно те культурные и социальные триггеры, которые она запускает, взаимодействуя с аудиторией. Патриотизм в данном контексте выступает не только как выражение национальной гордости, но и как способ создания безопасной эмоциональной зоны, культурного убежища, куда хочется вернуться, особенно в эпоху, когда внешние обстоятельства кажутся нестабильными и непредсказуемыми.

Поведенческая экономика предоставляет мощные инструменты для анализа того, какие выборы может сделать аудитория и как с помощью определённых механизмов можно повлиять на её поведение. Этот подход помогает объяснить, как и почему люди принимают те или иные решения, включая выбор потребления культурных событий, продуктов и услуг. В контексте феномена концертов Надежды Кадышевой виден наглядный пример того, как культурное событие может быть не просто формой досуга, а эффективным инструментом поведенческого подталкивания, встроенным в национальное сознание и коллективную идентичность.

Концерты Кадышевой – это результат целенаправленного выстраивания коммуникации, в которой переплетаются культурные архетипы, социальные триггеры и эмоциональные реакции аудитории. Это не случайное стечение обстоятельств, а тщательно продуманный маркетинговый и культурный процесс, который помогает воздействовать на массовое сознание, укреплять патриотические чувства и поддерживать национальную идентичность. Феномен такой популярности в условиях культурной нестабильности демонстрирует, как через правильное позиционирование можно мягко направить людей к нужным выборам.

Задумавшись о подобных явлениях, можно прийти к выводу, что любой культурный феномен, будь то концерт или другое массовое событие, является не только продуктом искусства, но и осмысленным инструментом поведенческого

воздействия. Используя эти принципы в рекламе и связях с общественностью, можно создавать эффективные стратегии, которые направляют аудиторию к нужным решениям, не ограничивая её свободу, а мягко подталкивая к действиям.

Список источников

1. Ариэли Д. Предсказуемая иррациональность. Скрытые силы, определяющие наши решения. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. – 368 с.

2. Талер Р., Санстейн К. Пинок. Как помочь людям сделать правильный выбор. Финальное издание. – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 400 с.

3. Канеман Д., Сибони О., Санстейн К. Шум. Порок в человеческих суждениях. – М.: Альпина Паблишер, 2022. – 624 с.

4. Чалдини Р. Психология влияния. Как научиться убеждать и добиваться успеха. – М.: Эксмо, 2021. – 352 с.

5. Бергер Дж. Катализатор. Как изменить мнение любого человека. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. – 320 с.

Сведения об авторе

Маркес Мария Михайловна – магистрант экономического факультета, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-0188-6872, e-mail: mavoron@yandex.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 340.158
ГРНТИ 10.09.91

«Социалистическое отечество в опасности!» Политико-правовые основы суверенитета Советской России

Н. Г. ДАШКЕВИЧ

Развитие Российского государства после Октябрьской революции сопровождалось множеством вызовов. В статье рассматривается реакция советского правительства на внешнеполитическую угрозу и внутриполитические вызовы. Рефлексия выражалась прежде всего в издании нормативно-правовых актов, в которых четко выражалась позиция советского руководства по защите социалистического отечества. Декретное нормотворчество, создание ВЧК и РККА, подписание Брестского мира, принятие Конституции, установление диктатуры пролетариата и начало фронтальной Гражданской войны стали примерами прямой и опосредованной борьбы Советского государства за свое существование.

Ключевые слова: революционное право, социалистическое право, социализм, коммунизм, Советская Россия, социалистическое отечество, В. И. Ленин.

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш мы новый мир построим,
Кто был никем, тот станет всем!

После падения монархии и установления двоевластия российское общество пребывало в крайне сложном положении – по итогам Февральской революции многие социальные конфликты не были улажены. Несмотря на демократизацию общества, провозглашение России республикой и прочие либеральные нововведения, интеллектуальную, политическую и профессиональную подготовленность министров [Измозик, 2022, с. 36], Временное правительство не решало самые актуальные проблемы граждан, одной из которых стал вопрос о войне и власти. Отметим, что большевики с «поставленной задачей» справились.

Говоря об отношении большевиков к Первой мировой войне, стоит указать на то, что они изначала видели «экономический подтекст» разворачиваемых событий, обозначая войну империалистической. В. И. Ленин писал: «Империалистическая война ведется капиталистами из-за денежных выгод и господства над миром, из-за рынков финансового (банковского) капитала» [Ленин, 1974, т. 31, с. 403]. Действительно, царская Россия, как и другие страны, была «империалистическим хищником», желавшим перекроить мир в свою пользу.

Ф. Энгельс в свое время писал: «Государство – сила, стоящая над двумя классами и умеряющее их столкновение, держа общество в границах порядка»

[Энгельс]. Угнетенными классами стали рабочие и крестьянские массы, которые, несмотря на патриотический подъем в начале войны, к 1917 г. устали от нее, не понимая, за что именно проливается их кровь. Однако правящему классу в тот период времени было нужно продолжение войны до победного конца, о чем министр иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков говорил в своей известной ноте[1].

Р. А. Ромашов справедливо отмечает, что в тот период времени происходил переход к новой государственно-правовой системе: от монархической к социалистической [Ромашов, с. 71]. После Великой Октябрьской социалистической революции развитие российской государственности приобрело качественно новые политико-правовые свойства. Победа Октябрьской революции ознаменовала приход к власти большевиков – продолжателей идей Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Конец 1917 г. был обусловлен установлением советской власти на территории Российской республики, когда началось, как выразился В. И. Ленин, «триумфальное шествие советской власти». Однако стоит сказать, что у большевиков, несмотря на их политический дебют 25 октября, оставалось немало противников, готовых их сместить с «олимпа» [Дашкевич, с. 55].

Итак, одним из первых декретов советской власти стал Декрет о мире, согласно которому новое правительство придерживалось политики разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения во что бы то ни стало революционными мерами демократического мира между народами, без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения наций[2].

По замыслу большевиков, Учредительное собрание должно было утвердить принятые временным советским правительством декреты, в частности о мире, о земле, о власти, включая также и Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, согласно которой Учредительное собрание должно было присоединиться к внешнеполитическому курсу советского руководства[3]. Однако делегаты «Учредиловки» отказались принимать предложенные документы, после чего большевики и левые эсеры покинули зал заседания, сделав его неправомочным из-за отсутствия кворума.

Несмотря на пацифистскую идеологию большевиков, внешнеполитическая канва была такова, что кайзеровские войска заняли западные территории (географически – часть Прибалтики, территория Западной Белоруссии и Украины). После предательского подписания руководством Украинской народной республики «малого» Брестского мира в январе 1918 г. немцы «были приглашены» на земли Новороссии вплоть до Кубани. В этом же месяце принимается решение о создании РККА – боевой организации пролетариата, способной отразить натиск

[1] Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya (дата обращения: 10.04.2025).

[2] Декреты Советской власти. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957.

[3] Там же.

противника, поскольку Россия находилась еще в состоянии войны. Декретом Совета народных комиссаров «О Рабоче-Крестьянской Красной Армии» провозглашалось, что армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся классов, а кандидатуры на вступление в РККА должны быть поддержаны просоветскими общественными или профессиональными организациями или как минимум двумя членами таких объединений[1].

Разворачивавшиеся зимой 1918 г. события требовали решительных действий. Изданный 21 февраля Декрет «Социалистическое отечество в опасности!» предписывал обязанность защиты «до последней капли крови» всех позиций советской власти, когда все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны[2]. Уже 23 февраля регулярные части Красной армии одерживают первую решительную победу над противниками в районе Пскова. Несмотря на это, армия, как в целом и весь народ, находилась в крайне сложном положении, которое было обусловлено затяжным характером войны, политическими противоречиями, общей усталостью солдатских масс, проблемами со снабжением и прочее.

3 марта 1918 г. был подписан Брестский мир, давшийся советскому политическому руководству с большим трудом из-за споров между В. И. Лениным («похабный» мир на любых условиях), Л.Д. Троцким («ни мира, ни войны – армию распустить») и Н. И. Бухариным (продолжение войны), а также их сторонниками. Как известно, в конечном итоге, после неудавшихся интриг Л. Д. Троцкого как главного парламентера с немцами, получила преимущество точка зрения В. И. Ленина. Заключенный мир тактически был невыгоден России (отторжение территорий, выплата контрибуций и т.д.), однако стратегически В. И. Ленин предугадал ход развития событий, поскольку через полгода в Германии произойдет революция, и советское правительство аннулирует данный договор[3].

Суверенитет и безопасность Советской России сопровождались не только внешнеполитическим урегулированием спорных вопросов, но и внутриполитическими противоречиями общества. Высказанный еще летом 1914 г. тезис В. И. Ленина о превращении войны империалистической в войну гражданскую подразумевал борьбу прежде всего с классовыми врагами. Взятие власти в руки большевиков влекло за собой ряд последствий, выраженных в декретах: уничтожение сословий и гражданских чиной, введение восьмичасового рабочего дня и рабочего контроля, национализация банков и т.д., когда в конечном итоге началась «экспроприация экспроприаторов». В. И. Ленин писал: «Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи старой государственной машины, а в том, чтобы он разбил эту машину и командовал, управлял при помощи новой машины» [Ленин, 2020, с. 384]. Естественно, резкая смена социально-экономического курса не могла не вызвать негативную реак-

[1] Декреты Советской власти. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957.
[2] Там же.
[3] Там же.

цию «бывших» людей. Начавшаяся политика саботажа и вредительства со стороны капиталистов привела к созданию ВЧК – Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Формальным выражением воли большевиков стала принятая летом 1918 г. первая советская Конституция, устанавливавшая диктатуру городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства «в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти»[1]. Диктат эксплуатируемых над эксплуататорами был закономерным периодом после Октября 1917 г., когда власть перешла в руки народа. Однако такая диктатура не была самоцелью, а лишь средством, одним из этапов построения коммунистического общества.

Развернувшая в 1918 г. фронтальная Гражданская война продемонстрировала непримиримость взглядов и идей политических оппонентов, когда стало невозможно прийти к консенсусу без физического противостояния. Гражданская война стала показательным примером сочетания внутри- и внешнеполитической повестки – противостояние не только белых и красных, но и вмешательство интервентов, стремившихся в том числе вернуть национализированное большевиками имущество.

В философском смысле можно сказать, что историческая Россия стала местом борьбы цивилизаций – консервативно-капиталистической и радикально-социалистической. В. И. Ленин верно оценивал гнетущую политическую ситуацию переходного периода: «Верхи не могут, низы не хотят» [Ленин, 1974]. В конечном итоге сторонники новой общественно-экономической формации вытеснили своих противников. Радикализм для социалистического идейного течения стал необходимостью, обусловленной решительной борьбой с теми, кто некогда угнетал рабочих и крестьян, т. е. 80% населения страны.

Таким образом, идеологема «Социалистическое отечество в опасности!» представляет собой весьма важную страницу в российской истории, поскольку продемонстрировала готовность Советов «сражаться» до последнего конца. В данном случае понимание сражения должно быть не только в смысле ведения боев, атак и наступлений, но и на идеологическом фронте. Самым главным орудием большевиков во главе с В. И. Лениным была диалектика, заключавшаяся в правильной и адекватной оценке череды событий для реализации своих идей, хотя некоторые исследователи полагают, что это было отказом от неработающих лозунгов с одновременным соединением утопии и крайнего прагматизма [Измозик, 2020, с. 38].

На наш взгляд, именно диалектический материализм (материалистическая диалектика) стал главным оружием в борьбе за светлое коммунистическое будущее, которое было возможно только при обеспечении безопасности и суверенитета первого в мире социалистического государства – Советской России.

---

[1] Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/1-glavnaya (дата обращения: 10.04.2025).

Список источников

1. Дашкевич Н. Г. Социальный фактор в истории систематизации конституционного права в первые годы советской власти (к 100-летию памяти о В. И. Ленине) // Теория и практика современной юридической науки: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. – С. 54–58.
2. Измозик В. С. Но долгую жизнь товарища Ленина надо писать и описывать заново // Российская история. – 2020. – № 2. – С. 35–42. – DOI 10.31857/S086956870009251-7.
3. Измозик В. С. Тихонова Н. С. Министры Временного правительства в 1917 г. Социально-политическая характеристика // Социогуманитарные коммуникации. – 2022. – № 1(1). – С. 30–38.
4. Ленин В. И. Государство и революция. – М.: Изд-во АСТ, 2020. – 512 с.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1974.
6. Ромашов Р. А. Государственно-правовые системы переходного типа (на примере трансформации Российской империи в федеративную советскую социалистическую республику) // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 4(78). – С. 64–81. – DOI 10.35231/18136230_2024_4_64. – EDN WEZMMH. С. 71.
7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1982. – 240 с.

Сведения об авторе

Дашкевич Никита Германович – аспирант кафедры теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-6642-9728, e-mail: dashkevich0801@gmail.com

УДК 340.1
ГРНТИ 10.07.61

Об особых случаях прохождения военной службы РФ

А. В. ЕВСЕЕВ

В статье предпринята попытка пересмотра традиционной для российского законодательства точки зрения на систему военной службы, определяемой через понятие «профессиональная специальная (военная) деятельность на воинских или невоинских должностях». Предложено альтернативное понимание этого вида государственной службы, базирующееся на представлении о формировании, движении и подтверждении правовых статусов военнослужащих.

Ключевые слова: государственная служба, военная служба, ведомственная система военной службы, военнослужащий, прохождение военной службы, профессиональная специальная деятельность на воинских и невоинских должностях.

В настоящее время государственная служба рассматривается в качестве важнейшего правового института, способствующего более точному, полному и эффективному исполнению государственными служащими своих должностных обязанностей при занятии (замещении) ими соответствующих должностей в органах государственной власти.

Государственная служба Российской Федерации (далее – РФ) обеспечивает исполнение полномочий РФ, федеральных органов государственной власти и

иных федеральных государственных органов, лиц, замещающих государственные должности РФ, субъектов РФ, органов государственной власти субъектов РФ и иных государственных органов субъектов РФ, лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ, а также федеральных территорий, органов публичной власти федеральных территорий, лиц, замещающих должности федеральных территорий, лиц, замещающих в федеральной территории должности, устанавливаемые федеральными законами и указами Президента РФ, а также уставом федеральной территории для непосредственного исполнения полномочий органов публичной власти федеральной территории[1]. Как известно, федеральная государственная служба как (система) подразделяется на определённые виды (подсистемы), в том числе, на федеральную государственную гражданскую службу, военную службу и иные разновидности.

Нельзя не заметить, что многие формулировки законов и подзаконных актов, регламентирующих государственную службу в РФ, а также характеристики государственной службы, представленные в научной и учебной литературе, в большинстве случаев отождествляют государственную службу с профессиональной служебной деятельностью граждан на должностях государственной службы. Так, в статье 10 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» утверждается, что «федеральный государственный служащий – гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности федеральной государственной службы и получающий денежное содержание (вознаграждение, довольствие) за счёт средств федерального бюджета, бюджета федеральной территории».

Между тем, известны особые ситуации и конкретные случаи, которые выходят за рамки такого понимания государственной службы и, следовательно, заставляют более пристально рассмотреть и оценить корректность определений многих понятий, действующих на сегодня в данной области российского права. Во избежание схоластических измышлений («обо всём и сразу») обратимся к системе военной службы РФ и её правовым основам, а также рассмотрим место в этой системе деятельности отдельного военнослужащего, в частности, его профессиональной служебной (военной) деятельности на той или иной военной должности.

Во-первых, начало военной службы у многих военнослужащих обычно исчисляется задолго до назначения их на воинскую должность, а именно: в день зачисления на службу (в день вступления в силу контракта)[2]. Назначение же на

---

[1] Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27.05.2003 № 58-ФЗ (в ред. 14.02.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102081744 (дата обращения: 16.04.2025).

[2] Положение о порядке прохождения военной службы, утвержденное Указом Президента РФ № 1237 от 16 сентября 1999 г. (в посл. ред.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&infostr=xO7q8+zl7fIg7vLu4fDg5uDl8vH/IO3lIOIg7+7x6+Xk7eXpIPDl5ODq9ujo&nd=102061768&rdk=6&&empire= (дата обращения: 16.04.2025).

должность (точнее, её замещение) обычно осуществляется заметно позже дня зачисления на военную службу – чаще всего, приказом начальника воинской части (организации) после высвобождения соответствующей вакантной должности, переезда военнослужащего к месту несения службы, проведения медицинского обследования (включая профессиональную психологическую проверку), аттестации и/или конкурсного отбора.

Во-вторых, в Положении о порядке прохождения военной службы выделена категория лиц, при заключении нового контракта с которыми назначать их на воинскую должность не требуется (например, с военнослужащими, которые непосредственно подчинены руководителю федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба[1]).

В-третьих, военная служба – это такая профессиональная деятельность граждан, которая происходит не только на воинских должностях, но и не на воинских должностях. К невоинским должностям, по-видимому, относятся вспомогательные должности, предусмотренные государственными реестрами и которые могут замещаться как военнослужащими, так и гражданским персоналом. Лица, замещающие невоинские должности, осуществляют на профессиональной основе деятельность, обеспечивающую жизнедеятельность военного ведомства, военного округа или военной части (организации), например, бухгалтеры, работники столовых или уборщики помещений.

В-четвертых, согласно Положению о порядке прохождения военной службы, военнослужащий, проходящий военную службу по контракту в условиях, объективно исключающих возможность заключения нового контракта (нахождение в плену, в положении заложника или интернированного и при других обстоятельствах), желающий вновь продолжить военную службу по истечении срока действующего контракта, продолжает прохождение военной службы по контракту[2]. Очевидно, что при наличии таких обстоятельств военнослужащий не способен осуществлять свою профессиональную служебную деятельность, хотя, с формально-юридической точки зрения, он и числится в занимаемой должности.

В-пятых, иногда военнослужащие, не замещая какие-либо воинские должности, тем не менее продолжат свою военную службу, при этом увеличивая стаж

---

[1] По-видимому, именно такие невоинские должности занимали в своё время в Министерстве обороны РФ известные «генеральши» – советник М. Китаева (закончила Российский институт театрального искусства) и пресс-секретарь Р. Марковская (закончила журфак Дальневосточного государственного университета). Будучи действительными государственными советниками 3-го класса (что соответствует званию генерал-майора), они тем не менее оставались на государственной гражданской службе, что исключало присвоение им военных званий и право на ношение генеральских мундиров.

[2] Известны факты (из 1990-х – начала 2000-х гг.), когда в военных частях происходило плановое сокращение должностей и в силу данного обстоятельства некоторые военнослужащие отстранялись от исполнения своих должностных обязанностей и «выводились за штат», но тем не менее они продолжали прохождение военной службы (с выплатой денежного содержания и выдачей вещевого довольствия) – в силу того, что, по закону, они не могли быть уволены с военной службы без получения причитающегося им жилищного сертификата.

своей государственной службы (срок выслуги) и получая очередные воинские звания и соответствующие выплаты (как минимум, ежемесячный оклад по воинскому званию и ежемесячную надбавку за выслугу лет, которые ежегодно индексируются). Так, согласно Положению о прохождении военной службы, с женщинами-военнослужащими[1], находящимися в отпуске по беременности, родам и уходу за ребенком, контракт о военной службе не прерывается[2].

В-шестых, лица, поступившие в военные или военно-медицинские вузы и заключившие контракт о военной службе, на первом курсе считаются военнообязанными по призыву, а на втором курсе они заключают контракт, срок действия которого – это период обучения в данном военном вузе и плюс пять лет военной службы после его окончания. При этом обучающиеся (слушатели) занимаются там образовательной деятельностью, которая по своему содержанию не совпадает с военной профессиональной деятельности, тем более, на профессиональной основе.

В-седьмых, подготовка или переподготовка военных кадров, а также нахождение военнослужащих на лечении и/или восстановлении здоровья непосредственно не связаны с выполнением ими соответствующих должностных обязанностей, предусмотренных контрактами для замещаемой ими воинской должности.

В-восьмых, ведомственная система военной службы ведёт учёт и делопроизводство в отношении лиц, которые в принципе не замещают какие-либо воинские должности и, следовательно, не осуществляют профессиональную специальную (военную) деятельность – например, резервисты (заключившие контракт о пребывании в резерве или пребывающие в мобилизационном людском резерве) и находящиеся в запасе.

Наконец, в-девятых, можно предположить, что в военном ведомстве (скажем, в Министерстве обороны РФ) или в его воинских частях (организациях) могут возникнуть особые ситуации, связанные с необходимостью временно привлечь на военную работу особо ценных работников, которые в силу преклонного возраста или иных эксклюзивных обстоятельств не могут быть приняты на военную или гражданскую государственную службу. То есть речь идёт о следующей модели: лицо как вольнонаёмный работник осуществляет важную специальную военную деятельность (например, участвует в установке, настройке и испытании высокотехнологичной военной техники), не будучи военнослужащим.

---

[1] В настоящее время, в связи с внесением определённых изменений в российское законодательство, право на уход за ребенком (до трёх лет) теперь распространяется и на мужчин-военнослужащих. Правда, такая практика единична.

[2] Известны случаи, когда женщины-военнослужащие, родившие нескольких детей, выходили в отставку в звании подполковника, хотя имели небольшой стаж реального пребывания в воинской должности. Тем более, такие должности номинально не числятся за ними – женщинам лишь «гарантируется их сохранение».

Таким образом, мы видим множество нетипичных ситуаций[1], когда при прохождении военной службы сами военнослужащие не занимают какие-либо воинские должности и, следовательно, не выполняют должностные обязанности на профессиональной основе. Возможны и противоположные ситуации, когда граждане выполняют определённую служебную (военного назначения) деятельность в военной части (организации), не будучи зачислены на военную службу. Логично охарактеризовать такие ситуации как особые случаи несения военной службы.

Однако массовость подобных ситуаций (мы описали более 12 и это далеко не все) и сложность их правового урегулирования подводят нас к выводу, что само понимание военной службы, сформулированное на основе легального определения государственной службы (как «профессиональной служебной деятельности граждан на должностях государственной службы»), является весьма узким, не охватывающим все разновидности прохождения военной службы в РФ, и даже вступает в противоречие с указанными выше особыми случаями прохождения военной службы, предусмотренными в российском военном законодательстве.

Представляется, что для разрешения этой коллизии (складывающейся, по крайней мере, в теоретико-правовом плане) следует более чётко развести понятия «система военной службы», «военная служба граждан» и «профессиональная служебная деятельность военнослужащего на воинской должности» с тем, чтобы рассмотреть понятие «военная служба» более объёмно и системно. Очевидно, что первичным здесь является понятие «система военной службы», поскольку военная служба гражданина, как и его профессиональная военная деятельность начинаются после зачисления гражданина в систему военной службы.

Идя таким путём, мы можем предложить более универсальную дефиницию, а именно: военная служба Российской Федерации – это государственно-правовой институт (общественная система), в рамках которой происходит формирование, движение (повышение) и подтверждение[2] правовых статусов военнослужащих[3].

---

[1] Мы рассмотрели далеко не все случаи, встречающиеся в жизни военнослужащих. Данный перечень можно продлить, особенно учитывая, что все военные делятся на несколько категорий (военнослужащие по контракту и по призыву, мобилизованные и/или призванные на военные сборы и др.).

[2] Подтверждение правового статуса включает в себя получение военным ведомством от военнослужащего или от сторонних источников формальных и иных данных, необходимых для определения и/или изменения его правового статуса. Например, речь может идти о получении медицинской справки и/или лабораторных результатов, свидетельствующих о здоровье и годности гражданина к военной службе.

[3] Под правовым статусом (состоянием) военного мы понимаем определённый набор прав и обязанностей военнослужащего, которым он наделяется в системе военной службы на основе имеющихся в ней персональных данных - сведений о его образовании, практической подготовке, прошлом профессиональном опыте при замещении воинских должностей, личных достижений и заслуг, полученных отзывов командиров и оценок аттестационных комиссий и т.д.

В силу того, что преобладающее число военнослужащих проходят военную службу в виде замещения воинской должности, можно отметить, что, с точки зрения логики, понятия «военная служба» и «профессиональная служебная деятельность на воинской должности» становятся уже не разными и даже противоречащими друг другу понятиями, а пересекающимися понятиями. Действительно, с точки зрения государственной политики и военного строительства, одна из основных функций системы военной службы – обеспечение на должном профессиональном уровне служебной (военной) деятельности каждого военнослужащего, замещающего ту или иную воинскую должность (в соответствии со статьёй 1 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации), что подтверждает вышесказанное.

Заметим также, что система военной службы является особой военной организацией (со своей внутренней структурой и кадровым составом), которая подчинена центральному руководству (руководителю) федерального органа исполнительной власти, за которым закреплён данный вид военной деятельности, и тесным образом взаимодействует с другими военными организациями – войсками, военными соединениями, военными частями и организациям, специальными военными подразделениями, действующими в составе этого ведомства.

Особенности военной службы как системы (согласно выше введённому определению):

1) система военной службы создаётся и действует на основе Конституции РФ, федеральных законов и, соответственно, подзаконных нормативно-правовых актов (указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, приказов Министерства обороны РФ и т.д.);

2) военная служба (как система и вид государственной службы) включает несколько ведомственных систем военной службы (как подсистем государственной военной службы), характерным признаком которых является наличие «силовой составляющей»[1];

3) ведомственная система военной службы организуется и функционирует под руководством федерального органа исполнительной власти, за которым закреплён тот или иной вид военной деятельности;

4) важнейшие элементы управления и контроля в системе военной службы – это командующие войсками, военными соединениями, командиры военных частей (организаций) и специальных военных подразделений, кадровые органы и органы комплектования военных ведомств, аттестационные и конкурсные комиссии;

5) принципы организации и функционирования системы (подсистемы) военной службы:

[1] В настоящее время такие ведомственные службы существуют у Министерства обороны РФ, Федеральной службы войск национальной гвардии РФ (Росгвардии), Пограничной службы Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной таможенной службы России, Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

а) законность,

б) политическая и военная целесообразность,

в) ведомственность,

г) централизм в управлении ведомственной системой военной службы,

д) ведомственная принадлежность военнослужащего,

е) обязательность исполнения приказов и распоряжений уполномоченных органов и их должностных лиц при зачислении, прохождении и окончании военной службы,

ж) профессионализм и компетентность военнослужащих,

з) содействие повышению образовательного и культурного уровня военнослужащих,

и) защита военнослужащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность других государственных органов и должностных лиц, а также физических и юридических лиц,

к) защита системы военной службы и профессиональной служебной деятельности военнослужащих от иностранного влияния, предполагающая в том числе запрет на поступление на военную службу и пребывание на ней иностранных агентов,

л) сохранение военной тайны, включая личные данные военнослужащих,

м) объективный и комплексный характер оценки личности военнослужащего и его служебной деятельности при аттестации и заключении с ним первого или нового контракта, а также при расторжении действующего контракта;

6) ключевой предмет правового регулирования в системе военной службы – это правовой статус военнослужащего, необходимый для замещения им той или иной военной должности и осуществления своей профессиональной военной деятельности;

7) основные функции системы военной службы:

а) учёт и целесообразное перемещение военных кадров,

б) актуализация компетенций (знаний, умений, навыков) и личностных качеств, необходимых для современного военнослужащего,

в) стимулирование профессиональной деятельности и ответственности военнослужащих,

г) повышение материальной обеспеченности военнослужащих и их семей,

д) возможность у военнослужащего планировать собственную военную карьеру;

8) ключевыми инструментальными элементами системы военной службы являются Реестр воинского учёта, Реестр воинских должностей и другие базы данных о военнослужащих, которые формируются на основе их персональных данных, а также Список военных званий[1] и Перечень государственных наград РФ[2].

---

[1] Общероссийский классификатор информации о населении. ОК 018-95, утв. Постановлением Госстандарта РФ от 31.07.1995 № 412 (ред. от 23.12.2010) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115585/2024943e514c334e2b21ca540c4e07ca1850d76f/ (дата обращения: 16.04.2025).

[2] Указ Президента РФ «Об утверждении Положения о государственных наградах Российской Федерации» от 15.12.1999 (ред. от 09.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://award.gov.ru/pol.html (дата обращения: 16.04.2025).

Определяемая таким образом система военной службы в целом будет ориентирована на более осознанное выполнение основной задачи, стоящей в настоящее время перед вооружёнными силами РФ – повышение эффективности профессиональной деятельности всех военнослужащих на их воинских и невоинских должностях; решение этой задачи несомненно будет способствовать росту обороноспособности и повышению уровня безопасности всей нашей страны.

Приведённые выше соображения о системе военной службы могут быть экстраполированы и на другие виды государственной службы в РФ. На этой теоретической основе можно предложить следующее определение более общему понятию «государственная служба» (точнее, «система государственной службы»): государственная служба – это система формирования, движения и подтверждения правовых статусов государственных служащих.

И ещё один вывод – в пользу того, что ныне популярное среди правоведов понятие-слово «правовой институт» нужно рассматриваться не как чисто правовое понятие (то есть представленное в правосознании и относящееся к неким правовым нормам или их группам, присутствующим в разных отраслях права), а и как разновидность общественных организаций, создаваемых и функционирующих на основе особых правовых норм и выполняющих определённые общественные функции. В данном случае абстрактное нормативно-правовое понятие «военная служба» нами конкретизируется в виде особой организации – системы военной службы со своим субъектным составом и организационно-управленческой структурой, предметной юрисдикцией, функционалом, полномочиями и видами деятельности. Поэтому любую ведомственную систему военной службы следует рассматривать прежде всего как государственно-правовой институт, выполняющий ряд общенародных и общегосударственных функций.

Сведения об авторе

Евсеев Алексей Викторович – кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0001-3274-2370, e-mail: avespb@gmail.com

УДК 94(47).084+349.3
ГРАНТИ 03.23.55+10.67.33

Первые итоги деятельности Наркомата социального обеспечения РСФСР по реализации Постановления СНК СССР от 16 июля 1940 № 1269 «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям»

О. В. КАПУСТИНА

В статье на основании «Отчета Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР за период с начала Отечественной войны по 20 марта 1942 г.» рассмотрены первые итоги деятельности органов собеса по реализации Постановления СНК СССР от 16 июля 1940 № 1269 «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям». Содержащиеся в нем сведения позволили выявить проблемы, связанные

с недостатком квалифицированных кадров врачей-экспертов ВТЭК и назначением пенсий в твердых минимальных нормах инвалидам Отечественной войны из числа рабочих и служащих, проживавшим до начала военных действий на территориях, оккупированных фашистскими захватчиками.

Ключевые слова: Наркомат социального обеспечения РСФСР, инвалид Отечественной войны, врачебно-трудовая экспертная комиссия, группа инвалидности, пенсионное обеспечение, стаж, заработная плата.

В настоящее время вопросы реализации Постановления СНК СССР от 16 июля 1940 г. № 1269 «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям»[1] находятся в сфере внимания исследователей. Так, Е. Н. Боле в статье «Пенсионное обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны в военные и первые послевоенные годы» обратила внимание на сложности с оформлением документов для назначения пенсий [Боле]; автором ранее были рассмотрены документы красноармейцев, на основании которых им назначались и выплачивались пенсии по инвалидности [Капустина]; полковник К. А. Насонов подчеркнул, что деятельность органов государственной власти в годы войны по организации пенсионного обеспечения военнослужащих Красной армии «сыграла важную роль в обеспечении их необходимыми средствами в тяжелых экономических условиях военного времени, что в итоге способствовало повышению морально-психологической устойчивости бойцов и командиров и успешному решению ими боевых задач» [Насонов, с. 28].

Задача данного исследоваания – проанализировать итоги работы Наркомата социального обеспечения (Наркомсобес, НКСО) РСФСР по реализации Постановления № 1269 в период с начала Великой Отечественной войны по март 1942 г. Заявленные хронологические рамки соответствуют периоду, отраженному в Отчете Наркомата социального обеспечения РСФСР, подготовленном для вышестоящего руководства.

Постановление СНК СССР от 16 июля 1940 г. № 1269, регламентирующее пенсионное обеспечение инвалидов войны из числа рядового, сержантского и старшинского состава, было принято в соответствии с 56 статьей Закона «О всеобщей воинской обязанности»[2], гарантирующей военнослужащим государственное обеспечение при несчастных случаях или в случаях ранений, а также выдачу пенсий и пособий семьям в случае их смерти.

Пенсии инвалидам Отечественной войны в соответствии с данным Постановлением назначались в зависимости от их занятости до призыва на военную службу. Тем, кто работал в качестве рабочих и служащих, пенсии назначались в следующих размерах: за I группу (нетрудоспособным, нуждавшимся в постоянном постороннем уходе или надзоре) – 100% среднемесячной зарплаты; за II группу (нетрудоспособным, не нуждавшимся в постороннем уходе) – 75%; за III

[1] О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям: Постановление СНК СССР от 16 июля 1940 г. № 1269 // СП СССР. 1940. № 19. Ст. 465.

[2] О всеобщей воинской обязанности: Закон СССР от 1 сентября 1939 г. // Ведомости ВС СССР. 1939. № 32.

группу (сохранившим частичную трудоспособность) – 50%. Средний заработок, из которого могли быть рассчитаны пенсии, учитывался до 400 р. Тем, кто не работал в качестве рабочих и служащих (колхозники, студенты, бывшие школьники, ремесленники), пенсии устанавливались в твердых размерах: за I группу – 150 р., за II – 120 р., за III – 90 р. Следует заметить, что среднемесячная зарплата рабочих в промышленности в 1940 г. составляла 340 р.[1]

Итак, первые итоги работы органов социального обеспечения отражены в «Отчете Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР за период с начала войны по 20 марта 1942 г. по обслуживанию семей военнослужащих и инвалидов отечественной войны»[2].

В начале названного документа определены четыре задачи, на выполнение которых были нацелены сотрудники органов социального обеспечения: назначение и выплата пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава; назначение и выплата пенсий военнослужащим, получившим инвалидность в боях с германским фашизмом; трудовое устройство инвалидов Отечественной войны и членов семей военнослужащих; организация через кассы взаимопомощи колхозов материальной помощи инвалидам войны, членам семей военнослужащий и семьям погибших[3]. Наше внимание будет уделено второй из обозначенных задач.

Авторы отчета сразу же подчеркнули, что при применении Постановления № 1269 «к участникам отечественной войны с первых же дней создались большие противоречия»[4]. Так как часть территорий СССР была занята немцами или находилась в зоне военных действий, раненные красноармейцы, проживавшие и работавшие до начала войны на этих территориях, не могли предоставить для установления пенсий необходимые документы о трудовом стаже и соответствующей заработной плате, поэтому им «органы социального обеспечения назначали пенсии наравне с лицами не работавшими в качестве рабочих или служащих, т.е. в твердых минимальных размерах»[5].

Для снижения напряженности Совнарком СССР издал Распоряжение № 10160 от 12 ноября 1941 г.[6], которым разрешил Народным комиссариатам союзных республик при отсутствии документов в отдельных случаях назначать инвалидам Отечественной войны пенсии по свидетельским показаниям. Однако данная мера не смогла спасти ситуацию. Для подтверждения стажа работы и заработной платы раненные солдаты в качестве свидетелей представляли «лиц, находившихся на совместном излечении в госпиталях или находившихся в одной воинской части»[7], что привело к тому, «что комиссии по назначению пенсий вы-

[1] ГАРФ. Ф.Р9553. Оп. 3. Д. 4. Л. 336.
[2] ГАРФ. Ф.А413. Оп. 1. Д. 244. Л. 2–38.
[3] ГАРФ. Ф.А413. Оп. 1. Д. 244. Л. 2.
[4] ГАРФ. Ф.А413. Оп. 1. Д. 244. Л. 15.
[5] ГАРФ. Ф.А413. Оп. 1. Д. 244. Л. 15.
[6] ГАРФ. Ф.А413. Оп. 1. Д. 244. Л. 16.
[7] ГАРФ. Ф.А413. Оп. 1. Д. 244. Л. 16.

нуждены большинству таких инвалидов отказывать в приеме свидетельских показаний»[1]. При этом не исключалась возможность назначения пенсий по ложным показаниям. Подчеркнув наличие преимущества у тех инвалидов, которые проживали до начала войны на не занятых фашистами территориях и, соответственно, сохранили возможность предоставления необходимых для назначения полной пенсии сведений, руководство НКСО РСФСР предложило «установить твердые размеры пенсий военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы, ставшим инвалидами в период отечественной войны независимо от того, работали они или не работали перед призывом на военную службу»[2]. Как показала практика, данное предложение принято не было.

Следующий раздел отчета, посвященный проблемам инвалидов Великой Отечественной войны, касался вопросов организации работы врачебно-трудовых экспертных комиссий (ВТЭК), устанавливавших группу инвалидности.

В условиях военного времени перед ВТЭК были поставлены три задачи: пересмотр довоенных установок в отношении оценки трудоспособности и показаний к трудовому устройству; увеличение пропускной способности ВТЭК; организация предварительной экспертизы в госпиталях для бойцов, находящихся на излечении и подлежащих увольнению с военной службы с целью проведения в самом госпитале подготовки их к трудовой деятельности.

На основе опыта отделов ВТЭК в городах Пенза и Горький, а также бригады «Ленинградского ин<ститу>та, имевшего опыт по финской кампании и др<угих> информаций, поступивших с мест»[3] специалисты НКСО РСФСР подготовили для работавших в госпиталях врачей-экспертов инструкции по профориентации, обучению и трудоустройству инвалидов; классификацию примерных профессий, которые могли быть рекомендованы при часто встречающихся дефектах конечностей; профконсультационные путевки, которые обеспечивали преемственность в обучении, начатом в одном госпитале и законченном в другом, в случае эвакуации больного. Кроме этого, в связи с изменившимися условиями работы ВТЭК, связанными с ростом количества освидетельствований, в 4 квартале 1941 г. было предусмотрено увеличение средств на их содержание в полтора раза.

В качестве недостатков работы в Отчете было названо снижение качества экспертных заключений, вызванное «мобилизацией значительного количества старых кадров врачей-экспертов»[4].

Анализируя сегодня данный документ, следует заметить, что в нем отсутствуют сведения о количестве инвалидов Великой Отечественной войны, освидетельствованных во ВТЭК в заявленный период; не показана динамика изменения тяжести инвалидности; не отражены сведения о качестве и своевре-

[1] ГАРФ. Ф.А413. Оп. 1. Д. 244. Л. 16.
[2] ГАРФ. Ф.А413. Оп. 1. Д. 244. Л. 16.
[3] ГАРФ. Ф.А413. Оп. 1. Д. 244. Л. 26.
[4] ГАРФ. Ф.А413. Оп. 1. Д. 244. Л. 28.

менности назначения и выплаты пенсий. Вероятно, подобные вопросы возникали и у руководства Республики, как в момент ознакомления с отчетом, так в последующие месяцы, так как в начале 1943 г. нарком социального обеспечения РСФСР А. П. Гришакова (1939–1943) была вынуждена покинуть свой пост. В Заключении Комиссии СНК РСФСР «К акту приема дел вновь утвержденным Народным Комиссаром социального обеспечения РСФСР, Зам. Председателя Совнаркома РСФСР, тов. Суховым от бывшего Народного Комиссара социального обеспечения тов. Гришаковой А.Н.» (так в документе) было сказано о том, что «Наркомат социального обеспечения РСФСР не справился со своими обязанностями»[1].

В числе основных проблем пенсионного обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны были названы «задержки в выплате назначенных пенсий. Так, по Саратовской области группе инвалидов Отечественной войны сентябрьские пенсии были выплачены в начале января. Также имели место задержки выплаты пенсий в Пензенской области, Мордовской АССР и др.»[2]. Кроме этого, было установлено, что Наркомсобес РСФСР «не обеспечил систематического руководства работой ВТЭКов на местах, несмотря на значительную их сеть (2149 ВТЭКов). В 24 обл(край)собесах и наркомсобесах АССР отсутствовали в штатах врачи по руководству работой ВТЭКов. Наркомсобес не контролировал своевременность переосвидетельствования инвалидов Отечественной войны и труда и правильность определения групп инвалидности»[3]. Также, Наркомсобес РСФСР не занимался изучением сети и нагрузки ВТЭК, что привело к созданию больших очередей. Такое положение, по мнению авторов Заключения, снижало качество экспертизы и задерживало на длительное время решение вопросов о группах инвалидности и трудоустройстве инвалидов.

Подводя общие итоги, следует сказать, что исследуемый «Отчет Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР за период с начала войны по 20 марта 1942 г. по обслуживанию семей военнослужащих и инвалидов отечественной войны» не содержал исчерпывающей информации, которая позволила бы в полной мере оценить его деятельность по установлению пенсий военнослужащим рядового, а также сержантского и старшинского состава Красной армии. Однако имеющиеся в нем сведения выявили проблемы, связанные с недостатком квалифицированных кадров врачей-экспертов ВТЭК и назначением пенсий в твердых минимальных нормах инвалидам Отечественной войны из числа рабочих и служащих, проживавшим до начала военных действий на оккупированных территориях.

Список источников

1. Боле Е. Н. Пенсионное обеспечение инвалидов Великой Отечественной в военные и первые послевоенные годы // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 6. – С. 51–56.

[1] ГАРФ. Ф. А413. Оп. 1. Д. 353. Л. 9.
[2] ГАРФ. Ф.А413. Оп. 1. Д. 353. Л. 10.
[3] ГАРФ. Ф.А413. Оп. 1. Д. 353. Л. 14.

2. Капустина О. В. К вопросу о пенсионном обеспечении в СССР инвалидов-военнослужащих из числа рядового состава в соответствии с Постановлением СНК СССР от 16 июля 1940 г. № 1269 (1940–1956) // Военно-юридический журнал. – 2017. – № 11. – С. 16–20.
3. Насонов К. А. Пенсионное обеспечение военнослужащих Красной армии и членов их семей в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 2. – С. 26–28.

Сведения об авторе
Капустина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела организации заблаговременной работы, Отделение Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Владимирской области, г. Владимир, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3473-5916, olga.kapustina209@yandex.ru

УДК 343.2 + 343.3/.7
ГРНТИ 10.77.51

О дифференциации уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения на основании признаков субъективной стороны преступления

А. М. ПАВЛИК

В статье анализируется уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за нарушение правил дорожного движения. Особое внимание уделено анализу субъективной стороны преступлений, отраженных в ст. 264, 264.1, 264.2 и 264.3 УК РФ, в качестве критерия дифференциации уголовной ответственности. Сделан вывод о существенном влиянии форм вины исследуемых составов преступлений на установление уголовной ответственности за их совершение. Обозначено наличие двух групп рассматриваемых транспортных преступлений: с умышленной и неосторожной формой вины, а также отмечено значение данных форм вины при дифференциации уголовной ответственности.
Ключевые слова: дифференциация уголовной ответственности, субъективная сторона преступления, транспортные преступления.

Современное общество с его динамичным образом жизни трудно представить без транспорта, который является неотъемлемой частью почти каждой сферы человеческой деятельности, будь то доставка продуктов в магазины, оказание различных видов услуг на дому, доставка товаров по всему миру, перемещение людей внутри города и за его пределы, экскурсионные и туристические поездки, производство и реализация сельскохозяйственной продукции и т.д. С изобретением транспорта жизнь человека сделалась значительно проще и комфортнее. Однако конечным итогом таких «отношений» человека и машины является не только достижение позитивных целей, но и огромный риск травматизма, а также экономический ущерб от поврежденных в процессе транспортировки товаров и техники.

Уголовное законодательство Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности дорожного движения динамично развивается в последние годы.

Оно регулярно дополняется новыми составами преступлений, которые посягают на транспортную безопасность. Если ранее для таких преступлений была характерна неосторожная форма вины, то сегодня обозначилась тенденция криминализации соответствующих общественно опасных деяний с умышленной формой вины.

Тем самым можно констатировать наличие системы норм, охраняющих жизнь и здоровье участников дорожного движения. Их основу составляют ст. 264, 264.1, 264.2 и 264.3 УК РФ. При этом первая из них охраняет непосредственно указанные общественные отношения, а остальные обеспечивают их безопасность на «дальних подступах». Так, состав преступления, имеющий место в ст. 264 УК РФ, предусматривает наступление таких последствий, как тяжкий вред здоровью человека или его смерть. Подобные последствия отсутствуют в остальных упомянутых статьях. Однако в них закреплена уголовная ответственность за нарушение таких правил дорожного движения, совершенных не в первый раз, которые обусловливают реальную опасность жизни и здоровью человека: вождение транспортного средства в состоянии опьянения, без права на такое вождение, чрезвычайное превышение скорости и выезд на полосу встречного движения.

Имеет ли место в данном случае дифференциация уголовной ответственности за совершение транспортных преступлений на основе признаков субъективной стороны преступлений?

Очевидно, что главным критерием такой дифференциации в первую очередь выступают объективная сторона и субъект транспортных преступлений.

По нашему мнению, субъективная сторона нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств играет не последнюю роль в дифференциации уголовной ответственности за преступные нарушения правил дорожного движения.

Для «дорожно-транспортных преступлений» характерно умышленное нарушение установленных правил, чаще всего их совокупности; публичный (демонстративный) характер совершаемых действий; проявление со стороны виновного пренебрежительного отношения к установленным Правилам дорожного движения (ПДД), к состоянию безопасности дорожного движения, в том числе безопасности окружающих лиц; создание реальной угрозы причинения вреда здоровью или смерти другим участникам дорожного движения; создание угрозы возникновения аварийной ситуации, при которой утрачивается возможность и (или) способность безопасно управлять механическим транспортным средством (выбирать скорость и направление его движения)[1]. Отдельного внимания заслуживает отношение виновного к наступлению общественно опасных последствий.

[1] Комарикова С. А. Уголовно-правовая оценка нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (статья 264 УК РФ): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2018. С. 19.

Есть мнение, что применительно к преступлению, предусмотренному ст. 264 УК, составообразующим может признаваться только такое деяние, которое совершается по неосторожности, поскольку субъективную сторону этого деяния определяет неосторожное отношение виновного к возможности наступления общественно опасных последствий при нарушении им ПДД или правил эксплуатации транспортного средства. Это обязывает правоохранительные органы и суд не только установить в ходе расследования и судебного рассмотрения конкретного уголовного дела сам факт нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспорта, характер и объем наступивших общественно опасных последствий, но и доказать наличие неосторожной формы вины водителя в отношении этих последствий[1]. Конечно, субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, проявляется в неосторожной форме вины в целом, но сами нарушения правил дорожного движения, повлекшие определенные общественно опасные последствия, как правило, являются умышленными.

Правы авторы, отмечающие, что при совершении неосторожных преступлений ответственность виновного лица наступает за недостаточную их осмотрительность, проявленную в ходе совершенных сугубо индивидуальных действий (бездействия) в сложившейся обстановке, с учетом специально возложенных на них обязанностей действовать определенным образом и конкретных, строго персонифицированных индивидуальных возможностей каждого из них. В продолжение данного суждения указывается, что причинители вреда, как правило, не осознают уголовной противоправности своих действий (бездействия) в момент нарушения ПДД или эксплуатации транспортных средств, и факт совершения преступления осознается ими уже после наступления общественно опасных последствий [Шарапов, Шатилович, с. 53]. Очевидно, что лицо, нарушающее правила дорожного движения, осознает только абстрактную вероятность наступления общественно опасных последствий и в принципе не может оценивать такие нарушения как преступные. В момент нарушения ПДД они таковыми не являются, так как вероятность наступления общественно опасных последствий зависит от специфики конкретной ситуации.

Н. Ю. Исаев верно отмечает, что само нарушение может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности, но отношение к последствиям должно проявляться у виновного в форме неосторожности, а иначе речь идет о преступлениях против личности. Автор заключает, что неверно говорить и о совершении данного преступления с двойной формой вины. Само нарушение не является преступлением, фактически криминализирующим признаком являются последствия, указанные в уголовном законе[2].

---

[1] Неверов В. И. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (уголовно-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2007. С. 14.

[2] Исаев Н. Ю. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2009. С. 26.

Однако явное грубое игнорирование элементарных правил безопасности, опасное маневрирование, преднамеренное столкновение транспортных средств, умышленный наезд на пешеходов или велосипедистов, очевидно предполагающие наступление вреда, управление транспортным средством в состоянии опьянения, существенное превышение скоростного режима должны рассматриваться как факторы безразличного отношения к возможности наступления последствий при очевидном предвидении таковых и, соответственно, влечь квалификацию действий как совершенных с косвенным умыслом [Бавсун, Берестовой, Карпов, Попов, с. 217].

В отличие от материальных составов преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, ст. 264.1, 264.2 и 264.3 УК РФ закрепляют деяния, отраженные в формальных составах. Поэтому субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, выражена исключительно в форме прямого умысла; мотив и цель совершенного деяния на квалификацию не влияют, однако должны учитываться судом при назначении наказания[1]. В данном случае водитель осознает, что, будучи ранее подвергнут административному наказанию за нетрезвое управление автомобилем, за невыполнение законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имея судимость по ч. 2, 4, 6 ст. 264 либо ст. 264.1 УК РФ, вновь в нетрезвом состоянии управляет транспортным средством и желает этого [Баранчикова, Смоляков, с. 115]. То есть в данном случае у лица имеется прямой конкретизированный умысел выполнить действие и тем самым нарушить установленный законом запрет [Букалерова, Афанасьев, с. 78–79].

Этот же подход и рассуждения применимы и к субъективной стороне преступлений, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность в ст. 264.2 и 264.3 УК РФ. Превышение установленного скоростного режима, управление транспортным средством в состоянии опьянения или при отсутствии права на такое управление носят явно умышленный характер. Факт умысла очевиден, так как в отношении виновных уже применены административные наказания или у них имеется судимость за совершение определенных в уголовном законодательстве преступлений. В сущности, им на правоприменительном уровне индивидуально указывается на общественную опасность их деяний. Данные лица осведомлены о ранее принятых к ним мерах административного или уголовно-правового воздействия, но вновь умышлено совершают тождественные деяния: осознают их общественную опасность и желают их совершить. Это подтверждает и позиция Верховного Суда Российской Федерации: по смыслу уголовного закона преступления, предусмотренные ст. 264.1, 264.2 и 264.3 УК РФ, совершаются умышленно[2].

---

[1] Афанасьев М. В. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств лицом, находящимся в состоянии опьянения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2018. С. 21.

[2] См. п. 10(8) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения».

Таким образом, исследуемые составы преступлений можно разделить на таковые с умышленной формой вины и с неосторожной. Конечно же, неосторожные преступления имеют меньшую степень общественной опасности, чем умышленные. И по этому критерию необходима дифференциация уголовной ответственности за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств с учетом иных характеристик общественной опасности преступлений и личности преступника, что и имеет место в современном отечественном уголовном законодательстве.

Форма вины, наряду с другими признаками состава преступления, является важным критерием дифференциации уголовной ответственности за совершение рассмотренных преступлений. Так, например, уголовная ответственность наступает только за умышленное повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения, даже при отсутствии тяжких последствий. Если таковые наступают, то уголовная ответственность усиливается при неосторожном отношении к их наступлению.

Список источников

1. Бавсун М. В., Берестовой А. Н, Карпов К. Н., Попов И. В. Квалификация умышленных и неосторожных нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 454. – С. 214–219.

2. Баранчикова М. В. Смоляков Д. А. Субъект преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, и его общественная опасность // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы науч.-представительских мероприятий Всерос. науч.-практ. конф. и Региональной науч.-практ. конф., Орел, 27 марта – 17 апреля 2020 г. – Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2020. – С. 111–116.

3. Букалерова Л. А., Афанасьев М. В. Квалификация нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, по субъективным признакам // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 5(61). – С. 75–79.

4. Шарапов Р. Д., Шатилович С. Н., Зворыгина С. А. Субъект транспортного преступления: монография. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018. – 113 с.

Сведения об авторе

Павлик Александр Михайлович – старший следователь по особо важным делам 2 отдела управления по расследованию преступлений против безопасности движения, Главное следственное управление ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Санкт-Петербург, Российская Федерация, капитан юстиции; ORCID ID: 0009-0008-9178-8644, e-mail: pavlik-am@mail.ru

УДК 343.137
ГРНТИ 10.79.01

Правовые аспекты приостановления и прекращения предварительного расследования в связи с призывом, прохождением военной службы или заключением контракта

А. Х. РАГАНЯН, О. Р. ШЕПЕЛЁВА

В статье рассматриваются правовые основания и особенности правоприменения норм, регулирующих приостановление и прекращение предварительного расследования в связи с прохождением военной службы, заключением контракта или призывом в условиях мобилизации. Анализируются положения ст. 208 и 28.2 УПК РФ, а также статьи 78.1 УК РФ, выявляются проблемы реализации этих норм, риски формализма и нарушения прав потерпевших. Обоснована необходимость уточнения процессуальных механизмов и единообразия судебной практики.

Ключевые слова: уголовное преследование, приостановление предварительного расследования, прекращение уголовного дела, военная служба, мобилизация, освобождение от ответственности.

Современные условия, связанные с проведением частичной мобилизации и специальной военной операции, выявили необходимость особого правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства. Возникает проблема соотношения конституционного долга граждан по защите Отечества (ст. 59 Конституции РФ) с принципом неотвратимости уголовной ответственности за совершённые преступления[1]. В связи с этим законодатель ввёл специальные основания для приостановления, а впоследствии и прекращения расследования уголовных дел в отношении лиц, призванных на военную службу, проходящих военную службу или заключивших контракт о прохождении службы в период мобилизации, военного положения либо военного времени.

Впервые участие гражданина в исполнении воинской обязанности официально признано законодателем основанием для приостановления предварительного расследования. В 2024 г. Уголовно-процессуальный кодекс РФ был дополнен п. 3.1 ч. 1 ст. 208, согласно которому предварительное следствие может быть приостановлено, если подозреваемый или обвиняемый призван на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключил в этот период контракт о прохождении военной службы[2].

Следующим шагом стало законодательное урегулирование окончательного разрешения судьбы таких уголовных дел после завершения службы. Новая статья 28.2 УПК РФ (введена Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ[3]) обязывает суд или следователя с согласия руководства прекратить уголовное

[1] Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.03.2025).

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон № 64-ФЗ от 23.03.2024.

преследование в отношении лица, уголовное дело против которого было приостановлено по названному основанию, при получении сведений о наступлении условий освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьёй 78.1 УК РФ.

Появление подобных исключительных мер вызвало активные дискуссии в правовой среде. С одной стороны, государство предоставляет лицам, оступившимся перед законом, возможность искупить свою вину службой и выполнить гражданский долг; с другой стороны, подобное смягчение ответственности вызывает опасения относительно соблюдения принципов справедливости и равенства перед законом [Загвоздикин, Коршикова, с. 225].

Настоящая статья посвящена комплексному анализу обозначенных правовых аспектов приостановления и прекращения расследования уголовных дел в связи с прохождением военной службы. В рамках исследования ставится задача выявить возникшие проблемы правоприменения, оценить соответствие новых норм принципам уголовного процесса и предложить возможные пути совершенствования законодательства.

Формирование механизма, позволяющего приостанавливать или прекращать уголовное преследование в связи с прохождением военной службы, представляет собой пример оперативного реагирования законодателя на потребности практики в условиях изменяющейся общественно-политической обстановки. До 2024 г. уголовно-процессуальное законодательство не содержало норм, которые бы прямо учитывали правовой статус лица, находящегося на действительной военной службе в период мобилизации, как самостоятельное основание для приостановления производства по уголовному делу. Между тем судебно-следственная практика сталкивалась с ситуациями, при которых возбуждённое и частично расследованное уголовное дело фактически «зависало» по причине объективной невозможности исполнения процессуальных обязанностей со стороны обвиняемого, проходящего службу в зоне боевых действий, зачастую в отдалённых регионах, вне зоны юрисдикции территориальных следственных органов [Гарипов, Дворянов, с. 65].

Появление п. 3.1 в части первой ст. 208 УПК РФ стало ответом на этот вызов. Теперь законодатель прямо указывает, что основанием для приостановления предварительного расследования может выступать прохождение военной службы по призыву либо по контракту в период мобилизации или военного времени. Особое значение в контексте применения данной нормы приобретает квалификация термина «невозможность участия подозреваемого или обвиняемого в следственных действиях по уважительной причине». Следственная практика требует ясности в определении границ этой «невозможности»: речь идёт не только о физическом отсутствии лица, но и о недопустимости отвлечения военнослужащего от исполнения обязанностей в силу интересов обороноспособности государства.

Параллельно с этим в 2024 г. введена ст. 28.2 УПК РФ, озаглавленная как «Освобождение от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы в период мобилизации или военного времени». Статья предусматривает

прекращение уголовного дела по приостановленному основанию, если лицо, в отношении которого оно возбуждено, выполняло воинский долг с отличием. Это представляет собой новую правовую конструкцию, сочетающую в себе элементы поощрения, механизм компенсации и политико-правового компромисса.

Введенные положения корреспондируют с изменениями в Уголовном кодексе РФ, в частности – со ст. 78.1, которая фактически выступает материально-правовым основанием освобождения от уголовной ответственности[1]. В соответствии с её положениями освобождение возможно при наличии одного из двух условий: либо военнослужащий награждён государственной наградой Российской Федерации, либо уволен по основаниям, свидетельствующим о его добросовестном выполнении служебного долга. Таким образом, норма носит селективный характер, акцентируя внимание на поведении лица в период несения службы, что подчёркивает её ориентированность на морально-этические и социально значимые критерии.

Введение ст. 80.2 в УК РФ, предоставляющей суду возможность заменить отбывание наказания военной службой, также носит политико-правовой характер и направлено на гуманизацию уголовной политики государства в условиях особого правового режима. При этом формальное правовое значение имеет то, что все эти нормы – при всей их внешней схожести – имеют различное назначение: одни служат основанием приостановления, другие – прекращения дела, третьи – замены наказания, четвёртые – досрочного погашения судимости. Такое разнообразие правовых последствий требует от правоприменителя высокой степени точности и правильной интерпретации цели и смысла каждой нормы.

Несмотря на сформированную нормативную базу, правоприменительная практика демонстрирует ряд существенных проблем, связанных как с правовой неопределённостью, так и с системными рисками нарушения основополагающих принципов уголовного судопроизводства.

Одним из ключевых проблемных аспектов является отсутствие в законе четких процедурных критериев и стандартов оценки «невозможности участия» обвиняемого в следственных действиях по уважительной причине. Статья 208 УПК РФ, ссылаясь на такую невозможность, в действительности отсылает следователя к оценке фактических обстоятельств без предоставления ему правовых ориентиров: должна ли невозможность быть связана с прямым запретом командования на выезд, физической недоступностью места службы или, например, ограничениями, связанными с выполнением боевых задач – закон не конкретизирует. Эта неопределенность порождает юридическую неуверенность, поскольку при схожих обстоятельствах следственные органы разных субъектов федерации вырабатывают противоположные подходы.

Не менее остро стоит вопрос о правовом статусе самого военнослужащего, в отношении которого приостановлено расследование. На практике складываются ситуации, при которых лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, продолжает участие в боевых действиях или иных формах

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 11.03.2025).

службы, не будучи ограничено в передвижении и возможностях взаимодействия с гражданскими институтами. Возникает вопрос: действительно ли невозможно его участие в следственных действиях, либо речь идет о правовой фикции, скрывающей временную «заморозку» уголовного преследования без должного обоснования? Такая неопределенность особенно опасна, если принять во внимание, что срок давности привлечения к ответственности в большинстве случаев продолжает течь даже при приостановлении производства. Это ставит под сомнение саму идею неотвратимости наказания, особенно в случаях, когда лицо, совершившее преступление, возвращается в гражданскую жизнь уже в статусе награжденного ветерана боевых действий и дело подлежит прекращению без судебного рассмотрения.

Дополнительный пласт проблемы связан с добровольностью согласия на прекращение уголовного дела в соответствии со статьей 28.2 УПК РФ. Закон предусматривает, что при наличии оснований для освобождения от ответственности, связанных с прохождением службы, прекращение уголовного преследования возможно лишь с согласия лица. Однако на практике возникает риск формального подхода к реализации этого механизма. В условиях возвращения с боевых действий, возможной травматизации личности, нахождения в состоянии стресса или адаптационного кризиса полученное согласие может быть формально выражено, но не отражать истинного волеизъявления. Более того, отказываться от нереабилитирующего прекращения, стремясь к полному оправданию, готовы далеко не все обвиняемые, особенно если срок службы истек и перспектива длительного судебного разбирательства представляется утомительной либо сопряжённой с дополнительной социальной стигматизацией.

В научной литературе уже высказывались опасения, что такие нормы могут быть использованы недобросовестными субъектами в качестве способа ухода от уголовной ответственности. Речь идёт о попытках искусственно инициировать призыв или заключение контракта, с целью легитимного уклонения от следствия. В условиях, когда порядок проверки подлинности мотивации к поступлению на службу или добросовестности её прохождения отсутствует, правоприменитель рискует превратить благую законодательную инициативу в инструмент для правовых манипуляций [Жукова, Долгополов, Жуков, с. 58]. На этом фоне особенно уязвимым выглядит институт прекращения уголовного дела на основании ст. 28.2 УПК РФ, если прекращение происходит без надлежащей верификации заслуг лица или условий его увольнения, а исключительно по формальному наличию одного из предусмотренных оснований.

Наконец, нельзя не отметить, что новая система приостановления и прекращения уголовных дел вступает в противоречие с традиционным подходом к реализации принципа состязательности сторон. Потерпевший, чьи интересы затронуты преступлением, фактически оказывается исключённым из механизма влияния на судьбу уголовного преследования: ни при приостановлении, ни тем более при прекращении дела на основании военной службы закон не предусматривает учёта мнения потерпевшего. Таким образом, возникают риски нарушения

его права на справедливое судебное разбирательство и восстановления нарушенных прав, что может рассматриваться как несоответствие новых норм международным стандартам в сфере защиты прав потерпевших [Гончаров, Гончарова, с. 106–108].

Все вышеперечисленное свидетельствует о наличии в механизме внутренних противоречий, нормативной неопределённости и рисков недобросовестного применения. Эти проблемы требуют глубокого научного анализа и последующего совершенствования законодательства с тем, чтобы сохранить баланс между интересами правосудия, необходимостью защиты государства и гуманистическими началами уголовной политики.

Правоприменительная практика, складывающаяся после введения в действие новых норм УПК и УК РФ, свидетельствует о том, что положения, касающиеся приостановления и последующего прекращения уголовных дел в связи с военной службой, порождают у следователей и судов вопросы, не урегулированные напрямую законом, что находит отражение в неоднородных подходах к их интерпретации. Уже на раннем этапе действия норм зафиксированы случаи, в которых следственные органы, действуя из принципа процессуальной экономии и политико-правовой целесообразности, приостанавливали производство даже по уголовным делам, находящимся на стадии передачи в суд, ссылаясь на невозможность участия обвиняемого, призванного в зону проведения СВО. Однако при детальном изучении материалов нередко выявляется, что наличие формального документа о призыве не сопровождается объективными доказательствами невозможности проведения допроса, предъявления обвинения или завершения следствия иным способом, например, с участием адвоката в режиме видеосвязи [Семенов, Батуева, с. 260–261].

Анализ судебных актов показывает, что и суды не всегда вырабатывают единообразный подход при рассмотрении ходатайств о прекращении уголовного дела на основании статьи 28.2 УПК РФ. В некоторых случаях суды занимают формально-юридическую позицию, полагая достаточным наличие справки о награждении, не исследуя вопрос о характере участия лица в боевых действиях, времени прохождения службы или иных индивидуализирующих обстоятельствах. В других ситуациях, напротив, суды инициируют дополнительную проверку добросовестности исполнения обязанностей, а при их сомнительности отказывают в удовлетворении ходатайств, даже несмотря на формальное наличие оснований, предусмотренных уголовным и уголовно-процессуальным законодательством [Загвоздикин, Коршикова, с. 227–228]. Эти расхождения в подходах подчеркивают отсутствие методологически выверенного подхода к оценке обстоятельств, подлежащих учёту при прекращении дел, и создают риск произвольного толкования, в том числе в ущерб принципу равенства сторон перед законом и судом.

Учитывая выявленные в правоприменительной практике проблемы, а также доктринальные противоречия, сопровождающие реализацию нововведений 2024 г., становится очевидным, что действующее уголовно-процессуальное регулирова-

ние в части приостановления и прекращения уголовных дел в связи с прохождением военной службы требует дополнительной нормативной конкретизации и правовой корректировки. Важнейшим направлением в этом контексте должно стать устранение правовой неопределённости понятийного аппарата, прежде всего формулировки «невозможность участия обвиняемого в следственных действиях по уважительной причине», содержащейся в п. 3.1 части первой ст. 208 УПК РФ. Законодатель, по сути, делегировал интерпретацию указанной формулы следственным органам, не закрепив критериев, по которым такая невозможность должна оцениваться. Во избежание произвольного или расширительного толкования следует предусмотреть в законе закрытый перечень объективных обстоятельств, при наличии которых приостановление расследования может быть признано допустимым, включая, например, невозможность доставки обвиняемого в органы следствия по распоряжению командования, нахождение в боевой зоне или в условиях повышенной секретности.

Не менее актуальной является необходимость уточнения механизма, закреплённого в ст. 28.2 УПК РФ, через установление процессуального порядка оценки оснований для прекращения уголовного дела. В настоящее время суд, принимая решение о прекращении преследования на основании прохождения военной службы и последующего награждения, действует в условиях ограниченного инструментария: отсутствуют установленный законом порядок документальной верификации заслуг обвиняемого, критерии их достаточности, а также полномочия для истребования информации от Министерства обороны или иных компетентных органов. В целях преодоления этих пробелов целесообразно дополнить УПК РФ самостоятельной нормой, регламентирующей процедуры оценки факта и условий прохождения военной службы, аналогично тому, как это реализовано, например, в делах о назначении мер медицинского характера.

Также требует законодательного вмешательства вопрос правового положения потерпевшего при прекращении уголовного преследования по ст. 28.2 УПК РФ. Действующее регулирование, в отличие от ряда других оснований прекращения дела (например, в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием), не предполагает учёта позиции потерпевшего, что вступает в противоречие с принципом состязательности и равенства сторон, провозглашённым в статье 15 УПК РФ. Учитывая высокую общественную чувствительность рассматриваемой категории дел, особенно когда они касаются преступлений средней и значительной тяжести, необходимо предусмотреть механизм уведомления потерпевшего о готовящемся решении, а также возможность выражения им мотивированного мнения, которое подлежит оценке судом при принятии итогового постановления.

Представляется также оправданным введение временных ограничений на применение оснований, связанных с военной службой, в целях предотвращения злоупотреблений и правового нигилизма. Прекращение уголовного преследования должно быть возможно лишь по истечении определённого периода службы, достаточного для формирования объективного основания считать службу заслу-

гой, а не формальным «прикрытием» от уголовной ответственности. Аналогичные ограничения допустимы и для возможности приостановления производства – например, не ранее чем после трёх месяцев прохождения службы, если лицо не было доступно следствию с момента призыва. Введение таких предохранительных механизмов будет способствовать повышению доверия к соответствующим процессуальным решениям и обеспечит соблюдение принципа справедливости, лежащего в основе уголовной политики.

Систематизация упомянутых норм и механизмов, действующих на их основе, может быть достигнута и посредством разработки ведомственных методических рекомендаций. Их цель – создание единой правоприменительной практики, исключающей территориальный произвол и ориентированной на единые стандарты оценки оснований, процедурного порядка и взаимодействия с военными структурами. В перспективе возможно рассмотрение вопроса о включении этих положений в обобщающие правовые акты, например, в Постановление Пленума Верховного Суда РФ, что обеспечит им высокий правовой авторитет и позволит эффективно интерпретировать нормы в случае правовых конфликтов.

Таким образом, дальнейшее совершенствование законодательства данного института должно быть направлено на усиление гарантий процессуальной справедливости, обеспечение прозрачности принимаемых решений и исключение формального, некритического подхода к освобождению от уголовной ответственности, когда таковое не оправдано ни интересами правосудия, ни реальными заслугами лица перед государством.

Проведённое исследование показало, что при всей значимости правовых механизмов, связанных с участием в военной службе, их реализация в рамках уголовного процесса сопровождается серьёзными юридическими и практическими трудностями. Отсутствие чётких критериев, формальный подход к оценке оснований, игнорирование позиции потерпевшего и потенциальные риски злоупотреблений требуют дополнительной нормативной проработки и доктринального осмысления.

Представляется целесообразным уточнение правовых формулировок, введение процессуальных ограничений и обеспечение судебного контроля за реализацией норм. Только при условии строгого соблюдения принципов справедливости, правовой определённости и равенства сторон возможно гармоничное сочетание интересов государства, общества и личности в столь мало изученной сфере, как уголовное судопроизводство в условиях мобилизации и военного времени.

Список источников

1. Гарипов Т. И., Дворянов И. Б. Концептуальные основы освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с призывом на военную службу либо заключением контракта о прохождении военной службы // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – Т. 15. – № 4 (58). – С. 64–70.

2. Гончаров Д. Ю., Гончарова С. Г. Освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с поступлением на военную службу: последствия для потерпевших от преступлений // Виктимология. – 2024. – Т. 11. – № 1. – С. 103–113.

3. Жукова Т. Г., Долгополов К. А., Жуков А. П. Освобождение от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 2 (41). – С. 55–60.

4. Загвоздикин Н. Н., Коршикова Е. О. Законодательство об освобождении от уголовной ответственности и наказания участников Специальной военной операции: краткий обзор накопившихся проблем // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 4. – С. 222–228.

5. Семенов Е. А., Батуева А. Б. Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в системе альтернативных наказанию мер // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. – 2024. – № 2(99). – С. 258–264.

Сведения об авторах

Раганян Аделина Хачиковна – студентка 3 курса юридического факультета, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: raganianadelina@gmail.com

Шепелёва Ольга Ринатовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, e-mail: zaripova_or@mail.ru

УСТОЙЧИВОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

УДК 332.14
ГРНТИ 06.61.33

Перспективы межрегиональной экономической интеграции в России

Ю. И. БУШЕНЕВА

В статье рассматривается актуальная для современной экономики России тема межрегиональной экономической интеграции. Подчеркнуты основные особенности категории межрегиональной экономической интеграции, выведена дефиниция данного понятия. Определены факторы, потенциально способствующие связанности территорий регионов и служащие основанием для определения интеграционного потенциала территорий. Предложены статистические индикаторы для оценки потенциала межрегиональной интеграции и представлены результаты их оценки на примере регионов Северо-Западного федерального округа.

Ключевые слова: межрегиональная интеграция, связанность территории, интеграционный потенциал, индикаторы.

В настоящее время вопросы обеспечения национального единства в экономическом ключе становятся все более важными. В действующей Стратегии экономической безопасности Российской Федерации в качестве одного из основных направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности определено сбалансированное пространственное и региональное развитие Российской Федерации, а также укрепление единства ее экономического пространства (пункт 15)[1]. Для достижения данной цели положениями указанной Стратегии предусмотрена задача по расширению и укреплению хозяйственных связей между субъектами России, создание межрегиональных производственных и инфраструктурных кластеров (пункт 20).

Значимость межрегионального экономического объединения обусловлена необходимостью своевременного, превентивного предотвращения таких угроз экономической безопасности, как слабая инновационная активность, недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики, ограниченность трудовых ресурсов, неравномерность пространственного развития Российской Федерации. Корректно же организованная межрегиональная экономическая интеграция способна, как верно отмечает А. А. Жабрев, на основании синергетических процессов способствовать усилению конкурентных преимуществ объединенной хозяйственными связями территории, что ведет к «более весомому позиционированию объединенного региона и повышению уровня адаптивности региональной экономики к конъюнктурным сдвигам» [Жабрев, с. 66].

[1] О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/

В современной литературе имеется значительное число дефиниций понятия «межрегиональная экономическая интеграция», а также смежных категорий (межрегиональные экономические связи, экономическое взаимодействие), что представлено в табл. 1.

Таблица 1

Определения категории «межрегиональная экономическая интеграция» и смежных понятий

№	Понятие	Определение
1	Межрегиональные экономические связи	«система экономических отношений и интересов регионов, развивающихся в процессе функционирования общественного производства, обусловленную разделением общественного труда и специализацией производства, размещением производительных сил и природно-географическими условиями» [Коваленко, Зинчук, с. 32]
2	Межрегиональная экономическая интеграция	«взаимодействие и взаимоприспособление региональных хозяйств внутри страны, ведущее к их постепенному экономическому слиянию» [Абдулманапов, с. 129]
3	Межрегиональное экономическое взаимодействие	«инструмент долгосрочного развития социально-экономических систем, процесс создания общей региональной системы, которая образуется на базе объединения социально-экономических подсистем (субъектов хозяйствования) регионов, при которой решаются общие задачи, разрабатывается стратегия и совместные программы развития» [Актуальные проблемы…, с. 123]
4	Межрегиональное экономическое взаимодействие	«совокупность экономических отношений между двумя или несколькими регионами, реализуемых ими в рамках установленных государством правовых и социально-экономических отношений, исходя из интересов каждого из взаимодействующих регионов на условиях баланса интересов всех участников этого процесса» [Тамова, с. 131]
5	Межрегиональное взаимодействие	«комплекс обменов потоками ресурсов, осуществляемых в рамках соглашений между органами власти, юридическими и физическими лицами различных регионов, принятых де-юре или де-факто, с целью представления общих интересов в национальном и мировом экономическом пространстве и повышения уровня устойчивого развития данных регионов» [Махотаева, Бакуменко, Малышев, с. 48]

Обобщение приведенных определений позволяет выделить три основных особенности категории межрегиональной экономической интеграции:

1) формирование в процессе экономической интеграции регионов новой общей экономической системы, основанной на экономических интересах регионов;

2) межрегиональная экономическая интеграция выступает инструментом решения взаимовыгодных общих задач регионов, предполагая наличие совместных планов развития (стратегий, программ);

3) основными объектами межрегиональной экономической интеграции выступают взаимодействующие хозяйствующие субъекты, которые имеют центр экономического интереса на территории двух или более регионов.

Выделение указанных особенностей позволяет сформулировать дефиницию межрегиональной экономической интеграции, под которой понимается общая экономическая система взаимодействия хозяйствующих субъектов разных регионов, основанная на взаимовыгодных экономических интересах как регионов, так и самих хозяйствующих субъектов, выступающая инструментом решения общих задач, в том числе через реализацию совместных планов развития (стратегий, программ).

Современный опыт показывает, что развитие межрегиональной экономической интеграции на этапе первоначальных вложений требует значительного приложения интеллектуальных, трудовых, инвестиционных и материальных ресурсов. Это выступает одной из причин того, что на практике межрегиональная интеграция и взаимодействие не имеет в России достаточного уровня развития [Махотаева, Бакуменко, Малышев, с. 5].

Формирование новых направлений межрегиональной экономической интеграции, поддержание или модернизация существующих – системная работа, которая должна иметь стратегический характер и осуществляться через наиболее эффективные инструменты стратегического планирования регионального развития и определение стратегических целей межрегионального взаимодействия. В исследовании [Махотаева, Бакуменко, Малышев, с. 45–46] приведены обобщенные на основании целого ряда исследований цели и задачи межрегионального взаимодействия, среди которых:

- повышение темпов и качества экономического роста регионов;
- противостояние регионов международной конкуренции;
- эффективное использование взаимодополняющих ресурсов;
- расширение возможностей рынка труда;
- оптимизация информационных потоков и др.

Межрегиональная экономическая интеграция принимает различные формы: кооперирование производств, создание кластеров, особых экономических зон, торговых и промышленных партнерств, совместных предприятий. В каждом из вариантов основой построения интеграционных связей является взаимовыгодное сотрудничество и экономический интерес, но для того, чтобы данный интерес был проявлен, необходимо наличие хозяйственных предпосылок-факторов, которые способствуют осуществлению связанности территорий регионов [Бакуменко, с. 459–470; Полякова, Симарова, с. 141–161]. Указанные предпосылки-факторы и определяют интеграционный потенциал территорий.

Факторами, способствующими связанности территорий регионов, могут служить явления и процессы различной природы, но они должны создавать потенциальную возможность взаимодействия предприятий реального сектора экономики двух или более регионов через транспортировку грузов, сырья, организацию торговли и др. Ключевыми из указанных факторов являются следующие:

1) инфраструктурный фактор (наличие автомобильных дорог, железнодорожного, водного и авиационного сообщения с иными регионами; наличие складских комплексов, портов, мультимодальных комплексов для перевалки грузов; наличие оптимально выстроенных логистических потоков);

2) географическое положение региона (его удаленность от иных регионов, наличие общих границ, транспортных и инфраструктурных возможностей их пересечения);

3) существование налаженных торговых связей (процессов вывоза-ввоза товаров с территории региона и ввоза на территорию).

Построение модели, которая позволяет комплексно оценить такую связанность, – задача большого научного исследования. При первом приближении в такую модель могут входить индикаторы, которые можно получить на основании анализа доступных и верифицированных статистических данных, ими могут выступить следующие индикаторы:

1) плотность автомобильных дорог федерального значения;

2) плотность железнодорожных путей, включенных в единую транспортную систему страны;

3) удельный вес объема экспорта и импорта товаров в стоимостном выражении с территории региона и на его территорию от валового регионального продукта.

В качестве апробации данных индикаторов рассмотрим регионы Северо-Западного федерального округа и дадим им характеристику по каждому из параметров (табл. 2).

Таблица 2

Показатели оценки интеграционного потенциала регионов Северо-Западного федерального округа[1]

	Регионы	Плотность км на 10 000 кв. км территории (2023 г.)		Удельный вес в ВРП, % (2021 г.)	
		автомобильных дорог федерального значения	железнодорожных путей	экспорта	импорта
1	Республика Карелия	106	123	20,3	6,7
2	Республика Коми	8	41	10,8	1,1
3	Ненецкий автономный округ	-	-	20,1	0,1
4	Архангельская область	29	30	22,9	4,0
5	Вологодская область	109	53	51,4	4,5
6	Калининградская область	171	442	25,7	94,4
7	Ленинградская область	231	304	41,8	21,8
8	Мурманская область	56	60	31,1	3,6

[1] Рассчитано по Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Росстат. М., 2024. 1081 с.

Продолжение табл. 2

9	Новгородская область	192	210	54,3	12,1
10	Псковская область	165	197	8,3	15,3
11	город Санкт-Петербург	576	3082	23,4	20,8

В дальнейшем по каждому индикатору регионы были распределены по группам достижения показателей:

- высокий уровень (в итоговой табл. 3 присваивалось 3 балла);
- средний уровень (2 балла);
- низкий уровень (1 балл).

При отсутствии экономического явления присвоение баллов не производилось. Сумма баллов приведена в итоговой табл. 3.

Таблица 3

Итоги оценки интеграционного потенциала регионов Северо-Западного федерального округа, баллы

	Регионы	Плотность км на 10 000 кв. км территории (2023 г.)		Удельный вес в ВРП, % (2021 г.)		Сумма баллов
		автомобильных дорог федерального значения	железнодорожных путей	экспорта	импорта	
1	Республика Карелия	2	2	2	1	7
2	Республика Коми	1	1	1	1	4
3	Ненецкий автономный округ	0	0	2	1	3
4	Архангельская область	1	1	2	1	5
5	Вологодская область	2	1	3	1	7
6	Калининградская область	3	3	2	3	11
7	Ленинградская область	3	3	3	3	12
8	Мурманская область	1	1	3	1	6
9	Новгородская область	3	3	3	2	11
10	Псковская область	3	3	1	2	9
11	Санкт-Петербург	3	3	2	3	11

Данные таблицы позволили выделить три группы регионов по интеграционному потенциалу:

– регионы-лидеры (9–12 баллов) – Калининградская область, Ленинградская область, Новгородская область, Псковская область, город Санкт-Петербург;

– регионы, имеющие средний уровень интеграционного потенциала (5–8 баллов) – Республика Карелия, Архангельская область, Вологодская область, Мурманская область;

– регионы, имеющие низкий уровень интеграционного потенциала (1–4 балла) – Республика Коми, Ненецкий автономный округ.

Полученные результаты дают возможность произвести первичную оценку интеграционного потенциала хозяйственных систем регионов и служить основой для построения более сложных моделей.

Список источников

1. Абдулманапов С. Г. Межрегиональная экономическая интеграция: мировой опыт и перспективы развития на Северном Кавказе // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2012. – № 47. – С. 127–132.

2. Актуальные проблемы современной экономики: монография / под науч. ред. В. Г. Беломестнова. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2015. – 272 с.

3. Бакуменко О. А. Проблемы и перспективы межрегионального взаимодействия периферийных регионов Северо-Западного федерального округа // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15. – № 3(438). – С. 459–470.

4. Жабрев А. А. Об определении стратегических целей межрегионального взаимодействия // Журнал правовых и экономических исследований. – 2010. – № 4. – С. 65–69.

5. Коваленко Е., Зинчук Г. и др. Региональная экономика и управление. – СПб.: Питер, 2008. – 288 с.

6. Махотаева М. Ю., Бакуменко О. А., Малышев Д. П. Межрегиональное взаимодействие как инструмент развития стратегических приоритетов региона: монография. – Псков: Псковский государственный университет, 2017. – 118 с.

7. Полякова А. Г., Симарова И. С. Управление региональным развитием Западной Сибири с учетом связанности экономического пространства // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2014. – № 3. – С. 141–161.

8. Тамова Б. А. Межрегиональное экономическое взаимодействие как фактор регионального стратегического развития // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: экономика. – 2015. – № 4 (170). – С. 130–133.

Сведения об авторе

Бушенева Юлия Ивановна – кандидат политических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-4628-5190, e-mail: busheneva@yandex.ru

УДК 640.4
ГРНТИ 06.71.57

Возможности развития ботелей в Ленинградской области

А. А. ДОБИЖА

В данной статье рассматриваются актуальные объекты размещения – ботели. Проанализированы подходы к формированию данного понятия, сформулированы основные особенности, определены преимущества данного вида размещения.

Ключевые слова: водный туризм, ботель, коллективное средство размещения, круизный туризм, специализированные средства размещения.

Специализированные гостиничные предприятия классифицируются в зависимости от расположения, набора предоставляемых услуг и уровня предлагаемого обслуживания. В соответствии с классификацией ЮНВТО по месту расположения можно выделить следующие виды специализированных средств размещения:

- кемпинг – лагерь для автотуристов, расположенный в загородной местности, оснащенный летними домиками или палатками;

- ротель – передвижная гостиница, представляющая собой вагон с одно-, двухместными номерами. В дневное время туристы знакомятся с различными городами и их достопримечательностями, а ночуют в поезде [1].

В своем исследовании мы хотим остановиться на ботелях, которые мы считаем важной составляющей развития экологического туризма они, как и глэмпинги, лежат в основе развития этого вида туризма с точки зрения размещения гостей. Экологический туризм – это один из элементов воспитания экологической культуры, а «гордость за нашу природу и ее красоты может быть эффективным инструментом патриотического воспитания»[1].

Ботель – небольшая гостиница на воде (не плавающая), в качестве которой может использоваться соответствующим образом переоборудованная плавучая основа – дебаркадер или плавучий кран, которая становится базой для создания ботеля. Ботель не имеет привычных атрибутов судна – носа, кормы или бортов соответственно двигателя нет, такая гостиница находится на плаву и не закреплена на грунте. Такое средство размещения можно установить в любом месте города главное – это наличие и возможность подключения городской инфраструктуры (канализации, электричества). Ботели также актуальны, когда отсутствуют свободные пятна под строительство отелей в центре города. Во время проведения чемпионата мира по футболу в Санкт-Петербурге, такой двухэтажный ботель попытались установить недалеко от стадиона, где проходили матчи, но из-за разногласий с местными органами власти осуществить это не удалось, и объект в полузатонувшем состоянии был в итоге отшвартован в порт «Геркулес» Санкт-Петербурга.

Во многих городах России с развитой водной системой была бы актуальна установка ботелей, и на это есть спрос из-за факторов новизны и аттрактивности. Минусы таких объектов заключаются в плохой звукоизоляции номеров, малом количестве номерного фонда в целом, невозможности организации полноценной кухни и самое главное отсутствует опыт строительства и эксплуатации таких гостиниц.

[1] Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. Методические рекомендации. Федеральное агентство по делам молодежи. Москва, 2022. URL: https://www.рцпв.рф/wp-content/uploads/2022/12/Metodicheskie-rekomendatsii-po-Osnovam-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-Rossijskoj-Federatsii.pdf (дата обращения: 08.02.2025).

И наконец, флотель – плавающая гостиница, представляющая собой специально оборудованное судно; туристам предоставляются комфортабельные номера-каюты, услуги активного отдыха, залы для переговоров, конференций, конгрессов, средства связи, многочисленные бары и рестораны. Флотели также могут использоваться как дополнительные средства размещения при проведении крупных мероприятий, когда номерного фонда города не хватает, например, так было во время празднования 300-летия Санкт-Петербурга и во время проведения Олимпиады в Сочи в 2014 г. По нашему мнению, флотели – это исключительно круизное судно, которое может использоваться непосредственно как объект размещения при недостатке номеров. Судно швартуется около набережной, в порту или даже на рейде, подключается к городским коммуникациям (к электричеству в первую очередь) и продает каюты как гостиничные номера.

Ботели располагаются в местах с развитой системой судоходства, в непосредственной близости от мест паломничества туристов. Первые ботели появились в странах Европы, но и в России уже открыто несколько таких заведений. Например, в Санкт-Петербурге есть аквахостел, который находится недалеко от станции метро Спортивная. Номера Аквахостела – это не обычные комнаты, а настоящие каюты с различным количеством койко-мест.

Существует несколько примеров успешных ботелей в России. Нами была собрана, проанализирована сводная информация об этих объектах.

«Форт Константин» – уникальный комфортабельный плавучий ботель в Кронштадте на 6 двухместных и 4 трехместных номера. Расположен на пришвартованном к форту «Константин» дебаркадере. Все номера имеют отделку из натурального дерева, оборудованы душевыми кабинками, санузлом и телевизором. Из номеров открывается живописный вид на воду, – с одной стороны на яхтенную стоянку форта, с другой – на фарватер Финского залива, форт «Александр I». Ботель на форте «Константин» – это сочетание военно-патриотической тематики и природной составляющей.

Парк-отель «Яркое» расположен у залива реки Вуоксы (Ленинградская область). На берегу располагаются небольшие домики, также для гостей доступны бани на воде. Это место идеально подходит для тех, кто предпочитает уединение и природу, а также для тех, кто ищет отдых для всей семьи. "Яркое" предлагает комфортабельные номера и коттеджи с прекрасным видом на окружающую природу вдали от шума и городской суеты.

На участке учреждений водного туризма выделяют функциональные зоны: проживания и культурно-бытового обслуживания; отдыха и спортивных сооружений, примыкающих к пляжу; технического обслуживания плавательных средств, приближенную к гавани; хозяйственную.

Для большего понимания специфики и индивидуальных особенностей ботелей автором была создана сравнительная табл. 1.

Таблица 1

Сравнительная таблица ботелей Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Характеристики	Парк-отель «Яркое»	«Форт Константин»
Местоположение	Берег реки Вуоксы	Финский залив, расположен на плавучем пантоне
Вместимость	8 человек	Доступны двухместные и трехместные номера
Оснащение	В комнатах есть все необходимое для комфортного проживания, есть отдельная оснащенная обеденная зона	Номера оборудованы душевыми кабинками, санузлом и телевизором
Выход к воде	Есть отдельный выход	Нет
Кол-во ботелей на территории	2	1
Особенности	Коттеджный тип с дополнительными удобствами	Номера выполнены в стиле старинных кораблей и кают

Проанализировав таблицу, автор пришел к выводу, что каждый ботель имеет свои особенности. Несмотря на общую категорию «ботель», средства размещения имеют разный вид, они могут быть полноценными коттеджами, также могут входить в категории средств размещений в парках-отелях, но также они могут находиться рядом с различными объектами на воде на специальных сваях или пантонах. Данная категория находится еще только на этапе своего развития, несмотря на огромное количество относительно новых средств размещения, у ботелей есть все шансы быть наравне с глэмпингами.

Таким образом, ботель – это необычный вариант размещения. Главным преимуществом является видовая характеристика, каждое средство размещения отличается от других, это является еще одним преимуществом, потому что потребитель сможет выбрать ботель под свои предпочтения. Развитие таких проектов будет способствовать экономическому развитию регионов, увеличению туристского потока, а также созданию новых рабочих мест.

Ботели как объекты размещения в экотуризме могут сыграть важную роль в развитии патриотического воспитания, особенно если они расположены на территориях, граничащих с ООПТ или на территориях, где есть объекты военно-исторического прошлого страны.

Список источников

1. Биржаков М. Б. Введение в туризм: учеб. пособие. – М.: Невский Фонд и Олбис, 2012. – 511 с. – URL: https://djvu.online/file/vbIXdSGVCYOVA (дата обращения: 06.02.2025).

2. Кусков А. С. Гостиничное дело: учеб. пособие / А. С. Кусков, А. О. Дашков. – 2009. – 328 с. – URL: https://fictionbook.ru/static/trials/00/17/12/00171291.a4.pdf (дата обращения: 07.02.2025).

3. Шматько Л. П. Туризм и гостиничное хозяйство: учеб. пособие. – М.: МарТ, 2014. С. 251–255.

4. Медлик С. Гостиничный бизнес: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям сервиса / пер. с англ. А. В. Павлов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – С. 124–126. – URL: https://studfile.net/preview/4339053/ (дата обращения: 08.02.2025).

5. Планировочная организация ботеля [Электронный ресурс]. – URL: https://studfile.net/preview/3816206/page:27/

Сведения об авторе

Добижа Ангелина Алексеевна – студентка, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: dobizha.angelina@mail.ru

УДК 364.662
ГРНТИ 04.51.45

Молодёжь и волонтёрство: как социальные инициативы способствуют укреплению единства в обществе

В. В. КЛОЧКОВА

В статье рассматривается специфика волонтерства как социального феномена в молодежной среде. Исследуется история возникновения добровольческой деятельности в Санкт-Петербурге и её в роль в формировании социального единства в обществе. Представлены результаты исследования отношения молодёжи Санкт-Петербурга к волонтерской деятельности.

Ключевые слова: волонтёрство, народное единство, добровольческая деятельность, сферы волонтёрства, проблемы волонтёрства.

Одним из ключевых аспектов устойчивого развития государства и общества, а также повышения уровня жизни граждан и улучшения социальных связей, выступает действенная молодежная политика. Одной из главных задач этой политики является привлечение молодежи к социальной деятельности через развитие волонтерства.

Законодательно феномен добровольной деятельности определен в ст. 1 ФЗ № 135 от 11.08.1995 «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»: «под добровольческой (волонтерской) деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг. На добровольческую (волонтерскую) деятельность распространяются положения, предусмотренные настоящим Федеральным законом для благотворительной деятельности»[1].

Молодёжь является наиболее социально активной демографической группой, обладает высокой степенью вовлечённости в социальную практику и стремится к самореализации через добровольческую деятельность. Молодежь играет

[1] О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): федер. закон № 135 от 11.08.1995.

ключевую роль в развитии волонтерских инициатив и проектов. Их активное участие и энергия могут значительно повлиять на успех и масштаб таких инициатив. Почему важно участие молодежи в волонтерстве:

1) молодые люди часто полны сил и энтузиазма, что позволяет им активно участвовать в различных проектах и инициативах. Их желание изменить мир и внести свой вклад может вдохновить других;

2) молодежь приносит свежие идеи и новые подходы к решению социальных проблем. Их креативность и открытость к экспериментам могут привести к инновационным волонтерским проектам;

3) участие в волонтерских проектах помогает молодежи развивать чувство социальной ответственности и активной гражданской позиции. Это формирует у них понимание важности участия в жизни общества;

4) молодежь может объединяться в группы и организации, что способствует созданию сообществ, ориентированных на волонтерство. Такие сообщества могут стать платформами для обмена опытом и ресурсами;

5) участие в волонтерских инициативах предоставляет молодежи возможность развивать лидерские качества, навыки управления проектами и командной работы. Это может быть полезно в их будущей карьере;

6) молодежь может эффективно привлекать своих сверстников к волонтерской деятельности, создавая таким образом цепную реакцию вовлеченности. Их влияние на друзей и знакомых может способствовать росту волонтерского движения;

7) молодежь может активно участвовать в проектах, направленных на помощь уязвимым группам населения, таким как дети, пожилые люди или люди с ограниченными возможностями. Это помогает развивать эмпатию и понимание социальных проблем;

8) молодежь часто имеет более глобальное мировоззрение и интерес к международным вопросам. Это может привести к участию в международных волонтерских проектах и обменам, что обогатит их опыт и расширит горизонты;

9) участие молодежи в волонтерских инициативах формирует их как будущих лидеров и активных граждан. Это создает основу для устойчивого развития общества и его социальных структур [3, с. 33].

Волонтёрство играет важную роль в формировании социального единства в обществе. Волонтёрская деятельность объединяет молодых людей вокруг общих целей и задач. Это способствует формированию чувства принадлежности к сообществу и укрепляет социальные связи. Участие в волонтёрских проектах помогает молодёжи осознать свою роль в обществе, развивает чувство ответственности и активной гражданской позиции, что в свою очередь, способствует большей вовлеченности в общественную жизнь.

Добровольческая деятельность в большинстве своём связана с взаимодействием с разными группами людей, что способствует культурному обмену и взаимопониманию. Молодые люди учатся уважать разнообразие и ценить различные точки зрения.

Волонтёрство помогает формировать положительный имидж молодёжи в обществе. Активные молодые люди становятся примером для подражания, что может вдохновить других на участие в социальных инициативах.

Таким образом, молодёжное волонтёрство не только способствует личностному росту молодых людей, но и является важным инструментом для достижения социального единства и гармонии в обществе.

Волонтёрство в России, и в частности в Санкт-Петербурге, имеет глубокие исторические корни и связано с различными социальными и культурными инициативами, которые возникали в городе с его основания в 1703 г. Первые формы организованной помощи нуждающимся можно проследить ещё в XVIII–XIX вв., когда возникали благотворительные общества и организации. Примером может служить создание в 1763 г. Общества благотворительности, которое занималось помощью бедным и больным. В советское время волонтёрство приобрело новые формы, связанные с идеологией коллективизма и социальной ответственности. В 1920-х гг. возникли различные добровольные организации, такие как Добровольное общество помощи армии, авиации и флоту (ДОСААФ), которые привлекали граждан к помощи в различных сферах, включая оборону и гражданскую защиту. В это время волонтёрство стало частью государственной политики, направленной на развитие общества. После распада Советского Союза в начале 1990-х гг. волонтёрство в Санкт-Петербурге начало развиваться более свободно. Появились новые инициативы и некоммерческие организации, которые начали работать в сферах экологии, социальной помощи, культуры и образования. В это время волонтёрство ассоциируется не только с благотворительностью, но и с активным гражданским участием. С начала 2000-х гг. волонтёрство в Санкт-Петербурге стало активно развиваться благодаря поддержке как государственных, так и частных инициатив. В последние десятилетия волонтёрство в Санкт-Петербурге стало более организованным и разнообразным. Появились крупные события, такие как международные фестивали, спортивные соревнования и культурные мероприятия. Развитие волонтерской деятельности актуализировалось в период пандемии COVID-19, когда многочисленным уязвимым категориям населения была необходима помощь, с которой не могли справиться официальные институты. Особая роль при этом была отведена молодежи как наиболее социально активной демографической группе [1, с. 826]. На данный момент волонтёрство в Санкт-Петербурге продолжает развиваться, привлекая всё больше людей к участию в социальных инициативах и проектах, что способствует укреплению гражданского общества и социальной ответственности.

Для оценки влияния волонтёрских проектов на общественное единство необходимо учитывать несколько ключевых критериев. Во-первых, это степень вовлечённости участников, которая определяется числом привлечённых волонтёров и их активностью в проводимых мероприятиях. Во-вторых, важным показателем является качество взаимодействия между участниками, включая развитие навыков командной работы и укрепление социальных связей. Также следует учитывать устойчивость достигнутых результатов, выражающуюся в

продолжении волонтёрской деятельности участниками после завершения проекта. Наконец, значимым аспектом является влияние на общественное восприятие, включая улучшение отношения к волонтёрской деятельности и повышение уровня гражданской ответственности.

Общая численность граждан, вовлеченных центрами (сообществами, объединениями) поддержки добровольчества (волонтерства) на базе образовательных организаций, некоммерческих организаций, государственных и муниципальных учреждений в добровольческую (волонтерскую) деятельность в 2024 г. составила более 507 тыс. человек[1]. По данным Росстата на 2024 г., численность населения Санкт-Петербурга 5 597 763 человека[2].

С каждым годом неравнодушных людей становится все больше и больше. В настоящее время волонтерская деятельность граждан на пике популярности и востребованности не только обществом, но и государством [4, с. 115].

Среди крупнейших волонтёрских организаций Санкт-Петербурга можно выделить: автономную некоммерческую организацию по развитию волонтёрской деятельности и проведению социально-значимых мероприятий «Волонтёры СПб» – это самая крупная волонтерская организация в Санкт-Петербурге, помогающая органам государственной власти и другим организациям в проведении мероприятий на городском, федеральном и международном уровне, что говорит о высоком уровне доверия организаторов мероприятий; «Центр городских волонтеров Санкт-Петербурга», главная цель которого – создание и поддержание эффективной системы просвещения, отбора и подготовки (обучения) волонтеров для качественного проведения мероприятий любого уровня; «Доброделы Петербурга» – благотворительную организацию, которая помогает детям с инвалидностью и детям из малообеспеченных семей познакомиться с востребованными и интересными занятиями; Волонтёрское движение «Добровольцы Петербурга» – это самая крупная общественная организация событийного добровольчества в Санкт-Петербурге для успешных, неравнодушных и перспективных молодых людей, включает в себя объединения и социальные проекты, в которых участвует более 40 тыс. волонтеров. Общественное движение «Волонтёры Победы. Санкт-Петербург», задачи которого – проведение всероссийских и международных акций, забота о ветеранах Великой Отечественной войны, помощь в благоустройстве памятных мест, восстановление историй семьи, популяризация современных достижений России с помощью интересных форматов; региональную группу «Старость в радость»; приют для бездомных «Ночлежка».

Волонтерские общественные организации вносят значительный вклад в социальное, культурное и экологическое развитие Санкт-Петербурга. Среди ключевых аспектов их деятельности можно выделить:

[1] Добровольчество. Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/kpmp/dobrovolchestvo/ (дата обращения: 12.04.2025).

[2] Численность населения Санкт-Петербурга: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://78.rosstat.gov.ru/news/document/233137 (дата обращения: 12.04.2025).

1) социальную поддержку: волонтерские организации помогают уязвимым группам населения. Они организуют благотворительные акции, сборы средств и помощи;

2) культурные инициативы: многие волонтерские организации занимаются проведением культурных мероприятий, фестивалей, выставок и концертов и т.п. Это способствует развитию культурной жизни города и привлечению туристов;

3) экологические проекты: в Санкт-Петербурге активно действуют волонтеры, занимающиеся охраной окружающей среды. Они проводят акции по уборке парков, берегов рек и озер, популяризуют различный сбор мусора и перерабатываемые материалы, а также участвуют в образовательных проектах по экологии;

4) образовательные программы: волонтерские организации часто реализуют проекты, направленные на обучение и развитие молодежи. Это может быть помощь в организации кружков, мастер-классов и других форм обучения;

5) поддержку городских мероприятий: волонтеры активно участвуют в организации различных городских праздников, спортивных событий и конкурсов, что помогает создать атмосферу единства и сплоченности среди жителей;

6) волонтерство способствует вовлечению граждан в общественную жизнь, повышая уровень гражданской ответственности и социальной активности;

7) многие волонтерские организации работают в партнерстве с государственными структурами, что позволяет более эффективно решать социальные проблемы и реализовывать инициативы на уровне города.

Таким образом, волонтерские общественные организации в Санкт-Петербурге не только помогают решать актуальные социальные проблемы, но и способствуют развитию сообщества и укреплению связей между его членами.

В современном мире волонтёрство через цифровые платформы даёт возможность охватывать большее количество потенциальных волонтёров. Появление онлайн-платформ, таких как «Добро.ру», позволяет людям находить волонтёрские проекты в своём районе, участвовать в мероприятиях и отслеживать свои достижения. Это делает процесс более доступным и удобным. Краудфандинг для социальных проектов: волонтёры могут собирать средства на реализацию своих идей через краудфандинговые платформы. Например, проекты по восстановлению общественных пространств или помощи людям с ограниченными возможностями могут быть профинансированы через такие платформы. В условиях пандемии многие организации начали использовать виртуальные форматы для привлечения волонтёров. На данный момент многие продолжают свою деятельность. Это включает помощь в онлайн-уроках для детей из неблагополучных семей или поддержку пожилых людей через телефонные звонки и видеозвонки. Это является доказательством того, как волонтёрство в Санкт-Петербурге и Российской Федерации в целом адаптируется к современным реалиям и использует новые подходы для решения социальных проблем.

В рамках исследования был проведен опрос среди молодежи Санкт-Петербурга и Ленинградской области с целью изучения особенностей восприятия и трактовки добровольческой деятельности. Опрос проходил с 11 по 14 апреля 2025 г. и включал в себя технологию множественного выбора, что позволило получить более детализированные данные о мнениях респондентов.

Обобщённые результаты опроса:

1. Общее отношение к добровольчеству:

• Положительное восприятие: значительная часть опрошенных выразила положительное отношение к добровольческой деятельности.

• Участие в волонтёрских проектах: большинство респондентов участвуют в волонтёрских проектах иногда (раз в шесть месяцев или реже).

2. Влияние волонтёрства на общество:

• Респонденты отмечают, что волонтёрство приносит пользу обществу, способствует увеличению уровня доверия между людьми, укрепляет народное единство. Минимальная часть респондентов считают, что оно не имеет значительного влияния на общество. Эти данные подчеркивают важность добровольческой деятельности как инструмента для социального развития.

3. Мотивы участия в добровольческой деятельности:

• Основные мотивы, побуждающие молодежь к участию в волонтёрских проектах, включают желание помочь другим, получение нового опыта, возможность завести новые знакомства и улучшение резюме. Таким образом, главной движущей силой является стремление делать добро и помогать другим.

4. Актуальные социальные проблемы:

• На вопрос о наиболее актуальных социальных проблемах, которые можно решить через добровольческую деятельность, мнения респондентов разделились. Наиболее часто упоминаются поддержка пожилого населения, экологические проблемы, помощь бездомным, реализация образовательных программ для нуждающихся, а также поддержка участников СВО. Это свидетельствует о многообразии социальных проблем, которые молодежь готова решать через волонтёрство.

5. Препятствия для участия в волонтёрстве:

• Главной проблемой, мешающей привлечению большего числа участников, респонденты назвали недостаток времени у молодежи. Другими значимыми факторами стали непонимание важности волонтёрства, отсутствие информации о возможностях и мероприятиях, а также негативный опыт волонтёров. Эти данные подчеркивают необходимость работы над информированием молодежи и созданием условий для вовлечения в добровольческую деятельность.

Результаты опроса показывают, что добровольческая деятельность воспринимается молодежью как важный инструмент для решения социальных проблем и развития общества. Основными мотивами участия являются желание помочь другим и получить новый опыт. Однако существуют значительные препятствия,

такие как нехватка времени и недостаток информации, которые необходимо учитывать при разработке программ по вовлечению молодежи в волонтёрство. Полученные результаты подтверждают значимость волонтёрской деятельности как инструмента укрепления единства в обществе. Важно продолжить изучение механизмов вовлечения молодёжи в волонтёрство, а также разработку программ, направленных на поддержку и развитие социальных инициатив. Перспективными направлениями исследований могут стать анализ долгосрочного влияния волонтёрства на социальную сплочённость и изучение новых форматов инициатив, адаптированных к современным условиям, а также изучение новых форм популяризации волонтёрской деятельности.

На основе изученного материала можно сделать вывод о том, что волонтёрство оказывает значительное влияние на развитие городской среды, способствуя улучшению качества жизни горожан и созданию комфортной городской инфраструктуры. Волонтёры активно участвуют в различных проектах по благоустройству территорий, восстановлению исторических памятников и организации культурных мероприятий. Эти инициативы не только повышают эстетическую привлекательность города, но и способствуют формированию активного гражданского общества.

Волонтёрство играет ключевую роль в формировании гражданской идентичности жителей Санкт-Петербурга. Участие в волонтёрских проектах способствует осознанию своей принадлежности к городу и его культуре. Люди, занимающиеся волонтёрством, часто становятся более вовлечёнными в жизнь своего сообщества и начинают проявлять интерес к его истории и традициям.

Имеют место определенные проблемы, с которыми сталкивается молодёжь во время добровольческой деятельности – отсутствие свободного времени и недостаточное информирование о возможности присоединения к организациям, проводимых мероприятиях, их результатах. Привлечение в волонтерское движение новых членов сдерживается неразвитостью его инфраструктуры (созданные сравнительно недавно волонтерские ресурсные центры, готовые работать с гражданами, находятся в стадии поиска собственных стратегий развития); недостаточностью образовательных программ и отсутствием у представителей госучреждений, привлекающих добровольцев, компетенций по работе с ними; недостаточной популяризацией волонтерства, а также отсутствием информированности граждан о социальных акциях и проектах [2, с. 36].

Таким образом, волонтёрство становится важным инструментом формирования единой гражданской идентичности, способствующей сплочению общества и укреплению социальных ценностей.

Отдельно стоит выделить такой эффект волонтёрской деятельности, как стирание границ между различными слоями общества. Например, совместная работа над проектами по помощи детям из неблагополучных семей или пожилым людям позволяет людям из разных социальных групп лучше понять друг друга

и преодолеть предвзятости. Это взаимодействие способствует формированию чувства общности и взаимопомощи.

Кроме того, волонтёрские инициативы могут стать катализатором для создания новых социальных сетей и сообществ. Участие в общих проектах позволяет людям находить единомышленников, что может привести к образованию устойчивых дружеских связей и профессиональных контактов.

Итак, социально-экономические эффекты волонтёрства в Санкт-Петербурге проявляются через развитие городской среды, формирование гражданской идентичности и укрепление социальных связей между различными группами населения. Волонтёрство не только обогащает жизнь города, но и способствует созданию более сплочённого и активного общества. В условиях современных вызовов важно продолжать поддерживать и развивать волонтёрские инициативы как важный элемент социальной политики города.

Список источников

1. Беляева Л. А., Зеленев И. А., Прохода В. А. Добровольчество в России: история развития и современные установки молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2021. – № 21 (4). – С. 825–838. DOI 10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838

2. Жилина И. Ю. Волонтерство как ресурс для решения социальных и экологических проблем России // Экономические и социальные проблемы России. – 2019. – С. 119–137. DOI 10.31249/espr/2019.01.06

3. Лавренков С. В. Педагогика и современное образование: традиции, опыт и инновации: сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2024. – С. 29–33.

4. Палкина Е. А. Волонтерское движение как социально-культурный феномен российского общества // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. Серия: Социологические науки. – 2019. – № 2. – С. 111–115. DOI 10.30725/2619-0303-2019-2-111-115

Сведения об авторе

Клочкова Виктория Владимировна – бакалавр, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-9862-2052, e-mail: viktoriya.klochkova.03@gmail.com

УДК 332
ГРНТИ 06.81.35

Роль потребления в сбалансированности развития региона

Н. М. КОСМАЧЕВА

В статье рассматривается связь между пропорциональностью производственных процессов и потреблением населения в Ленинградской области. Делается вывод о необходимости согласованных изменений в стратегических документах для сбалансированного развития региона.

Ключевые слова: сбалансированность, валовый региональный продукт, потребление.

Вопросам устойчивого и сбалансированного развития территорий сегодня уделяется большое внимание, что нашло отражение в основных документах, касающихся стратегических вопросов. На глобальном уровне это, например, декларация лидеров G20, уточняющая направления и цели ESG-повестки (Рио-де-Жанейро ноябрь, 2024)[1].

Поскольку мезоуровень является центральным звеном национальной экономики, то исследование пропорциональности как элемента сбалансированности воспроизводственных процессов и потребления региона достаточно значимо.

Региональный воспроизводственный процесс, который определяются, в первую очередь, институциональной средой, основывается на соразмерности внешних и внутренних ресурсов, отраслевых пропорциях, соотношении производственной и непроизводственной сфер.

Если обратиться к опыту Ленинградской области, то динамика валового регионального продукта (ВРП) за четыре года представлена на рис. 1.

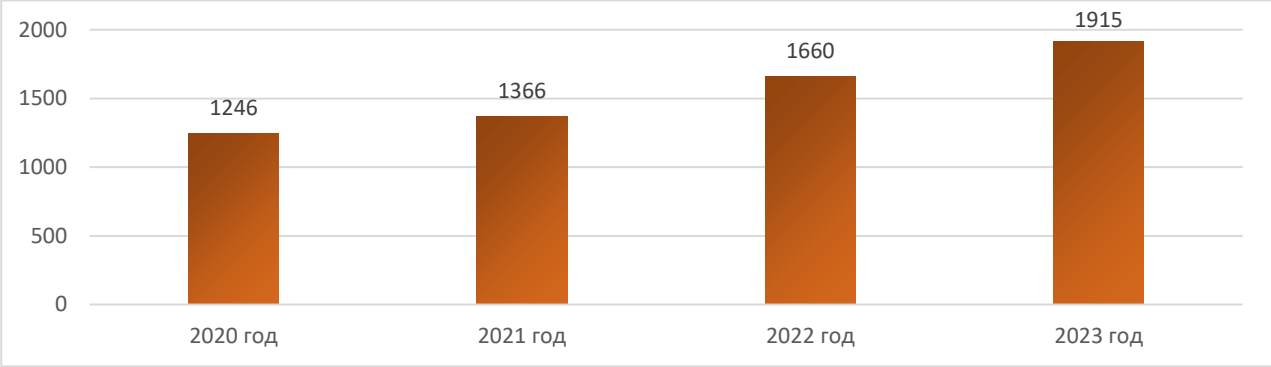

Рис. 1. Динамика ВРП в Ленинградской области в 2020–2023 гг. (млрд р.)[2]

Из рисунка видно, что наблюдается стабильный рост ВРП, но при сравнении ВРП на душу населения в Ленинградской области (739,7 тыс. р. в 2021 г. и 822,8 тыс. р. в 2022 г.) со средними значениями по Северо-Западному федеральному округу (1198,1 тыс. р. и 1362,9 тыс. р. соответственно), то эти показатели отстают, несмотря на тенденцию роста.

В 2024 г. в Ленинградской области сложилась следующая структура объема отгруженных товаров собственного производства (рис. 2).

[1] G-20 Rio de Janeiro Leaders' Declaration. URL: https://g20.utoronto.ca/2024/241118-declaration.html

[2] Составлено автором на основе – Мониторинг Ленинградской области https://monitoring.lenreg.ru

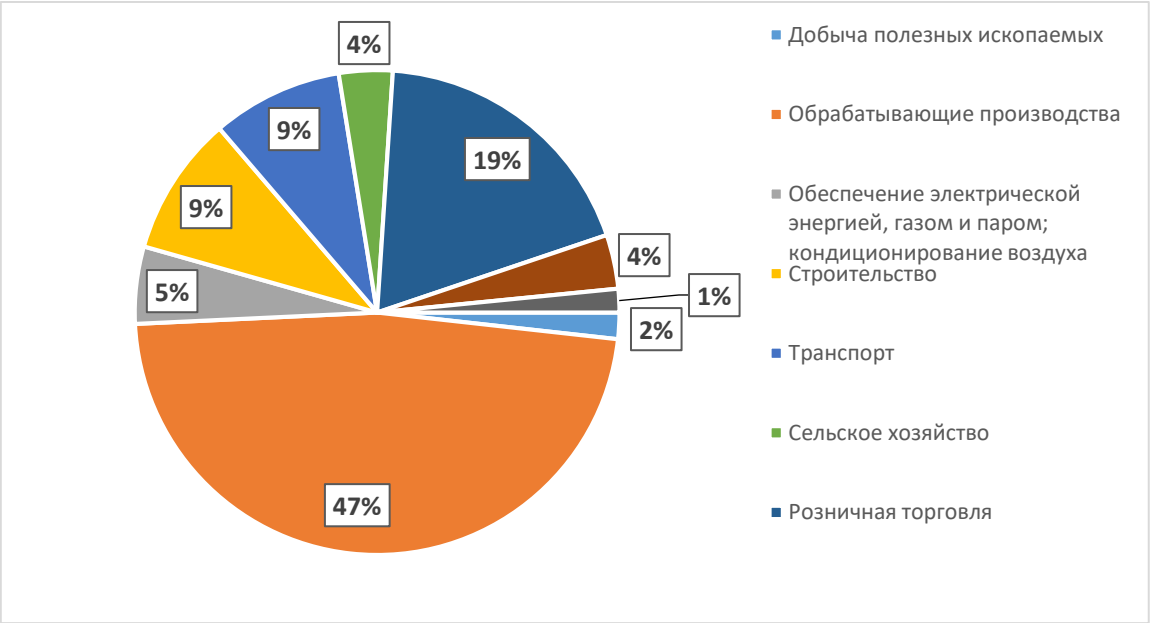

Рис. 2. Структура объема отгруженных товаров собственного производства Ленинградской области в 2024 г.[1]

Из таблицы очевидно, что основную долю составляют обрабатывающие производства промышленной отрасли (47%). Индекс промышленного производства области демонстрировал постоянное увеличение в процентах к предыдущему году (96,8% –2022 г.; 107,7% – 2023 г.; 108,21% – 2024 г.)[2], но темпы этого показателя замедлились в 2024 г.

В соответствии со стратегией развития Ленинградской области до 2036 г. специализация районов останется в целом традиционной, но акцент будет сделан на развитие промышленности, сельского хозяйства и экотуризма[3].

Поскольку потребление в регионе определяется в значимой степени как производственными процессами, так и доходами населения, проследим динамику средней начисленной заработной платы.

[1] Мониторинг Ленинградской области. URL: https://monitoring.lenreg.ru/pokazateli-razvitiya-regiona/dostizhenie-osnovnyx-pokazatelej/

[2] Там же.

[3] Проект Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года и на перспективу до 2036 г. URL: https://econ.lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2024/09/04/2._240823_Проект_Стратегии_свод.pdf

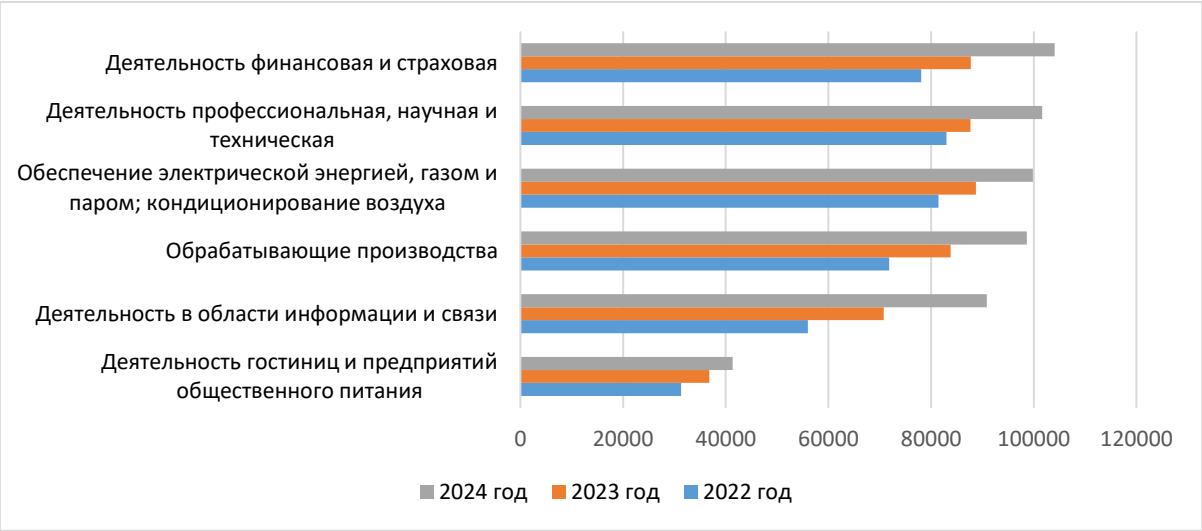

Рис. 3. Динамика средней начисленной заработной платы в Ленинградской области в 2022–2024 гг. по сферам деятельности, р.

Очевидно, что максимальные средние заработки обеспечивала деятельность в финансовом и страховом секторах (в 2024 г. – 104060 р. в месяц, без премий, выплачиваемых в конце года), в то время как зарплаты в обрабатывающей промышленности не превышали в среднем 98659 р., а наиболее низкие заработки были в этом году у сотрудников гостиниц и предприятий общественного питания (41338 р.).

Если сравнить эти показатели с размером среднего прожиточного минимума (16226 р. в 2024 г.) и минимальной оплатой труда в ЛО 20125 р. в 2024 г.), то ситуация достаточно благоприятная. [1]

Структура потребления в настоящее время находится под значительным влиянием цифрового технологического пространства.

Стоит отметить, что последствия процесса глобализации наиболее заметны в финансовом сегменте и на маркетплейсах, деятельность которых неотъемлема от цифровизации экономики. Они практически устраняют влияние локальных факторов отдельных территорий, не зависят от места расположения и регистрации организаций, соответственно, снимаются все ограничения на доступность их услуг. Передовой российский финансовый рынок на основе современных цифровых технологий в значительной степени способствуют формированию потребительского спроса клиентов через рекламу, обучающие программы, функционирование экосистем, использование преимуществ искусственного интеллекта и др. Как следствие, удовлетворение потребностей покупателей может иметь значительную многовариантность. Однако указанные преимущества ограничиваются уровнем платежеспособности населения (с учетом всех доходов и дотаций).

[1] Региональное соглашение о минимальной заработной плате в Ленинградской области на 2024 г. URL: https://ktzn.lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2023/11/24/РМЗП_2024.pdf

К тому же, этот процесс имеет и обратную сторону, поскольку не все регионы генерируют налоговые поступления от деятельности этих институтов. Инфляционные процессы, значительно ускорившиеся после начала СВО, сильно повлияли на динамику потребительских цен в стране в целом и Ленинградской области в частности.

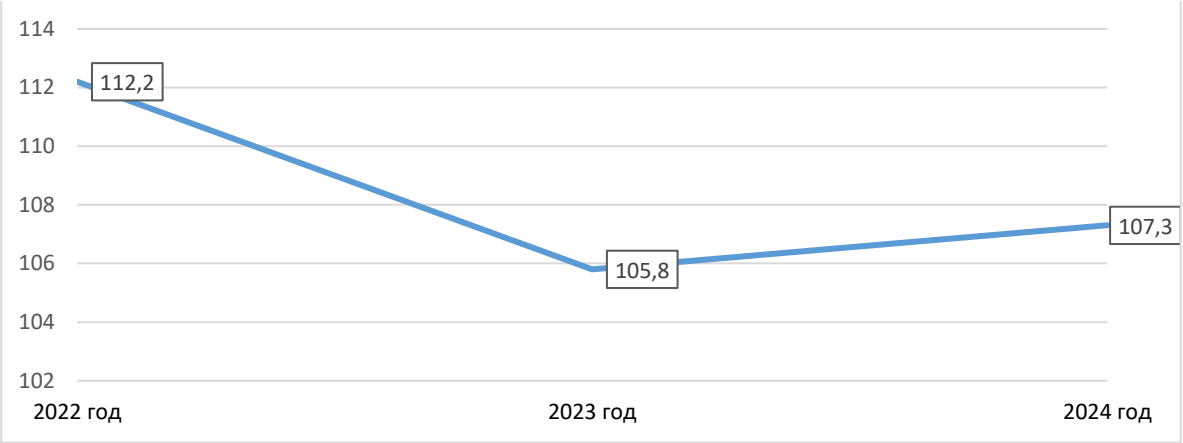

Рис. 4. Динамика индекса потребительских цен Ленинградской области к соответствующему периоду предыдущего года в 2022–2024 гг. (%)[1]

В 2023 и 2024 гг. рост данного индекса несколько замедлился, но в силу инфляционных процессов, также на фоне рекордных значений ключевой ставки, расходы на потребление увеличиваются, а сбережения населения уменьшаются. (рис. 5).

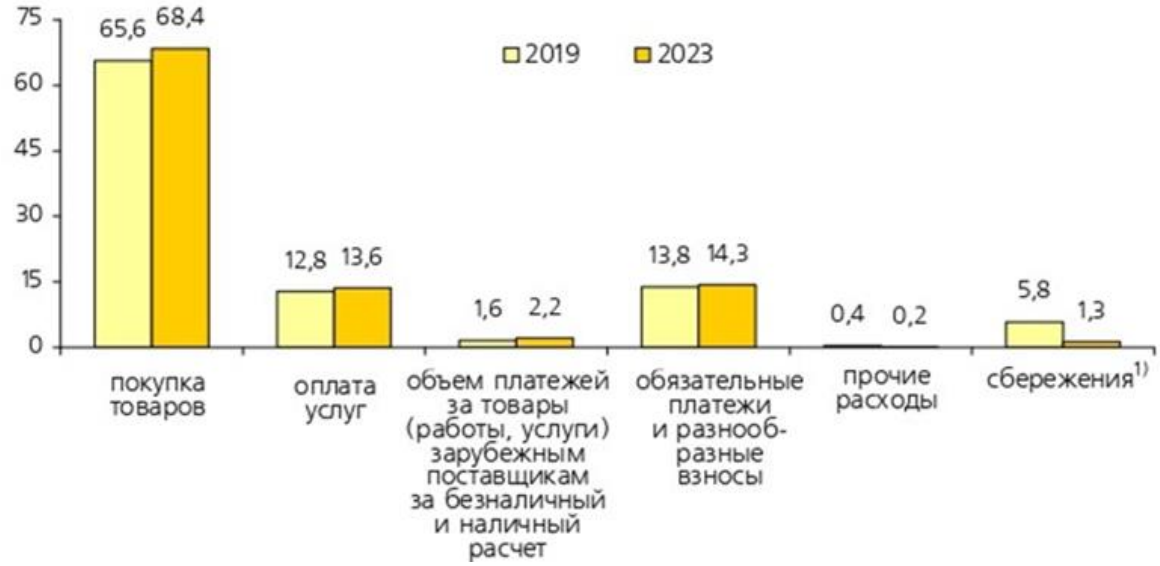

Рис. 5. Сравнение структуры расходов денежных доходов населения Ленинградской области 2023 г. по отношению к 2019 г. (%) [1, с. 30]

[1] Социально-экономическое развитие Ленинградской области в 2024 г. URL: https://econ.lenobl.ru/ru/budget/social/info_serlo/socialno-ekonomicheskoe-razvitie-leningradskoj-oblasti-v-2024-godu

Искусственный интеллект и цифровые технологи ускоряют количественные и качественные изменения на рынках товаров и услуг Ленинградской области. Меняются как промышленные, так и продовольственные товары, их качество. Однако, если стремиться к сохранению биологического здоровья населения, то структура и качество продовольственных товаров должны оставаться относительно неизменными.

Также при корректировке стратегии развития Ленинградской области необходимо, чтобы целевые функции сочетались с целями текущих среднесрочных планов в части сбалансированности развития и синхронно уточнялись при объективных изменениях социо-эколого-экономических условий.

Список источников

1. Ленинградская область’ 2023. Краткий статистический сборник / Петростат. – СПб., 2024. – 93 с.

Сведения об авторе

Космачева Надежда Михайловна – доктор экономических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3229-8054, e-mail: n.kosmacheva@lengu.ru

УДК 33.338
ГРНТИ 06.81

Краудсорсинг как инновационный инструмент повышения эффективности деятельности высшей школы

Е. А. КУРТОВ

В данной статье рассматриваются теоретические основы краудсорсинга, его потенциал в контексте высшей школы, а также практические примеры использования этого инструмента для улучшения образовательных процессов, научных исследований и управления университетами.

Ключевые слова: краудсорсинг, высшая школа, преимущества и вызовы краудсорсинга.

Современная высшая школа находится в процессе активной трансформации, вызванной глобализацией, цифровизацией и изменением запросов общества. Университеты сталкиваются с необходимостью адаптироваться к новым условиям, повышать качество образования, усиливать научную деятельность и оптимизировать управленческие процессы. В этом контексте краудсорсинг как инновационный инструмент предлагает новые возможности для решения сложных задач за счет привлечения внешних ресурсов и коллективного интеллекта.

В разных литературных источниках встречается ряд определений понятия «краудсорсинг». В статье «Применение краудсорсинга в высшем образовании» автор цитирует Джеффа Хоува: «Это распределенный процесс решения проблем

и производства, который включает в себя передачу задач на аутсорсинг неопределенной большой группе людей или сообществу, то есть толпе, через открытый вызов» [Джамалдинова, Курдюков, с. 45]. Андреева Ю. Ю. в статье «Краудсорсинг – один из инновационных инструментов развития высшего образования» приводит несколько определений: «Решение общественно значимых задач силами множества добровольцев, часто координирующих при этом свою деятельность с помощью информационных технологий. Модель бизнеса, основанная на привлечении «толпы» (в случае применения краудсорсинга в образовании студентов), волонтеров к производству и распространению товаров и услуг, а также к предложению своих идей или решению определенных проблем» [Андреева, с. 120].

На основе небольшой выборки определений, можно сказать, что краудсорсинг (от англ. crowdsourcing – использование ресурсов толпы) – это метод решения задач, при котором организация обращается за помощью к большому количеству людей, часто через интернет. Основные принципы краудсорсинга включают:

- децентрализацию – задачи решаются не внутри организации, а внешними участниками;
- коллективный интеллект – использование знаний и опыта множества людей;
- открытость – доступ к участию для всех желающих;
- вознаграждение – материальное или нематериальное поощрение участников.

Краудсорсинг успешно применяется в различных сферах, включая бизнес, науку, культуру и государственное управление. В высшей школе он может стать эффективным инструментом для решения широкого спектра задач. В таблице представлен потенциал краудсорсинга в высшей школе.

Таблица

Потенциал краудсорсинга в высшей школе

Цель	Содержание
Улучшение образовательных процессов	Разработка образовательных программ – привлечение студентов, выпускников и работодателей к созданию учебных планов, соответствующих современным требованиям рынка труда. Создание открытых образовательных ресурсов – использование краудсорсинга для разработки учебных материалов, таких как онлайн-курсы, видеолекции и тесты. Обратная связь – сбор мнений студентов и преподавателей для улучшения качества преподавания и учебных программ
Развитие научных исследований	Решение научных задач – привлечение внешних экспертов и энтузиастов к решению сложных научных проблем, например, через платформы для краудсорсинга научных проектов. Сбор данных – использование краудсорсинга для сбора и анализа больших объемов данных, что особенно актуально в социальных и естественных науках. Финансирование исследований – краудфандинг как способ привлечения средств для научных проектов

Продолжение табл.

Оптимизация управления университетами	Улучшение инфраструктуры – привлечение студентов и сотрудников к разработке проектов по улучшению кампусов и учебных помещений. Управление инновациями – сбор идей от студентов и преподавателей для внедрения новых технологий и процессов. Оценка качества – использование краудсорсинга для сбора отзывов о работе администрации и преподавателей

Краудсорсинг как инновационный инструмент обладает значительным потенциалом для повышения эффективности деятельности высшей школы. Однако его внедрение сопряжено как с преимуществами, так и с вызовами, которые требуют тщательного анализа и учета. Рассмотрим их подробнее.

Преимущества краудсорсинга в высшей школе:

1. *Повышение вовлеченности студентов и преподавателей.* Краудсорсинг позволяет активно вовлекать студентов, преподавателей, выпускников и даже внешних экспертов в процессы управления университетом, разработки образовательных программ и научных исследований. Это способствует созданию чувства сопричастности и ответственности за результаты работы университета.

2. *Ускорение процессов разработки и внедрения инноваций.* Краудсорсинг позволяет быстро собирать идеи и решения от большого количества участников, что значительно ускоряет процесс разработки новых образовательных методик, научных проектов или управленческих решений.

3. *Получение недорогих (бесплатных) идей [Палей, с. 141]*. Использование краудсорсинга позволяет минимизировать затраты на выполнение задач, так как многие участники готовы работать на добровольной основе или за символическое вознаграждение (вместо найма дорогостоящих консультантов для анализа данных университет может привлечь студентов или внешних энтузиастов через краудсорсинговую платформу).

4. *Улучшение качества образовательных программ и научных исследований.* Краудсорсинг позволяет учитывать мнения и идеи широкого круга заинтересованных сторон, что способствует созданию более качественных и востребованных образовательных программ. В научных исследованиях краудсорсинг помогает привлекать экспертов из разных областей, что повышает точность и глубину анализа.

5. *Создание бесплатной рекламы [Сивакс, с. 2]*. Краудсорсинг способствует установлению связей между университетами, бизнесом, государственными организациями и общественностью. Это создает новые возможности для сотрудничества и обмена опытом.

6. *Гибкость и адаптивность.* Краудсорсинг позволяет быстро адаптироваться к изменениям в образовательной среде, так как он обеспечивает оперативный сбор идей и решений от широкого круга участников.

Вызовы краудсорсинга в высшей школе:

1. *Необходимость разработки четких механизмов управления краудсорсинговыми проектами.* Эффективное использование краудсорсинга требует создания прозрачных и понятных правил участия, а также четкого распределения

ролей и ответственности. Без этого проекты могут стать хаотичными и неэффективными (если университет не установит четкие критерии отбора идей, он может столкнуться с большим количеством низкокачественных предложений).

2. *Неорганизованное и непрофессиональное сообщество людей [Жидкова, с. 138]*. Краудсорсинг предполагает участие людей с разным уровнем знаний и опыта, что может привести к появлению непрофессиональных или нереализуемых идей.

3. *Этические вопросы, связанные с использованием труда участников.* Краудсорсинг часто предполагает участие людей на добровольной основе или за символическое вознаграждение, что может вызывать вопросы о справедливости и эксплуатации труда.

4. *Необходимость мотивации участников.* Для успешного краудсорсинга важно обеспечить достаточную мотивацию участников, что может быть сложной задачей, особенно в долгосрочных проектах.

5. *Проблемы координации и коммуникации.* Управление большим количеством участников требует эффективных инструментов координации и коммуникации, что может быть сложно организовать, особенно в крупных университетах.

6. *Риск потери контроля над процессами.* Краудсорсинг предполагает передачу части ответственности внешним участникам, что может привести к потере контроля над процессами и результатами.

7. *Технические и организационные сложности.* Внедрение краудсорсинга требует наличия соответствующих технологических платформ, а также обучения сотрудников и студентов методам работы с этим инструментом.

Краудсорсинг предлагает высшей школе уникальные возможности для повышения эффективности образовательных, научных и управленческих процессов. Однако его успешное внедрение требует учета вызовов и разработки стратегии, направленной на минимизацию рисков. При грамотном подходе краудсорсинг может стать мощным инструментом инновационного развития университетов в условиях цифровой экономики.

Новый инструмент в России постепенно набирает популярность в сфере образования, хотя его применение пока не столь широко, как в других странах. Тем не менее, уже есть несколько успешных примеров использования этого инструмента в российских университетах, школах и образовательных проектах. Рассмотрим некоторые из них.

Платформа «Открытое образование» – это российский аналог международных платформ MOOC, таких как Coursera или edX. Она использует краудсорсинг для разработки и улучшения курсов. Преподаватели и студенты могут предлагать темы для новых курсов, участвовать в их создании и оставлять отзывы о существующих курсах. Платформа стала популярной среди российских студентов и преподавателей, предлагая качественные курсы от ведущих университетов России.

Университет 20.35 – это инновационный образовательный проект, ориентированный на цифровую экономику. Он активно использует краудсорсинг для разработки образовательных программ и решения задач. В рамках проекта «Ат-

лас новых профессий» Университет 20.35 привлек экспертов, студентов и представителей бизнеса для создания карты профессий будущего. Участники предлагали идеи, анализировали тренды и разрабатывали рекомендации для образовательных программ. Проект стал важным инструментом для профориентации и разработки новых образовательных курсов, соответствующих запросам рынка труда.

«Лекториум» – это платформа для онлайн-образования, которая использует краудсорсинг для создания образовательных материалов. Платформа привлекает преподавателей, студентов и экспертов для разработки массовых открытых онлайн-курсов (МООК). Участники могут предлагать темы курсов, создавать контент и проверять материалы. Благодаря краудсорсингу «Лекториум» смог запустить множество качественных курсов по различным дисциплинам, доступных для широкой аудитории.

Хотя краудсорсинг в российском образовании пока находится на стадии развития, уже есть успешные примеры его применения. Эти проекты демонстрируют, что краудсорсинг может стать эффективным инструментом для улучшения образовательных процессов, вовлечения студентов и преподавателей, а также решения сложных задач. В будущем можно ожидать расширения использования краудсорсинга в образовательной сфере России, особенно в условиях цифровой трансформации.

Краудсорсинг представляет собой мощный инструмент для повышения эффективности деятельности высшей школы. Его применение позволяет привлекать внешние ресурсы, улучшать образовательные процессы, ускорять научные исследования и оптимизировать управление университетами. Однако успешное внедрение краудсорсинга требует тщательной подготовки, разработки стратегии и учета возможных вызовов. В условиях цифровой трансформации краудсорсинг может стать ключевым элементом инновационного развития высшей школы.

Список источников

1. Андреева Ю. Ю. Введение в «Краудсорсинг» – один из инновационных инструментов развития высшего образования // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2014. – Т. 1. – № 1. – С. 119–128. – EDN TTKOUR.

2. Джамалдинова М. Д. Применение краудсорсинга в высшем образовании / М. Д. Джамалдинова, Н. О. Курдюкова // Вопросы региональной экономики. – 2021. – № 3(48). – С. 44–51. – EDN HKPKAJ.

3. Жидкова О. Н. Краудсорсинг как один из инструментов социализации формального и неформального образования // Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – № 10-1. – С. 137–140. – EDN RARFOB.

4. Палей Т. Ф. Краудсорсинг, как средство повышения эффективности системы управления вузом и инфраструктурного развития // Проблемы современной экономики: материалы II Междунар. науч. конф., Челябинск, 20–23 октября 2012 г. – Челябинск: Два комсомольца, 2012. – С. 140–142. – EDN VTDWEZ.

5. Сивакс А. Н. Краудсорсинг: преимущества и ограничения // Научное и образовательное пространство: перспективы развития: сборник материалов IX Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 16 июля 2018 г. / редколлегия: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества "Интерактив плюс"», 2018. – С. 188–190. – EDN XVBJBR.

Сведения об авторе
Куртов Егор Александрович – аспирант 2 курса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID:0009-0009-3391-9826, e-mail: egor.kurtov19@gmail.com

УДК 005
ГРНТИ 82

Эффективные кадры – основа сильного государства: цифровая трансформация госслужбы

А. В. КУЩ

В статье рассматриваются актуальные вопросы цифровизации государственного и муниципального управления в России, анализируются её ключевые вызовы и предлагая пути их преодоления. Выделяется основная проблема – низкий уровень цифровой грамотности среди сотрудников государственного аппарата, особенно в старшей возрастной группе, что создает дисбаланс между технологическими возможностями и кадровым потенциалом. В качестве решения предлагается комплексная программа профессиональной подготовки «Цифровой чиновник», основанная на принципах адресности, практико-ориентированности и непрерывности обучения. Программа включает модули по цифровой трансформации, управлению данными, кибербезопасности, Agile-подходам и цифровым коммуникациям, а также предусматривает использование современных образовательных методик, таких как микрообучение и геймификация. Ожидаемые результаты внедрения программы – повышение цифровой грамотности сотрудников, снижение нагрузки на ИТ-поддержку, ускорение межведомственной координации и улучшение качества предоставления государственных услуг. Подчеркивается необходимость системной поддержки программы на государственном уровне для её успешной реализации и интеграции в национальную стратегию развития.

Ключевые слова: цифровизация, государственное управление, муниципальное управление, цифровая грамотность, цифровая трансформация, эффективность управления.

Цифровизация государственного и муниципального управления стала неотъемлемым элементом построения эффективной, прозрачной и конкурентоспособной системы управления в XXI в. В условиях глобальной технологической трансформации она выступает ключевым инструментом укрепления единства государства, повышения качества предоставления публичных услуг и оптимизации взаимодействия между обществом и властью [1]. За последние годы в России достигнут значительный прогресс в интеграции цифровых решений: созданы порталы государственных услуг, внедрены системы электронного документооборота, развивается инфраструктура «умных городов». Однако, несмотря на очевидные успехи, процесс цифровизации сталкивается с системными вызовами, требующими комплексного анализа и оперативных решений.

Одной из наиболее острых проблем остается низкий уровень цифровой грамотности среди специалистов государственного аппарата, особенно в возрастной группе старше 45–50 лет. Многие сотрудники, обладая богатым опытом в традиционных методах управления, испытывают трудности в освоении современных

ИТ-инструментов, что замедляет темпы цифровой трансформации на местах. Усугубляет ситуацию отсутствие специализированных программ переподготовки, учитывающих как специфику управленческих задач, так и психологические особенности обучения взрослых. Это создает дисбаланс между технологическими возможностями и кадровым потенциалом, угрожая превратить цифровизацию из драйвера развития в источник бюрократических барьеров [2].

Преодоление этих противоречий требует не только модернизации инфраструктуры, но и пересмотра подходов к подготовке кадров, формирования культуры непрерывного обучения и адаптации образовательных методик к реалиям цифровой эпохи. В данной статье исследуются ключевые проблемы цифровизации в контексте государственного и муниципального управления, анализируются причины кадрового дисбаланса и предлагаются механизмы создания гибкой системы профессионального развития сотрудников, способной обеспечить синтез опыта и инноваций для укрепления единства и эффективности управления страной.

В ответ на выявленные системные вызовы предлагается комплексная программа профессиональной подготовки «Цифровой чиновник», направленная на устранение ключевых барьеров в цифровой трансформации государственного и муниципального управления. Её цель – сформировать у сотрудников органов власти не только базовые цифровые компетенции, но и навыки эффективного взаимодействия с современными информационными системами, что позволит сократить разрыв между технологическими возможностями и кадровым потенциалом. Программа строится на трёх ключевых принципах:

1. Адресность. Учебные модули дифференцированы с учётом возраста, должностных функций и уровня цифровой грамотности слушателей. Для сотрудников старшего поколения акцент делается на преодоление психологического барьера через интуитивные интерфейсы и наставничество, тогда как для молодых специалистов предусмотрено углублённое изучение аналитических инструментов (например, Big Data, AI-сервисы).

2. Практико-ориентированность. Обучение интегрировано в реальные рабочие процессы: слушатели отрабатывают навыки на симуляторах электронного документооборота, порталах госуслуг и системах межведомственного взаимодействия (например, «Электронный бюджет», «ГИС ЖКХ»). Кейсы включают решение типовых проблем – от обработки запросов граждан в ЕСИА до анализа данных для управленческих решений.

3. Непрерывность. Программа дополнена системой микрообучения (short-term курсы, вебинары) и цифровым ассистентом на базе ИИ, который оперативно консультирует сотрудников по возникающим вопросам в рабочем контексте.

Особенность «Цифрового чиновника» – синхронизация образовательного контента с региональными и федеральными ИТ-платформами. Например, модуль по кибербезопасности включает отработку действий при кибератаках на инфраструктуру «Безопасного города», а блок по цифровым коммуникациям обучает работе с соцсетями и чат-ботами для обратной связи с населением. Для

упрощения адаптации предусмотрена геймификация: баллы за прохождение этапов программы переводятся в цифровые «бейджи», которые влияют на карьерный рейтинг сотрудника.

Внедрение программы позволит:

- снизить нагрузку на ИТ-поддержку за счёт самостоятельного решения сотрудниками типовых задач (настройка ЭЦП, формирование отчётов в АИС);

- ускорить процессы межведомственной координации через единые стандарты работы с данными;

- повысить качество услуг для граждан, сократив ошибки, вызванные «человеческим фактором».

Целевая аудитория программы – руководители и сотрудники федеральных и региональных органов власти, муниципальные служащие, сотрудники подведомственных учреждений. Срок обучения составит шесть месяцев в очно-заочном формате с использованием дистанционных технологий.

Структура программы

Модуль 1. Основы цифровой трансформации.

- Тренды цифровой экономики (Big Data, AI, блокчейн, IoT).

- Национальные проекты РФ: «Цифровая экономика», «Цифровое государство».

- Мировой опыт цифровизации госуправления (кейсы Эстонии, Сингапура, ОАЭ).

Модуль 2. Управление данными в государственном секторе.

- Работа с открытыми данными (Open Data).

- Инструменты анализа данных (Power BI, Tableau).

- Нормативно-правовые аспекты цифровизации.

Модуль 3. Цифровые сервисы и платформы.

- Разработка и внедрение цифровых платформ (Единый портал госуслуг, «Суперсервисы»).

- Использование облачных технологий (российские решения: SberCloud, Yandex.Cloud).

- UX/UI-дизайн для государственных сервисов.

Модуль 4. Кибербезопасность и защита информации.

- Основы кибергигиены.

- Реализация требований ФЗ № 187 «О безопасности критической информационной инфраструктуры».

- Симуляционные тренинги по отражению кибератак.

Модуль 5. Agile-подходы в госуправлении.

- Методологии проектного управления (Scrum, Kanban).

- Практикум: разработка цифрового проекта (от идеи до MVP).

Модуль 6. Коммуникация и цифровая этика.

- Управление цифровыми коммуникациями с гражданами (соцсети, чат-боты).

- Противодействие цифровым фейкам и дезинформации.

Формы обучения:

1. Онлайн-лекции (вебинары с экспертами Минцифры, РАНХиГС, IT-компаний).

2. Практические кейсы (разбор реальных проектов: внедрение ИИ в МФЦ, цифровизация ЖКХ).

3. Стажировки в «цифровых» ведомствах (Минцифры, Роскомнадзор, АНО «Цифровая экономика»).

Итоговая аттестация: защита проекта по цифровизации конкретного процесса в органе власти.

Ожидаемые результаты:

- Не менее 80% слушателей освоят навыки работы с цифровыми платформами.
- Внедрение 30+ пилотных проектов в регионах (по итогам защиты).
- Повышение индекса цифровой зрелости органов власти на 15–20%.

Цифровая трансформация государственного и муниципального управления является неотъемлемым условием построения эффективной, прозрачной и конкурентоспособной системы управления в современной России. Однако ключевым барьером на этом пути остаётся низкий уровень цифровой грамотности среди сотрудников государственного аппарата, особенно в старших возрастных группах. Это создаёт дисбаланс между технологическими возможностями и кадровым потенциалом, замедляя процессы цифровизации и снижая качество предоставления государственных услуг.

Предложенная в статье программа «Цифровой чиновник» направлена на устранение этих проблем за счёт адресного, практико-ориентированного и непрерывного обучения. Её внедрение позволит не только повысить цифровые компетенции госслужащих, но и оптимизировать рабочие процессы, снизить нагрузку на ИТ-поддержку, ускорить межведомственное взаимодействие и минимизировать ошибки, связанные с «человеческим фактором».

Успех цифровой трансформации государственного управления зависит от системного подхода, включающего не только технологическую модернизацию, но и инвестиции в человеческий капитал. Реализация программы «Цифровой чиновник» при поддержке государства может стать важным шагом на пути к созданию единой, эффективной и технологически развитой системы управления, способной отвечать на вызовы XXI в.

Для достижения максимального эффекта необходимо дальнейшее развитие подобных инициатив, их интеграция в национальную стратегию цифровизации и постоянная адаптация образовательных методик к технологическим реалиям. Только так можно обеспечить устойчивое развитие государственного управления и укрепление единства страны в условиях цифровой эпохи.

Список источников

1. Рязанцева М. В. Цифровая трансформация государственного управления // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14. – № 11. – С. 6951–6962. – DOI 10.18334/epp.14.11.122116

2. Кучеренко К. С. Цифровые компетенции как элемент развития профессионального потенциала населения старшей возрастной группы // Экономика труда. – 2023. – Т. 10. – № 10. – С. 1569–1584. – DOI 10.18334/et.10.10.119276

Сведения об авторах

Кущ Александра Валентиновна – студентка 2 курса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: alex.pavlina@gmail.com

Научный руководитель Очирова Тамара Баировна – кандидат экономических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: dp1794@yandex.ru

УДК 331.5
ГРНТИ 06.77.61

Тенденции на рынке труда в условиях специальной военной операции

Е. А. МАКЛАКОВА

В статье исследуется рынок труда на фоне специальной военной операции (СВО) за период 2022–2024 гг. Выделяются основные тренды, сложившиеся на рынке труда, а также возможные. На основе сложившихся тенденций выдвигаются предположения по развитию ситуации на рынке труда в ближайшие годы.

Ключевые слова: СВО; рынок труда; рабочая сила; заработная плата; занятость; безработица; средний возраст работников; цифровизация.

Центральное место в экономике любой страны занимают люди, которые выступают в роли рабочей силы и признаны стратегическим ресурсом. Они являются основными участниками рынка труда, где формируются спрос и предложение на рабочую силу.

Российский рынок труда трансформируется под влиянием различных экономических, политических, технологических и демографических факторов. При этом самым значимым фактором, повлиявшим на рынок труда, оказалась специальная военная операция, следствием которой явились:

- призыв на специальную военную операцию значительного числа трудоспособного населения, бóльшая часть которых в гражданской жизни имели рабочую профессию;
- эмиграция некоторого числа граждан из страны;
- активное развитие военно-промышленного комплекса;
- активизация процесса импортозамещения из-за введенных санкций.

В результате к 2025 г. на российском рынке труда произошли значительные изменения, и сложилось несколько тенденций.

1. Снижение безработицы. Согласно статистическим данным уровень безработицы в России составил в 2020 г. – 5,8%; 2021 г. – 4,8 %; 2022 г. – 4,0%;

2023 г. – 3,2% [4], а по итогам 2024 г. – 2,5% [1]. Ленинградская область в рейтинге регионов по безработице по данным за 4 квартал 2024 г. заняла 65 место с показателем 2,8%. Причем данный показатель не изменился по сравнению с предыдущим годом.

2. Рост численности занятого населения. В Докладе «Социально-экономическое положение России» приводятся данные по численности занятых в стране в среднем за месяц, иллюстрирующие тенденцию роста занятости:

- в 2022 г. – 72,0 млн чел. (по сравнению с предыдущим годом – 100,4%);
- в 2023 г. – 73,6 млн чел. (по сравнению с предыдущим годом – 101,4%);
- в 2024 г. – 74,2 млн чел. (по сравнению с предыдущим годом – 100,8%).

Тенденция роста занятости сложилась не во всех регионах, но в Ленинградской области в последние три года наблюдался рост средней численности работников организаций (без субъектов малого предпринимательства). По данным Петростата данный показатель вырос с 402,8 тыс. человек в ноябре 2022 г. до 421,0 тыс. чел. в ноябре 2024 г.

Рост численности занятого населения является одним из экстенсивных факторов экономического роста. При этом потребности рынка труда иллюстрирует отраслевая занятость населения.

Таблица

Средняя численность работников организаций Ленинградской области по видам экономической деятельности (без субъектов малого предпринимательства), тыс. чел.

Вид экономической деятельности	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Отклонение 2024 г./ 2022 г., %
Всего	402,8	407,0	421,0	4,5
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	16,1	15,0	14,1	-12,4
Добыча полезных ископаемых	3,8	3,6	3,7	-2,6
Обрабатывающие производства	87,7	89,9	92,9	5,9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	21,8	21,8	21,2	-2,8
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	7,0	6,6	7,1	1,4
Строительство	25,0	28,5	39,1	увел. в 1,56 раза
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	42,0	45,4	44,9	6,9
Транспортировка и хранение	35,3	33,9	35,0	-0,1
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	4,2	3,7	4,2	-
Деятельность в области информации и связи	2,5	3,0	2,7	8,0

Продолжение табл.

Деятельность финансовая и страховая	3,6	3,2	3,0	16,7
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	31,1	33,3	31,8	2,3
Деятельность профессиональная, научная и техническая	123,7	127,5	127,5	3,1
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	41,0	39,6	46,3	12,9
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	93,3	89,5	86,6	-7,2
Образование	221,9	222,6	225,1	1,4
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	171,6	172,1	171,6	-
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	50,5	53,1	48,7	-3,6
Предоставление прочих видов услуг	7,4	7,2	7,0	-5,4

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что в Ленинградской области наибольшая часть занятых трудится в обрабатывающих производствах; образовании и области здравоохранения и социальных услуг, а также в сфере профессиональной, научной и технической деятельности; государственного управления и обеспечения военной безопасности; социального обеспечения.

При этом, несмотря на рост общей численности работников организаций Ленинградской области на 4,5%, за период 2022–2024 гг. тенденция роста сложилась только в трех видах экономической деятельности: обрабатывающие производства, строительство и образование. Одновременно сформировалась тенденция снижения численности работников в таких видах экономической деятельности, как:

- сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство;
- обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха;
- государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение;
- предоставление прочих видов услуг.

3. Рост неформальной занятости. По данным Росстата уровень неформальной занятости в стране в 2022 г. составлял 18,6%, в 2023 г. он немного снизился – до 18,3%. В 2024 г. произошел резкий скачок данного показателя до 20,5%. Причем рост неформального сектора в основном сосредоточен в сфере обрабатывающих производств; оптовой и розничной торговле; в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений.

Опасность неформального вида занятости заключается не только в том, что она деформирует рынок труда [3], но и вызывает негативные социально-экономические последствия: такие как снижение социальных гарантий неоформленных официально работников и поступлений во все уровни бюджета [2].

4. Увеличился дефицит квалифицированной рабочей силы, обусловленный не только факторами, снизившими безработицу, но и низкой рождаемостью в 90-е гг. XX в. Так, по данным платформы «Авито Работа» по состоянию на 15 апреля 2025 г. число вакантных рабочих мест в Ленинградской области составило 29005. Причем нехватка не только в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, но и в социальной сфере: образовании и здравоохранении. Но основу спроса на рабочую силу составляют сфера доставки, грузоперевозок и логистики, пищевая промышленность и строительство. Следствием нехватки кадров является рост нагрузки на имеющийся персонал, что обуславливает снижение производительности труда.

5. Увеличился средний возраст работников, поскольку работодатели из-за нехватки молодых специалистов стали активно принимать на работу соискателей в возрастном диапазоне 51–60 лет, и даже людей пенсионного возраста, причем зачастую это связано не просто с закрытием вакансий, а с передачей опыта молодому поколению. Более того, некоторые компании внедряют программы, связанные с сохранением трудового долголетия.

По итогам 2024 г. в целом по России средний возраст работников составил 42,5 года, а в Ленинградской области аналогичный показатель несколько ниже – 42 года, при этом средний возраст работающих мужчин – 39 лет, а женщин – 44 года.

6. Удержание сотрудников работодателями – данный тренд сложился из-за дефицита кадров на рынке. В настоящее время работодатели отмечают проблему отсутствия у сотрудников приверженности организации. Получив опыт в одной организации, сотрудники переходят в другую, где лучше условия труда, либо где им предложили более высокую зарплату или должность. В создавшихся условиях большинство компаний стали стремиться «удержать» сотрудников, прежде всего, за счет повышения оплаты труда.

В 2024 г. проблему удержания кадров изучала рекрутинговая компания Get Experts. Согласно полученным результатам, 80% работодателей, чтобы удержать сотрудников, использовали такие способы, как предоставление расширенного социального пакета и абонементов в фитнес-залы, компенсация стоимости детского отдыха и билетов на мероприятия, оплата сотрудникам процентов по ипотеке, предоставление возможности выкупа квартиры по льготной цене и др. По мнению 88% респондентов, наиболее эффективным методом удержания остаются финансовые стимулы: конкурентоспособная зарплата, ежегодная индексация дохода, премии и бонусы. Вместе с тем, 7% могут удержать только нефинансовые инструменты мотивации.

По мнению руководителя практики «Социология бизнеса» А. Онучина, приверженность персонала организации формируют четыре фактора:

- ценности – должны совпадать ценности сотрудника и организации;

- мотивация – должна, прежде всего, основываться на справедливом характере вознаграждений;

- условия труда – это комфортное рабочее место, четко определенные обязанности и ответственность, профессионализм коллег, возможность доверия руководству;

- непосредственный руководитель – должен быть хорошим организатором, поддерживать инициативы подчиненных и др.

Вероятно, компаниям целесообразно сосредоточиться на этих факторах при удержании сотрудников.

7. Увеличилась заработная плата, прежде всего, под влиянием высоких выплат военнослужащим, работникам оборонных секторов, а также некоторых частных компаний и из-за дефицита кадров. При этом рост зарплат даже внутри одной компании носит неравномерный характер.

Согласно статистическим данным рост средней заработной платы по стране в 2022 г. составил 14,4% (при инфляции 12,1%); в 2023 г. – 14,56% (при инфляции 7,42%); в 2024 г. – 17,5% (при инфляции – 9,52%). В абсолютном выражении среднемесячная номинальная зарплата россиян выросла с 57244 р. (в 2021 г.) до 87952 р. (в 2024 г.).

Региональные показатели заработной платы различаются из-за внутренних факторов, в частности, условий труда. Так, в Ленинградской области средний размер номинальной зарплаты за ноябрь 2024 г. был равен 80476 р., а реальной (с учетом индекса потребительских цен) составил 110,2% относительно уровня ноября 2023 г.

8. Трансформация рынка труда в связи с цифровизацией. Принято считать, что рост численности занятого населения свидетельствует об экономической активности региона. Вместе с тем, в современных условиях спорно утверждение, что сокращение численности работников связано только с падением уровня производства, поскольку мир перешел в эру цифровой экономики. Цифровизация сказывается не только на увеличении производительности труда, но и приводит к замене человеческого труда машинным. На рынке труда цифровизация, с одной стороны способствует росту занятости высококвалифицированных работников, а с другой – вызывает сокращение персонала, занимающегося трудовыми операциями, которые легко автоматизируются.

В последние годы процесс цифровизации в сфере труда в разных видах деятельности развивался по-разному. Но в любом виде экономической деятельности (независимо от того, увеличивалась общая численность работников или снижалась) наблюдался рост удельного веса специалистов, связанных с информационно-коммуникационными технологиями.

Несмотря на развитие цифровизации производства на рынке труда в ближайшее время по-прежнему будет сохраняться дефицит кадров. Согласно прогнозу потребности экономики в кадрах, представленному на заседании Совета Федерации, в ближайшие пять лет для закрытия вакансий на рынке труда потребуется дополнительно 3,1 млн сотрудников. Это обусловит в ближайшем будущем конкуренцию в бизнесе за ценные кадры и как следствие:

- переход работников из одних коммерческих организаций в другие коммерческие организации;

- переход специалистов из государственного сектора в частный;
- расширение способов удержания и мотивации ценных работников.

Вместе с тем, по мнению экспертов, уже в 2025 г. произойдет замедление темпов роста заработной платы, прежде всего потому, что темпы роста в ряде отраслей снижаются, и происходит замедление роста российской экономики. При этом снижение уже заметно в таких отраслях как непродовольственная торговля, автомобильные грузоперевозки, добыча угля, прокат стали и др. Значительную роль в этом играет торможение роста мировой экономики, снижающее российские доходы от экспорта, санкции, высокая ключевая ставка.

Но даже в случае снижения экономической активности в стране, в отраслях, занятых импортозамещением и военно-промышленном комплексе, где, вероятнее всего, экономический рост продолжится за счет государственной поддержки, – будет растущий спрос на производственный персонал, способный управлять автоматизированными системами и обслуживать их, а также на так называемые «синие воротнички». Это означает, что сократятся возможности для гибких графиков и удаленной работы.

Список литературы

1. Доклад «Социально-экономическое положение России» [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801 (дата обращения: 10.04.2025).

2. Кубишин Е. С. Неформальная занятость в современной России: прежние проблемы и новые реалии // Уровень жизни населения регионов России. – 2022. – Т. 18. – № 4. – С. 521–534.

3. Куницына Н. Н., Джиоев А. В. Зависимость неформальной занятости от уровня доходов населения российских регионов: уроки пандемии // Экономика региона. – 2023. – Т. 19. – Вып. 2. – С. 437–450.

4. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы): стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – 152 с.

Сведения об авторе

Маклакова Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-1849-9554, e-mail: celena59@mail.ru

УДК 332.2 (575.3)
ГРНТИ 06.91

Свободные экономические зоны и их роль в развитии экономики Республики Таджикистан

М. Х. МАХМУДОВА

В статье рассматривается роль свободных экономических зон (СЭЗ), находящихся в Таджикистане, в активизации инвестиционных процессов. Уделено внимание теоретическим и практическим вопросам функционирования СЭЗ. Анализируется деятельность СЭЗ, существующих в Республике Таджикистан.

Ключевые слова: инвестиции, СЭЗ, предприятия, субъекты СЭЗ, национальная экономика, инновации.

Все страны на постсоветском пространстве, в том числе Республика Таджикистан, в годы независимости взяли курс на создание и развитие рыночных отношений. На начальном этапе реализации рыночных реформ и осуществляемые в их рамках меры в основном были направлены на достижение макроэкономической стабилизации и решение ряда проблем развития национальной экономики. К их числу относится: повышение степени использования производственного потенциала; насыщение рынка товарами потребительского и производственного назначения; создание адекватной к рыночным условиям инфраструктуры. При этом собственные возможности для обеспечения экономического роста были весьма ограниченными, что вызвало необходимость усиления процессов интеграции экономики Таджикистана в мировое хозяйство.

Мировой опыт показал, что рост экономики отдельных стран и регионов возможен на базе широкого привлечения как отечественных, так и иностранных инвесторов. Самой эффективной формой привлечения инвесторов в экономику страны, как отмечают ученые и показывает опыт многих стран, является создание и использование свободных экономических зон (СЭЗ). Наличие особых налоговых и таможенных льгот; дешёвой рабочей силы, упрощенный порядок ввода и вывода сырья и готовой продукции привлекают отечественных и иностранных инвесторов.

Если обратиться к истории становления СЭЗ, то первые СЭЗ были образованы в Генуе (1959), Венеции (1661), Марселе (1669) и др. В этих государствах СЭЗ создавались для оживления местного рынка, а затем для стимулирования внешней торговли.

В настоящее время главной чертой современного ведения хозяйства, повышения эффективности экономики, интеграции в мировое хозяйство являются инновации. Переход на инновационный путь развития предполагает внесение изменений в механизмы СЭЗ.

В экономической литературе весьма широко дается определение СЭЗ. Так, по мнению ряда ученых, таких как Н. П. Воловик, С. В. Приходько, – СЭЗ – это часть территории страны с особым режимом. Этот режим регулирует специальное законодательство, которое охватывает вопросы: таможенное регулирование; налогообложение; лицензирование; банковскую деятельность; управление свободной зоной.

В законе РТ «О свободных экономических зонах в Республике Таджикистан» сущность СЭЗ определена так: это отдельный (ограниченный) участок территории Таджикистана, в пределах которого действует не только особый таможенный и налоговый режим, но и упрощённый порядок выезда и въезда нерезидентов и льготные нормы использования природных ресурсов.

Мировая практика показывает, что наличие СЭЗ увеличивает экспорт товаров и услуг в среднем на 20%. В связи с этим происходит рост экспорта в целом в стране, при этом в основном увеличивается экспорт продукции со значительной долей добавленной стоимости. Цель создания СЭЗ в разных странах может

отличаться. Например, некоторые страны используют СЭЗ как инструмент интеграции, другие – для привлечения иностранных технологий и инвестиций для развития конкретного региона или экономики в целом [2, с. 115].

Основными целями создания СЭЗ в РТ являются:

- привлечение иностранных инвестиций;
- повышение научно-технического уровня производства;
- расширение экспорта;
- повышение уровня квалификации работников;
- развитие отсталых регионов.

Нынешнее состояние национальной экономики характеризуется нехваткой иностранных инвестиций и низким уровнем освоения новой техники и технологий, что во многом сдерживает процесс экономичного роста. Отсутствие реальных возможностей развития экономики за счёт внутренних инвестиций вывели на первый план задачу привлечения иностранных инвестиций на базе формирование СЭЗ.

Территория Таджикистана по сравнению с Узбекистаном и Туркменистаном в Центральной Азии обладает большим рекреационным потенциалом. Перспективным направлением развития СЭЗ в Таджикистане является сфера промышленной переработки сельскохозяйственной продукции, где республика имеет необходимую базу запасов сырья для производства экологически чистых продуктов питания. Резервы обогащения экспортного потенциала стран достаточны в минерально-энергетической сфере, и значение привлечения иностранных инвестиции для их разработки в рамках СЭЗ возрастает [2, с. 120].

СЭЗ являются важнейшим фактором развития инвестиционного потенциала региона. Так, с целью обеспечения благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций, технологий, управленческого опыта, создания современной социальной инфраструктуры, решения проблем занятости и формирования новых рабочих мест, а также насыщения внутреннего рынка продукцией и товарами потребительского, производственного назначения и повышения уровня жизни населения, был принят Закон Республики Таджикистан «О свободных экономических зонах в Республике Таджикистан» и «Положение о свободных экономических зонах в Республике Таджикистан». Всё это дает инвесторам гарантии для осуществления своих идей и инвестиционных проектов в регионах страны. Во исполнение данного Закона в настоящее время на территории республики существует четыре свободные экономические зоны: «Сугд», «Пяндж», «Дангара» и «Ишкашим». Две из них, «Дангара» и «Пяндж», находятся в Хатлонской области. «Дангара»располагается на территории Дангаринского района Хатлонской области, была создана в соответствии с Постановлением Правительства РТ от 2 февраля 2009 г. «О создании свободных экономических зон "Ишкашим" и "Дангара"». Зона формируется как производственно-инновационная.

С начала деятельности СЭЗ в Республике Таджикистан создано 1462 рабочих мест, а общий объем инвестиций составил 2350 млн сомони.

По состоянию на 1 января 2024 г. в СЭЗ зарегистрировано 96 отечественных и иностранных компаний. На СЭЗ «Сугд» приходится 35 субъектов, «Дангара» – 34 субъекта, СЭЗ «Пяндж» – 14 субъекта, «Ишкашим» – 5 субъектов.

В настоящее время субъекты СЭЗ занимаются производством металлоконструкций, алюминиевых и пластиковых профилей для дверей и окон, пластиковых труб и тары, электрокабелей, строительных красок, деревянных дверей и окон, декоративных строительных изделий, мебели и моющих средств, металлопластиковых изделий.

Объем производства промышленной продукции в 2024 г. составил 445,6 млн сом., что на 25,4 млн сом. больше, чем за аналогичный период 2023 г. [3, с. 4].

Ниже приводим таблицу о количестве зарегистрированных субъектов в СЭЗ, находящихся на территории Таджикистана на 2011–2024 гг.

Таблица

Количество зарегистрированных субъектов в СЭЗ, находящихся в Таджикистане на период 2011–2024 гг.

СЭЗ	Годы						
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2024
«Дангара»	2	4	16	21	26	27	34
«Пяндж»	2	7	8	8	8	11	14
«Сугд»	4	11	24	29	32	38	35
«Куляб»							8
«Ишкашим»							5

Рассмотрим вкратце деятельность СЭЗ, расположенных на территории Таджикистана.

Так, СЭЗ «Сугд» была создана в 2009 г. как ограниченная территория города Худжанда с особым юридическим статусом. «Сугд» развивается как промышленно-инновационный тип, занимается оптовой торговлей всеми видами хозяйственных товаров, а также производством всех видов минеральных продуктов.

Общеэкономическая цель и задача СЭЗ «Сугд» – привлечение иностранных и отечественных инвестиций, современной техники и технологий; развитие управленческого опыта; снижение издержек производства; стимулирование роста экономического потенциала Таджикистана; стимулирование производства конкурентоспособной продукции на внутренних и внешних рынках.

Основными целями создания СЭЗ «Дангара» являются:

- обеспечение устойчивого социально-экономического развития региона.

- развитие градостроительства на территориях, прилегающих к СЭЗ «Дангара», создание современной телекоммуникационной, производственной и социальной инфраструктуры;

- обеспечение занятости населения региона и республики в целом, создание дополнительных рабочих мест, повышение жизненного уровня населения и решение других социально-экономических задач региона.

Были введены в эксплуатацию предприятия по производству кровельных и битумных материалов, а также производству и упаковке автомобильных моторных масел.

Согласно бизнес-плану, продукция будет экспортироваться на внутренние рынки стран СНГ.

Целесообразность создания СЭЗ «Пяндж» исходит из географического расположения зоны, расположенности вдоль магистралей, соседства с Афганистаном и Китаем, что создает условия для развития торговли, промышленности. В СЭЗ «Пяндж» зарегистрировано производство цемента, керамики и стекла, солнечных панелей, черепицы, металлических труб, тротуарных бордюров, мозаики, железобетонных столбов и др.

СЭЗ «Ишкашим» состоит из отдельных территорий общей площадью 200 га и является комплексной зоной, направленной на широкое экономическое сотрудничество РТ с Афганистаном (провинцией Бадахшан) и Киргизской Республикой (Ошской областью).

СЭЗ «Ишкашим» существует с 2011 г., а была создана в 2009 г., но так и осталась пустой огражденной территорией. На территории зарегистрировано три субъекта, один из которых частично занимается производством цементных блоков, однако, по причине низкого состояния инфраструктуры в целом, дорог и политического положения в Афганистане, СЭЗ находится на нулевом состоянии.

СЭЗ «Куляб» была создана в 2019 г. и начала работу в 2020 г. «Куляб» обеспечивает жителей разнообразной работой. Основная цель создания СЭЗ «Куляб» – стимулирование развития экономического потенциала РТ.

Таким образом, полное и стабильное функционирование СЭЗ является важным фактором для динамичного развития национальной экономики страны и обеспечения экономического роста его регионов, а также повышения статуса регионов и стран в целом по привлечению иностранных и отечественных инвестиций. Стабильное функционирование СЭЗ «Дангара», «Пяндж», «Сугд», «Ишкашим» и «Куляб» позволят решить следующие проблемы региона, в частности:

- ускорение темпов социально-экономического развития;
- снижение уровня безработицы;
- привлечение в страну иностранных инвестиций и передовых технологий.

В заключение можно отметить, что в Таджикистане до сих пор не определены основные направления стратегического развития СЭЗ; не разработаны региональные особенности инвестиционной политики, направленные на их создание. Привлечение иностранных инвестиций осуществляется на восстановление инфраструктурных отраслей, которые препятствуют процессу создания благоприятного инвестиционного климата.

Список источников

1. Авдокушин Е. Ф. Международные экономические отношения. – М.: ИВД «Маркетинг», 1999.
2. Аминов Д. Г. СЭЗ в системе факторов развития. – Душанбе, 2020.
3. Закон РТ «О свободных экономических зонах в Республике Таджикистан» // Азия-плюс, апрель, 2024.
4. Комилов С., Гафоров Ф. М. Инвестиционный потенциал региона. – Душанбе: ИРФОН, 2017.
5. Шеховцев А., Шестовока М., Громов А. Свободные экономические зоны: мировой опыт и перспективы в России // Вопросы экономики. – № 10. – 2022.

Сведение об авторе

Махмудова Мухаббат Хамидовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана, Республика Таджикистан

УДК 338.48
ГРНТИ 06.81.35

Влияние российского туристского бизнеса на развитие региона на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области

О. Е. МИРОТИНА

В статье анализируется влияние туризма на социальное, экономическое и культурное развитие Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Рассматриваются ключевые аспекты воздействия туризма, такие как вклад в валовый региональный продукт, создание рабочих мест, развитие инфраструктуры и культурного обмена. Подчеркиваются проблемы сезонности, дефицита инвестиций и кадров. Особое внимание уделяется различиям в воздействии туризма на мегаполис и соседний регион, а также перспективам и проблемам развития туризма на этих территориях.

Ключевые слова: туризм, социальное воздействие, экономическое развитие, Санкт-Петербург, Ленинградская область, экотуризм, инфраструктура.

Туризм является важной составляющей экономики России, становясь значимым драйвером социально-экономического развития регионов. Туристская отрасль оказывает прямое и косвенное влияние на экономику региона, создавая рабочие места, стимулируя развитие инфраструктуры и способствуя социально-экономическому развитию региона, росту местных предприятий, становясь важным инструментом в создании устойчивого роста и повышения качества жизни местных жителей. Важную роль в этом процессе играют города, обладающие уникальным историко-культурным наследием и природными ресурсами. Санкт-Петербург привлекает миллионы туристов как внутри страны, так и из-за рубежа. Одновременно с этим Ленинградская область, соседствующая с крупным мегаполисом, использует туризм как инструмент стимулирования регионального развития.

Как драйвер экономического роста туризм вносит значительный вклад в экономику большинства стран мира, хотя в процентном соотношении этот вклад и не выглядит таким значительным – 3% мирового ВВП или $3,3 трлн, по данным 2023 г. В 2023 г. туриндустрия, по данным, представленным пресс-службой Минэкономразвития России, сформировала 2,8% ВВП России. К 2030 г. доля туризма в ВВП страны, по заявлению вице-премьера Дмитрия Чернышенко на заседании Правительственной комиссии по развитию туризма в РФ, может увеличиться почти в два раза по сравнению с началом 2024 г. – с 2,8 до 5% [11].

Одним из наиболее значимых эффектов развития туризма для региона является его вклад в валовой региональный продукт (ВРП). Он способствует созданию дополнительной экономической стоимости, включая доходы от гостиничного и ресторанного бизнеса, транспортных услуг, торговли и иных секторов, связанных с обслуживанием туристов.

Можно выделить три наиболее значимых направления воздействия туризма – социальное, экономическое и культурное. Рассмотрим их на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области и представим в таблице ниже.

Таблица 1

Влияние туризма на социальное, экономическое и культурное развитие Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Аспект воздействия	Санкт-Петербург	Ленинградская область
Экономическое воздействие		
Вклад в ВРП	Значительный вклад в экономику города, особенно в сфере услуг, гостиничного бизнеса и культурных мероприятий	Меньший вклад по сравнению с Санкт-Петербургом, однако туризм помогает экономическому развитию в прибрежных и исторических зонах
Создание рабочих мест	Множество рабочих мест в гостиничном бизнесе, транспортной сфере, в сфере общественного питания и культурных учреждений	Рабочие места в сфере сельского туризма, экотуризма, в малом и среднем бизнесе связаны с развитием агротуризма и отдыха на природе
Доходы от туризма	Высокие доходы от внутреннего и международного туризма, в том числе от культурных мероприятий и деловых поездок	Основной доход поступает от экотуризма, региональных культурных событий, а также от отдыха на природных объектах и курортах
Социальное воздействие		
Развитие инфраструктуры	Активное развитие городской инфраструктуры, включая транспорт, гостиничный бизнес, культурные объекты, связь и информационные технологии	Развитие инфраструктуры в сельской местности, создание новых туристических объектов, улучшение дорог и транспортных связей между городом и регионами
Создание возможностей для бизнеса	Высокий уровень концентрации бизнеса в туристической сфере, развитие стартапов в области технологий и туристических услуг	Создание новых возможностей для малого и среднего бизнеса в сфере агро- и экотуризма, а также для предпринимателей, развивающих экологические и культурные маршруты

Продолжение табл. 1

Влияние на качество жизни	Повышение уровня жизни за счет развития сферы услуг и культурных учреждений, но также возможные проблемы с перегрузкой инфраструктуры и ценами на жилье	Повышение качества жизни в сельской местности, создание рабочих мест, однако отсутствие развитой инфраструктуры и определенные проблемы с доступом к услугам
Культурное воздействие		
Сохранение культурного наследия	Большое количество культурных и исторических памятников, активно используется для популяризации исторического наследия города	Развитие новых культурных объектов, сохранение и продвижение культурных традиций, расширение туристических маршрутов, связанных с историей и природой региона
Повышение международной привлекательности	Санкт-Петербург как мировая культурная столица, значительные международные культурные события (Фестиваль искусств, Эрмитаж и др.)	Привлечение внимания к культурным памятникам и природным объектам, таким как усадьбы, крепости, экологические маршруты, создание культурных центров для международных посетителей
Культурный обмен	Интенсивный культурный обмен между Россией и зарубежными странами благодаря крупным международным мероприятиям	Более ограниченный культурный обмен, но активное сотрудничество с соседними регионами и международными партнерами через культурные и исторические проекты

Экономическое воздействие в Санкт-Петербурге значительно выше, поскольку город является крупным туристским центром, который привлекает туристов со всего мира. Ленинградская область, в свою очередь, может похвастаться развитием экотуризма и сельского туризма, однако ее вклад в ВРП от туризма меньше, чем у Санкт-Петербурга.

Социальное воздействие связано с созданием рабочих мест, улучшением инфраструктуры и повышением качества жизни. В Санкт-Петербурге это связано с массовым развитием гостиничного и культурного секторов, а в Ленинградской области – с развитием сельского туризма, экотуризма и улучшением транспортных связей с крупным городом.

Культурное воздействие в Санкт-Петербурге выражается в высоком уровне сохранения культурного наследия, организации международных событий и культурных обменов. Ленинградская область, в свою очередь, акцентирует внимание на сохранении региональных историко-культурных памятников и культурных центров, а также на продвижении экологического туризма, что помогает развивать новые культурные маршруты и проекты.

Теперь более подробно остановимся на вкладе туризма в экономику именно Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Согласно данным Комитета по развитию туризма Санкт-Петербурга, в последние годы туризм занимает значительную долю в ВРП города, особенно в пик туристского сезона. До пандемии

COVID-19 доля туризма в ВРП города составляла около 4–5%. В 2020 г. из-за ограничений наблюдалось снижение этой доли, однако в 2021–2022 гг. туризм начал восстанавливаться. Прогнозы на 2025 г. предполагают восстановление и даже рост этих цифр, особенно с учетом восстановления внутреннего туризма и изменения интереса к культурному и экологическому туризму.

В 2024 г. Санкт-Петербург принял почти 10 млн туристов. По данным Росстата и Комитета по туризму, объем доходов от туризма в 2024 г. составил примерно 190 млрд р., что приблизительно на 12–15% больше по сравнению с предыдущими годами. На основе этих данных можно прогнозировать, что в 2025 г. вклад туризма в ВРП города может составить 4,5–5%, что соответствует около 200–210 млрд р. [6; 9].

Ленинградская область имеет несколько отличительных особенностей по сравнению с Санкт-Петербургом, так как многие туристы, приезжающие в культурную столицу России, также посещают её окрестности. Основные направления туризма: экологический, культурный и событийный. Ленинградская область также богата природными и историческими достопримечательностями, туристскими маршрутами и кластерами.

В 2024 г. Ленинградскую область посетило около 6,5 млн туристов. По расчетам, туризм обеспечил порядка 50–55 млрд р. доходов в экономику региона в 2024 г. Это вносит приблизительно 3–4% в общий ВРП области. Прогнозы на 2025 г. предполагают, что вклад туризма в ВРП Ленинградской области может остаться на том же уровне или показать небольшой рост [5].

Кроме динамики туристских потоков и доходов в отрасли стоит отметить также и изменения в основных туристских сегментах.

Гостиничная инфраструктура в Санкт-Петербурге и Ленинградской области продолжает активно развиваться. В 2024 г. в Санкт-Петербурге было зарегистрировано около 800 объектов размещения, включая отели, хостелы и апарт-отели. Средняя загрузка гостиниц в пиковые сезоны достигала 85–90%, что является хорошим показателем для крупных туристских центров. В Ленинградской области гостиничная инфраструктура также расширяется. В последние два года было открыто более 20 новых объектов размещения, что позволило создать свыше 1 500 номеров для туристов. Примечательно, что растёт интерес к экотуризму, что стимулирует развитие гостиниц в сельской местности и экологических комплексов.

В 2024 г. Эрмитаж посетило более 4 млн человек, что является одним из рекордов для крупнейших музеев мира. В Санкт-Петербурге также активно развиваются новые культурные и выставочные пространства, такие как Музей современного искусства Эрарта и Арт-центр в культурном квартале Брусницын. В Ленинградской области важными объектами для туризма являются такие культурные и исторические объекты, как Гатчинский дворец, Крепость Орешек, Старая Ладога и Новая Ладога. Эти места становятся частью культурных маршрутов и привлекают туристов со всего мира.

Количество экскурсионных компаний в Санкт-Петербурге и Ленинградской области также продолжает расти. В 2024 г. на территории города работало более 300 туроператоров и экскурсионных компаний, которые предлагают различные

виды туризма, включая пешеходные экскурсии, водные туры по Неве и экскурсии по культурным и природным достопримечательностям области [3].

Несмотря на активную поддержку на государственном и региональном уровне и в целом положительную динамику развития туризма и экономики региона, развитие туристской отрасли в Санкт-Петербурге и Ленинградской области сталкивается с рядом значимых проблем, которые требуют комплексного подхода и своевременных решений. Выделим основные из них.

1. Сезонность туризма и неравномерная загрузка инфраструктуры. Несмотря на большой поток туристов в высокий сезон, в остальные месяцы наблюдается значительное сокращение их числа, что приводит к неэффективному использованию туристской инфраструктуры. Это создает экономические потери для бизнеса и снижает общую эффективность туристского сектора.

2. Недостаток бюджетных и частных инвестиций в туристическую сферу. Несмотря на значительный туристский потенциал Ленинградской области, уровень инвестиций в развитие туристской инфраструктуры продолжает оставаться недостаточным. Это особенно касается таких направлений, как экотуризм и сельский туризм, а также разработки новых культурных и исторических объектов, способных привлечь туристов в менее освоенные регионы. Дефицит инвестиций ограничивает возможности для создания высококачественных туристских услуг и модернизации существующих инфраструктурных объектов.

3. Нехватка квалифицированных кадров. Высокий спрос на квалифицированных специалистов в сфере гостиничного бизнеса, ресторанного обслуживания и туроператорской деятельности часто сталкивается с дефицитом подготовленных кадров. Это, в свою очередь, снижает качество обслуживания туристов и препятствует дальнейшему росту сектора. Проблема усугубляется высокой текучестью кадров и низким уровнем профессиональной подготовки в ряде регионов.

4. Рост конкуренции со стороны других российских регионов. Так, например, Краснодарский край, Калининградская область и Казань активно развивают туристскую инфраструктуру, предлагают конкурентоспособные цены и разнообразие туристских продуктов, что снижает привлекательность Санкт-Петербурга и Ленинградской области как ведущих туристских центров.

Несмотря на указанные проблемы, существует ряд перспектив и путей для развития туристской отрасли в регионе, которые могут значительно улучшить её конкурентоспособность.

Развитие новых туристских маршрутов и кластеров является одним из наиболее перспективных направлений. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области можно создать новые туристские маршруты, которые будут интегрировать культурные, исторические и природные объекты в единую сеть. Особое внимание стоит уделить развитию туризма в отдалённых и менее известных районах области, что поможет нивелировать неравенство туристических потоков.

Акцент на устойчивый туризм и экопроекты представляет собой важный тренд, который позволяет не только привлекать экологически ориентированных

туристов, но и улучшать экологическую обстановку в регионах. В частности, создание экологически чистых туристских маршрутов, развитие агротуризма и экопарков может стать важным источником дохода для местных сообществ и дополнительно укрепить имидж региона как туристского направления.

Улучшение транспортной доступности является ключевым фактором для привлечения туристов. Развитие авиасообщения, железнодорожных и водных маршрутов позволит значительно повысить доступность Санкт-Петербурга и Ленинградской области для туристов как из других регионов России, так и из-за рубежа. Улучшение транспортной инфраструктуры способствует сокращению времени в пути и повышению удобства для путешественников, что, в свою очередь, увеличивает привлекательность региона как туристического направления.

Государственная поддержка и стимулирование частных инвестиций является важным механизмом для создания устойчивой базы для развития туризма. Механизмы субсидирования, налоговые льготы для инвесторов, а также государственные программы поддержки инфраструктурных проектов в сфере туризма помогут привлечь дополнительные инвестиции в отрасль. Важным шагом в этом направлении является создание долгосрочных стратегий и четких рамок для частных инвесторов, что позволит обеспечить стабильность и рост туристской отрасли на протяжении нескольких лет.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Несмотря на сложную геополитическую ситуацию, туризм продолжает оказывать существенное влияние на ВРП как Санкт-Петербурга, так и Ленинградской области. В 2025 г. ожидаемый вклад туризма в ВРП Санкт-Петербурга может составить 5%, в ВРП Ленинградской области – около 4%. А доля российских туристов в 2025 г. в этих регионах может увеличиться на 20–25% по сравнению с 2023 г. [7]. Рост региональной экономики, связанный с увеличением внутреннего туризма, цифровизацией, развитием экологического туризма и инвестициями в инфраструктуру, продолжит позитивно влиять на экономику региона.

Росту и развитию экономики и туризма также активно способствуют нормативно-правовые документы, принятые на федеральном и региональном уровнях. На федеральном уровне реализуются программы, направленные на улучшение инфраструктуры и поддержку туризма в целом, а на региональном уровне – более детализированные стратегии и программы, ориентированные на особенности конкретных территорий. Эти документы играют важную роль в создании необходимых условий для развития туризма и поддержания высокой туристской привлекательности данных регионов.

Для повышения эффективности туристской политики в Санкт-Петербурге и Ленинградской области необходимо учитывать как глобальные тренды в развитии туризма, так и специфические особенности этих территорий. Одним из ключевых направлений является улучшение инфраструктуры, особенно в плане транспортной доступности и повышения качества туристского сервиса. В последние годы наблюдается рост интереса к экологическому туризму и активным видам отдыха, что требует создания новых туристских кластеров и повышения качества обслуживания.

Кроме того, необходима более активная интеграция Санкт-Петербурга и Ленинградской области в международные туристские маршруты. Для этого можно использовать потенциал культурного туризма, связанного с историческими и архитектурными памятниками, а также событийного туризма, который активно развивает такие города как Петербург (например, проведение международных выставок, фестивалей и культурных мероприятий). Важно усилить маркетинговую деятельность и продвигать уникальные предложения региона как единую туристскую дестинацию, что позволит значительно повысить привлекательность как для международных, так и для российских туристов.

Эффективность туристской политики также можно повысить за счет улучшения взаимодействия с частным сектором. Сотрудничество с крупными туристскими компаниями и малым бизнесом позволит разработать гибкие программы для разных категорий туристов, что способствует диверсификации туристического потока. Важную роль в этом процессе может сыграть также поддержка инновационных проектов в сфере устойчивого туризма, что станет важным элементом будущего туристского развития региона.

Список источников

1. Болдырева С. Б. Влияние туризма на социально-экономическое развитие региона: обобщение российского и зарубежного опыта // Региональная экономика: теория и практика. 2018. №5 (452). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-turizma-na-sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-regiona-obobschenie-rossiyskogo-i-zarubezhnogo-opyta (дата обращения: 20.03.2025).

2. Воронцова М. Г., Васильева А. Д. Проектная деятельность в развитии туристской территории региона // Журнал правовых и экономических исследований. 2022, 1: 176–184. – URL: https://giefjournal.ru/sites/default/files/024.%20M.G.%20Vorontsova,%20A.D.%20Vasilyeva.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

3. АТОР: внутренний туризм в 2024 году показал органический рост на 8%. – URL: https://www.atorus.ru/article/ator-vnutrenniy-turizm-v-2024-godu-pokazal-organicheskiy-rost-na-8-60120/ (дата обращения: 21.03.2025).

4. Гостеприимство и туризм как бизнес: секреты успешных проектов и эффективных инвестиций. – URL: https://investkamchatka.ru/discussions/gostepriimstvo-i-turizm-kak-biznes-sekrety-uspeshnykh-proektov-i-effektivnykh-investitsiy/ (дата обращения: 10.04.2025).

5. Комитет по инвестициям и туризму Ленинградской области. Отчет о результатах деятельности правительства ленинградской области за 2024 год. – URL: hhttps://inlnk.ru/dn8Own / (дата обращения: 10.04.2025).

6. Комитет по культуре Санкт-Петербурга. "Турбарометр Санкт-Петербурга 2024". Аналитические показатели туризма и индустрии гостеприимства Санкт-Петербурга в 2024 г. – URL: https://inlnk.ru/VoL3aV / (дата обращения: 10.04.2025).

7. Министерство экономического развития Российской Федерации. Эксперты назвали пять факторов развития туризма в России в 2025 году. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/eksperty_nazvali_pyat_faktorov_razvitiya_turizma_v_rossii_v_2025_godu.html / (дата обращения: 10.04.2025).

8. Туризм в России. – URL: http://www.russmp.ru/stat32-1-4.php (дата обращения: 10.04.2025).

9. Федеральная служба государственной статистики. Сборник «Туризм в России». – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm/publications / (дата обращения: 10.04.2025).

10. European Commission. Territorial strategies. Handbook. Strategic dimensions. – URL: https://urban.jrc.ec.europa.eu/strategies/handbook-ter/strategic-dimensions#the-chapter (дата обращения: 19.03.2025).
11. Tadviser. Туризм (мировой рынок). – URL: https://inlnk.ru/DBJLEQ (дата обращения: 17.04.2025).

Сведения об авторе
Миротина Ольга Ефимовна – зам. начальника гостиницы, ГМЗ «Царское Село», Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-5639-9772%, e-mail: olga13051981@mail.ru

УДК 332.1
ГРНТИ 06.61.33

Роль развития компетенций государственных служащих в обеспечении устойчивого социально-экономического развития территории

Е. А. ПЛЕЧОВА, К. С. АФАНАСЬЕВ, А. Д. РЕЗВАЯ

В статье рассматривается проблема развития надпрофессиональных навыков государственных служащих, напрямую влияющие на эффективность управления территориальным развитием. На основе опроса государственных служащих разработаны направления развития необходимых компетенций.

Ключевые слова: надпрофессиональные навыки, государственная служба, развитие компетенций, кластеры компетенций, развитие территорий.

Государственные и муниципальные служащие играют важную роль в социально-экономическом развитии территорий. При этом государственный служащий должен обладать высоким уровнем развития компетенций. Например, без достаточного уровня развития компетенций в области разработки стратегии будет сложно оценить, какие направления развития территории являются наиболее приоритетными. Кроме того, государственный служащий должен обладать знаниями в области развития территории, ведь это поможет привлекать новых инвесторов и развивать местные предприятия. Управление транспортной системой, бюджетом, командой, развитые коммуникационные навыки, знание современных технологий – всё это только минимальный список компетенций, которыми должен обладать государственный служащий. Компетенции госслужащих, деятельность которых связана с социально-экономическим развитием территорий, должны соответствовать современным требованиям и быть нацелены на достижение максимальных результатов в рамках целей социально-экономического развития.

Изучение компетенций государственных служащих является актуальным и необходимым в контексте повышения эффективности работы государственных органов, улучшения качества оказываемых государственных услуг и повышения

уровня доверия граждан к государственным службам. Компетентность государственных служащих определяет их способность решать сложные задачи, принимать верные решения и оказывать качественные услуги гражданам [2]. Изучение компетенций государственных служащих позволяет выявить их сильные стороны, а также области, где необходимо провести дополнительное обучение и повышение квалификации.

Кроме того, изучение компетенций государственных служащих является необходимым в рамках международного сравнения систем государственного управления и разработки национальных стратегий развития государственной службы.

Таким образом, изучение компетенций государственных служащих является ключевым элементом современной государственной службы и позволяет улучшить качество работы государственных органов и повысить уровень доверия граждан к государственным службам.

На конец 2024 г. в России на государственной гражданской службе в государственных органах состоит 727,5 тыс. человек, на региональном уровне трудятся 688,3 тыс. сотрудников, в федеральных органах задействовано 523,7 тыс. госслужащих, в государственных органах субъектов – 203,8 тыс. человек, а в органах местного самоуправления работает 296,1 тыс. служащих [4].

Отметим, что в условиях цифровой трансформации экономики клиентоцентричность является ключевой концепцией не только современного бизнеса, но и системы государственного и муниципального управления [3]. Этот термин означает ориентирование на потребности и интересы клиентов, в том числе в системе государственной службы.

Для успешного внедрения клиентоцентричных подходов в кадровой работе необходимо реализовать следующие направления в сфере служебной деятельности:

а) системно отслеживать и самостоятельно изучать изменения, которые происходят в сфере их трудовой деятельности;

б) систематически самостоятельно изучать литературу в области государственного и муниципального управления;

в) анализировать свою работу и искать новые способы для её оптимизации;

г) сотрудничать с другими госслужащими, а также профессионалами из других государственных органов и организаций, для того чтобы узнать новые методы работы и получить узкоспециализированные знания;

д) государственный служащий обязан проводить регулярную самооценку и самодиагностику своих организационных и профессиональных навыков, ведь без постоянного личного самосовершенствования невозможно добиться новых целей.

Таким образом, чтобы государственный служащий смог развить в себе новые и актуальные компетенции, требуется высокая личная мотивация. Необходимо доводить до сведения сотрудников, что постоянное развитие своих

компетенций является ключевым фактором профессионального успеха и эффективности для госслужащего, а также оказывает влияние на повышение качества предоставляемых государственных услуг.

Следует отметить, что все компетенции можно объединить в кластеры компетенций. Кластеры компетенций – это группы навыков и знаний, которые связаны между собой и необходимы для успешного выполнения определенной работы или задачи [1].

Кластеры компетенций обычно используются работодателями, чтобы провести оценку потенциальных кандидатов на должность. Они также могут быть использованы для разработки программ обучения и дальнейшего профессионального развития уже имеющегося в штате персонала.

Основная роль компетенций на государственной службе заключается в предоставлении госслужащим возможностей для осуществления эффективности своей деятельности, а также в повышении качества предоставляемых ими услуг. Развивая свои личные компетенции, государственный служащий становится способным управлять ресурсами более эффективно, находить новые решения и создавать более эффективные стратегии работы.

В зависимости от того, какие компетенции нужно развивать государственному и муниципальному служащему, выбирается способ оценки. Если необходимо развивать профессиональные навыки (hard skills), то чаще используется тестирование и анализ работы. Определяются показатели, затем оценивается результат работы госслужащего до и после того, как госслужащих прошел обучение. Для оценки надпрофессиональных навыков (soft skills) проводится опрос с целью получения обратной связи от участников процесса. Также проводится наблюдение, чтобы выявить, применяют ли госслужащие свои новые знания и навыки в реальной работе. Кроме этого, могут использоваться ключевые показатели эффективности (KPI), которые необходимы для понимания, какие измерительные инструменты могут помочь определить успех развития определенных компетенций [1]. Эффект от развития компетенций государственных и муниципальных служащих можно также оценить через финансовую результативность введения новых сотрудников и изменений работы уже существующих сотрудников.

В ходе исследования уровня развития ключевых компетенций, сформированных в кластеры среди государственных гражданских служащих Ленинградской области (опрошено 22 слушателя курсов повышения квалификации в 2024–2025 гг. – руководителей высшего уровня, председателей и заместителей председателей комитетов, непосредственно влияющих на процессы управления регионом) был проведен опрос, позволивший выявить ключевые компетенции, необходимые для успешной деятельности в сфере государственного управления на уровне субъекта РФ. Помимо этого, были определены зоны развития по основным группам (кластерам) компетенций. Результаты опроса в форме ответов, получивших наибольшее количество баллов, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты опроса государственных гражданских служащих по вопросу актуального и перспективного набора необходимых компетенций

Какие компетенции Вы считаете наиболее важными в Вашей работе?																						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
Общепрофессиональные	+			+							+											
Организационно-управленческие		+	+		+	+			+	+												
Информационно-коммуникативные													+									
Нормативно-правовые																						
Проектная деятельность							+					+		+	+							
Работа в команде								+			+					+	+			+	+	
Умение работать в офисных программах																						
Навыки письменной и устной коммуникации												+										
Культура работы с гражданами и организациями			+	+														+	+			
Постоянное самосовершенствование и развитие	+	+				+								+								+
Разрешение конфликтных ситуаций																+	+					
Организаторские навыки			+											+								
Каких компетенций Вам не хватает в Вашей трудовой деятельности?																						
Общепрофессиональные																						
Организационно-управленческие																						
Информационно-коммуникативные																						
Нормативно-правовые			+								+					+						
Проектная деятельность																						
Работа в команде												+					+					

Продолжение табл. 2

Умение работать в офисных программах																					
Навыки письменной и устной коммуникации																					
Культура работы с гражданами и организациями					+																
Постоянное самосовершенствование и развитие																				+	
Разрешение конфликтных ситуаций								+													
Организаторские навыки						+						+							+			+

Источник: разработано авторами.

Проведенный опрос показал значимое различие между необходимым набором компетенций и имеющейся потребностью в их формировании, что позволяет корректировать дополнительные профессиональные образовательные программы, реализуемые в Ленинградском государственном университете имени А. С. Пушкина.

Развитие компетенций необходимо для повышения квалификации и получения новых знаний, необходимых для улучшения своих профессиональных навыков и умений (т. е. для достижения успеха в трудовой деятельности), развития творческих способностей и умения взаимодействовать с окружающими людьми. Развитие компетенций помогает сохранить конкурентоспособность в быстро меняющемся мире, увеличивает шансы на успех в карьере и повышает уровень самооценки, что положительно сказывается на качестве жизни государственного гражданского служащего.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие компетенций для современных государственных служащих жизненно необходимо, для того чтобы повысить эффективность и качество их работы. Компетентные госслужащие способны лучше анализировать, принимать решения, оперативно реагировать на изменения в работе и быстро адаптироваться к новым условиям в сфере управления социально-экономическим развитием территории.

Важно также отметить, что государственные служащие работают с общественными интересами и занимаются решением важных задач. Поэтому развитие компетенций для госслужащих необходимо для того, чтобы улучшить качество работы и удовлетворить потребности населения, а также обеспечить высокое качество предоставляемых услуг и реализуемых государственных функций.

Список источников

1. Корсунов Д. А. KPI как система управления и оценки эффективности деятельности органов власти и местного самоуправления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – № 1. – С. 182–187.

2. Латышов Д. Е. Государственная служба в современной России: понятие и виды. // Вестник магистратуры. – 2021. – № 116 (5–4). – С. 87–88.

3. Михайленко Н. В. Цифровое государственное управление. Современные проблемы и перспективы завтрашнего дня // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 2. – С. 171–175.

4. О кадрах государственной гражданской и муниципальной службы. Федеральная служба государственной статистики Росстат [Электронный ресурс]. – URL: rosstat.gov.ru (дата обращения: 06.04.2025).

Сведения об авторах

Плечова Елизавета Аркадьевна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: elisa.plechova@gmail.com

Афанасьев Кирилл Станиславович – кандидат философских наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-6226-312X, e-mail: k.afanasiev@lengu.ru

Резвая Анна Дмитриевна – кандидат экономичских наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: anitfrolic@gmail.com

УДК 336
ГРНТИ 06.81.35

Финансовая грамотность как критерий устойчивого социально-экономического развития региона

Ю. Н. СТЕЦЮНИЧ

В работе дана оценка достигнутого уровня развития финансовой грамотности и финансовой культуры в стране с момента старта проекта в области содействия повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации до текущего состояния на уровне страны в целом и по регионам.

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовая культура, стратегия повышения финансовой грамотности, индекс финансовой грамотности.

Оценка финансовой грамотности является важнейшим показателем способности населения управлять личными финансами. Критериями оценки являются знания, навыки и установки, которые определяют возможность осознанного поведения человека в управлении личными финансами. Каждый человек может самостоятельно оценить уровень знаний? используя различные приложения, например, информационно-просветительский сайт про деньги «СберСова» [6] или ресурсы Банка России и другие.

Возможность получить обучение гражданам разного возраста предоставляется в различных форматах по тематике финансовой грамотности:

самообразование (публикации, онлайн курсы, специализированные ресурсы, онлайн и офлайн мероприятия и др.);

обучение в образовательных организациях (в рамках выбранной дисциплины в структуре учебного плана по направлению обучения, предмет в образовательной организации);

участие в организации и проведении мероприятий по финансовому оздоровлению населения (волонтерство, социальные проекты, проведение образовательных мероприятий, подготовка и издание литературы по данной тематике и др.).

По оценке Банка России [7], уровень финансовой грамотности отличается как по разным категориям населения, так и по региональному признаку. Регионы, в составе которых преобладает городское население, проживающее в мегаполисах и крупных городах, в структуре которого бóльшую часть занимают молодые люди, образованные и обеспеченные, имеют более высокие показатели – лидерами были и остаются Москва и Московская область. В регионах, в которых преобладают в структуре населения люди старшего возраста или сельское население, хуже разбирающееся в финансовых вопросах, поскольку реже пользуются финансовыми услугами, уровень финансовой грамотности более низкий, чем в целом по стране [8].

Д. Бернхейм одним из первых обратил внимание на необходимость финансового образования населения, затем, на международном уровне впервые это сделала Организация экономического сотрудничества и развития, которая с 2008 г. запустила проект по созданию Международной сети финансового образования [4, с. 47]. В России необходимость повышения финансовой грамотности населения также была актуальной. По оценке Всемирного банка, в 2008 г. почти половина населения страны, имевшая сбережения, предпочитала их хранить дома (49%), и более половины населения вообще не пользовались финансовыми услугами из-за их сложности и недостаточных знаний в данной области (62%), только 25% населения имели банковские карты и пользовались ими.

Со стороны государства системные меры по повышению финансовой грамотности были приняты с момента разработки и утверждения Правительством Российской Федерации проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации», который был реализован совместно с Международным банком реконструкции и развития [1]. Таким образом, основным инициатором проекта стало министерство финансов РФ, которое проводило ежегодный мониторинг уровня финансовой грамотности и защиты прав потребителей финансовых услуг, инициировало включение в учебные планы образовательных программ по повышению финансовой грамотности для различных целевых и возрастных групп обучающихся. Позднее Центральный банк Российской Федерации (с 2012 г.) был вовлечен в эту работу, являющийся сегодня лидером по образовательным ресурсам и проектам / программам по мониторингу и оценке уровня финансовой грамотности населения страны.

Позднее в концептуальном документе по финансовой грамотности – Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 гг. – были детализированы меры по повышению финансовых знаний населения [1]. В рамках данной стратегии определялась необходимость учета финансовых критериев и направлений развития финансового просвещения как внутри страны (развитие в инновационной сфере, финансовых рынков, страховой деятельности, пенсионной системы, национальной платежной системы и других), так и с учетом международных тенденций в данной области (принципов ООН для защиты интересов потребителей, защиты прав потребителей, принятых «Группой двадцати» (2011 г.)).

С этого периода наблюдается активное вовлечение региональных органов власти в развитие финансовой грамотности, первыми регионами-пилотами стали: Архангельская область, Алтайский край, Волгоградская область, Калининградская область, Краснодарский край, Саратовская область, Ставропольский край, Томская область и Республика Татарстан. Направлениями финансового просвещения первых пилотных региональных проектов стали информационно-просветительские кампании, консультирование, образовательные мероприятия для различных целевых групп и социологические исследования. В этот период активно ведется деятельность по созданию сети федеральных и региональных методических центров по обучению и повышению квалификации педагогов общеобразовательных организаций, преподавателей образовательных организаций высшего образования для населения разных возрастных групп, вовлекаются в работу общественные объединения потребителей и представители экспертного и образовательного сообществ.

Следует отметить, что в период с 2008 г. по настоящее время активно развивается финансовая система страны, в том числе расширяется линейка банковских продуктов, активно ведется цифровизация государственных и финансовых услуг, повышается доступность инвестиционной деятельности и развиваются другие сферы, которые требуют от граждан финансовых знаний. Вместе с тем в практику управления личными финансами входят такие знания и навыки, которые могут обеспечить не только финансовую независимость граждан, но и безопасность их сбережений и инвестиций.

На данной этапе развития системы финансового образования был низкий уровень финансовой культуры, который выражался в недостаточном уровне финансовой дисциплины и ответственности, выражавшемся в возможности допуска просрочки платежей по кредитным обязательствам, исполнения налоговых обязанностей и недостаточного уровня оценки риска при выборе финансовых инструментов. Такая ситуация с финансовым поведением граждан способствовала принятию жестких мер со стороны государства с целью урегулирования проблемы, в частности была ограничена возможность взыскивать сверхвысокие

проценты по микрозаймам от микрофинансовых организаций, с целью недопущения просрочки платежей по кредитам в сложных финансовых условиях, предоставлена возможность использования кредитных каникул и другие [9, с. 48].

Следующий период ознаменован разработкой и последующей реализацией Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 гг. [2], данный концептуальный документ послужил основой формирования на региональном уровне стратегий финансовой грамотности с определением приоритетных направлений деятельности по повышению уровня финансовых знаний и формирования финансовой культуры. В частности, в рамках реализации данного документа были внесены изменения в ФГОС высшего образования (введение универсальной компетенции в области экономической культуры, внедрены в образовательные программы среднего общего и среднего профессионального образования элементы финансовой грамотности) [5, с. 110]. На базе восьми образовательных организаций высшей школы (в семи регионах) на постоянной основе открыты направления подготовки педагогов в области финансовой грамотности по направлению Педагогическое образование на уровне бакалавриата и магистратуры. Развивается работа по внедрению образовательных программ не только в рамках учебных планов образовательных организаций, но и в программы, реализуемые во время отдыха детей в детских лагерях (в том числе в детском центре «Смена» (Краснодарский край), «Зеркальный» (Ленинградская область), «Артек», «Океан» и «Орленок» (республика Крым).

Результаты реализации стратегии в данном периоде продемонстрировали рост уровня индекса финансовой грамотности российских регионов (период 2017–2020 гг.) в 71 из 85 субъектов, при 100% охвате всех регионов мероприятиями в сфере финансовой грамотности разных категорий населения. В целом по стране индекс финансовой грамотности, отражающий способность человека к разумному управлению личными финансами вырос незначительно: с 12,12 баллов (2018 г.) до 12,35 (2020 г.) из максимально возможных 21 балла или в процентном выражении с 57,7% до 58,8%. В этом периоде отмечается самый высокий уровень в Костромской области 13,02 или 62%. К 2022 г. индекс составил 12,79 балла или 60,9%. К сожалению, с этого периода отмечается спад показателя, который по оценке за 2024 год составил 12,77 балла, или 60,8%.

В настоящее время каждый регион имеет регионального программу повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры [3], в которой находят отражения приоритеты, указанные в стратегии развития финансовой грамотности и формирования финансовой культуры населения до 2030 года [9] с учетом уровня регионального развития данной сферы. С целью вовлеченности регионов в работу в данном направлении развития страны каждый регион представляет актуальную информацию на сайте «Мои финансы РФ» о нормативных актах и мероприятиях в сфере финансовой грамотности на региональном уровне, участвует во всероссийской просветительской эстафете «Мои финансы» [8].

Ленинградская область активно включена в эту деятельность, начинает и реализует программы повышения финансовой грамотности населения, что положительно сказывается уровне показателей [10, с. 48]. В регионе идет работа по созданию муниципальных программ повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры населения. В числе знаний улучшились показатели, характеризующие понимание сути инфляции, ссудного процента, защиты прав потребителей, в части финансового поведения повышение коснулось формирования финансового резерва, распределения доходов и самостоятельности при принятии финансовых решений, в области финансовых установок – осознание обязанности уплаты кредитных обязательств и в целом снижения числа кредитов на душу населения, что не может не радовать и свидетельствует о необходимости продолжения финансового просвещения во всех возможных форматах как на региональном, так и федеральном уровнях.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 гг.».

2. Распоряжение Правительства РФ от 24 октября 2023 г. № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 г.».

3. Региональная программа повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры в Ленинградской области на 2024–2030 годы, утверждена постановлением Правительства Ленинградской области от 15 апреля 2024 г. №º 240.

4. Артемьева С. С., Митрохин В. В. Оценка финансовой грамотности российской и зарубежной молодежи и рекомендации по ее повышению // Интеграция образования. – 2018. – Т. 22 – № 1. – С. 46–59. DOI: 10.15507/1991-9468.090.022.201801.046-059

5. Башинская А. С., Филимонцева Е. М. Роль финансового права в повышении финансовой грамотности населения // Вестник науки. – № 3 (84). – Т. 4. – 2025. – С. 110–114.

6. Информационно-просветительский сайт СберБанка про деньги [Электронный ресурс]. – URL: https://ifg.sbersova.ru (дата обращения: 15.04.2025).

7. Исследование уровня финансовой грамотности: пятый этап [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/research/fin_ed_5/ (дата обращения: 15.04.2025).

8. Мои финансы РФ. Проект Минфина РФ. НИФИ Минфина РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://моифинансы.рф/regions/ / (дата обращения: 15.04.2025).

9. Стецюнич Ю. Н. обучение граждан финансовой грамотности и формирования финансовой культуры как приоритет государственной политики // Непрерывное образование: проблемы, решения, перспективы: материалы IV Всерос. науч. конф. (с междунар. участием). – СПб., 2025. – С. 47–52.

10. Стецюнич Ю. Н. Приоритеты развития системы образования как элемент государственной национальной политики // Непрерывное образование: проблемы, решения, перспективы: материалы III Всерос. науч. конф. (с междунар. участием). – СПб., 2024. – С. 47–51.

Сведения об авторе

Стецюнич Юлия Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: Asp309@mail.ru

УДК 332.1
ГРНТИ 06.61.33

Инфраструктура локальной экономики и обеспечение устойчивого социально-экономического развития территории

К. И. ТОЛСТОВ

В статье проведен анализ роли локальной экономики и элементов инфраструктуры ее поддержки и развития для устойчивого социально-экономического развития территории. Определены наиболее значимые эффекты от развития местного предпринимательства с использованием потенциала территории.

Ключевые слова: локальная экономика, местное сообщество, предпринимательская культура, крафтовая экономика, социальный капитал.

Концепция социального государства подразумевает тесное взаимодействие между государством, бизнесом и общественными организациями. Одним из ключевых элементов этой концепции является принцип социального партнёрства. Социальное партнёрство является одним из основополагающих принципов, на котором Российское государство строит свою социально-экономическую политику, в том числе в области развития сферы потребительского рынка и рынка труда.

Применительно к устойчивому социально-экономическому развитию территорий социальное партнерство в первую очередь – это диалог и сотрудничество между государством, бизнесом и обществом в решении общественно значимых проблем. Такое взаимодействие позволяет найти компромиссные решения, которые удовлетворяют интересы всех участников, и обеспечить стабильное развитие страны. Особенно актуальным эффективное социальное партнерство становится в решении задач по обеспечению устойчивого развития сельских территорий, зачастую испытывающих сложности с сохранением человеческого потенциала и воспроизводства социально-экономических подсистем. В связи с этим следует упомянуть ключевые типы социального партнёрства в указанных условиях [5].

1. Участие бизнеса в решении социальных проблем территории: бизнес является не только источником налогов, но и важным участником решения социальных проблем. Бизнес может создавать новые рабочие места, инициировать социальные программы и поддерживать развитие малого бизнеса. Бизнес может также финансировать образовательные проекты, поддерживать культурные учреждения и спонсировать спортивные мероприятия, развивать среду поселений [3; 4].

2. Социальная ответственность бизнеса. Речь идёт о комплексном подходе, охватывающем все сферы деятельности бизнеса. Социальная ответственность включает в себя экологическую ответственность, уважение к правам работников, прозрачность финансовых операций и поддержку местных сообществ. Благотворительность, традиционно рассматриваемая как один из вариантов выражения

социальной ответственности, может служить не только для повышения престижа бизнеса в глазах общественности, но и для реализации конкретных проектов помощи нуждающимся [6].

3. Активное участие гражданского общества. Общественные организации играют важную роль в социальном партнёрстве. Они могут инициировать проекты, контролировать деятельность власти и бизнеса, и представлять интересы различных групп населения [8].

Социальное партнёрство на сельских территориях требует от всех участников активной вовлеченности, открытости и готовности к компромиссам. Важным элементом успеха является развитие культуры диалога и совместного решения проблем. В этом контексте под социальными инвестициями принято считать денежные средства, ценные бумаги, иное имущество и права, имеющие денежную оценку, а также инвестируемые в целях получения дохода либо иного благотворного результата, а также решения социальной проблемы. Под инвестиционной деятельностью принято считать инвестирование средств и практические действия по их применению.

Развитие социальной инфраструктуры, улучшение качества жизни, создание комфортной городской среды – все это невозможно без инвестиций. Данные формы совместного действия способны иметь собственным предметом как денежные средства, также и иные материальные блага, а также услуги. Привлечение средств из внутреннего рынка крайне действенно в отношении всего экономического состояния региона. Также от властных структур требуется осуществлять непрерывный поиск новых форм и путей взаимовыгодного сотрудничества [7].

Для выполнения условий устойчивого развития необходимо тесное взаимодействие управления нефинансовыми рисками, реализации бюджетной политики с соблюдением всех сроков планирования, работы с социальными инвестициями (обучение сотрудников, привлечение местной рабочей силы, экологическая составляющая) и налаживанием связи с заинтересованными сторонами в регионе. Если компания при осуществлении своей деятельности не уделяет должного внимания вышеперечисленным аспектам, а занимается лишь благотворительностью, такую компанию нельзя назвать социально ответственной и устойчиво развивающейся.

Все многообразные потребности местных жителей сводятся к трем группам – занятость, доходы, благоустройство (или условия жизни) в конкретном месте проживания, а не в общем в стране или регионе. Основной идеей, лежащей в основе современных концепций развития местных сообществ, является их способность дать ответ на вопрос, как местное население, используя ресурсы сообщества, может удовлетворять свои потребности, а также формировать свое будущее. Таким образом, развитие местных сообществ – многоплановая концепция, содержащая не просто рыночные ценности, а нечто большее. Целью развития местных сообществ является формирование эффективного механизма решения актуальных проблем территории с участием всех заинтересованных сторон.

Укорененность в местном сообществе и ориентация на местные ресурсы в значительной степени влияет на социальную направленность бизнеса и повышает уровень социального капитала территории, что, в свою очередь, развивает сферу социальных услуг (особенно в условиях недостаточного охвата социальными учреждениями). Вариантами взаимовыгодного взаимодействия местного сообщества и бизнеса могут быть: трудоустройство местных жителей на предприятии, поиск контрагентов среди других местных производителей, реализация социальных программ в отношении социально уязвимых категорий граждан, развитие локальных рынков местной продукции и влияние на продвижение территориального бренда, реализация совместных программ и проектов с учреждениями социального обслуживания [1].

В этой связи ряд исследователей, подчеркивая социальную направленность традиционного бизнеса, предпочитают говорить о локальной («местной») экономике, на современном этапе тесно связанной с развитием «крафтовой» экономики или «экономики ручного труда» [2; 10], предполагающей мелкосерийный выпуск продукции с использованием местных ресурсов, а в отдельных случаях – социокультурных и исторических особенностей конкретной территории. При этом указанный способ производства имеет в России большие исторические традиции и известен больше под наименованием «промыслов» и «кустарничества» [9].

Традиционно к отраслям «крафтовой» экономики относят: производство пива, вина и кваса; органическое земледелие и выращивание уникальных сортов растений; производство яиц, молочных продуктов, мясных изделий, одежды и предметов обихода в традициях народных промыслов или в соответствии с новыми дизайнерскими решениями; ремесленную деревообработку; гончарное дело; копчение и вяление продуктов. Все вышеперечисленное становится устойчивым трендом производства и потребления и частично обусловлено разочарованием современного человека (часто – молодого) жизнью в городе и цифровыми технологиями, что лишь подчеркнула пандемия COVID-19 [2]. При этом «возвращение к природе» в сельскую местность для разворачивания производства способно стать для переживающих депопуляцию поселений мощным драйвером развития местной экономики и источником как рабочих мест, так и расширения объема внутреннего потребительского рынка.

К значимым элементам поддержки рассматриваемых выше отраслей локальной экономики можно отнести:

а) финансовую поддержку: выделение грантов на развитие производства со стороны региональных и муниципальных органов власти, субсидии и льготные кредиты на модернизацию оборудования, поддержка участия в выставках и ярмарках (через компенсацию транспортных расходов), организация участия местных предприятий в государственных и муниципальных закупках;

б) инфраструктурную поддержку: создание торговых площадок (рынков и мест для торговли) в социальном партнерстве с торговым бизнесом, развитие логистических возможностей территории, обеспечение быстрого подключения к сетям;

в) кадровое обеспечение: обучение и взаимное обучение мастеров, представляющих разные поселения и направления, вовлечение крафтовых предпринимателей в систему трудового воспитания в образовательных организациях, организация мастер-классов и воркшопов для всех желающих в формате фестивалей;

г) маркетинговую поддержку: продвижение локальных брендов, создание региональных торговых марок и развитие онлайн-продаж. Так, на сайте «Местный ресурс Ленинградской области» представлены товары местных производителей[1], демонстрирующие значимость описанной тенденции для социально-экономического развития как Ленинградской области, так и отдельных муниципальных образований.

Не стоит забывать и о главном источнике поддержки и мотивации локальных предпринимателей – местном сообществе, которое способно гордиться достижениями местных производителей и обеспечивать его выживание в сложных условиях или в период экономического спада.

В результате развертывания указанных элементов инфраструктуры развития локальной экономики и отраслей «крафтовой» экономики на сельских территориях станет возможным достижение следующих значимых социально-экономических эффектов:

1. Рост доходов населения сельских поселений посредством вовлечения в развивающиеся отрасли через трудоустройство и развитие собственного дела.

2. Увеличение налоговых поступлений в бюджеты различного уровня за счет увеличения емкости внутреннего рынка.

3. Развитие малого бизнеса и сферы социального предпринимательства через трудоустройство социально уязвимых категорий жителей.

4. Сохранение и повышение устойчивости сельских территорий через привлечение новых жителей и, прежде всего, молодежи.

5. Развитие туризма и сопутствующей социальной инфраструктуры за счет проведения уникальных мероприятий и фестивалей.

6. Сохранение природных ландшафтов и развитие инновационных форм производства без вреда для экологического равновесия.

Таким образом, формирование ключевых элементов для развития локальной экономики способно в долгосрочной перспективе достичь поставленных задач в области устойчивого развития сельских территорий через преодоление негативных демографических тенденций, развитие внутреннего потребительского рынка и формирование основы для привлечения молодых профессионалов и туристов на сельские территории.

[1] Местный ресурс Ленинградской области. Местные производители [Электронный ресурс]. URL: https://localresource.ru/ (дата обращения: 12.04.2025).

Список источников

1. Афанасьев К. С., Быстрянцев С. Б., Хуснулин Р. К. Социальный капитал и социология местных сообществ в контексте развития локальной экономики // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 4. – С. 7–11.
2. Балацюк Е. С., Гладченко Е. А. Социальный капитал молодых предпринимателей в условиях пандемии COVID-19: на примере владельцев крафтовых пространств Санкт-Петербурга // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2023. – № 3. – С. 199–216.
3. Благов Ю. Е. Концепция корпоративной социальной ответственности и стратегическое управление // Российский журнал менеджмента. – 2014. – № 3. – С. 17–34.
4. Кашин В. Методика оценки эффективности корпоративной социальной политики (социальных инвестиций и социального партнерства // Человек и труд. – 2015. – № 5. – С. 20–28.
5. Логутова С. В., Хорошевская В. В., Чумак В. А. Развитие и поддержка государственно-частных проектов и инициатив в сфере социального предпринимательства // Вектор экономики. – 2017. – № 4 (10). – С. 49–61.
6. Паштова Л. Г., Комельков М. В. Социальная ответственность бизнеса: мировые тенденции и отечественные особенности // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2017. – Т. 10. – № 8. – С. 895–911.
7. Саламон Л. Финансовый рычаг добра: новые горизонты благотворительности и социального инвестирования / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2016.
8. Социальное предпринимательство для развития территории. Как работают местные сообщества и активы? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.social-idea.ru/montlyNews/Socialnoe-predprinimatelstvo-dlya-razvitiya-territorii-Kak-rabotayut-mestnyhe-soobshhestva-i-aktivy (дата обращения: 22.03.2025).
9. Тюрин Г., Тюрин В. Как поднять нашу глубинку. Локальная экономика в России и в мире. – СПб.: Живая провинция, 2018. – 308 с.
10. Krupets Y., Epanova Y. Developing Craft Business in Russia: Capitals and Tactics of Young Cultural Entrepreneurs // Cultural Trends. 2021. Vol. 32. №1. P. 20–34.

Сведения об авторе

Толстов Кирилл Игоревич – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: kirtolstov@gmail.com

УДК 346.26
ГРНТИ 04.21.81

Развитие сферы социального предпринимательства как основа повышения уровня жизни граждан

Ю. В. ФИЛАТОВ

В статье рассматриваются внутренние и внешние факторы развития социальных предприятий, которые определяют их роль в развитии системы социального обслуживания населения. Представлены уровни и варианты развития сферы деятельности социального предпринимательства на уровне территории.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальное обслуживание, факторы развития социальных предприятий, государственно-частное партнерство.

Современный этап развития системы государственного и муниципального управления характеризуется возрастающей ролью социального предпринимательства в системе социальной защиты за счет внедрения как социального измерения в деятельность коммерческих организаций, так и бизнес-составляющей в работу некоммерческих организаций, в том числе социально ориентированных некоммерческих организаций и учреждений социальной сферы.

В 2019 г. Министерство экономического развития Российской Федерации определило критерии признания предприятия в качестве социального для последующей реализации мер государственной поддержки и обеспечения приоритетного доступа к системе государственных и муниципальных закупок. Помимо этого, существует статус предприятий – поставщиков социальных услуг, вовлеченных в систему социального обслуживания населения. Все вышеперечисленное формирует альтернативную (вспомогательную) структуру социальной поддержки граждан и обеспечивает расширение спектра доступных общественных благ в рамках управления объектами социальной сферы[1].

Стоит упомянуть и развитие социальных программ крупных предприятий как в рамках инициатив, связанных с корпоративной социальной ответственностью, так и с реализацией новых управленческих подходов в рамках концепции ESG (environmental, social and corporate governance), основанной на комплексной оценке воздействия деятельности предприятия на экологическую, социальную и экономико-управленческую сферы деятельности организации. Программы социального развития в данном случае направлены не только на работников предприятий, но и на население территории присутствия. При этом для реализации подобных инициатив используется механизм социально ориентированных некоммерческих организаций при единстве корпоративных ценностей.

Развитие сферы государственно-частного и муниципально-частного партнерства в социальной сфере предопределило формирование особого формата межсекторального взаимодействия, предполагающего частичную передачу функций по оказанию социальных услуг аффилированным с частным партнером управляющей структуры, что позволяет обеспечить необходимый уровень и качество социального обслуживания в сочетании с операционной эффективностью. Это, в свою очередь, помогает формировать необходимые компетенции у сотрудников бюджетных учреждений и социально ориентированных некоммерческих организаций [1].

Наконец, зачастую за рамками рассмотрения оказываются предприятия, реализующие социальные функции, но не вовлеченные ни в один из указанных выше видов деятельности. Речь идет о так называемом «локальном бизнесе» – небольших коммерческих организациях, обеспечивающих реализацию важных

[1] Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие». Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329995/ (дата обращения: 08.04.2025).

потребностей населения, развитие социальных связей и, как следствие, рост социального капитала.

Социальные предприятия в процессе реализации своей деятельности порождают ряд социально-экономических эффектов для конкретной территории, не учитываемых в рамках проектирования системы социального обслуживания населения и в процессе управления объектами социальной сферы. При этом инфраструктура поддержки социального предпринимательства может учитывать опыт реализации «гибридных» форм социальных проектов при оценке эффективности государственных программ.

Таким образом, всесторонняя оценка эффективности существующих программ поддержки социальных предприятий в сочетании с оценкой социально-экономического воздействия проектов социальной направленности, реализуемых на территории субъекта РФ, позволяет реализовать следующие возможности:

– обеспечить комплексную оценку эффективности реализуемых программ поддержки социального предпринимательства;

– сформировать комплексный механизм взаимодействия с крупным бизнесом, реализующим социальные инициативы в формате корпоративной социальной ответственности;

– содействовать расширению перечня организаций – поставщиков социальных услуг для повышения качества услуг в системе социального обслуживания населения;

– развивать компетенции сотрудников бюджетных учреждений и социально ориентированных некоммерческих организаций через реализацию совместных проектов и проектов государственно-частного партнерства;

– обеспечивать занятость социально незащищенных категорий граждан через участие в деятельности социальных предприятий, в том числе посредством организации собственного дела;

– выявлять неформальные практики повышения уровня социального благополучия граждан через реализацию социальных инициатив малого бизнеса на конкретной территории в режиме «локальной экономики».

Помимо социальных предприятий, признанных на законодательном уровне, следует отметить и дополнительные сферы реализации социальных бизнес-инициатив.

Прежде всего, это коммерческие предприятия, входящие в реестр поставщиков социальных услуг и/или участвующие в государственных и муниципальных закупках общественно значимых товаров (работ, услуг). При этом официальный юридический статус социального предприятия может отсутствовать, но сама деятельность направлена на достижение общественно полезных целей [3].

Также следует отметить социальные проекты, реализуемые коммерческими предприятиями в рамках концепции корпоративной социальной ответственности и нацеленные на решение социальных проблем сотрудников и членов их семей

(программы социального развития), партнеров из числа социально ориентированных некоммерческих организаций (программы корпоративного волонтерства) и местного сообщества (программы повышения качества жизни населения на территории присутствия через повышение доступности и качества социальных услуг) [7].

Заслуживают внимания и социальные проекты, реализуемые коммерческими предприятиями в формате социального («преобразующего») инвестирования и нацеленные на институциональные преобразования сферы социального обслуживания через стимулирование роста социального капитала и «слабых связей» за счет внедрения новых сценариев взаимодействия между людьми и с органами власти [2; 6].

Значимым направлением развития социальной сферы являются и проекты государственно-частного и муниципально-частного партнерства, реализуемые в том числе через перенос эффективных бизнес-моделей в систему управления социальными учреждениями и развитие предпринимательских подходов с учетом потребностей клиентов [8].

Наконец, следует назвать и относительно новое направление – бизнес-проекты, в неформальном ключе реализующие социальные функции на конкретной территории через использование местных ресурсов, трудоустройство местных жителей и реализацию неудовлетворенного спроса в сфере социальных услуг (присмотр за детьми, пожилыми, микрофинансирование, реализация товаров со скидками для социально уязвимых категорий граждан) [4; 5].

Указанные формы социального предпринимательства формируют особую сферу целеполагания и мотивации руководителей организаций различной формы собственности, что обеспечивает в дальнейшем их эффективное взаимодействие и сотрудничество.

В процессе анализа нормативно-правовой среды деятельности социальных предприятий и проектов коммерческих организаций социальной направленности были выявлены экономические факторы, способствующие и препятствующие успешной деятельности в этой сфере. Все выявленные факторы можно распределить на три группы: макроэкономические факторы (связанные с реализацией национальных целей и государственных программ и проектов), мезоэкономические факторы (связанные с реализацией политики в социальной сфере на уровне субъекта РФ) и микрофакторы (связанные со спецификой бизнес-процессов внутри социальных предприятий).

Макроэкономические факторы:

а) наличие системы финансовой и методической поддержки сферы социального предпринимательства;

б) полнота и непротиворечивость нормативно-правовой базы деятельности социальных предприятий и социально ориентированного бизнеса;

в) наличие критериев уровня развития социальной сферы в оценке деятельности должностных лиц субъектов РФ;

г) уровень внедрения стандартов в сфере социального предпринимательства и социального проектирования на национальном уровне;

д) наличие инфраструктуры обмена опытом и отбора лучших практик в сфере социального предпринимательства.

Мезоэкономические факторы:

а) уровень финансирования социальной сферы и системы социального обслуживания, в том числе ресурсное и кадровое обеспечение;

б) уровень развития партнерских отношений в рамках решения социальных проблем;

в) наличие совместных социальных программ и проектов; опыт реализации проектов государственно-частного партнерства в социальной сфере;

г) уровень развития компетенций государственных и муниципальных служащих в сфере поддержки низовых бизнес-инициатив, направленных на решение социальных проблем;

д) сложившаяся практика интеграции социально ориентированного бизнеса в систему социального обслуживания населения.

Микроэкономические факторы:

а) степень интеграции социальных целей в стратегические документы организации;

б) уровень проработки миссии и целей социального предприятия;

в) наличие опыта совместных мероприятий с бюджетными учреждениями в сфере социального обслуживания населения и с социально ориентированными некоммерческими организациями;

г) масштабы финансирования деятельности в сфере социального предпринимательства и степень диверсификации источников финансовых ресурсов;

д) уровень развития компетенций руководства и сотрудников социального предприятия в части знания передовых методов управления социальными проектами и бизнес-моделей.

Применительно к конкретному проекту в сфере социального предпринимательства состав и значимость факторов варьируется, что позволяет сформировать контур целеполагания в рамках воздействия на ситуацию как со стороны руководства предприятия, так и со стороны органов власти.

Таким образом, социальное предпринимательство – современная и эффективная форма ведения бизнеса, использующая передовые бизнес-модели и развивающая уникальные компетенции у руководства, сотрудников и партнеров. Деятельность социальных предприятий в формальном, смешанном и неформальном режиме обеспечивает устойчивость функционирования системы социального обслуживания населения субъекта РФ и общественных отношений в целом за счет роста социального капитала и замещающих экономических эффектов.

Список источников

1. Афанасьев К. С., Филатов Ю. В. Условия и факторы успеха предпринимательских проектов с участием лиц предпенсионного возраста // Экономика нового мира. – 2021. – Т. 6. – № 1 (20). – С. 18–32.

2. Багг-Левин Э., Эмерсон Дж. Социально-преобразующие инвестиции. Как мы меняем мир и зарабатываем деньги / пер. с англ. – М.: Политическая энциклопедия, 2017.

3. Зверева Н. И. Социальное предпринимательство: новые веяния и пути развития // Эксперт. Социальный бизнес. – 23–29 июня 2014. – № 26. – С. 38–40.
4. Колозариди П. Кооператив социальных предпринимателей: как помочь территориальному бизнес-сообществу [Электронный ресурс]. – URL: http://cloudwatcher.ru/analytics/1/view/76/ (дата обращения: 22.03.2025).
5. Косарев В., Павлов П., Каукин А. Социальный капитал как фактор экономического роста российских регионов // Экономическая политика. – 2019. – № 5. – С. 124–149.
6. Саламон Л. Финансовый рычаг добра: новые горизонты благотворительности и социального инвестирования / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер. 2016.
7. Стрижов С. Социальная ответственность бизнеса как требование времени // Государственная служба. – 2015. – № 6. – С. 116–121.
8. Ямщиков А. С., Руйга И. Р. Механизмы реализации государственно-частного партнерства в социальной сфере региона: монография. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016.

Сведения об авторе
Филатов Юрий Владимирович – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: filatov1.83@mail.ru

УДК 332.1
ГРНТИ 06.71.09

Устойчивое развитие автотранспортной инфраструктуры северных городов в современных реалиях

Е. Г. ЦЫПЛАКОВА, Г. И. СИНЬКО, Ю. Г. ЯНКЕВИЧ

Сегодня ведется активный поиск направлений устойчивости транспортной инфраструктуры городских территорий. Особенно это актуально для северных городов, характеризующихся суровыми условиями. При решении вопросов устойчивости российские чиновники в основном ориентируются на модные теории и концепции достаточно теплых европейских стран, которые, по мнению авторов, мало пригодны для действительности российских северных городов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, устойчивый городской транспорт, автотранспортная инфраструктура, северные города.

Устойчивое развитие северных городов сегодня один из главных элементов долгосрочных стратегий России. Например, Стратегия развития автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта Российской Федерации на период до 2030 г., разработка которой предусмотрена Транспортной стратегией Российской Федерации на период до 2030 г., является документом стратегического планирования Российской Федерации. Важную позицию в этих стратегиях занимают вопросы мобильности: транспортная инфраструктура уже не просто выполняет функцию связи отдельных частей города, но является формообразующим элементом. Сегодня транспортная инфраструктура городов развивается с учетом запросов на комфорт, экологичность и безопасность – эти

векторы определяют ближайшее будущее и северных городов. Однако это будущее может оказаться разным: оно напрямую зависит от приоритетов в развитии транспортной инфраструктуры и ее элементов.

Сегодня для решения вопросов устойчивости российских северных горолов активно используются западные теории и концепции. К сожалению, используются они как модные направления без учета российских традиций, реалий и научных направлений. Подробно изучен опыт Германии, Франции, Великобритании, США, т.е. достаточно «теплых» стран, но среднегодовая температура российских северных городов следующая: Санкт-Петербурга – 4,9º С, Красноярска – 1,4 º С, Архангельска – 0,8 º С, Мончегорска – 0,8 º С, Мурманска – (-0,2) º С, Магадана – (-2,8) º С, Норильска – (-10,2) º С, а в некоторых городах и ниже. Для сравнения: температура Берлина – 9,1º С, Парижа – 11,3 º С, Лондона – 11,1º С, Вашингтона – 13,3 º С, Нью-Йорка – 12,1 º С.

Реалии таковы, что более 67% территории страны относится к северной климатической зоне, а народное хозяйство обслуживается в основном автомобильным транспортом, что при невнимании к решению проблем урбанизации и автомобилизации может привести к усилению негативных последствий для территорий северных городов. Следовательно, решение проблемы обеспечения устойчивого развития нужно начинать с решения проблем автотранспорта. Данный вопрос подробно рассмотрен в работе [3].

Увеличение социально-экономической активности людей в городах приводит к росту численности населения и, соответственно, прямо пропорционально численности населения увеличивается количество автомобилей. Это приводит к определенным проблемам: перегруженность улично-дорожной сети, «пробки», загромождение автомобилями дворовых территорий, острая нехватка парковочных мест и, соответственно, увеличение загазованности в местах скопления автомобилей, невысокий уровень безопасности и недоступность городского пространства для всех жителей [3].

В рамках решения проблемы экологической безопасности автотранспорта северных городов развивается концепция «устойчивый городской транспорт», которую можно определить как «удовлетворение ежедневных потребностей жителей города в мобильности путем поддержки экономического развития города, а также защиты и содействия социальному развитию и справедливости без угрозы для людей и городской экосистемы сегодня и в будущем». Устойчивый городской транспорт «исследует такие вопросы, как скорость увеличения количества автомобилей, загрязнение воздуха в городах, безопасность дорожного движения, транспортные потребности групп с низким доходом, а также транспортные потребности пожилых людей и людей с ограниченными возможностями» [2].

Сегодня активно внедряются некоторые политики, проводимые чиновниками для устойчивости городского транспорта. Их основная цель заключается «в обеспечении широкого использования общественного транспорта и немоторизованных транспортных средств и состоит из практики, действий и правил для систем общественного транспорта, таких как автобусы, метробусы и железнодорожные системы, а также немоторизованных видов транспорта, таких

как как ходьба и езда на велосипеде». Основная идея – сокращение личного автомобильного транспорта и пересадка всех горожан на общественный транспорт или велосипеды [1; 3]. Рассмотрим некоторые политики на примере Санкт-Петербурга – самого северного мегаполиса в мире, который не имеет мировых аналогов.

По замыслу чиновников, улицы городов должны принадлежать пешеходам, общественному транспорту, велосипедистам и городским мобильным службам, что позволит разгрузить центр города, увеличить пропускную способность и, конечно, освободить дорогу для чиновничьих автомобилей. Личному автотранспорту горожан объявлена война. Первые шаги уже сделаны – выделены полосы для общественного транспорта и велосипедов, созданы платные парковки. Однако единиц общественного транспорта не хватает, и он перегружен. Велосипедисты не спешат воспользоваться предоставленной привилегией, все также используя тротуары и сшибая прохожих, также велосипеды и самокаты, передвигающиеся по льду и снегу – довольно опасное явление. Платные парковки еще более усугубили проблему – парковок не хватает, переполнены дворовые и бесплатные городские пространства, затруднено движение.

В Санкт-Петербурге почти весь центр превратился в платную парковку, а альтернатива не создана. Если, например, в Москве наряду с платными парковками имеется достаточное количество бесплатных, то в СПб даже за самые захудалые уголки приходится заплатить. Тем не менее, как оказалось, люди готовы платить, но парковок не хватает. Не хватает также перехватывающих парковок, о которых так любят говорить чиновники, и паркингов. Автомобили переместились во дворы и на свободные от оплаты улицы, но чиновники уже и тут грозятся ввести ужесточения. Видимо, придется парковаться на балконах – такие зарубежные практики тоже имеются. А пока центр все также забит припаркованными автомобилями, чиновники «собирают» миллионы с платных парковок, которые идут не на решение транспортных проблем. Строить новые паркинги чиновники не планируют, вооружившись еще одной «западной теорией» – чем больше паркингов, тем больше автомобилей, поэтому, по их замыслу, не стоит создавать благоприятные условия для горожан и гостей города.

В результате все свободные пространства в городе, платные и бесплатные, заполнены припаркованными автомобилями, хотя в городе имеется большое количество аварийных и неиспользуемых зданий, которые могут быть реконструированы под многоуровневые паркинги. Данные паркинги могли бы принять огромное количество автомобилей и действительно разгрузить центр, снизить экологическое давление на окружающую городскую среду, повысить экологическую и эксплуатационную безопасность автотранспорта. Такое направление подробнее рассмотрено в работе [4].

Другой вариант уменьшения использования личного транспорта – это его замена на машины каршеринга. Суть идеи заключается в том, что одну машину для своих личных поездок за день используют несколько человек. Считается, идея хороша тем, что она относительно недорогая, так как одна машина каршеринга может заменить в среднем пять личных автомобилей. Следовательно,

улицы города разгружаются, увеличивается количество парковочных мест и становится меньше отработавших газов в воздухе. Но пяти автовладельцам автомобиль может понадобиться примерно в одно время, например, доехать до работы, следовательно, также задействовано пять автомобилей каршеринга. Об этом чиновники умалчивают. Пока данная система активно развивается и набирает свою популярность в таких городах, как Москва и Санкт-Петербург. Набирает популярность и такси.

Получается, сперва государство на протяжении многих лет активно проводило политику максимального приобретения гражданами автомобилей с помощью различных льготных программ и акций, а когда те набрали автокредитов, предлагает пересесть им на общественный транспорт и велосипеды, причем сами чиновники от автомобилей не стремятся отказываться.

Хорошая идея – усовершенствование общественных транспортных средств, добавление новых маршрутов и сокращение интервалов. Она, несомненно, должна привлекать людей, но пока все это утопия. Длительные интервалы ожидания и максимальная забитость салона – современные реалии. А есть непопулярные маршруты и места, необслуживаемые общественным транспортом…Кого не удастся утрамбовать в общественный транспорт, предлагается пересадить на велосипеды и самокаты. Чиновники считают, что если несколько десятков автовладельцев посадить в один автобус, то десятки автомобилей не будут эксплуатироваться и негативно влиять на окружающую среду городов. Но десяткам автовладельцев надо ехать в разные стороны, а это уже десятки автобусов. Учитывая потребности населения и обеспечение комфортности общественного транспорта, последний должен передвигаться с интервалом 2–5 минут и в различных направлениях, но это создаст дополнительные заторы на улицах и увеличит негативное воздействие на окружающую среду. Также сегодня ощущается нехватка единиц общественного транспорта. Связано это в основном с нехваткой водителей, которые не хотят работать за предлагаемую зарплату. Следовательно, велики интервалы ожидания общественного транспорта, что усугубляется сложными климатическими условиями и загруженностью салонов. Ну а все нежелающие пользоваться общественным транспортом могут пересесть или на такси, или на каршеринг. Получается, автомобили такси и каршеринга у чиновников не создают нагрузку на окружающую среду, а личные – это проблема.

Еще одно направление – введение платного въезда в центр города, как сделано в некоторых европейских столицах. С точки зрения чиновников, это помогло бы разгрузить центр мегаполисов и крупных городов, избавить от пробок и загрязненного воздуха, но реализовать это сложно, так как для города это слишком дорогая идея. Решение проблемы видится в выведении из центра города на окраины все организации и учреждения, не связанные с образованием, культурой и туризмом. А для работников культуры, преподавателей, студентов и гостей построить многоуровневые паркинги.

Ну и последнее модное направление – электромобили. Чиновники считают – раз электромобили не производят выбросов, значит они экологически чистые. Но реалии жизни показывают другое. Чем больше электромобилей, тем больше нужно электричества, а значит интенсивнее в условиях энергетического кризиза должны работать электростанции со всеми вытекающими экологическими последствиями. А сегодня уже и альтернативная энергетика все ярче проявляет свое негативное влияние на экологию. Открытым остается вопрос электромагнитного излучения. Немногочисленные работы на эту тему заказаны самими производителями электромобилей. Вывод: электромобиль – это не экологическая безопасность, а идеология стран, бедных ресурсами. Некоторые российские ученые считают, что самый экологически чистый двигатель – это бензиновый. Его надо только доработать. Как? Огромное количество научных работ пылится на полках российских институтов.

По нашему мнению, приоритет в решении проблемы устойчивости автотранспортной инфраструктуры северных городов должен быть отдан выводу из центра учреждений и организаций, не связанных с образованием, культурой и туризмом, на окраины, что позволит также повысить привлекательность последних; развитию парковочного пространства, в частности организации перехватывающих парковок, строительству паркингов как подземных, так и наземных в рамках концепции адаптивного повторного использования зданий, запрету строительства новых зданий без подземных или пристроенных паркингов; повышению привлекательности и комфорта общественного транспорта; расширению улично-дорожной сети, ужесточение законодательства в отношении немоторизированных видов транпорта.

Список источников

1. Миличенкова Ю. В. Устойчивый городской транспорт в России и за рубежом // Молодой ученый. – 2017. – № 37 (171). – С. 140–143. – URL: https://moluch.ru/archive/171/45643/ (дата обращения: 12.04.2025).

2. Что такое устойчивый транспорт? Что такое устойчивый городской транспорт? [Электронный ресурс]. – URL: https://adanamersin.com/2022/11/что-такое-устойчивый-городской-транспорт / (дата обращения: 12.04.2025).

3. Цыплакова Е. Г. Устойчивое экономическое развитие селитебных территорий исторических районов северных городов северо-запада России. Глава 14 // Вопросы социально-экономического развития регионов северо-запада России: стратегии и реальность: моногр. / Белова Т. М., Бушенева Ю. И., Ефимова Г. А., и др.; под ред. Н. М. Космачевой. – СПб., 2023. – С. 236–272.

4. Цыплакова Е. Г. Адаптивное повторное использование зданий как стратегия устойчивого развития северных городов / Е. Г. Цыплакова, Ю. Г. Янкевич, Н. К. Янкевич // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 3. – С. 361–365. – EDN DFKXIF

Сведения об авторах

Цыплакова Елена Германовна – доктор технических наук, доцент, зав. кафедрой региональной экономики и управления, Ленингрдский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: naja458@yandex.ru

Синько Галина Иосифовна – кандидат философских наук, доцент кафедры региональной экономики и управления, Ленингрдский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация
Янкевич Юлия Германовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления, Ленингрдский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация

УДК 332.1; 331.52
ГРНТИ 06.61.33

Устойчивое развитие Ленинградской области: фактор доступности среднего профессионального образования

О. П. ЧЕКМАРЕВ

В статье рассматриваются вопросы доступности системы среднего профессионального образования Ленинградской области для выпускников школ региона. Оценивается возможность снижения дефицита кадров рабочих профессий и специалистов среднего звена в целях обеспечения устойчивости развития экономики региона. Обращается внимание на дифференциацию количества мест для обучения в системе среднего профессионального образования в разрезе районов Ленинградской области по отношению к численности выпускников школ. Предлагаются мероприятия, нацеленные на выравнивание доступности системы среднего профессионального образования в районах Ленинградской области и закрепления выпускников в регионе.

Ключевые слова: Ленинградская область, дефицит кадров, среднее профессиональное образование.

Система среднего профессионального образования (СПО) Ленинградской области насчитывает 25 средних профессиональных организаций (25 организаций, подведомственных Комитету общего и профессионального образования Ленинградской области, 1 организация, подведомственная Комитету по культуре и туризму Ленинградской области, 1 организация, подведомственная Комитету по здравоохранению Ленинградской области. Кроме того, в области действуют два учреждения высшего образования, реализующих программы СПО.

В табл. 1 приведена информация по территориальному расположению организаций, реализующих программы СПО на территории Ленинградской области.

Данные таблицы говорят о значительной дифференциации плотности расположения учреждений СПО и контингенту обучаемых по территории области. Лидируют по контингенту обучаемых такие районы, как Гатчинский, Кировский, Выборгский и Волховский районы (контингент колеблется от 1490 до 3042 чел. обучаемых). Отстающими районами являются Сланцевский. Подпорожский, Лужский районы.

Таблица 1

Оценка дифференциации достаточности учреждений, реализующих программы СПО в Ленинградской области [Регионы России…; Современное образование …]

Район Ленинградской области	Количество учреждений СПО	Контингент студентов, 2025, чел.**	Прием 2025 г., чел.**	Выпуск 2025 г., чел.**	Количество молодежи в возрасте 16–19 лет, чел.	
					всего	на одно место приема
Бокситогорский*	2	516	175	218	2180	12
Выборгский*	4	1615	525	459	7309	14
Волосовский	2	1137	385	318	2160	6
Волховский	1	1490	550	500	2898	5
Всеволожский	1	821	245	271	16293	67
Гатчинский	3	3042	720	678	9184	13
Кировский	2	1745	550	557	3507	6
Киришский	1	686	225	284	2143	10
Кингисеппский*	3	1126	300	258	2783	9
Лодейнопольский	1	263	75	92	952	13
Лужский*	2	439	150	170	3007	20
Ломоносовский	0	-	-	-	3640	-
Приозерский	2	1037	275	273	2007	7
Подпорожский	1	420	120	172	1273	11
Сланцевский	1	403	150	153	1773	12
Тосненский	2	1161	398	371	4447	11
Тихвинский	1	933	250	305	2396	10
Сосновоборский городской округ	1	714	200	220	2023	10
ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ им. А. С. Пушкина» без разбивки по районам	1	2322	500	498		

* С учетом институтов (филиалов) и подразделений ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина».

** По учреждениям, подведомственным Комитету общего и профессионального образования Ленинградской области.

В разрезе количества молодежи в возрасте 16–19 лет (основные возраста поступления и начала обучения в учреждения СПО) в расчете на плановую численность приема в учреждения СПО дифференциация районов носит еще более значительный характер. Особенно напряженная ситуация с местами приема складывается во Всеволожском районе, где на одно место набора на 2025 г. приходится 67 человек в возрасте от 16 до 19 лет. Также выделяется Лужский район с показателем 20 человек на одно место планируемого приема. С Всеволожским районом острота проблемы доступности учреждений СПО снижается благодаря

примыканию этого района к городу Санкт-Петербург, который обладает значительным потенциалом СПО. Однако, как показано в табл. 4, высокая учебная миграция вызывает обеднение кадрового потенциала в районе-доноре, а Всеволожский район является одним из экономических центров Ленинградской области. По данным СПАРК в топ 30 компаний Ленинградской области по выручке 9 функционируют на территории Всеволожского района [Рейтинг компаний Ленинградской области]. Лужский район является достаточно удаленным от Санкт-Петербурга, и наблюдаемая здесь напряженность с местами поступления на программы СПО может рассматриваться как значительный потенциал развития системы СПО области.

Наиболее доступными с точки зрения плановых цифр приема и контингента потенциальных поступающих являются Волховский, Волосовский, Кировский и Приозерский районы области. Остальные районы нуждаются в количественном расширении контрольных цифр приема для более полного использования потенциала СПО области. При этом необходимо учитывать и качественный состав (структуру) направлений образовательных программ и наличие спроса на соответствующие программы подготовки со стороны работодателей.

Общее количество молодежи в возрастах 16–19 лет в Ленинградской области на 2024 г. составляло почти 70 тыс. человек. При этом, по информации Министерства просвещения РФ, по итогам приемной кампании 2024 г. в колледжи и техникумы поступают 62,5% выпускников 9-х классов. Таким образом, это примерно соответствует 11–12 тыс. человек в год в качестве потенциала к поступлению на программы СПО в Ленинградской области (с учетом поступающих после 11-х классов) при условии отсутствия учебной миграции в другие регионы. Эти цифры значительно выше (на 30–40%), чем количество фактически поступающих в учреждения СПО Ленинградской области. Это говорит о недоиспользовании областью потенциала востребованности у молодежи программ СПО на территории региона.

Материально-техническая база учреждений СПО состоит из порядка 300 зданий, при этом 12% зданий нуждаются в капитальном ремонте. Из общего количества зданий 45 зданий – учебные корпуса, 38% из которых нуждаются в капитальном ремонте.

По данным, полученным от Комитета общего и профессионального образования Ленинградской области, количество обучаемых студентов в системе СПО на 2024 г. составляло 23712 человек. Планируемый прием и выпуск студентов из учреждений СПО по годам приведён в табл. 2.

Основой пополнения учреждений СПО студентами является система общего образования, включающая в себя 368 общеобразовательных организаций (из них: 341 – муниципальная, 27 – государственных). В табл. 3 приведены данные о потребности учеников 9–11 классов в поступлении в учреждения СПО Ленинградской области и ее реализации.

Таблица 2

Планируемый выпуск слушателей из учреждений СПО Ленинградской области

Годы	2024*	2025	2026	2027	2028	2029
Планируемый выпуск из учреждений СПО	5664	5710	5935	6320	6440	6570
Планируемый прием на обучение	6340	6440	6540	6740	6840	6940

* Фактические данные.

Таблица 3

Потребность в поступлении выпускников школ в учреждения СПО Ленинградской области (ЛО) и ее реализация

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025 (прогноз)
Выпускников 9-х классов, чел., в т.ч.:	**14274**	**15252**	**15877**	**17417**	**18834**
Количество поданных заявлений в учреждения СПО ЛО, чел.	8149	8467	9152	10251	11085
Поступили в учреждения СПО ЛО, чел.	5773	5908	6188	6298	6442
Процент поступивших от поданных заявлений	70,8	69,7	67,6	61,4	58,11
Процент поступивших от всех выпускников	40,44	38,74	38,97	36,16	34,20
Выпускников 11-х классов, чел., в т.ч.:	**5455**	**5232**	**5152**	**5013**	**5345**
Количество поданных заявлений в учреждения СПО ЛО, чел.	1102	1113	1164	1455	1551
Поступили в учреждения СПО ЛО, чел.	958	980	1027	1156	1182
Процент поступивших от поданных заявлений	86,9	88,1	88,2	79,4	76,2
Процент поступивших от всех выпускников	17,56	18,73	19,93	23,06	22,11
Общее количество поступающих в учреждения СПО ЛО, чел.	**6731**	**6888**	**7215**	**7454**	**7624**
Процент выпускников 11-х классов в общем количестве поступивших в учреждения СПО ЛО	14,23	14,23	14,23	15,51	15,50

Ежегодно со школ Ленинградской области в учреждения СПО поступает от 6,7 до 7,4 тыс. человек с некоторой тенденцией к повышению. Тем не менее, судя по данным Петростата о количестве детей в возрастах от 12 до 17 лет, в Ленинградской области [Статистический бюллетень] в ближайшие 2–3 года можно ожидать просадки количества выпускников школ в пределах 1–1,5 тыс. чел. в год относительно уровня 2024 г. с дальнейшим восстановлением численности в рамках периода планирования (до 2030 г.) и без учета миграционной динамики. Из числа выпускников 9-х классов в среднем поступают в учреждения СПО области 36–40% школьников, из 11-х классов – порядка 20% с тенденцией к повышению в последние годы.

Анализ данных показывает, что значительная часть выпускников 9-х классов (порядка 30–35%) не поступают в учреждения СПО области и не переходят на обучение в 10-й класс. Такая ситуация во многом определяется оттоком выпускников 9-х классов на обучение в учреждения СПО в других субъектах РФ и прежде всего в г. Санкт-Петербург. Это представляет собой серьезную проблему для Ленинградской области, так как обучение в другом городе (регионе) приводит к низкому уровню возвратной миграции молодежи после окончания обучения (в пределах 20%) [Мкртчан Н. В.], что осложняет решение вопроса дефицита кадров в регионе-доноре выпускников.

Анализ характеристик и трудоустройства выпускников, обучающихся по программам СПО приведен в табл. 4.

В рамки мониторинга Роструда до сегодняшнего дня не попадают все выпускники учреждений СПО, исходя из непредоставления информации со стороны отдельных организаций, осуществляющих подготовку выпускников СПО, что снижает потенциал статистического анализа ситуации с пополнением рынка труда молодыми работниками. Тем не менее за 2024 г. имеется информация о 4699 выпускниках из 5664 чел. выпустившихся в 2024 г. (83%).

Из всех выпускников 2024 г. к сентябрю были трудоустроены 55,65% выпускников. Еще 35% ушли на прохождение службы в российской армии. Таким образом, в целом востребованность выпускников СПО является высокой. Тем не менее значительная часть трудоустройства выпускников приходится не на Ленинградскую область (более 44%). Это говорит о том, что регион по сути является «кузницей и поставщиком кадров» для других регионов России. И главным образом переток кадров происходит в г. Санкт-Петербург, где трудоустраивается четверть от всех нашедших работу выпускников. При этом приток обучающихся в систему СПО Ленинградской области из г. Санкт-Петербург составляет менее 4% от всех обучающихся. Это разительно отличается от статистики перемещения «на учебу» и «на работу» в рамках других регионов России. Среди выпускников школ, поступающих в систему СПО ЛО более 19% обучалось в школах, находящихся за пределами Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Однако в отличие от города в области не удается закрепить региональных студентов, которые после получения СПО практически в том же объёме покидают регион (около 19% выпускников СПО едут на работу в другие регионы страны). В результате образуется чистый отток выпускников в Санкт-Петербург, который практически не перекрывается притоком выпускников системы СПО ЛО, приехавших учиться на территорию области.

Таблица 4

Характеристика выпускников СПО ЛО 2024 г. на 09.2024
[Мониторинг выпускников]

Показатель	Человек	Процент от выпуска	Процент от трудоустроенных
Кол-во выпускников(В-01)	4699	100,00	
Трудоустроенные(Т-01) (на дату)	2615	55,65	100
Нетрудоустроенные	2084	44,35	
в т.ч. проходят службу в армии	1646	35,03	
Регион трудоустройства			
Ленинградская область	1463	31,13	55,95
Санкт-Петербург	658	14,00	25,16
Другие регионы	494	10,51	18,89
Призн.: самозанятый в теч. 2-х лет	897	19,09	34,30
Призн.: прод. обуч. в теч. 2-х	193	4,11	7,38
Призн.: труд в теч. 2-х лет	3076	65,46	117,63
Призн.: ИП в теч. 2-х лет	130	2,77	4,97
Регион обучения в школе			
Ленинградская область	3601	76,63	
Санкт-Петербург	182	3,87	
Другие регионы	916	19,49	
Возраст до 22 лет	4003	85,19	
Возраст старше 22 лет	696	14,81	
Платное обучение	404	8,60	
Признак целевого обучения	5	0,11	
Очная форма обучения	4464	95,00	
Призн.: совмещение раб (тр.дог/ГПХ) и учебы	3276	69,72	

Обращает на себя внимание достаточно высокий процент самозанятости среди выпускников СПО (19% всех выпускников), что может говорить о проблемах взаимоотношений между работодателями и трудоустраивающимися выпускниками [Чекмарев О. П., 2022]. При оценке потенциала системы СПО области в закрытии потребности экономики в кадрах средней квалификации следует учитывать и тот факт, что по данным ВШЭ стратегию «СПО как трамплин в вуз» выбирали 13% выпускников 9-х классов по России в целом, а к 2024 г. эта доля снизилась до 6,8% [Между партой …]. Тем не менее это повышает требования к количеству обучающихся по программам СПО для закрытия потребностей экономики.

Ленинградская область включилась в федеральный проект «Профессионалитет» на его старте. Так, в 2022 г. на базе ГБПОУ ЛО «Кингисеппский колледж технологии и сервиса» создан образовательно-производственный кластер хими-

ческой отрасли. В кластер вошли 6 учреждений среднего профессионального образования региона и крупнейшее предприятие химической отрасли региона ООО «Промышленная группа «Фосфорит» (АО «Еврохим Северо-Запад»). По новым образовательным программам с сокращенными сроками обучения уже обучаются 575 студентов, приобретая специальности: «Мастер слесарных работ», «Аппаратчик-оператор производства неорганических веществ», «Переработка нефти и газа», «Лаборант по контролю качества сырья, реактивов, промежуточных продуктов, готовой продукции, отходов производства», а также «Оснащение средствами автоматизации технологических процессов и производств». Вместе с тем область отстает от среднероссийских показателей внедрения программы «Профессионалитет». В 2024 г. по России в целом дипломы об окончании СПО получили около 860 тыс. человек, из них 137,9 тыс. обучались по программе «Профессионалитет» (16%). В то же время по области данный показатель составляет около 2,5%.

В 2024 г. в Ленинградской области реализуется региональный проект «Профессионалитет. Регион 47». В рамках реализации проекта две профессиональные образовательные организации Ленинградской области получили субсидию из регионального бюджета (по 20 млн р.) на условиях софинансирования из внебюджетных источников на обновление лабораторий и мастерских.

Большое значение имеет участие работодателей в обновлении инфраструктуры системы учреждений СПО. Активными участниками данного процесса на территории области являются, например, АО «Апатит», АО «Концерн Росэнергоатом» «Ленинградская атомная станция и пр. В области ведется работа по открытию профильных классов для проведения профориентационной работы и формирования резерва поступления в вузы и сузы. Всего в 2023/2024 учебном году профильные предпрофессиональные классы различной направленности функционировали в 23 общеобразовательных организациях.

В рамках регионального проекта по созданию и обеспечению функционирования профильных предпрофессиональных классов в общеобразовательных организациях при реализации единой модели профессиональной ориентации в Ленинградской области в 2024–2027 гг. планируется открыть не менее 404 профильных предпрофессиональных классов, что является важным элементом профориентации и закрепления выпускников школ в системе СПО региона, а также снижает остроту мотивационных проблем выбора места обучения выпускников школ [Чекмарев О. П., 2008].

Таким образом, для обеспечения устойчивого развития Ленинградской области необходимо развитие системы СПО региона с целью выравнивания уровня доступности учреждений СПО в районах Ленинградской области и формирования систем закрепления выпускников школ и СПО для лучшего использования демографического потенциала области для сглаживания проблемы дефицита кадров рабочих профессий и специалистов среднего звена на предприятиях и в организациях Ленинградской области.

Список источников

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – 1081 с. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 19.03.2025).
2. Современное образование Ленинградской области. Образование. – URL: https://obr.lenreg.ru/organizations/?study_area_type=20&study_area_type=7&study_area_type=22 (дата обращения: 11.04.2025).
3. Рейтинг компаний Ленинградской области (по выручке). СПАРК. – URL: https://spark-interfax.ru/map/leningradskaya-oblast (дата обращения: 11.04.2025).
4. Статистический бюллетень Петростата, 2024. – URL: https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/14001124_Возраст-пол%20нас%20ЛО%202024.pdf (дата обращения: 11.04.2025).
5. Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 1. – С. 225–242.
6. Мониторинг выпускников. Роструд. 2024. – URL: https://disk.yandex.ru/d/ZtHjEoc3kVjTw (дата обращения: 04.04.2025).
7. Между партой и наковальней // Коммерсантъ. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7401571 Образовательные траектории за 20 лет. Институт статистических исследований и экономики знаний. ВШЭ. – URL: https://issek.hse.ru/news/790753502.html#:~:text=%D0%A3%D0%B6%D0%B5%20%D0%B2%202021%20%D0%B3.,%D0%BE%D0%BD%D0%BE%20%D0%BF%D0%BE%2D%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D1%83%20%D0%B2%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%D0%B5
8. Чекмарев О. П. Зачем нужен диплом? Мотивация формирования и использования человеческого капитала: образование // Креативная экономика. – 2008. – № 11(23). – С. 62–68. – EDN JTWLTT.
9. Чекмарев О. П. Самозанятые в России: легализация, тенденции развития и влияние на рынок труда / О. П. Чекмарев, П. М. Лукичев, П. А. Конев // Экономика труда. – 2022. – Т. 9. – № 2. – С. 233–248. – DOI 10.18334/et.9.2.114222. – EDN SOVKXT.

Сведения об авторе

Чекмарев Олег Петрович – доктор экономических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-9060-0792, e-mail: oleg1412@mail.ru

УДК 332.122
ГРНТИ 06.61.33

Региональные социально-экономические системы и национальное единство в контексте экономики взаимоотношений

Г. В. ЧЕРКАССКАЯ

В статье рассмотрено социально-экономическое содержание категории «национальное единство», понимаемой как высшая степень сформированности социального капитала нации с учетом разнонаправленности интересов образующих ее субъектов (регионов, этносов, групп и сообществ). Предложено структурирование вклада региональных социально-экономических систем в формирование совокупного социального капитала страны.

Ключевые слова: региональная экономика, экономика взаимоотношений, региональная элита, государственное управление, интеграция.

Очевидно, что в настоящее время наблюдается очередной пик становления экономики взаимоотношений в мировом масштабе. То, как ассиметрично, казалось бы, Китай отвечает на традиционные инструменты торговой войны, развязанной США, полностью вписывается в парадигму «новых» экономических отношений [Черкасская, 2022]. Новая экономическая реальность не может игнорировать публично обсуждаемые политические стратегии и даже заявления официальных лиц о враждебности (реальной или выдуманной) каких-либо международных акторов, поскольку результаты именно экономической деятельности во всем ее многообразии (ресурсообеспечение и производство оружия, военных технологий, специалистов) создают как предпосылки, так и непосредственные условия и мирного, и военного противостояния. Так, например, запрет на поставки редкоземельных металлов в США, в том числе через третьи страны, по сути, обнулил возможности «гегемона» в производстве дронов (Какой скандал! Особенно учитывая размеры военного бюджета США!). Очевидность принятия таких решений в сфере поставок как дефицитных ресурсов, так и продукции из них на уровне государственного управления стран бывшего «третьего мира» в ситуации развязывания «войны всех против всех» [1] делает актуальными новые модели организации национальных экономик практически всех стран. В контексте развития экономики взаимоотношений эти модели должны быть сформированы либо как полностью самодостаточные, либо в кооперации и интеграции только с дружественными странами.

В нашей стране принцип максимальной самодостаточности, хотя и провозглашенный в 2014 г. как курс на импортозамещение, все же реализовываться в полной мере стал только в крайней ситуации после февраля 2022 г. Статистика Минэкономразвития, например, демонстрирует уверенный рост производств в машиностроении: -5,9% в 2022 г. к 2021 г., 25% в 2023 г. к 2022 г., 19,5% в 2024 г. к 2023 г.[1]

Однако следует понимать, что, во-первых, определенная часть мирового производства организуется и контролируется не национальными, а транснациональными структурами, имеющими наднациональные и часто неявные центры принятия решений, а во-вторых, мировая система разделения труда, сформированная за последние 80 лет, предполагала, среди прочего, достаточно свободное, особенно после распада социалистического лагеря, территориальное размещение производственных мощностей. Соответственно, не только национальные, но и региональные элиты нашей страны (учитывая размеры, ресурсы и беспорядок 90-х) оказались вовлечены в эти интеграционные связи настолько, что не все из них [элит] смогли пройти проверку на прочность в 2022 г.

[1] О динамике промышленного производства, март 2025 г. / Министерство экономического развития РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a397d302b02235c474f6017b9 c6eabe6/o_dinamike_promyshlennogo_proizvodstva_mart_2025_goda.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

Проблему качества региональных элит мы рассматривали ранее [Черкасская, 2023-1], доказав роль и значение *качества региональной элиты* как фактора устойчивости региональной экономической системы, для чего были выделены и систематизированы технические и качественные характеристики региональной элиты, сформулировано определение качества региональной элиты в контексте ее значимости для развития региона и сделан вывод о функциональной зависимости состояния и динамики региональной экономической системы от качества региональной элиты, в том числе в математической форме. Не менее важным фактором устойчивости региональной экономической системы является, по нашему мнению, и *регионоориентированность предпринимательства* [Космачева, Черкасская, 2024], функционирующего на территории субъекта РФ, и являющегося, по результатам проведенного анализа, следствием осознанных действий так называемой бизнес-элиты региона или страны.

Более широкий подход к исследованию вопросов устойчивости региональных социально-экономических систем в современных условиях развития экономики взаимоотношений может быть реализован через категорию национального единства. Национальное единство традиционно рассматривается в рамках социальных наук только в политическом или социологическом контексте и скорее как характеристика устойчивости того или иного государства, граждане / население которого представляют собой сложившуюся нацию [Чепурнов]. Между тем, по нашему мнению, национальное единство в современных условиях имеет экономическое измерение и должно рассматриваться в социальных науках именно как социально-экономическая категория, имеющая тесную связь с категориями человеческого / социального капитала, национального богатства и его распределения.

Наше определение социального капитала было сформулировано в рамках развития теории управления человеческими ресурсами[1]. Под социальным капиталом следует понимать совокупность усвоенных и применяемых на практике в рамках конкретного социума/группы навыков коллективного сосуществования и выживания людей, в том числе взаимовыгодного обмена (продуктами труда (творчества), знаниями, эмоциями, услугами) и организации *совместной деятельности*, направленной на рост качества и уровня жизни социума в целом и каждого его члена в частности [Черкасская, 2016]. Совместная деятельность должна была бы носить исключительно творческий и производительный характер во всех группах и сообществах, однако на практике мы видим, насколько социальный капитал организованных преступных сообществ или семейных / транснациональных кланов может перевешивать социальный капитал остального общества. Ведь, действительно, кто лучше организован, тот и правит миром во всех смыслах этого слова. Особенно сильно этот принцип, по нашему мнению, проявляется в условиях тирании (вспомним Пол Пота или Бокассу) и/или формальной представительной демократии, маскирующей тиранию (современные

[1] Зайцев Г. Г., Черкасская Г. В., Бадхен М. Л. Управление человеческими ресурсами: учебник. М.: Академия, 2014. 304 с.

Молдавия, Румыния, Франция и прочие страны ЕС). Поэтому совокупный социальный капитал нации не есть арифметическая сумма социальных капиталов групп, его составляющих, и в данном случае направленность интереса – за или против нации – имеет важное значение. И чем более структурировано общество, тем менее оно едино. Например, при оценке институционального доверия как фактора национального единства и сплоченности населения России социологи отмечают, что «существенную роль на уровень институционального доверия в регионах оказывали факторы, определяющиеся спецификой социальной структуры населения в регионе» [Омельченко, с. 159].

Таким образом, можно напрямую выразить категорию национального единства как социально-экономическую через понятие социального капитала: это высшая степень сформированности социального капитала нации с учетом разнонаправленности интересов образующих ее субъектов (регионов, этносов, групп и сообществ).

Для формирования совокупного национального социального капитала имеют значение образцы и нормы соответствующего поведения, которые должна демонстрировать национальная или региональная элита, предлагая тем самым объединение ради достижения экзистенциальных целей существования наций и государств. При этом как основный носитель социального капитала в современных государствах чаще всего рассматривается не высший, а средний класс. Вспомним сформулированную нами ранее основную идею среднего класса в социальных государствах (государствах «благосостояния») – это осуществление функции самоорганизации демократического общества по принципу «разумного большинства», и именно «специфика национального среднего класса вполне объясняет, почему те или иные страны развиваются определенным образом в определенные исторические периоды, и почему не всегда заявленные при этом цели соответствуют полученным результатам» [Черкасская, 2016].

Таким образом, в современных государствах можно одновременно видеть два источника формирования социального капитала – это элита, предлагающая идеи единения, и так называемое «молчаливое большинство», разделяющее или отвергающее эти идеи. Лучше всего описал текущую ситуацию разделения нации (на глобалистски ориентированных политиков и остальных граждан) на примере своей страны – Ирландии – широко известный Конор Макгрегор, чемпион UFC, желающий баллотироваться в президенты Ирландии, в интервью не менее известному журналисту Такеру Карлсону: «Нам нужно сократить бездомность, строить жильё, замедлить поток нелегальной миграции, контролировать расходы. *Нашей страной управляли неправильно, это очевидно для всех*»[1]. Он не одинок в своем мнении, распространяемом на весь Евросоюз, и это неудивительно, ведь «глобализм – это идеология, не способная мотивировать и мобилизовать массы» [Бек, с. 49], соответственно, разделяющая их [массы] на группы, неспособные даже договариваться о правилах общежития.

[1] Интервью Такера Карлсона с Конором Макгрегором 19.04.2025 / ТВ Россия 24. [Электронный ресурс]. URL: https://vgtrk.ru/russia24/

Если же страна построена на федеративных принципах или имеет эксклавы / заморские владения, ситуация становится еще сложнее. Линии разлома, вызванного социально-экономическими причинами (неравенство и проч.), препятствующими выживанию или развитию этноса, могут проходить непосредственно по границам субъектов (кон)федерации, как в случае с Техасом, или выливаться в специфическое национально-освободительное движение (Новая Каледония).

Идея неизбежности «вселенского» / территориального экономического неравенства народов в свое время была обоснована трудами А. Смита [Черкасская, 2023-2]. Развитие науки и технологий могут исправить эту данность, но только в рамках государства. Однако далеко не все народы стали государствообразующими, ведь государство – это *высшая стадия самоорганизации этноса / группы этносов в условиях видимых границ и угроз*. Для создания признанного государства исторически требуется не только понятная система управления и автономная система жизнеобеспечения, но и сила, способная защитить границы, население и свой путь развития от различного рода агрессоров. Поэтому, как считают политологи, именно «формирование запроса на собственный уникальный проект развития, открывающий для национальных сообществ доступ к ресурсам глобальной экономики, культуры, политики, и есть путь наиболее эффективного использования преимуществ их обновленной, но сохранившей свою уникальность идентичности» [Семененко, с. 45], предполагая, что если «будущее – за большими социокультурными сообществами (а такой надэтнической и поликультурной общностью всегда была Россия), то их консолидация не может не основываться на позитивно ориентированной идентичности. Такая идентичность предполагает поддержание широкого консенсуса вокруг выбора модели общественного развития, готовность к диалогу в публичной сфере, гражданскую лояльность и согласие вокруг необходимости “самостояния” России как уникальной социальной и культурной общности» [Семененко, с. 53].

Соответственно, формирование национального совокупного социального капитала в федеративном государстве прямо определяется не только условными социальными группами и сообществами (элита, средний класс, иностранные агенты), но и конкретными регионами-субъектами федерации, в том числе качеством региональных социально-экономических систем, основной функцией которых всегда является жизнеобеспечение населения региона, а основным условием – оптимальное встраивание в национальную социально-экономическую систему.

С. В. Глазьев в своем докладе 2015 г. «О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития» указывал на необходимость такой стратегии развития, которая «заключается в опережающем становлении базисных производств нового технологического уклада и скорейшем выводе российской экономики на связанную с ним новую «длинную волну» роста. Для этого нужны концентрация ресурсов в создание ядра нового технологического уклада и достижение синергетического эффекта формирования кластеров новых производств, что предполагает согласованность макроэкономической политики с

приоритетами долгосрочного технико-экономического развития» [Глазьев, с. 58]. Опыт управления пространственным развитием национальной экономики СССР описан в работе [Гранберг], а новая Россия как страна уже имеет опыт реализации национальных проектов, меняющих жизнь людей во многих регионах [Иванов]. Конечно, социально-экономическое развитие регионов нашей страны неоднозначно планируется и реализуется [Вопросы…; Космачева, Черкасская, 2020], однако можно попытаться структурировать вклад региона в национальное единство с социально-экономической точки зрения (таблица).

Таблица

Структура оценки вклад региона в национальное единство с социально-экономической точки зрения

Сфера проявления	Формирование совокупного национального социального капитала	
	Положительный вклад региона	Отрицательный вклад региона
Демография	Рост рождаемости; рост продолжительности жизни	Рост смертности; снижение продолжительности жизни
Трудоспособность	Рост трудоспособности и занятости	Снижение трудоспособности и занятости
Миграция	Оптимальная / минимальная внешняя миграция	Неконтролируемая внешняя миграция (в регион, из региона)
Валовый региональный продукт	Рост; высокий; обеспечивающий потребности региона	Снижение; низкий; не обеспечивающий потребности региона
Место в национальной системе разделения труда	Определено с учетом интересов развития региона и страны	Определено без учета интересов развития региона и страны; не определено; определено исключительно в интересах внешних (иностранных) акторов
Место в национальной системе социальной защиты	Донор (коллективный); баланс возможностей и потребностей	Получатель (коллективный)
Качество элиты	Высокое	Низкое
Регионоориентированность предпринимательства	Высокая; положительная	Низкая; отрицательная
Природопользование	Сбережение; приумножение	Уменьшение; разрушение
Этика (нравственность)	Создание положительных образцов поведения; следование положительным образцам поведения; патриотизм малой и большой Родины	Создание отрицательных образцов поведения; следование отрицательным образцам поведения; космополитизм; глобализм; сектантство; терроризм

Продолжение табл.

Культура общежития	Уважение; терпимость	Агрессия; конфликтность; вытеснение; уничтожение
Социально-экономическое неравенство	Снижение; низкое	Рост; высокое
Качество жизни	Рост; высокое	Снижение; низкое

Таким образом, следует признать, что процессы и результаты формирования и поддержания социального капитала на уровне региона определяются в первую очередь адекватностью / оптимальностью организации и функционирования региональной социально-экономической системы. Однако поскольку новое / новейшее время характеризуется открытостью целей и намерений в борьбе разных образов мирового порядка и норм взаимодействия, а инструменты мировых «элит» всегда соответствуют принципу «разделяй и властвуй», именно сформированный в регионе социальный капитал определяет ту степень национального единства, которая обеспечивает будущее как самого региона в стране, так и страны в целом.

Список источников

1. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6. – № 1. – С. 24–53.

2. Вопросы социально-экономического развития регионов Северо-Запада России: стратегии и реальность: моногр. / Т. М. Белова, Ю. И. Бушенева, Г. А. Ефимова [и др.]; под ред. Н. М. Космачевой. – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2023. – 280 с.

3. Глазьев С. Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития (академическая версия доклада) // Российский экономический журнал. – 2015. – № 5. – С. 3-62.

4. Гранберг А. Г. Моделирование пространственного развития национальной и мировой экономики: эволюция подходов // Регион: Экономика и Социология. – 2007. – № 1. – С. 87–107.

5. Иванов О. Б. Национальные проекты России: региональное измерение / О. Б. Иванов, Е. М. Бухвальд // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2019. – № 1. – С. 37–53. – DOI 10.24411/2071-6435-2019-10067.

6. Космачева Н. М., Черкасская Г. В. Вопросы устойчивого развития горных территорий в Российской Федерации: система жизнеобеспечения, институты и инфраструктура // Экономика нового мира. – 2020. – Т. 5. – № 4(19). – С. 44–60.

7. Космачева Н. М., Черкасская Г. В. Направленность предпринимательства как фактор устойчивости региональных экономических систем / Н. М. Космачева, Г. В. Черкасская // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 2(190). – С. 79–85. – DOI 10.24158/tipor.2024.2.10.

8. Омельченко Д. А. Институциональное доверие как фактор национального единства и сплоченности населения России / Д. А. Омельченко, С. Г. Максимова, Е. В. Воронина // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2016. – № 4-1. – С. 155–162.

9. Семененко И. С. Идентичность в системе координат мирового развития / И. С. Семененко, В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 40–59.

10. Чепурнов Д. А. Основные взгляды на национальное единство России в современный период // Закон и право. – 2024. – № 6. – С. 42–46. DOI 10.24412/2073-3313-2024-6-42-46

11. Черкасская Г. В. Качество региональной элиты как фактор устойчивости региональной экономической системы // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2023. – № 5(151). – С. 31–39. – DOI 10.26726/1812-7096-2023-5-31-39.

12. Черкасская Г. В. Проблемы региональной социально-экономической дифференциации в трудах А. Смита и его последователей // XXVII Царскосельские чтения. Год педагога и наставника: материалы международной научной конференции: в 2 т., Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2023 г. / под общ. ред. Л. М. Кобриной. Т. 2. – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2023. – С. 334–338.

13. Черкасская Г. В. Социально-экономическое развитие страны, социальный капитал и средний класс // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир: VI международная научно-практическая конференция. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 56–66.

14. Черкасская Г. В. Экономика взаимоотношений: границы и перспективы // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир: сб. статей XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. Н. М. Космачева. – СПб., 2022. – С. 111–121.

Сведения об авторе

Черкасская Галина Викторовна – доктор экономических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-3510-1103, e-mail: t000011552@lgumail.ru

Электронное научное издание

XXIX Царскосельские чтения

В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ 1

Материалы международной научной конференции

22–23 апреля 2025 г.

Редакторы: *Е. С. Дмитриева, Е. Н. Куликовская,*
В. А. Паршутина, А. А. Титова
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Техническая обработка *Н. П. Никитина*

Подписано к использованию: 29.08.2025
Заказ № 2055
Тираж 100 экз.
Объем издания: 4 Мб
1 CD-ROM

Минимальные системные требования
ПК (AMD, Intel, 1,5 Ггц); Windows 7/8/10; 2 Гб; 500 Мб; CD-ROM;
Adobe Acrobat Reader

Программное обеспечение, использованное для подготовки издания:
MS Office, Adobe Acrobat DC

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10
www.lengu.ru; pushkin@lengu.ru: тел. +7 (812) 451-91-76